

3 1761 03554 0699

50

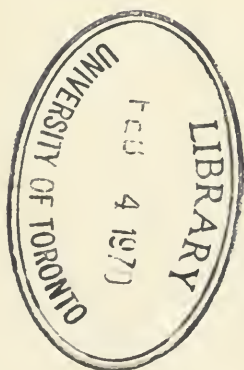
СЕМЕЙНАЯ
ХРОНИКА
И
ВОСПОМИНАНІЯ.

С. Аксакова.

МОСКВА.
Въ типографіи Л. Степановой.
1856.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Октября 15 дня, 1855 года.

Ценсоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

DK
37
.8
A3 A27
1856

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Считаю за нужное предувѣдомить благосклонныхъ моихъ читателей, что отрывки изъ «Семейной Хроники» написаны мною по рассказамъ семейства гг. Багровыхъ, близкихъ моихъ сосѣдей, и что эти отрывки не имѣютъ ничего общаго съ собственными моими «Воспоминаніями», кромѣ сходства въ названіи мѣстностей и въ некоторыхъ именахъ, данныхъ мною произвольно. Печатаю эту книгу, я очень жалю, что не могъ представить ее публикѣ въ полномъ составѣ. Половина «Семейной Хроники» не могла быть напечатана, да и «Воспоминанія» много сокращены самимъ мною.

С. Аксаковъ.

ПЕРВЫЙ ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ

СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ.

СТЕЦАНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

БАГРОВЪ.

Переселеніе.

Тѣсно стало моему дѣдушкѣ жить въ Симбирской губерніи, въ родовой отчинѣ своей, жалованной предкамъ его отъ Царей Московскихъ; тѣсно стало ему, не потому чтобъ въ самомъ дѣлѣ было тѣсно, чтобъ не доставало лѣсу, пашни, луговъ и другихъ угодьевъ, — всего находилось въ изнѣшество; а потому, что отчина, вполне еще правдѣ его принадлежавшая, сдѣлалась разнопомѣстною. Событіе совершилось очень просто: три поколѣнія сряду въ роду его было по одному сыну и по нѣсколькѣ дочерей; нѣкоторые изъ нихъ выходили за-мужъ, и въ приданое имъ отдавали часть крестьянъ и часть земли. Части ихъ были небольшія, но уже четверо чужихъ хозяевъ имѣли право на общее владѣніе неразмежеванною землею, — и дѣдушкѣ моему, нетерпѣливому, вспыльчивому, прямому и ненавидящему домашнія кляузы, сдѣлалась такая жизнь несносною. Съ нѣкотораго времени сталъ онъ часто слышать объ Уфимскомъ намѣстничествѣ, о неизмѣримомъ пространствѣ земель, угодьяхъ, привольяхъ, неопишаномъ изобиліи дичи и рыбы и всѣхъ плодовъ земныхъ, о легкомъ способѣ пріобрѣтать цѣлыя области за самыя ничтожныя деньги: поспѣлись слухи, что стоило только

позвать къ себѣ въ гости десятокъ *родичей отчинниковъ* Картобынской или Кармалинской тюбы (*), дать имъ дватри жирныхъ барана, которыхъ они по своему зарѣжутъ и приготовятъ, поставить ведро вина, да нѣсколько ведеръ крѣпкаго ставленнаго башкирскаго меду, да лагуиъ корчажнаго крестьянскаго шва, такъ и дѣло въ шляпѣ: неоспоримое доказательство, что Башкирцы были не строгіе магометане и въ старину. Говорили, правда, что такое угощеніе продолжалось иногда недѣлю и двѣ; да съ Башкирцами и нельзя вдругъ толковать о дѣлѣ, и надо всякой день спрашивать: «А что, знакѣмъ, добрый человекъ, давай говорить объ мой дѣла» (**). Если гости, ѣвшіе и пившіе буквально день и ночь, еще не вполне довольны угощеніемъ, не вполне напѣлись своихъ монотонныхъ пѣсень, наигрались на чебызгахъ (***), наплясались, стоя и присѣдая на одномъ мѣстѣ въ самыхъ каррикатурныхъ положеніяхъ, то старшій изъ родичей, поцелкавши языкомъ, покачавъ головой и не смотря въ лице спрашивающему, съ важностію скажетъ въ отвѣтъ: «Нора не пришелъ — еще баранъ тащи.» Барана, разумеется, притащать, вина, меду напьютъ, и вновь пьяные Башкирцы поютъ, пляшутъ и снуютъ, гдѣ ни понало... Но всему въ мѣрѣ есть конецъ; придетъ день, въ который родичъ скажетъ, уже прямо смотря въ глаза спрашивающему: «Ай бачка, спасибо, больно спасибо! Ну что, какой твой нужда?» Тутъ, какъ водится, съ природною русскому

(*) Тюба — волость.

(**) Русскіе обитатели Оренбургской губерніи до сихъ поръ, говоря съ Башкирцами, стараются точно такъ же ломать русскую рѣчь, какъ и сами Башкирцы.

(***) Чебызга — дудка, которую Башкирецъ беретъ въ ротъ какъ кларнетъ, и перебирая лады пальцами, играть на ней двойными тонами, такъ что вы слышите въ одно и то же время какихъ-то два разныхъ инструмента. Мнѣ сказывали музыканты, что чебызга чудное явленіе въ мѣрѣ духовыхъ инструментовъ.

человѣку ловкостію и плутовствомъ, покупецъ начнетъ увѣрять Башкирца, что нужды у него никакой нѣтъ, а слышался ему, что Башкирцы болѣе добрые люди, а потому и пріѣхалъ въ Уфимское намѣстничество и захотѣлъ съ ними дружбу завести и проч. и проч.; потомъ рѣчь дойдетъ печально до необъятнаго количества башкирскихъ земель, до неблагонадежности припущениковъ (*), которые годъ другой заплатятъ деньги, а тамъ и платитъ перестанутъ, да и останутся даромъ жить на ихъ земляхъ, какъ настоящіе хозяева; а тамъ и согнать ихъ не смѣешь и надо съ ними судиться; — за такими рѣчами (сбившимися съ поразительной точностію) послѣдуетъ обязательное предложеніе избавить добрыхъ Башкирцевъ отъ нѣкоторой части обременяющихъ ихъ земель.... и за самую ничтожную сумму покупаются цѣлыя области и заключаютъ договоръ судебнымъ порядкомъ, въ которомъ, разумѣется, нѣтъ и быть не можетъ количества земли: ибо кто же ее мѣрилъ? Обыкновенно границы обозначаются урочищами, напримѣръ вотъ такъ: «отъ устья рѣчки Конлы-елга до сухой березы на волчьей тропѣ, а отъ сухой березы прямо на общій сыртъ, а отъ общаго сырта до лѣсныхъ норъ, отъ лѣсныхъ норъ до Солтамраткиной борти» и прочее. И въ такихъ точныхъ и неизмѣнныхъ межахъ и урочищахъ заключалось иногда десять, двадцать и тридцать тысячъ десятинъ земли! И за все это

(*) Припущениками называются тѣ, которые за известную ежегодную или единовременную плату, по заключенному договору на известное число лѣтъ, живутъ на Башкирскихъ земляхъ. Почти ни одна деревня припущениковъ, по окончаніи договораго срока, не оставила земель башкирскихъ; изъ этого завелось сотни дѣлъ, которыя обыкновенно оканчиваются тѣмъ, что припущеники оставляются на мѣстахъ своего жительства съ нѣрзкой имъ пятнадцатидесятиной пропорціи на каждую ревизскую душу по пятой ревизіи... и вотъ какъ перешло огромное количество земель Оренбургской губерніи въ собственность Татаръ, Мещеряковъ, Чувашъ, Мордвы и другихъ казенныхъ поселенцевъ.

платилось какихъ нибудь сто рублей (разумьется цѣлковыми), да на сто рублей подарками, не считая частныхъ угощеній. — Полнобились дѣдушкѣ моему такіе рассказы, и хотя онъ былъ человекъ самой строгой справедливости, и ему не правилось надуванье добродушныхъ Банкирцевъ; но онъ разсудилъ, что не дѣлю дурно, а способъ его исполненія, и что поступя честно, можно купить обширную землю за сходную плату; что можно перевезть туда половину родовыхъ своихъ крестьянъ и перебраться самому съ семействомъ, то-есть достигнуть главной цѣли своего намѣренія: ибо съ нѣкотораго времени до того надѣли ему безпрестанныя ссоры съ мелкопомѣстными своими родственниками за общее владѣніе земель, что бросить свое родимое пепелище, гнѣздо своихъ дѣдовъ и прадедовъ, сдѣлалось любимое его мыслію, единственнымъ путемъ къ спокойной жизни, которую онъ, человекъ уже не молодой, предпочиталъ всему.

И такъ, накопивши нѣсколько тысячъ рублей, простившись съ своей супругою, которую звали Аришей, когда былъ веселъ, и Аришой, когда бывалъ сердитъ; поцѣловать и благословивъ четырехъ малолѣтнихъ дочерей и особенно новорожденного сына, единственную отрасль и надежду стариннаго дворянскаго своего дома, ибо дочерей считалъ онъ ни за что: «что въ нихъ проку! вѣдь онѣ глядятъ не въ домъ, а изъ дому. Сегодня Багровы, а завтра Шлыгины, Малыгины, Поповы, Калнаковы. Одна моя надежда — Алексѣй...» сказать на прощанье мой дѣдушка, и отправился за Волгу въ Уфимское намѣстничество.

Но не сказать ли вамъ напередъ, что за человекъ былъ мой дѣдушка.

Стенанъ Михайловичъ Багровъ, такъ звали его, былъ не только средняго, а даже небольшого роста; но высокая грудь, необыкновенно широкія плечи, жилистые

руки, каменное, мускулистое тѣло, обличали въ немъ силача. Въ разгульной юности, въ молодецкихъ потѣхахъ, кучу военныхъ товарищей, на него нацѣплявшихся, стряхивалъ онъ, какъ брызги воды стряхиваетъ съ себя коренастый дубъ послѣ дождя, когда его покачиваетъ вѣтеръ. Правильныя черты лица, прекрасныя большіе темно-голубые глаза, легко загаравшіеся гнѣвомъ, но тихіе и кроткіе въ часы душевнаго спокойствія, густыя брови, пріятный ротъ, все это вмѣстѣ придавало самое открытое и честное выраженіе его лицу; волосы у него были русые. Не было человека, кто бы ему не вѣрилъ; его слово, его обѣщаніе было крѣпче и святѣе всякихъ духовныхъ и гражданскихъ актовъ. Природный умъ его былъ здравъ и свѣтелъ. Разумѣется, при общемъ невѣжествѣ тогдашнихъ помещиковъ и онъ не получилъ никакого образованія, русскую грамоту зналъ плохо; но служба въ полку, еще до офицерскаго чина выучился онъ первымъ правиламъ ариѳметики и выкладкѣ на счетахъ, о чемъ любилъ говорить даже въ старости. Вѣроятно онъ служилъ не очень долго, ибо вышелъ въ отставку какимъ-то полковымъ квартирмейстеромъ. Впрочемъ тогда дворяне долго служили въ солдатскомъ и унтеръ-офицерскомъ званіяхъ, если не проходили ихъ въ колыбели и не падали всѣмъ на голову изъ сержантовъ гвардіи капитанами въ армейскіе полки. О служебномъ поприщѣ Степана Михайловича я мало знаю; слышалъ только, что онъ бывалъ часто употребляемъ для поминки волжскихъ разбойниковъ, и что всегда оказывалъ благоразумную распорядительность и безумную храбрость; что разбойники знали его въ лице и боялись какъ огня. Вышедъ въ отставку, нѣсколько лѣтъ жилъ онъ въ своемъ наследственномъ селѣ Троицкомъ, Багрово тожъ, и сдѣлался отличнымъ хозяиномъ. Онъ не торчалъ день и ночь при крестьян-

скихъ работахъ, не стоялъ часовымъ при ссыпкѣ и отпускѣ хлѣба; смотреть рѣдко да мѣтко, какъ говорятъ русскіе люди, и, ужь прощя не прогнѣваться, если замѣчать что дурное, особенно обманъ, то уже не спускалъ никому. Дѣдушка, сообразно духу своего времени, разсуждалъ по своему: наказать виноватаго мужика тѣмъ, что отнять у него собственные дни, — значить вредить его благосостоянію, то-есть своему собственному; наказъ денежнымъ взысканіемъ — тоже; разлучить съ семействомъ, отослать въ другую отчину, употребить въ тяжелую работу—тоже, и еще хуже, ибо отлучка отъ семейства — несомнѣнная порча; прибѣгнуть къ полиціи... Боже помилуй, да это казалось такимъ срамомъ и стыдомъ, что вся деревня пришла бы выть по виноватомъ какъ по мертвомъ, а наказанный счелъ бы себя опозореннымъ, погибшимъ. Да и надо сказать, что дѣдушка мой былъ строгъ только въ пылу гнѣва: прошелъ гнѣвъ, прошла и вина. Этимъ пользовался: иногда виноватыи успѣвали спрятаться, и гроза проходила мимо. Скоро крестьяне его пришли въ такое положеніе, что было не на кого и не за что разсердиться.

Приведя въ порядокъ свое хозяйство, дѣдушка мой женился на Аринѣ Васильевнѣ Пеклодовой, небогатой дѣвицѣ, также изъ стариннаго дворянскаго дома. При этомъ случаѣ кстати объяснить, что древность дворянскаго происхожденія была конькомъ моего дѣдушки, и хотя у него было 180 душъ крестьянъ, но производя свой родъ, Богъ знаетъ по какимъ документамъ, отъ какого-то варяжскаго князя, онъ ставилъ свое семисотъ-лѣтнее дворянство выше всякаго богатства и чиновъ. Онъ не женился на одной весьма богатой и прекрасной невѣстѣ, которая ему очень нравилась, единственно потому, что прадѣдушка ся былъ не дворянинъ.

И такъ вотъ каковъ былъ Степанъ Михайловичъ; теперь возвратимся къ прерванному разсказу.

Переправившись чрезъ Волгу подъ Симбирскомъ, дѣдушка перебилъ поперекъ степную сторону, называемую луговою, перебралъ Черемшанъ, Капдурчу, чрезъ Красное поселеніе, слободу селившихся тогда отставныхъ солдатъ, и пріѣхалъ въ Сергіевскъ, стоящій на горѣ, при впаденіи рѣки Сургута въ Большой Сокъ. Сергіевскъ нынѣ заштатный городъ, давшій свое имя находящимся въ 12 верстахъ отъ него сѣрнымъ источникамъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Сергіевскихъ сѣрныхъ водъ. Чѣмъ дальше углублялся дѣдушка въ Уфимское намѣстничество, тѣмъ привольнѣе, изобильнѣе становились мѣста. Наконецъ въ Бугурусланскомъ уѣздѣ, около Абдуловскаго казеннаго виннаго завода, показались лѣса. Въ уѣздномъ городѣ Бугурусланъ, расположенномъ по высокой горѣ, надъ рѣкою Большой Кинель, про которую долго пѣвалась пѣсня:

Кинель рѣка
Не быстра, глубока,
Только тиниста...

въ Бугурусланъ остановился Степанъ Михайловичъ, чтобъ поразспросить и поразузнать поближе о продающихся земляхъ. Въ этомъ уѣздѣ уже мало оставалось земель, принадлежавшихъ Башкирцамъ: всѣ заселялись, или казенными крестьянами, которымъ правительство успѣло раздать земли, описанныя въ казну за Акаевскій бунтъ, прежде всеобщаго прощенія и возвращенія земель отчинникамъ—Башкирцамъ; или были уже заселены ихъ собственными приниженниками; или куплены разными помещиками. Изъ Бугуруслана дѣдушка дѣлалъ поѣздки въ Бугульминской, Бирской и Мензелинской уѣзды (изъ которыхъ двухъ послѣднихъ составленъ нынѣ новый Белебеевской уѣздъ); побывалъ онъ на прекрасныхъ

берегахъ Ика и Демы. Мѣста очаровательныя! И въ старости Степанъ Михайловичъ съ восторгомъ вспоминалъ о первомъ впечатлѣніи, произведенномъ на него изобильными, плодоносными окрестностями этихъ рѣкъ; но онъ не поддавался обольщенію, и узнать покороче на мѣстѣ, что покупка башкирскихъ земель неминуемо поведетъ за собою безконечные споры и тяжбы: ибо хозяева сами хорошенько не знали правъ своихъ и числа настоящихъ отчинниковъ; — дѣдушка мой, ненавидящій и боявшійся, какъ язвы, слова тяжба, рѣшился купить землю, прежде купленную другимъ владѣльцемъ, *справленную и отказанную за него судебнымъ порядкомъ*, предполагая, что тутъ уже не можетъ быть никакого спора. Казалось, что сужденіе его было справедливо, но на дѣлѣ вышло совсѣмъ другое, и меньшей вникъ его, уже будучи сорока лѣтъ, покончилъ послѣдній споръ. Съ сожалѣніемъ воротился съ береговъ Ика и Демы дѣдушка мой въ Бугурусланъ, и въ двадцати пяти верстахъ отъ него купилъ землю у помещицы Грязевой по рѣчкѣ Большой Бугурусланъ, быстрой, глубокой и многоводной. На сорокъ верстъ протяженія, отъ города Бугурусланъ до казеннаго селенія Красный Яръ, оба берега его были не заселены; что за угодье, что за приволье было тогда на этихъ берегахъ! Вода такая чистая, что даже въ омутахъ, сажени въ двѣ глубиною, можно было видѣть на днѣ брошенную медную денежку! Мѣстами росла густая урема (*) изъ березы, осины, рябины, калины, черемухи и черноталу, вся перецветенная зелеными гирляндами хмеля и обвѣшенная палевыми кистями его шишекъ; мѣстами росла тучная высокая трава съ безчисленнымъ множествомъ цвѣтовъ, надъ которыми возносили верхи свои душистая кашка,

(*) Уремой называется лѣсъ и кусты, растущіе около рѣкъ.

татарское мыло (боярская сивьсь), скорлазубецъ (царскіи кудри) и кошечья трава (валеріана). Бугуруслапъ течеть по долинь; по обѣимъ сторонамъ его тянутся, то тѣснѣсь, то отступая, отлогія, а иногда и крутыя горы; по ска-тамъ и отрогамъ ихъ изобильно росъ всякой черныи лѣсь; поднименься на гору,—тамъ равнина—не початая степь, черноземъ въ аршинъ глубиною. По рѣкѣ и окружающимъ ее индѣ болотамъ, всѣ породы утокъ и куликовъ, гуси, бекасы, дупели и курахтаны вили свои гнѣзда и разно-образнымъ крикомъ и пискомъ наполняли воздухъ; на го-рахъ же, сейчасъ превращавшихся въ равнины, покры-тыя тучною травою, воздухъ оглашался другими особен-ными свистами и голосами; тамъ водилась во множествѣ вся степная птица, дрофы, журавли, стрепета, кронш-непы и кречетки; по лѣсистымъ отрогамъ жила бездна тетеревовъ; рѣка кипѣла всѣми породами рыбъ, которыя могли сносить ея студеную воду: щуки, окуни, головли, язи, даже кутема и лохъ изобильно водились въ ней; вся-каго звѣря и въ степяхъ и лѣсахъ было невѣроятное множество, словомъ сказать: это былъ—да и теперь есть—уголокъ обѣтованный.—Дѣдушка купилъ около пяти ты-сячъ десятинъ земли и заплатилъ такъ дорого, какъ никто тогда не плачивалъ, но полтинъ за десятину. Двѣ тысячи пятьсотъ рублей въ то время была великая сумма.—Со-вершивъ купчую крѣпость и принявъ землю во владѣ-ніе, то-есть, справивъ и отказавъ ее за собою, весело во-ротился онъ въ Симбирскую губернію къ ожидавшему его семейству, и живо, горячо принялся за всѣ приготовления къ немедленному переселенію крестьянъ: дѣло очень хло-потливое и трудное, но довольно большому разстоянію; ибо отъ села Троицкаго до новокупленной земли было около четырехъ сотъ верстъ. Въ ту же осень двадцать тя-голь отправились въ Бугуруслапской уездъ, взявъ съ

собою сохи, бороны и сѣмянной ржи; на лобыхъ мѣстахъ взодрали они дѣвственную почву, обработали двадцать десятинъ озимаго посѣву, то-есть, переломали не парный залогъ и посѣяли рожь подъ борону; потомъ подняли нови еще двадцать десятинъ для яроваго сѣва, поставили нѣсколько избъ и воротились на зиму домой. Въ концѣ зимы другіе двадцать человекъ отправились туда же, и съ наступившею весною посѣяли двадцать десятинъ яроваго хлѣба, загородили плетнями дворы и хлѣвы, сбили глиняныя печи и опять воротились въ Симбирскую губернію; но это не были крестьяне, назначаемые къ переводу; тѣ оставались дома и готовились къ переходу на новыя мѣста: продавали лишній скотъ, хлѣбъ, дворы, избы, всякую лишнюю рухлядь. Наконецъ, въ половинѣ іюня, чтобы поспѣть къ Петрову дню, началу сѣнокоса, нагрузивъ телеги женами, дѣтьми, стариками и старухами, прикрывъ ихъ согнутыми лубьями отъ дождя и солнца, нагромоздивъ необходимую домашнюю посуду, насажавъ дворовую птицу на верхи возовъ и привязавъ къ нимъ коровъ, потянулись въ путь бѣдные переселенцы, обливаясь горькими слезами, навсегда прощаясь съ старинною, съ церковью, въ которой крестились и венчались, и съ могилами дѣдовъ и отцовъ. Переселеніе, тяжкое вездѣ, особенно противно русскому человѣку; но переселяться тогда, въ неизвѣстную буеурманскую сторону, про которую, между хорошими, ходило много и недобрыхъ слуховъ, гдѣ, по отдаленности церквей, надо было и умирать безъ исповѣди и поворожденнымъ младенцамъ долго оставаться не крещеными, — казалось дѣломъ страшнымъ!... За ними отиралися и дѣдушка. Новоселившуюся деревню называли Знаменскимъ, давъ обѣтъ, со временемъ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, построить церковь во имя Знаменія Божіи Матери, празднуемаго 27 ноября, что и

было исполнено уже его съномъ. По крестьяне, а за ними и весь окружные сосѣди, назвали новую деревеньку Новымъ Багровымъ, по прозванію своего барина и въ память Старому Багрову, изъ котораго были переведены; даже и теперь одно последнее имя извѣстно всемъ, а первое остается только въ дѣловыхъ актахъ: богатаго села Знаменскаго съ прекрасною каменною церковію и высокимъ господскимъ домомъ не знаетъ никто. Неусыпно и неослабно смотрѣлъ дѣдушка за крестьянскими и за господскими работами: въ время убрава съ снокосомъ, въ время скаль яровое и ржаное, и въ время сvezъ въ гумно. Урожай былъ неслыханный, баснословный. Крестьяне ободрились. Къ ноябрю мѣсяцу у всехъ были построены избы, и даже посѣлъ небольшой господскій флигель. Разумется, дѣло не обошлось безъ вспоможенія сосѣдей, которые, не смотря на дальнее разстояніе, охотно прѣзжали на помочи къ новому разумному и ласковому помѣщику, — поить, поѣсть и съ звонкими пѣснями дружно поработать. Зимой дѣдушка отправился въ Сибирскую деревню и перевезъ свое семейство. На слѣдующій годъ уже не такъ трудно было перевезти еще сорокъ душъ и обзавести ихъ хозяйствомъ. Первымъ дѣломъ дѣдушки было въ этотъ же годъ построить мельницу; ибо молотъ хлѣбъ надо было ѣздить верстъ за сорокъ. И такъ выбравъ заранее мѣсто, гдѣ вода была не глубока, дно крѣпко, а берега высоки и также крѣпки, съ обѣихъ сторонъ рѣки подвели къ ней плотину изъ хвороста и земли, какъ двѣ руки, готовые схватиться, а для большей прочности оплели плотину плетнемъ изъ гибкой ивы; оставалось удержать быструю и сильную воду и заставить ее наполнить назначенное ей водоемще. Съ одной стороны, гдѣ берегъ казался пониже, заранее устроенъ былъ мельничныи амбаръ на два мукомольные постава

съ толчеей. Вся снасти были готовы и даже смазаны; на огромныя водяныя колеса черезъ деревянныя трубы кауза (*) должна была броситься рѣка, когда, прегражденная въ своемъ природномъ руслѣ, она наполнитъ широкій прудъ и станетъ выше кауза. Когда все уже было готово, и четыре длинныя дубовыя сваи крѣпко вколочены въ твердое, глинистое дно Бугуруслана, поперекъ будущаго вешняка, дѣдушка сдѣлалъ *помочь* на два дня; сосѣди были приглашены съ лошадьми, телегами, лопатами, вилами и топорами. Въ первый день огромныя кучи хвороста изъ нарубленнаго мелкаго лѣса и кустовъ, конны соломы, навозу и свѣжаго дерна, были нагромождены по обѣимъ сторонамъ Бугуруслана, до сихъ поръ волно, неприкосновенно стремившаго свои воды. На другой день, на восходѣ солнца, около ста человекъ собрались *занимать заимку*: то-есть, запрудить рѣку. На свѣхъ лѣсахъ было что-то заботливое и торжественное; все къ чему-то готовились; вся деревня почти не спала эту ночь. Дружно въ одно и тоже мгновеніе, съ громкимъ крикомъ сдвинули въ рѣку съ обѣихъ береговъ кучи хвороста, сначала связаннаго пучками; много унесло быстрое теченіе воды, но много его, задержаннаго сваями, легло поперекъ рѣчнаго дна; связанныя конны соломы съ камнями полетѣли туда же, за ними слѣдовалъ навозъ и земля; опять настилка хвороста, и опять солома и навозъ, и сверху всего толстые слои дерна. Когда все это кое-какъ затопленное, стало выше поверхности воды, человекъ двадцать крестьянъ, дюжихъ и ловкихъ, вскочили на верхъ запруды и начали утаптывать и уминать ее погами. Все это производилось съ такою быстротою, съ такимъ об-

(*) Каузомъ называется деревянный ящикъ, по которому вода бѣжитъ и падаетъ на колеса; около Москвы зовутъ его *дворецъ* (дверецъ), а въ иныхъ мѣстахъ, *скрищи*.

щимъ рвеніемъ, безпрерывнымъ воплемъ, что всякой про-
тязкѣй или прохожій испугался бы, услыхавъ его, еслибъ
не зналъ причины. Но пугаться было некому: одни дикія
степи и темныя лѣса на далекое пространство оглашались
ненстоящими криками сотни работниковъ, къ которымъ
присоединялось множество голосовъ женскихъ и еще
больше ребячьихъ: ибо все принимало участіе въ такомъ
важномъ событіи, все суетилось, бѣгало и кричало. Не
скоро сладили съ упрямою рѣкой; долго она рвала и
уносила хворостъ, солому, навозъ и дернъ; но наконецъ
люди одолѣли, вода не могла пробиться болѣе, останови-
лась, какъ бы задумалась, завертѣлась, пошла назадъ,
наполнила берега своего русла, затопила, перешла ихъ,
стала разливаться по лугамъ, и къ вечеру уже образо-
вался прудъ, или лучше сказать всплыло озеро, безъ бе-
реговъ, безъ зелени, травъ и кустовъ, на нихъ всегда
растущихъ; кое-гдѣ торчали верхи затопленныхъ погиб-
шихъ деревь. На другой день затопкала толчея, замолела
мельница — и мелеть и толчетъ до сихъ поръ...

Оренбургская Губернія.

Боже мой, какъ, я думаю, была хороша тогда, эта
дикая, дѣвственная, роскошная природа! — Нѣтъ, ты уже
не та теперь, не та, какою даже и я зналъ тебя — свѣ-
жею, цвѣтущею, неизмятою отсюду набѣжавшимъ разно-
роднымъ народонаселеніемъ! Ты не та, но все еще пре-
красна, также обширна, плодоносна и безконечно разно-
образна; Оренбургская губернія!... Дико звучать два эти
последнія слова! Богъ знаетъ, какъ и откуда занесъ тутъ
бурзь!... Но я зналъ тебя, благословенный край, еще
Уфимскимъ намѣстничествомъ!

Чудесный край, благословенный,
 Хранилище земныхъ богатствъ,
 Не вѣчно будешь ты, забвенный,
 Служить для пастырей и пастей!
 И люди набѣгутъ толпами,
 Твое приволье полюбя,
 И не узнаешь ты себя
 Подъ ихъ нечистыми руками!
 Помнеть луга, порубявъ лѣсъ,
 Взмутять въ водахъ лаазурь небесъ!

И горы соляныхъ кристалловъ
 По тузлукамъ твоимъ найдутъ,
 И руды дорогихъ металловъ
 Изъ ядръ глубокихъ извлекутъ!
 И тукъ земли не истощенный
 Всосутъ чужія сѣмена,
 Чужія снимутъ племена
 Ихъ плодъ сторицей возвращенный!
 И въ глубь лѣсовъ и въ даль степей
 Разгонять дорогихъ звѣрей!

Такъ писалъ о тебѣ, лѣтъ тридцать тому назадъ, одинъ изъ твоихъ уроженцевъ, и все это отчасти уже исполнилось или исполняется съ тобою; но все еще прекрасенъ ты, чудесный край! Свѣтлы и прозрачны, какъ глубокія, огромныя чаши, стоятъ озера твои — Кандры и Каратабынъ. Многоводны и многообильны разнообразными породами рыбъ, твои рѣки, то быстротекущія по долинамъ и ущельямъ между отраслями Уральскихъ горъ, то свѣтло и тихо незамѣтно-катающіяся по ковылистымъ степямъ твоимъ, подобно яхонтамъ, напизаннымъ на штку. Чудны эти степныя рѣки, все изъ безчисленныхъ, глубокихъ водоемовъ, соединяющихся узкими и мелкими протоками, въ которыхъ только и примѣтно теченіе воды. Въ твоихъ быстрыхъ родниковыхъ ручьяхъ, прозрачныхъ и холодныхъ какъ ледъ, даже въ жары знойнаго лѣта, бѣгущихъ подъ тѣною деревь и кустовъ — живутъ все

породы форелей, изящныхъ по вкусу и красивыхъ по наружности, скоро пропадающихъ, когда человекъ начнетъ прикасаться нечистыми руками своими къ дѣвственнымъ струямъ ихъ свѣтлыхъ прохладныхъ жилищъ. Чудесной растительностью блистають твои тучные черноземные, роскошные луга и поля, то бѣлющіе весной молочнымъ цвѣтомъ вишенника, клубничника и дикаго персика, то покрытыя лѣтомъ, какъ краснымъ сукномъ, ягодами ароматной полевой клубники и мелкою вишнею, зрѣющею позднѣе и темнѣющею къ осени. Обильною жатвою награждается лѣнивый и невѣжественный трудъ пахаря, кое-какъ и кое-гдѣ всковырившаго жалкою сохою или неуклюжимъ сабаномъ твою плодоносную почву! Свѣжи, зелены и могучи стоятъ твои разнородные черные лѣса и рои дикихъ пчелъ шумно заселяють нерукотворныя борты твои, заноса ихъ душистымъ липовымъ медомъ. И Уфимская куница, болѣе всѣхъ уважаемая, не переедась еще въ лѣсистыхъ верховьяхъ рѣкъ Уфы и Бѣлой! Мирны и тихи патріархальные первобытные обитатели и хозяева твои, кочевья банкирскія племена! Много уменьшились, но еще велики, многочисленны, конскіе табуны и рогатыя и бараныя стада ихъ. Еще по прежнему, послѣ жестокой, бурной зимы, отошалье, исхудалье, какъ зимніе мухи, Башкирцы съ первымъ весеннимъ тепломъ, съ первымъ подножнымъ кормомъ, выгоняють на привольныя мѣста, на половину передохшіе отъ голода табуны и стада свои, перетаскиваясь и сами за ними, съ женами и дѣтьми... И вы ничего не узнаете черезъ двѣ или три педья! Изъ лошадиныхъ остововъ явятся бодрые и неутомимые кони, и уже степной жеребецъ гордо и строго пасеть косякъ кобылицъ своихъ, не подпуская къ нему ни звѣря, ни человека!.. Раздобрѣли тощія, зимнія стада коровъ, пошны шитательной

влагой вымя и сосцы ихъ. Но что Башкирцу до ароматнаго коровьяго молока; уже поспѣлъ живительный кумысъ, закисъ въ кобыльихъ *турукахъ* (*), и все, что можетъ пить, отъ груднаго младенца до дряхлаго старика, пьетъ до пьяна цѣлительный, благодатный, богатырскій напитокъ, и дивно исчезаютъ все недуги голодной зимы и даже старости: полнотой одѣваются осунувшіяся лица, румянцемъ здоровья покрываются блѣдныя, впалыя щеки.—Но страшный и грустный видъ представляютъ покинутыя селенія! Наскачетъ иногда на нихъ, ничего подобнаго не видавшій, заблуждѣнный путешественникъ, и поразится видомъ опустѣлой, какъ будто вымершей деревни! Дико и печально смотрятъ на него окна разбросанныхъ юртъ съ бѣлыми трубами, лишенныя пузырчатыхъ окошницъ, какъ человѣческія лица съ выткнутыми глазами... Кое-гдѣ лаетъ на привязи сторожевой голодный песъ, котораго изрѣдка навѣщаетъ и кормитъ хозяинъ, кое-гдѣ мяучитъ одичалая кошка, сама промышляющая себѣ пищу, — и никого больше, ни одной души человѣческой.

Какъ живописны и разнообразны, каждая въ своемъ родѣ, лѣсная, степная и гористая твоя полоса, особенно послѣдняя, по скату Уральскаго хребта, всеми металами богатая, золотоносная полоса! Какое пространство отъ границъ Вятской и Пермской губерній, гдѣ по зимамъ не въ рѣдкость замерзаніе ртути, до Гурьева городка на границѣ Астраханской губерній, гдѣ растеть мелкій виноградъ на открытомъ воздухѣ, чихиремъ котораго прохлаждаются въ лѣтніе жары, грыются зимою и торгуютъ Уральскіе казаки! Что за чудесное рыболовство по Уралу! Единственное, и по вкусу добываемой *красной*

(*) Турсукъ—мешокъ изъ сырой кожи, снятый съ лошадиной ноги.

рыбы (*), и по своему исполненію. Багреньемъ называется это рыболовство, и ждетъ оно горячей и вѣрной кисти, чтобъ возбудить общее вниманіе... Но виноватъ, заговорился я, говоря о моей прекрасной родинѣ. Посмотримъ лучше, какъ продолжаетъ жить и дѣйствовать мой неутомимый дѣдушка.

Новыя мѣста.

Ну, отдохнуль Степанъ Михайловичъ, и не разъ отъ души перекрестился, когда перебрался на просторъ и приволье Бугуруслана. Не только повеселель духомъ, но и поздоровель тѣломъ. Ни просьбъ, ни жалобъ, ни ссоръ, ни шума! Ни Воейковыхъ, ни Мошенскихъ, ни Суцевыхъ (**)! Ни лѣсныхъ порубокъ, ни хлѣбныхъ поправъ, ни помятыхъ луговъ! Одинъ полный господинъ, не только надъ своей землей, но и надъ чужой. Паси стада, коси траву, руби дрова — никто и слова не скажетъ. Крестьяне то же, какъ-разъ привыкли къ новому мѣсту, и полюбились имъ оно. Да и какъ не привыкнуть, какъ не полюбить! Изъ безводнаго и лѣснаго села Троицкаго, гдѣ было такъ мало луговъ, что съ трудомъ прокармливали по коровъ, да по лошади на тягло, гдѣ съ незапамятныхъ временъ пахали одни и тѣ же загоны, и, не смотря на превосходную почву, конечно, повыпахали и поистощили землю, — переселились они на обширныя плодоносныя поля и луга, никогда не тронутыя ни косой, ни

(*). Красной рыбой называется бѣлуга, осетръ, севрюга, шипъ, белорыбца и другія

(**) Помѣщики, жившіе съ дѣдушкой въ Старомъ Багровѣ и владѣвшіе влѣсть съ нимъ неразмежеванною землей.

сохой чело́вѣка, на быструю, свѣжую и здоровую воду съ множествомъ родниковъ и ключей, на широкій, проточный и рыбный прудъ, и на мельницу у самаго носа, тогда какъ прежде таскались они за двадцать пять верстъ, чтобы смолоть возъ хлѣба, да и то случалось нѣсколько дней ждать очереди. Вы удивитесь, можетъ быть, что я называю Троицкое безводнымъ? Обвините стариковъ, зачѣмъ они выбрали такое мѣсто? Но дѣло было не такъ въ-началѣ, и стариковъ винить не за что: Троицкое некогда сидѣло на прекрасной рѣчкѣ Майнгъ, вытекавшей версты за три отъ селенія изъ-подъ Моховыхъ озеръ; да сверхъ того вдоль всего селенія тянулось, хотя не широкое, но длинное, свѣтлое и въ серединѣ глубокое озеро, дно котораго состояло изъ благаго песка; изъ этого озера даже бѣжали ручей, называвшійся *Бѣлый ключъ*. Такъ было въ старину; давно, правда, очень давно. По преданію известно, что Моховья озера были некогда глубокими, льеными, круглыми провалами съ прозрачною, холодною какъ ледъ водою и топкими берегами, что никто не смѣлъ близко подходить къ нимъ, ни въ какое время, кромѣ зимы, что будто бы берега опускались и поглощали дерзкаго нарушителя неиркосовеннаго царства водяныхъ чертей. Но чело́вѣкъ — заклятой и торжествующій измѣнитель лица природы! Старинному преданію, не подтверждаемому новыми событіями, перестали вѣрить, и Моховья озера, мало по малу, отъ мочки коноплей у береговъ и отъ пригона стадъ на водоной, позасорились, отъ краевъ обмельзи и даже обсохли отъ вырубкы кругомъ лѣса; потомъ завьли толстою землянистою пеленой, которая поросла мохомъ и скрѣпилась живообразными корнями болотныхъ травъ, покрылась кочками, кустами и даже сосновымъ лѣсомъ, уже довольно крупнымъ; одинъ провалъ затянуло совсѣмъ, а на другомъ остались два глу-

бокя огня, къ которымъ и теперь страшно подходить съ непривычки, потому что земля, со всеми болотными травами, кочками, кустами и мелкимъ лѣсомъ — опускается и поднимается подъ погами какъ зыбкая волна. Отъ уменьшенія, вѣроятно, Моховыхъ озеръ, рѣчка Майна поникла въ верху, и уже выходитъ изъ земли нѣсколько верстъ ниже селенія: а прозрачное, длинное и глубокое озеро превратилось въ грязную вонючую лужу; песчаное дно, на сажень и болѣе затянуло тинной и всякой дрянью съ крестьянскихъ дворовъ; Бѣлаго ключа давно и слѣдовъ нѣтъ, скоро не будетъ о немъ и памяти.

Переселясь на новыя мѣста, дѣдушка мой принялся съ свойственными ему неутомимостью и жаромъ, за хлѣбопашество и скотоводство. Крестьяне, одушевленные его духомъ, такъ привыкли работать настоящимъ образомъ, что скоро обстроились и обзавелись, какъ старожилы, и въ нѣсколько лѣтъ гумна «Новаго Багрова» занимали въ трое болѣе мѣста, чѣмъ самая деревня, а табунъ добрыхъ лошадей и стадо коровъ, овецъ и свиней, казались принадлежащими какому-нибудь богатому селенію.

Съ легкой руки Степана Михайловича переселеніе въ Уфимскій или Оренбургскій край начало умножаться съ каждымъ годомъ. Со всѣхъ сторонъ потянулись луговая Мордва, Черемисы, Чуваши, Татары и Мещеряки; Русскихъ переселенцевъ — казенныхъ крестьянъ разныхъ вѣдомствъ и разнокалиберныхъ помѣщиковъ, также было не мало. Явились и сосѣди у дѣдушки: шуринъ его Ивагъ Васильевичъ Неклюдовъ, купилъ землю въ двадцати верстахъ отъ Степана Михайловича, перевелъ крестьянъ, построилъ деревянную церковь, назвалъ свое село Неклюдовымъ, и самъ переехалъ въ него съ семействомъ, чему дѣдушка совсѣмъ не обрадовался: до всѣхъ родственниковъ своей супруги, до всей *Неклюдовицны*, — какъ онъ

называлъ ихъ, — Степанъ Михайловичъ былъ большой неохотникъ. Помѣщикъ Бахметевъ купилъ землю еще ближе, верстахъ въ десяти отъ Багорова, на верховьяхъ рѣчки Совруши, текущей параллельно съ Бугурусланомъ, на Юго-Западъ; онъ также перевелъ крестьянъ и назвалъ деревню Бахметевкой. Съ другой стороны, верстахъ въ двадцати по рѣкѣ Насягай или Мочагай, какъ и до сихъ поръ называютъ ее туземцы, также завелось помѣщичье селеніе, Полибино, впоследствии принадлежавшее Сер. Алек. Плещеву, а теперь принадлежащее Карамзинымъ. Насягай больше и лучше Бугуруслана: полноводнѣе, рыбнѣе, и птица на немъ водилась и водится гораздо изобильнѣе. По дорогѣ въ Полибино, прямо на Востокъ, верстахъ въ восьми отъ Багорова, заселилась на небольшомъ ручьѣ, большая Мордовская деревня Нойкино; верстахъ въ двухъ отъ нея построилась мельница на рѣкѣ Бокля, текущей почти параллельно съ Бугурусланомъ на Югъ; не далеко отъ мельницы впадаетъ Бокля въ Насягай, который діагоналомъ съ Северо-Востока торопливо катитъ свои сильныя и быстрыя воды прямо на Юго-Западъ. Верстахъ въ семнадцати отъ Новаго Багорова, принимаетъ онъ въ себя напѣ Бугуруслана, и усиленный его водами, не далеко отъ города Бугуруслана, соединяется съ большимъ Кшелемъ, теряя въ немъ знаменательное и звучное свое имя.

Наконецъ появился мордовскій выселокъ, подъ названіемъ Кивацкаго, уже только въ двухъ верстахъ отъ дѣдушки, внизъ по Бугуруслану; это была Мордва, отдѣлившаяся отъ селенія Мордовской Бугурусланъ, сидѣвшаго на рѣкѣ Малой Бугурусланчикъ, верстахъ въ девяти отъ Багорова. Степанъ Михайловичъ сначала поморщился отъ близкаго сосѣдства, напоминавшаго ему старое Троицкое; но тутъ вышла совсѣмъ другое дѣло.

Это были добрые, смиренные люди, уважавшие дѣдушку, не менѣ какъ своего волостнаго начальника. Въ нѣсколько лѣтъ, Степанъ Михайловичъ умѣлъ снискать общую любовь и глубокое уваженіе во всемъ околоткѣ. Онъ былъ истиннымъ благодѣтелемъ дальнихъ и близкихъ, старыхъ и новыхъ своихъ соседей, особенно послѣднихъ, по ихъ незнанію мѣстности, недостатку средствъ и по разнымъ надобностямъ, всегда сопровождающимъ переселенцевъ, которые не рѣдко пускаются на такое трудное дѣло, не принявъ предварительныхъ мѣръ, не заготовя хлѣбныхъ запасовъ, и даже иногда не имѣя, на что купить ихъ. Полные амбары дѣдушки были открыты всемъ — берн что угодно. «Сможешь — отдай, при первомъ урожаѣ; не сможешь — Богъ съ тобой»: съ такими словами раздавалъ дѣдушка щедрою рукою хлѣбные запасы на *сѣмены* и *ѣмены*. Къ этому надо прибавить, что онъ былъ такъ разуменъ, такъ снисходителенъ къ просьбамъ и нуждамъ, такъ неизмѣнно веренъ каждому своему слову, что скоро сдѣлался истиннымъ оракуломъ вновь заселяющагося уголка обширнаго Оренбургскаго края. Мало того, что онъ помогалъ, онъ воспитывалъ нравственно своихъ соседей! Только правдою можно было получить отъ него все. Кто разъ солгалъ, разъ обманулъ, тотъ и не ходи къ нему на господскій дворъ: не только ничего не получить, да въ иной часъ дай Богъ и ноги унести. Много семейныхъ ссоръ примирилъ онъ, много тяжѣбныхъ дѣлъ потушилъ въ самомъ началѣ. Со всехъ сторонъ ѣхали и шли къ нему за советомъ, судомъ и приговоромъ — и свято исполнялись они! Я зналъ внуковъ, правнуковъ тогдашняго поколѣнія, благодарной памяти которыхъ въ изустныхъ разсказахъ переданъ былъ благодѣтельный и строгій образъ Степана Михайловича, не забытаго еще и теперъ. Много слыхалъ я простыхъ и вмѣстѣ глубо-

кихъ воспоминаній, сопровождаемыхъ слезами и крестнымъ знаменіемъ объ упокоеніи души его. Неудивительно, что собственные крестьяне любили горячо такого барина; но также любили его и дворовые люди, при немъ служившіе, часто переносившіе страшныя бури его неукротимой вспыльчивости. Впоследствии времени некоторые изъ молодыхъ слугъ его доживали свой вѣкъ при мнѣ, уже стариками; часто рассказывали они о строгомъ, вспыльчивомъ, справедливомъ и добромъ своемъ старомъ баринѣ, и никогда безъ слезъ о немъ не вспоминали.

И этотъ добрый, благодѣтельный и даже снисходительный человекъ, омрачался иногда такими вспышками гнѣва, которыя искажали въ немъ образъ человѣческой и дѣлали его способнымъ на ту пору къ жестокимъ, отвратительнымъ поступкамъ. Я видѣлъ его такимъ въ моемъ дѣтствѣ, что случилось много лѣтъ позднѣе того времени, про которое я рассказываю,—и впечатлѣніе страха до сихъ поръ живо въ моей памяти! Какъ теперь гляжу на него: онъ прогибался на одну изъ дочерей своихъ, кажется за то, что она солгала и заперлась въ обманъ; двое людей водили его подъ руки; узнать было нельзя моего прежняго дѣдушку; онъ весь дрожалъ, лице держали судороги, свирѣпый огонь лился изъ его глазъ, помутившихся, потемнѣвшихъ отъ ярости! «Подайте мнѣ ее сюда!» вопилъ онъ задыхающимъ голосомъ. (Это я помню живо: остальное мнѣ часто рассказывали). Бабушка кинулась было ему въ ноги, прося помилованія, но въ одну минуту слетѣлъ съ нея платокъ и волосникъ, и Степанъ Михайловичъ таскалъ за волосы свою тучную, уже старую Арину Васильевну. Между тѣмъ, не только виноватая, но и всѣ другія сестры и даже братъ ихъ съ молодою женою и маленькимъ сыномъ убѣжали изъ дома и спрятались въ рошу, окружавшую домъ; даже тамъ по-

чевали; только молодая невестка воротилась съ сыномъ, боясь простудить его, и провела ночь въ людской избѣ. Долго бунѣвалъ дѣдушка на просторѣ, въ опустѣломъ домѣ. Наконецъ, уставши таскать за косы Арину Васильевну, повалился въ изнеможеніи на постель и наконецъ впалъ въ глубокій сонъ, продолжавшійся до ранняго утра слѣдующаго дня. — Свѣтелъ, ясенъ проснулся на зарѣ Степанъ Михайловичъ, весело крикнулъ свою Арину, которая сейчасъ прибѣжала изъ соседственной комнаты съ самымъ радостнымъ лицомъ, какъ будто вчерашняго ничего не бывало. «Чаю! гдѣ дѣти, Алексѣй, невестушка? Подайте Оедю», говорилъ проснувшійся безумецъ, и всѣ явились, спокойныя и веселыя, кромѣ невестки съ сыномъ. Это была женщина сама съ сильнымъ характеромъ, и никакія просьбы не могли ее заставить такъ скоро броситься съ ласкою къ вчерашнему дикому звѣрю, да и маленькій сынъ безпрестанно говорилъ: «боюсь дѣдушки, не хочу къ нему». Чувствуя себя въ самомъ дѣлѣ не хорошо, она сказалась больною и не пустила сына. Всѣ пришли въ ужасъ, ждали новой грозы. Но во вчерашнемъ дикомъ звѣрѣ сегодня уже проснулся человекъ. После чаю и шутивыхъ разговоровъ, свекоръ самъ пришелъ къ невесткѣ, которая дѣйствительно была нездорова, похудѣла, переѣнилась въ лицѣ и лежала въ постель. Старикъ присѣлъ къ ней на кровать, обнялъ ее, поцѣловалъ, назвалъ красавицей—невестынькой, обласкалъ внука и наконецъ ушелъ, сказавши, что ему «безъ невестыньки будетъ скушно.» Черезъ полчаса невестка, щегольски, по городскому разодѣтая, въ томъ самомъ платьѣ, про которое свекоръ говорилъ, что оно особенно идетъ ей къ лицу, держа сына за руку, вошла къ дѣдушкѣ. Дѣдушка встрѣтилъ ее почти со слезами: «Вотъ и больная невестка себя не пожалѣла, встала, одѣлась и пришла развеселить ста-

рика, сказалъ онъ съ нѣжностью. Закусили губы и потупили глаза свекровь и золовки, всѣ нелюбившія невѣстку, которая почтительно и весело отвѣчала на ласки свекра, бросая гордые и торжествующіе взгляды на своихъ недоброхотокъ... Но я не стану болѣе говорить о темной сторонѣ моего дѣдушки; лучше опишу вамъ одинъ изъ его добрыхъ, свѣтлыхъ дней, о которыхъ я много слышался.

Добрый день Степана Михайловича.

Въ исходѣ іюня стояли уже сильныя жары. Послѣ душевной ночи, потянулъ на разсвѣтъ восточный, свѣжій вѣтерокъ, всегда упадающій, когда обогрѣетъ солнце. На восходѣ его проснулся дѣдушка. Жарко было ему спать въ небольшой горнищѣ, хотя съ поднятымъ на всю подставку подъемомъ старинной оконной рамы съ мелкимъ переплетомъ, но за то въ пологу изъ домашней рѣдники. Предосторожность необходимая: безъ полога забили бы его злые комары и не дали уснуть. Роями носились и тыкались длинными жалами своими въ тонкую преграду крылатые музыканты, и всю ночь пѣли ему докучныя серенады. Смышно сказать, а грѣхъ утѣять, что я люблю дишкантовый пискъ и даже кусанье комаровъ: въ нихъ слышно мнѣ знойное лѣто, роскошныя безсонныя ночи, берега Бугуруслана, обросшія зелеными кустами, изъ которыхъ со всѣхъ сторонъ неслись соловьиныя пѣсни; я помню замираніе молодого сердца, и сладкую, безотчетную грусть, за которую отдалъ бы теперь весь остатокъ угасающей жизни... Проснулся дѣдушка, обтеръ жаркою рукою горячій потъ съ крутаго, высокаго лба своего.

высунуть голову изъ-подъ полога и раземьляся. Ванька Мазанъ и Пиканоръ Танайченкохъ храпѣли въ растяжку на полу, въ каррикатурно-живописныхъ положеніяхъ. «Экъ храпятъ собачьи дѣти!» сказалъ дѣдушка и опять улыбулся. Степанъ Михайловичъ былъ загадочный человекъ: послѣ такого сильнаго словеснаго приступа, слѣдовало бы ожидать толчка каиншовоймъ подождкомъ (всегда у постели его стоявшимъ) въ бокъ спящаго, или пинка ногой, даже привѣтствія стуломъ; но дѣдушка раземьляся, просыпаясь, и на весь день попалъ въ добрый стихъ, какъ говорится. Онъ всталъ безъ шума, разъ-другой перекрестился, надѣлъ порыжьлыя, кожаныя туфли на босыя ноги, и въ одной рубахѣ изъ крестьянской оброчной лленой холстины (ткацкаго тонкаго полотна на рубашки бабушка ему не давала) вышелъ на крыльцо, гдѣ пріятно обхватила его утренняя, влажная свѣжесть. Я сейчасъ сказалъ, что ткацкаго холста на рубашки Ариша Васильевна не давала Степану Михайловичу, и всякій читатель вправъ замѣтить, что это не сообразно съ характерами обоихъ супруговъ. Но какъ же быть, прошу не прогнѣваться, такъ было на дѣлѣ: женская натура торжествовала надъ мужскою, какъ и всегда! Не разъ битая за толстое бѣлье, бабушка продолжала подавать его и наконецъ пріучила къ нему старика. Дѣдушка употребилъ однажды самое дѣйствительное, послѣднее средство: онъ изрубилъ топоромъ на порогъ своей комнаты все бѣлье, сшитое изъ оброчной лленой холстины, не смотря на вопли моей бабушки, которая умоляла, чтобъ Степанъ Михайловичъ «билъ ее, да своего добра не рубилъ...» но и это средство не помогло: опять явилось толстое бѣлье—и старикъ покорился... Виноватъ, опровергая мнѣмое замѣчаніе читателя, я прервалъ рассказъ про «добрый день моего дѣдушки.» Пикого не безпокоя, онъ самъ

достала войлочный потникъ, лежавшій всегда въ чуланѣ, подослала его подъ себя, на верхней ступени крыльца, и съѣлъ встречать солнышко по всегданнему своему обычаю. — Передъ восходомъ солнца бываетъ весело на сердцѣ у человека какъ-то безсознательно; а дѣдушкѣ сверхъ того весело было глядѣть на свой господскій дворъ, всеми нужными по хозяйству строеніями тогда уже достаточно снабженный. Правда, дворъ былъ не обгороженъ, и вынужденная съ крестьянскихъ дворовъ скотина, собираваясь въ общее мірское стадо, для выгона въ поле, посылала его мимоходомъ, какъ это было и въ настоящее утро и какъ всегда повторялось по вечерамъ. Пѣскольکو запачканныхъ свиней потирались и почесывались о самое то крыльцо, на которомъ сидѣлъ дѣдушка, и хрюкая, лакомились раковыми скорлупами и всякими столовыми объѣдками, которые безъ церемоніи выкидывались у того же крыльца; заходили также и коровы и овцы; *разумѣется, отъ ихъ посещеній оставались неопрятные слѣды; но дѣдушка не находилъ въ этомъ ничего непріятнаго, а напротивъ любовался, глядя на здоровый скотъ, какъ на вершій признакъ довольства и благосостоянія своихъ крестьянъ. Скоро громкое хлопанье длиннаго пастушьяго кнута угнало посетителей. Начала просыпаться дворня. Дожій конохъ Спиридонъ, котораго до глубокой старости звали «Спирькой», выводилъ одного за другимъ, двухъ рыже-пѣтихъ и третьяго бураго жеребца, привязывалъ ихъ къ столбу, чистилъ и проминалъ на длинной коновязи, при чемъ дѣдушка любовался ихъ статями, заранее любовался и тою породою, которую надеялся повести отъ нихъ, въ чемъ и успѣлъ совершенно. Проснулась и старая ключница, спавшая на погребницѣ, вышла изъ погреба, сходила на Бугурусланъ умыться, повздыхала, поохала (это была ея неизмѣнная привычка),

помолилась Богу, оборотясь къ солнечному восходу, и принялась мыть, полоскать, чистить горшки и посуду. Весело кружились въ небѣ, щебетали и ныли ласточки и косаточки, звонко били перенела въ поляхъ, надеясь хрипло кричали въ кустахъ дергуны; подсвистыванье погоньшней, токованье и блянье дикаго барашка неслись съ близкаго болота. вараушки въ запуски передразнивали соловьевъ, — выкатывалось изъ-за горы яркое солнце!.. Задымлились крестьянскія избы, погнулись по вѣтру сизые столбы дыма, точно вереница рѣчныхъ судовъ выкинула свои флаги; потянулись мужички въ поле... захотѣлось дѣдушкѣ умыться студеной водою, и потомъ напиться чаю. Разбудилъ онъ безобразно спавшихъ слугъ своихъ. Повскакали они, какъ полоумные, въ испугъ, но веселый голосъ Степана Михайловича скоро ободрилъ ихъ: «Мазань, умываться! Танайченко, будить Аксютку и барыню, — чаю!» Не пужно было повторять приказаній: неуклюжий Мазань уже летѣлъ со всѣхъ ногъ съ мѣднымъ, светлымъ рукомошкой на родникъ за водою; а проворный Танайченко разбудилъ некрасивую Аксютку, которая, поправляя свалившійся на бокъ платокъ, уже будила старую, дородную барыню Арину Васильевну. Въ нѣсколько минутъ весь домъ былъ на ногахъ, и всѣ уже знали, что старый баринъ проспнулся веселъ. Черезъ четверть часа, стоялъ у крыльца столъ, накрытый бѣлою браною скатерткой домашняго издѣлья, кипѣлъ самоваръ въ видѣ огромнаго мѣднаго чайника. суетилась около него Аксютка, и здоровалась старая барыня, Арина Васильевна, съ Степаномъ Михайловичемъ, не охая и не стоная, что было нужно въ иное утро, а весело и громко спрашивала его о здоровьи: «какъ почивалъ, и что во снѣ видѣлъ?» Ласково поздоровался дѣдушка съ своей супругой и называлъ ее Ариной; онъ никогда не цѣловалъ ея руки, а свою

давать целовать въ знакъ милости. Ариша Васильевна разцвѣла и помолодѣла: куда дѣвалась ея тучность и неуклюжесть! Сейчасъ принесла скамеечку и усѣлась возлѣ дѣдушки на крыльцѣ, чего никогда не смѣла дѣлать, если онъ не ласково встрѣчалъ ее. — «Нашемся-ка вмѣстѣ чайку, Ариша!» заговорилъ Степанъ Михайловичъ. «покуда не жарко. Хотя спать было душно, а спать я крѣпко, такъ что и сны все заспалъ. Ну, а ты?» Такой вопросъ былъ необыкновенная ласка, и бабушка поспѣшно отвѣчала, что, которую ночь Степанъ Михайловичъ хорошо почиваетъ, ту и она хорошо спитъ; но что Танюша всю ночь металась. Танюша была меньшая дочь, и старикъ любилъ ее больше другихъ дочерей, какъ это часто случается; онъ обезпокоился такими словами и не приказалъ будить Танюшу до тѣхъ поръ, покуда сама не проснется. Татьяну Степановну разбудили вмѣстѣ съ Александрой и Елизаветой Степановными, и она уже одѣлась; но объ этомъ сказать не осмѣлились. Танюша проворно раздѣлась, легла въ постель, велѣла затворить ставни въ своей горницѣ, и хотя заснуть не могла, но пролежала въ потемкахъ часа два: дѣдушка остался доволенъ, что Танюша хорошо выспалась. Единственнаго сына, которому было девять лѣтъ, никогда не будили рано. Старшій дочери явились немедленно; Степанъ Михайловичъ ласково далъ имъ поцѣловать руку и назвалъ одну Лизынькой, а другую Лексаней. Обѣ были очень не глувы; Александра же соединяла съ хитрымъ умомъ отцовскую живость и вспыльчивость, но добрыхъ свойствъ его не имѣла. Бабушка была женщина самая простая и находилась въ пошломъ распоряженіи у своихъ дочерей; если иногда она осмѣливалась хитрить съ Степаномъ Михайловичемъ, то единственно по ихъ наущенію, что, по неумьмью, рѣдко проходило ей даромъ и что старикъ знаетъ наизусть;

онъ знать и то, что дочери готовы обмануть его при всякомъ удобномъ случаѣ, и только отъ скуки, или для сохраненія собственнаго покоя, разумеется будучи въ хорошемъ расположеніи духа, позволялъ имъ думать, что онъ надувають его; при первой же вспышкѣ, все это высказывалъ имъ, безъ пощады, въ самыхъ нецеремонныхъ выраженіяхъ, а иногда и бивалъ; по дочерцѣ, какъ настоящія Еввины шутки, не унывали: проходить часъ гитва, прояснялось лице отца, и онъ сейчасъ принимался за свои хитрые планы, и не рѣдко успѣвали.

Накушавшись чаю и поговоря о всякой всячинѣ съ своей семьей, дѣдушка собрался въ поле. Онъ уже давно сказалъ Мазану: «лошадь!» и старый бурый меренъ, запряженный въ длинныя крестьянскія дроги или роспуски, чрезвычайно покойныя, переплетенныя частою веревочной рѣшеткою, съ длиннымъ лубкомъ по серединѣ, накрытымъ войлокомъ — уже стоялъ у крыльца. Кошохъ Спиридонъ сидѣлъ кучеромъ въ незатѣливомъ костюмѣ, то есть, просто въ одной рубахѣ, босикомъ, подпоясанный шерстянымъ, тесемочнымъ краснымъ поясомъ, на которомъ висѣлъ ключъ и мѣдный гребень. Въ предыдущій разъ Спиридонъ ѣздилъ въ такую же экзепедицію даже безъ шляпы; но дѣдушка побранилъ его за то, и на этотъ разъ онъ приготовилъ себѣ что-то въ родѣ шапки, сплетенной изъ широкихъ лыкъ: дѣдушка посмѣялся надъ его *шляпкой*, и надѣвъ *полевою* кафтанъ изъ небѣленаго домашняго холста, да картузь, и подославъ подъ себя про запасъ отъ дождя армякъ, сѣлъ на дроги. Спиридонъ также подложилъ подъ себя, сложенный въ-трос свой обыкновенный зипунъ, изъ крестьянскаго бѣлаго сукна, но окрашенный въ ярко-красный цвѣтъ марены, которой много родилось въ поляхъ. Этотъ красный цвѣтъ

быть въ такомъ употребленіи у стариковъ, что багровскіихъ дворовыхъ сосѣди звали «маренниками?» и самъ слыхалъ это прозвище, лѣтъ пятнадцать послѣ смерти дѣдушки. Въ полѣ Степанъ Михайловичъ былъ весьма доволенъ. Онъ осмотрѣлъ оцвѣтавшую рожь, которая, въ челоуька вышнюю, стояла какъ стѣна; дулъ легкій вѣтерокъ, и синія волны ходили по ней, то свѣтлѣе, то темнѣе отражаясь на солнцѣ. Любо было глядѣть хозяину на такое поле! Дѣдушка обѣхалъ молодые овсы, полбы и все яровые хлѣба; потомъ отправился въ паровое поле, и приказалъ возить себя взадъ и впередъ, по вснареннымъ десятшамъ. Это былъ его обыкновенный способъ узнавать доброту пашни: всякая цѣлизна, всякое петропугое сохою мѣстечко, сейчасъ встряхивало качкія дроги, и если дѣдушка бывалъ не въ духъ, то на такомъ мѣстѣ втыкалъ палочку или прутникъ, посылая за старостой, если его не было съ нимъ, и расправа производилась немедленно. Въ этотъ разъ все шло благополучно; можетъ быть и понадалась цѣлизны, только Степанъ Михайловичъ ихъ не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣтить. Онъ заглянулъ также на мѣста степныхъ сѣнокосовъ и полюбовался густой высокой травой, которую чрезъ нѣсколько дней надо было косить. Онъ побывалъ и на крестьянскихъ поляхъ, чтобы знать самсму, у кого уродился хлѣбъ хорошо и у кого плохо, даже паръ крестьянскій обѣхалъ и попробовалъ, все замѣтилъ и ничего не забылъ. Проезжая чрезъ залежи и увидѣвъ поспѣвавшую клубнику, дѣдушка остановился и, съ помощью Мазана, набралъ большую кисть крушнхъ, чудныхъ ягодъ и повезъ домой своей Аршѣ. Не смотря на жаръ, онъ проѣздилъ почти до полдень. Только завидѣли спускающіеся съ горы дѣдушкины дроги — кушанье уже стояло на столѣ, и вся семья ожидала хозяина на крыльцѣ.

«Ну, Аршина, весело сказать дѣдушка, какіе хлѣба дать намъ Богъ! Велика милость Господня! А вотъ тебѣ и клубничка.» Бабушка растаяла отъ радости; «на половину посылала» продолжалъ онъ: «съ завтрашняго дня посылать по ягоды.» Говоря эти слова, онъ входилъ въ переднюю; запахъ горячихъ щей несся ему на встрѣчу изъ залы. «А, готово!» еще веселѣе сказалъ Степанъ Михайловичъ: «спасибо»; и не заходя въ свою комнату, прямо прошелъ въ залу и сѣлъ за столъ. Надобно сказать, что у дѣдушки былъ обычай: когда онъ возвращался съ поля, рано или поздно, — чтобъ кушанье стояло на столѣ, и Боже сохрани, если прозываютъ его возвращеніе и не успѣютъ подать обѣда. Бывали примѣры, что отъ этого происходили печальныя послѣдствія. Но въ этотъ блаженный день все шло, какъ по маслу, все удавалось. Здоровенный дворовый паренъ, Николка Рузанъ сталъ за дѣдушкой съ цѣлымъ сучкомъ березы, чтобы обмахивать его отъ мухъ. Горячія щи, отъ которыхъ русскій человекъ не откажется въ самые палищіе жары, дѣдушка хлѣбалъ деревянной ложкой, потому-что серебряная обжигала ему губы; за нимъ следовала батвинья со льдомъ, съ прозрачнымъ балыкомъ, желтой какъ воскъ соленой осетриной и съ чищенными раками, и тому подобныя легкія блюда. Все это зашивалось домашней брагой и квасомъ, также со льдомъ. Обѣдъ былъ превеселый. Въ разговоры громко, шутили, смѣялись; но бывали обѣды, которые проходили въ страшной тишинѣ и безмолвномъ ожиданіи какой-нибудь всыпки. Въ дворовые мальчишки и дѣвченки знали, что старшій баринъ весело кушаетъ, и все набились въ залу за подачками: дѣдушка щедро одѣлалъ всѣхъ, потому-что кушанья готовилось внятеро болѣе, чѣмъ было нужно. Послѣ обѣда, онъ сейчасъ легъ спать. Вымахали мухъ изъ по-

лога, опустили его надъ дѣдушкой, подтыкали кругомъ края подъ перину; скоро сильный храпъ возвестилъ, что хозяинъ спитъ богатырскимъ сномъ. Всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ также отдыхать. Мазанъ и Танайченко, предварительно пообѣдавъ и наглотававшись объѣдковъ отъ барскаго стола, также растянулись на полу въ передней, у самой двери въ дѣдушкину горницу. Они спали и до обѣда, но и теперь не замедлили заснуть; только духота и уиѣка отъ солнца, ярко свѣтившаго въ окна, скоро ихъ разбудила. Отъ сна и отъ жара пересохло у нихъ въ горль, захотѣлось имъ прохладить горячія гортани господскою бражкой съ ледкомъ, и вотъ на какую штуку пустились дерзкіе лежебоки: въ непритворенную дверь достали они дѣдушкинъ халатъ и кознакъ, лежавшіе на стуль у самой двери. Танайченко надѣлъ на себя барское платье и сѣлъ на крыльцо, а Мазанъ побѣжалъ со жбаномъ на погребъ, разбудить ключницу, которая, какъ и всѣ въ домѣ, спала мертвымъ сномъ, требовать поскорѣе проснувшемуся барину студеной браги, и когда ключница изъявила сомнѣніе, проснулся ли баринъ.—Мазанъ указалъ ей на фигуру Танайченка, сидящаго на крыльцѣ въ халатъ и кознакъ; нацѣдили браги, положили льду, проворно побѣжалъ Мазанъ съ добычей. Жбанъ вынули по-братски, положили халатъ и кознакъ на старое мѣсто, и цѣлый часъ еще дожидались, пока проснется дѣдушка. Еще веселѣе утрошняго проснулся баринъ, и первое его слово было: «студеной бражки.» Перепугались лакеи: Танайченко побѣжалъ къ ключницѣ, которая сейчасъ догадалась, что первый жбанъ вынули они сами; она отпустила пойма, но вѣдь за посланнымъ сама подошла къ крыльцу, на которомъ сидѣлъ уже въ халатъ настоящій баринъ. Съ первыхъ словъ обманъ открылся, и дрожащіе отъ страха Мазанъ

и Тапайченко въвалились барину въ поги, и чтожъ, вы думаете, сдѣлалъ дѣдушка?... Расхохотался, послать за Аришей и за дочерьми, и громко смѣясь, разсказать имъ всю продѣлку своихъ слугъ. Отдохнули бѣдняги отъ страха, и даже одинъ изъ нихъ улыбнулся. Степанъ Михайловичъ замѣтилъ, и чуть-чуть не разсердился; брови его уже начали было морщиться, но въ его душѣ такъ много было тихаго спокойствія отъ цѣлаго веселаго дня, что лобъ его разгладился, и грозно взглянувъ, онъ ска-заль: «ну, Богъ проститъ на этотъ разъ, но если въ другой...» договаривать было не нужно.

Нельзя не подивиться, что у такого до безумія горячаго и въ горячности жестокаго господина, люди могли рѣшиться на такую наглую шалость. Но много разъ и замѣчалъ въ продолженіе моей жизни, что у самыхъ строгихъ господъ прислуга пускалась на отчаянныя проказы. Съ дѣдушкой же моимъ это было не единственный случай. Тотъ же самый Ванька Мазанъ, подметая однажды горницу Степана Михайловича и собираясь переслать постель, соблазнился мягкой пуховой периной и такими же подушками, вздумалъ понѣжиться, полежать на барской кровати, легъ да и заснулъ. Дѣдушка самъ нашелъ его, крѣпко спящаго въ этомъ положеніи, и — только разсмѣялся! Правда, онъ отвѣсилъ ему добрый разъ своимъ калашновымъ подождкомъ; но это такъ, ради смѣха, чтобъ позабавиться сюрпризомъ Мазана. Впрочемъ, съ Степаномъ Михайловичемъ и не то случилось: во время его отсутствія, выдали за-мужъ четырнадцати-лѣтнюю дѣвочку, двоюродную его сестру П. П. Багрову, круглую, но очень богатую сироту, живущую у него въ домѣ и горячо имъ любимую—за такого развратнаго и страшнаго человека, котораго онъ терять не могъ. Конечно,

это дѣло устроили близкіе родные его сестры съ материнской стороны, но съ согласія Аришты Васильевны и при содѣйствіи ея дочерей. Объ этомъ я расскажу послѣ, теперь же возвратимся къ доброму дню моего дѣдушки.

Онъ проснулся часу въ пятомъ по полудни, и, послѣ студеной бражки, не смотря на палящій зной, скоро захотѣлъ пакушаться чаю, вѣруя, что горячее питье уменьшаетъ тягость жара. Онъ сходилъ только покушаться въ прохладномъ Бугурусланѣ, протекавшемъ подъ окнами дома, и воротясь, нашелъ всю свою семью, ожидающую его у того же чайнаго стола, поставленнаго въ тѣни, съ тѣмъ же кипящимъ чайникомъ, самоваромъ и съ тою же Аксюткою. Накушавшись до сыта любимаго потогоннаго нанитка, съ густыми сливками и толстыми подрумянившимися пѣнками, дѣдушка предложилъ вѣзмъ ѣхать для прогулки на мельницу. Разумѣется вѣсъ съ радостію согласились, и двѣ тетки мои, Александра и Татьяна Степановны, взяли съ собою удочки, потому что были охотницы до рыбной ловли. Въ одну минуту запрягли двое длинныхъ дрогъ: на однихъ сѣлъ дѣдушка съ бабушкой, посадивъ промежъ себя единственнаго своего наследника, драгоценную отрасль древняго своего дворянскаго рода; на другихъ дрогахъ помѣстились три тетки и парень Николашка Рузанъ, взятый для того, чтобъ нарѣзать въ плотниѣ червяковъ и насаживать ими удочки у барышень. На мельницѣ бабушкѣ присели скамейку, и она усялась въ тѣни мельничнаго амбара, не подалеку отъ кауза, около котораго удилъ ея меньшія дочери, а старшая, Елизавета Степановна, сколько изъ угожденія къ отцу, столько и по собственному расположенію къ хозяйству, пошла съ Степаномъ Михайловичемъ осматривать мельницу

и толчею. Малолетний сынокъ, то смотрѣть, какъ удятъ рыбу сестры, (самому ему удить на глубокихъ мѣстахъ еще не позволяли), то играть около матери, которая не спускала съ него глазъ, боясь, чтобъ ребенокъ не свалился какъ-нибудь въ воду. Оба камня молюли: однимъ обдирали пшеницу для господскаго стола, а на другомъ молюли завозную рожь; толчея толкла просо. Дѣдушка былъ знатокъ всякаго хозяйственнаго дѣла; онъ хорошо разумѣть мельничныи уставъ и толковать своей умной и понятливой дочери всѣ тонкости этого дѣла. Онъ мигомъ увидѣть всѣ недостатки въ снастяхъ или ошибки въ уставѣ жернововъ: одинъ изъ нихъ приказалъ опустить на пол-зарубки, и мука пошла мельче, чѣмъ помолецъ былъ очень доволенъ; на другомъ поставъ по слуху угадалъ, что одна цѣвка въ шестернѣ начала подтираться; онъ приказалъ запретъ воду, мельникъ Болтуенокъ соскочилъ внизъ, осмотрѣлъ и оцупалъ шестерню, и сказалъ: «Правда твоя, батюшка Степанъ Михайловичъ! одна цѣвка маленько пообтерлась.» — «То-то маленько», безъ всякаго неудовольствія возразилъ дѣдушка; «кабы и не пришелъ, такъ шестерня-то бы ночью сломалась.» — «Виновать, Степанъ Михайловичъ, не доглядѣть.» — «Ну, Богъ проститъ, давай новую шестерню, а у старой подтертую цѣвку переменить, да чтобы новая была не толще не тоньше другихъ — въ этомъ вся штука.» Сейчасъ принесли новую шестерню, заранѣе прилаженную и пробованную, вставили на мѣсто прежней, смазали, гдѣ надобно, дегтемъ, пустили воду не вдругъ, а по немногу, (то же по приказанію дѣдушки), — и зашѣлъ, замолотъ жерновъ безъ перебоя, безъ стука, а плавно и ровно. Потомъ пошелъ дѣдушка съ своей дочерью на толчею, захватить изъ ступы горсть толченаго проса, обдуть его на ладони и сказать помольщику, знакомому Мордвину: «чего смот-

ришь, соседъ Васюха? Видишь, ни одного не отогченаго зернышка нѣтъ. Вѣдь перепустишь, такъ пшена-то будетъ меньше.» Васюха самъ попробовалъ и самъ увидѣлъ, что дѣдушка говоритъ правду; сказалъ спасибо, поклонился, то-есть, кивнулъ головой, и побѣжалъ зачереть воду. Оттуда прошелъ дѣдушка съ своей ученицей на птичный дворъ; тамъ все нашель въ отличномъ порядкѣ: гусей, утокъ, индѣекъ и куръ было великое множество, и за всемъ смотрѣла одна пожилая баба съ внучкой. Въ знакъ особенной милости дѣдушка далъ обѣимъ поцѣловать ручку, и приказалъ, сверхъ мѣсячины, выдавать птичницѣ ежемѣсячно по полунуду пшеничной муки на пироги. Весело воротился Степанъ Михайловичъ къ Аришѣ Васильевнѣ, всемъ былъ онъ доволенъ: и дочь понятна, и мельница хорошо мелеть, и птичница Татьяна Горожана (*) хорошо смотреть за птицею.

Жаръ давно свалилъ, прохлада отъ воды умножала прохладу отъ наступающаго вечера, длинная туча пыли шла по дорогѣ и приближалась къ деревнѣ, слышалось въ ней блеянье и мычанье стада, опускалось за крутую гору потухающее солнце. Стоя на плотинѣ, любовался Степанъ Михайловичъ на широкій прудъ, какъ зеркало неподвижно лежавшій въ отлогихъ берегахъ своихъ; рыба играла и плескалась безпрестанно; но дѣдушка не былъ рыбакомъ. — «Пора, Ариша, домой, староста, чай, ждетъ меня,» сказалъ онъ. Меньшія дочери, видя его въ веселомъ расположеніи, стали просить позволенія остаться поудить, говоря, что на солнечномъ закатѣ рыба клюетъ лучше, и что черезъ полчаса онъ придуть пѣшкомъ.

(*) Прозваніе «Горожаны» она имѣла потому, что нѣсколько времени съ молоду жила въ какомъ-то городѣ.

Дѣдушка согласился и уехалъ съ бабушкой домой, на своихъ дрогахъ, а Елизавета Степановна съ маленькимъ братомъ съѣла на другія дроги. Степанъ Михайловичъ не ошибся: у крыльца ожидалъ его староста, да и не одинъ, а съ нѣсколькими мужиками и бабами. Староста уже видѣлъ барина, зналъ, что онъ въ веселомъ духѣ, и разсказалъ о томъ кое-кому изъ крестьянъ; нѣкоторые, имѣвшіе до дѣдушки надобности или просьбы, выходящія изъ числа обыкновенныхъ, воспользовались благопріятнымъ случаемъ, и всѣ были удовлетворены: дѣдушка далъ хлѣба крестьянину, который не заплатилъ еще стараго долга, хотя и могъ это сдѣлать; другому позволилъ женить сына, не дожидаясь зимняго времени, и не на той дѣвкѣ, которую назначилъ самъ; позволилъ виноватой солдаткѣ, которую приказалъ было выпнать изъ деревни, жить по прежнему у отца, и проч. Этого мало: всѣмъ было поднесено по серебряной чаркѣ, вмѣщавшей въ себѣ болѣе кваснаго стакана, домашняго крѣпкаго вина. Коротко и ясно отдать дѣдушка хозяйственныя приказанія старостѣ и поспѣшилъ за ужинъ, нѣсколько времени его уже ожидавшій. Вечерній столъ мало отличался отъ обѣденнаго, и вѣроятно, кушали за нимъ даже поплотнѣе, потому-что было не такъ жарко. Послѣ ужина Степанъ Михайловичъ имѣлъ обыкновеніе еще съ полчаса посидѣть въ одной рубашкѣ и прохладиться на крыльцѣ, отнустя семью свою на покой. Въ этотъ разъ, нѣсколько долѣе обыкновеннаго онъ шутилъ и смѣялся съ своей прислугой; заставлялъ Мазана и Танайченка бороться и драться на кулачки, и такъ ихъ поддразнивалъ, что они, не шутя, колотили другъ друга и вцепились даже въ волосы; но дѣдушка, до сыта насмѣявшись, повелительнымъ словомъ и голосомъ заставилъ ихъ опомниться и разойтись.

Летняя, короткая, чудная ночь обнимала всю природу. Еще не угасъ свѣтъ вечерней зари и не угаснетъ до начала сосѣдней утренней зари! Часъ отъ часу темнѣла глубь небеснаго свода, часъ отъ часу ярче сверкали звѣзды, громче раздавались голоса и крики ночныхъ птицъ, какъ будто они приближались къ человеку! Ближе шумѣла мельница и толкла толчея въ ночномъ сырѣмъ туманѣ... Всталъ мой дѣдушка съ своего крылечка, перекрестился разъ-другой на звѣздное небо и легъ поживать, не смотря на духоту въ комнату, на жаркій пуховикъ, и приказалъ опустить на себя пологъ.

ВТОРОЙ ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ

СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ.

МИХАЙЛА МАКСИМОВИЧЪ

КУРОЛЕСОВЪ.

Я обѣщала разсказать особо объ Михайлѣ Максимовичѣ Куролесовѣ и его женитьбѣ на двоюродной сестрѣ моего дѣдушки, Прасковьи Ивановнѣ Багровой. Начало этого событія происходило въ 1760-хъ годахъ, прежде того времени, о которомъ я разсказывала въ первомъ отрывкѣ изъ Семейной Хроникѣ, а конецъ гораздо позже. Исполняю мое обѣщаніе.

Степанъ Михайловичъ былъ единственный сынъ Михаила Петровича Багорова, а Прасковья Ивановна — единственная дочь Ивана Петровича Багорова. Дѣдушка мой очень любилъ ее, какъ единственную женскую отрасль рода Багровыхъ и какъ единственную свою двоюродную сестру. Прасковья Ивановна лишилась матери еще въ колыбели, а десяти лѣтъ потеряла отца. Мать ея была изъ рода Бактеевыхъ, и очень богата: она оставила дочери 900 душъ крестьянъ, много денегъ и еще болѣе драгоценныхъ вещей и серебра; послѣ отца также получила она 300 душъ; и такъ она была богатая сирота и будущая богатая невѣста. Послѣ смерти отца, она сначала жила у бабушки Бактеевой, потомъ пріѣзжала и гостила по-долгу въ Троицкомѣ, и наконецъ Степанъ Михайловичъ перевезъ ее на житье къ себѣ. Любя не менѣе дочерей сво-

сестричку-сиротку, какъ называлъ ее Степанъ Михайловичъ, онъ былъ очень привязанъ съ ней по своему; но Прасковья Ивановна, по молодости лѣтъ, или лучше сказать по дѣтскости своей, не могла цѣнить любви и привязанности своего дворянскаго брата, которыя не выражались никакимъ баловствомъ, къ чему она уже попривыкла, проживши довольно долго у своей бабушки; и такъ не мудрено, что она скучала въ Троицкомъ и что ей хотѣлось воротиться къ прежней своей жизни у старушки Бактесвой. Прасковья Ивановна была не красавица, но имѣла правильныя черты лица, прекрасныя, умныя, сѣрыя глаза, довольно широкія, длинныя, темныя брови, показывающія твердый и мужественный нравъ, стройный высокій ростъ, и въ четырнадцать лѣтъ казалась осьмнадцати-лѣтнею дѣвицей; но не смотря на тѣлесную свою зрѣлость, она была еще совершенный ребенокъ и сердцемъ и умомъ: всегда живая, веселая, она рѣзвилась, прыгала, скакала и пѣла съ утра до вечера. Голосъ имѣла чудесный, страстно любила пѣсни, качели, хороводы и всякія игрыца, и когда ничего этого не было, то цѣлый день играла въ куклы, непременно сопровождая свои игры всякаго рода русскими пѣснями, которыхъ и тогда знала безчисленное множество.

За годъ до переезда ея къ Степану Михайловичу, пріѣхалъ въ Симбирскую губернію, въ отпускъ, молодой человекъ, лѣтъ 28-ми, родовой тамошній дворянинъ, Михаилъ Максимовичъ Куролесовъ, служившій въ военной службѣ; онъ былъ, какъ говорится, молодецъ собой. Многіе называли его даже красавцемъ; но иные говорили, что онъ, не смотря на свою красоту, былъ какъ-то не пріятель, и я въ ребячество слышалъ объ этомъ споры между бабушкой и моими тетками. Съ пятнадцатилѣтняго возраста онъ находился въ службѣ въ какомъ-то извѣст-

помъ тогда славномъ полку и дослужился уже до чина майора. Въ отпускъ прїѣзжалъ рѣдко, да и прїѣзжать было не къ чему, потому что у него родового имѣнія всего было дунгъ съ полтораста, и то малоземельныхъ, находившихся въ разноимѣнномъ селеніи Грачовкѣ. Разумѣется, онъ не имѣлъ настоящаго образованія, но былъ боекъ на словахъ и писалъ также бойко и складно. И имѣлъ въ своихъ рукахъ много его писемъ, изъ которыхъ очевидно, что онъ былъ человекъ толковый, ловкій и въ тоже время твердый и дѣловой. Не знаю, какъ онъ былъ родня нашему безсмертному Суворову, но въ перепискѣ Куролесова я нашелъ нѣсколько писемъ гениальнаго полководца, которыя всегда начинались такъ: «Милостивый Государь мой, братецъ Михаилъ Максимовичъ» и оканчивались: «съ достолюбезнымъ почтеніемъ къ вамъ и милостивой Государыни сестрицы Прасковьи Ивановны, честь имѣю быть и проч.» Михаила Максимовича мало знали въ Симбирской губерніи, но какъ «слухомъ земля полнится», и притомъ, можетъ быть, онъ и въ отпуску позволялъ себѣ кое-какія слабости, какъ тогда выражались, да и прїѣзжавшій съ нимъ деньщикъ или крѣпостной лакей, не смотря на строгость своего командира, по секрету кое-что пробалтывалъ,—то и составилось о немъ мнѣніе, которое внонѣ выражалось слѣдующими афоризмами, что «майоръ шутить не любить, что у него ходи по стрункѣ и съ тропы не сваливайся, что онъ солдата не выдастъ и коли можно, покроетъ, а если попался, такъ ужъ помилованья не жди, что слово его крѣпко, что если пойдетъ на ссору, то ему и чортъ не братъ, что онъ лихой, бѣдовый, что онъ гусь лапчатый, звѣрь полосатый...»; (*) по всѣмъ единогласно называли его отлич-

(*) Двумя последними поговорками, не смотря на видимую ихъ неопредѣленность, русской человекъ опредѣляетъ очень много, ярко и повѣрно для всякаго.

нымъ хозяиномъ. Носились также слухи, вѣроятно вышедшіе изъ тѣхъ же источниковъ, что майоръ большой гуляка, т.-е. охотникъ до женскаго пола и до хмѣльнаго, но знаетъ всему мѣсто и время. Первая охота прикрывалась поговоркою, что «быль молодцу не укора»; а вторая, что «выпить мужчинѣ не бѣда» и что «кто пьянъ да уменъ, — два угодыя въ немъ». И такъ майоръ Куролесовъ не имѣлъ положительно дурной репутаціи, а напротивъ въ глазахъ многихъ имѣлъ репутацію выгодную. Къ тому же былъ искателемъ, умѣлъ приласкаться и приласкать, оказывать уваженіе старшимъ и почетнымъ людямъ, и потому приняли его все радушно и съ удовольствіемъ. Будучи близкимъ сосѣдомъ Бактеевыхъ, которымъ приходился дальшимъ родственникомъ по мужу дочери Бактеевой, А. А. Курмышевой (да кажется и крестьяне ихъ жили въ одномъ селѣ), онъ умѣлъ такъ сыскать ихъ расположеніе, что все его любили и носили на рукахъ. Сначала дѣлалъ онъ это безъ особенныхъ видовъ, а въ слѣдствіе своего неизмѣннаго правила «добиваться благоклонности людей почтенныхъ и богатыхъ»; но потомъ, увидѣвъ тамъ живую, веселую и богатую Прасковью Ивановну, по наружности совершенную уже цѣвѣгу, — онъ составилъ планъ жениться на ней и прибрать къ рукамъ ея богатство. Съ этой определенной целью онъ удвоилъ свои заискиванья въ бабушкѣ и теткѣ Прасковьи Ивановны и добился до того, что онъ въ немъ, какъ говорится, души не чаяли; да и за молодой дѣвушкой началъ такъ искусно ухаживать, что она его полюбила, разумеется, какъ человека, который потакалъ всемъ ея словамъ, исполнять желанія и вообще баловалъ ее. Михаилъ Макенмовичъ открылся роднымъ Прасковьи Ивановны, прикинулся влюбленнымъ въ молодую сироту и все поверили, что онъ ею смертельно заразился, грезить ей

во снѣ и на яву, сходитьъ отъ нее съ ума; повѣрили, одобрили его намѣреніе и приняли бѣднаго страдальца подъ свою защиту. При такомъ благосклонномъ покровительствѣ родныхъ, не трудно было ему успѣть въ своемъ намѣреніи: онъ угождалъ дѣвочкѣ доставленіемъ разныхъ удовольствій, каталъ на лихихъ своихъ коняхъ, качалъ на качеляхъ и самъ качался съ ней, мастерски пѣвалъ съ нею русскія пѣсни, дарилъ разными бездѣлушками и выписывалъ для нее затѣйливыя дѣтскія игрушки изъ Москвы.

Зная, что для полнаго успѣха необходимо получить согласіе двоюроднаго брата и опекуна невѣсты, Михаилъ Максимовичъ попробовалъ втереться въ милость и къ моему дѣдушкѣ. Подъ разными предлогами, съ рекомендательными письмами отъ родныхъ Прасковьи Ивановны, прѣзжалъ онъ къ Степану Михайловичу въ деревню — но не понравился хозяину. Съ перваго взгляда это можетъ показаться страннымъ: отъ чего бы не понравиться? У молодого майора были нѣкоторыя качества, которыя, какъ будто бы, симпатизировали съ свойствами Степана Михайловича; но у старика, кромѣ здраваго ума и свѣтлаго взгляда было это нравственное чутье людей честныхъ, прямыхъ и правдивыхъ, которое чувствуетъ съ перваго знакомства съ человѣкомъ неизвѣстнымъ — кривду и неправду его, для другихъ незамѣтную; которое слышитъ зло подъ благовидною наружностью и угадываетъ будущее его развитіе. Ласковыя рѣчи и почтительный тонъ не обманули Степана Михайловича, и онъ съ разу отгадалъ, что тутъ скрываются какія-нибудь плутни. При томъ дѣдушка былъ самой строгой и скромной жизни, и слухи, еще прежде случайно дошедшіе до него, такъ легко извѣщаемыя другими, о безпутствѣ майора, поселили отвращеніе къ нему въ цѣломудренной душѣ Степана Михай-

ловича, и хотя онъ самъ былъ горячъ до бѣшенства, но недобрыхъ, злыхъ и жестокихъ безъ гнѣва людей — терять не могъ. Вслѣдствіе всего этого принялъ онъ Михаила Максимовича холодно и сухо, не смотря на умные и дѣльные разговоры обо всемъ и особенно о хозяйствѣ; когда же гость, увидѣвъ Ирасковью Ивановну, уже перетхавшую въ то время къ моему дѣдушкѣ, сталъ любезничать съ нею, какъ старшій знакомый, и она слушала его съ удовольствіемъ, то у дѣдушки, по обыкновенію, покривилась голова на сторону, подвинулись брови и покосился онъ на гостя не ласково. Напротивъ Дрянь Васильевичъ и всѣмъ дочерямъ гость очень пріятенъ, потому что съ первыхъ минутъ онъ умѣлъ къ нимъ подольститься, и онъ пустился было съ нимъ въ разныя ласковыя рѣчи; но вышесказанные мною злобшіе признаки грозы на лицѣ Степана Михайловича всѣхъ обдали холодомъ и всѣ прикусили язычки. Гость попытался возстановить общественное спокойствіе и пріятность бесѣды, но напрасно: отъ всѣхъ началъ онъ получать короткіе отвѣты, отъ хозяина же и не совсемъ учтивыя. Дѣлать было нечего, надо было уѣхать, хотя уже наступало позднее ночное время и следовало бы гостю, по деревенскому обычаю, остаться почевать. «Дрянь человекъ и плутъ, авось въ другой разъ не пріѣдетъ», сказалъ Степанъ Михайловичъ семь своей, и конечно ничей голосъ не возразилъ ему; но за то потихоньку долго хвалили браваго майора, и охотно слушала и рассказывала про его угодливости молодая дѣвочка, богатая сирота.

Похлебавъ не солово, отъѣхалъ Михаилъ Максимовичъ отъ Степана Михайловича и воротился къ Бактесвой съ извѣстіемъ о своей неудачѣ. Дѣдушку моего хорошо знали, и съ первой минуты потеряли всякую надежду на его добровольное согласіе. Долго думали, но шчего не

придумали. Отважный майоръ предлагалъ пригласить молодую дѣвушку въ гости къ бабушкѣ и обвиняться съ ней безъ согласія Степана Михайловича, но Бактеева и Курмышева были увѣрены, что дѣдушка мой не отпуститъ свою сестру одну, а если и отпуститъ, то очень не скоро, а майору оставаться долѣе было не лѣзя. Онъ предлагалъ отчаянное средство: уговорить Прасковью Ивановну къ побѣгу, увезти ее и сейчасъ гдѣ-нибудь обвиняться; но родные не слышать не хотѣли о такомъ зазорномъ дѣлѣ — и Михаилъ Максимовичъ уѣхать въ полкъ. Пути Провидѣнія для насъ непостижимы, а потому мы не можемъ судить, стчего судьбѣ было угодно, чтобъ это злое намъреніе увѣчалось успѣхомъ. Черезъ полгода, вдругъ получила старуха Бактеева извѣстіе, что Степанъ Михайловичъ, по весьма важному дѣлу, уѣзжаетъ куда-то далеко и надолго. Куда и зачѣмъ уѣзжалъ онъ — не знаю, только куда-то далеко, въ Астрахань или въ Москву, и непременно по дѣлу, потому что бралъ съ собою повѣреннаго Пантелея Григорьевича. Сейчасъ послали грамоту къ Степану Михайловичу и просили позволенія, чтобъ внучка, во время отсутствія своего опекуна и брата, пріѣхала погостить къ бабушкѣ, но получили короткій отвѣтъ: «что Параша и здѣсь хорошо, и что если желаютъ ее видѣть, то могутъ пріѣхать и прогостить въ Троицкомъ сколько угодно». Пославъ такой положительный отвѣтъ и пригрозивъ строго на-строго своей, всегда покорной супругѣ, чтобъ она берегла Парашу, какъ зеницу своего ока и никуда изъ дома не отпускала, Степанъ Михайловичъ отправился въ путь.

Бактеева пересылалась и переписывалась съ Прасковьей Ивановной и съ семействомъ моего дѣдушки. Сейчасъ по полученіи извѣстія, что онъ уѣхалъ, Бактеева уведомила объ этомъ Михаила Максимовича Куролесова, прибавя, что

Степанъ Михайловичъ уѣхалъ надолго, и что не можетъ ли онъ пріѣхать, чтобъ лично хлопотать по известному дѣлу; а сама старуха Бактеева съ дочерью, немедленно отправилась въ Троицкое. Она всегда была въ дружескихъ отношеніяхъ съ Ариной Васильевной; узнавъ, что Куролесовъ и ей очень понравился, она открылась, что молодой майоръ безъ памяти влюбленъ въ Парашеньку; распространилась въ похвалахъ жениху и сказала, что ничего такъ не желаетъ, «какъ пристроить при своей жизни свою внучку-сиротинку, и увѣрена въ томъ, что она будетъ счастлива; что она чувствуетъ, что ей уже не долго жить на свѣтѣ, и потому хотѣла бы поторопиться этимъ дѣломъ. Арина Васильевна съ своей стороны совершенно одобрила такое намѣреніе, но выразила сомнѣніе «чтобы Степанъ Михайловичъ на это согласился, и что Богъ знаетъ почему, Михаилъ Максимовичъ, хотя всѣмъ взялъ, но ему больно не понравился». — Призвали на совѣтъ старшихъ дочерей Арины Васильевны, и подъ председательствомъ старухи Бактеевой и ея дочери Курмышевой, особенно горячо хлопотавшей за майора, положено было: предоставить улаживаніе этого дѣла родной бабуникъ, потому что она внучкѣ всѣхъ ближе, но такимъ образомъ, чтобъ супруга Степана Михайловича и ея дочери остались въ сторонѣ, какъ будто онъ ничего не знаютъ и ничему не причастны. Я уже сказалъ прежде, что Арина Васильевна была женщина добрая и очень простая; дочери ея были совершенно на сторонѣ Бактеевой, а потому и не мудрено, что ее могли уговорить способствовать такому дѣлу, за которое Степанъ Михайловичъ жестоко будетъ гнѣваться. Между тѣмъ беззаботная и веселая сирота и не подозрѣвала, что рѣшаютъ судьбу ея. Объ Михаилѣ Максимовичѣ часто говорили при ней, хвалили изо всѣхъ силъ, увѣряли, что онъ любитъ ее больше

своей жизни, что день и ночь думаетъ о томъ, какъ-бы ей угодить, и что если онъ скоро прїѣдетъ, то вѣрно привезетъ ей множество московскихъ гостинцевъ. Прасковья Ивановна слушала съ удовольствіемъ такія рѣчи и говорила, что она сама никого на свѣтъ такъ не любитъ, какъ Михаила Максимовича. Покуда гостила старуха Бактеева въ Троицкомъ, ей привезли изъ деревни письмо отъ Куролесова, который увѣдомлялъ, что какъ скоро получить отпускъ, то немедленно прїѣдетъ. Наконецъ Бактеева и Курмышева, условившись съ Ариной Васильевной, что она ни о чемъ къ своему супругу писать не станетъ и отпуститъ къ нимъ Парашеньку, не смотря на запрещеніе Степана Михайловича, подъ предлогомъ тяжелой болѣзни родной бабушки, — уехали въ свое помѣстье. Прасковья Ивановна плакала и просилась къ бабушкѣ, особенно узнавъ, что майоръ скоро прїѣдетъ; но ее не пустили изъ уваженія къ приказанію брата, Степана Михайловича. Куролесовъ не могъ получить немедленно себя отпуска и прїѣхалъ мѣсяца черезъ два. Вскорѣ послѣ его прїѣзда, отправили гонца съ письмомъ въ Троицкое къ Аришѣ Васильевнѣ; въ письмѣ Курмышева увѣдомляла, что старуха Бактеева сдѣлалась отчаянно больна, желаетъ видѣть и благословить внучку, а потому проситъ прислать ее съ кѣмъ-нибудь; было прибавлено, что безъ сомнѣнія Степанъ Михайловичъ не будетъ гнѣваться за нарушеніе его приказанія, и конечно бы отпустилъ внучку проститься съ своей родной бабушкой. Письмо очевидно было написано напоказъ, для оправданія Аришѣ Васильевны передъ строгимъ супругомъ. Вѣрная своему обѣщанію и обезпеченная такимъ письмомъ, Арина Васильевна, немедленно собралась въ дорогу и сама отвезла Парашеньку къ ея мнимо-умирающей бабушкѣ; прогостила у больной съ недѣлю, и воротилась домой совершенно об-

вороженная ласковыми рѣчами Михаила Максимовича и разными подарками, которые онъ привезъ изъ Москвы не только для нее, но и для дочерей ея. Прасковья Ивановна была очень довольна, бабушкѣ ея стало сейчасъ лучше, угодникъ майоръ привезъ ей изъ Москвы много игрушекъ и разныхъ гостинцевъ, гостить у Бактеевой въ домъ безвыѣздно, разсыпался передъ ней мелкимъ бѣсомъ, и скоро такъ привязалъ къ себѣ дѣвочку, что когда бабушка объявила ей, что онъ хочетъ на ней жениться, то она очень обрадовалась и, какъ совершенное дитя, начала бѣгать и прыгать по всему дому, объявляя каждому встрѣчному, что «она идетъ за-мужъ за Михаила Максимовича, что какъ будетъ ей весело, что сколько получитъ она подарковъ, что она будетъ съ утра до вечера кататься съ нимъ на его чудесныхъ рысакахъ, качаться на самыхъ высокихъ качеляхъ, пѣть пѣсни или играть въ куклы, не маленькія, а большія, которыя сами умѣютъ ходить и кланяться».... Вотъ въ какомъ состояніи находилась голова бѣдной невесты. Мѣнать не стали, опасаясь, чтобъ не дошли слухи до Степана Михайловича; созвали соседей, сдѣлали помолвку, обручили жениха съ невестой, заставили поцѣловаться, посадили рядочкомъ за столъ и вышли изъ здоровья. Невеста соскучилась было длинной церемоніей, множествомъ поздравленій и сидѣньемъ на одномъ мѣстѣ, но когда позволили ей посадить возлѣ себя свою новую московскую куклу, то сдѣлалась очень весела, объявляла всѣмъ гостямъ, что это ея дочка, и заставляла куклу кланяться и вмѣстѣ съ ней благодарить за поздравленія. Черезъ недѣлю жениха съ невестой обвѣнчали съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, показавъ новобрачной, вмѣсто пятнадцатаго, семнадцатый годъ, въ чемъ по ея наружности никто усумниться не могъ. — Хотя Арша Васильевна и ея дочери знали на

какое дѣло шли, но извѣстіе, что Парашенька обвинена, чего они такъ скоро не ожидали, привело ихъ въ неописанный ужасъ: точно спала пелена съ ихъ глазъ, точно то случилось, о чемъ они и не думали, и они почувствовали, что ни мнимая смертельная болѣзнь родной бабушки, ни письмо ея — не защита имъ отъ справедливаго гнѣва Степана Михайловича. Еще прежде извѣстія о свадьбѣ отравила Ариша Васильевна письмо къ своему супругу, въ которомъ уведомляла, что по такимъ-то важнымъ причинамъ отвезла она внучку къ умирающей бабушкѣ, что она жила тамъ цѣлую недѣлю, и что хотя Богъ далъ старухѣ Бактеевой полегче, но Парашеньку назадъ не отпустили, а оставили до выздоровленія бабушки; что дѣлать ей было нечего, насильно взять нельзя, и она поневолѣ согласилась и поспѣшила уѣхать къ дѣтямъ, которыя жили одинъ-одинехоньки, и что теперь опасается она гнѣва Степана Михайловича. На это письмо онъ отвѣчалъ, что Ариша сдѣлала глупо, чтобъ она ѣхала опять къ старухѣ Бактеевой и во что бы то ни стало привезла Парашу домой. Ариша Васильевна вздыхала, плакала надъ письмомъ и не знала, что дѣлать. Молодые Куролесовы не замедлили прѣѣхать къ ней съ визитомъ. Парашенька казалась совершенно счастливою и веселою, хотя уже не такъ дѣтски рѣзвою. Мужъ ея также казался вполне счастливымъ, и въ тоже время былъ такъ спокоенъ и разсудителенъ, что успокоилъ бѣдную Аришу Васильевну своими умными рѣчами. Онъ убѣдительно доказалъ, что весь гнѣвъ Степана Михайловича упадетъ на родную бабушку Бактееву, которая тоже по своей опасной болѣзни, хотя ей теперь, благодаря Бога, лучше, имѣла достаточную причину не спрашивать согласія Степана Михайловича, зная, что онъ не скоро бы далъ его, хотя конечно бы со временемъ согласился; что мышка въ

было нельзя, потому что она, какъ говорится, на ладонь дышала, и тяжело было бы ей умирать, не пристроивъ своей родной внучки, круглой сироты, потому что не только двоюродный, но и родной братъ не можетъ замѣнить родной бабушки. Много было наговорено подобныхъ успокоительныхъ разсужденій, сопровождаемыхъ богатыми свадебными подарками, которые были приняты съ большимъ удовольствіемъ, смѣшаннымъ съ нѣкоторымъ страхомъ. Оставлены были подарки и для Степана Михайловича. Михаилъ Максимовичъ посоветовалъ Аришъ Васильевнѣ, чтобъ она погодила писать къ своему супругу до получения отвѣта на извѣстительное и рекомендательное письмо молодыхъ, и уверилъ, что онъ вмѣстѣ съ Прасковьей Ивановной будетъ немедленно писать къ нему, но писать онъ и не думалъ и хотѣлъ только отдалить грозу, чтобъ успѣть, такъ сказать, утвердиться въ своемъ новомъ положеніи. После женитьбы Михаилъ Максимовичъ послалъ немедленно просьбу объ увольненіи его въ отставку, которую и получилъ очень скоро. Первымъ его дѣломъ было объѣздить съ молодой своей женой всѣхъ родственниковъ и всѣхъ знакомыхъ, какъ съ ея стороны, такъ и съ своей. Въ Симбирскѣ же, начиная съ губернатора, не было забыто ни одно служебное, ни одно сколько-нибудь значительное лице. Всѣ не могли довольно пахвалиться прекрасною парочкой молодыхъ, во всѣхъ такъ умѣли найти они благосклонное расположеніе, что одобреніе этого брака сдѣлалось общимъ мнѣніемъ. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

Степанъ Михайловичъ, не получая давно писемъ изъ дому, видя, что дѣло его затянулось, соскучившись въ разлукѣ съ семействомъ, вдругъ, въ одинъ прекрасный день, воротился неожиданно въ свое Троицкое. Задрожали и руки и ноги у Аришъ Васильевны, когда она услышала

страшныя слова: «баринъ прѣхалъ.»—Степанъ Михайловичъ, узнавъ, что все живы и здоровы, свѣтель и радость вошелъ въ свой господскій домъ, разцѣловалъ свою Аришеньку, дочерей и сына и весело спросилъ: «да гдѣ же Параша?» Ободрившись ласковостью супруга, Арина Васильевна отвѣчала ему съ притворной улыбкой: «гдѣ доподлинно не знаю; можетъ у бабушки. Да вѣдь ты, батюшка, давно изволишь знать, что Парашенька замужемъ.» Не стану описывать изумленія и гнѣва моего дѣдушки; гнѣвъ этотъ удвоился, когда онъ узналъ, что Прасковья Ивановна выдана за Куролесова. Степанъ Михайловичъ принялся было за расправу съ своей супругой, но она, повалившись ему въ ноги со всеми дочерьми и представивъ письма старухи Бактеевой, успѣла увѣрить его, что «знать ничего не знаетъ и что она была сама обманута.» Бѣшенство Степана Михайловича обратилось на старуху Бактееву; онъ приказалъ себя приготовить другихъ лошадей и отдохнувъ часа два-три, поскакалъ прямо къ ней. Можно себя представить какую схватку устроилъ онъ съ бабушкой Прасковьи Ивановны. Старуха, вытерпѣвъ первый потокъ самыхъ криккихъ ругательствъ, пріосамилась и, разгорячившись въ свою очередь, сама попала на моего дѣдушку. «Да чтожь это ты развоевался, какъ надъ своей крепостной рабой, сказала она, развѣ ты забылъ, что я такая же столбовая дворянка, какъ и ты, и что мой покойный мужъ былъ гораздо повыше тебя чиномъ. Я поближе тебя къ Парашенькѣ, я родная бабушка ей и такая же опекуница, какъ ты. Я устроила ся счастье, не дожидаясь твоего согласія, потому-что была больна при смерти и не хотѣла ее оставить на всю твою волю; вѣдь я знаю, что ты бѣшенный и сумасшедшій; живя у тебя, пожалуй она бы въ иной часъ и палки отдавала; Михаилъ Максимовичъ ей по всему пара, и Парашенька его

сама полюбила. Да и кто же его не полюбить и не похвалить. Тебѣ только онъ не угодилъ, а ты спроси-ка твою семью, такъ и узнаешь, что она имъ не пахвалится.» — «Врешь ты, старая мошенница, вопилъ мой дѣдушка; ты обманула мою Арину, прикинулась что умираешь.... Ты продала свою внучку разбойнику Мишкѣ Куролесову, который приворотилъ васъ съ дочкой къ себѣ нечистой силой....» Старуха Бактеева вынула изъ себя и въ запальчивости выболтала, что Арина Васильевна и ея дочери были съ ней за одно и заранѣе приняли разные подарки отъ Михаила Максимовича. Такія слова обратили опять весь гнѣвъ Степана Михайловича на его семейство. Погрозивъ, что онъ разведетъ Парану съ мужемъ по ея несовершеннолѣтію, онъ отправился домой, но забхалъ по дорогѣ къ священнику, который вычалъ Куролесовыхъ. Онъ грозно потребовалъ у него отчета, но тотъ очень спокойно и съ увѣренностью показалъ ему обыскъ, подпись бабушки и невесты, рукоприкладство свидѣтелей и метрическое свидѣтельство изъ Духовной Консисторіи, что Прасковья Ивановна семнадцатый годъ. Это былъ новый ударъ для моего дѣдушки, лишившій его всякой надежды къ расторженію несправедливаго ему брака и не сказавъ усилившій его гнѣвъ на Арину Васильевну и дочерей. Я не буду распространяться о томъ, что онъ дѣлалъ, воротясь домой. Это было бы ужасно и отвратительно. Но прошествіи тридцати лѣтъ тетки мои вспоминали объ этомъ времени, дрожа отъ страха. Я скажу только въ короткихъ словахъ, что виноватыя признались во всемъ, что все подарки, и первые и послѣдніе, и назначенные ему, онъ отослалъ къ старухѣ Бактеевой, для возвращенія кому слѣдуетъ, что старшія дочери долго хворали, а у бабушки не стало косы, и что цѣлый годъ ходила она съ пластыремъ на всей головѣ. Молодымъ же

Куролесовымъ онъ далъ знать, чтобы они не смѣли къ нему и глазъ показывать, а у себя дома запретить поминать ихъ имена.

Между тѣмъ время шло, залечивая всякія раны, и духовныя и телесныя, успокоивая всякія страсти. Черезъ годъ зажила голова у Арины Васильевны, утихъ гнѣвъ въ сердцѣ Степана Михайловича. Сначала онъ не хотѣлъ, не только видѣть, но и слышать объ молодыхъ Куролесовыхъ, даже не читалъ писемъ Прасковьи Ивановны; но къ концу года, получая со всехъ сторонъ добрыя вѣсти объ ея житиѣ, и о томъ, какъ она вдругъ сдѣлалась разумна не по годамъ, Степанъ Михайловичъ смягчился, и захотѣлось ему видѣть свою милую сестричку. Онъ разсудилъ, что она менѣе всехъ виновата, что она была совершенный ребенокъ, — и позволилъ прѣхать ей въ Троицкое, но безъ мужа. Разумается, она сейчасъ прискакала. Въ самомъ дѣлѣ Прасковья Ивановна такъ перемѣнилась въ одинъ годъ своего замужства, что Степанъ Михайловичъ не могъ надивиться. И страшное дѣло, откуда вдругъ взялась у нее такая любовь и признательность къ своему двоюродному брату, какой она вовсе не чувствовала до замужства и еще менѣе, казалось, могла почувствовать послѣ своей сватъбы? Прочла ли она въ его глазахъ, полныхъ слезъ при встрѣчѣ съ нимъ, сколько скрывается любви подъ суровой наружностью и жестокимъ самовластіемъ этого человѣка? Было ли это темное предчувствіе будущаго или неясное пониманіе единственной своей опоры и защиты? Почувствовала ли она безсознательно, что изъ всехъ баловницъ и потатчицъ ея ребяческимъ желаніямъ — всехъ больше любить ее грубый братъ, противникъ ея счастья, не взлюбившій любимаго ею мужа?... Не знаю, но для всехъ было поразительно, что прежняя легкомысленная, равнодушная къ брату, дѣвочка, не по-

нившая и не признававшая его правъ и своихъ къ нему обязанностей, имѣющая теперь всѣ причины къ чувству непріязненному за оскорбленіе любимой бабушки,—вдругъ сдѣлалась не только привязанною сестрою, но горячо дочерью, которая смотрѣла въ глаза своему двоюродному брату, какъ нѣжно и давно любимому отцу, нѣжно и давно любящему свою дочь... Какъ бы то ни было, но внезапно родившееся чувство прекратилось только съ ея жизнью. Что за чудная перемена сдѣлалась во всемъ существѣ Прасковьи Ивановны въ такія молодія лѣта, въ одинъ годъ замужства? Пропало неразумное дитя и явилась, хотя веселая, но разумная женщина. Она искренно признавала всѣхъ виноватыми предъ Степаномъ Михайловичемъ. Извиняла только себя неразуміемъ, а бабушку, мужа и другихъ—горячо и слѣпою къ ней любовью. Она не просила, чтобъ Степанъ Михайловичъ сейчасъ простилъ ея мужа, виноватаго больше всѣхъ, но надѣялась, что со временемъ, видя какъ она счастлива, какой попечительный, неутомимый хозяинъ ея мужъ, какъ устроиваетъ ея состояніе—братецъ проститъ Михаила Максимовича и позволитъ ему пріѣхать. Хотя дѣдушка мой ничего не сказалъ на такія слова, но былъ совершенно побѣжденъ ими. Онъ не сталъ долго держать у себя свою умную сестрицу, какъ онъ сталъ называть ее съ этихъ поръ, и отправилъ немедленно къ мужу, говоря, что теперь тамъ ея мѣсто. Прощаясь, онъ сказалъ ей: «Если черезъ годъ ты будешь также довольна своимъ мужемъ, и онъ будетъ также хорошо съ тобою жить, то я помирюсь съ нимъ.» И точно черезъ годъ, зная, что Михаилъ Максимовичъ ведетъ себя хорошо и занимается устройствомъ имѣнія жены своей съ неуслышнымъ рвеніемъ, видя перѣдко свою сестрицу здоровою,довольною и веселою, Степанъ Михайловичъ сказалъ ей: «привози своего мужа.» Онъ принялъ

Куролесова съ радушіемъ, прямо и откровенно высказалъ свои прежнія сомнѣнія и обѣщалъ ему, если онъ всегда будетъ такъ хорошо себя вести, — родственную любовь и дружбу. Михайла Максимовичъ держалъ себя мастерски; онъ не былъ такъ вкрадчивъ и искателевъ, какъ прежде, но такъ же почтителенъ, внимателенъ, предупредителенъ. Въ немъ слышалось больше самостоятельности и увѣренности; онъ былъ озабоченъ, погруженъ въ хозяйственныя дѣла, просилъ совѣтовъ у моего дѣдушки, понималъ ихъ очень хорошо и пользовался ими съ отличнымъ умъемъ. Онъ считалъ съ нимъ въ дальнемъ родствѣ самъ по себѣ, и называлъ его дядюшкой, Арину Васильевну тетюшкой, сына ихъ братцемъ, а дочерей сестрицами. Онъ оказалъ Степану Михайловичу какую-то услугу, еще до своего примиренія или прощенія; дѣдушка зналъ это, и теперь сказалъ ему спасибо, и даже поручилъ о чемъ-то похлопотать. Однимъ словомъ, дѣлю уладилось превосходно. Казались всѣ обстоятельства говорили въ пользу Михайла Максимовича, но дѣдушка повторялъ свое: «хорошъ парень, ловокъ и смысленъ, а сердце не лежитъ.»

Такъ прошелъ еще годъ, въ продолженіе котораго Степанъ Михайловичъ переселился въ Уфимское помѣстничество. Въ первые три года послѣ женитьбы, Куролесовъ велъ себя скромно и смиренно, или по крайней мѣрѣ такъ скрытно, что ничего не было слышно. Впрочемъ онъ дома жилъ мало, и все время проводилъ въ разъездахъ. Одинъ только слухъ носился вездѣ, и даже увеличивался, что молодой хозяинъ *строгонекъ*. Въ слѣдующіе два года Куролесовъ надѣлалъ чудеса по устройству имѣнія жены своей, что неоспоримо доказывало его неусыпную дѣятельность, предпримчивость и желѣзную волю въ исполненіи своихъ предпріятій. Имѣніе Прасковьи Ивановны управлялось прежде очень плохо: оно было разстроено,

занушено, крестьяне избалованы. Они давали очень мало дохода, не потому, чтобы мѣстность была не выгодна для сбыта хлѣба, но потому, что они, кроме того, что плохо работали, были малоземельны и находились отчасти въ общемъ владѣніи съ бабушкой Бактеевой и теткой Курмышевой. Михайла Максимовичъ съ того началъ, что принялся за переводъ крестьянъ на новыя мѣста, а старыя земли продать очень выгодно. Онъ купилъ степь въ Симбирской губерніи (теперь Самарской), въ Ставропольскомъ уѣздѣ, около семи тысячъ десятинъ, землю отличную, хлѣбородную, черноземъ въ полтора аршина глубиною, ровную, удобную для хлѣбонашества, по рѣчкѣ Берля, въ вершинахъ которой только росъ по отрогамъ небольшой лѣсокъ; да былъ еще заповѣднѣй «Медвѣжій Врагъ», который и теперь составляетъ единственный лѣсъ для всего имѣнія. Тамъ поселилъ онъ 550 душъ. Это вышло имѣніе отменно выгодное, потому-что находилось во ста верстахъ отъ Самары, и въ 60 и въ 40 верстахъ отъ многихъ волжскихъ пристаней. Известно, что удобный сбытъ хлѣба составляетъ у насъ все достоинство имѣній. Потомъ отправился Михайла Максимовичъ въ Уфимское намѣстничество и купилъ у Башкирцевъ примѣрно по урочищамъ болѣе 20,000 десятинъ, также чернозему, хотя далеко не такъ богатаго, какъ въ Симбирской губерніи, но съ довольноымъ количествомъ дровянаго и даже строеваго лѣса. Земля лежала по рѣчкѣ Усень и по рѣчкамъ: Сююнгъ, Мелеусть, Гармалка и Белебейка; тогда, кажется, это былъ Мензелинской уѣздъ, а теперь Белебеевской, принадлежащей къ Оренбургской губерніи. Тамъ поселилъ онъ на истокъ множества ключей, составляющихъ рѣчку большой Сююнгъ, 450 душъ, да на рѣчкѣ Белебейкѣ 50 душъ. Большую деревню называлъ «Парашино», а маленькую—«Ивановка». Симбирское же имѣніе называлось «Ку-

ролесово», и все три названія составляли имя, отчество и фамилію его жены. Эта романтическая затѣя въ такомъ человѣкѣ, какимъ явится въ послѣдствіи Михайла Максимовичъ, всегда меня удивляла. Резиденцію свою и своей супруги устроилъ онъ въ особомъ ея родовомъ материнскомъ имѣньѣ, состоящемъ изъ 550 душъ, въ селѣ Чурасовѣ, находящемся въ 50 верстахъ отъ губернскаго города. Тамъ выстроилъ онъ, по тогдашнему, великолѣпный господскій домъ, со всеми принадлежностями; отдѣлать его на славу, меблировать отлично, росписать весь красками внутри и даже снаружи; люстры, канделябры, бронза, фарфоровая и серебряная посуда удивляли всехъ; домъ поставилъ на небольшомъ косогорьѣ, изъ котораго били и кипѣли болѣе двадцати чудныхъ родниковыхъ ключей. Домъ, косогорь, родники, все это обхватывалось и заключалось въ богатомъ, плодovitомъ саду, на двенадцати десятинахъ, со всевозможными сортами яблокъ. Внутреннее хозяйство дома, прислуга, повара, экипажи, лошади, все было устроено и богато, и прочно. Окружные сосѣди, которыхъ было не мало, и гости изъ губернскаго города не переводились въ Чурасовѣ: ѣли, пили, гуляли, играли въ карты, пѣли, говорили, шумѣли, веселились. Парашеньку свою Михайла Максимовичъ одѣвалъ какъ куклу, исполнялъ, предупреждать все ея желанія, тѣшилъ съ утра до вечера, когда только бывалъ дома. Однимъ словомъ, въ несколько лѣтъ, во всехъ отношеніяхъ поставилъ себя на такую ногу, что добрые люди дивились, а не добрые завидовали. Михайлъ Максимовичъ не забылъ и о церкви, и въ два года, вмѣсто ветхой деревянной, выстроилъ и снабдилъ великолѣпною утварью новую каменную церковь; даже славныхъ пѣвчихъ завелъ изъ своихъ дворовыхъ людей. На четвертомъ году замужества, Прасковья Ивановна, совершенно довольная и счастливая,

родила дочь, а потомъ черезъ годъ и сына; но дѣти не жили: дѣвочка умерла на первомъ же году, а сынъ уже трехъ лѣтъ. Прасковья Ивановна такъ привязалась было къ нему, что эта потеря стоила ей дорого. Цѣлый годъ она не осушала глазъ, и даже необыкновенно крѣпкое ея здоровье очень разстроилось, и болѣе дѣтей она не имѣла. Между тѣмъ авторитетъ Михайла Максимовича въ общественномъ мнѣніи росъ не по днямъ, а по часамъ. Съ мелкимъ и бѣднымъ дворянствомъ, правду сказать, постоуналъ онъ крутенько и самовластно, и хотя оно его не любило, но за то крѣпко боялось, а высшее дворянство только похваливало Михайла Максимовича за то, что онъ не даетъ забываться тѣмъ, кто его пониже. Годъ отъ году становились чаще и продолжительнѣе отлучки Куролесова, особенно съ того несчастнаго года, когда Прасковья Ивановна потеряла сына и неутихо сокрушалась. Вѣроятно ея супругу наскучили слезы, вздохи и тишина въ уединеніи, потому-что Прасковья Ивановна цѣлый годъ не хотѣла никого видѣть. Впрочемъ, и самое шумное и веселое общество въ Чурасовъ его къ себѣ не привлекало.

Мало по малу стали распространяться и усиливаться слухи, что майоръ не только строгонекъ, какъ говорили прежде, но и жестокъ, что забравшись въ свои деревни, особенно въ Уфимскую, онъ пьетъ и развратничаетъ, что тамъ у него набрана уже своя компанія, пьянствуя съ которой, онъ доходитъ до неистовствъ всякаго рода, что главная бѣда: въ пьяномъ видѣ немилосердно дерется безо всякаго резону; и что уже два-три человека пошли на тотъ свѣтъ отъ его побой, что неправники и судьи обоихъ уѣздовъ, гдѣ находились его новыя деревни, все на его сторонѣ, что однихъ онъ задарилъ, другихъ запылалъ, а всѣхъ запугалъ; что мелкіе чиновники и дво-

рише передъ нимъ дрожкой дрожать, потому-что онъ всякаго кто осмѣливался дѣлать и говорить не по немъ, хваталъ среди бѣла дня, сажалъ въ погребъ, или овинныя ямы, и морилъ холодомъ и голодомъ, на хлѣбъ да на водъ, а некоторыхъ безъ церемоній, дралъ немилосердно какими-то *кошками* (*). Слухи были не только справедливы, но слишкомъ умѣренны; дѣйствительность далеко превосходила робкую молву. Кровожадная натура Куролесова, воспламеняемая до бышенства спиртными парами, развивалась на свободѣ во всей своей полнотѣ и представила одно изъ тѣхъ страшныхъ явленій, отъ которыхъ содрогается и которыми гнушается человечество. Это ужасное соединеніе шистника тигра съ разумностью чловѣка.

Наконецъ слухи превратились въ достовѣрность, и никто изъ окружающихъ Прасковью Ивановну, родныхъ, сосѣдей и прислуги, никто уже не ошибался на счетъ Михайла Максимовича. Когда онъ возвращался въ Чурасово послѣ своихъ страшныхъ подвиговъ, то велъ себя по прежнему почтительно къ старшимъ, ласково и внимательно къ равнымъ, предупредительно и любезно къ своей женѣ, которая, выплакавъ свое горе, опять стала здорова и весела, а домъ ея по прежнему былъ полонъ гостей и удовольствій. Хотя Михайла Максимовичъ ни съ кѣмъ въ Чурасовѣ не дрался, предоставляя это удовольствие старостѣ и дворецкому, но все по паслышкѣ дрожали отъ одного его взгляда; даже въ обращеніи съ

(*) Кошки были любимымъ орудіемъ наказанія у Михайла Максимовича. Это ничто иное, какъ ремешья плети, оканчивающіяся семью хвостами изъ сыромятной кожи съ узлами, на концѣ каждаго хвоста. Въ Парашинѣ, даже послѣ смерти Куролесова, некоторое время сохранялись въ кладовой, разумеется безъ употребленія, эти отвратительныя орудія, и я видѣлъ ихъ самъ. Когда имѣніе досталось сыну Степана Михайловича, кошки были сожжены.

нимъ родныхъ и короткихъ знакомыхъ, было заметно какое-то смущеніе и опасеніе. Прасковья Ивановна ничего не замѣчала, а если и замѣчала, то приписывала совсѣмъ другой причинѣ: невольному уваженію, которое внушала всѣмъ Михайла Максимовичъ своимъ диковиннымъ хозяйствомъ, своимъ умѣньемъ жить богато и разумной твердостью своихъ поступковъ. Люди благоразумные, любящіе Прасковью Ивановну, видя ее совершенно спокойною и счастливою, радовались, что она ничего не знаетъ, и желали, чтобъ какъ можно долѣе продолжилось это незнаніе. Конечно, и между тогдашними приживалками и мелкопомѣстными сосѣдками были такіа, у которыхъ очень чесался язычекъ и которымъ очень хотѣлось огрѣплатить высококомѣрному майору за его презрительное обращеніе, то-есть: вывести его на свѣжую воду; но кромѣ страха, который онѣ чувствовали невольно и который вѣроятно не удержалъ бы ихъ, было другое препятствіе для выполненія такихъ благихъ намѣреній: къ Прасковьѣ Ивановнѣ не было приступу ни съ какими вкрадчивыми словами о Михайлѣ Максимовичѣ: умная, прощательная и твердая Прасковья Ивановна сейчасъ замѣчала, не смотря на хитросплетаемыя рѣчи, что хотятъ вернуть какое нибудь словцо, невыгодное для Михайла Максимовича, она сдвигала свои темныя брови и объявляла рѣшительнымъ голосомъ, что тотъ, кто скажетъ непріятное для ея мужа, никогда уже въ домъ ея не будетъ. Послѣ такого предупредительнаго и грознаго выраженія, разумѣется уже никто не осмѣливался путаться не въ свое дѣло. Приближенная къ Прасковьѣ Ивановнѣ прислуга, особенно одинъ старикъ, любимецъ покойнаго ея отца и старуха ея пляшка, которыхъ преимущественно жаловала госпожа, но съ которыми, вопреки тогдашнимъ обычаямъ, не входила она въ короткія сношенія, — также ничего не

могли сдѣлать. Старику и старухѣ, о которыхъ я сейчасъ еказалъ, была кровная пужда, чтобы ихъ барыня узнала настоящую правду о своемъ супругѣ: близкіе родные ихъ, находившіеся въ прислугѣ у барина, невыносимо страдали отъ жестокости своего господина. Наконецъ старикъ и старуха рѣшились разсказать барынѣ все, и улучивъ время, когда Прасковья Ивановна была одна, вошли къ ней оба; но только вырвалось у старушки имя Михайла Максимовича, какъ Прасковья Ивановна до того разгнѣвалась, что вышла изъ себя; она сказала своей нянь, что если она когда-нибудь разишетъ ротъ о барынѣ, то болѣе никогда ее не увидитъ и будетъ сослана на вѣчное житье въ Парашино. Такимъ образомъ прекращены были все пути къ доносу на Михайла Максимовича и заткнуты все рты. Прасковья Ивановна вѣрила безусловно своему мужу и любила его. Она знала, что посторонніе люди охотно путаются въ чужія дѣла, охотно мутятъ воду, чтобы удачнѣе ловить въ ней рыбу, и она заранѣе приняла твердое намѣреніе, постановила неизмѣннымъ правиломъ: не допускать до себя никакихъ разсужденій о своемъ мужѣ. Правило очень мудрое, необходимое для сохранения спокойствія въ семейной жизни; но пѣтъ правила безъ исключенія. Можетъ быть, что въ настоящемъ случаѣ, твердый нравъ и крѣпкая воля Прасковьи Ивановны, сильно подкрѣпленные тѣмъ обстоятельствомъ, что все богатство принадлежало ей, могли бы въ началѣ остановить ея супруга и онъ, какъ умный человекъ, не захотѣлъ бы лишитъ себя всехъ выгодъ роскошной жизни, не дошелъ бы до такихъ крайностей, не допустилъ бы вырости виною своимъ чудовищнымъ страстямъ и кутиль бы умеренно, въ тихомолку, какъ и многіе другіе.

Такъ протекло нѣсколько лѣтъ. Михайла Максимовичъ предавался на свободѣ своимъ наклонностямъ, быстро раз-

ввѣлся и наконецъ началъ совершать безнаказанно неслыханныя дѣла. Я не стану разсказывать подробно, какіе жизни велъ онъ въ своихъ деревняхъ, особенно въ Парашинѣ, а также въ уѣздныхъ городишкахъ: это была бы самая отвратительная новѣсть. Я скажу только то, что необходимо для полученія настоящаго понятія объ этомъ странномъ чловкѣ. Первые года, занимаясь устройствомъ женскихъ имній, можно сказать съ самоубвеніемъ, онъ могъ назваться самымъ умнымъ, дѣятельнымъ и попечительнымъ хозяиномъ. Всѣми безконечно разнообразными и тяжелыми заботами и хлопотами, соединенными съ дальнимъ переселеніемъ крестьянъ и водвореніемъ ихъ на мѣстахъ новаго жительства, — Михаила Максимовичъ неуспѣшно занимался самъ, постоянно имѣя въ виду одно: благосостояніе крестьянъ. Онъ умѣлъ не жалѣть денегъ, гдѣ было нужно, смотрѣлъ, чтобы они доходили до рукъ въ время, въ мѣру, и предупреждалъ всякія надобности и нужды переселенцевъ. Самъ выпроваживалъ ихъ со *старши*, самъ ѣхалъ съ ними большую часть дороги и самъ встрѣчалъ ихъ на повосельи, снабженномъ всемъ для ихъ пріема и помѣщенія. Правда, онъ былъ слишкомъ строгъ, жестокъ въ наказаніи виноватыхъ; но справедливъ въ разборѣ винъ и не ставилъ крестьянину всякаго дыка въ строку; онъ позволялъ себѣ отъ времени до времени гульнуть, потынитъ денекъ другой, завернувъ куда-нибудь въ сторону; но хмель и буйство скоро слетали съ него, какъ съ гуся вода, и съ новой бодростію являлся онъ къ своему дѣлу.

Да, дѣло лежало у него на плечахъ, занимало все его умственные способности и не давало ему предаться пагубному шланству, которое, отнимая у него умъ, снимало узду съ его страстей, чудовищныхъ, безчеловѣчныхъ. Да, дѣло спасало его. Когда же онъ привелъ въ поряд-

докъ объ новыя деревни: Куролесово и Парашино, устроитъ въ нихъ господскія усадьбы съ флигелями, а въ Парашинѣ небольшой помѣщичій домъ, когда у него стало мало дѣла и много свободнаго времени—пьянство, съ его обыкновенными послѣдствіями, и буйство совершенно овладѣли имъ, а всегдашняя жестокость мало-по-малу превратилась въ неутолимую жажду мукъ и крови человѣческой. Избалованный страхомъ и покорностію всѣхъ его окружающихъ людей, онъ скоро забылся и пересталъ знать мѣру своему бышему своему. Онъ выбралъ себѣ изъ дворовыхъ и даже изъ крестьянъ, десятка полтора головорезовъ, достойныхъ исполнителей его воли, и образовалъ изъ нихъ шайку разбойниковъ. Видя, что барину все сходило съ рукъ, они повѣрили его всемогуществу, и сами пьяные и развратные, охотно и смѣло исполняли все его безумныя приказанія. Досаждалъ ли кто Михайлу Максимовичу непокорнымъ словомъ или поступкомъ, напримѣръ, даже хотя тѣмъ, что не пріѣхалъ въ назначенное время на его пьяные пиры,—сейчасъ по знаку своего барина скакали они къ провинившемуся, хватили его тайно или явно, гдѣ бы онъ ни попался, привозили къ Михайлу Максимовичу, позорили, сажали въ подвалъ въ кандалы, или съкли по его приказанію. Михайла Максимовичъ очень любилъ хорошія вещи, хорошихъ лошадей, и любилъ, какъ украшеніе дома, хорошія, по его мнѣнію, картины. Если что-нибудь подобное правилось ему въ домъ своего сосѣда, или просто въ томъ домѣ, гдѣ ему случилось быть, то онъ сейчасъ предлагалъ хозяину помѣняться; въ случаѣ несогласія его, онъ предлагалъ иногда и деньги, если былъ въ хорошемъ духѣ; если и тутъ хозяинъ упрямился, то Михайла Максимовичъ предупреждалъ его, что возьметъ даромъ. Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько времени являлся онъ съ своей шайкой, заби-

ралъ все, что ему угодно, и увозить къ себѣ; на него жаловались, предписывали производить слѣдствіе; но Михайла Максимовичъ съ перваго разу приказалъ сказать земскому суду, что онъ обдереть конками того изъ чиновниковъ, который покажетъ ему глаза, и — оставался правъ, а челообитчикъ между тѣмъ былъ схваченъ и высланъ, иногда въ собственномъ его имѣніи, въ собственномъ домѣ, посреди семейства, которое валялось въ погахъ и просило помилованія виноватому. Бывали насилія и похуже, и также не имѣли никакихъ послѣдствій. Черезъ нѣсколько времени Михайла Максимовичъ мирился съ обиженными, удовлетворяя ихъ иногда деньгами, а чаще привлекая къ миру страхомъ; но похищенное добро оставалось его законною собственностью. Пируя съ гостями, онъ любилъ хвастаться, что вотъ эту красотку въ золотыхъ рамкахъ отнял онъ у такого-то господина, а это бюро съ бронзой у такого-то, а эту серебряную стопку у такого-то, — и все эти такіе-то господа, нерѣдко шировали тутъ же и притворялись, что не слышатъ словъ хозяина или, скрѣпя сердце, сами смѣялись надъ собой. Михайла Максимовичъ имѣлъ удивительно крѣпкое сложеніе; онъ пилъ много, но никогда не паивался до *положенія ризъ*, какъ говорится; хмѣль не валялъ его съ ногъ, а поднималъ на ноги и возбуждалъ страшную дѣятельность въ его отуманенномъ умѣ, въ его разгоряченномъ тѣлѣ. Любимымъ его наслажденіемъ было — заложить нѣсколько троекъ лихихъ лошадей во всевозможные экипажи, насажать въ нихъ своихъ собесѣдниковъ и собесѣдницъ, дворню, кого ни поцало, и съ громкими пѣснями и криками скакать во весь духъ по окольнымъ полямъ и деревьямъ. Имѣя съ собой всегда запасъ вина, онъ особенно любилъ напоить до пьяна всякаго встречнаго, какого бы званія, пола и возраста онъ ни былъ; и болѣно

съкалъ того, кто осмѣливался ему противиться. Наказанныхъ привязывали къ деревьямъ, къ столбамъ и заборамъ, не обращая вниманія ни на дождь, ни на стужу. О болѣе возмутительныхъ насиліяхъ я умалчиваю. Въ такомъ расположеніи духа вхалъ онъ однажды черезъ какую-то деревню; проѣзжая мимо овиннаго тока, на которомъ молотило крестьянское семейство, онъ замѣтилъ женщину необыкновенной красоты. «Стой», закричалъ Михайла Максимовичъ, «Петрушка! какова баба?» — «Большо хороша» отвѣчалъ Петрушка. — «Хочешь на ней жениться?» — «Да какже жениться на чужой женѣ», отвѣчалъ ухмыляясь Петрушка. — «А вотъ какъ! ребята! бери ее, сажай ко мнѣ въ повозку ...» Женщину схватили, посадили въ повозку, провезли прямо въ приходское село, и хотя она объявила что у ней есть мужъ и двое дѣтей — обвѣчали съ Петрушкой, и никакихъ просьбъ не было, не только при жизни Куролесова, но даже при жизни Прасковьи Ивановны. Когда же все имѣніе перешло въ руки ея племянника, онъ возвратилъ эту женщину вмѣстѣ съ мужемъ и дѣтьми прежнему ея господину: первый мужъ давно уже умеръ. Наслѣдникъ, то-есть, тотъ же племянникъ, роздалъ также нѣсколько разныхъ вещей прежнимъ хозяевамъ, которые предъявили свои требованія; многія же вещи долго валялись въ кладовыхъ, пока не истлѣли отъ ветхости. Трудно повѣрить, чтобъ могли совершаться такіа дѣла въ Россіи, даже и за 80 лѣтъ, но въ истинѣ разсказа нельзя сомнѣваться.

Какъ ни была ужасна и отвратительна, сама по себѣ, эта преступная, пьянаго буйства непомощная жизнь, но она повела еще къ худшему, къ болѣе страшному развитію природной жестокости Михайла Максимовича, превратившейся наконецъ въ лютость, въ кровопійство Терзать людей сдѣлалось его потребностью, наслажденіемъ.

Въ тѣ дни, когда случалось ему не драться, онъ былъ скучень, печалень, безпокоень, даже болень, и потому часъ отъ часу становилсь рѣже его поѣздки въ Чурасово и короче пребыванія тамъ. За то, воротясь въ свое любимое Нарашино, онъ спышилъ вознаграждать себя. Обзоръ хозяйственныхъ заведеній представлялъ ему достаточное число жертвъ; тутъ уже всякая вина была виновата, а въ какомъ хозяйствѣ нельзя найдти какихъ-нибудь мелочныхъ унущеній, если захочешь отыскать ихъ. Впрочемъ, отъ лютости Михайла Максимовича страдали преимущественно дворовые люди. Онъ рѣдко наказывалъ крестьянъ, и то въ случаяхъ особенной важности или личной известности ему виноватаго человека; за то старосты и прикащики терпѣли отъ него наравнѣ съ дворовыми. У него не было пощады никому, и каждый изъ его приближенныхъ, а иной и не одинъ разъ, бывалъ наказанъ на смерть. Замѣчательно, что когда Михайла Максимовичъ сердился, горячился и кричалъ, что бывало рѣдко,—онъ не дрался; когда же добирался до человека съ намѣреніемъ потышиться его муками, онъ говорилъ тихо и даже ласково: «Ну, любезный другъ, Григорій Кузмичъ (вмѣсто обыкновеннаго: Гришки), дѣлать нечего, пойдѣмъ, надобно мнѣ съ тобой разсчитаться.» Съ такими словами обращался онъ къ главному своему конюху, по прозванью Ковлягъ, который, неизвестно почему, чаще другихъ подвергался истязаніямъ. «Поцарапайте его кошечками» говорилъ съ улыбкой Михайла Максимовичъ окружающимъ, и начиналась долговременная пытка, въ продолженіе которой баринъ пилъ чай съ водкой, курилъ трубку и отъ времени до времени понущивалъ съ несчастной жертвой, покуда она еще могла слышать... Меня уверяли достоверные свидѣтели, что жизнь наказанныхъ людей спасали только тѣмъ, что завергивали истерзанное ихъ тѣло въ тѣни,

только что спятыя, шкуры барановъ, тутъ же зарезанныхъ. Осмотрѣвъ внимательно наказаннаго человека, Михайла Максимовичъ говорилъ, если быть доволенъ: «чу, будетъ съ него, приберите къ мѣсту»... и дѣлался веселъ, шутивъ и любезенъ на цѣлый день, а иногда и на нѣсколько дней. Чтобы довершить характеристику этого страннаго существа, я приведу его собственные слова, которыя онъ не одинъ разъ говаривалъ въ кругу шурующихъ собесѣдниковъ: «Не люблю палокъ и кнутевъ, что въ нихъ? Какъ разъ убьешь человека! То ли дѣло кощечки: и больно и не опасно!» Я рассказалъ десятую долю того, что знаю, но кажется и этого довольно. Замѣчательно, какъ необъяснимое явленіе и противорѣчіе въ искаженной человѣческой природѣ, что Михайла Максимовичъ, достигнувъ высшей степени разврата и лютости, ревностно занялся построеніемъ каменной церкви въ Паранинѣ; онъ производилъ эту работу экономически. Въ то время, на которомъ остановился мой рассказъ, церковь по наружности была отдѣлана, и наняты были мастера для внутренней отдѣлки; столяры, рѣшники, золотари, и иконописцы уже нѣсколько мѣсяцевъ работали въ Паранинѣ, занимая весь господскій домъ.

Четырнадцать лѣтъ была за-мужемъ Ирасковья Ивановна и хотя замѣчала что-то странное въ своемъ супругѣ, котораго послѣдніе два года рѣдко и не надолго видала, но не только не знала, даже и не подозрѣвала ничего подобнаго. Она продолжала жить беззаботно и весело: лѣтомъ занималась съ увлеченіемъ своимъ плодовитымъ садомъ и родниками, которыхъ не позволяла обдѣлывать и очень любила сама расчищать, а все остальное время года проводила съ гостями и сдѣлалась большой охотницей играть въ карты. Вдругъ получаетъ она съ почты или съ нарочнымъ письмо отъ одной старушки, дальней род-

ственницы ея мужа, которую она очень уважала. Въ письмѣ была описана вся жизнь Михайла Максимовича и въ заключеніе сказано, что грѣшно оставлять въ невѣдѣніи госпожу тысячи душъ, которыя страдаютъ отъ тиранства изверга, ея мужа, и которыхъ она можетъ защитить, уничтоживъ довѣренность, данную ему на управленіе имѣніемъ. Что кровь ихъ вопіетъ на небо, что и теперь извѣстный ей лакей, Иванъ Ануфриевъ, умираетъ отъ жестокихъ истязаній и что самой Прасковьи Ивановнѣ нечего опасаться, потому-что Михайла Максимовичъ въ Чурасово не посмѣетъ и появиться, что добрые сосѣди и самъ губернаторъ защитятъ ее. Прасковья Ивановна была поражена какъ громомъ. Я слышалъ самъ, какъ она рассказывала, что въ первыя минуты совсемъ было сонна съ ума; но необычайная твердость духа и теплая въра подкрепили ее, и она вскорѣ рѣшилась на такой поступокъ, на какой едва ли бы отважился самый смѣлый мужчина: она велѣла заложить лошадей, сказавши, что ѣдетъ въ губернской городъ, и съ одною горничной дѣвушкой, съ кучеромъ и лакеемъ отправилась прямо въ Парашно. Путь лежалъ дальній, надобно было проѣхать четыреста верстъ, и нашлось довольно свободнаго времени обдумать свой поступокъ. Прасковья Ивановна сама говорила, что не составляла въ головѣ своей никакихъ плановъ, какъ и что ей дѣлать. Она хотѣла только взглянуть своими глазами и удостовѣриться, что дѣлаетъ и какъ живетъ тамъ ея Михайла Максимовичъ. Она не вѣрила вполне письму его родственницы, которая жила далеко и могла быть обманута ложными слухами, а спросить въ Чурасовѣ свою няню не захотѣла. Никакая опасность не входила ей въ голову: мужъ всегда съ нею былъ такъ неженъ и почтителенъ, что ей казалось самымъ естественнымъ и возможнымъ дѣломъ уговорить Михайла Мак-

симовича съестъ съ собой въ коляску и увести въ Чурасово. Она прѣехала въ Парашино нарочно вечеромъ, оставила свою коляску у околицы, а сама съ горничной и лакеемъ, никѣмъ не узнавая (да ее мало и знали), прошла до господскаго двора и черезъ заднія ворота пробралась до самаго флигеля, изъ котораго послысь крикъ, пѣсни и хохотъ, и твердою рукою отворила дверь.... Судьба, какъ нарочно собрала все, что могло однимъ разомъ показать ей, какую жизнь велъ Михайла Максимовичъ. Онъ пировалъ съ какими-то гостями пьяный, даже болѣе обыкновеннаго Одѣтый въ шелковую красную рубаху съ козымъ воротомъ, въ самомъ развратномъ видѣ, съ стаканомъ пунша въ одной рукѣ, обнималъ онъ другою рукою, сидящую у него на коленяхъ, красивую женщину; его полуньяные лакеи, дворовля и крестьянскія бабы, пѣли пѣсни и плясали. Прасковья Ивановна едва не упала въ обморокъ отъ такого зрѣлища; она все поняла, и никѣмъ незамѣченная, потому-что горница была полна народа, затворила дверь и вышла изъ ея. На крыльцѣ встрѣтилась она лицомъ къ лицу съ однимъ изъ слугъ Михайла Максимовича, человѣкомъ не молодымъ и не пьянымъ по счастью. Онъ узналъ барыню и закричалъ было: «матушка Прасковья Ивановна, вы ли это...» но Прасковья Ивановна зажала ему ротъ, и отведя его подальше на средину широкаго двора, грозно сказала: «Такъ-то вы безъ меня поживаете? Конецъ вашему веселому житію.» Слуга повалился ей въ ноги и со слезами сказалъ: «Матушка, разве мы ему рады? разве это наша воля? Самъ Господь васъ принесъ!...» Прасковья Ивановна велѣла ему молчать и приказала вести себя къ Ивану Ануфриеву, узнавъ, что онъ еще живъ. На заднемъ дворѣ, въ скотной избѣ нашла она умирающаго Ануфриева. Онъ былъ очень слабъ, и отъ него она не могла ничего узнать; но родной его братъ,

Алексѣй, молодой парень, только вчера наказанный, кое-какъ сползъ съ лавки, сталъ на колѣни и разсказалъ ей всю страшную повесть о братѣ, о себѣ и о другихъ (*). Сердце Прасковьи Ивановны облилось кровью отъ жалости и ужаса, совесть терзала ее, и она твердо рѣшилась положить конецъ преступнымъ, злодѣйскимъ дѣйствіямъ Михайла Максимовича, что казалось ей весьма легко. Она строго запретила сказывать о своемъ прѣздѣ, и узнавъ, что въ новомъ домѣ, построенномъ уже нѣсколько лѣтъ и по какому-то странному капризу барина до сихъ поръ не обдѣланномъ, есть одна жилия, особая комната, не занятая мастеровыми, въ которой Михайла Максимовичъ занимался хозяйственными счетами, — отправилась туда, чтобъ провести остатокъ ночи и поговорить на другой день ноутру съ своимъ уже не пьянымъ супругомъ. Но тайна ея прѣзда не вполне сохранилась. Слухъ о немъ дошелъ до одного изъ самыхъ отчаянныхъ сподвижниковъ Михайла Максимовича, который изъ преданности или изъ страха шепнулъ о томъ на ухо своему барину. Ошеломила эта вѣсть Михайла Максимовича. Хмель вылетѣлъ у него изъ головы, онъ смутился и почувалъ грозу. Хотя онъ мало знаетъ твердый и мужественный нравъ своей жены, потому-что не было опытовъ еще ему проявиться, но онъ его угадывалъ. Онъ распутникъ своео пьяную компанію, вылилъ на себя два ушата холодной воды, освежился тѣломъ, укрѣпился духомъ, переодѣлся въ обшкловенное платье и пошелъ посмотреть, сиигъ ли Прасковья Ивановна. Онъ успѣлъ уже обдумать и составить планъ своихъ дѣйствій. Онъ разсчиталъ очень верно, что Прасковья Ивановна была къ-нибудь извѣщена объ образѣ его жизни, что она не поверила извѣстіямъ и прѣ-

(*) Иванъ Ануфриевъ остался живъ и прожилъ лѣтъ до пятидесяти, а братъ его захнялъ и умеръ черезъ годъ.

ухала удостовѣриться въ нихъ лично. Онъ узналъ, что она заглянула во флигель и видѣла мелькомъ его пирушку; но не зналъ, что она видѣла Ануфриева и что Алексѣй разсказалъ ей все. Въ пирушкѣ и гульбѣ онъ надѣялся кое-какъ извиниться, прикинуться раскаявшимся грѣшникомъ, умаснить нежностями свою жену и какъ можно скорѣе увезти ее изъ Парашина.

Между тѣмъ уже разсвѣтало и даже взошло солнце. Михайла Максимовичъ бережно подошелъ къ комнатѣ, въ которой находилась Прасковья Ивановна; онъ тихонько отворилъ дверь и увидѣлъ, что приготовленная ей дорожная постель на сундукъ не была смята, что на нее никто не ложился. Онъ окинулъ глазами всю комнату; Прасковья Ивановна стояла на коленяхъ и со слезами молилась Богу на новый церковный крестъ, который горѣлъ отъ восходящаго солнца, передъ самыми окнами дома: никакого образа въ комнатѣ не было. Постоявъ нѣсколько минутъ, Михайла Максимовичъ сказалъ веселымъ голосомъ: «Полю молиться, душа моя Парашенька! Какъ это ты вздумала обрадовать меня своимъ прїездомъ!» Прасковья Ивановна не смутилась, встала, не допустила мужа обнять себя и, пылая внутренно справедливымъ гнѣвомъ, холодно и твердо объявила ему, что она все знаетъ и видѣла Ивана Ануфриева. Безпощадно и рѣзко высказала свое отвращеніе отъ изверга, который уже не можетъ быть ея мужемъ; объявила ему, чтобы онъ возвратилъ ей довѣренность на управленіе имѣніемъ, сейчасъ уѣхалъ изъ Парашина, не смѣлъ бы показываться ей на глаза и не заглядывалъ бы ни въ одну изъ ея деревень, и что если онъ этого не исполнитъ, то она подастъ просьбу губернатору, откроетъ правительству все его злодѣйства—и онъ будетъ сосланъ въ Сибирь на каторгу. Не ожидалъ этого Михайла Максимовичъ. Пѣна выступила

у него на губахъ отъ бѣшенства и злобы. «А, такъ ты такъ-то поговариваешь, лебедка! такъ и я поговорю съ тобой другимъ голосомъ» заревѣлъ остервенившійся злодѣй: «ты не выйдешь изъ Парашина, покуда не подпишешь мнѣ купчей крѣпости на все свое имѣнiе, а не то я уморю тебя съ голоду въ подвалѣ.» Послѣ этихъ словъ, онъ схватилъ стоящую въ углу палку, нѣсколькими ударами сбилъ съ ногъ свою Парашеньку и билъ до тѣхъ поръ, пока она не лишилась чувствъ. Онъ позвалъ нѣсколько благонадежныхъ людей изъ своей прислуги, приказалъ отнести барыню въ каменный подвалъ, заперъ огромнымъ замкомъ и ключъ положилъ къ себѣ въ карманъ. Грозенъ и страшенъ явился онъ передъ своей дворней, которую приказалъ собрать всю на лице. Хотѣлъ было отыскать виноватаго, того, кто водилъ барыню въ скотную избу, но тотъ, предвидя бѣду, давно уже скрылся; съ нимъ бѣжали кучеръ и лакей, прѣбывавшiе съ Прасковьей Ивановной; за ними послали погоно. Горничная дѣвушка не рѣшилась покинуть своей госпожи. Михайла Максимовичъ ее не тронулъ, далъ ей нѣкоторыя наставленiя, какъ уговаривать барыню къ покорности, и заперъ своими руками въ тотъ же подвалъ. Чтò же сдѣлалъ Михайла Максимовичъ потомъ? Запилъ и закутилъ болѣе прежняго. Но увы! напрасно онъ пилъ водку какъ воду, напрасно пѣла и плясала предъ нимъ пьяная ватага—Михайла Максимовичъ сдѣлался угрюмъ и мраченъ. Это не мешало однакожъ ему дѣйствовать неумоимо къ достиженiю своей цѣли. Онъ заготовилъ въ уѣздномъ городѣ на имя одного изъ своихъ достойныхъ друзей законную довѣренность отъ Прасковьи Ивановны на продажу Парашина и Куролесова (Чурасова изъ милости оставлялъ ей), и всякой день два раза спускался въ подвалъ къ своей женѣ и уговаривалъ подписать довѣренность; просилъ про-

щенья, что въ горячности такъ строго съ нею обошелся, общался, въ случаѣ ея согласія, никогда не появляться ей на глаза, и божился, что оставить духовную, въ которой, послѣ своей смерти, откажетъ ей все имѣніе. Праксовья Ивановна, страдая отъ побоевъ, изнуряемая голодомъ и получившая даже лихорадку, не хотѣла и слышать ни о какой сдѣлкѣ. Такъ прошло пять дней. Чѣмъ все бы это кончилось—одному Богу известно.

Между тѣмъ дѣдушка Степанъ Михайловичъ продолжалъ благополучно жить въ новомъ своемъ Багровѣ, которое отстояло отъ Парашина въ 120 верстахъ. Я уже сказалъ, что онъ давно искренно примирился съ Михайломъ Максимовичемъ, и хотя сердце его не лежало къ нему, но вообще онъ былъ имъ доволенъ. Куролесовъ съ своей стороны оказывалъ Степану Михайловичу и всему его семейству большое уваженіе, преданность и готовность на всякія послуги. Поселивъ Парашино и занимаясь его устройствомъ, онъ каждый годъ прѣзжалъ въ Багрово, былъ постоянно ласковъ, искателемъ, просилъ у Степана Михайловича совѣтовъ, какъ у чловѣка, опытнаго въ переселеніи крестьянъ, съ большою благодарностью, точно и подробно записывалъ все его слова, и въ самомъ дѣлѣ пользовался ими. Онъ упросилъ даже Степана Михайловича два раза прѣхать въ Парашино, чтобы взглянуть: умѣлъ ли онъ воспользоваться его совѣтами. Дѣдушка въ оба раза остался совершенно доволенъ новымъ хозяиномъ, и въ последнее свое посѣщеніе, осмотрѣвъ парашино и все хозяйственныя заведенія, сказалъ Куролесову: «ну, братъ Михайла, ты изъ молодыхъ да ранній, и тебя учить нечего.» Въ самомъ дѣлѣ все хозяйственныя дѣла у Михайла Максимовича были въ отличномъ порядкѣ. Само собою разумѣется, что онъ принималъ, угощалъ и чествовалъ старика, какъ роднаго отца. По прошествіи нѣсколькихъ

леть недобрые слухи о Куролесовъ стали поситься въ Багровъ. Сначала дѣдушкѣ совсѣмъ объ нихъ не говорили, потому-что онъ не любилъ слушать дурныхъ вѣстей, но слухи росли годъ отъ году. Семейство Степана Михайловича знало ихъ, и Арина Васильевна рѣшилась сказать ему, что Михайла Максимовичъ «болжно пехорошо живеть.» Старикъ не повѣрилъ и отвѣчалъ, что «только развѣсь уши, такъ пожалуй и церковную татьбу взведуть на челоуѣка.» «Знаю я, продолжалъ онъ каковы были крестьяне и дворовые у Бактеевыхъ,—на подрядъ мошенишки и лежебоки; да и братнишы крестьяне также безъ хозяина избаловались. Что мудренаго, что настоящая работа и порядокъ показались имъ хуже медведи? Можетъ статься, что Михайла и крутенько поворотилъ, ну да привыкнуть. А что онъ погуляеть, вышьеть иногда послѣ трудовъ, такъ и то мужчиш не бѣда, лишь бы не забылъ своего дѣла. Вотъ мерзкихъ дѣлъ не падо, да вѣдь пожалуй и солгутъ: а ты съ дочками любишь слушать рабыи сплетни!» Послѣ такихъ словъ, долго ничего не говорили Степану Михайловичу. Наконецъ родовые Багровскіе крестьяне, переведенные вмѣстѣ съ Бактеевскими изъ Симбирской губерніи въ Парашино, имѣвшіе родственниковъ въ новомъ Багровѣ, стали прѣзжать туда и рассказывать про барина страшныя вѣсти. Арина Васильевна вторично доложила о томъ своему супругу и предложила ему, чтобы онъ самъ разспросилъ Парашинскаго старика изъ Багровскихъ, котораго честность и правдивость ему давно были извѣстны и который теперь находится у нихъ въ деревнѣ. Дѣдушка согласился. Призвалъ, разспросилъ старика и услыхалъ такую повесть, отъ которой встали у него дыбомъ волосы на головѣ. Какъ быть, что дѣлать, чѣмъ тутъ пособить — не умѣлъ онъ придумать; онъ получалъ изрѣдка письма отъ Прасковьи Ива-

новны, видѣть, что она была совершенно спокойна и счастлива, и заключилъ, что она о поведеніи своего супруга ничего не знала. Онъ самъ нѣкогда давалъ ей советы, чтобъ она никому не позволяла лаушничать на своего мужа, и убѣдился, что она хорошо исполняетъ его советы. Онъ разсудилъ, что если она узнаетъ истину, то врядь ли поправитъ дѣло, а будетъ только убиваться съ горя понапрасну. И такъ надо желать, чтобъ она ничего не знала. Онъ терпѣть не могъ путаться въ чужія дѣла, да и считалъ это бесполезнымъ въ отношеніи къ Михайлѣ Максимовичу. «Пусть сдюмитъ себѣ шею или попадетъ въ уголовную—туда ему и дорога. Этого чловѣка одинъ только Богъ можетъ исправить. Крестьянамъ жить у него можно, а дворовые всѣ негодяи, пускай терпятъ за свои грѣхи. Не хочу мѣшаться въ эти поганья дѣла.» Такъ разсудилъ по своей логикѣ Степанъ Михайловичъ и удовольствовался только тѣмъ, что пересталъ отвѣчать на письма Куролесова и прекратилъ всякія съ нимъ сношенія; тотъ понялъ, что это значитъ, и оставилъ старика въ покоѣ; переписка же у Степана Михайловича съ Прасковьей Ивановной сдѣлалась какъ-то чаще и задушевиѣе.

Такъ оставались дѣла до того утра, когда вдругъ явились къ моему дѣдушкѣ передъ крыльцо трое бѣжавшихъ людей изъ Парашина. Въ первый день своего побѣга они скрывались въ непроходимомъ лѣсномъ болотѣ, которое ушралось въ Парашинскія крестьянскія гумна; вечеромъ они ко есъ къмъ повѣдались, узнали подробно всю исторію и пустились прямо къ Степану Михайловичу, какъ единственному защитнику и покровителю Прасковьи Ивановны. Можно себѣ представить, что такое было съ Степаномъ Михайловичемъ, когда онъ узналъ о случившемся въ Парашинѣ! Онъ любилъ свою единственную двоюрод-

ную сестру не меньше, если не больше своих родных дочерей. Параша, до полусмерти избитая разбойником своимъ мужемъ, Параша, сидящая въ подвалѣ уже третій день, можетъ быть давно умершая, представлялась съ такой ясностію его живому воображенію, что онъ векочить, какъ безумный, побѣжать по своему двору, по деревнѣ, изступленнымъ голосомъ сзывая дворовыхъ и крестьянъ. Всѣ сбѣжались, прискакали изъ полей, кого не было дома. Всѣ, сочувствуя отчаянному горю любимаго господина, кричали единогласно, что они всѣ ѣдутъ и пѣшкомъ идутъ выручать Прасковью Ивановну.... И вотъ черезъ нѣсколько часовъ, трое роспусковъ, запряженныхъ тройками лихихъ господскихъ коней, съ двенадцатью челоубками отборныхъ молодцевъ изъ дворовыхъ и крестьянъ и съ людьми, бѣжавшими изъ Парашина, вооруженными ружьями, саблями, рогатинами и желѣзными вилами, скакали по Парашинской дорогѣ. Къ вечеру выехали еще двое роспусковъ на лучшихъ крестьянскихъ лошадяхъ, съ десятью также вооруженными людьми, и поскакали по той же Парашинской дорогѣ на подмогу Степану Михайловичу. На другой день вечеромъ первый повздъ былъ уже въ семи верстахъ отъ Парашина; выкормили усталыхъ лошадей и, только начала занимать лѣтняя зоря, нагрянули на широкій господской дворъ и подъѣхали прямо къ извѣстному подвалу, находившемуся возлѣ самага Флингеля, въ которомъ жилъ Куролесовъ. Степанъ Михайловичъ бросился въ подвалъ и началъ стучать кулакомъ въ деревянную дверь. Слабый голось спросилъ: «Кто тутъ?» Дѣдушка узнать голось сестры своей, прослезился отъ радости, что засталъ ее живою, и крестясь, громко закричалъ: «Слава Богу! Это я, братъ твой, Степанъ Михайловичъ, ничего не бойся!» Онъ послать кучера, лакея и стараго слугу Прасковьи Ивановны заложить коляску,

въ которой она прѣхала изъ Чурасова, поставилъ шесть человекъ съ ружьями, саблями и рогатинами у входа въ выходъ, а самъ съ остальными, съ помощью топоровъ и желѣзнаго лома, принялся отбивать дверь. Въ одну минуту она была сломана; Степанъ Михайловичъ своими руками вынесъ Прасковью Ивановну, положилъ ее на распуски, съ одной стороны посадилъ возлѣ нее върную горшечную, а съ другой сѣлъ самъ, и со всеми людьми спокойно сѣхалъ со двора. Солнце начинало входить и опять ярко загорѣлся крестъ на церкви, когда Прасковья Ивановна провзжала мимо нее. Ровно за шесть сутокъ молилась она на этотъ крестъ... помолилась и теперь, благодаря Бога за свое избавленіе. Коляска догнала ихъ уже въ пяти верстахъ отъ Парашина. Степанъ Михайловичъ пересадилъ сестру въ коляску и отправился съ нею въ Багрово.

Какъ же все это случилось, спросятъ меня? Неужели никто не видалъ этого происшествія? Куда дѣвался Михайла Максимовичъ и его върные слуги? Неужели онъ ничего не знаетъ, или его не было дома?... Нетъ, многіе слышали и видѣли освобожденіе Прасковьи Ивановны; Михайла Максимовичъ былъ дома, даже знаетъ, что происходитъ, — и не осмѣнился показаться изъ своего флигеля.

Событіе совершилось очень просто: пропировавшіе съ баринномъ весь вечеръ, холопы были такъ мертвецки пьяны, что шыхъ нельзя было добудиться. Любимый и трезвый лакей, не пившій никогда вина, съ трудомъ разбудилъ хмельнаго барина; дрожа отъ страха, рассказалъ онъ про наѣздъ Степана Михайловича и про ружья, прямо нацѣленные на флигель. «Гдѣ же все наши?» спросилъ Михайла Максимовичъ. «Одни спятъ; другіе спрятались», отвѣчалъ холопъ и солгалъ, потому-что пьяная

ватага начинала собираться у господскаго крыльца. Михайла Максимовичъ подумалъ, махнулъ рукой и сказалъ: «чортъ съ ней! Запри дверь и смотри въ окно; что будетъ дальше.» Черезъ нѣсколько минутъ лакей закричалъ: «Барыню увозятъ..... увезли.....» «Ложись спать», сказалъ Михайла Максимовичъ, завернулся въ одѣяло и заснулъ, или притворился заснувшимъ.

Да, есть нравственная сила праваго дѣла, передъ которою уступаетъ мужество неправаго челоуѣка. Михайла Максимовичъ зналъ твердость духа и безстрашную отвагу Степана Михайловича, зналъ неправоство своего дѣла, и не смотря на свое бѣшенство и буйную смѣлость — уступилъ свою жертву безъ спора.

Бережно доведъ Степанъ Михайловичъ свою, всегда горячо-любимую, большую сестру, возбуждавшую теперь еще большую его нѣжность и глубокое состраданіе. Онъ не спрашивалъ ее дорогой ни о чемъ, и когда привезъ благополучно въ Багрово, то запретилъ домашнимъ беспокоить ее разспросами. Благодаря необыкновенно крепкому тѣлосложенію и столько же сильному духу, Прасковья Ивановна, недѣли черезъ двѣ, оправилась; тогда Степанъ Михайловичъ рѣшился разспросить ее обо всемъ: ему необходимо было знать настоящую истину событія для того, чтобы знать, какъ дѣйствовать, а россказнямъ людей, своими глазами ничего не видавшихъ, онъ никогда не вѣрилъ. Прасковья Ивановна съ полною откровенностью сказала ему настоящую правду; но въ то же время просила, чтобъ онъ не говорилъ о томъ своему семейству и чтобъ никто ее ни о чемъ не спрашивалъ. Боясь горячаго права своего брата, отдавая себя въ полное его распоряженіе, она умоляла однако не мстить Михайлу Максимовичу, и съ твердостью объявила, что она одумалась и рѣшилась не позорить своего мужа, не

безчестить имени, которое сама должна носить во всю свою жизнь. Она прибавила, что теперь раскаялась въ тѣхъ словахъ, которыя вырвались у нее при первомъ свиданіи съ Михайломъ Максимовичемъ въ Парашинѣ, и что ни подъ какимъ видомъ она не хочетъ жаловаться на него губернатору; но считая за долгъ избавить отъ его жестокости крѣпостныхъ людей своихъ, она хочетъ уничтожить довѣренность на управленіе ея имѣніемъ и просить Степана Михайловича взять это управленіе на себя; просить такъ же, сейчасъ написать письмо къ Михайлу Максимовичу: чтобъ онъ возвратилъ довѣренность, а если же онъ этого не сдѣлаетъ, то она уничтожить ее судебнымъ порядкомъ. Она желала, чтобъ все это написано было Степаномъ Михайловичемъ твердо, но безъ всякихъ обидныхъ словъ; для большаго же удостовѣренія хотѣла собственноручно подписать свое имя; надобно прибавить, что она плохо знала русскую грамоту. Степанъ Михайловичъ такъ любилъ сестру, что преодолѣлъ свой гнѣвъ и согласился на ея просьбу и желаніе. Онъ не хотѣлъ слышать только объ одномъ: объ управленіи ея имѣніемъ. «Не люблю путаться въ чужія дѣла, говорилъ онъ, не хочу, чтобы твои родные сказали, что я нагрѣваю руки около твоихъ тысячи душъ. Хозяйство пойдетъ скверно у тебя, это правда, но ты богата, съ тебя будетъ; теперь же такъ и быть напишу, что беру на себя все управленіе имѣніемъ, чтобы пугнуть твоего сахара медовича..... Прочее, о чемъ просишь, все будетъ сдѣлано.» Велѣдствіе того семейству былъ отданъ строгой приказъ ни о чемъ не спрашивать Парашу. Письмо къ Михайлу Максимовичу написалъ дѣдушка собственной своей рукой; Прасковья Ивановна также приписала въ немъ, и гонецъ отправился въ Парашино. Въ то время, какъ они соображали, думали, гадали и писали—въ Парашинѣ уже

все было рѣшено. На четвертый день воротился гонецъ съ извѣстіемъ, что, волею Божіею, Михайла Максимовичъ скоропостижно скончался и что его уже похоронили. — Певольно перекрестился Степанъ Михайловичъ, получивъ первый это извѣстіе, и сказалъ: Слава Богу. То же сказала и вся его семья, которая, не смотря на свое прежнее благорасположеніе къ Куролесову, давно уже смотрѣла на него со страхомъ, какъ на ужаснаго злодѣя. Но не то было съ Прасковьей Ивановной. Судя по себѣ, все думали, что она порадуется этому извѣстію, и поспѣшили сообщить его. Къ общему удивленію, она была поражена имъ до такой степени, что пришла въ совершенное отчаяніе, и снова захворала. Когда же крѣпкая натура преодолѣла болѣзнь, тоска овладѣла ею; нѣсколько недель не осушала она глазъ съ утра до вечера, и такъ исхудала, что напугала Степана Михайловича. Не понятно было для всехъ, изъ какого источника происходило такое глубокое сокрушеніе о смерти мужа, изверга рода человеческого, какъ все его называли, котораго она не могла уже любить и который такъ злодѣйски поступилъ съ нею. Но вотъ объясненіе.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ этого происшествія, моя мать, которую очень любила Прасковья Ивановна, спросила ее въ минуту сердечнаго изліянія и самыхъ откровенныхъ разговоровъ о прошедшемъ, (которыхъ Прасковья Ивановна не любила): «Скажите пожалуйста, тетущка, какъ могли вы такъ убиваться по Михайлу Максимовичу? Я на вашемъ мѣстѣ сказала бы: царство ему небесное — и порадовалась бы.» — «Ты дура, отвѣчала Прасковья Ивановна, я любила его четырнадцать лѣтъ, и не могла разлюбить въ одинъ мѣсяць, хотя узнала, какого страшнаго человека я любила; а главное, я сокрушалась объ его душѣ: онъ такъ умеръ, что не успѣлъ покаяться.»

Къ шести недѣлямъ разсудокъ нѣсколько овладѣлъ страждущею душою Прасковьи Ивановны и она поѣхала, или лучше сказать, согласилась поѣхать въ Парашино вмѣстѣ съ братомъ и со всею его семействомъ, чтобы отслужить панихиду и отправить сорочки на могилу Михайла Максимовича. Къ общему удивленію, Прасковья Ивановна, во время пребыванія своего въ Парашинѣ и во время печальной церемоніи, не выронила ни одной слезинки, но можно себѣ представить, чего стоило такое усиліе ея разтерзанной души и еще больному тѣлу! Но ея желанію пробыли въ Парашинѣ только нѣсколько часовъ, и она не входила во флигель, въ которомъ жилъ и умеръ ея мужъ.

Неизвѣстно, отъ чего произошла скоропостижная кончина Куролесова. Когда Степанъ Михайловичъ выручилъ свою сестру изъ подвала, то все въ Парашинѣ ободрилось и ожидали, что пришелъ конецъ владычеству Михайла Максимовича. Все думали, что Багровской баринѣ, бывшій вмѣсто отца ихъ баринѣ, скрутить ея мужа и выгнать изъ имѣнія, ему не принадлежащаго. Никому и въ голову не входило, чтобъ молодая ихъ госпожа, такъ обиженная, избитая до полусмерти, сидѣвшая на хлѣбѣ и на водѣ въ погребу, въ собственномъ своемъ имѣніи,—не стала преслѣдовать судебнымъ порядкомъ своего мучителя. Всякой день ждали, что нагрянетъ Степанъ Михайловичъ съ капитанъ-исправникомъ и земскимъ судомъ, но прошла недѣля, другая, третья—никто не пріѣзжалъ.... Михайла Максимовичъ шилъ, гулялъ и буйствовалъ; передралъ до полусмерти всю своего дворню, не исключая и того трезваго лакея, который будилъ его во время известнаго событія,—за то, что они его выдали, и хвалился, что получилъ отъ Прасковьи Ивановны крѣпость на все ея имѣніе. . .

.

Безъ сомнѣнія, скоропостижная смерть Куролесова повела бы за собой уголовное слѣдствіе, еслибъ въ Парашинѣ не было въ конторѣ очень молодого писца, котораго звали также Михайломъ Максимовичемъ и который только недавно былъ привезенъ изъ Чурасова. Этотъ молодой человекъ, необыкновенно умный и ловкій, уладилъ все дѣло.

Въ послѣдствіи онъ былъ повѣреннымъ, главнымъ управителемъ всѣхъ имѣній и пользовался полною довѣренностью Прасковьи Ивановны. Подъ именемъ Михайлушки, онъ былъ извѣстенъ всѣмъ и каждому въ Симбирской и Оренбургской губерніи. Этотъ замѣчательный умный и дѣловой человекъ нажилъ себѣ большія деньги, долго держался скромнаго образа жизни, но отпущенный на волю послѣ кончины Прасковьи Ивановны, потерявъ любимую жену, спился и умеръ въ бѣдности. Кто-то изъ его дѣтей, какъ мнѣ помнится, вышелъ въ чиновники и наконецъ въ дворяне.

Не могу умолчать, что лѣтъ черезъ сорокъ, сдѣлавшись владѣльцемъ Парашина, внукъ Степана Михайловича, нашелъ въ крестьянахъ свѣжую благодарную память объ управленіи Михайла Максимовича, потому-что чувствовали постоянную пользу многихъ его учрежденій; забыли его жестокость, отъ которой страдали преимущественно дворовые, но помнили умѣнье отличать праваго отъ виноватаго, работающаго отъ лѣниваго, совершенное знаніе крестьянскихъ нуждъ и всегда готовую помощь. Старики рассказывали, улыбаясь, что у Куролесова была поговорка: «плутуй, воруи, да концы хороиц, а попался, такъ не пеняи.»

Воротаясь въ Багрово, Прасковья Ивановна, пригрѣтая самой пѣжной, искренней любовью своего брата и забот-

ливимъ ухаживаньемъ всей его семьи (которой однако она не очень любила), ожидавшей отъ нее великихъ и богатыхъ милостей, мало по малу отдыхала отъ удара, жестоко ее поразившаго. Крѣпкое ея здоровье возстановилось, душа успокоилась, и по прошествіи года она рѣшилась переѣхать въ свое Чурасово. Грустно было Степану Михайловичу разставаться съ сестрицей; по душѣ она пришла къ нему всеми своими свойствами, и привыкъ онъ къ ней чрезвычайно; во всю свою жизнь онъ ни разу не прогнѣвался на Прасковью Ивановну; но онъ не удерживалъ ее, а напротивъ самъ уговаривалъ къ скорѣйшему отъѣзду. «Ну что, сестрица, за житье тебѣ съ нами, говорилъ Степанъ Михайловичъ. У насъ жизнь скучная, но мы уже къ ней привыкли. Ты человекъ еще молодой (ей было тридцатый годъ), ты богата, ты привыкла не къ такой жизни. Ступай въ свое Чурасово. Тамъ у тебя домъ барской, диковинный садъ съ родниками, много богатыхъ соседей, все тебя любятъ, все живутъ весело; а можетъ быть Богъ пошлетъ тебѣ счастливую судьбу: охотниковъ будетъ много.» Прасковья Ивановна со дня на день откладывала свой отъѣздъ—такъ было тяжело ей разстаться съ братомъ, ея спасителемъ и благодѣтелемъ съ малыхъ лѣтъ. Наконецъ день былъ назначенъ. Накапунь, рано по утру, пришла она къ Степану Михайловичу, который, задумавшись, печально сидѣлъ на своемъ крыльцѣ; она обняла его, поцѣловала, зацѣкала и сказала: «братецъ, я чувствую всю вашу ко мнѣ любовь и сама люблю и почитаю васъ, какъ роднаго отца. Конечно Богъ видитъ мою благодарность; но я хочу, чтобъ и люди ее видѣли. Позвольте мнѣ укрѣпить вамъ все мое материнское имѣніе: отцовское и безъ того достанется Алешѣ. Мои родные, съ матушкиной стороны, богаты, и вы знаете, что мнѣ не за что награждать ихъ своимъ имѣніемъ. За-мужъ я никогда

не пойду. Я хочу, чтобъ родъ Багровыхъ былъ богатъ. Согласитесь, братецъ, успокойте, утѣшите меня...» И при этихъ словахъ она бросилась ему въ ноги и осыпала поцѣлуями его руки, которыми онъ старался поднять ее. «Слушай, сестра, сказалъ Степанъ Михайловичъ нѣсколько строгимъ голосомъ. Ты меня плохо знаешь! Чтобъ я покорыствовался чужимъ добромъ и взялъ имѣнье мимо законныхъ наследниковъ... нѣтъ этому не бывать, и никто про Степана Багрова этого не скажетъ. Смотри же, чтобъ и помину не было объ Бактевскомъ имѣньи; а не то мы съ тобой поссоримся въ первый разъ въ жизни».

На другой день Прасковья Ивановна уѣхала въ Чура-
сово и зажила своей особенною, самобытною жизнью.

ТРЕТІЙ ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ

СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ.

ЖЕНИТЬБА МОЛОДАГО

БАГРОВА.

Много пронеслось годовъ, много совершилось событій: были голодь, повальныя болѣзни, была Пугачевщина. Шайки Емели распугали помещиковъ Оренбургскаго края, и Степанъ Михайловичъ со своимъ семействомъ также бѣжаль, сначала въ Самару, а потомъ, внизъ по матушкѣ по Волгѣ, въ Саратовъ и даже въ Астрахань. Но все прошло, все успокоилось, все забылось. Одни подросли, другіе возмужали, третьи постарѣли: разумѣется въ числѣ третьихъ былъ Степанъ Михайловичъ. Видѣлъ это онъ и самъ, да какъ-то не верилъ. Не рѣдко говорилъ онъ: «много уплыло по вешней водѣ», и говорилъ онъ это безъ огорченія, какъ будто рѣчь шла о другомъ чловѣкѣ, а не о немъ... въ самомъ дѣлѣ не тотъ уже былъ мой дѣдушка. Куда дѣвались его богатырскія силы, и проворство, и неутомимость? Дѣдушка дивился тому иногда, но продолжалъ жить по прежнему, по старинному: онъ такъ же, столько же тлъ и нилъ, сколько и чего хотѣла душа, такъ же одѣвался, не справляясь съ погодою, отъ чего начиналъ иногда прихварывать. Тускиѣли понемногу его ясныя и зоркіе взгляды, слабѣлъ громкій голосъ; рѣже онъ гнѣвался,

рѣже бывалъ веселье и свѣтель. Старшихъ дочерей своихъ онъ пристроилъ: первая, Веригина, уже давно умерла, оставивъ трехъ-лѣтнюю дочь; вторая, Коптяжева, овдовѣла и опять вышла за-мужъ за Нагаткина; умная и гордая Елисавета, какими-то судьбами пошла за генерала Ерабкина, который, между прочимъ, былъ старъ, бѣденъ и шить запоемъ; Александра нашла себѣ столбоваго русскаго дворянина, молодаго и съ состояніемъ, П. П. Коротаева, страстнаго любителя Банкирцевъ и кочевой ихъ жизни, — Банкирца душой и тѣломъ; меньшая, Танюша, оставалась при родителяхъ; сыночекъ былъ уже двадцати семи лѣтъ, красавчикъ, кровь съ молокомъ: «кофту, да юбку, такъ больше бы походилъ на барышню, чѣмъ все сестры» такъ говорилъ про него самъ отецъ. Не смотря на горькія слезы и постоянное сокрушеніе Арины Васильевны, Степанъ Михайловичъ, какъ только сыну минуло шестнадцать лѣтъ, опредѣлилъ его въ военную службу, въ которой онъ служилъ года три, и по протекціи Михайла Максимовича Куролесова находился почти годъ безмѣшнымъ ординарцемъ при Суворовѣ; но Суворовъ уѣхалъ изъ Оренбургскаго края, и какой-то пѣмецъ генералъ (кажется Трейблутъ) безъ всякой вины жестоко отколотилъ налками молодаго человека, не смотря на его древнее дворянство. Бабушка чуть не умерла съ печалью, да и дѣдушкѣ не понравилась эта шутка: онъ взялъ Алешу въ отставку и опредѣлилъ въ верхній земскій судъ, гдѣ онъ усердно и долго служилъ и былъ впоследствии прокуроромъ.

Не могу прейти молчаніемъ замѣченную мною странность: большая часть этихъ господъ Пѣмцевъ и вообще иностранцевъ, служившихъ тогда въ русской службѣ, постоянно отличались жестокостью и большою охотою до налокъ. Пѣмецъ — лютеранинъ, отколотившій безпощадно моего отца, былъ въ то же время строгимъ соблюдателемъ цер-

ковныхъ русскихъ обрядовъ. Вотъ какъ случилось это историческое событіе въ нашей Семейной Хрошкѣ. Подъ какой-то неважный праздникъ приказалъ Пѣмецъ-генералъ служить всенощную въ полковой церкви, что совершалось всегда въ его присутствіи и при собраніи всѣхъ офицеровъ. Время было лѣтнее, окопикъ отворены; вдругъ зашлась въ воздухъ русская пѣсня по Дворянской улицѣ города Уфы; генералъ бросился къ окошку: по улицѣ шли трое молодыхъ унтеръ-офицеровъ, одинъ изъ нихъ пѣлъ пѣсно; генералъ приказалъ ихъ схватить и каждому дать по триста палокъ. Бѣдный мой отецъ, который не пѣлъ, а только вмѣстѣ шелъ съ другими унтерами, объявилъ, что онъ дворянинъ, но генералъ, злобно улыбаясь, сказалъ ему: «Дворянинъ долженъ быть съ бѣльшимъ благоговѣніемъ къ служба Господня»—и въ своемъ присутствіи, въ сосѣдней комнатѣ съ церковью, при торжественномъ пѣніи божественныхъ славословій, зверски приказалъ отсчитать триста ударовъ невинному юношѣ, запрещая ему даже кричать, чтобъ: «не возмущать Господня служба.» Замертво отвезли наказаннаго въ лазаретъ. Тамъ должны были разрѣзать на немъ мундиръ, такъ распухло его пѣжное молодое тѣло; два мѣсяца гнила у него спина и плечи. Каково было все это узнать матери, любившей единственнаго сына до безумія! Дѣдушка жаловался кому-то, и еще до выхода изъ лазарета сынъ его, немедленно подавшій просьбу объ отставкѣ, былъ уволенъ изъ военной службы для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, съ чиномъ 14-го класса. Въ настоящее время было забыто это проществіе; ему прошло уже 8 лѣтъ.

Алексѣй Степановичъ преспокойно служилъ и жилъ въ Уфѣ, отстоявшей въ 240 верстахъ отъ Багрова, и прѣзжалъ каждый годъ два раза на побывку къ своимъ родителямъ. Ничего особеннаго съ нимъ не происходило.

Тихій, скромный, застѣчивый, ко всемъ ласковый, цвѣтъ онъ, какъ макъ цвѣтъ, и вдругъ... помутился ясный ручеекъ жизни молодого деревенскаго дворянина.

Въ городъ Уфѣ, гдѣ постоянно находилась воеводская канцелярія, постоянно жила Товарищъ Намѣстника, коллежскій совѣтникъ, Николай Федоровичъ Зубинъ, человекъ умный и честный, но слишкомъ нѣжный и слабый. Онъ овдовѣлъ и у него осталось трое дѣтей; дочь Соничка, двѣнадцати лѣтъ, и два малолѣтнихъ сына. Отецъ любилъ свою Соничку страстно, да и какъ было не любить такую красавицу и умницу, которая, не смотря на свой дѣтскій возрастъ, скоро сдѣлалась ему подружкой и помощницей по домашнему хозяйству. Года черезъ полтора послѣ смерти первой жены, горячо имъ любимой, выплакавъ сердечное горе, Николай Федоровичъ успокоился и влюбился въ дочь известнаго описателя Оренбургскаго края, тамошняго помѣщика П. А. Р.—ва и вскорѣ женился. Молодая жена, Александра Петровна, умная, гордая и красивая, овладѣла совершенно нѣжнымъ сердцемъ вдовца и возненавидѣла его любимицу, свою молоденькую, но уже прекрасную падчерицу. Дѣло весьма обыкновенное. Странное слово мачиха, давно сдѣлавшееся прилагательнымъ именемъ для выраженія жестокости, шло, какъ нельзя лучше, къ Александрѣ Петровнѣ; но Соничку нельзя было легко вырвать изъ сердца отца: дѣвочка была неуступчиваго нрава, съ ней надо было бороться, и оттого злоба мачихи достигла крайнихъ предѣловъ; она поклялась, что дерзкая тринадцатилѣтняя дѣвочка, кумирь отца и цѣлаго города, будетъ жить въ дѣвичьей, ходить въ выбойчатомъ платьѣ и выносить нечистоту изъ-подъ ея дѣтей... Она буквально сдержала свою клятву: черезъ два или три года Соничка жила въ дѣвичьей, одѣвалась какъ черная служанка, мыла и чистила дѣтскую, гдѣ поселились уже двѣ новыя сестрицы.

Что же страстно любившій отецъ?... Онъ не видѣлъ дочери по цѣлымъ мѣсяцамъ, и когда встрѣчалъ, одѣтую чуть не въ рубище, — отворачивался, вздыхалъ, плакалъ потихоньку и спѣшилъ удалиться. Таковы бывають побольшей части немолодые вдовцы, влюбленные въ молодыхъ своихъ женъ. Я не знаю въ точности всѣхъ путей и средствъ, которыми достигла Александра Петровна своего торжества, и потому не стану говорить о нихъ; не стану также распространяться о томъ, какимъ жестокостямъ и мученіямъ подвергалась несчастная сирота, одаренная отъ природы чувствительною, сильною и непокорною душою; тутъ не были забыты самыя унижительныя наказанія, даже побой за небывалыя вины. Скажу только, что падчерица была близка къ самоубійству: она спаслась отъ него чудомъ. Вотъ какъ это случилось: рѣшившись прекратить невыносимую жизнь, бѣдная дѣвушка захотѣла въ послѣдній разъ помолиться въ своей коморкѣ на чердакъ, передъ образомъ Смоленской Божіей Матери, которымъ благословила ее умирающая мать. Она унала передъ иконою и, проливая ручьи горькихъ слезъ, припала лицемъ къ грязному полу. Страданія лишили ее чувствъ на нѣсколько минутъ и она какъ будто забылась; очнувшись, она встала и видитъ, что передъ образомъ теплится свѣча, которая была потушена ею наканунѣ; страдалица вскрикнула отъ изумленія и невольнаго страха, но скоро, признавъ въ этомъ явленіи чудо всемогущества Божьяго, — она ободрилась, почувствовала, неизвѣстныя ей до тѣхъ поръ, спокойствіе и силу, и твердо рѣшилась страдать, терпѣть и жить. Съ этого дня безпомощная сирота облеклась непроницаемою броней терпѣнія къ вящему раздраженію своей мачихи. Она все исполняла, что ей приказывали, все переносила спокойно; никакія ругательства, никакія унижительныя наказанія не вырывали слезъ, не доводили ее до дурноты, до обмо-

рока, какъ это прежде бывало, и къ обыкновенному названію: «мерзкая дѣвчонка» присоединился эпитетъ: «отчаянная и мерзкая дѣвчонка.» По исполнилась мѣра долготерпѣнія Божьяго, и грянулъ громъ: великодушная Александра Петровна, въ цвѣтъ лѣтъ, здоровья и красоты, родила еще сына и умерла въ десятый день послѣ родовъ. Она знала за сутки, что должна умереть, и успѣшила примириться съ своею совѣстью: вдругъ ночью разбудили Соничку и позвали къ мачихѣ; Александра Петровна при свидѣтеляхъ покаялась въ своихъ винахъ передъ падчерицей, просила у нее прощенья и заклинала именемъ Божиимъ не оставить ея дѣтей; падчерица простила, обѣщала не оставить ихъ, и сдержала обѣщанье. Александра Петровна призналась также своему мужу, что все обвиненія, взводимыя на его дочь, — были выдумка и клевета.

Боже мой, какъ смерть перевернула все вверхъ дномъ! Пиколоя Федорыча разбилъ нервическій параличъ, послѣ котораго онъ жилъ еще нѣсколько лѣтъ, но уже не вставалъ съ постели. Загнанная, оборванная барышня, которую подлое лакейство, особенно приданные мачихи, обижали сколько душѣ угодно, втоптали въ грязь — вдругъ сдѣлалась повелѣвательною госпожею въ домъ, потому-что большой отецъ отдалъ ей въ распоряженіе все. Объясненіе и примиреніе виновнаго отца съ обиженной дочерью — были унижительно и даже возмутительно для дочери и окружающихъ. Раскаянье долго терзало больного старика, долго лились у него слезы и день и ночь, и долго повторялъ онъ только одиѣ слова: «Итъ, Соничка, ты не можешь меня простить!» Не осталось ни одного знакомаго въ городѣ, передъ которымъ онъ не исповѣдовалъ бы торжественно вины своихъ передъ дочерью, и Софья Пиколовна сдѣлалась предметомъ всеобщаго уваженія и уди-

влепня. Умудренная годами тяжкихъ страданій, семнадцатилетняя дѣвушка вдругъ превратилась въ совершенную женщину, мать, хозяйку и даже официальную даму, потому что по болѣзни отца принимала всѣ власти, всѣхъ чиновниковъ и городскихъ жителей, вела съ ними переговоры, писала письма, дѣловыя бумаги, и вносльдствіи сдѣлалась настоящимъ правителемъ дѣлъ отцовской канцеляріи. Съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ и нежностью ухаживала Софья Николаевна за больнымъ отцемъ, присматривала поочередно за тремя братьями и двумя сестрами и даже позаботилась о воспитаніи старшихъ; она нашла возможность пріискать учителей для своихъ братьевъ, отъ одной съ ней матери, Сергѣя и Александра, изъ которыхъ первому было двѣнадцать, а другому десять лѣтъ: она отыскала для нихъ какого-то предобраго Француза Вильме, заброшеннаго судьбою въ Уфу, и какого-то полу-ученаго хохла В—скаго, сосланаго туда же за неудавшіяся плутни. Софья Николаевна воспользовалась случаемъ, сама училась вмѣстѣ съ братьями (*), и чрезъ полтора года отправила ихъ въ Москву къ А. Ѳ. Аничкову, съ которымъ черезъ двоюроднаго его брата, находившагося въ Уфѣ, познакомилась она заочно и вела постоянную переписку. Аничковъ жилъ въ Москвѣ, вмѣстѣ съ известнымъ П. П. Повиковымъ; оба пріятеля до того ильблились краснорѣчивыми письмами неизвестной барышни съ береговъ рѣки Бѣлой, изъ Башкиріи, что присылали ей всѣ замѣчательныя сочиненія въ русской литературѣ, какія тогда появлялись, что очень много способствовало ея образованію. Аничковъ былъ особеннымъ ея почитателемъ и счелъ за счастье исполнить просьбу Софьи Николаевны, то-есть,

(*) Она училась такъ прилежно, что скоро могла понимать французскія книги, разговоры и даже выучилась немного говорить по-французски.

взять на свои руки обонхъ ея братьевъ и помѣстить ихъ въ университетской благородный пансіонъ, что и сдѣлала усердно и точно. Мальчики очень хорошо учились, но по несчастію ученье было прервано тѣмъ, что ихъ потребовали въ гвардію, куда они были записаны еще въ колыбели.

Всѣ, по тогдашнему умные и образованные люди, попадавшіе въ Уфу, спѣшили познакомиться съ Софьей Николавной, плѣнялись ею и никогда не забывали. Большая часть такихъ знакомствъ обратилась впоследствии въ дружбу съ ея семействомъ, которая прекращалась только смертію. Изъ числа ихъ я назову только тѣхъ, которыхъ зналъ самъ: В. В. Романовскаго, А. Ю. Ювенаріуса, П. П. Чичагова, Д. Б. Мертваго и В. П. Ичанскаго. Ученые и путешественники, посѣщавшіе новый и чудный Уфимской край, также непременно знакомились съ Софьей Николавной и оставляли письменные знаки удивленія ея красотъ и уму. Конечно, положеніе этой дѣвушки въ обществѣ и семействѣ было выгодно, служило, такъ сказать, картиннымъ подножіемъ, но за то и стояло на немъ чудное созданіе. Особенно памятны мнѣ стихи одного путешественника, графа Мантейфеля, который прислалъ ихъ Софьѣ Николавнѣ, при самомъ почтительномъ письмѣ на французскомъ языкѣ, съ приложеніемъ экземпляра огромнаго сочиненія въ пяти томахъ in-quarto доктора Бухана, только что переведеннаго съ англійскаго на русскій языкъ и бывшаго тогда знаменитою новостію въ медицину. Домашній лечебникъ Бухана былъ драгоценнымъ подаркомъ для Софьи Николавны: она могла пользоваться его указаніями и составлять лекарства для леченія своего больного отца. Въ стихахъ же, графъ Мантейфель называлъ уфимскую красавицу и Венерой, и Минервой.

Не смотря на болѣзненное состояніе, Николай Федоровичъ не оставлялъ нѣсколько лѣтъ своей должности. Всякой годъ раза два онъ давалъ вечера съ танцами; самъ къ дамамъ не выходилъ, а мужчинъ принималъ лежа въ кабинетѣ; но мелодая хозяйка принимала весь городъ. Нѣсколько разъ въ годъ онъ непременно посылалъ своего Соничку на балы къ почетнымъ лицамъ города. Софья Николаевна, богато одѣтая, отлично по тогдашнему танцующая, уступая усиленнымъ просьбамъ старика, прѣзжала на балъ на самое короткое время. Протанцовавъ польской, менуэтъ и одинъ контредансъ или экоссесъ, она сейчасъ уѣзжала, мелькнувъ въ обществѣ, какъ блестящій метеоръ. Все, что имѣло право влюбляться, было влюблено въ Софью Николаевну, но любовью самою почтительной и безнадежной, потому-что строгость ея нравовъ доходила до крайнихъ размѣровъ.

И вотъ въ какую необыкновенную дѣвушку влюбился сыночекъ Степана Михайловича. Онъ не могъ вполне понимать и цѣнить ее, но одной наружности, одного живаго и веселаго ума ея достаточно было, чтобы свести съ ума человека — и молодой человекъ сошелъ съ ума. Съ перваго взгляда Софья Николаевна, которую онъ увидѣлъ у обѣдни, обворожила, какъ говорили тогда, его мягкое сердце. Узнавъ, что красавица принимаетъ всехъ чиновниковъ, прѣзжающихъ къ ея отцу, Алексѣй Степанычъ (станемъ звать его полнымъ именемъ), какъ чиновникъ, служившій въ верхнемъ земскомъ судѣ, сталъ постоянно являться съ поздравленіями по праздничнымъ и табельнымъ днямъ, въ пріемной Товарища Намѣстника; всегда видѣлъ Софью Николаевну и таялъ часъ отъ часу болѣе. Эти посѣщенія, слишкомъ точныя, слишкомъ продолжительныя, хотя почти безмолвныя, были скоро замѣчены всеми, и вѣроятно, первая замѣтила ихъ молодая хозяйка.

Очарованные глаза, пылающія щеки, смущеніе, доходившее до самозабвенія, всегда были краснорѣчивыми объяснителями любви. Надъ искренней любовью обыкновенно все смѣется, такъ положено испоконъ вѣка, — и весь городъ смѣялся надъ смиреннымъ, застенчивымъ и стыдливымъ какъ деревенская дѣвушка, Алексѣемъ Степанычемъ, который въ отвѣтъ на все шутки и намеки конфузился и краснѣлъ, какъ маковъ цвѣтъ. Софья Николаевна, строгая и даже суровая ко всемъ свѣтскимъ любезникамъ, вопреки ожиданію всѣхъ была снисходительна къ своему безмолвному обожателю. Я не знаю, жалко ли ей стало молодаго безответнаго человѣка, терпѣливаго за любовь къ ней насмѣлки; поняла ли она, что это не минутное увлеченіе, не шутка для него, а вопросъ цѣлой жизни — не знаю, но суровая красавица не только благосклонно кланялась и смотрѣла на Алексѣя Степаныча, но даже заговаривала съ нимъ; робкіе, несвязные отвѣты, прерывающійся отъ внутренняго волненія голоса, не казались ей ни смѣшными, ни противными. Впрочемъ, надо сказать, что Софья Николаевна высоко себя держала передъ бойкими и заносчивыми людьми, а со смиренными и скромными всегда была снисходительна и ласкова.

Такъ тянулось дѣло довольно долго. Вдругъ дерзкая мысль озарила горящую голову Алексѣя Степаныча, мысль—жениться на Софьѣ Николаевнѣ! Онъ самъ сначала перенугался такого смѣлаго и несбыточнаго желанія. Куда ему до Софьи Николаевны, перваго лица въ городѣ, первой умницы и красавицы въ цѣломъ свѣтѣ по его мнѣнію... и онъ совершенно отбросилъ такое намѣреніе. Но мало по малу, постоянная благосклонность и вниманіе, приветливые, какъ-будто ободряющіе взгляды Софьи Николаевны (такъ ему казалось), а всего больше любовь, овладѣвшая всемъ существомъ его, снова вызвали отбро-

шешую мысль, и она скоро сроднилась, сжилась съ его жизнью. Одна старая помѣщица, жившая по дѣлу въ Уфѣ, Алакаева, которая ѣзжала въ домъ къ Зубинымъ, дальняя родственница Алексѣя Степаньча, принимала въ немъ всегда особенное участіе; онъ сталъ чаще навѣщать ее, ласкаться къ ней, какъ умѣлъ, и наконецъ открылся въ своей любви къ извѣстной особѣ и въ своемъ намѣреніи искать ея руки. Любовь, какъ городская молва, была давно извѣстна Алакаевой; но намѣреніе жениться ее удивило. «Не пойдетъ, сказала старуха качая головой, она преумная, прегордая, превоспитанная. Мало ли въ нее влюблялись, но никто посвататься не осмѣлился. Ты конечно красавчикъ, стариннаго дворянскаго рода, имѣешь небольшое состояніе, а со временемъ будешь и богатъ: это все знаютъ; но ты человекъ не ошлифованный, деревенскій, ни чему не ученый, и больно ужъ" смиренъ въ публикѣ...» Обо всемъ этомъ догадывался и самъ Алексѣй Степаньчъ, но любовь совершенно помутила его голову; и дено и ночно кто-то шепталъ ему въ уши, что Софья Николаевна за него пойдетъ. Хотя надежды молодого человека казались Алакаевой неосновательными, но она согласилась на его просьбу съѣздить къ Софьѣ Николаевнѣ, и не дѣлая никакихъ намековъ о его намѣреніи, завести рѣчь о немъ, какъ-нибудь стороною, и замѣтить все, что она скажетъ. Алакаева поѣхала немедленно; Алексѣй Степаньчъ остался у ней въ домѣ, ожидая ея возвращенія; старуха проѣздила довольно долго; на влюбленнаго попалъ такой страхъ, такая тоска, что онъ принялся плакать, и наконецъ утомленный слезами, заснулъ, прислонясь головой къ окошку. Старуха, воротясь, разбудила его и съ веселымъ видомъ сказала: «Ну, Алексѣй Степаньчъ, въ самомъ дѣлѣ что-то есть. Я стала о тебѣ говорить и неможко на тебѣ нападать, а Софья Николаевна

заступилась за тебя не на-шутку и наконец сказала, что ты долженъ быть человекъ очень добрый, скромный, тихій и почтительный къ родителямъ, что такихъ людей благословляетъ Богъ и что такіе люди лучше бойкихъ говорунговъ.» Алексѣй Степанычъ оныявль отъ радости и самъ не помнилъ, что говорилъ тогда. Алакаева, давъ ему уснокоиться, съ твердостью сказала: «Если это твое непремѣнное желаніе, то вотъ тебѣ мой советъ. Повзжай немедленно къ отцу и матери, расскажи имъ все и проси у нихъ согласія и благословенія, пока добрые люди не помѣшали. Если ты получиши и то и другое, то я не отказываюсь хлопотать за тебя. Только не торопись; умасли напередъ сестерь, а мать противиться твоему желанію не станетъ. Разумется, первое дѣло согласіе твоего отца. Я его знаю, онъ больно крутъ, но разуменъ; поговори съ нимъ, когда онъ будетъ веселъ.» Алексѣй Степанычъ удивился такому осторожному совету и такимъ окошничостямъ, и возразилъ: что родители его будутъ очень рады и что развѣ есть какой-нибудь порокъ въ Софѣй Николавнѣ?» «Пребольшой, отвѣчала умная старуха. Она бѣдна, у нее ровно нѣтъ ничего, а ея дѣдуника былъ простой урядникъ въ казачьемъ Уральскомъ войскѣ.» На Алексѣя Степаныча нисколько не подѣйствовали эти многозначительныя слова; но предчувствіе не обмануло старуху Алакаеву, и предостереженіе было слишкомъ поздно. Черезъ недѣлю Алексѣй Степанычъ взявъ отнускъ, раскланялся съ Софѣей Николавной, которая очень ласково пожелала ему счастливаго пути, пожелала, чтобы онъ нашелъ родителей своихъ здоровыми и обрадовалъ ихъ своимъ прїездомъ, — и полный радостныхъ надеждъ отъ такихъ прїятныхъ словъ, молодой человекъ уѣхалъ въ деревню къ отцу и матери. Старики обрадовались, но какъ-то не удивились несвоевременному прїезду сына и посматривали

на него вопросительно; а сестры, (которые жили не подалеку и по уведомленію матери сейчас прискакали) цѣловали и миловали братца, но чему-то улыбались. Алексѣй Степанычъ былъ особенно друженъ съ меньшей сестрой и открылся ей первой въ своей страсти. Татьяна Степановна, нѣсколько романическая дѣвица, любившая брата больше, чѣмъ другія сестры, слушала его съ участіемъ и наконецъ такъ увлеклась, что открыла ему весь секретъ: семья знала уже объ его любви и смотрѣла на нее неблагопріятно. Вотъ какимъ образомъ происходило дѣло: не задолго до пріѣзда Алексѣя Степаныча, Иванъ Петровичъ Каратаевъ ѣздилъ зачѣмъ-то въ Уфу и привезъ своей женѣ эту городскую новость; Александра Степановна (я скажу о ея свойствахъ) вскипѣла негодованіемъ и злобой; она была коноводъ въ своей семьѣ и вертѣла всеми, какъ хотѣла, разумѣется кромѣ отца; она обратила въ шпіоны одного изъ лакеевъ Алексѣя Степаныча, и онъ сообщилъ ей всѣ подробности объ образѣ жизни и о любви своего молодаго барина; она нашла какую-то кумушку въ Уфѣ, которая разносила, разузнала всю подноготную и написала ей длинную грамотку, съ помощію отставнаго подъячаго, составленную изъ городскихъ вѣстей и сплетень двора въ домъ Зубина, преимущественно со словъ озлобленныхъ приданныхъ покойной мачихи. Не трудно догадаться, какими красками была расписана Софья Николаевна.

Дѣло извѣстное, что въ старину (я разумю старину Екатерининскую), а можетъ быть и теперь, сестры не любили, или очень рѣдко любили своихъ невестокъ, то есть, женъ своихъ братьевъ, отчего весьма краснорѣчиво называются *золовками*; еще болѣе не любили, когда женился единственный братъ, потому-что жена его дѣлалась безраздѣльною, полною хозяйкою въ домѣ. Въ человеческомъ

существо скрывает много эгоизму; онъ дѣйствуетъ часто безъ нашего вѣдома, и никто не изыять отъ него; честные и добрые люди, не признавая въ себѣ эгоистическихъ побужденій, искренно приписываютъ ихъ инымъ, благовиднымъ причинамъ: обманываютъ себя и другихъ безъ умысла. Въ натурахъ недобрыхъ, грубыхъ и невежественныхъ обнаруживаются признаки эгоизма ярче и безцеремоннѣе. Такъ было и въ семействѣ Степана Михайловича. Женитьба брата, на комъ-бы то ни было, непременно досадила бы всѣмъ. «Братецъ къ намъ перемѣнится, не станетъ насъ такъ любить и жаловать, какъ прежде, молодая жена ототретъ родныхъ, и домъ родительскій будетъ намъ чужой»: это непременно сказали бы сестры Алексѣя Степаныча, хотя бы его невѣста была—ихъ поля ягода; но невѣстки Софьи Николаевны хуже нельзя было придумать для нихъ. Александра Степановна поспѣшила пригласить Елизавету Степановну въ Багрово, чтобы сообщить матери и сестрамъ, разумеется съ приличными украшениями, все полученныя ею свѣдѣнія о похожденияхъ своего брата; все повѣрили ей безусловно, и вотъ какое мнѣніе составилось о Софьѣ Николаевнѣ. Во-первыхъ, Зубиха (такъ называли ее сестры и мать Алексѣя Степаныча въ своихъ тайныхъ засѣданіяхъ) — низкаго рода: дѣдушка у ней былъ Уральской казакъ, по прозванью Зубъ, а мать (Вѣра Ивановна Кандалицова) изъ купеческаго званія. Следовательно низко было породниться съ ней старинному дворянскому дому. Во-вторыхъ, Зубиха — нищая: какъ умереть отецъ или отставить его отъ должности, то пойдетъ по міру, а потому и братьевъ и сестрицъ своихъ навяжетъ на шею мужу. Въ-третьихъ, Зубиха — гордячка, модница, городская прощельга, привыкшая повелевать всѣмъ городомъ; следовательно на нихъ, на деревенскихъ жителей, даромъ, что они старинные

столбовые дворяне, — и племуть не захотеть. Наконецъ въ-четвертыхъ, Зубиха—колдунья, которая корнями приворачиваетъ къ себѣ всѣхъ мужчинъ, бѣгающихъ за ней, взявша языкъ, и въ томъ числѣ приворотила бѣднаго братца ихъ, потому-что пронохала объ его будущемъ богатствѣ и объ его смиренствѣ, захотѣла быть старинной дворянкой и нарохтится за него за-мужь. — Александра Степановна, которая заправляла всѣмъ дѣломъ, съ помощью бойкаго и ядовитаго языка своего всѣхъ смутила и доказала, какъ дважды два четыре, что такая невѣста, какъ Софья Николаевна, — совершенная бѣда для ихъ; «что она, пожалуй, и Степана Михайловича приворотить, и тогда всѣ они пропади: слѣдовательно надо упогребить всѣ усилія, чтобы Алексѣй Степанычъ не женился на Софьи Николаевнѣ». Очевидно, что всего нужнѣе было внушить Степану Михайловичу самыя дурныя мысли объ Софьи Николаевнѣ, но какъ это сдѣлать? Дѣйствовать прямо онъ не рѣшился, потому-что совѣсть была не чиста. Кой грѣхъ отецъ заподозритъ ихъ въ умысль, тогда ужъ не повѣритъ и правдѣ; онъ еще и прежде, когда старики принскали бѣдѣ невѣсту своему сыну, далъ имъ почувствовать, что понимаетъ ихъ нежеланіе—видѣть брата желатымъ.—И такъ устроили слѣдующую машиннацію: одну изъ родныхъ племянницъ Арины Васильевны, пѣтую дуру, смертную вѣстовщицу и пьяницу, Флену Ивановну Лупожинову, научили прѣхать какъ будто въ гости въ Багрово и между прочими розказаньями розказать про любовь Алексѣя Степаныча, разумеется съ самой невыгодной стороны для Софьи Николаевны. Долго Александра Степановна учила съ голосу Флену Ивановну, что говорить и какъ говорить. Наконецъ роль была по возможности вытвержена. Флена Ивановна явилась въ Багрово къ обѣду, послѣ котораго и хозяева и гости заснули часа три и по-

томъ собрались къ чаю. Старикъ былъ въ духъ и самъ навелъ свою гостью на исполненіе роли. «Ну что, Флена пушка! (такъ звалъ ее Степанъ Михайловичъ по причинѣ толщины и малаго роста) рассказывай, что слышала отъ прѣвзжихъ изъ Уфы (ея сестра, Катерина Ивановна Калмыкина съ мужемъ недавно отсюда воротились). Чай вѣстей навезли съ три короба, ну да ты приложишь четвертый»... — «Охъ, шутникъ ты нашъ шутникъ, дядюшка любезный, отвѣчала Флена Ивановна, что мнѣ лгать! вѣстей-то навезли много». Тутъ она рассказала цѣлую кучу разныхъ былей и небылицъ и нелѣпыхъ сплетень, отъ которыхъ я пощажу моихъ читателей. Дѣдушка притворился, что ничему не вѣритъ, даже справедливымъ извѣстіямъ; онъ подтрунивалъ надъ рассказщицей, путалъ ее въ словахъ, сбивалъ и такъ забавно дразнилъ, что вся семья валялась со смѣху. Глупой бабѣ, выпившей со сна добрую чарку настойки для бодрости, за досаду стало, и она съ некоторою горячностью сказала старику: «да что это, дядюшка, ты все смѣешься и ничему не вѣришь? погоди, я поберегла тебѣ вѣсточку на закуску; ты ей за неволю повѣришь, да и смѣяться не станешь.» Семья переглянулась, а дѣдушка засмѣялся. — «Ну, вытряхивай, весело сказалъ онъ; повѣрить не повѣрю, а смѣяться не стану: ты ужъ мнѣ надоела» — «Охъ, дядюшка, дядюшка, начала Флена Ивановна; ты вотъ объ братцѣ-то нашемъ любезномъ, Алексѣ-то Степановичѣ ничего не знаешь. Вѣдь онъ весь высохъ съ тоски; приворотила его къ себѣ печистой силой уфимская вѣдьма, дочка набольшаго тамошняго, воеводы что-ли, намѣстника ли — не знаю. Говорятъ, такая красавица, что всѣхъ заполонила и старыхъ и молодыхъ, всѣхъ корнями обвела. Вся за ней, прости Господи, какъ кобели за сукой, такъ и бѣгаютъ. А голубчикъ-то мой, братецъ-то Алексѣй Степанычъ, такъ

врюхался, что ни есть, ни шеть и не спить. Все и сидить у ней, глазъ съ нея не сводить, глядитъ да вздыхаетъ, а по ночамъ все мимо ея дома ходить, съ ружьемъ да съ саблей, все караулитъ ее; она же, Зубина-то, говорятъ, его приголубила; вѣдь онъ самъ красавчикъ и столбовой дворянинъ, такъ у ней губа-то не дура: хочеть за него за-мужъ выйти. Да и какъ не хотеть? вѣдь она нищая, и отецъ ея изъ простыхъ, сынъ казака уральскаго, Оедьки Зуба; хотъ самъ и дослужился до чиновъ и при больникъ мѣстахъ былъ, а ничего не нажить: все протражирилъ на столы да на шры, да на дочкны наряды; старикъ еле живъ, на ладонь дышетъ, а дѣтей-то куча: отъ двухъ женъ—шесть человекъ. Все сядутъ на твою, дядюшка, шею, коли братаецъ-то на ней женится; у ней приданаго однь платья; на брюхъ-то шолкъ, а въ брюхъ-то шелкъ. А ужъ Алексѣй Степанычъ, говорятъ, на себя не похожъ—узнать нельзя; точно въ воду опущенный; ужъ и лакеи-то, глядя на него, плачутъ, а вамъ доложить не смѣютъ. Повѣрь, дядюшка, все правда до одного слова; допроси своихъ лакеевъ, они не запрутсѣя.» Арина Васильевна принялась плакать, а дочки куксень глаза. Дѣдушка былъ немного озадаченъ, но скоро овладѣлъ собою и съ равнодушной улыбкой отвѣчать: «Пригано много, а можетъ есть и правда. Я самъ слышалъ, что Зубина красавица и умница, вотъ въ чемъ и все колдовство (*). Что мудренаго, если и у Алексѣя глаза разгорѣлись. Остальное все враки. Выдти за-мужъ за Алексѣя—Зубина и не думаетъ; она найдетъ себѣ получше

(*) Дѣдушка вообще колдовству мало вѣрилъ. Даже стрѣлялъ одинъ разъ (вынувъ тихонько дробь) въ колдуна, который уверялъ, что ружье заговорено и не выстрѣлитъ; разумѣется ружье выстрѣлило и крѣпко напугало колдуна, который однако нашелся и торжественно объявилъ, что дѣдушка мой «самъ знаетъ», чему и повѣрили всѣ, разумѣется, кромѣ Степана Михайловича.

и побойчье жениха. Онъ ей не пара.—Ну теперь кончено. Больше объ этомъ не тарантить. Поидемте пить чай на дворъ.»—Разумется Флена Пвановна и весь прочіе не смѣли и поминать объ Уфимскихъ новостяхъ. Вечеромъ гостя уѣхала. После ужина, когда Арина Васильевна и дочери начали было безмолвно прощаться съ Степаномъ Михайловичемъ, онъ остановилъ ихъ слѣдующими словами: «Ну что, Арина? что у тебя на умъ бродить? Дура Флена конечно много приврала, а мнѣ сдается, что тутъ есть и правда. Письма Алексѣевы какъ-то стали другія. Надо бы это дѣло какъ-нибудь поразвѣдать. Да всего лучше позовемъ Алешу сюда: отъ него узнаемъ всю правду.»—Тутъ Александра Степановна вызвалась въ одну недѣлю спосылать нарочнаго въ Уфу, чтобы развѣдать объ этомъ дѣлѣ черезъ родственницу своего мужа, прибавя, что она женщина правдивая и ни за что не солжетъ: старикъ согласился не вызывать сына до полученія новыхъ извѣстій. Александра Степановна сейчасъ ускакала домой въ свою Каратаевку (всего въ 50 верстахъ отъ Багрова) и ровно черезъ недѣлю воротилась къ старикамъ; она привезла то самое письмо, которое еще прежде получила отъ своей кумушки и о которомъ я уже говорилъ. Письмо показали и прочли Степану Михайловичу, и хотя онъ плохо вѣрилъ женскимъ справкамъ и донесеніямъ, но нѣкоторыя статьи въ письмѣ показались ему правдоподобными и произвели на него непріятное впечатлѣніе. Онъ рѣшительно сказалъ, что если въ самомъ дѣлѣ Зубина думаетъ выйти за-мужъ за Алешу, то онъ не позволитъ ему жениться на ней, потому что она не дворянскаго рода. «На этой же почтѣ шните къ Алешѣ и зовите его домой.»—Черезъ нѣсколько дней, которые не были потеряны даромъ, потому что Арина Васильевна съ дочерьми успѣли напѣть въ уши старику много неблагопріятнаго для лю-

бви Алексѣя Степаньича, вдругъ, какъ снѣгъ на голову, явился онъ самъ, что мы уже знаемъ.

Услыхавъ отъ сестры все, сейчасъ рассказанное мною, Алексѣй Степаньичъ крѣпко призадумался и оробѣлъ. Лишенный отъ природы твердой воли, воспитанный въ сѣтвомъ повиновеніи къ семейству, а къ отцу—въ страхъ, онъ не зналъ, что ему дѣлать. Наконецъ рѣшился поговорить съ матерью. Арина Васильевна, любившая единственнаго сынка безъ памяти, но привыкшая думать, что онъ все еще малое дитя, и предубѣжденная, что это дитя полюбило опасную игрушку, — встрѣтила признаніе сына въ сильномъ чувствѣ такими словами, какими встрѣчаютъ желаніе ребенка, просящаго дать ему въ руки раскаленное желѣзо; когда же онъ, слыша такія рѣчи, залился слезами, она утѣшала его, опять таки, какъ ребенка, у котораго отнимаютъ любимую игрушку. Что ни говорилъ Алексѣй Степаньичъ, какъ ни старался опровергнуть клеветы на Софью Николавну—мать его не слушала, или слушала безъ всякаго вниманія. Прошло еще два дня; сердце молодого человѣка разрывалось; тоска по Софьѣ Николавнѣ и любовь къ ней росли съ каждымъ часомъ, но вероятно онъ не скоро бы осмѣлился говорить съ отцемъ, если бы Степанъ Михайловичъ не предупредилъ его самъ. Въ одно прекрасное утро, послѣ ночи, проведенной почти безъ сна, Алексѣй Степаньичъ, нѣсколько похуздѣвшій и поблѣднѣвшій, рано пришелъ къ отцу, который сидѣлъ по своему обыкновенію на своемъ крылечкѣ. Старикъ былъ веселъ и ласково встрѣтилъ сына; но взглянувъ пристально ему въ лицо, онъ понялъ, что происходило въ душѣ молодого человѣка. Давъ поцѣловать ему свою руку, онъ съ живостью, но безъ гнѣва сказалъ ему: «послушай, Алексѣй! я знаю, что лежитъ у тебя на сердцѣ, и вижу, что дурь крѣпко забралась къ тебѣ въ голову. Рассказывай же мнѣ всю подноготную

безъ утайки, и чтобъ все до одного слова была правда.» Хотя Алексѣй Степанычъ не привыкъ откровенно говорить съ отцемъ, котораго больше боялся, чѣмъ любилъ, но любовь къ Софьѣ Николаевнѣ придала ему смѣлость. Онъ бросился сначала къ отцу въ ноги и потомъ разсказалъ ему со всеми подробностями, ничего не скрывая, свою сердечную повѣсть. Степанъ Михайловичъ слушалъ терпѣливо, внимательно: кто-то изъ домашнихъ шель было къ нему поздороваться, но онъ издали выразительно погрозилъ кашиновымъ подожкомъ своимъ, и никто, даже Акешня съ чаемъ, не смѣлъ подойти, пока онъ самъ не позвалъ. Разсказъ сына былъ безпорядоченъ, сбивчивъ, длиненъ и не убѣдителенъ; но тѣмъ не менѣе свѣтлый умъ Степана Михайловича понялъ ясно, въ чемъ состояло дѣло. Но несчастію оно ему не понравилось, и не могло понравиться. Онъ мало понималъ романтическую сторону любви, и мужская его гордость оскорблялась влюбленностью сына, которая казалась ему слабостью, униженіемъ, дрянностью въ мужчинѣ; но въ тоже время онъ понялъ, что Софья Николаевна тутъ ни въ чемъ не виновата и что все дурное, слышанное имъ на ея счетъ, было чистою выдумкою злыхъ людей и недоброжелательностью собственной семьи. Подумавъ немного, вотъ что онъ сказалъ безъ всякаго гнѣва, даже ласково, но съ твердостью: «Послушай, Алексѣй! ты именно въ такихъ годахъ, когда красивая дѣвица можетъ пригляднуться мужчинѣ. Въ этомъ бѣды еще никакой нѣтъ; но я вижу, что ты черезъ-чуръ влюбился, а это ужъ не годится. Я Софью Николаевну ни въ чемъ не виню; я считаю, что она дѣвица предостойная. — только тебѣ не пара и намъ не съ руки. Во-первыхъ, она дворянка вчерашняя, а ты потомокъ самаго древняго дворянскаго дома. Во-вторыхъ, она горожанка, ученая, бойкая, привыкла послѣ мачихи повелѣвать въ домѣ и

привыкла жить богато, даромъ что сама бѣдна; а мы люди деревенскіе, простые, и наше житіе ты самъ знаешь; да и себя ты долженъ понимать: ты парень смиренный; но хуже всего то, что она больно умна. Взять жену умнее себя—бѣда: будетъ командирша надъ мужемъ; а при томъ ты такъ ее любишь, что на первыхъ порахъ непременно избалуетъ. Ну, такъ вотъ тебѣ мое отцовское приказаніе: выкинь эту любовь изъ головы. Я же, признаться тебѣ, думаю, что Софья Николаевна за тебя и не пойдетъ. Надо рубить дерево по себѣ. Мы поищемъ тебѣ какую нибудь смиренненькую, тихонькую, деревенскую родовую дворяночку, да и съ состояніемъ. Выйдешь въ отставку, да и заживешь припеваючи. Въдъ мы, братъ, не широки въ перьяхъ; только что сыты, а доходовъ больно мало; обѣ бурлесковскомъ же наследствѣ, которое всѣмъ глаза разодраю, я и не думаю. Это дѣло невѣрное; Прасковья Ивановна сама человекъ не старій, можетъ выйти за-мужъ и народить ребятъ. Ну такъ смотри же, Алеша! чтобъ все съ тебя слетѣло, какъ съ гуся вода, и чтобъ помину небыло о Софьѣ Николаевнѣ...» Степанъ Михайловичъ протянулъ милостиво руку своему сыну, которую тотъ поцѣловалъ съ привычною почтительностью. Старикъ велѣлъ подавать чай и звать къ себѣ семью. Онъ былъ необыкновенно ласковъ и веселъ со всѣми; но несчастный Алексѣй Степановичъ впалъ въ совершенное уныніе. Никакой гнѣвъ отца не привелъ бы его въ такое отчаяніе. Гнѣвъ Степана Михайловича проходилъ скоро и послѣ его являлись и снисхожденіе и милость, а теперь онъ видѣлъ спокойную твердость, и потерялъ всякую надежду. Алексѣй Степановичъ вдругъ такъ измѣнился въ лицѣ, что мать испугалась, взглянувъ на него, и стала приставать къ нему съ вопросами: «что съ нимъ сдѣлалось? здоровъ-ли онъ?»—Сестры такъ же замѣтили перемену, но будучи похитрѣе, ничего

не сказали. Степанъ Михайловичъ все видѣлъ и все понималъ. Покосившись на Арину Васильевну, онъ проворчалъ сквозь зубы: « Не приставай къ нему ». Алексѣя Степаныча оставили въ покоѣ, не обращая на него вниманія, — и деревенскій день покатился по своей обыкновенной колѣѣ.

Разговоръ съ отцомъ глубоко поразилъ, сокрушилъ, можно сказать, сердце Алексѣя Степаныча. Онъ потерялъ сонъ, аппетитъ, сдѣлался совершенно ко всему равнодушенъ и ослабѣлъ тѣломъ. Арина Васильевна принялась плакать и даже сестры перетревожились. На другой день мать едва могла добиться, чтобы онъ сказалъ нѣсколько словъ о томъ, что говорилъ съ нимъ отецъ. На все допросы Алексѣй Степанычъ отвѣчалъ: « Батюшкѣ не угодно, я человекъ погнѣбный, я не жилецъ на этомъ свѣтѣ. » И въ самомъ дѣлѣ черезъ недѣлю онъ лежалъ въ совершенной слабости и въ постоянномъ забытѣ; жару наружнаго не было, а онъ бредилъ и день и ночь. Болѣзни его никто понять не могъ, но это просто была первая горячка. Семья перепугалась ужасно; докторовъ поблизости не было, и больного принялись лечить домашними средствами; но ему становилось часъ отъ часу хуже и наконецъ онъ сдѣлался такъ слабъ, что каждый часъ ожидали его смерти. Арина Васильевна и сестры ревѣли и рвали на себѣ волосы. Степанъ Михайловичъ не плакалъ, не сидѣлъ безпрестанно надъ больнымъ, но едва ли не больше всѣхъ страдалъ душою; онъ хорошо понималъ причину болѣзни. « Но молодость свое взяла » и ровно черезъ шесть недѣль Алексѣю Степанычу стало полегче. Онъ проснулся къ жизни совершеннымъ ребенкомъ и жизнь медленно вступала въ права свои; онъ выздоравливалъ два мѣсяца; казалось онъ ничего прошедшаго не помнилъ. Онъ радовался всякому явленію въ природѣ и въ домашнемъ быту,

какъ новому незнакомому явленію; наконецъ совершенно оправился, даже поздоровѣлъ, пополнилъ и получилъ, уже болѣе года потерянный, румянецъ во всю щеку; удилъ рыбу, ходилъ на охоту за перенелами, ѣлъ и шилъ аппетитно и былъ веселъ. Родители не пародовались, не наглядѣлись на него и убѣдились, что болѣзнь выгнала изъ молодой головы и сердца все прежнія мысли и чувства. Можетъ быть оно и въ самомъ дѣлѣ было бы такъ, еслибы его взяли въ отставку, продержали съ годъ въ деревнѣ, наняли хорошенькую невесту и женили; но старики безпечно обнадѣялись настоящимъ положеніемъ сына: черезъ полгода отправили его опять на службу въ тотъ же Верхній Земскій Судъ, опять на житье въ ту же Уфу — и судьба его рѣшилась навсегда. Прежняя страсть загорѣлась съ новою, несравненно болѣею силой. Какъ возвратилась любовь въ сердце Алексѣя Степаныча, вдругъ или постепенно — ничего не знаю; знаю только, что онъ сначала ѣздилъ къ Зубинымъ изрѣдка, потомъ чаще и наконецъ такъ часто, какъ было возможно. Знаю, что покровительница его, Алакаева, продолжала ѣздить къ Софьѣ Николаевнѣ, тонкими разспросами вывѣдывала ея расположеніе и приносила благопріятные отзывы, утверждавшіе и въ ней самой надежду, что гордая красавица благосклонно расположена къ ея скромному родственнику. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отъѣзда Алексѣя Степаныча изъ деревни, вдругъ получили отъ него письмо, въ которомъ онъ, съ несвойственной ему твердостью, хотя всегда съ почтительной нежностью, объяснилъ своимъ родителямъ, что любитъ Софью Николаевну больше своей жизни, что не можетъ жить безъ нея, что надѣется на ея согласіе и проситъ родительскаго благословенія и позволенія посвататься. Старики вовсе не ожидали такого письма и были имъ поражены. Степанъ

Михайловичъ сдвинулъ брови, но ни однимъ словомъ не выразилъ своихъ мыслей. Вся семья хранила глубокое молчаніе; онъ махнулъ рукой, и всѣ оставили его одного. Долго сидѣлъ мой дѣдушка, чертя каллиновымъ подождкомъ какія-то фигуры на полу своей комнаты. Степанъ Михайловичъ скоро смекнулъ, что дѣло плохо и что теперь ужъ никакая горячка не вылечитъ отъ любви его сына. По своей живой и благосклонной натурѣ, онъ даже поколебался, не дать ли согласія, о чемъ можно было заключить изъ его словъ, обращенныхъ къ Арише Васильевнѣ. «Ну что, Ариша (говорилъ онъ ей на слѣдующее утро, разумеется наединѣ), какъ ты мекаешь? Ведь не позволимъ, такъ намъ не видать Алексѣя, какъ ушей своихъ: или умереть съ тоски, или на войну уйдеть, или пойдетъ въ монахи—и родъ Багровыхъ прекратится». Но Арина Васильевна, уже настроенная дочерью, какъ-то не испугалась за своего сына и отвѣчала: «Твоя воля, Степанъ Михайловичъ; что тебѣ угодно, того и я желаю; да только какое же будетъ отъ нихъ тебѣ уваженіе, если они поставятъ на своемъ, послѣ твоего родительскаго запрещенья?» Пошла хитрость удалась: самолюбіе старика разшевелилось и онъ рѣшился подержаться. Онъ продиктовалъ сыну письмо, въ которомъ выразилъ удивленіе, что онъ принялся опять за прежнее, и повторилъ то, что говорилъ ему на словахъ. Короче, письмо содержало положительный отказъ.

Прошло двѣ-три недѣли—небыло писемъ отъ Алексѣя Степаньича. Наконецъ, въ одинъ осенній, ненастный день, дѣдушка сидѣлъ въ своей горницѣ, поперекъ постели, въ любимомъ своемъ халатѣ изъ тонкой армячины^(*) сверхъ рубашки,

(*) Не знаю какъ теперь, а въ старые годы на Оренбургской мѣнѣ такую покупали армячину, которая своей топпной и чистотой равнялась съ лучшими Азіатскими тканями.

въ туфляхъ на босую ногу; подлѣ него прѣла на самопрѣлкѣ козій пухъ Арина Васильевна и старательно выводила тонкія длинныя нити, потому что затѣяла выткать изъ нихъ домашнее сукно на платье своему сыночку, такъ чтобъ оно было ему и легко, и тепло, и покойно; у окошка сидѣла Ташоша и читала какую-то книжку; гостившая въ Багровѣ, Елисавета Степановна, присѣла подлѣ отца на кровати и разсказывала ему про свое трудное житье, про службу мужа, про свое скудное хозяйство и недостатки. Старикъ печально слушалъ, положила руки на колѣни и опустивъ на грудь своею, уже посѣдлую, голову. Вдругъ дверь изъ лакейской отворилась; высокой, красивой молодой парень, Иванъ Мальшнъ, въ дорожной курткѣ, проворно вошелъ и подаль письмо съ почты, за которымъ ѣздилъ онъ въ городъ за 25 верстѣ. Очевидно было, что письма ожидали съ нетерпѣньемъ, потому что все встрепенулись. «Отъ Алени?» спросилъ торопливо и не спокійно старикъ. «Отъ брата» отвѣчала Ташоша, подбѣжавшая къ Мальшну, проворно взявшая письмо и прочитавшая адресъ «Спасибо, что скоро съѣздить. Чарку водки Мальшу. Ступай обѣдать и отдыхать». Ту жь минуту отворился высокой поставецъ, барышня вытащила длинный штофъ узорнаго стекла, налила серебряную чарку и подала Мальшу; тотъ перекрестился, вышилъ, крикнулъ, поклонился и ушелъ. «Ну читай, Ташоша» сказалъ дѣдушка. Татьяна Степановна была его чтецомъ и писцомъ. Она помѣстилась у окошка; бабунка оставила прѣлку, дѣдушка всталъ съ кровати, и все обѣли кругомъ Татьяну Степановну, распечатавшую между тѣмъ письмо, но не смѣвшую предварительно заглянуть въ него. После минутнаго молчанія, началось медленное и вялое чтеніе въ подголоса. После обыкновенныхъ тогда: «Милостивѣйшій Государь батюшка и Милостивѣйшая Государыня матушка,» Алексѣй Степанычъ пи-

сать почти слѣдующее: «на послѣднее мое просительное письмо, я имѣлъ несчастье получить немилостивый отвѣтъ отъ васъ, дражайшіе родители. Не могу преступить воли вашей и покоряюсь ей; но не могу долго влечить бремя моей жизни безъ обожаемой мною Софьи Николаевны; а потому въ непродолжительномъ времени смертоносная пуля скоро просверлитъ голову несчастнаго вашего сына (*)». Эффектъ былъ сильный; тетки мои захныкали, бабушка, ничего подобнаго не ожидавшая, поблѣднѣла, всплеснула руками и повалилась безъ памяти на полъ, какъ спопъ: въ старину также бывали обмороки. Степанъ Михайловичъ не шевельнулся; только голова его покосилась на одну сторону, какъ передъ началомъ припадка гнѣва, и слегка затряслась... она не переставала уже трястись до его смерти. Дочери, опомнившись, бросились помогать матери и скоро привели ее въ чувство. Тогда, поднявши вой какъ по мертвому, Арина Васильевна бросилась въ ноги Степану Михайловичу. Дочери, слѣдуя ея примѣру, также заголосили. Арина Васильевна, не смотря на грозное положе- ніе головы моего дѣдушки, забывъ и не понимая, что сама подстрекнула старика не согласиться на женитьбу сына, громко завонила: «батюшка Степанъ Михайловичъ! сжался, не погуби роднаго своего дѣтища: вѣдь онъ у насъ одинъ и есть; позволь жениться Алешѣ! Часу не проживу, если съ нимъ что случится». Старикъ оставался неподвижно въ прежнемъ положеніи. Наконецъ нетвердымъ голосомъ сказалъ: «полно выть. Выпороть надо бы Алешу. Ну да, до завтра; утро вечера мудренѣе; а теперь уйдите и велите давать обѣдать». Обѣдъ у старика слу-

(*) Письмо это я почти помню извусть. Вѣроятно оно и теперь существуетъ въ старыхъ бумагахъ одного изъ моихъ братьевъ. Очевидно, что нѣкоторыя выраженія письма заимствованы изъ тогдашнихъ романовъ, до которыхъ Алексѣй Степановичъ былъ охотникъ.

жить успокоительнымъ средствомъ въ трудныхъ обстоятельствахъ. Арина Васильевна заголосила было опять: «помилуй, помилуй!» Но Степанъ Михайловичъ громко закричалъ: «убирайтесь вонъ!» и въ голосъ его послышался ревъ приближающейся бури. Въ поспѣшно удалились. До обѣда никто не смѣлъ заглянуть въ комнату Степана Михайловича.—Что пролетѣло по душѣ его въ эти минуты, какая борьба совершилась у желѣзной воли съ отцовскою любовью и разумностью, какъ уступилъ побѣду упорный духъ?.. трудно себѣ представить; но когда раздался за дверью голосъ Мазана: «Кушанье готово», дѣдушка вышелъ спокоемъ, и ожидавшія его жена и дочери, каждая у своего стула, не замѣтили, на слегка поблѣднѣвшемъ лицѣ его, ни малѣйшаго гнѣва; напротивъ онъ былъ спокойнѣе, чѣмъ поутру, даже веселѣе, и кушалъ очень аппетитно. Скрѣпя сердце, Арина Васильевна должна была подлаживаться къ его рѣчамъ, и не смѣя не только спрашивать, но даже и вздыхать, напрасно старалась разгадать мысли своего супруга; напрасно устремляла вопрошающіе взгляды маленькихъ своихъ каштановыхъ глазокъ, заплывшихъ жиромъ, — темноглубые, открытые и веселые глаза Степана Михайловича ничего не отвѣчали. Послѣ обѣда онъ уснулъ по обыкновенію; проснувшись сдѣлался еще веселѣе; но о письмѣ и о сынѣ ни пол-слова. Въ однако видѣли, что на умѣ у старика ничего недобраго не было. Прощаясь съ супругомъ послѣ ужина, Арина Васильевна осмѣлилась спросить: «не изволишь ли сказать мнѣ чего нибудь объ Алешѣ?» Дѣдушка улыбнулся и отвѣчалъ: «я уже сказалъ тебѣ: утро вечера мудренѣе. Почивай съ Богомъ.»

Утро въ самомъ дѣлѣ оказалось и мудро и благодатно. Дѣдушка всталъ въ четыре часа. Мазанъ вздулъ ему огня. Первыми словами Степана Михайловича были: «Танайченкокъ,

ты сейчас ѣдешь въ Уфу съ письмомъ къ Алексѣю Степаньичу; соберись въ одну минуту; да чтобы никто не зналъ, куда и за чѣмъ ѣдешь. Въ корень молодого бураго, а на пристяжку свистуна. Возьми овса двѣ осеминны и каравай хлѣба. Спроси у ключника Петра два рубля мѣдныхъ денегъ на дорогу. Какъ я напишу письмо, чтобы все было готово.» Сказано — сдѣлано. Эта поговорка исполнялась у дѣдушки безъ отговорокъ. Онъ отперъ дубовую шкатулку или шкафъ, нѣчто въ родѣ письменнаго бюро, досталъ бумаги, перо, черпальницу, и написалъ не безъ труда (потому что глѣть уже десять подписывалъ только свое имя), тяжелымъ стариннымъ почеркомъ: «Любезный сынъ нашъ Алексѣй! Мы съ матерью твоей Ариной Васильевной позволяемъ тебѣ жениться на Софьѣ Николаевнѣ Зубиной, если на то будетъ воля Божія, и посылаемъ тебѣ наше родительское благословеніе. Отецъ твой, Степанъ Багровъ».

Черезъ полчаса, еще задолго до свѣту, вытянулъ Тапайченкокъ длинную гору мимо господскаго гумна и ѣхалъ бойкой рысью по дорогѣ въ Уфу. Въ пять часовъ приказалъ Степанъ Михайловичъ подавать самоваръ той же Аксюткѣ, которая изъ молодой и некрасивой дѣвки, сдѣлалась уже очень не молодой и еще болѣе не красивой дѣвкой; но будить никого не приказалъ. Не смотря на то, старую барыню разбудили и по секрету донесли, что уже давнымъ давно уѣхалъ куда-то Тапайченкокъ съ письмомъ отъ барина, на парѣ господскихъ лошадей. Арина Васильевна не осмѣлилась вдругъ прійти къ своему супругу; она помышкала съ часъ времени и явилась, когда уже старикъ пилъ чаю и весело балагурилъ съ Аксиньей. «Ну за чѣмъ тебя разбудили? привѣтливо сказать Степанъ Михайлычъ, протягивая руку. Ведь ты чать плохо спала?» «Меня никто не будилъ, отвѣчала Арина Васильевна, по-

чтительно цѣлуя руку старика; я сама проснулась. Я спала ночь хорошо, въ надеждѣ на твою милость къ бѣдному нашему Алешѣ.» Дѣдушка пристально посмотрѣлъ на нее, но ничего не увидѣлъ на привыкшемъ къ притворству лицѣ. «А коли такъ, то я тебя порадую: я послалъ нарочнаго гонца въ Уфу, и написалъ Алексью отъ обонхъ насъ позволеніе жениться на Софьѣ Николаевнѣ.»

Арина Васильевна, не смотря на то, что приведенная въ ужасъ страшнымъ намѣреніемъ сына, искренно молила и просила своего крутаго супруга: позволить жениться Алексью Степаньчу, — была не столько обрадована, сколько испугана рѣшеніемъ Степана Михайловича, или лучше сказать, она бы и обрадовалась, да не смѣла радоваться, потому что боялась своихъ дочерей; она уже знала, что думаетъ о письмѣ Лизавета Степановна и угадывала, что скажетъ Александра Степановна. По всемъ этимъ причинамъ, Арина Васильевна приняла рѣшеніе своего супруга, которымъ онъ надѣялся ее обрадовать, какъ-то холодно и страшно, что старикъ замѣтилъ; Лизавета Степановна не изъявила ни малѣйшаго удовольствія, а только одну почтительную покорность воли отца; Ташоша, вѣрившая письму брата искренно, обрадовалась отъ всего сердца. Лизавета Степановна даже и въ первую минуту не была встревожена намѣреніемъ брата; она плакала и просила за него только потому, что мать и меньшая сестра плакали и просили: нельзя же было ей такъ ярко рознить съ ними. Она выписала немедленно Александру Степановну, которая пришла въ бышенство, узнавъ о рѣшеніи дѣла, и сейчасъ прискакала; разумеется она сочла письмо братца за пустую угрозу, за штуку Софьи Николаевны. Съ помощью Лизаветы Степановны, она скоро увѣрила въ этомъ мать и даже меньшую сестру, Ташошу. Но дѣло было кончено: явно возставать противъ него, не

представлялось уже никакой возможности. Мыслей же Степана Михайлыча, будто Софья Николаевна сама не пойдет за Алексея Степаныча, никто изъ семьи не разделялъ. Оставимъ Багрово и посмотримъ, что дѣлается въ Уфѣ.

Я не беру на себя рѣшить положительно, имѣлъ ли Алексѣй Степанычъ твердое намѣреніе застрѣлиться, въ случаѣ отказа своихъ родителей, или, прочитавъ въ какомъ-нибудь романѣ подобное происшествіе, вздумалъ попробовать: не испугаются ли его родители такого страшнаго послѣдствія своей непреклонности? Судя по дальнѣйшему развитію характера Алексея Степаныча, мнѣ хорошо известному, я равно не могу признать его способнымъ ни къ тому, ни къ другому поступку. И такъ, я предполагаю только, что молодой человекъ не хитрилъ, не думалъ пугнуть своихъ стариковъ, а напротивъ искренно думалъ застрѣлиться, если ему не позволятъ жениться на Софьѣ Николаевнѣ, но въ то же время я думаю, что онъ никогда не имѣлъ бы духу привести въ исполненіе такого отчаяннаго намѣренія, хотя люди тихіе и кроткіе, слабодушные, какъ ихъ называютъ, бывають иногда способны къ отчаяннымъ поступкамъ болѣе, чѣмъ нагуры живыя и бѣшенныя. Мысль о самоубійствѣ безъ сомнѣнія была почерпнута изъ какого-нибудь романа: она совершенно противорѣчитъ характеру Алексея Степаныча, его взгляду на жизнь и сферу понятій, въ которыхъ онъ родился, воспитался и жилъ. Какъ бы то ни было, пустивъ въ ходъ свою грамотку, Алексѣй Степанычъ пришелъ въ сильное волненіе, занемогъ и получилъ лихорадку. Покровительница его Алакаева, зная все, — о послѣднемъ писемѣ ничего не знала; она навѣщала его ежедневно и замѣчала, что кромѣ лихорадки простой и лихорадки любовной, молодой человекъ еще чѣмъ-то необыкновенно

встревожень Въ одинъ день сидѣла она у Алексѣя Степаныча, вязала чулокъ и разговаривала о всякой всячинѣ, стараясь занять большаго и отвлечь его мысли отъ безнадежной любви. Алексѣй Степанычъ прилегъ на канапе, заложилъ руки за голову и смотрѣть въ окошко. Вдругъ онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно: по улицѣ провхала телега парой и заворотила на дворъ; Алексѣй Степанычъ узналъ лошадей и Танайченка. Онъ вскочилъ на ноги и съ крикомъ: «отъ батюшки, изъ Багрова» бросился въ переднюю. Алакаева схватила его за руки и съ помощью сидѣвшаго въ лакейской челоуѣвка не допустила его выбѣжать на крыльцо, потому-что на дворъ стояла мокрая и холодная осенняя погода. Между тѣмъ Танайченокъ проворно вбѣжалъ въ комнату и подалъ письмо. Алексѣй Степанычъ дрожащими руками распечаталъ, прочелъ коротенькое письмо, заллился слезами и бросился на колѣни передъ образомъ. Алакаева сначала не знала, что и подумать; но Алексѣй Степанычъ подалъ ей родительскую грамотку и она, прочитавъ ее, также съ радостными слезами принялась обнимать обезумѣвшаго отъ восторга, молодаго челоуѣвка. Тутъ онъ признался ей, какое письмо послать къ отцу и матери. Алакаева покачала головой. Призвали Танайченка, разспросили подробно объ его отправкѣ и увидѣли, что дѣло было рѣшено собственно самимъ Степаномъ Михайлычемъ, безъ участія, безъ вѣдома своей семьи и вѣроятно противъ ея желанія. Когда прошли первыя минуты радостнаго волненія для Алексѣя Степаныча и совершеннаго изумленія для Алакаевой, которая, перечитавъ снова письмо, все еще не верила глазамъ своимъ, потому что хорошо знала нравъ Степана Михайлыча и хорошо понимала недоброжелательство семьи, — начали они совѣщаться, какъ приступить къ дѣлу. Когда оно казалось далекимъ, невозможнымъ со стороны семейства

жениха, тогда они считали его благонадежнымъ со стороны невесты; но тутъ вдругъ напало на Алакаеву сомнѣніе: припомнивъ и сообразивъ все благопріятныя признаки, она почувствовала, что, можетъ быть, слишкомъ перетолковала ихъ въ пользу жениха. Какъ умная женщина, она успѣшила охладить пылкія надежды молодого чело-вѣка, благоразумно разсуждая, что, обольстившись ими, труднѣе ему будетъ перенести внезапное разрушеніе радужныхъ своихъ мечтаній; отказъ вдругъ представился ей очень возможнымъ, и ся опасенія навели страхъ на Алексѣя Степаныча. Впрочемъ Алакаева нисколько не отступилась отъ своего обещанія и на другой же день повхала съ предложеніемъ къ Софьѣ Николаевнѣ. Она просто, ясно, безъ всякаго преувеличенія, описала постоянную и горячую любовь Алексѣя Степаныча, давно известную всему городу (конечно и Софьѣ Николаевнѣ); съ родственнымъ участіемъ говорила о прекрасномъ характерѣ, добротѣ и рѣдкой скромности жениха; справедливо и точно рассказала про его настоящее и будущее состояніе; рассказала правду про все его семейство, и не забыла прибавить, что вчера Алексѣй Степанычъ получилъ чрезъ письмо полное согласіе и благословеніе родителей искать руки достойнѣйшей и весьма уважаемой Софьи Николаевны, что самъ онъ отъ волненія, ожиданія отвѣта родителей и несказанной любви, занемогъ лихорадкой; но не имѣя силъ откладывать рѣшеніе своей судьбы, просилъ ее какъ родственницу и знакомую съ Софьей Николаевной даму, узнать: угодно ли, не противно ли будетъ ей, чтобы Алексѣй Степанычъ сдѣлалъ формальное предложеніе Николаю Федоровичу. Софья Николаевна, давно привыкшая, какъ говорилось въ старину: «сама обивать около себя росу», или къ самобытности, какъ говорится теперь, — безъ смущенія, безъ всякихъ

церемоній и дѣвичьихъ оговорокъ и жеманствъ, тогда неизбежныхъ, отвѣчала Алакаевой слѣдующее: «Благодарю Алексѣя Степаныча за честь мнѣ сдѣланную, а васъ, почтеннѣйшая Мавра Павловна, за участіе. Скажу вамъ откровенно: я давно замѣтила, что Алексѣй Степанычъ ко мнѣ не равнодушенъ и давно ожидала, что онъ сдѣластъ мнѣ предложеніе, не рѣшая, впрочемъ, вопроса пойду ли я за него или нѣтъ. Последняя повѣзка Алексѣя Степаныча къ отцу и къ матери, его внезапная, какъ сами вы мнѣ сказывали, опасная продолжительная болѣзнь въ деревнѣ, и перемена, когда онъ воротился, показали мнѣ, что родители его не желаютъ имѣть меня невѣсткой. Признаюсь, я этого не ожидала; скорѣе можно было опасаться несогласія со стороны моего отца. Потомъ я увидѣла, что Алексѣй Степанычъ возвратился къ прежнимъ чувствамъ, и теперь догадываюсь, что онъ успѣлъ склонить отца и мать къ согласію. Но разсудите сами, почтеннѣйшая Мавра Павловна, что теперь это дѣло принимаетъ совсѣмъ другой видъ: входитъ въ семейство противъ его желанія—рискъ слишкомъ опасный. Конечно отецъ мой не сталъ бы противиться моему выбору; но могу ли я рѣшиться его обмануть? Узнавъ же, что его Соничку, какой-то деревенскій помѣщикъ не вдругъ удостоитъ чести войти въ его семейство, — онъ ни за что не согласится и сочтетъ это униженіемъ. Я не влюблена въ Алексѣя Степаныча, я только уважаю его прекрасныя свойства, его постоянную любовь и считаю, что онъ можетъ составить счастье любимой женщины. И такъ позвольте мнѣ подумать и притомъ, прежде чѣмъ я скажу объ этомъ моему большому отцу, прежде чѣмъ встревожу его такимъ извѣстіемъ, я хочу сама говорить съ Алексѣемъ Степанычемъ: пусть онъ пріѣдетъ къ намъ, когда выздоровѣетъ.»

Алакаева съ точностью передала отвѣтъ жениху; ему показался онъ не предвѣщающимъ добра, но Алакаева напротивъ находила его весьма благопріятнымъ и успокоила Алексѣя Степаныча.

Долго сидѣла Софья Николаевна одна въ гостиной, простившись очень дружески съ Маврой Павловной, и думала крѣпкую думу. Омрачились ея живые и блестящіе глаза, тяжелыя мысли пробѣгали по душѣ и отражались какъ въ зеркалѣ на ея прекрасномъ лицѣ. Все, что она сказала Алакаевой, была совершенная правда, и вопросъ идти или нѣтъ за Алексѣя Степаныча — точно оставался не рѣшеннымъ. Наконецъ предположеніе сватовства обратилось въ дѣйствительность, и надо было рѣшить этотъ великой, роковой вопросъ для всякой дѣвушки. Необыкновенно ясная голова Софьи Николаевны, еще не омраченная страстностью ея натуры, тогда ничѣмъ глубоко не возмущаемой, — все понимала и все видѣла, въ настоящемъ видѣ, въ настоящемъ свѣтѣ. Положеніе ея въ будущемъ было безотраднo: отецъ лежалъ на смертномъ одрѣ и, по словамъ лучшаго доктора Зандена (*), не могъ прожить болѣе года; все состояніе старика заключалось въ двухъ подгородныхъ деревушкахъ: Зубовкѣ и Касимовкѣ, всего 40 душъ съ небольшимъ количествомъ земли; наличныхъ денегъ у Николая Федорыча было накоплено до десяти тысячъ рублей, и онъ назначалъ ихъ на приданое своей Соннчкѣ. Выдать ее за-мужъ было постояннымъ, горячимъ его желаніемъ; но — бывають же такія чудеса: Софья Николаевна не имѣла еще ни одного жениха, то есть, не получила ни одного формальнаго предложенія. По смерти старика должны остаться шестеро сводныхъ дѣтей отъ

(*) Федоръ Ивановичъ Занденъ, докторъ весьма ученый, бывшій въ послѣдствіи штабъ-физикомъ въ Москвѣ.

двухъ браковъ; должны были учредиться двѣ опеки, и послѣднія трое дѣтей отъ Александры Петровны, поступали къ родной бабушкѣ, Е. Д. Р—ой, подъ опеку сына ея, В. П. Р—ва. Материнское имѣніе ихъ заключалось также въ небольшой деревенькѣ душъ въ 50; братья Софьи Николавны отъ одной матери, находились въ Москвѣ, въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, и она оставалась совершенно одна, даже не было дальнихъ сродниковъ, у которыхъ могла бы она жить. Однимъ словомъ: некуда было приклонить голову! Нужда, бѣдность, жизнь изъ милости въ чужихъ людяхъ, полная зависимость отъ чужихъ людей—тяжело всякому; но для дѣвушки, стоявшей въ обществѣ такъ высоко, жившей въ такомъ довольствѣ, гордой по природѣ, избалованной общими искательствомъ и ласкательствомъ, для дѣвушки, которая испытала всю страшную тяжесть зависимости и потому всю прелесть власти,—такой переходъ долженъ быть казаться невыносимымъ. И вотъ молодой, честный, скромный, пригожій собою мужчина, стариннаго дворянскаго рода, единственный сынъ, у отца котораго было 180 душъ, который долженъ былъ получить богатое наследство отъ тетки, который любитъ, боготворить ее—предлагаетъ ей руку и сердце: съ перваго взгляда тутъ нечего и колебаться. Но нравственное неравенство между ними было слишкомъ велико. Никто въ городѣ не могъ подумать, чтобъ Софья Николавна вышла за Алексѣя Степановича. Она очень хорошо понимала справедливость общественного мнѣнія и не могла не уважать его. Певста чудо красоты и ума—женскихъ, правда бѣлый, розовый, нежный (что именно не правилось Софьѣ Николавнѣ), но простенькой, не дальней, но мнѣнію всѣхъ, деревенской дворянчикъ; певста бойка, жива—женскихъ робокъ и вятъ; певста по тогдашнему образованная, чуть не ученыя дѣ-

вица, начитанная, пошмававшая все высшіе интересы—женить совершенный невѣжда, ничего не читавшій, кромѣ двухъ-трехъ глупѣйшихъ романовъ, въ родѣ Любовнаго Вертограда или Аристея и Телазин, да русскаго пѣсенника, женихъ. интересы котораго не простирались далѣе ловли перенеловъ на дудки и соколиной охоты; невѣста остроумна, ловка, блестятельна въ свѣтскомъ обществѣ—женить не умѣетъ сказать двухъ словъ, неловокъ застычивъ, смѣшонъ, жалокъ, умѣетъ только краснѣть, кланяться и жаться въ уголь или къ дверямъ, подавѣе отъ свѣтскихъ говоруновъ, которыхъ просто боялся, хотя по истинѣ многихъ изъ нихъ было гораздо умнѣе; невѣста съ твердымъ надменнымъ неуступчивымъ характеромъ—женить слабый, смиренный, безответный, котораго всякій могъ загонять. Ему ли поддержать, защитить жену въ обществѣ и семействѣ?... такія противоположныя мысли, взгляды и картины ронялись, мѣнялись, тѣснились въ воображеніи молодой дѣвушки. Давно наступили сумерки, она все еще сидѣла одна въ гостиной; наконецъ невыразимое смятеніе тоски, страшное сознаніе, что умъ ничего придумать и рѣшить не можетъ, что для него становится все часъ отъ часу темнѣе—обратили ея душу къ молитвѣ. Она побѣжала въ свою комнату молиться и просить свѣта разума свыше, бросилась на колѣни передъ образомъ Смоленской Божьей Матери, нѣкогда чуднымъ знаменіемъ озарившей и указавшей ей путь жизни; она молилась долго, плакала горючими слезами и мало по малу почувствовала какое-то облегченіе, какую-то силу, способность къ рѣшимости, хотя не знала еще, на что она рѣшится; это чувство было уже отрадно ей. Она сходила посмотреть на заснуваго больнаго своего отца, воротилась въ свою комнату, легла и спокойно заснула. На другой день поутру, Софья Николаевна проснулась безъ всякаго

волнения; она подумала нѣсколько минутъ, бросила взглядъ на вчерашнія свои колебанія и смущенія и спокойно осталась при своемъ намѣреніи поговорить сначала съ женихомъ и потомъ уже рѣшить дѣло окончательно, смотря по тому впечатлѣнію, какое произведетъ на нее разговоръ съ Алексѣемъ Степанычемъ.

Алексѣй Степанычъ, желая какъ можно скорѣе узнать рѣшеніе судьбы своей, призвалъ доктора и умолялъ вылечить его поскорѣе. Докторъ обѣщаль и на этотъ разъ сдержалъ обѣщаніе. Черезъ недѣлю Алексѣй Степанычъ, правду сказать, худой, блѣдный и слабый, сидѣлъ уже въ гостиной у Софьи Николаевны. Взглянувъ на тощую фигуру молодого человѣка, прежде цвѣтущаго румянцемъ здоровья, она почувствовала жалость и многое сказала не такъ рѣзко, не такъ строго, какъ хотѣла. Въ сущности невѣста сказала жениху все тоже, что говорила Алакаевой, но прибавила, что она во-первыхъ не разстанется съ отцомъ пока онъ живъ, а во-вторыхъ, что она не будетъ жить въ деревнѣ, а желаетъ жить въ губернскомъ городѣ, именно въ Уфѣ, гдѣ имѣетъ много знакомыхъ, достойныхъ и образованныхъ людей, въ обществѣ которыхъ должна жить съ мужемъ. Въ заключеніе она прибавила, что очень бы желала, чтобъ ея мужъ служилъ и занималъ въ городѣ, хотя не блестящее, но благородное и почтенное мѣсто. На всѣ такія предварительныя условія и предъявленія будущихъ нравъ жены, Алексѣй Степанычъ отвѣчалъ съ подобострастіемъ, что «всѣ желанія Софьи Николаевны для него законъ, и что его счастье будетъ состоять въ исполненіи ея воли.....» и этотъ отвѣтъ, не достойный мужчины, вѣрный признакъ, что на любовь такого человѣка нельзя положиться, что онъ не можетъ составить счастья женщины, — могъ понравиться такой умной дѣвушкѣ. Поневоле должно признать, что въ осно-

вашия ея характера уже лежали сѣмена властолюбія и что въ настоящее время, освобожденныя изъ-подъ тяжкаго гнета жестокой мачихи, онѣ дали сильные ростки, что безъ ведома самой Софьи Николаевны — любовь къ власти была тайною причиною ея рѣшимости. Софья Николаевна захотѣла сама прочесть письмо, въ которомъ Алексѣй Степанычъ получилъ позволеніе своихъ родителей искать ея руки. Письмо было въ карманѣ у жениха, и онѣ показали его. Софья Николаевна прочла и убѣдилась, что ея догадки о первоначальномъ несогласіи родителей были совершенно справедливы. Молодой человекъ не умѣлъ притворяться, и притомъ такъ былъ влюбленъ, что не могъ противиться ласковому взгляду или слову обожаемой красавицы; когда Софья Николаевна потребовала полной откровенности, онѣ высказалъ ей всю подноготную безъ утайки, и кажется эта откровенность окончательно рѣшила дѣлю въ его пользу. Мысль воспитать по своему, образовать добродушнаго молодого человека, скромнаго, чистосердечнаго, неспорченнаго свѣтомъ — забралась въ умную, но все таки женскую голову Софьи Николаевны. Ей представилась пылнѣйшая картина костененаго пробужденія и воспитанія дикаря, у котораго не было недостатка ни въ умѣ, ни въ чувствахъ, погруженныхъ въ непробудный сонъ, который будетъ еще болѣе любить ее, если это возможно, въ благодарности за свое образованіе. Эта мысль овладѣла пылкимъ воображеніемъ Софьи Николаевны, и она очень милостиво отпустила своего хвораго обожателя; обѣщала поговорить съ отцемъ и передать отвѣтъ черезъ Алакаеву. Алексѣй Степанычъ утопалъ въ восторгъ, по тогдашнему выраженію. Вечеромъ Софья Николаевна опять прибѣгла къ молитвѣ; опять молилась долго, восторженно, напряженно; она заснула очень утомленная, и ночью видѣла сонъ, который растолковала,

какъ слѣдуетъ, въ подтвержденіе своего рѣшенія. Умъ человѣческій все растолкуетъ такъ, какъ ему хочется. Я забылъ этотъ сонъ, но помню, что его можно было растолковать въ противоположную сторону, съ гораздо большимъ основаніемъ и гораздо меньшими натяжками. На слѣдующее утро Софья Николаевна немедленно сообщила своему почти умирающему отцу о предложеніи Алексѣя Степаныча. Хотя Николай Федорычъ почти не зналъ жениха, но у старика какъ-то составилось понятіе о немъ, какъ о человѣкѣ самомъ ничтожномъ. При всемъ пламенномъ желаніи пристроить Соничку при своей жизни, этотъ женихъ (первый надобно замѣтить) ему не нравился. Но Софья Николаевна, съ обыкновенною пылкостью своего ума и убѣдительнымъ краспорѣчіемъ, доказала старику, что не должно пропускать такой партіи. Она высказала ему все, что мы уже знаемъ, въ пользу этого брака, и главное, что не только не разлучится съ нимъ, но и останется жить въ одномъ домѣ. Она такъ живо представила свое безпомощное, безпріютное состояніе, когда Богу будетъ угодно оставить ее сиротой, что Николай Федорычъ прослезился и сказалъ: «другъ мой, умница моя Соничка! дѣлай, что тебѣ угодно: я на все согласенъ. Представь же мнѣ поскорѣй своего будущаго жениха; я хочу познакомиться съ нимъ поближе, и также хочу непременно, чтобъ его родители сдѣлали намъ письменное предложеніе.»

Софья Николаевна написала записку Алакаевой и просила передать Алексѣю Степанычу, что Николай Федорычъ приглашаетъ его къ себѣ въ такомъ-то часу.

Алексѣй Степанычъ продолжалъ утопать въ блаженствѣ, раздѣливъ его только съ покровительницей своей Маврой Павловной, но приглашеніе къ Николаю Федорычу въ назначенный часъ, приглашеніе, котораго онъ никакъ не ожидалъ,

считая старика слишкомъ большимъ и слабымъ, очень его смутило. Николай Федорычъ, за отсутствіемъ Намѣстника первое лицо, первая власть въ цѣломъ Уфимскомъ краѣ, Николай Федорычъ, къ которому онъ и прежде приближался съ благоговѣніемъ — теперь казался ему чѣмъ-то особенно страшнымъ. Ну, если ему не понравилось намѣреніе чиновника Верхняго Земскаго Суда, 15-го класса, жениться на его дочкѣ? Если онъ сочтетъ дерзостью такое предложеніе, да крикнетъ: «Какъ ты осмѣлился подумать о моей дочери? Но тебѣ ли она невѣста? Посадить его подъ карауль, отдать подъ судъ...» Какъ ни дико кажутся такіа мысли, но онъ действительно пришелъ тогда въ голову молодому человѣку, о чемъ онъ самъ разсказывалъ впоследствии. — Собранный съ духомъ, ободряемый словами Алакаевой, Алексѣй Степанычъ напялилъ мундиръ, или вѣрнѣе сказать надѣлъ его на себя, какъ на вѣшалку, потому что очень похудѣлъ, и отправился къ Товарищу Намѣстника. Съ треугольной шляпой подъ мышкой, придерживая дрожащей рукой непослушную шапку, вошелъ онъ, едва переводя духъ отъ робости, въ кабинетъ больного старика, некогда умиаго, живаго и бодраго, но теперь почти недвижимаго, изсохшаго какъ скелетъ, лежащаго уже на смертной постели. Алексѣй Степанычъ отвѣсилъ низкій поклонъ и сталъ у двернаго косяка. Уже одинъ этотъ пріемъ заставилъ поморщиться больного хозяина. «Подойдите ко мнѣ поближе, господинъ Багровъ, сидите возлѣ моей постели. Я слабъ, не могу говорить громко.» Алексѣй Степанычъ, со многими поклонами, присѣлъ на кресло, стоявшее у самой кровати. «Вы ищете, руки моей дочери», продолжалъ старикъ... Женить вскочилъ съ кресла, поклонился и сказалъ, что точно такъ, что онъ осмѣливается искать этого счастья... Я могъ бы передать весь разговоръ подробно, потому что много разъ

слыхать, какъ пересказывалъ его изъ слова въ слово Алексѣй Степанычъ; но въ немъ отчасти есть повтореніе того, что мы уже знаемъ, и я боюсь наскучить читателямъ. Сущность дѣла состояла въ томъ, что Николай Ѳеодорычъ разспросилъ молодаго человека объ его семействѣ, объ его состояніи, объ его намѣреніяхъ относительно службы и мѣста постоянного жительства; сказалъ ему, что Софья Николаевна ничего не имѣетъ, кромѣ приданого въ 10 тысячъ рублей, двухъ семей людей и трехъ тысячъ наличныхъ денегъ для первоначальнаго обзаведенія; въ заключеніе онъ прибавилъ, что хотя совершенно увѣренъ, что Алексѣй Степанычъ, какъ почтительный сынъ, безъ согласія отца и матери не сдѣлать бы предложенія, но что родители его могли передумать и что приличіе требуетъ, чтобы они сами написали объ этомъ прямо къ нему, и что до полученія такого письма онъ не можетъ дать рѣшительнаго отвѣта. Алексѣй Степанычъ привсталъ, кланялся, сѣлся, во всемъ соглашался и обѣщалъ завтра же написать къ отцу и къ матери. Черезъ полчаса старикъ сказалъ, что усталъ (это была совершенная правда) и отпустилъ молодаго человека довольно сухо. Но выходя его, Софья Николаевна въ ту же минуту вошла въ кабинетъ къ отцу: онъ лежалъ съ закрытыми глазами, лицо его выражало утомленіе и вмѣстѣ душевное страданіе. Услыхавъ приближеніе дочери, онъ бросилъ на нее умоляющій взглядъ, сжалъ руки на груди и воскликнулъ: «Соничка, неужели ты пойдешь за него?» — Софья Николаевна знала напередъ, какое дѣйствіе произведетъ это свиданіе и приготовилась даже къ худшему впечатлѣнію. «Я предупреждала васъ, батюшка, сказала она тихо, кротко, но съ твердостью, что по совершенному незнанію свѣтскаго обращенія, по неловкости и робости, Алексѣй Степанычъ съ перваго раза долженъ показаться вамъ дурач-

комъ; но я видѣлась съ нимъ много разъ, говорила долго, узнала его коротко и ручаюсь вамъ, что онъ никого не глупѣе, а многихъ гораздо умнѣе. Я прошу васъ погово- рить съ нимъ еще раза два, и увѣрена, что вы согласи- тесь со мною.» Старикъ долго, пристально, проницательно посмотрѣлъ на свою дочь, какъ-будто хотѣлъ прочесть что-то сокровенное въ ея душѣ, глубоко вздохнулъ и со- глашлся: вызвать къ себѣ на дняхъ и поговорить побольше съ молодымъ человѣкомъ.

Алексѣй Степанычъ съ первою почтою написалъ са- мое нужное, самое почтительное письмо къ своимъ роди- телямъ. Онъ благодарилъ ихъ за то, что они вновь даро- вали ему жизнь, и униженно просилъ, чтобы они напи- сали поскорѣе письмо къ Николаю Федорычу Зубину и просили у него руки его дочери для своего сына, при- бавляя, что это всегда такъ водится и что Николай Фе- дорычъ безъ ихъ письма не дастъ рѣшительнаго отвѣта. Исполненіе просьбы столь обыкновенной затруднило ста- риковъ: они были не сочинители, въ подобныхъ оказіяхъ не бывали и не умѣли приступить къ дѣлу; осрамиться же въ глазахъ Товарища Намѣстника и будущаго свата, вѣрно ученаго дѣльца и писака, — крѣпко имъ не хотѣлось. Цѣлую неделю сочиняли письмо; наконецъ кое-какъ на- писали и послали его къ Алексѣю Степанычу. Письмо точно было написано пеловко, безъ всякихъ въжливостей и комплиментовъ, необходимыхъ въ подобныхъ обстоя- тельствахъ.

Покуда Алексѣй Степанычъ дожидался отвѣта изъ де- реви, Николай Федорычъ пригласилъ его къ себѣ еще два раза. Второе посвященіе не поправило невыгоднаго впечатлѣнія, произведеннаго первымъ; но при третьемъ свиданіи присутствовала Софья Николаевна, которая какъ- будто не зная, что женихъ сидитъ у отца, вошла къ

нему въ кабинетъ, неожиданно воротясь изъ гостей ранѣе обыкновеннаго. Ея присутствіе все переменяло; она умѣла заставить говорить Алексѣя Степаньича, знала, о чемъ онъ можетъ говорить и въ чемъ можетъ выказаться съ выгодной стороны его природный, здравый смыслъ, чистота нравовъ, честность и мягкая доброта. Николай Ѳедорычъ видимо былъ доволенъ, обласкать молодого человѣка и пригласилъ его прѣзжать, какъ можно чаще. Когда Алексѣй Степаньичъ ушелъ, старикъ обнялъ свою Соничку со слезами и осыпая ее ласковыми и нежными именами, называлъ между прочимъ чародѣйкой, которая силою волшебства умѣетъ вызывать изъ души человеческой прекрасныя ея качества, такъ глубоко скрытыя, что никто и не подозревалъ ихъ существованія. Софья Николаевна была также очень довольна, потому что и сама не смѣла надѣяться, чтобъ Алексѣй Степаньичъ могъ такъ хорошо поддержать ея доброе мнѣніе и оправдать выгодныя о немъ отзывы.

Наконецъ письмо, съ формальнымъ предложеніемъ стариковъ, было получено, и Алексѣй Степаньичъ лично вручилъ его Николаю Ѳедорычу. Увы! безъ волшебнаго присутствія и помощи Софьи Николаевны, женихъ опять попрежнему не понравился будущему тестю, да и письмомъ остался онъ очень недоволенъ. На слѣдующій день онъ имѣлъ продолжительный разговоръ съ своею дочерью, въ которомъ представилъ ей все невыгоды имѣть мужа ниже себя по уму, по образованію и характеру; онъ сказалъ, что мужнине семейство не полюбитъ ее, даже возненавидитъ, какъ грубое и злое невежество всегда ненавидитъ образованность; онъ предостерегалъ, чтобы она не полагалась на обѣщанія жениха, которыя обыкновенно рѣдко исполняются и которыхъ Алексѣй Степаньичъ не въ силахъ будетъ исполнить, хотя бы и желалъ. На такія

справедливые замѣчанія и совѣты, почерпнутые прямо изъ жизни, Софья Николаевна умѣла возражать съ удивительной ловкостью, и въ то же время умѣла такъ убѣдительно и живо представить хорошую сторону замужства съ человекомъ, хотя не бойкимъ и не образованнымъ, но добрымъ, честнымъ, любящимъ и не глупымъ, что Николай Федорычъ былъ увлеченъ ею ильнительными надеждами и далъ полное согласіе. Софья Николаевна съ горячностью обняла отца, цѣловала его изсохшія руки, подала ему образъ, стала на колѣни у кровати и, проливая ручьи горячихъ слезъ, приняла его благословеніе. «Батюшка! воскликнула съ увлеченіемъ восторженная дѣвушка, я надѣюсь съ Божіею помощью, что чрезъ годъ вы не узнаете Алексѣя Степаныча. Чтеніе хорошихъ книгъ, общество умныхъ людей, безпрестанные разговоры со мною вознаграждать недостатокъ воспитанія; застѣчивость пройдетъ, и умѣе держать себя въ свѣтъ придетъ само собою.» — «Дай Богъ, отвѣчалъ старикъ. Пошли за священникомъ я хочу помолиться о твоёмъ счастьѣ вмѣстѣ съ тобою.»

Въ тотъ же день вечеромъ пригласили Алакаву съ женихомъ, старинныхъ Зубинскихъ знакомыхъ, Анничкова и Мисайловыхъ, и дали Алексѣю Степанычу слово. Нѣтъ выраженій для описанія блаженства молодого человека! Софья Николаевна до глубокой старости вспоминала объ этихъ счастливыхъ для него минутахъ. Алексѣй Степанычъ бросился въ ноги Николаю Федорычу, цѣловалъ его руки, плакалъ, рыдалъ какъ дитя, едва не упалъ въ обморокъ отъ избытка счастья, которое до послѣдней минуты казалось ему недоступнымъ. Невѣста сама была глубоко тронута такимъ искреннимъ выраженіемъ пламенной безграничной любви.

Черезъ два дня назначили официальную помолвку и пригласили весь городъ. Городъ былъ удивленъ, потому-что многіе не вѣрили слухамъ: будто Софья Николаевна Зубина идетъ за Алексѣя Степановича Багрова. Наконецъ все повѣрили и съѣхались; поздравляли, желали всякаго благополучія и всѣхъ возможныхъ благъ. Женихъ былъ радостенъ и свѣтелъ; онъ не замѣчалъ никакихъ двусмысленностей въ поздравленіяхъ, никакихъ насмѣшливыхъ улыбокъ и взглядовъ; но Софья Николаевна все видѣла, все замѣтила, все слышала и понимала, хотя, говоря съ нею, были все осторожны и почтительны. Она знала напередъ какъ встрѣтитъ общество съ поступкомъ, но внутренно не могла не огорчаться выраженіемъ мнѣнія этого общества, чего конечно никто не замѣтилъ. Она была весела, ласкова со всѣми, особенно съ женихомъ, и казалась совершенно счастливою и довольною своимъ выборомъ. Вскорѣ жениха съ невестою пригласили въ кабинетъ къ Николаю Федорычу и обручили тамъ при немногихъ свидѣтеляхъ. Старикъ плакалъ во все время, когда священникъ читалъ молитвы. По окончаніи обряда приказалъ жениху съ невестою поцѣловаться, обнялъ ихъ горячо и сильно, сколько могъ, и поглядѣвъ пристально въ лицо Алексѣю Степановичу, сказалъ: «Люби се и всегда такъ, какъ любишь теперь. Богъ даетъ тебѣ такое сокровище...» Онъ не могъ договорить. Обрученные женихъ и невеста вышли опять къ гостямъ, въ сопровожденіи присутствовавшихъ при обрученіи. Все мужчины обнимали жениха и цѣловали руку у невесты; все дамы обнимали невесту и у всѣхъ перецѣловали ручки женихъ. Наконецъ, когда кончилась эта суматоха, обрученныхъ посадили рядомъ на диванъ, упростили вновь поцѣловаться и съ бокалами въ рукахъ осыпали ихъ вторичными поздравленіями и добрыми желаніями. Между мужчинами хозяйничалъ С. П.

Личковъ, а между дамами — Алакаева. Алексѣй Степанъичъ съ роду не пивалъ ничего кромѣ воды, но его уговарили выпить бокалъ какого-то вина, которое сильно подѣйствовало на его непривычный организмъ, разстроенный недавною болѣзнію и постояннымъ волненіемъ души. Онъ сдѣлался необыкновенно живъ, смѣялся, плакалъ и много поговорилъ для потѣхи общества и для огорченія невесты. Гости развеселились. За однимъ бокаломъ послѣдовалъ другой, за другимъ третій; подали богатую закуску; все плотно покушали, еще выпили и развѣхались шумно и весело. У жениха закружилась и заболѣла голова, и Алакаева увезла его домой.

Николай Ѳедорычъ чувствовалъ себя очень плохо и хотѣлъ какъ можно скорѣй сыграть свадьбу; но какъ въ то же время онъ желалъ, чтобъ приданое было устроено богато и пышно, то принуждены были отложить свадьбу на нѣсколько мѣсяцовъ. Старинныя материнскіе брильянты и жемчуги надобно было передѣлать и перенизать по новому фасону въ Москвѣ, и оттуда же выписать серебро и нѣкоторые наряды и подарки; остальные же платья, занавѣсь парадной кровати и даже богатый чернобурый сапогъ, мѣхъ котораго давно уже былъ купленъ за 500 рублей и котораго теперь не купишь за 5000,— все это было сшито въ Казани; столоваго бѣлья и голландскихъ полотень было запасено много. Десять тысячъ, назначенныя на приданое, составляли тогда большую сумму; а какъ много дорогаго было припасено заранее, то роспись приданого выходила такъ роскошна и великолѣпна, что читая ее теперь, трудно повѣрить дешевизнѣ восьмидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія.

Первымъ дѣломъ, послѣ обрученія и помолвки, были рекомендательныя письма ко всемъ роднымъ жениха и невесты. Софья Николаевна, владѣвшая между прочимъ

особеннымъ дарованіемъ писать краснорѣчиво, написала такое письмо къ будущему свекру и свекрови, что Степанъ Михайлычъ, хотя былъ не сочинитель и не писака, но весьма оцѣнилъ письмо будущей своей невѣстки. Выслушавъ его съ большимъ вниманіемъ, онъ взялъ его изъ рукъ Танюши и, съ удовольствіемъ замѣтивъ четкость руки невѣсты, самъ прочелъ письмо два раза и сказалъ: «Ну, умница, и должна быть горячая душа!» Вся семья злилась и молчала; одна Александра Степановна не вытерпѣла, и сверкая круглыми, выкатившимися отъ бѣшенства зрачками, сказала: «Что и говорить, батюшка, книжница: мягко стелеть, да каково-то будетъ спать.» Но старикъ грозно взглянулъ на нее и злобнымъ голосомъ сказалъ: «А почему ты знаешь? Ничего не видя, ужъ ты коришь. Смотри! держи языкъ за зубами, и другихъ у меня не муди.» После такихъ словъ, всѣ припшлись и разумеется еще болѣе возненавидѣли Софью Николаевну. Степанъ Михайлычъ подъ вліяніемъ теплаго и ласковаго письма, взялъ самъ перо въ руки, и вопреки всякимъ церемоніямъ, написалъ слѣдующее:

«Милая моя, дорогая и разумная будущая невѣстунка.

Если ты насъ стариковъ такъ заочно полюбила и уважаешь, то и мы тебя полюбимъ; а при свиданьи, Богъ дастъ, и еще болѣе полюбимъ, и будешь ты намъ какъ родная дочь, и будемъ мы радоваться счастію нашего сына Алексѣя».

Софья Николаевна также по достоинству оцѣнила простую рѣчь старика; она уже прежде, по однимъ разговорамъ, полюбила его заочно. Родныхъ у невѣсты не было и писать ей жениху было не къ кому. Но она захотѣла, чтобъ Алексѣй Степанычъ написалъ рекомендательное письмо къ ей заочному другу и покровителю ей братьевъ, А. Ѳ. Анничкову; разумеется, женихъ съ радостью

согласился исполнить ея желаніе. Софья Николаевна не слишкомъ надѣялась на умънѣе Алексѣя Степаныча объясняться письменно и пожелала предварительно взглянуть на письмо. Боже мой, что прочла она въ этомъ письмѣ! Алексѣй Степанычъ, много наслышавшись объ Анничковѣ, вздумалъ написать витѣвато, позаимствовался изъ какого нибудь тогдашняго романа и написалъ двѣ страницы такихъ фразъ, отъ которыхъ, при другихъ обстоятельствахъ, Софья Николаевна расхохоталась бы, но теперь... кровь бросилась ей въ голову, и потомъ слезы хлынули изъ глазъ. Успокоившись, она сначала не знала, какъ ей быть, какъ выдти изъ этого затруднительнаго положенія? Впрочемъ она думала недолго, написала черновое письмо отъ жениха къ Анничкову и сказала Алексѣю Степанычу, что по непривычкѣ къ перепискѣ съ незнакомыми людьми, онъ написалъ такое письмо, которое могло бы испортиться Анничкову, и потому она написала черновое и просить его переписать и послать по адресу. Ей было совѣстно и больно и оскорбительно за своего жениха, голосъ ея слегка дрожалъ, и она едва владѣла собою; но женихъ чрезвычайно обрадовался такому предложенію; выслушавъ письмо, восхищался имъ, удивлялся сочинительницѣ и покрывалъ поцѣлуями ея руки. Тяжелъ былъ первый шагъ къ неуваженію будущаго своего супруга, и къ осуществленію мысли повелѣвать имъ по произволу...

Зная, что у стариковъ мало денегъ и что они по неволѣ скупы на нихъ, Алексѣй Степанычъ написалъ просительное письмо къ своимъ родителямъ съ самымъ умѣреннымъ требованіемъ денегъ и, для подкрѣпленія своихъ словъ, упросилъ Алакаеву, чтобы она написала къ Степану Михайлычу и удостоверить въ справедливой просьбѣ сына и въ необходимости издержекъ для предназначен-

ной свадьбы: онъ просить всего 800 рублей, но Алакаева требовала 1,500 рублей. Старикн отвѣчали сыну, что у нихъ такихъ денегъ нѣтъ и что они посылаютъ ему послѣдніе 500 рублей; а 500 рублей, если они ужъ необходимы, предоставляютъ ему у кого нибудь занять; но прибавляли, что пришлютъ ему четверку лошадей, кучера, форейтора, повара и всякихъ съѣстныхъ припасовъ. На Алакаеву же старикн разсердились за требованіе такой огромной суммы и не отвѣчали ей. Дѣлать было нечего; Алексѣй Степанычъ поблагодарилъ за милости своихъ родителей и занялъ 500 рублей; но какъ этихъ денегъ не достало, то Алакаева дала ему еще своихъ 500 рублей, тайно отъ его стариковъ.

Между тѣмъ свиданія жениха съ невестой становились чаще, продолжительнѣе, а разговоры трогательнѣе. Тутъ только увидѣла Софья Николаевна, какъ много будетъ ей работы въ будущемъ; тутъ только она вполнѣ разгадала своего жениха! Она не ошиблась въ томъ, что онъ имѣлъ отъ природы хорошій умъ, предоброе сердце и строгія правила честности и служебнаго безкорыстія, но за то во всемъ другомъ шла она такую ограниченность понятій, такую мелочность интересовъ, такое отсутствіе самолюбія и самостоятельности, что не робкая душа ея и твердость въ исполненіи дѣла, на которое она уже рѣшилась, — не одинъ разъ сильно колебалась; не одинъ разъ приходила она въ отчаяніе, снимала съ руки обручальное кольцо, клала его передъ образомъ Смоленскія Божія Матери и долго молилась, обливаясь жаркими слезами, прося просвѣтить ея слабый умъ. Такъ поступала она, что мы уже знаемъ, во всехъ трудныхъ обстоятельствахъ своей жизни. Послѣ молитвы Софья Николаевна чувствовала себя какъ-то бодрѣе и спокойнѣе, принимала это чувство за указаніе свыше,

надвела обручальное кольцо и выходила въ гостиную къ своему жениху спокойная и веселая. Больной ея отецъ чувствовалъ себя часъ-отъ-часу хуже и слабѣе; дочь умѣла его увѣрить, что она съ каждымъ днемъ открываетъ новыя достоинства въ своемъ женихѣ, что она совершенно довольна и надѣется быть счастливою замужемъ. Тяжкій недугъ уже омрачалъ ясность взгляда Николая Федорыча; онъ не только вѣрилъ искренности своей дочери, но и самъ убѣждался, что его Соничка будетъ счастлива и часто говорилъ: «Слава Богу, теперь мнѣ легко умереть».

Приближалось время свадьбы. Все приданое было готово. Женихъ также приготовился, благодаря совѣтамъ Алакаевой, которая совершенно взяла его въ руки. Умная старуха сама не подозрѣвала, до какой степени Алексѣй Степанычъ не зналъ и не понималъ приличій въ общественной жизни. Безъ нее онъ надѣлалъ бы такихъ промаховъ, отъ которыхъ невѣста не одинъ разъ сгорѣла бы со стыда. Напримеръ, онъ хотѣлъ подарить ей въ день поминаній такой материн на платье, какую можно было подарить только ея горничной; онъ думалъ ѣхать къ вѣнцу въ какой-то старинной новозкъ на пазахъ, которая возбуждала бы смѣхъ въ цѣломъ городѣ, и пр. и пр. Оно въ сущности ничего не значить, но видѣть своего жениха посмѣищемъ Уфимскаго моднаго свѣта, было бы слишкомъ тяжело для Софьи Николаевны. Разумѣется, все это было поправлено Алакаевой, или лучше сказать, самой невѣстой, потому что старуха обо всемъ совѣтовалась съ нею. Софья Николаевна заранѣе объявила жениху, чтобъ онъ и не думалъ дарить ее въ поминанья, потому что она терпѣть не можетъ поминаньяхъ подарковъ. Для свадьбы же приказала купить аглицкую повенскую карету, только что

привезенную изъ Петербурга однимъ Уфимскимъ помещи-
комъ, Мурзахановымъ, успѣвшимъ промотаться и проиг-
раться въ нѣсколько мѣсяцевъ. За карету было заплачено
550 рублей ассигнаціями. Софья Николаевна отдала за нее
свои деньги и прислала въ подарокъ жениху отъ имени
своего отца, запретивъ ему безпокоить своей благодар-
ностью умирающаго старика. Такъ улаживались и другія
затрудненія. Алексѣй Степанычъ и Софья Николаевна напи-
сали отъ себя и отъ имени Николая Федоровича письма къ
Степану Михайлычу и Аринѣ Васильевнѣ, убѣдительно про-
ся ихъ осчастливить своимъ прїездомъ на свадьбу. Зажив-
шіеся въ деревнѣ и одичавшіе старики, разумется, не
поѣхали: городъ и городское общество представлялись
имъ чѣмъ-то чуждымъ и страшнымъ. Изъ дочерей также
никто нехотѣлъ ѣхать; но Степану Михайлычу показалось
это не ловкимъ и онъ приказалъ отправиться на свадьбу
Елизаветъ и Александръ Степановнамъ. Ерлыкинъ нахо-
дился на службѣ въ Оренбургѣ, а Иванъ Петровичъ Ка-
ратаевъ сопровождалъ свою супругу въ Уфу. Прїбытіе
этихъ незванныхъ и неожиданныхъ гостей надѣлало мно-
го огорченій Софьѣ Николаевнѣ. Будущія ея золовки, отъ
природы очень умныя и хитрыя, расположенныя враж-
дебно, держали себя съ нею холодно, неприязненно и да-
же неучтиво. Хотя Софья Николаевна слишкомъ хорошо
угадывала, какого расположенія можно ей было ждать
отъ сестеръ своего жениха, тѣмъ не менѣе она сочла за
долгъ быть сначала съ ними ласковою и даже предупредитель-
ною; но увидя наконецъ, что все ея старанія на-
прасны и что чѣмъ лучше она была съ ними, тѣмъ хуже
онѣ становились съ нею — она отдалась и держала
себя въ границахъ свѣтской холодной учтивости, которая,
не защитила ее однако отъ этихъ поддыхъ намековъ
и обшяковъ, которыхъ нельзя не понять, которыми

нельзя не оскорбляться, и которые пошмать и которыми оскорбляться въ то же время пеловко, потому что сейчас скажутъ: «на воръ шапка горитъ». Отвратительное оружіе намековъ и обшьяковъ, выпанное образованностью въ общество мыщанъ, горничныхъ и лакеевъ, было тогда оружіемъ страшнымъ и общеупотребительнымъ въ домахъ деревенскихъ помѣщиковъ, по большей части весьма близкихъ съ своей прислугой и правами и образованіемъ. Да еще правду ли я сказать, что оно выгнано? Не живетъ ли оно и теперь между насъ, сокрытое подъ другими, болѣе приличными, болѣе искусными формами. Разумѣется, всему Уфимскому обществу показались сестрицы жениха деревенскими чучелами. Что касается до Ивана Петровича, уже довольно обашкирившагося и всегда начинавшаго съ восьми часовъ утра тянуть желудочный травникъ, то онъ при первой рекомендаціи чмокнулъ три раза ручку у Софьи Николаевны и съ одушевленіемъ истиннаго Башкирца воскликнулъ: «ну, какую кралячку подцѣпилъ братъ Алексѣй!» Много переболтала Софья Николаевна слезъ отъ злобныхъ выходокъ будущихъ своихъ золовокъ, и грубыхъ шутокъ и любезностей будущаго свояка. Всего прискорбнѣе было то, что Алексѣй Степанычъ ничего не примѣчалъ и казалось быть очень доволенъ обращеніемъ своихъ сестеръ съ Софьей Николаевной, и конечно это ее не только огорчало въ настоящемъ, но и пугало въ будущемъ. Идовитыя эти змыи, остановясь у брата въ домъ, съ первой же минуты начали вливать свой ядъ въ его простую душу и дѣлали это такъ искусно, что Алексѣй Степанычъ не подозрѣвалъ ихъ ухищреній. Тысячи намековъ на гордость его невѣсты, на ея нищенство, прикрывающееся золотомъ и парчемъ, на его подчиненность волѣ и прихотямъ Софьи Николаевны, безпрестанно раздавались въ его ухахъ; многого онъ не замечалъ, не понималъ, но многое пона-

дало прямо въ цѣль, смущало его умъ и безсознательно заставляло задумываться. Вся эти уловки, а иногда и открытыя нападенія, прикрывались видомъ участія и родственной любви. «Что это, братецъ, какъ ты худъ? говорила Елисавета Степановна. Ты совсемъ измучился, исполняя приказанія Софьи Николаевны. Вотъ теперь, ты только что воротился изъ Голубиной слободки (*), усталъ, проголодался, и ничего не покушавши скачешь опять на дежурство къ невестѣ. Вѣдь мы тебѣ родныя, вѣдь намъ тебя жалко...» и притворныя слезы, или по крайней мѣрѣ моргание глазами и утиранье нѣтъ платкомъ, довершали вкрадчивую рѣчь. — «Цѣтъ, бѣшено врывалась въ разговоръ Александра Степановна, не могу утерпѣть. Я знаю, ты осердишься, братецъ, а можешь быть и разлюбишь насъ; такъ видно угодно Богу; но я скажу тебѣ всю правду: ты совсемъ перевернулся; ты насъ стыдишься, ты насъ совсемъ забылъ; у тебя только и на умѣ, какъ бы лизать ручки у Софьи Николаевны, да какъ бы не проштрафиться передъ нею. Вѣдь ты сдѣлался ея слугой, крепостнымъ слугой! Каково намъ видѣть, что ужъ и эта старая вѣдьма Алакаева помыкаетъ тобой, какъ холопомъ: поѣзжай туда, то-то привези, объ этомъ-то справься... да приказываетъ еще все дѣлать проворнѣе, да еще изволитъ выговоры давать; а насъ и въ грошъ не ставитъ, ни о чемъ съ нами и посовѣтоваться не хочетъ...» Алексѣй Степанычъ не находилъ словъ для возраженія, и говорилъ только, что онъ сестрицъ своихъ любить и всегда будетъ любить и что ему пора вѣхать къ Софьѣ Николаевнѣ; послѣ чего бралъ шляпу и поспѣшно уходилъ. «Да бѣги, бѣги поскорѣе, кричала ему вслѣдъ бѣшеная Александра Степановна, а то прогнѣ-

(*) Отдаленная улица въ Уфѣ.

вастся, да еще ручки не покажутъ.» Подобныя явленія повторялись не одинъ разъ и конечно производили свое впечатлѣніе. Софья Николаевна не могла не замѣтить, что прїездъ сестрицы Алексѣя Степаньича произвелъ въ немъ нѣкоторую перемену. Онъ казался смущеннымъ, не съ такою точностью исполнялъ свои обѣщанія и даже менѣе проводилъ съ ней время. Софья Николаевна очень хорошо понимала настоящую причину; къ тому же Алакаева, съ которою вошла она въ короткія и дружескія отношенія и которая знала все, что дѣлается на квартирѣ у Алексѣя Степаньича, не оставляла ее снабжать подробными свѣдѣніями. Софья Николаевна по своей пылкой и страстной натурѣ, не любила откладывать дѣла въ долгій ящикъ. Она справедливо разсуждала, что не должно давать время и свободу укореняться вредному вліянію сестрицы, что необходимо открыть глаза ея жениху и сдѣлать рѣшительное испытаніе его характеру и привязанности, и что если и то и другое окажется слишкомъ слабымъ, то лучше разойтись передъ вѣнцомъ, нежели соединить судьбу свою съ такимъ ничтожнымъ существомъ, которое, по ея собственному выраженію, «отъ солнышка не защита и отъ дождя не епанча.» Рано утромъ она вызвала къ себѣ жениха, затворилась съ нимъ въ гостиной, не приказала никого принимать и обратилась къ испуганному и поблѣднѣвшему Алексѣю Степаньичу съ слѣдующими словами: «Послушайте, я хочу объяснитьсь съ вами откровенно, сказать вамъ все, что у меня лежитъ на сердцѣ, и отъ васъ требую того же. Сестрицы ваши меня терпѣть не могутъ и употребили все старанія, чтобъ возстановить противъ меня вашихъ родителей. Я знаю все это отъ васъ самихъ. Ваша любовь ко мнѣ преодолѣла все препятствіе: родители ваши дали вамъ свое благословеніе и я рѣшилась за васъ выйти, не боявшись ненависти дѣ-

лой семьи. Я надѣялась найти себѣ защиту въ вашей любви и въ моемъ стараніи доказать вашимъ родителямъ, что я не заслуживаю ихъ непріязни. Я вижу теперь, что я ошиблась. Вы сами видите, какъ я приняла вашихъ сестрицъ, какъ я ласкалась, какъ я старалась угодить имъ. Онѣ заставили меня удалиться своими грубостями, но я ни разу не сдѣлала имъ ни малѣйшей невѣжливости. Что же изъ этого вышло? Прошла только одна недѣля, какъ пріѣхали ваши сестрицы, и вы уже много перемѣнились ко мнѣ: вы забываете, или не смѣете иногда исполнять того, что мнѣ обѣщали, вы меньше проводите со мной времени, вы смущены, встревожены, вы даже не такъ ласковы ко мнѣ, какъ были прежде. Не оправдывайтесь, не запирайтесь, это было бы не честно съ вашей стороны. Я знаю, что вы меня не разлюбили; но вы бѣгаете показывать мнѣ свою любовь, бѣгаете вашихъ сестеръ и потому смущаетесь и даже избѣгаете случаевъ оставаться со мной наединѣ. Это все совершенная правда, вы сами это знаете. И такъ скажите, какую надежду могу я имѣть на твердость вашей любви? Да и что это за любовь, которая струсила и прячется отъ того, что невѣста ваша не правится вашимъ сестрицамъ, о чемъ вы давно знаете? Что же будетъ, если я не понравлюсь вашимъ родителямъ и если они косо на меня посмотрятъ? Да вы разлюбите меня въ самомъ дѣлѣ! Нѣтъ, Алексѣй Степанъичъ, благородные люди не такъ любятъ и не такъ поступаютъ. Зная, что меня терпѣть не могутъ ваши родные, вы должны были удвоить при нихъ ваше вниманіе, нежность и уваженіе ко мнѣ—тогда они не осмѣлились бы и рта разинутъ; а вы допустили ихъ говорить вамъ въ глаза оскорбительныя мнѣ слова. Я все знаю, что онѣ говорятъ вамъ. Я заключаю изъ всего этого, что любовь ваша пустое нежничанье, что на васъ нельзя по-

ложиться и что намъ лучше разстаться теперь, нежели быть несчастными на всю жизнь. Подумайте хорошенько о моихъ словахъ. Я даю вамъ два дня, чтобы ихъ обдумать. Продолжайте ъздить къ намъ, но два дня я не буду видѣться съ вами наедшиъ и не стану поминать объ этомъ разговорѣ; потомъ спрошу васъ по совѣсти, какъ честнаго человѣка: имѣете ли вы довольно твердости, чтобы быть моимъ защитникомъ противъ вашихъ родныхъ и всѣхъ, кто вздумалъ бы оскорблять меня? Можете ли вы заставить вашихъ сестеръ не обижать меня и заочно, въ вашемъ присутствіи, ни однимъ словомъ, ни однимъ оскорбительнымъ намекомъ. Хотя разрывъ за недѣлю до свадьбы, для всякой благовоспитанной дѣвушки большое несчастіе, но лучше перенести его разомъ, нежели мучиться всю жизнь. Вы знаете, что я не влюблена въ васъ, но я начинала любить васъ, и конечно полюбила бы сильнѣе и постояннѣе, чѣмъ вы. Прощайте! сегодня и завтра мы чужіе» Алексѣй Степанычъ, давно заливавшійся слезами и нѣсколько разъ порывавшійся что-то сказать, не успѣлъ разинуть рта, какъ невѣста ушла и заперла за собою дверь. Какъ громомъ пораженный, Алексѣй Степанычъ не вдругъ пришелъ въ себя. Наконецъ мысль потерять обожаемую Софью Николаевну представилась ему съ поразительною ясностью, ужаснула его и вызвала то мужество, ту энергію, къ которой бываютъ способны, на короткое время, люди самаго слабаго, самаго кроткаго нрава. Онъ поспѣшно отправился домой, и когда его сестрицы, нѣсколько не сжалившись надъ огорченнымъ и разстроеннымъ видомъ братца, встрѣтили его обычными злобными шуточками — Алексѣй Степанычъ пришелъ въ изступленіе и задалъ имъ такую вывалку, что онѣ перепугались. Человѣкъ добрый, тихій и терпѣливый бываетъ страшенъ въ гнѣвъ. Алексѣй Степанычъ сказалъ

между прочимъ своимъ сестрамъ, что «если онъ осмѣлится еще сказать при немъ хотя одно оскорбительное слово объ его невѣстѣ, или насчетъ его самого, то онъ въ ту же минуту переѣдетъ на другую квартиру, не велитъ ихъ пускать ни къ себѣ, ни къ невѣстѣ, и обо всемъ напишетъ къ батюшкѣ.» Этого было довольно. Александра Степановна твердо помнила слова отца: «держи языкъ за зубами и другихъ у меня не мути.» Она очень хорошо знала, какая грозная туча взмыла бы отъ жалобы брата и какихъ страшныхъ послѣдствій могла она ожидать. Объ сестрицы кинулись на шею Алексѣя Степаныча, просили прощенья, плакали, крестились и божились, что впредь этого никогда не будетъ, что онъ самъ смерть какъ любитъ Софью Николавну и что только изъ жалости къ его здоровью, для того, чтобы онъ меньше хлопоталъ, онъ позволяли себѣ такія глупыя шутки. Въ тотъ же день поѣхали онъ къ Софьѣ Николавнѣ, лебезили передъ ней и ласкались самымъ униженнымъ образомъ. Она очень хорошо поняла, что это значить и — торжествовала. Положеніе несчастнаго жениха было по истинѣ достойно сожалѣнія. Его любовь, нѣсколько успокоившаяся, пріутихшая отъ частыхъ свиданій и простаго ласковаго обращенія Софьи Николавны, отъ увѣренности въ близости свадьбы, нѣсколько запуганная, и какъ будто пристыженная насмѣшками сестеръ — вскинула съ такою яростью, что въ настоящую минуту онъ былъ способенъ на всякое самоотверженіе, на всякой отчаянный поступокъ, пожалуй на геройство. Все это ярко выражалось на его молодомъ и прекрасномъ лицѣ, и съ такимъ-то лицемъ нѣсколько разъ являлся онъ передъ Софьей Николавной въ продолженіе этихъ безконечныхъ двухъ дней. Тяжело было ей смотреть на него, но она имѣла твердость выдержать назначенный искусъ. Она сама не ожидала того

сердечнаго волненія и тоскливой жалости, которыя испытала въ это время. Она почувствовала, что уже любить этого смиреннаго, простаго молодаго человека, безгранично ей преданнаго, который не задумался бы прекратить свою жизнь, еслибъ она рѣшилась отказать ему!... Наконецъ прошли и эти долгиe два дни. На третій, рано поутру, Алексѣй Степанычъ дожидаясь своей невѣсты въ гостинной; тихо отворилась дверь, и явилась Софья Николаевна прекраснѣе, очаровательнѣе чѣмъ когда-нибудь, съ легкою улыбкою и съ выраженіемъ въ глазахъ такого нѣжнаго чувства, что взглянувъ на нее и увидя ласково протянутую руку, Алексѣй Степанычъ отъ избытка сильнаго чувства обезумѣлъ, на мгновеніе потерялъ употребленіе языка.... но вдругъ опомнившись, не принимая протянутой руки, онъ упалъ къ ногамъ своей невѣсты, и потокъ горячаго сердечнаго краснорѣчія, сопровождаемый слезами, пошелъ изъ его груди. Софья Николаевна не дала ему кончить, она подняла его, сказала ему: что она видитъ, чувствуетъ и раздѣляетъ любовь его, вѣритъ всѣмъ его обѣщаніямъ, и безъ страха вручаетъ ему свою судьбу. Она приласкала его такъ, какъ никогда не ласкала, и сказала нѣсколько такихъ нѣжныхъ словъ, какихъ никогда не говорила.

Только пять дней оставалось до свадьбы. Всѣ приготовления были совершенно кончены, и женихъ и невѣста, свободные отъ хлопотъ, почти не разставались. Уже пять мѣсяцевъ Софья Николаевна была невѣста Алексѣя Степаныча, и во все это время, вѣрная своему намѣренію перевоспитать своего жениха — невѣста не теряла ни одной удобной минуты и старалась своими разговорами сообщать ему тѣ нравственныя понятія, которыхъ у него не доставало, уяснять и развивать то, что онъ чувствовалъ

и понимала темно, бессознательно, и уничтожать такія мысли, которыя забрались ему въ голову отъ окружающихъ его людей; она даже заставляла его читать книги, и потомъ, разговаривая съ нимъ о прочитанномъ, съ большимъ искусствомъ объясняла все, смутно или превратно понятое, утверждая все шаткое и примѣняя вымышленное къ дѣйствительной жизни. Но едва ли во все эти пять хлопотливыхъ мѣсяцевъ успѣла Софья Николаевна высказать такъ много новаго, какъ въ эти пять дней; по случаю же недавняго, сейчасть мною разсказаннаго происшествія, подивнаго, изощрившаго, такъ сказать, душу жениха, все было принято Алексѣемъ Степанычемъ съ особеннымъ сочувствіемъ. Каковъ вообще былъ успѣхъ этого курса нравственной педагогикки — я рѣшить на себя не беру. Трудно судить, до какой степени были справедливы мнѣнія обѣихъ особъ, о которыхъ я говорю; но онъ въ послѣдствіи согласно утверждали, ссылаясь на отзывъ постороннихъ людей, что въ Алексѣя Степаныча произошла великая перемена, что онъ точно переродился. Я охотно готовъ этому вѣрить; но имѣю доказательство, что въ знаніи свѣтскихъ приличій, успѣхи Алексѣя Степаныча были не такъ велики. Я знаю, что онъ разсердилъ свою невесту наканунѣ свадьбы и что ея вспыльчивость произвела сильное и болезненное впечатлѣніе на кроткую его душу. Вотъ какъ это происходило: у Софьи Николаевны сидѣли двѣ значительныя уфимскія дамы; вдругъ входитъ лакей съ какимъ-то бумажнымъ сверткомъ, подаетъ Софьѣ Николаевнѣ и докладываетъ, что Алексѣй Степанычъ прислалъ это съ кучеромъ и приказалъ, «чтобы вы поскорѣ сдѣлали чепецъ для Александры Степановны». Не предупрежденная ни однимъ словомъ своего жениха, который только за полчаса съ нею расстался, Софья Николаевна вспыхнула отъ досады. Значительныя дамы будто

бы подумавшія сначала, что этотъ свертокъ подарокъ отъ жениха, не хотѣли скрыть своихъ улыбокъ, и невѣста, не совладѣвъ съ собою, приказала отнести посылку назадъ, и сказать Алексѣю Степаньчу: «чтобы онъ обратился къ чепечницѣ, и что вѣрно по ошибкѣ принесли къ ней эту работу.» Дѣлю происходило весьма просто: женихъ, воротясь домой, нашелъ свою сестру въ большемъ затрудненіи, потому что мастерица, которая взялась сдѣлать ей для свадьбы парадный чепчикъ, вдругъ захворала и прислала назадъ весь матеріалъ. Алексѣй Степаньчъ, видѣвшій своими глазами, какъ некусно его невѣста дѣлала головные уборы, вызвался пособить сестринному горю и приказалъ Никаноркѣ отнестъ къ Софьѣ Николаевнѣ вышеупомянутый свертокъ и покорнѣе просить ее, чтобы она сдѣлала чепчикъ для Александры Степановны. Никанорка не пошелъ самъ за недосугомъ и послалъ кучера, а кучерь вмѣсто покорнѣйшей просьбы передать приказаніе. Алексѣй Степаньчъ поспѣшилъ къ невѣстѣ для объясненія и взялъ съ собою опять тотъ же несчастный свертокъ. Софья Николаевна, не простывшая еще отъ первой вѣнчки, увидя жениха, входящаго съ знакомымъ ей сверткомъ бумаги, вѣнчила еще больше и наговорила много лишнихъ, горячихъ и оскорбительныхъ словъ. Женихъ смутился, растерялся, оправдывался очень плохо, но сердечно огорчился. Софья Николаевна отослала матеріалъ для чепчика къ какой-то известной ей женщинѣ, и раскаявшись въ своей горячности, старалась ее поправить; но къ удивленію своему, Алексѣй Степаньчъ не могъ забыть оскорбленія, смѣшаннаго съ какимъ-то страхомъ; онъ сдѣлался очень печаленъ, и напрасно старалась невѣста успокоить и развеселить его.

Наступило 10 мая 1788 года, день, назначенный для свадьбы. Женихъ пріѣхалъ къ невѣстѣ поутру, и Софья

Николавна, уже встревоженная накануне, къ огорченію своему увидѣла, что вчерашнее грустное выраженіе не сошло съ лица Алексѣя Степаньича. Она сама въ свою очередь огорчилась и даже оскорбилась. Она привыкла думать, что Алексѣй Степаньичъ не будетъ помнить себя отъ радости въ тотъ день, когда поведетъ ее къ вѣнцу; а онъ является невеселымъ и даже грустнымъ! Она сказала это своему жениху, и тѣмъ смутила его еще больше. Разумѣется, онъ старался увѣрить ее, что считаетъ себя блаженнѣйшимъ изъ смертныхъ и проч., но надутыя и пошлыя слова, произносимыя и прежде много разъ и выслушиваемыя съ удовольствіемъ, теперь не проникнутыя смысломъ внутренняго одушевленія, неприятно отозвались въ слухъ невѣсты. Черезъ нѣсколько времени они разстались съ тѣмъ, чтобы увидѣться уже въ церкви, гдѣ въ шесть часовъ вечера женихъ долженъ былъ ожидать невѣсту.

Страшное сомнѣніе возникло въ душѣ Софьи Николавны: будетъ ли счастлива она за-мужемъ? Много темныхъ пророческихъ мыслей пробѣжало въ ея мысляхъ умѣ. Она обвиняла себя за горячность, за рѣзкія выраженія; сознавалась, что причина была ничтожна, что она должна была предвидѣть множество подобныхъ промаховъ своего жениха и принимать ихъ спокойно. Они уже и случались не одинъ разъ, но тутъ несчастное стеченіе обстоятельствъ, присутствіе постороннихъ дамъ, съ которыми она была въ неприязныхъ отношеніяхъ, укололо ея самолюбіе и раздражило ея природную вснѣльчивость. Она чувствовала, что испугала Алексѣя Степаньича, каялась въ своей винѣ и въ то же время чувствовала во глубинѣ своей души, что способна провиниться опять. Тутъ снова представилась ей вся трудность взятаго на себя подвига: перевоспита-

ніе, пересозданіе уже двадцатисеми-лѣтняго челоуька. Цѣлая жизнь, долгая жизнь съ мужемъ неровней, котораго она при всей любви не можетъ вполне уважать, безпрестанное столкновеніе совсѣмъ различныхъ понятій, противоположныхъ свойствъ, наконецъ частое непониманіе другъ друга ... и сомнѣніе въ усиліяхъ, сомнѣніе въ собственныхъ силахъ, въ спокойной твердости, столько чуждой ей нраву, въ первые представилось ей въ своей поразительной истинѣ и ужаснуло бѣдную дѣвушку!... Но что же дѣлать? Неужели разорвать свадьбу предъ самымъ вѣнцомъ, поразить своего умирающаго отца, привыкшаго къ успокоительной мысли, что его Соничка будетъ счастлива за добрымъ челоуькомъ? Неужели потѣшить всѣхъ своихъ недоброжелателей, особенно значительныхъ дамъ? Сдѣлаться баснею, шуткою города и цѣлаго края, можетъ быть подвергнуться клеветамъ? Наконецъ, убить, въ настоящемъ значеніи слова убить, страстно любящаго ее жениха? и все это изъ одного опасенія, что у ней не достанетъ твердости къ выполненію давно обдуманнаго плана, который начиналъ уже блистательно осуществляться? «Нѣтъ, не бывать тому! Богъ поможетъ мнѣ, Смоленская Божія Матерь будетъ моею заступницей и подастъ мнѣ силы обуздать мой вспыльчивый нравъ...» такъ думала и такъ рѣшила Софья Николаевна. Слезы и молитва возвратили ей твердость.

Церковь Успенія Божіей Матери находилась очень близко отъ огромнаго Зубинскаго дома и стояла тогда на пустырь. За долго до шести часовъ она окружена была толпою любопытнаго народа. Высокой крылецъ на улицу Зубинскаго дома обставился экипажами тѣхъ особъ, которыя были приглашены провожать невѣсту; остальное общество съѣзжалось прямо въ церковь. Невѣсту одѣвали

къ вѣнцу. Маленькій братъ, трехлѣтній Николѣшка, котораго рожденіе стоило жизни его матери, обувалъ Софью Николавну по принятому обычаю, разувается съ помощію горничныхъ. Въ исходъ шестаго часа невѣста была уже готова и, принявъ благословеніе отца, вышла въ гостиную. Богатый подвѣнечный парядъ придавалъ еще болѣе блеску ея красотѣ. Дорога отъ дома жениха въ церковь лежала мимо самыхъ оконъ гостиной, и Софья Николавна видѣла, какъ онъ проѣхалъ туда въ англійской мурзачиновской каретѣ на четверкѣ славныхъ доморощенныхъ лошадей; она даже улыбнулась и ласково кивнула головой Алексѣю Степанычу, который, высунувшись изъ кареты, глядѣлъ въ растворенныя окна дома. Проѣхали также сестры жениха. Алакаева и всѣ мужчины, провожавшіе его въ церковь. Невѣста не хотѣла, чтобы женихъ ея дожидался, и хотя ее останавливали, но она настояла, чтобы ѣхали немедленно. Софья Николавна спокойно и твердо вошла въ церковь; ласково и весело подала руку своему жениху, но смутилась, увидѣвъ на его лицѣ тоже грустное выраженіе, и всѣ замѣтили, что женихъ и невѣста были не веселы подѣ вѣнцемъ. Церковь была ярко освѣщена и полна народа; архіерейскіе пѣвчіе не щадили своихъ голосовъ. Свадьба во всѣхъ отношеніяхъ была парадна и великолѣпна. По окончаніи обряда, сестры, всѣ повѣзды съ обѣихъ сторонъ и также лучшая уфимская публика сопровождали молодыхъ въ домъ къ Николаю Федорычу. Тамъ немедленно начались и продолжались танцы до богатаго, но ранняго ужина. Всѣ гости, имѣвшіе право входить къ Николаю Федорычу въ кабинетъ, перебивали у него и поздравляли со вступленіемъ въ бракъ его дочери. На другой и слѣдующіе дни происходило все то, что обыкновенно при такихъ случаяхъ бываетъ, то-есть, обѣды, балы, визиты, опять обѣды и опять балы:

однимъ словомъ все точно такъ, какъ водится и теперь даже въ столицахъ.

Грустная тѣнь давно слетѣла съ лица молодыхъ. Они были совершенно счастливы. Никто не могъ смотреть на нихъ безъ удовольствія и часто повторялись слова: «какая прекрасная пара!» Черезъ недѣлю молодые соби- рались ѣхать въ Багрово, куда сестры Алексѣя Степаныча уѣхали черезъ три дня послѣ свадьбы. Софья Николаевна написала съ ними ласковое письмо къ старикамъ.

Сестры Алексѣя Степаныча, послѣ неожиданной вспышки брата, держали себя въ последнее время осторожно; не позволяли при немъ себя никакихъ намековъ, ужимокъ и улыбокъ, а передъ Софьей Николаевной были даже искательны; но разумеется этимъ нисколько се не обманули: за то братацъ повѣрилъ отъ души ихъ искреннему расположенію къ невѣстѣ. На свадьбѣ и на праздни- кахъ послѣ свадьбы, разумеется онѣ играли жалкія роли, а потому успѣли уѣхать. Вернувшись домой, то есть, къ Степану Михайлычу, онѣ рѣшились дѣйстви- тельно осторожно и не показывать передъ старикомъ своей враждебности къ Софьѣ Николаевнѣ, но за то Ари- нѣ Васильевнѣ и двумъ своимъ сестрамъ расписали онѣ такими красками свадьбу и все тамъ происходившее, что поселили въ нихъ сильное предубѣжденіе и неблаго- расположеніе къ невѣсткѣ. Онѣ не забыли расска- зать объ изступленномъ гнѣвѣ и угрозахъ Алексѣя Степа- ныча за ихъ выходки противъ Софьи Николаевны, и все уговорились держать себя съ нею при Степанѣ Михай- лычѣ ласково и не говорить ему прямо ничего дурнаго на счетъ невѣстки; но въ то же время не пропускать благо- пріятныхъ случаевъ, незаметно для старика, восстано- вить его противъ ненавистной имъ Софьи Николаевны.

Поступать надобно было очень искусно. Не доверяя этого дѣла другимъ, взяли его на себя Елизавета и Александра Степановны. Дѣдушка подробно разспрашивалъ о свадьбѣ, о томъ кого онъ видѣли, о состояніи здоровья старика Зубина и вообще обо всемъ тамъ происходившемъ. Онъ все хвалили; но въ похвалахъ этихъ слышенъ былъ запахъ и вкусъ яда, и не удалось имъ провести Степана Михайлыча. Онъ обратился такъ, ради шутки, а можетъ быть и для соображенія, къ Ивану Петровичу Каратаеву и спросилъ его: «Ну что, братъ Иванъ, что ты мнѣ скажешь о нашей невѣстухѣ? Ихъ дѣлю бабѣ, а ты мужчина и лучше можешь судить объ этомъ». Иванъ Петровичъ, не смотря на миганье своей супруги, отвѣчалъ съ увлеченіемъ: «Да вотъ что, батюшка, я вамъ скажу: что такой красавицы (безъ этого живописнаго слова онъ не умѣлъ похвалить красоту), какую подцѣпилъ братъ Алексѣй, другой не отыщешь въ цѣломъ свѣтѣ. Что взглянетъ, то рублемъ подарить. А ужъ что за умница, такъ ужъ и говорить нечего. Одно доложу вамъ, батюшка: горда; пошутить нельзя; только вздумаешь подпустить турусы на колесахъ—такъ взглянетъ, что языкъ прикуситъ.»—«Вижу, братъ, что она тебѣ врать не позволяла», сказалъ старикъ съ веселымъ лицомъ, разсмѣялся и прибавилъ: «Ну это еще не большая бѣда.» Степанъ Михайлычъ, по всемъ разговорамъ, по письмамъ Софьи Николаевны и по отвѣту Ивана Петровича Каратаева, составилъ въ своемъ умѣ весьма благоприятное мнѣніе объ Софьѣ Николаевнѣ.

Извѣстіе о скоромъ пріѣздѣ молодыхъ произвело тревогу и суету въ тихомъ, слишкомъ простомъ домѣ деревенскихъ помѣщиковъ. Надобно было почиститься, пріѣдѣться, принарядиться. Невѣстка городская модница, привыкла жить по-барски, даромъ что бѣдна: осудить, осмѣять—такъ

думали и говорили все, кроме старика. Особых и свободных комнатъ въ домъ не было, надобно было вывести Ташошу изъ ея горницы, выходившей угломъ въ садъ, на прозрачный Бугурусланъ съ его зелеными кустами и голосистыми соловьями. Ташошъ очень не хотѣлось перейти въ передбанникъ, но другаго мѣста не было: все сестры жили въ домъ, а Каратаевъ и Ерлыкинъ спали на сѣнникѣ. За день до прїезда молодыхъ, привезли кровать, штофный занавѣсъ, гардины; прїехалъ и чelовѣкъ, умьющій все это уставить и приладить. Ташошину комнату отдѣляли въ нѣсколько часовъ. Степанъ Михайловичъ посмотрѣлъ, полюбовался, а женщины кусали отъ зависти губы. Наконецъ прискакать передовой съ извѣстїемъ, что молодые остановились въ Мордовской деревнѣ Нойкино, въ восьми верстахъ отъ Багрова, гдѣ они переодѣнутся и часа черезъ два прїедутъ. Все приняло въ движеніе. Хотя старикъ еще съ утра послать за священникомъ, но какъ онъ еще не прїѣзжалъ, то послали гонца верхомъ поторопить его. Между тѣмъ въ Нойкинѣ происходила также забавная суматоха. Молодые ѣхали на перемынныхъ по проселочной дорогѣ, и потому надобно было посылать передоваго для заготовленія лошадей отъ деревни до деревни. Въ Нойкинѣ все знали Алексея Степаньича еще дитятей, а Степана Михайлыча считали отцемъ и благодѣтелемъ. Вся деревня отъ мала до велика, дуня 600 мужеска и женска пола, сбѣжалась къ той избѣ, гдѣ должны были остановиться молодые. Софья Николаевна едва ли видала вблизи Мордву, и потому одежда Мордвокъ и необыкновенно рослыхъ и здоровыхъ дѣвокъ, ихъ вышитыя красною шерстью бѣлыя рубахи, ихъ черныя шерстяные пояса или хвосты, грудь и синяя и головные уборы, обвѣшанные серебряными день-

гами и колокольчиками, очень ее заинтересовали. Но когда она услышала простыя, грубыя, но искреннія восклицанія всей толпы, на изломанномъ нѣсколько русскомъ языкѣ, то радостныя привѣтствія, то похвалы и добрыя желанія, — она и смѣялась, и даже плакала: «Ай, ай, Алеша, какой жена тебѣ Богъ давалъ. Ай, ай, хороша, говорили старики и старухи; а отца наша Степанъ Михайлычъ то-то рада будетъ! Ну дай вамъ Богъ, дай Богъ.» Когда же молодая, переодѣвшись въ пышное городское платье, вышла садиться въ карету, то въ народъ поднялся такой гулъ радостныхъ похвалъ, что даже лошади перепугались. Молодые, подаривъ десять рублей на вино всему міру, отправились въ дорогу.

Позади господскаго гумна, стоящаго на высокой горѣ, показался высокій экипажъ. «Бдутъ, бдутъ» раздалось по всему дому, и вся дворня, а вскорѣ и все крестьяне сбѣжали на широкій господской дворъ, а молодежь и ребятишки побѣжали навстрѣчу. Старики Багровы со всемъ семействомъ вышли на крыльцо; Арина Васильевна въ шелковомъ шушунѣ и юбкѣ и съ шелковымъ гарнитуровымъ съ золотыми травочками платкомъ на головѣ, а Степанъ Михайлычъ въ какомъ-то стародавнемъ сюртукѣ, выбритый и съ платкомъ на шеѣ, стояли на верхней ступенькѣ крыльца; одинъ держалъ образъ Знаменія Божьей Матери, а другая—коровай хлѣба съ серебряной солонкой. Золовки и два зятя стояли около нихъ. Экипажъ подкатилъ къ крыльцу, молодые вышли, упали старикамъ въ ноги, приняли ихъ благословеніе и разцѣловались съ ними и со всеми ихъ окружающими; едва кончила молодая эту церемонію и обратилась опять къ свекру, какъ онъ схватилъ ее за руку, поглядѣлъ ей

пристально въ глаза, изъ которыхъ катились слезы, самъ заплакалъ, крепко обнялъ, поцѣловалъ и сказалъ: «Слава Богу! Пойдемъ же благодарить Его.» Онъ взялъ невѣстку за руку, провелъ въ залу сквозь тѣсную толпу, поставилъ возлѣ себя,—и священникъ, ожидавшій ихъ въ полномъ облаченіи, возгласилъ: «Благословенъ Богъ нашъ, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.»

ВОСПОМИНАНІЯ.

Г И М Н А З І Я.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Г И М Н А З І Я.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Въ серединѣ зимы 1799 года, прїѣхали мы въ губернской городъ К. Мнѣ было восемь лѣтъ. Морозы стояли трескучіе, и хотя заранѣе были наняты для насъ двѣ комнаты въ маленькомъ домѣ капитаниши Аристовой, но мы не скоро отыскали свою квартиру, которая, впрочемъ, находилась на хорошей улицѣ, называющейся «Грузинскою». Мы прїѣхали подъ вечеръ, въ простой рогожной повозкѣ, на тройкѣ своихъ лошадей (поваръ и горничная прїѣхали прежде насъ); переѣздъ съ кормежки сдѣлали большой, долго ѣздили по городу, разспрашивая о квартирѣ, долго стояли по безтолковости деревенскихъ лакеевъ—и я помню, что озябъ ужасно, что квартира была холодна, что чай не согрѣлъ меня и что я легъ спать, дрожа какъ въ лихорадкѣ; еще болѣе помню, что страстно любившая меня мать также дрожала; но не отъ холода, а отъ страха чтобъ не простудилось ея любимое дитя, ея Сереженька. Прижавшись къ материнскому сердцу и прикрытый сверхъ одѣяла льсьимъ, атласнымъ, еще приданнымъ саломомъ, я согрѣлся, уснулъ и проснулся на другой день здоровымъ, къ неописанной радости моей встревоженной матери. Се-

стра моя и братъ, оба меня моложе, остались въ Симбирской губернии, въ богатомъ селѣ Чуфаровѣ у двоюродной тетки моего отца, отъ которой въ будущемъ ожидали мы наслѣдства; но въ настоящее время она не помогала моему отцу ни одной копѣйкой и заставляла его съ семействомъ терпѣть не рѣдко нужду: даже займы не давала ни одного рубля. Не знаю, какія обстоятельства принудили моихъ родителей, при ихъ стѣсненномъ положеніи въ деньгахъ, пріѣхать въ губернской городъ К., но знаю, что это было сдѣлано не для меня, хотя вся моя будущность опредѣлилась этой повѣзкой. Проснувшись на другой день, я былъ пораженъ движеніемъ на улицѣ; до сихъ поръ я ничего подобнаго не видывалъ. Впечатлѣніе было такъ сильно, что я не могъ оторваться отъ окошка. Не удовлетворяясь отвѣтами на мои разспросы, пріѣхавшей съ нами женщины Парашы, которая сама ничего не знала, я добился какой-то хозяйской дѣвушки и мучилъ ее нѣсколько часовъ сряду, задавая иногда такіе вопросы, на которые она отвѣчать не умѣла. Отецъ и мать ѣздили въ соборъ, помолиться, и еще куда-то, по своимъ дѣламъ, но меня съ собою не брали, боясь жестокихъ крещенскихъ морозовъ. Обѣдали они дома, но вечеромъ опять уѣхали; утомленный новыми впечатлѣніями, я заснулъ ранѣе обыкновеннаго, болтая и слушая болтовню Парашы; но только что разспался, какъ ласковая рука той же Парашы бережно меня разбудила. Мнѣ сказали, что за мною прислали возокъ, что мнѣ надобно встать и ѣхать въ гости, гдѣ ожидали меня отецъ и мать. Меня одѣли въ праздничное платье, умыли и причесали, закутали и посадили въ возокъ вмѣстѣ съ тою же Парашей. Вырванный изъ крепкаго ребячьяго сна, испуганный такимъ происшествіемъ, какого со мной никогда не бывало, застычивый отъ природы, съ замирающимъ серд-

цемъ, съ предчувствіемъ чего-то страшнаго, ѣхалъ я по опустынившимъ городскимъ улицамъ. Наконецъ мы пріѣхали. Паранна раздѣла меня въ лакейской, повторила мнѣ на ухо слова, нѣсколько разъ сказанныя дорогой, чтобъ я не робѣлъ, довела за руку до гостиной, лакей отворилъ дверь, и я вошелъ. Блескъ свѣчей и громкія рѣчи такъ меня смутили, что я остановился, какъ вкопанный у двери. Первый увидѣлъ меня отецъ и сказалъ: «а вотъ и рекрутъ.» Я смѣялся еще болѣе. «Любъ» произнесъ чей-то громовой голосъ, и мужчина огромнаго роста поднялся съ кресель и пошелъ ко мнѣ. Я такъ перепугался, ибо понималъ страшный смыслъ этого слова, что почти безъ памяти бросился бѣжать. Громкой хохотъ всѣхъ присутствующихъ остановилъ меня; но матери моей не понравилась эта шутка: материнское сердце возмутилось испугомъ своего дитяти; она бросилась ко мнѣ, обняла меня, ободрила словами и ласками, и поплакавъ, я скоро успокоился. Теперь надобно рассказать, куда привезли меня: это былъ домъ старинныхъ друзей моего отца и матери Максима Дмитрича и Елизаветы Алексѣевны К-чей, которые прежде нѣсколько лѣтъ жили въ Уфѣ, гдѣ Максимъ Дмитричъ служилъ губернскимъ прокуроромъ (вмѣстѣ съ моимъ отцомъ) и откуда онъ перѣехалъ, также прокуроромъ на службу въ К. Максимъ Дмитричъ еще въ молодости выѣхалъ изъ Сербіи. Онъ прямо поступилъ въ кавалергарды, а потомъ определенъ въ Уфу прокуроромъ Верхняго Земскаго Суда. Онъ могъ назваться вѣрнымъ типомъ южнаго Славянина, и отличался радушіемъ и гостепрѣимствомъ; хотя его наружность и пріемы, при огромномъ ростѣ и рѣзкихъ чертахъ лица, сначала казались суровыми и строгими, но онъ имѣлъ предобрѣйшее сердце; жена его была русская дворянка Р-ва; домъ ихъ въ городѣ К. отличался вполне славянскою надписью надъ

воротами: «Добрые люди, милости просимъ!» (*) — Когда К-чи жили въ Уфѣ, то мы видались очень часто, и мы съ сестрой игравали вмѣстѣ съ ихъ старшими сыновьями, Дмитріемъ и Александромъ, которые также были тутъ и которыхъ я не скоро узналъ; но когда мать все это мнѣ напомнила и растолковала, то я вдругъ закричалъ: «Ахъ маменька, такъ это тѣ К-чи, которые учили меня бить лбомъ грецкіе орѣхи.» Восклищаніе мое возбудило общій смѣхъ. Робость прошла, и я сдѣлался веселъ и вновь подружился съ старыми пріятелями; они были одѣты въ зеленые мундиры съ красными воротничками, и я узналъ что они отданы въ К-ую Гимназію, куда черезъ часъ ихъ увезли. Это случилось въ воскресенье; молодые К-чи были отпущены къ родителямъ съ утра до восьми часовъ вечера. Мнѣ стало скучно, и слушая разговоры моего отца и матери съ хозяевами, я задремалъ, какъ вдругъ долетѣли до дѣтскаго моего слуха слѣдующія слова, которыя навели на меня ужасъ и далеко прогнали сонъ. «Да, мой любимый Тимошей Степаньчъ и почтенная Марья Николаевна, говорятъ твердымъ и рѣзкимъ голосомъ Максимъ Дмитріевичъ, примите мой дружескій совѣтъ, отдайте Сережу въ гимназію. Особенно совѣтую я это потому, что она, кажется, матушкиныи сынокъ; она его избалуесть, разнѣжить и сдѣлаесть бабой. Мальчика пора учить; въ Уфѣ никакихъ учителей не было, кромѣ Матвѣя Васильича въ народномъ училищѣ, да и тотъ ничего не смыслилъ; а теперь вы переехали на житье въ деревню, гдѣ и Матвѣя Васильича не достанешь.» Мой отецъ безусловно согласился съ этимъ мнѣніемъ, а мать, пораженная мыслию

(*) Подпись по длиннотѣ и крупнотѣ буквъ не умѣщалась, а потому была написана слѣдующимъ образомъ: «Д. Л. Милости просимъ». Читая буквы по старинному, т.-е. «Добро Люди», получался почти тотъ же смыслъ, какой выражался бы въ полной подписи.

разлуки съ своимъ сокровищемъ, поблѣднѣла и встревоженнымъ голосомъ возражала, что я еще малъ, слабъ здоровьемъ (отчасти это была правда) и такъ привязанъ къ ней, что она не можетъ вдругъ на это рѣшиться. Я сидѣлъ, какъ говорится, ни живъ, ни мертвъ, и уже ничего не слышалъ и не понималъ что говорили. Часовъ въ десять поужинали; но ни я, ни мать моя не могли проглотить ни одного куска. Наконецъ тотъ же возокъ, который привезъ меня, отвезъ насъ опять на квартиру. Когда мы легли спать, и я по обыкновенію обнялъ и прижался къ сердцу матери, то мы оба съ нею принялись громко рыдать. Кромѣ словъ, заглушаемыхъ всхлипываньями: «Маменька, не отдавай меня въ гимназію» я ничего сказать не могъ. Мать также рыдала, и мы долго не давали спать моему отцу. Наконецъ мать рѣшила, что ни за что со мною не разстанется—и къ утру мы заснули.

Мы пробыли въ К. не долго. Послѣ я узналъ, что мой отецъ и К-чи продолжали уговаривать мою мать отдать меня немедленно на казенное содержаніе въ К-ую гимназію, убѣждая ее тѣмъ, что теперь есть ваканція, а въ послѣдствіи можетъ быть ее не будетъ; но мать моя ни за что не согласилась и сказала рѣшительно, что ей надобно по крайней мѣрѣ годъ времени, чтобы совладѣть съ своимъ сердцемъ, чтобы самой привыкнуть и меня пріучить къ этой мысли. Отъ меня все было скрыто, и я поверилъ, что этой страшной бѣды никогда со мною не случится.

Мы опять потащились на своихъ лошадяхъ, сначала въ Симбирскую губернію, гдѣ взяли сестру и брата, и потомъ пустились за Волгу въ Новое Аксаково, гдѣ оставалась новорожденная сестра Аннушка. Ъзда зимою на своихъ по проселочнымъ дорогамъ тогдашней Уфимской губерніи, гдѣ, по цѣлымъ десяткамъ верстѣ, не встрѣчалось

иногда ни одной деревни, представляется мнѣ теперь въ такомъ ужасномъ видѣ, что сердце замираетъ отъ одного воспоминанія. Проселочная дорога была ничто иное, какъ слѣдь, проложенный нѣсколькими санями, по снѣжнымъ сугробамъ, при малѣйшемъ вѣтеркѣ совершенно заметаемый верхнимъ снѣгомъ. Но такой-то дорогѣ надобно было тащиться гусемъ, часовъ семь сряду, потому что пряжки или перебазды дѣлались версты по тридцати пяти и болѣе; да и кто мѣрилъ эти версты! Для этого надобно было подниматься съ ночлега въ полночь, будить разоснавшихся дѣтей, укутывать шубами и укладывать въ повозки. Скрышь отъ полосьевъ по сухому снѣгу, терзалъ мои чувствительныя нервы, и первыя сутки я всегда страдалъ желчной рвотой. Кормежки и почевки въ дымныхъ избахъ, вмѣстѣ съ поросятами, агнятами и телятами, нечистота, вонь... не дай Богъ никому и во-снѣ все это увидѣть. Не говорю уже о бурнахъ, отъ которыхъ иногда надобно было останавливаться въ какой-нибудь деревушкѣ, ждать сутокъ по двое, когда затихнетъ снѣжный ураганъ... Странно вспомнить! По мы прѣехали наконецъ въ мое милое Аксаково, и все было забыто. Я началъ опять вести свою блаженную жизнь подъ моею матерію; опять началъ читать ей вслухъ мои любимыя книжки: «Дѣтское чтеніе для сердца и разума, и даже, «Инокрену или утѣхи любословія», конечно не въ первый разъ, но всегда съ новымъ удовольствіемъ; опять началъ декламировать стихи изъ трагедій Сумарокова, въ которыхъ я особенно любилъ представлять Вѣстниковъ, для чего подносывался широкимъ кушакомъ и втыкать подъ него, вмѣсто меча, подоконную подставку; опять началъ играть съ моею сестрой, которую съ младенчества любилъ горячо, и съ маленькимъ братомъ, валяясь съ ними на полу, устланному для теплоты въ два ряда калмыцкими, бѣлыми какъ снѣгъ, кошмами; опять началъ учить читать свою

сестрицу: она училась сначала какъ-то туно и лѣнливо, да и я разумеется не умѣлъ прийтись за это дѣло, хотя очень горячо имъ занимался. Я очень помню, что никакъ не могъ растолковать моеѣ шестилѣтней ученицѣ, какъ складывать цѣлыя слова. Я приходилъ въ отчаяніе, садился на скамеечку въ уголь и принимался плакать. На вопросъ же матери, о чемъ я плачу? я отвѣчалъ: «сестрица ничего не понимаетъ...» Опять началъ я спять съ своеѣ кошкой, которая такъ ко мнѣ была привязана, что ходила за мной вездѣ какъ собаченка; опять принялся ловить птичекъ силками, крыть ихъ лучкомъ и сажать въ небольшую горницу, превращенную такимъ образомъ въ обширный садокъ; опять началъ любоваться своими голубями, двухохлыми и мохноногими, которые зимовали безъ меня въ подпечкахъ по разнымъ дворовымъ избамъ; опять началъ смотреть, какъ охотники травятъ сорокъ и голубей и кормить ястребовъ, ивщеныхъ въ зиму. Не доставало дѣя, чтобы насладиться всеми этими благами! Зима прошла и наступила весна, все зазеленѣло и разцвѣло, открылось множество новыхъ живейшихъ наслажденій: свѣтлыя воды рѣки, мельница, прудъ, грачевая роца и островъ, окруженный со всѣхъ сторонъ старымъ и новымъ Бугурусланомъ, обсаженный тѣнистыми липами и березами, куда бѣгать я по нѣскольку разъ въ день, самъ не зная за чѣмъ; я стоялъ тамъ неподвижно, какъ очарованный, съ сильно бьющимся сердцемъ, съ прерывающимся дыханіемъ... Всего же сильнѣе увлекала меня удочка, и я, подъ надзоромъ дядьки моего Ефрема Евсенча, съ самозабвеніемъ предался охотѣ удить рыбу, которой много водилось въ прозрачномъ и омутистомъ Бугурусланѣ, протекавшемъ подъ самыми окнами деревенской спальни, прирубленной съ боку къ старому дому покойнымъ дѣдушкой, для того, чтобы у его невѣстки

была отдельная своя горница. Подъ самымъ окномъ, наклонясь надъ водою, росла развѣсистая береза, одинъ толстый ея сучекъ выгибался у ствола, какъ кресло: и я особенно любилъ сидѣть на немъ съ сестрой... теперь воды Бугуруслана подмыли корни березы, она состарѣлась преждевременно и свалилась на бокъ, но все еще живетъ и зеленеетъ. Новый хозяинъ посадилъ подъ нее новое дерево...

О, гдѣ ты волшебный міръ, Шехеразада человѣческой жизни, съ которымъ часто такъ неблагоклонно, грубо обходится взрослыя люди, разрушая его очарованіе насмѣлками и преждевременными рѣчами! Ты золотое время дѣтскаго счастья, память котораго такъ сладко и грустно волнуешь душу старика! Счастливы тотъ, кто имѣлъ его, кому есть что вспомнить! У многихъ проходитъ оно не замѣтно, или не радостно, и въ зрѣломъ возрастѣ остается только память холодности и даже жестокости людей.

Лѣто провелъ я въ такомъ же дѣтскомъ упоеніи и ничего не подозрѣвалъ; но осенью, когда я сталъ больше сидѣть дома, больше слушать и больше смотрѣть на мою мать, то сталъ примѣчать въ ней какую-то перемену: прекрасныя глаза ея устремлялись иногда на меня съ особеннымъ выраженіемъ тайной грусти; я подглядѣлъ даже слезы, старательно отъ меня скрываемыя; встревоженный и огорченный, со всеми ласками горячей любви, я приставалъ съ разспросами къ моей матери. Сначала она увѣряла меня, что это такъ, что это ничего не значитъ; но скоро въ ея разговорахъ со мной, я началъ слышать, какъ сокрушается она о томъ, что мнѣ не у кого учиться, какъ необходимо ученіе мальчику; что она лучше желаетъ умереть, нежели видѣть дѣтей своихъ, вырастающихъ невѣждами, что мужчине надобно служить, а для службы необходимо учиться... Сердце сжалось у меня въ груди, я понялъ къ чему клонится рѣчь, понялъ, что

бѣда не прошла, а пришла, и что мнѣ не уйти отъ К-ой гимназiи. Мать подтвердила мою догадку и сказала, что она рѣшилась; а я зналъ, что ея рѣшенья тверды. Нѣсколько дней я только плакалъ и ничего не слушалъ, и какъ будто не понималъ, что говорила мнѣ мать. Наконецъ ея слезы, ея просьбы, ея разумныя убѣжденія, сопровождаемыя нежнѣйшими ласками, горячность ея желанія видѣть во мнѣ образованнаго человѣка, были поняты моею дѣтскою головою, и съ растерзаннымъ сердцемъ я покорился ожидающей меня участи. Весь мой деревенскiя удовольствiя вдругъ потеряли свою прелесть, ни къ чему меня не тянуло, все смотрѣло чужимъ, все опостылило, и только любовь къ матери выросла въ такихъ размѣрахъ, которые пугали ее. Меня стали приготавливать къ школьному ученiю. Для своего возраста я читалъ какъ нельзя лучше, но писалъ по-дѣтски. Отецъ еще прежде хотѣлъ мнѣ передать всю свою ученость въ математику, то-есть, первыя четыре ариѳметическiя правила, но я такъ непонятливо и лѣниво учился, что онъ бросилъ ученье. Тутъ все переменялось: въ два мѣсяца я выучилъ эти четыре правила, которыя только одиъ изъ всей математики и теперь не позабыты мной; въ остальное время до отъѣзда въ К., отецъ только повторялъ со мной зады; въ списыванiи прописей я достигъ также возможнаго совершенства. Все это я дѣлалъ на глазахъ у своей матери и единственно для нее. Она сказала мнѣ, что сгоритъ со стыда, если меня не похвалятъ на экзамень, который надобно было выдержать именно въ этихъ предметахъ, при вступленiи въ гимназiю, что она увѣрена въ моихъ отличныхъ успѣхахъ,—этого было довольно. Я не отходилъ отъ матери ни на шагъ. Напрасно посылала она меня погулять, или посмотреть на голубей и ястребовъ. Я никуда не ходилъ и всегда отвѣчалъ одно: «мнѣ

не хочется, маменька.» Съ намѣреніемъ пріучить меня къ мысли о разлуцѣ, мать безпрестанно говорила со мной о гимназій, объ ученъ, непременно хотѣла въ послѣдствіи отвезти меня въ Москву и отдать въ университетскій благородный пансіонъ, куда нѣкогда опредѣлила она, будучи еще семнадцатилѣтней дѣвушкой, прямо изъ Уфы, своихъ братьевъ. Умъ мой былъ развернуть не по лѣтамъ: я много прочелъ книгъ для себя и еще больше прочелъ ихъ вслухъ для моей матери; разумѣется книги были старіе моего возраста. Надобно къ этому прибавить, что все мое общество составляла мать, а извѣсно, какъ общество взрослыхъ развиваетъ дѣтей. И такъ она могла говорить со мной о преимуществахъ образованнаго человѣка передъ невѣждой, и я могъ понимать ее. Будучи необыкновенно умна, владѣя рѣдкимъ даромъ слова и страстнымъ, увлекательнымъ выраженіемъ мысли, она безгранично владѣла всѣмъ моимъ существомъ и вдохнула въ меня такую бодрость, такое рвеніе скорѣе исполнить ея пламенное желаніе, оправдать ея надежды, что я наконецъ съ нетерпѣніемъ ожидаю отъѣзда въ К. Мать моя казалась бодрою и веселою; но чего стоили ей эти усилія! Она худѣла и желѣла съ каждымъ днемъ; никогда не плакала, и только больше обыкновеннаго молилась Богу, запершись въ своей комнатѣ. Вотъ гдѣ было настоящее торжество безграничной, безкорыстной, полной самоотверженія, материнской любви! Вотъ гдѣ доказала мнѣ мать любовь свою! Я былъ прежде больной ребенокъ, и она нѣкогда проводила цѣлыя годы безотлучно у моей дѣтской кровати; никто не зналъ, когда она спала; ничья рука, кромѣ ея, ко мнѣ не прикасалась. Въ послѣдствіи она перешла весною, въ ростополь, страшную, посинѣвшую рѣку Каму, уже ни для кого не проходимую, ежеминутно готовую взломать свои льды, — узнавъ что тоска меня одоѣла и

что я лежу въ больницѣ... но это ничего не значить въ сравненіи съ рѣшимостью: отдать въ гимназію свое непаглядное, слабое, изнѣженное, буквально обожаемое дитя, по девятому году, на казенное содержаніе, за четыреста верстѣ, потому-что не было другихъ средствъ доставить ему образованіе.

Пришла опять зима, и въ декабрь мы отправились въ К. Чтобы не такъ было грустно матери моеѣ возвращаться домой, по настоянію отца взяли съ собою мою любимую старшую сестрицу; брата и меньшую сестру оставили въ Аксаковѣ съ тетужкой Евгеніей Степановной. Въ К. мы остановились на прошлогодней квартирѣ у капитанши Аристовой. Съ Максимомъ Дмитричемъ К—мъ мы переносывались изъ деревни; заранее знали, что есть казенная ваканція въ гимназіи, и заранее приготовили все бумаги, нужныя для моего опредѣленія. И такъ недѣли черезъ двѣ, познакомясь предварительно черезъ К-ча со всеми лицами, съ которыми надобно было имѣть дѣло, и помолясь усердно Богу, отецъ мой подалъ просьбу директору Пекену.

Советъ гимназіи предложилъ главному надзирателю (онъ же былъ инспекторомъ) Николаю Ивановичу К—ву проэкзаменовать меня, а доктору Беннеу освидѣтельствовать въ медицинскомъ отношеніи. К—въ находился въ отпуску; должность главнаго надзирателя исправлялъ надзиратель благоправной комнаты, Василій Петровичъ Упадышевскій, а должность инспектора классовъ—старшій учитель Россійской словесности, Левъ Семеньчъ Левитскій. Оба были добрые и ласковые люди, а Упадышевой впоследствии сдѣлался истиннымъ ангеломъ хранителемъ моимъ и моеѣ матери: я не знаю, что было бы съ нами безъ этого благодѣтельнаго старика. Побхавъ подать просьбу директору, отецъ взялъ меня съ собою, и директоръ приласкалъ меня.

Левитскій былъ нездоровъ и не могъ прѣхать въ совѣтъ гимназій, и потому отецъ повезъ меня къ нему на квартиру. Левъ Семеновъ былъ любезный, веселый, краснощекій толстякъ, уже съ порядочнымъ брюшкомъ, не смотря на свою молодость. Онъ очаровалъ своимъ пріемомъ обоихъ насъ: началъ съ того, что разскалъ и разцѣловалъ меня, далъ мнѣ читать прозу Карамзина и стихи Дмитріева—и пришелъ въ восхищеніе, находя, что я читаю съ чувствомъ и пониманіемъ; заставилъ меня что-то написать—и опять пришелъ въ восхищеніе; въ четырехъ правилахъ ариѳметики я также отличился; но Левитскій, какъ настоящій словесникъ, тутъ же отозвался о математикѣ съ пренебреженіемъ. По окончаніи экзамена, онъ принялся меня хвалить безпоощадно; удивлялся, что мальчикъ моихъ лѣтъ, живя въ деревнѣ, могъ быть такъ хорошо приготовленъ. «Да кто же былъ его учителемъ въ каллиграфіи? добродушно смѣясь, спросилъ Левъ Семеновъ у моего отца—вашъ собственный почеркъ не очень красивъ?» Отецъ мой, обрадованный и растроганный почти до слезъ похвалами своему сыну, простодушно отвѣчалъ: что я достигъ до всего своимъ трудами подъ руководствомъ матери, съ которою былъ почти неразлученъ, и что онъ только выучилъ меня ариѳметикѣ. Онъ прибавилъ къ этому, что моя мать жила всегда въ губернскомъ городѣ, что мы недавно перѣехали въ деревню, что она дочь бывшаго Товарища Намѣстника, и большая охотница до книгъ и до стиховъ. «А, теперь я понимаю, воскликнулъ Левитскій, отчего печать благоправія, и даже изящества лежитъ на вашемъ миломъ сынѣ—это плодъ женскаго воспитанія, плодъ трудовъ образованной матери.» Мы уехали очарованные имъ. Докторъ Бенисъ, который имѣлъ прекрасный домъ на Лядской улицѣ, принялъ насъ очень учтиво, и безъ всякаго затрудненія далъ свидѣтельство о

моемъ здоровьѣ и крѣпкомъ тѣлосложеніи. Веротясь домой, я замѣтилъ, что мать моя много плакала, хотя глаза ея были такого свойства, что слезы не мутили ихъ ясности и никакого слѣда не оставляли. Отецъ мой съ жаромъ разсказалъ все случившееся съ нами. Мать устремила на меня взглядъ, выраженія котораго я не забуду, если проживу еще сто лѣтъ. Она обняла меня и сказала: «ты мое счастье, ты моя гордость.» Чего мнѣ было больше? и я по своему былъ счастливъ, гордъ и бодръ.

Мать моя сдѣлала визитъ женѣ доктора Беннса и познакомилась съ нимъ самимъ. Молодости, красоты, уму и слезамъ моеѣ матери трудно было отказать въ сочувствіи; докторъ и докторша полюбили её, и докторъ далъ ей обѣщаніе, что въ случаѣ малѣйшаго моего нездоровья, будутъ мнѣ оказаны все медицинскія пособія. Обѣщаніе страшное по моимъ теперешнимъ понятіямъ; но тогда оно нѣсколько успокоило мою бѣдную мать.—Василій Петровичъ Унадышевскій былъ вдовецъ и двое его сыновей находились въ числѣ казенныхъ воспитанниковъ К—ой гимназіи. Отецъ мой познакомился съ нимъ и пригласилъ его къ намъ на квартиру. Этотъ добрый старикъ былъ такъ обласканъ моею матерью, такъ оцѣнилъ ея горячность къ сыну и такъ полюбилъ ее, что въ первое же свиданіе далъ честное слово: во первыхъ, черезъ недѣлю перевести меня въ свою благоправную комнату—ибо прямо помѣстить туда неизвѣстнаго мальчика, показалось бы для всѣхъ явнымъ пристрастіемъ—и во вторыхъ, смотреть за мной болѣе, чѣмъ за своими повѣсами, то-есть, своими родными сыновьями. Онъ свято исполнилъ и то и другое. Какъ теперь гляжу на его добродушное и приветливое лице, на его правую руку, подвязанную черной широкой лентой, потому что кисть руки была оторвана взрывомъ пушки и вмѣсто нее привязывалась къ рукѣ черная пер-

чатка, набитая хлопчатой бумагой; впрочемъ онъ очень четко и хорошо писалъ лѣвою рукою.

Наконецъ всѣ формальности были выполнены, и состоялось опредѣленіе совета принять меня въ Гимназію, на казенное содержаніе; даже сняли съ меня мѣрку и сшили форменное платье. Напряженное состояніе духа, въ которомъ находилась мать моя и я самъ, не ослабѣвало. Поѣхали въ соборъ, отслужили молебны Гурію, Варсонофію и Герману Казанскимъ Чудотворцамъ; прямо оттуда отецъ съ матерью отвезли меня въ Гимназію и отдали съ рукъ на руки Упадышевскому; дядька мой, Ефремъ Евсеньчъ, также постушилъ туда въ должность комнатнаго служителя. Прощанье, разумѣется, сопровождалось слезами, благословеніями и наставленіями, но ничего особеннаго не случилось. Меня отвезли поутру въ 10 часовъ: классы только что перемѣнились (*) и всѣ ученики находились въ классныхъ комнатахъ на верху. Спальня близу были пусты, и мать моя могла смотреть ихъ, даже видѣть ту кровать, на которой я буду спать; казалось, она всею осталась довольна. Какъ только уѣхали мои родители, Упадышевскій взялъ меня за руку, отвелъ въ классъ чистописанія, представилъ учителю, рекомендовалъ, какъ самаго благоправнаго мальчика, и просилъ особенно мной заняться. Меня посадили за отдѣльный столъ, вмѣстѣ съ новенькими, и заставили выписывать палочки. Я-былъ такъ пораженъ, что находился точно въ какомъ-то забытѣ; все казалось мнѣ спомъ, но страха и тоски я не чувствовалъ. Послѣ обѣда, котораго я не замѣтилъ, надѣли на меня формен-

(*) Утренніе классы зимой начинались въ восемь часовъ; въ десять перемѣнялись учителя; въ двѣнадцать классы оканчивались; въ половинѣ перваго обѣдали; лѣтомъ же классы начинались въ семь часовъ, оканчивались въ одиннадцать, обѣдали ровню въ двѣнадцать, послѣ обѣда ученіе всегда начиналось въ два и оканчивалось въ шесть часовъ; ужинали въ восемь, ложились спать въ девять, вставали въ пять часовъ.

ную мундирную куртку, повязали сукошный галстухъ, остригли волосы подъ гребенку, поставили во Фрунгъ по рапжиру, по два челоуѣка въ рядъ, подлѣ ученика, Владимира Граффа, и сейчасъ выучили ходить въ ногу. Я все исполнялъ, какъ говорится, машинально: точно дѣло шло не обо мнѣ. По окончаніи классовъ, Упадъшевскій встрѣтилъ меня у дверей и сказавъ: «матушка тебя дожидается», отвелъ меня въ пріемную залу. Отецъ съ матерью были тамъ; отецъ увидя меня разсмѣялся и сказалъ: «вотъ какъ перерядили Сережу». А мать, которая въ первую минуту меня не узнала, всплеснула руками, ахнула и упала безъ чувствъ. Я закричалъ, какъ изступленный, и также упалъ у ея ногъ. Упадъшевскій, смотрѣвшій въ исприворенную дверь, перепугался и прибѣжалъ на помощь. Обморокъ моей матери продолжался около получаса, напугалъ моего отца и такъ встревожилъ бѣднаго Упадъшевскаго, что онъ призвалъ изъ больницы жививаго тамъ подлекаря Риттера, который давалъ матери моея какое-то лекарство, и даже мнѣ что-то дать выпить. Когда мать опомнилась, то сдѣлалась очень слаба и добрый Упадъшевскій самъ предложилъ отпустить меня ночевать домой: «такъ и быть, говорилъ онъ, пусть прогнѣвается на меня Николай Ивановичъ (главный надзиратель), когда воротясь узнаетъ объ этомъ; правда, онъ ни за чтобы не позвоилъ, но я ужъ беру все на свою отвѣтственность, только пожалуста привезите его завтра къ семи часамъ, прямо къ завтраку». Мы не находили словъ благодарить добраго челоуѣка и отправились на квартиру. Дома, мать одумалась, ободрилась и меня ободрила. Она заставила себя спокойно смотрѣть на мою, почти выбритуую голову, гдѣ рука ея напрасно искала мягкихъ, бѣлокурыхъ кудрей моихъ, на сукошный галстухъ, который уже успѣлъ натереть мою нѣжную шею, никогда еще не носившую и

шелкового платка. Во всем находила она разумную потребность, которой должно было покориться. Взаимная наша твердость духа и решимость, съ новою силою овладѣли нами. На другой день въ семь часовъ, я былъ уже въ гимназін. Мать прїѣзжала ко мнѣ всякой день два раза, въ двѣнадцать часовъ передъ обѣдомъ, всего на полчаса, и въ шесть часовъ вечера, и тогда я могъ оставаться съ ней часа полтора. При свиданьяхъ со мною она казалась спокойною и даже веселою; но по печальному лицу моего отца я отгадывалъ, что дома безъ меня происходило со всемъ другое. Черезъ нѣсколько дней, отецъ мой убѣдился, что дѣла такъ продолжаться не могутъ и что эти безпрестанныя свиданья и прощанья — только одно бесполезное мученье; онъ призвалъ на советъ К — ча, и они вмѣстѣ рѣшили увезти немедленно мою мать въ деревню. Рѣшить было легко, да исполнить трудно: отецъ мой зналъ это очень хорошо; но сверхъ его ожиданья, и къ большому удовольствію, мать моя скоро уступила общимъ просьбамъ и убѣжденіямъ. Слова доктора Бенниса, принявшаго въ этомъ дѣлѣ участіе, безъ сомнѣнія имѣли большую значительность. Онъ увѣрялъ, что частыя свиданья, раздражая мои слабыя нервы, вредны моему здоровью и что я никогда или очень долго не привыкну къ новой моей жизни, если мать моя не уѣдетъ. Даже добрыйшій Упадышевскій упрасивалъ о томъ же, утверждая, что въ такомъ положеніи я не могу хорошо учиться и что учителя получаютъ обо мнѣ дурное мнѣніе... и мать моя согласилась уѣхать на другой же день. Удивляюсь только одному, какъ отца могла рѣшиться обмануть меня? Она сказала мнѣ передъ обѣдомъ, что завтра или послѣ завтра уѣзжаетъ и что мы еще увидимся раза два; сказала также, что вечеръ проведетъ у К — чей и потому ко мнѣ не прїѣдетъ. Уѣхать тихонько, не простясь со мной

— это была несчастная мысль, поддерживаемая Беннисомъ и Упадышевскимъ. Разумѣется хотѣли пощадить насъ обонхъ, и особенно меня, отъ послѣдняго прощанья, но расчетъ оказался не веренъ. Я и теперь убѣжденъ, что эта благонамѣренная хитрость произвела много печальныхъ послѣдствій.

Въ первый разъ случилось, что мать не пріѣхала ко мнѣ вечеромъ, и хотя я былъ предупрежденъ ею, но тоска и предчувствіе неизвѣстной бѣды томили мое сердце. Ночь спалъ я дурно. На другой день по утру, когда я сталъ одѣваться, дядька мой Евсепчъ подаль мнѣ записку: мать прощалась со мною; она писала, что если я люблю ее и хочу, чтобъ она была жива и спокойна, то не буду грустить и стану прилежно учиться. Она уѣхала наканунѣ въ восемь часовъ вечера. Ясно помню я эту минуту, но описать ее не-умью: что-то болѣзненное пронзило мою грудь, сжало ее и захватило дыханіе; черезъ минуту началось страшное біеніе сердца. Полуодѣтый, я сѣлъ на кровать и съ безумнымъ отчаяніемъ глядѣлъ на всѣхъ, ничего не слушая и ничего не понимая. Упадышевскій, который дни за два перевелъ меня въ свою благоправную комнату и который зналъ объ отъѣздѣ матери моей, слѣдовательно понималъ причину моего состоянія, — не велѣлъ меня трогать, увелъ поскорѣ воспитанниковъ на верхъ, поручилъ ихъ одному изъ надзирателей и пріѣхалъ ко мнѣ: я сидѣлъ на кровати въ томъ же положеніи; Евсепчъ стоялъ передо мною и плакалъ. Что ни говорилъ Упадышевскій, я не слыхалъ и молчалъ. Я не могъ сообразить ни какой мысли и глаза у меня были, какъ мнѣ послѣ сказали, дикіе и неподвижные. Меня отвели въ больницу; я и тамъ сѣлъ безсознательно на кровать и сидѣлъ также молча и глядѣлъ также дико. Черезъ часъ пріѣхалъ Беннисъ, онъ осмотрѣлъ меня по докторски, покачалъ

головой и сказалъ что-то по французски; послѣ я узналъ отъ другихъ, что онъ сказалъ: «*raisonne enfant.*» Мнѣ дали проглотить отвратительное лекарство, раздѣли, положили въ постель и принялись тереть суконками. Скоро сильный ознобъ и дрожь привели меня въ память. Я громко закричалъ: «маменька уѣхала!...» и ручки задержанныхъ слезъ хлынули изъ моихъ глазъ. Бенисъ видимо обрадовался, сѣлъ подле меня и началъ говорить объ отъѣздѣ моей матери, о необходимости этого отъезда для ея здоровья, о вредныхъ слѣдствіяхъ проранья и о томъ, какъ долженъ вести себя умный мальчикъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, любящій свою мать и желающій ее успокоить.... Его слова были вдохновеніемъ свыше, потому-что докторъ, будучи весьма почтеннымъ человекомъ, не отличался нѣжностію и мягкостію характера; слезы мои потекли еще сильнѣе, но мнѣ стало легче. Бенисъ уѣхалъ. Я рыдалъ еще часа два и наконецъ заснулъ отъ утомленія, и благотворный сонъ подкрѣпилъ мой слабый организмъ. Упадъшевскій приходилъ ко мнѣ нѣсколько разъ; даже принесъ мнѣ для развлечения: «Дѣтское училище», котораго я еще не видывалъ. Упадъшевскій зналъ что я былъ страстный охотникъ читать; но мнѣ было тогда еще не до чтенія. Я попросилъ позволенія писать, и писалъ къ отцу и къ матери весь день и весь вечеръ, и почти безпрестанно плакалъ. Ночь я спалъ безпокойно и много грезилъ, къ чему я всегда былъ склоненъ. Евсеньчъ не отходилъ отъ меня. На другой день по утру Бенисъ нашелъ мое здоровье въ лучшемъ положеніи, выписалъ изъ больницы, потому что считалъ вреднымъ для меня, въ нравственномъ отношеніи, и бездѣйствіе и пребываніе между больными, и велѣлъ занимать слегка учебнымъ. Упадъшевскій опять самъ отвелъ меня въ учебныя комнаты, и я попалъ опять въ тотъ же классъ чистопис-

санія и потомъ въ классъ къ священнику. Два часа слушала я, какъ сказывали мои товарищи свои уроки изъ катихизиса и священной исторіи, какъ священникъ задавалъ новый урокъ и что-то много толковалъ и объяснял; но я не только въ этотъ разъ, но и во все время пребыванія моего въ гимназій не понимала его толкованій. Своихъ уроковъ на этотъ разъ я не знала. Священникъ былъ предупрежденъ о моемъ болѣзненномъ состояніи и хотя онъ былъ человекъ весьма не снисходительный и строгій, но ограничился однимъ выговоромъ и велѣлъ приготовить уроки къ слѣдующему разу. После обѣда, чтобъ я не оставался празднымъ и не предавался грустнымъ мыслямъ, Упадышевскій поручилъ одному изъ старшихъ воспитанниковъ, Пль Жеванову, хорошо рисовавшему, занять меня рисованіемъ, къ чему въ дѣтствѣ я имѣла большую склонность. Я сама слышала, какъ этотъ добрый старикъ просилъ Жеванова: сдѣлать ему большое одолженіе, котораго онъ никогда не забудетъ,—заняться рисованіемъ съ бѣднымъ мальчикомъ, который очень тоскуетъ по матери — и Жевановъ занимался со мною; но ученіе не только въ этотъ разъ, но и впоследствии, не пошло мнѣ въ прокъ: рисованье кружковъ, бровей, носовъ, глазъ и губъ, навсегда отвратило меня отъ рисованья. После же вечернихъ классовъ, все тотъ же благодѣтельный геній мой, Василій Петровичъ Упадышевскій, заставилъ меня твердить уроки возле себя и видя, что я сама не понимаю, что твержу, начинала со мною разговаривать о моей деревенской жизни, объ моемъ отцѣ и матери, и даже позволяла немного поплакать. Я не знаю, какъ пошла бы моя жизнь дальше; но тутъ внезапно все переменялось: на третій день во время обѣда, Евсентъ подалъ мнѣ записочку отъ матери, которая писала ко мнѣ, что она стосковалась, не простившись со мною какъ слѣдуетъ, и

что она, отъѣхавъ 90 версть, воротилась назадъ, чтобъ еще разъ взглянуть на меня хотя одну минуту. Я никакъ не могу объяснить себѣ, отъ чего въ первую минуту я не почувствовалъ той великой радости, которую, казалось бы, должно было мнѣ почувствовать? Я будто испугался, будто не повѣрилъ, будто грезилъ во снѣ... Упадъшевскій также получилъ записку: мать просила отпустить меня съ шести до девяти часовъ вечера, а если нельзя, то хотѣла пріѣхать сама; къ этому прибавляла она, что пробудеть въ К. только до утра. Упадъшевскій приказалъ мнѣ написать, чтобы Марья Николаевна не беспокоилась и сама не пріѣзжала, что онъ отпустилъ меня съ дядькой, можетъ быть ранѣе шести часовъ, потому что на послѣдніе часы учитель по бользни, вѣроятно не придетъ, и что я могу остаться у ней до семи часовъ утра. Я писалъ эти слова и рѣшительно думалъ, что вижу сонъ. Евсеньчъ побѣжалъ съ моимъ письмомъ. Часа черезъ полтора, онъ воротился съ такой радостной запиской, съ такой горячей благодарностью Упадъшевскому, что старикъ прослезился, прочитавъ письмо моеи матери. Евсеньчъ разсказалъ намъ, что барыня воротилась одна изъ села Алексѣевского, въ 90 верстахъ отъ К. по почтовому тракту, что баринъ остался тамъ съ барышней, которая не здорова, и что мать моя прискакала на почтовыхъ, въ легкой ямской повозкѣ, съ одной горничной и однимъ человѣкомъ. Я какъ будто началъ приходить въ себя, началъ вѣрить своему благополучію, и вскоре такъ повѣрилъ, что послѣдній часъ ожиданія былъ для меня невыносимой пыткой. Учитель точно уведомилъ, что не будетъ,—и въ четыре часа и пять минутъ, я съѣлъ съ моимъ дядькой въ извозничьи сани, уже не помня себя отъ неопишанной радости. Мать моя остановилась, у кого не помню, на Проломной улицѣ, только это былъ не постоя-

льй дворъ. Вбъжавъ въ комнату; я издали увидѣлъ, что мать моя, блѣдная и худая, сидитъ въ тепломъ салонѣ, у затопленнаго камна, потому что комната была очень холодна. Эта минута свиданія была такова, что не возможно дать о ней понятія! Подобнаго чувства счастья, я не испытывалъ уже во всю мою жизнь. Нѣсколько минутъ мы ничего не говорили, только плакали и радовались. Но это продолжалось не долго. Скоро мысль о близкой разлукѣ отогнала все другія мысли и чувства и болезненно сжала мое сердце. Съ горькими слезами разсказалъ я матери все, происходившее со мной, со времени внезапнаго ея отъезда. Я испугался, какое дѣйствіе произвелъ мой разсказъ! Какъ обвиняла себя, и какъ раскаявалась блѣдная мать моя, что согласилась обмануть меня и уехать не простясь! Потомъ она разсказала мнѣ про себя; она не помнила какъ выѣхала изъ К., потому что ей сдѣлалось дурно, когда ее усадили въ повозку. По мѣрѣ удаленія отъ города, съ каждымъ часомъ становилось ей тошнѣе; скоро овладѣла ею мысль воротиться назадъ; но убѣжденія отца и собственный разсудокъ удерживали на нѣкоторое время стремленіе материнской любви. Наконецъ она была не въ состояніи противиться своимъ чувствамъ и воротилась одна, потому что побоялась растрясти мою сестру, и безъ того не здоровую. Мой отецъ и сестра должны были дожидаться ее въ Алексѣевскомъ; для сестры моей даже нуженъ былъ отдыхъ. Цѣлый вечеръ и большую половину ночи, провели мы въ разговорахъ и слезахъ; но какъ всему есть мѣра, то и мы, можно сказать, пресытились слезами и заснули. Я помню, что нѣсколько разъ вздрагивалъ во снѣ и начиналъ рыдать; но мать обнимала меня, клала мою голову къ себѣ на грудь, и я снова засыпалъ. Въ шесть часовъ насъ разбудили. Мы были спокойнѣе и бодрѣе. Мать дала

мнѣ обѣщаніе, что по первому лѣтнему пути она пріѣдетъ въ К. и проживетъ до окончанія экзаменовъ; а послѣ гимназическаго акта, который всегда бывалъ въ первыхъ числахъ Іюля, увезетъ меня на ваканцію въ деревню, гдѣ я проживу до половины Августа. Оградное чувство наполнило мое сердце; мы простились довольно снокойно. Въ семь часовъ мать моя сѣла въ свою ямскую кибитку, а я съ Евсеичемъ въ извозничьи сани, и мы въ одно время съѣхали со двора: повозка поѣхала на право къ заставѣ, а я на лѣво въ гимназію; скоро мы свернули съ улицы въ переулокъ, и кибитка исчезла изъ моихъ глазъ. Сердце у меня оторвалось, какъ говорится, грусть залегла въ душу; но голова не была смущена, я понималъ ясно, что вокругъ меня происходило и что ожидаетъ впереди. Огромное бѣлое зданіе гимназіи, съ яркозеленой крышей и куполомъ, стоящее на горѣ, сейчасъ бросилось мнѣ въ глаза и поразило меня, какъ будто я его никогда не видывалъ. Оно показалось мнѣ страннымъ, очарованнымъ замкомъ (о которыхъ я читывалъ въ книжкахъ), тюрмою, гдѣ я буду колодникомъ. Огромная дверь на высокомъ крыльцѣ между колоннами, которую распахнулъ старый инвалидъ и которая, казалось, проглотила меня; двѣ широкія и высокія лѣстницы, ведущія во второй и третій этажъ изъ сѣней, освѣщаемыя верхнимъ куполомъ; крикъ и гулъ смѣшанныхъ голосовъ, встрѣтившій меня издали, вылетавшій изъ всѣхъ классовъ, потому что учителя еще не пришли — все это я увидѣлъ, услышалъ и понималъ въ первый разъ. Не смотря на то, что я жилъ въ гимназіи уже болѣе недѣли — я не замѣчалъ ее. Только теперь почувствовалъ я себя казеннымъ воспитанникомъ казеннаго учебнаго заведенія. Цѣлый день я удивлялся всему, какъ будто новому, невиданному, и Боже мой! какъ все показалось мнѣ противно! Вставанье по

звонку, за долго до свѣта, при потухшихъ и потухающихъ ночникахъ и салныхъ свѣчахъ, наполнившихъ воздухъ нестерпимой вонью; холодъ въ комнатахъ (*), отъ чего вставать еще непріятнее бѣдному дитяти, кое-какъ согрѣвшемуся подъ байковымъ одеяломъ; общественное умыванье изъ мѣдныхъ рукомойниковъ, около которыхъ всегда бываетъ ссора и драка; ходьба фруктомъ на молитву, къ завтраку, въ классы, къ обѣду и т. д.; завтракъ, который состоялъ въ скоромные дни изъ стакана молока, пополамъ съ водою, и булки, а въ постные дни — изъ стакана сѣтня съ булкой; въ такомъ же родѣ обѣдъ изъ трехъ блюдъ и ужинъ изъ двухъ.... Чѣмъ все это должно было казаться изнѣженному, избалованному мальчику, котораго мать воспитывала съ роскошью, какъ-будто отъ большого состоянія? Но всего болѣе приводили меня въ отчаяніе товарищи: старшіе возрастомъ и ученики среднихъ классовъ не обращали на меня вниманія, а мальчики однихъ лѣтъ со мною и даже моложе, находившіеся въ нашемъ классѣ, но болѣею части были нестерпимые шалуны и озорники; съ остальными я имѣлъ такъ мало сходнаго, общаго въ нашихъ понятіяхъ, интересахъ и нравахъ, что не могъ съ ними сблизиться, и посреди многочисленнаго общества оставался уединеннымъ. Все были здоровы, довольны и нестерпимо веселы, такъ что я не встрѣчалъ ни одного сколько-нибудь печальнаго или задумчиваго мальчика, который могъ бы принять участіе въ моей постоянной грусти. Я смѣло бросился бы къ нему на шею и подѣлился бы моимъ внутреннимъ состояніемъ. «Что это за чудо, думать я, вѣрно у этихъ дѣтей нѣтъ ни

(*) Въ спальняхъ держали 12 градусовъ тепла, что кажется и теперь соблюдается во всѣхъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ и что по моему рѣшительно вредно для здоровья дѣтей, Нужно не менѣе 14 градусовъ.

отца, ни матери, ни братьевъ, ни сестеръ, ни дому, ни саду въ деревнѣ» и начиналъ сожалѣть о нихъ. Но скоро удостоверился, что почти у всѣхъ были отцы и матери и семейства, а у иныхъ и дома и сады въ деревнѣ; но только недоставало того чувства горячей привязанности къ семейству и дому, которымъ было пренеполнено мое сердце. Само собою разумется, что я, какъ *нелюдимъ*, какъ *пьяженка*, *недоτροга*, какъ *матушкинъ сыночекъ*, который все *хнычетъ по маменькѣ*, — сейчасъ сдѣлался предметомъ насмѣшекъ своихъ товарищей; отъ этого не могли оградить меня, ни власть, ни нравственное вліяніе Василья Петровича Упадъишевскаго, который не переставалъ и днемъ и ночью наблюдать за мной. Онъ самъ запретилъ мнѣ жаловаться на обиды товарищей, хорошо зная, какъ ненавидятъ въ училищахъ ябедниковъ, клеймя этимъ именемъ всякаго, кто пожалуется начальству на оскорбленіе товарищей. Онъ поставилъ мою кровать между кроватями Кондырева и Мореева, которые были гораздо старше меня и оба считались самыми степенными и въ тоже время неуступчивыми учениками; онъ поручилъ меня подъ ихъ защиту, и по ихъ милости, никто изъ шалуновъ не смѣлъ подходить къ моей постели. Надобно замѣтить, что тогда не было у насъ рекреационныхъ залъ и что казенные воспитанники и пансіонеры все свободное время отъ ученія проводили въ спальняхъ.

Съ самыхъ первыхъ дней, послѣ окончательной разлуки съ матерью, я принялся съ жаромъ за ученіе. Я упробилъ моихъ учителей (все черезъ Упадъишевскаго), чтобы мнѣ задавали не по одному, а по два и по три урока, для того чтобы догнать старшихъ учениковъ и не сидѣть на одной лавкѣ съ новенькими. Способность пониманія и память были у меня сильно развиты; черезъ мѣсяць я не только перегналъ и оставилъ назадъ новень-

кичь, но во всехъ классахъ съѣлъ за первый столъ вмѣстѣ съ лучшими воспитанниками. Это обстоятельство усилило нерасположеніе ко мнѣ и тѣхъ, которыхъ я обогналъ, и тѣхъ, съ которыми я сравнялся.

Въ самое это время воротился къ своей должности главный надзиратель. Николай Ивановичъ К—въ. Не знаю, по справедливости ли считался онъ очень умнымъ человекомъ, но то вѣрно, что онъ былъ человекъ холодный, твердый, говорившій всегда тихо и съ улыбкой, и дѣйствовавшій съ непреклонною волею. Всѣ безъ исключенія боялись его гораздо больше, чѣмъ директора. Онъ любилъ власть, умѣлъ пріобрѣсть ее и пользовался ею съ педагогическою точностью.—Упадъшевскій отгадалъ, что Николай Ивановичъ на него прогнѣвается; онъ сейчасъ узналъ всѣ отступленія отъ устава гимназій, которыя сдѣлалъ для меня и для моей матери, исправлявшій его должность надзиратель, то-есть: несвоевременное свиданіе съ родителями, тогда какъ для того были назначены извѣстные дни и часы, незаконныя отпуски домой, и особенно отпуски на ночь. Главный надзиратель задалъ такую гонку моему благодѣтелю, что старикъ долго ходилъ задумавшись. К—въ сказалъ ему съ тихою улыбкою, «что если что-нибудь подобное случится еще одинъ разъ, то онъ попроситъ почтеннѣйшаго Василья Петровича оставить службу при гимназій.» Я горько плакалъ, узнавъ объ этомъ, и получилъ непреодолимое отвращеніе и ужасъ даже къ имени главнаго надзирателя—и не даромъ: онъ невзлюбилъ меня безъ всякой причины, сдѣлался моимъ гонителемъ, и впослѣдствіи много пролила отъ него слезъ моя бѣдная мать. Дня черезъ три послѣ своего возвращенія, К—въ вызвалъ меня изъ фронта на средину залы и сказалъ мнѣ довольно длинное поученіе на слѣдующую тему: что дурно быть избалованнымъ мальчикомъ, что

очень не хорошо пользоваться пристрастнымъ снисхожденіемъ начальства и не быть благодарнымъ правительству, которое великодушно взяло на себя не маловажныя издержки для моего образованія. Хотя я былъ кроткой и добрый мальчикъ, но впечатлительный и вспыльчивый отъ природы. Я стоялъ, потупивъ глаза, и неизвѣстное мнѣ до тѣхъ поръ, чувство незаслуженнаго оскорбленія и гнѣва волновало мою грудь. «Что вы не смотрите на меня, вдругъ сказалъ К—въ? это не добрый знакъ, если мальчикъ прячетъ свои глаза и не смѣетъ или не хочетъ смотретьъ прямо на своего начальника... Смотрите на меня!» произнесъ онъ строго и возвыся голосъ. Я поднялъ глаза и, видно, въ нихъ такъ много выражалось внутренняго чувства оскорбленной дѣтской гордости, что К—въ отвернулся и сказалъ, уходя. Унадышевскому: «онъ совсѣмъ не такъ смиренъ и добръ, какъ вы говорите.» — После я узналъ, что главный надзиратель хотѣлъ перевести меня изъ благопривной комнаты; онъ потребовалъ аттестаты всѣхъ учителей и надзирателей; но вездѣ стояло: *примернаго поведенія и прилежанія, отличный въ успѣхахъ*, и К—въ оставилъ меня на прежнемъ мѣстѣ. Во все время, перваго пребыванія моего въ гимназій, онъ часто осматривалъ въ классахъ мои книги и тетради, заставлялъ учителей спрашивать меня при себѣ и не рѣдко придирался ко мнѣ изъ пустяковъ, а надзирателямъ приказывалъ, чтобы заставляли меня играть вмѣстѣ съ воспитанниками, прибавляя: что онъ не любитъ *тихоней* и *особняковъ*. Теперь я понимаю, что такое замѣчаніе иногда бываетъ справедливо; но ко мнѣ оно вовсе не шло и только умножало мое справедливое раздраженіе. Унадышевскій нѣжно любилъ меня и съ заботливостію матери всякой день осматривалъ мое платье и постель, чистоту рукъ, тетрадей и книгъ; онъ часто твердилъ мнѣ, чтобы

я всегда смотрѣлъ въ глаза Николаю Иванычу и ничего не возражалъ на его замѣчанія и выговоры: изъ любви къ старику, я исполнялъ въ точности его наставленія.

К—въ не унимался. По распоряженію гимназическаго начальства, никто изъ воспитанниковъ не могъ имѣть у себя ни своихъ вещей, ни денегъ; деньги, если онѣ были, хранились у комнатныхъ надзирателей и употреблялись съ разрѣшенія главнаго надзирателя; покупка съѣтнаго и лакомства строго запрещалась; конечно были злоупотребленія, но подѣ большою тайной. Въ числѣ другихъ строгостей на ходило постановленіе, чтобы переписка воспитанниковъ съ родителями и родственниками производилась черезъ надзирателей: каждый ученикъ долженъ былъ отдать незапечатанное письмо для отправки на почту, своему комнатному надзирателю, и онъ имѣлъ право прочесть письмо, если воспитанникъ не пользовался его довѣренностью. Это постановленіе рѣшительно не исполнялось; но К—въ потребовалъ, чтобъ Упадышевскій показывалъ ему мои письма. Скрѣпя сердце, добрый старикъ, который въ каждомъ моемъ письмѣ, не читая его, приписывалъ самъ, долженъ былъ сдѣлаться моимъ цензоромъ. Первое, прочитанное имъ письмо, привело его въ большое затрудненіе: оно все состояло изъ описанія моего грустнаго, ежедневнаго состоянія, изъ жалобъ на товарщицу и даже на учителей, изъ выраженій горячаго желанія увидѣть мать, оставить поскорѣе противную гимназію и уѣхать изъ нея на лѣто въ деревню. Не было ничего предосудительнаго, но Василій Петровичъ почувствовалъ, что въ глазахъ Николая Иваныча каждое мое слово будетъ виновато, что онъ найдетъ тутъ ропотъ, обвиненіе начальства, клевету на учебное заведеніе и неблагодарность къ правительству. Что было ему дѣлать? Открыть мнѣ настоящее положеніе дѣлъ—ему сначала не

хотѣлось: это значило войти въ заговоръ съ мальчикомъ противъ своего начальства; онъ чувствовалъ даже, что я не пойму его, что не буду уметь написать такого письма, какое могъ бы одобрить К—въ; лишить мою мать единственнаго утѣшенія, получать мои задушевныя письма — по добротѣ сердца, онъ не могъ. — Цѣлыя сутки ломалъ онъ голову, но ничего не придумалъ, какъ самъ онъ послѣ сказывалъ, и рѣшился наконецъ открыть мнѣ всю истину, рѣшившись въ тоже время обманывать своего строгаго начальника. Такимъ образомъ, онъ заставилъ меня написать другое письмо, подъ его диктовку, совершенно оффиціальное, и показать его главному надзирателю, который разумется не могъ въ немъ найдти ничего къ моему обвиненію. Оба письма были отправлены вмѣстѣ. Вся послѣдующая переписка состояла уже изъ двойныхъ писемъ: явныхъ и тайныхъ, даже тогда, когда мой гонитель пересталъ ихъ читать. Василій Петровичъ сейчасъ написалъ къ моей матери, отчего это такъ дѣлается; письма относились на почту самъ Евсеньчъ. Я не уметь тогда оцѣнить всю великость самоотверженія, съ которымъ дѣйствовалъ мой благодѣтель; но мать моя оцѣнила его вполне и написала къ Упадъшевскому письмо, въ которомъ выражалась самая горячая материнская благодарность. Нечего и говорить, что она хотя не знала вполне гоненія К—ва, но была очень ими встревожена.

Дѣла продолжали идти въ прежнемъ порядкѣ; но со мной случилась переменна, которая для всѣхъ должна показаться странною, неестественною, потому что въ продолженіе полутора мѣсяца я бы долженъ былъ привыкнуть къ новому образу жизни: я сталъ задумываться и грустить; потомъ грусть превратилась въ періодическую тоску, и наконецъ въ болѣзнь. Двѣ причины могли произвести эту печальную переменну: догнавъ во всѣхъ классахъ

моихъ товарищей, получая обыкновенные, весьма небольшіе уроки, которые я часто выучивалъ не выходя изъ класса, я ничѣмъ не былъ занятъ, не только во все свободное время отъ ученья, но даже во время классовъ,—и умственная дѣятельность мальчика, потерявъ существенную пищу, вся обратилась на безпрестанное размышленіе и разсматриваніе своего настоящаго положенія, на безпрестанное воображеніе, что дѣлается въ его семействѣ, какъ тоскуеть о немъ его несчастная мать, и на воспоминаніе прежней, блаженной деревенской жизни. Я возненавидѣлъ въ душѣ противную гимназію, ученье, и рѣшилъ по своему, что оно совершенно бесполезно, совсемъ не нужно, и что отъ него все дѣти дѣлаются негодными мальчишками. Второю причиною, и можетъ быть главнѣйшею,—было несправедливое гоненіе К—ва. Каждое его появленіе производило потрясеніе въ моихъ нервахъ, а онъ пріѣзжалъ всякой день по два раза, и никто не зналъ времени его пріѣзда. Не было такого часу ни днемъ ни ночью, въ который бы онъ когда-нибудь не посѣщалъ гимназіи, и посѣщенія эти были совершенно неожиданны и внезапны. Теперь я отдаю полную справедливость его неусыпной, хотя слишкомъ строгой и педантической дѣятельности, но тогда онъ казался мнѣ тираномъ, извергомъ, злымъ духомъ, который выросалъ какъ будто изъ земли, даже въ такихъ мѣстахъ, куда и надзиратели не заглядывали. Его страшный для меня образъ поселился въ дѣтскомъ моемъ воображеніи, и тягостное его присутствіе со мною не раставалось. При томъ тайныя мои письма къ матери сдѣлались гораздо короче прежнихъ и писались часъ отъ часу съ большимъ стѣсненіемъ, съ большей осторожностью. Я понялъ наконецъ, какое насиліе дѣлаетъ Упадышевскій своему честному и прямодушному характеру, и чѣмъ онъ рискуеть. — Въ по-

слѣдствіи присоединилась и третья причина. Въ концѣ марта и въ началѣ апрѣля, солнце начало сильно грѣть, снѣгъ таялъ, ручьи побѣжали по улицамъ, дохнула весна, и ея дыханіе потрясло первыя мальчичка, еще безсознательно, но уже страстно любившаго природу. Раздражительное дѣйствіе солнечныхъ весеннихъ лучей на человѣческой организмъ — дѣло извѣстное. Я живо помню, что въ красныя дни мнѣ было гораздо тяжелѣе, чѣмъ въ пасмурныя. Какъ бы то ни было, только я началъ задумываться, или лучше сказать, переставалъ обращать вниманіе на все меня окружающее, переставалъ слышать, что говорили другіе; безъ участія училъ свои уроки, сказывалъ ихъ, слушалъ замѣчанія или похвалы учителей, и часто, смотря мнѣ прямо въ глаза — воображалъ себя въ миломъ Аксаковѣ, въ тихомъ родительскомъ домѣ, подъ любящей матери: всемъ казалось это простою разсыпностью. Чтобы живѣе предаваться мечтамъ моего воображенія, представительная сила котораго возрастала съ каждымъ днемъ, я зажималъ глаза и не рѣдко получалъ толчки отъ сосѣдей, которые думали, что я сплю. Одинъ разъ, въ классѣ русской грамматики, злой мальчишка, Р-ка, закричалъ: «Аксаковъ спитъ!» Учитель, спросивъ у другихъ учениковъ, точно ли я спалъ, и получивъ утвердительный отвѣтъ, едва не поставилъ меня на колыни. Я пересталъ зажимать глаза въ классахъ; но сталъ чаще подъ извѣстными предлогами уходить изъ нихъ, разумѣется, сказавши прежде свой урокъ, и мнѣ иногда удавалось спокойно простоять съ четверть часа гдѣ-нибудь въ углу корридора, и помечтать съ закрытыми глазами. По окончаніи послѣобѣденныхъ классовъ, послѣ получасоваго бѣганья въ пріемной залѣ, въ которомъ я только по принужденію принималъ иногда участіе, когда всѣ должны были усѣсться каждый за своимъ столикомъ у кровати,

и твердить урокъ къ завтрешнему дню: я также садился, клалъ передъ собою книгу, и посреди громкаго бормотанья твердыхъ вѣлухъ уроковъ, переносился моимъ воображеніемъ все туда же, въ обѣтованный край, въ сельскій домъ на берегу Бугуруслана. Скоро однако такое напряженное усиліе воображенія развилось до такихъ огромныхъ размѣровъ, что слабый тѣлесный составъ не могъ ихъ выносить. На меня стала нападать истерическая тоска, сопровождаемая такими тяжелыми слезами и рыданьями, что я впадалъ на нѣсколько минутъ въ безпамятство; послѣ я узналъ, что въ продолженіе его появлялись у меня на лицѣ судорожныя движенія. Сначала я умѣлъ какъ-то скрывать мое состояніе отъ всѣхъ. Я дѣлалъ это безсознательно, можетъ быть по тайному чувству угадывая, что мнѣ стануть мѣшать предаваться моимъ мечтамъ, которыя составляли мою единственную отраду. Тоска почти всегда находила на меня вечеромъ; я чувствовалъ сея приближеніе и выбѣгалъ черезъ заднее крыльцо на внутренній дворъ, куда могли ходить всѣ ученики для своихъ надобностей; иногда я прятался за колонну, иногда притановался въ углу, который образовывался высокимъ крыльцомъ, выступавшимъ изъ середины зданія; иногда взбѣгалъ по лѣстницѣ наверхъ и садился въ углу сѣней втораго этажа, слабо освѣщаемомъ снизу висящимъ фонаремъ. Вѣроятно холодный воздухъ способствовалъ скорому прекращенію припадковъ, и я возвращался на свое мѣсто въ обыкновенномъ своемъ положеніи. Но одинъ разъ забѣжалъ я въ незапертые классы, когда сторожа убрали ихъ; самъ не знаю, какъ я забѣлся подъ скамью одного стола. Мнѣ кажется этотъ припадокъ продолжался долѣе прежнихъ, можетъ быть отъ того, что случился не на свежемъ воздухѣ. Сторожъ замѣтилъ меня, хотѣлъ выгнать, но видя, что я ничего не отвѣчаю, донесъ надзира-

телю; тотъ узналъ меня и сказалъ Упадъшевскому. Встревоженный старикъ прибѣжалъ ко мнѣ навѣрхъ; но въ самую эту минуту, я очнулся и спокойно воротился съ нимъ въ свою комнату. До этого случая, Упадъшевскій, обнадеженный моимъ полутора-мѣсячнымъ пребываніемъ, моимъ прилежнымъ ученьемъ, хотя и замѣчалъ мою разсѣянность или задумчивость, но не придавалъ ей никакого особеннаго значенія. Тутъ онъ разспросилъ меня подробно. Я разсказалъ ему съ полною откровенностью все то, что зналъ о своемъ состояніи; но я многого не понималъ и многого не помнилъ. Въ продолженіе ночи, онъ самъ и мой дядька Евсень набѣдали за мной: я проспалъ до утра совершенно спокойно. Надобно замѣтить, что въ продолженіе всего перваго періода моей болѣзни, всѣ ночи я спалъ хорошо; упоминаю объ этомъ потому, что во второмъ періодѣ, болѣзнь взяла совершенно противоположный характеръ. На другой день поутру, по обыкновенію пріѣхалъ Бенисъ въ больницу, куда и былъ я приведенъ Упадъшевскимъ. Докторъ разспросилъ и осмотрѣлъ меня внимательно, нашель, что я нѣсколько похудѣлъ, поблѣднѣлъ и что пульсъ у меня разстроень, но отпустилъ въ классъ, не предписалъ никакого лекарства, запретилъ изнурять меня ученьемъ, — псевря моимъ словамъ, что оно слишкомъ легко, — приказалъ набѣдать за мной и никуда одного не пускать. Онъ прибавилъ къ этому, чтобы всякій день во время его пріѣзда въ больницу, я приходилъ къ нему. Упадъшевскій принялъ всѣ нужныя мѣры: кромѣ того, что онъ самъ безпрестанно подходилъ ко мнѣ, онъ поручилъ двумъ воспитанникамъ постоянно смотреть за мной во всякое время, свободное отъ ученья; дядька же мой долженъ былъ идти со мной всякой разъ, когда я выходилъ на задній дворъ. Во всей гимназій разнесся слухъ, что «па Аксакова находить

черная немочь.» Я испугался, хотя не понималъ значенія этихъ словъ.—Мнѣ показалось очень непріятно такое постоянное вниманіе постороннихъ людей къ каждому моему движенію; цѣлый вечеръ мнѣ было скучно и грустно. Я уже привыкъ наслаждаться моими мечтами, а теперь мысль, что нѣсколько глазъ меня наблюдаютъ, мысала мнѣ оторваться отъ горькой дѣйствительности, чтобъ грезить на яву сладкими снами; но тѣмъ не менѣе вечеръ прошель благополучно: ни тоски, ни истерическаго припадка не было. Упадышевскій и дядька мой обрадовались; очень также остался доволенъ и Бенисъ, когда я на другой день пришель къ нему въ больницу и когда Василій Петровичъ разсказать, что весь вчерашній день, вечеръ и ночь я провелъ спокойно. Не смотря на то, что докторъ нашель мой пульсъ также разстроеннымъ, онъ отпустиль меня безъ великихъ медицинскихъ пособій, увѣряя, что дѣлю поправится и что натура преодолѣетъ болѣзненное начало; но на другой день оказалось, что дѣлю не поправилось, а только измѣнилось: часу въ девятомъ утра, сидя въ арифметическомъ классѣ, вдругъ я почувствовала, совершенно неожиданно, сильное стѣсненіе въ груди, черезъ нѣсколько минутъ зарыдалъ и впалъ въ безпамятство. Сдѣлался большой шумъ, послали за Упадышевскимъ; по счастью онъ былъ дома (*) и приказалъ перенести меня въ спальную, гдѣ я черезъ четверть часа очуствовался и даже воротился въ классъ. Вечеромъ припадокъ повторился и продолжался гораздо долѣе. Больше прежняго встревожился благодѣтельный Василій Петровичъ и перепугался мой усердный дядька. На этотъ разъ Бенисъ далъ мнѣ какія-то капли (вѣроятно нервныя), ко-

(*) Изъ четырехъ человекъ назирателей двое дежурныхъ никуда не отлучались; но остальные во время классовъ могли уходить по своимъ надобностямъ; къ обѣду же и ужину все собиравлись на лице.

торья я долженъ былъ принимать, какъ только почувствую степеніе; по постнымъ днямъ приказалъ давать мнѣ скоромный обѣдъ изъ больницы и, вмѣсто чернаго хлѣба, булку; но оставить въ больницу ни за что не согласился. Капли сначала помогли мнѣ, и дни три, хотя я начиналъ тосковать и плакать, но въ безпамятство не впадалъ; потомъ, по привычкѣ-ли моей натуры къ лекарству, или по усилению болѣзни, только припадки стали возвращаться чаще и сильнѣе прежняго.

Никакой періодъ моего дѣтства не помню я съ такою отчетливою ясностью, какъ время перваго пребыванія моего въ гимназіи. Я могъ бы безоспориочно разсказать со всеми подробностями (чего конечно дѣлать не буду) весь ходъ моего страннаго недуга. Весьмъ казалось тогда, а въ томъ числѣ и мнѣ, что появленіе припадковъ происходило безъ всякой причины; но теперь я убѣжденъ въ противномъ: они всегда происходили отъ неожиданно возникшаго воспоминанія изъ прошедшей моей жизни, которая вдругъ представлялась моему воображенію съ живостью и яркостью ночныхъ сновидѣній. Иногда я доходилъ до такихъ явленій сознательно и постепенно, углубляясь въ неизчерпаемое хранилище памяти, но иногда они посѣщали меня безъ моего вѣдома и желанія. Случалось, что въ то время, когда я думалъ совсѣмъ о другомъ и даже когда былъ сильно занятъ ученьемъ,—вдругъ какой-нибудь звукъ голоса, вѣроятно похожій на слышанный мною прежде, полоса солнечнаго свѣта на окнѣ или стѣнѣ, точно такъ освѣщавшая некогда знакомые, дорогіе мнѣ предметы, муха, жужжащая и бившаяся на стеклѣ окошка, на что я часто засматривался въ ребячество—мгновенно и на одно мгновеніе, неуловимо для сознанія, вызывали забытое прошедшее и потрясали мои напряженныя нервы. Впрочемъ нѣкоторые случаи объя-

снялись тогда же сами собою: одинъ разъ я сказывалъ урокъ, какъ вдругъ голубь сълъ на подоконную доску и началъ кружиться и ворковать — это сейчасъ напомнило мнѣ моихъ любимыхъ голубей и деревню: грудь моя стѣспилась и послѣдовалъ припадокъ. Въ другой разъ пришелъ я напиться квасу или воды въ особенную комнату, которая называлась *квасною*; тамъ бросился мнѣ въ глаза простой деревянный столъ, который прежде вѣроятно я видалъ много разъ, не замѣчая его, но теперь онъ былъ выскобленъ заново и казался необыкновенно чистымъ и бѣлымъ—въ одно мгновенье представился мнѣ такого же вида липовый столъ, всегда блиставшій бѣлизной и гладкостью, принадлежавшій некогда моей бабушкѣ, а потомъ стоявшій въ комнатѣ у моей тетки, въ которомъ хранились разныя бездѣлушки, драгоценныя для дитяти: узелки съ тыквенными, арбузными и дынными семенами, изъ которыхъ тетка моя дѣлала чудныя корзиночки и подносочки, мешечки съ рожковыми зёрнами, съ раковыми жерновками, а всего болѣе большой игольникъ, въ которомъ вмѣстѣ съ иголками хранились крючки для удочекъ, изрѣдка выдаваемые мнѣ бабушкой; все это бывало я разсматривалъ съ восхищеніемъ, съ напряженнымъ любопытствомъ, едва переводя дыханіе.... Я былъ пораженъ сходствомъ этихъ столовъ, прошедшее ярко блеснуло, ожгло передо мною—сердце замерло и послѣдовалъ сильный припадокъ. Точно тоже случилось со мной, при взглядѣ на кошку, которая спала, свернувшись клубкомъ на солнышкѣ, и напомнила мнѣ мою любимую кошку въ деревнѣ. Мнѣ кажется, довольно этихъ случаевъ, чтобы предположить во всехъ остальныхъ подобныя причины.

Положеніе мое становилось хуже и хуже. Припадки появлялись чаще, продолжались долѣе; я потерялъ аппетитъ, блѣднѣлъ и худѣлъ съ каждымъ днемъ; терять

также и охоту заниматься ученьем; одинъ только согъ подкрѣплялъ меня. Внимательный Василій Петровичъ замѣтилъ, что мнѣ вредно раннее вставанье, попробовалъ одинъ разъ не будить меня до восьми часовъ и увидѣлъ, что я тотъ день чувствовалъ себя гораздо лучше. Дядька мой ходилъ за мной съ отцовской нежностію. К—въ пробова.ть нѣсколько разъ говорить мнѣ строгія иоученія, и даже стращаль наказаніемъ, если я не буду держать себя, какъ слѣдуетъ благовоспитанному мальчику. Мою болѣзнь называлъ онъ баловствомъ, хандрою и дурнымъ примѣромъ для другихъ. Наконецъ, онъ приказалъ по-ложительно отдать меня въ больницу; этого желали всѣ и я самъ; противился только одинъ Беннсъ; но теперь онъ долженъ былъ согласиться, и меня отвели въ лазаретъ.

Моя мать, уѣзжая въ послѣдній разъ изъ К., заставила моего дядьку Евсѣича побожиться передъ образомъ, что онъ уведоми.тъ ее, если я сдѣлаюсь боленъ. Онъ давно порывался исполнить свое обѣщаніе и открылся въ этомъ Упадъшевскому, но тотъ постоянно его удерживалъ; теперь же онъ рѣшился дѣйствовать, не спрашиваясь никого: одинъ изъ грамотныхъ дядекъ написалъ ему письмо, въ которомъ безъ всякой осторожности и даже несправедливо, онъ извѣщаль, что молодой баринъ боленъ падучею болѣзнію и что его отдали въ больницу. Можно себѣ представить, какимъ громовымъ ударомъ разразилось это письмо надъ моимъ отцемъ и матерью. Письмо шло довольно долго и пришло въ деревню во время совершенной распутицы, о которой около Москвы не могутъ имѣть и понятія; дорога прорывалась на каждомъ шагу, и во всякомъ долочкѣ была зажора, то-есть, снѣгъ насыщенный водою: ѣхать было почти невозможно. Но мать мою ничто удержать не могло; она выѣхала тотъ же день въ К., съ своей Парашей и молодымъ мужемъ ея Федоромъ;

ѣхала день и ночь на перемьныхъ крестьянскихъ, не подкованныхъ лошадяхъ (*), въ простыхъ крестьянскихъ саняхъ, въ одну лошадь; всѣхъ саней было четверо: въ трехъ сидѣло по одному человеку безъ всякой поклажи, которая вся помещалась на четвертыхъ саняхъ. Только такимъ образомъ была какая-нибудь возможность подвигаться шагъ за шагомъ впередъ, и то пользовался морозными утренниками, которые на этотъ разъ продолжались по счастью до половины апрѣля. Въ десять дней дотацилась моя мать до большаго села *Мурзихи* на берегу Камы; здѣсь вышла уже большая почтовая дорога, крѣпче уѣзженная, и потому ѣхать по ней представлялось болѣе возможности; но за то изъ Мурзихи надобно было переѣхать черезъ Каму, чтобъ попасть въ село *Шурань*, находящееся кажется въ 80-ти верстахъ отъ К. Кама еще не промрзла, но надулась и посинѣла; наканунѣ перенесли черезъ нее на рукахъ почту; но въ ночь пошелъ дождь и никто не соглашался переправить мою мать и ея спутниковъ на другую сторону. Мать моя принуждена была почевать въ Мурзихѣ; дорожка каждой минутой промедленія, она сама ходила изъ дома въ домъ по деревнѣ и умоляла добрыхъ людей помочь ей, рассказывала свое горе и предлагала въ вознагражденіе все, что имѣла. Нашлись добрые и смѣлые люди, понимавшіе материнское сердце, которые обѣщали ей, что если дождь въ ночь уймется и къ утру хоть крошечку подмерзнетъ, то они берутся благополучно доставить ее на ту сторону и возьмутъ то, что она пожалуетъ имъ за труды. До самой зари молилась мать моя, стоя въ углу на колыняхъ передъ образомъ той избы, гдѣ провела ночь. Теплая материнская молитва была услышана: вѣтеръ разогналъ облака и къ утру мо-

(*) По просекамъ, при глубокомъ снѣгѣ, подкованныхъ лошадей въ это время года дорога не поднимается.

розъ высушили дорогу и тонкимъ ледочкомъ затащили лужи. На зарь, шестеро молодцевъ, рыбаковъ по промыслу, выросшихъ на Камь и привыкшихъ обходиться съ нею во всякихъ ея видахъ, каждый съ шестомъ или багромъ, привязавъ за спины нетяжелую поклажу, перекрестясь на церковный крестъ, взяли подъ руки обихъ женщинъ, обутихъ въ мужскіе сапоги, дали шестъ Федору, поручивъ ему тащить *чуманъ*, то-есть, широкой лубокъ, загнутый снередине къ верху и привязанный на веревкѣ, взятый на тотъ случай, что неравно барыня устанетъ,—и отправились въ путь, пустивъ впередъ самаго разторошнаго изъ своихъ товарищей для ощупыванія дороги. Дорога лежала вкось и надобно было пройти около трехъ верстъ. Переходъ черезъ огромную рѣку въ такое время, такъ страшенъ, что только привычный человекъ можетъ совершить его, не теряя бодрости и присутствія духа. Федоръ и Парана просто ревѣли, прощаясь съ бѣлымъ свѣтомъ и со всеми родными, и въ иныхъ мѣстахъ надобно было силою заставлять ихъ идти впередъ; но мать моя съ каждымъ шагомъ становилась бодрѣе и даже веселѣе. Провожатые поглядывали на нее и приветливо потряхивали головами. Надобно было обходить польняны, перебираться, по сложеннымъ вмѣстѣ шестамъ, черезъ трещины; мать моя нигдѣ не хотѣла съѣсть на чуманъ, и только тогда, когда дорога, подошедъ къ противоположной сторонѣ, пошла возлѣ самаго берега по мелкому мѣсту, когда вся опасность миновалась, она почувствовала слабость; сейчасъ послали на чуманъ мѣховое одѣяло, положили подушки, мать легла на него, какъ на постель, и почти лишилась чувствъ: въ такомъ положеніи дотащили ее до ямскаго двора въ Шурань. Мать моя дала сто рублей своимъ провожатымъ, то-есть, половину своихъ наличныхъ денегъ, но честные люди не захотѣли

ими воспользоваться; они взяли по спешке на брата (по пяти рублей ассигнаціями). Съ изумленіемъ слушая изъясненіе горячей благодарности и благословенія моея матери, они сказали ей на прощаньи: «дай вамъ Богъ благополучно добхать» и немедленно отправились домой, потому что мышка было некогда: рѣка прошла на другой день. Все это подробно рассказала мнѣ Параша. Изъ Шурана, въ двое сутокъ мать моя добхла до К.; остановилась гдѣ-то на постояломъ дворѣ, и черезъ полчаса уже была въ гимназін

Обращаюсь назадъ: въ больницу помѣстили меня очень хорошо; дали особую, небольшую комнату, назначенную для тяжелыхъ больныхъ, которыхъ на ту пору не было; тамъ спалъ со мною мой дядька, переведенный въ больничные служители. Лекаръ или подлекарь, хорошенько не знаю, Андрей Ивановичъ Риттеръ, жилъ подле меня. Это былъ рослый, румяный, красивый и веселый дѣтина; онъ впрочемъ сидѣлъ дома только по утрамъ, ожидая Бенниса, послѣ котораго немедленно отправлялся на практику, которую дѣйствительно имѣлъ въ купеческихъ домахъ; онъ былъ большой гуляка и не рѣдко возвращался домой поздно и въ нетрезвомъ видѣ. Удивляюсь, какъ терпѣлъ его главный надзиратель; впрочемъ, на больныхъ онъ обращалъ менѣе вниманія, чѣмъ на здоровыхъ, и въ больницу Унадышевскій имѣлъ больше вѣсу. Я совершенно забылъ имя и фамилію добраго старика, бывшего тогда больничнымъ надзирателемъ, хотя очень помню, какъ онъ былъ почитателенъ и ласковъ ко мнѣ. Унадышевскій сейчасъ позаботился, чтобы мнѣ не было скучно, и снабдилъ меня книгами: «Дѣтскимъ училищемъ» въ нѣсколькихъ томахъ, «Открытіемъ Америки» и «Завоеваніемъ Мексики». Какъ я обрадовался тишинѣ, спокойствію и книгамъ! Халатъ вмѣсто мундира, полная свобода

въ употребленіи времени, отсутствіе звонка и чтеніе, были полезныя для меня всякихъ лекарствъ и питательной пищи. Колумбъ и Пизарро возбуждали все мое любопытство, а несчастный Монтезума — все мое участіе. Прочитавъ въ нѣсколько дней «Открытіе Америки» и «Завоеваніе Мексики», я принялся и за «Дѣтское училище». При этомъ чтеніи случилось со мной обстоятельство, которое привело меня въ великое недоумѣніе и которое я разъяснилъ себѣ отчасти только въ послѣдствіи. Читая, не помню, который томъ, дошелъ я до сказки «Красавица и Звѣрь»; съ первыхъ строкъ показалась она мнѣ знакомою, и чѣмъ далѣе, тѣмъ знакомѣе; наконецъ я убѣдился, что это была сказка, коротко известная мнѣ подъ именемъ: «Аленькой Цвѣточекъ», которую я слышалъ не одинъ десятокъ разъ въ деревнѣ, отъ нашей ключницы Пелагеи. Ключница Пелагея была въ своемъ родѣ замѣчательная женщина: очень въ молодыхъ годахъ бѣжала она, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, отъ прежнихъ господъ своихъ Алакаевыхъ, въ Астрахань, гдѣ прожила слишкомъ двадцать лѣтъ; отецъ ея скоро умеръ, она вышла за-мужъ, овдовѣла, жила въ наймахъ по купеческимъ домамъ, и въ томъ числѣ у купцовъ Персіанъ, соскучилась, провѣдала какъ-то, что она досталась другимъ господамъ, именно моему дѣдушкѣ, господину строгому, но справедливому и доброму, и за годъ до его смерти явилась изъ бѣговъ въ Аксаково. Дѣдушка, изъ уваженія къ такому добровольному возвращенію, принялъ ее очень милостиво, а какъ она была проворная баба и на все мастерица, то онъ полюбилъ ее и сдѣлалъ ключницей. Должность эту отправляла она и въ Астрахани. Пелагея, кромѣ досужества въ домашнемъ обиходѣ, принесла съ собою необыкновенное дарованіе сказывать сказки, которыхъ знала несчетное множество. Очевидно, что жители востока распространили въ Астра-

хани и между Русскими особенную охоту къ слушанью и рассказыванью сказокъ. Въ обширномъ сказочномъ каталогѣ Пелаген, вмѣстѣ со всеми русскими сказками, находилось множество сказокъ восточныхъ, и въ томъ числѣ нѣсколько изъ «Тысячи одной ночи». Дѣдушка обрадовался такому кладу, и какъ онъ уже начиналъ хворать и худо спать, то Пелагея, имѣвшая еще драгоценную способность не дремать по цѣлымъ ночамъ, служила большимъ утѣшеніемъ больному старику. Отъ этой-то Пелаген наслушался я сказокъ въ долгіе зимніе вечера. Образъ здоровой, свѣжей и дородной сказочницы, съ веретенномъ въ рукахъ за гребнемъ, неизгладимо врѣзался въ мое воображеніе, и если бы я былъ живописецъ, то написалъ бы ее сію минуту, какъ живую. Содержанію «Красавица и Звѣрь» или «Аленькой цвѣточекъ» суждено было еще разъ удивить меня впоследствии. Черезъ нѣсколько лѣтъ, пришелъ я въ К—ской театръ слушать и смотреть оперу «Земира и Азоръ» — это былъ опять «Аленькой цвѣточекъ», даже въ самомъ ходѣ пьесы и въ ея подробностяхъ.

Между тѣмъ, не смотря на занимательное чтеніе, на сладкіе, ничѣмъ не стѣсняемые, разговоры съ Евсенчемъ про деревенскую жизнь, удочку, ястребовъ и голубей, не смотря на удаленіе отъ скучнаго, школьнаго шума и торможенія товарищей, не смотря на множество пилюль, порошковъ и миксуръ, глотаемыхъ мною, бользнь моя, сначала какъ будто уступившая леченію и больничному покою, не уменьшалась, и припадки возобновлялись по нѣскольку разъ въ день; но меня какъ-то не смущали они, и сравнительно съ прежнимъ я былъ очень доволенъ своимъ положеніемъ. Больница помѣщалась въ третьемъ этажѣ, окнами на дворъ. Зданіе гимназій (теперешній университетъ) стояло на горѣ; видъ былъ великолѣпный: вся нижняя половина города съ его Суконными и Татарски-

ми слободами, Булакъ, огромное озеро Кабанъ, котораго воды сливались весной съ разливомъ Волги — вся эта живописная панорама разстилась передъ глазами. Я очень помню, какъ ложились на нее сумерки, и какъ постепенно освѣщалась она утренней зарей и восходомъ солнца. Вообще пребываніе въ больницѣ оставило во мнѣ навсегда тихое и отрадное воспоминаніе, хотя никто изъ товарищей не навѣщалъ меня. Приходили только одинъ разъ К-чи, съ которыми однако я тогда еще близко не сошелся, потому что мало съ ними встрѣчался: они были въ среднихъ классахъ и жили во *французской комитатъ* у надзирателя Мейспера. Притомъ я былъ такъ занятъ собою, или лучше сказать своимъ прошедшимъ, что не чувствовалъ и не показывалъ ни малѣйшаго къ нимъ расположенія; я подружился съ К-ми уже во время вторичнаго моего вступленія въ гимназію, особенно въ университетъ.

Домой я писалъ каждую почту, увѣдомляя, что я совершенно здоровъ. Вдругъ, въ одинъ понедѣльникъ, не получивъ я письма отъ матери. Я встревожился и началъ грустить; въ слѣдующій понедѣльникъ опять нѣтъ письма, и тоска овладѣла мною. Напрасно увѣрялъ меня дядька, что теперь распутица, что изъ Аксакова нельзя проѣхать въ Бугурусланъ (уѣздный городъ, находящійся въ 25 верстахъ отъ нашей деревни) — я ничего не хотѣлъ слушать; я хорошо зналъ и помнилъ, что не смотря ни на какое время, каждую недѣлю ѣздили на почту. Я не знаю, что бы со мной было, еслибъ и въ третій срокъ я не получилъ письма; но въ серединѣ недѣли, именно поутру въ среду 14-го апрѣля, мой добрый Евсень, послѣ извотораго приготовленія, состоявшаго въ томъ, что «вѣрно потому нѣтъ писемъ, что матушка сама ѣдетъ, а можетъ быть и пріѣхала», объявилъ мнѣ съ радостнымъ

лицемъ, что Марья Николаевна здѣсь, въ гимназiи, что безъ доктора ее ко мнѣ не пускаютъ, и что докторъ сейчасъ прiѣдетъ. Не смотря на приговоренiя, мнѣ сдѣлалось дурно. Когда я очнулся, первыя мои слова были: «Гдѣ маменька?» Но возлѣ меня стоялъ Беннсъ и браунль, ни въ чемъ невиноватаго Евсенча: какъ бы осторожно ни сказали мнѣ о прiѣздѣ матери, я не могъ бы принять безъ сильнаго волненiя такого неожиданнаго и радостнаго извѣстiя, а великое волненiе произвело бы обморокъ. Докторъ былъ совершенно убѣжденъ въ необходимости дозволить свиданiе матери съ сыномъ, особенно когда послѣднiй зналъ уже о ея прiѣздѣ, но не смѣлъ этого сдѣлать безъ разрѣшенiя главнаго надзирателя или директора; онъ послалъ записки къ обоимъ. Отъ директора пришло позволенiе прежде, и когда мать была уже у меня въ комнатѣ, получили приказанiе отъ К-ва: «дождаться ея прiѣзда». — Не нахожу словъ и не беру на себя разсказать, что чувствовалъ я, когда вошла ко мнѣ моя мать. Она такъ похудѣла, что можно было не узнать ее; но радость, что она нашла дитя свое не только живымъ, но гораздо въ лучшемъ положенiи, чѣмъ ожидала (ибо чего не придумало испуганное воображенiе матери), — такъ ярко свѣтилась въ ея всегда блестящихъ глазахъ, что она могла показаться и здоровою и веселою. Я забылъ все, что вокругъ меня происходило, обнялъ свою мать, и нѣсколько времени не выпускалъ ее изъ моихъ детскихъ рукъ. Черезъ нѣсколько минутъ явился К-въ. Холодно и въжливю онъ сказалъ моей матери, что для нее нарушенъ существующiй порядокъ въ гимназiи, что никому изъ родственниковъ и родителей не позволено входить во внутреннiя комнаты учебнаго заведенiя, что для этого назначена особая прiемная зала, что входъ въ больницу совершенно воспрещенъ и что особенно это не прилично

для такой молодой и прекрасной дамы. Кровь бросилась въ лице моей матери, и по своей природной вспыльчивости, она много лишняго наговорила К-ву. Она сказала между прочимъ «что вѣрно только въ ихъ гимназiи существуетъ такой варварской законъ, что матери вездѣ прилично быть, гдѣ лежитъ ея больной сынъ, и что она здѣсь съ дозволенiя директора, непосредственнаго начальника его, г. главнаго надзирателя, и что ему остается только повиноваться.» Мать вонзила ножъ въ самое больное мѣсто. К-въ поблѣднѣлъ. Онъ сказалъ, что директоръ дозволилъ это только для перваго раза, что приказанiе его исполнено, что вѣроятно оно не повторится и что онъ проситъ теперь ее ухватъ Но К-въ не зналъ моей матери, и вообще не зналъ материнскаго сердца. Мать моя сказала ему, что она не выдетъ изъ этой комнаты, покуда директоръ самъ лично или письменно не прикажетъ ей ухватъ, и что до той поры, только силою можно удалить ее отъ сына. Все это было сказано такимъ голосомъ, съ такой энергiей, что не оставляло сомнѣнiя въ точности исполненiя. Она взяла стулъ, пододвинула къ моей кровати и съѣла на немъ, оборотаясь спиной къ К-ву. Не знаю, что бы сдѣлалъ этотъ послѣднiй, еслибы Бенисъ и Упадышевскiй не упростили его выдти въ другую комнату; тамъ докторъ, какъ я узналъ послѣ отъ Василья Петровича, съ твердостью сказалъ главному надзирателю, что если онъ позволилъ себѣ какой-нибудь насильственный поступокъ, то онъ не ручается за несчастныя послѣдствiя, и даже за жизнь больнаго, и что онъ также боится за мать. Упадышевскiй съ своей стороны, умолялъ пощадить бѣдную мать, которая въ отчаянiи не помнитъ себя, а всего болѣе пощадить больнаго мальчика, и обѣщала ему, что онъ уговоритъ мать мою ухватъ черезъ нѣсколько времени. К-въ весьма не охотно согласил-

ся, и вмѣстѣ съ Беннсомъ отправился для донесенія обо всемъ директору. Упадъшевскій воротился къ моей матери, старался ее успокоить и сказалъ, что она можетъ остаться у меня часа на два. Мать пребыла у меня до сумерекъ, почти до шести часовъ вечера. Сцена съ К-вымъ сначала сильно меня испугала и я начиналъ уже чувствовать обыкновенное сжатіе въ груди; но онъ ушелъ, и присутствіе матери, ея ласки, ея разговоры, радость — не допустили явленія припадка. На прощаньѣ, мать съ твердостью сказала мнѣ, что возьметъ меня совсѣмъ изъ гимназій и увезетъ въ деревню. Я совершенно повѣрилъ ей. Я привыкъ думать, что маменька можетъ сдѣлать все, что захочетъ, и счастливая будущность засіяла предо мною всеми радужными цвѣтами счастливаго прошедшаго.

Мать моя отправилась изъ гимназій прямо къ Беннесу: его не было дома. Она бросилась (въ буквальный смыслъ) къ ногамъ его жены и, обливаясь слезами, умоляла, чтобы ей возвратили изъ гимназій сына. Мадамъ Беннесъ, понимавшая материнскія чувства, приняла въ нихъ живое участіе и увѣрила ее, что Христіанъ Карлычъ сдѣлаетъ все, что можетъ, что она за него ручается. Докторъ скоро пріѣхалъ. Объ женщины, каждая по своему, приступили къ нему съ просьбами; но Беннеса убѣждать было не нужно; онъ сказалъ, что это его собственная мысль, что онъ уже намекнулъ объ этомъ директору, но что по несчастію вмѣстѣ съ нимъ былъ главный надзиратель, который сильно этому воспротивился и кажется успѣлъ склонить директора на свою сторону; что директоръ, хотя человекъ слабый, но не злой, что надежда на успѣхъ не потеряна. Тутъ мать рассказала всѣ несправедливыя придирки ко мнѣ и постоянное преслѣдованіе главнаго надзирателя. Беннесъ самъ не любилъ его за присвоеніе власти, ему не принадлежащей; онъ не только не смягчилъ

раздраженія моей матери, но усилилъ его, и она возненавидѣла К—ва, какъ лютойшаго своего и моего врага. Хозяева поступили съ моей матерью, какъ друзья, какъ родные; уложили ее на диванъ и заставили съесть что-нибудь, потому-что послѣднія сутки она не пила даже чаю; дали ей какое-то лекарство, а главное увѣрили ее, что моя болѣзнь чисто первная и что въ деревнѣ, въ своей семьѣ, я скоро совершенно оправлюсь. Рыцено было вести съ главнымъ надзирателемъ открытую войну. На другой день поутру, мать моя должна была прѣѣхать къ директору до прѣѣзда къ нему К—ва съ рапортомъ, выпросить позволеніе прѣѣзжать ко мнѣ въ больницу два раза въ день и потомъ вымолить обѣщаніе: отнестить меня въ деревню на попеченіе родителей, впредь до выздоровленій, если докторъ найдетъ это нужнымъ. Бенисъ просилъ только не жаловаться на К—ва, не говорить о немъ ничего дурнаго и не упоминать объ его личномъ нерасположеніи и преслѣдованіяхъ ся больного сына. Призывая благословеніе Божіе на доктора и его жену, высказавъ имъ все, что можетъ высказать благодарное материнское сердце, мать уѣхала отдохнуть на свою квартиру. Отдохновеніе было ей необходимо: двѣнадцать дней такой дороги, почти безъ сна и пищи, и цѣлый день такихъ душевныхъ мучительныхъ волненій, могли свалить съ ногъ и крепкаго мужчину, а мать моя была больная женщина. По Богъ въ немощныхъ являетъ свою крепость и силу, и успевъ нѣсколько часовъ, мать моя проснулась бодрою и твердою. Въ девять часовъ утра она сидѣла уже въ гостиниѣ директора. Онъ вынелъ немедленно и встрѣтилъ ее съ явнымъ предубѣжденіемъ, которое однако скоро прошло. Искренность горя и убѣдительность слезъ нашли путь къ его сердцу; безъ большаго труда, онъ позволилъ матери моей прѣѣзжать въ больницу каждый

день по два раза и оставаться до восьми часовъ вечера; но просьба объ увольненіи меня изъ гимназій встрѣтила большое сопротивленіе. Можетъ быть и тутъ слезы и мольбы одержали бы побѣду, но вдругъ вошелъ главный надзиратель, и сцена перемѣнилась. Директоръ возвысилъ голосъ и съ твердостью сказалъ, что увольнять казенныхъ воспитанниковъ по нездоровью, или потому, что они станутъ тосковать, разставшись съ семействомъ, — дѣло не слыханное: въ первомъ случаѣ, это значитъ признаться въ плохомъ состояніи врачебныхъ пособій и присмотра за больными, а въ последнемъ — это просто смѣшно; какой же мальчикъ, особенно избалованный, привыкшій только заниматься дѣтскими играми, не будетъ тосковать, когда его отдадутъ въ училище? — К — въ сейчасъ присоединился къ директору и поддержалъ его слова многими, весьма разсудительными и въ тоже время извѣтельными рѣчами. Онъ упомянулъ о вредныхъ слѣдствіяхъ женскаго воспитанія материнскаго баловства и дурныхъ примѣровъ неуваженія, непокорности, дерзости и неблагодарности. Въ заключеніе онъ сказалъ, что правительство не за тѣмъ тратитъ деньги на жалованье чиновникамъ и учителямъ и на содержаніе казенныхъ воспитанниковъ, чтобъ увольнять ихъ до окончанія полного курса ученія и слѣдовательно не воспользоваться ихъ службою по ученой части; что начальство гимназій, особенно должно дорожить такимъ мальчикомъ, который по отличными способностямъ и поведенію обѣщаетъ со временемъ быть хорошимъ учителемъ. — Мать мою взорвала такая іезунтская двуличность; она забыла предостереженіе Беннса и весьма горячо и неосторожно высказала свое удивленіе, «что г. К — въ хвалитъ ея сына, тогда какъ, съ самаго его вступленія, онъ постоянно преслѣдовалъ бѣднаго мальчика всякими пустыми

придирами, незаслуженными выговорами и насмешками, давала ему разных обидных прозвищ: *плаксы*, *матушкина сына* и проч., которыя, разумется, повторялись всеми учениками; что такое несправедливое гонение г. главного надзирателя было единственною причиною, почему обыкновенная тоска дитяти, разлученнаго съ семействомъ, превратилась въ болѣзнь, которая угрожаетъ печальными послѣдствіями; что она признаетъ г. главного надзирателя личнымъ своимъ врагомъ, который присвоиваетъ себѣ власть, ему не принадлежащую, который хотѣлъ выгнать ее изъ больницы, не смотря на позволеніе директора, и что г. К—въ, какъ человекъ пристрастный, не можетъ быть судьей въ этомъ дѣлѣ». Директоръ былъ нѣсколько озадаченъ; но обозлившійся главный надзиратель возразилъ ей «что она сама, по своей безразсудной горячности портитъ все дѣло; что въ отсутствіе его она пользовалась слабостью начальства, брала сына безпрестанно на домъ, безпрестанно прѣзжала въ гимназію, возвращалась съ дороги, наконецъ черезъ два мѣсяца опять прѣехала, и что такимъ образомъ не даетъ возможности мальчику привыкнуть къ его новому положенію, что причиною его болѣзни она сама, а не строгое начальство, и что настоящій ея прѣздъ надѣлаетъ много зла, потому что сынъ ея, который уже выздоравливалъ, сегодня поутру сдѣлался очень боленъ». — При этихъ словахъ мать моя вскрикнула и упала въ обморокъ. Добродушный директоръ ужасно перепугался и не зналъ что дѣлать. Обморокъ продолжался около часу; кое-какъ привели ее въ чувство. Первые слова ея были: «пустите меня къ сыну». Перепуганный и сжалившійся директоръ, обрадованный, что мать моя покрайней мѣрѣ не умерла (чего онъ очень опасался, какъ самъ рассказывалъ послѣ), подтвердилъ приказаніе К—ву, чтобы мою мать всегда пускать въ больницу, куда

она сейчас и уехала. Въ больницу встрѣтилъ ее докторъ и по возможности успокоилъ. Онъ поклялся, что моя новая болѣзнь лихорадка, ничего не значить, что это слѣдствіе перваго потрясенія и что она даже можетъ быть полезна для моихъ обыкновенныхъ припадковъ. Въ самомъ дѣлѣ, первый лихорадочный пароксизмъ былъ очень легокъ, и хотя на другой день онъ повторился сильнѣе, и хотя лихорадка въ такомъ видѣ продолжалась двѣ недѣли, но за то истерическіе припадки не возвращались. Мать почти цѣлые дни проводила со мной. Директоръ нѣсколько разъ посѣщалъ больницу, и всякой разъ, встрѣчая у меня мать, былъ съ обоими нами очень ласковъ: ему жалко было сморгнуть на блѣдность и худобу моего лица; выразительныя черты моей матери, въ которыхъ живо высказывалось внутреннее состояніе души, также возбуждали его сочувствіе. Когда К—въ хотѣлъ на другой день войти ко мнѣ въ комнату, мать моя не пустила его и заперла дверь, и потомъ упросила директора, чтобы главный надзиратель не входилъ ко мнѣ при ней, говоря, что она не можетъ равнодушно видѣть этого человека и боится испугать больнаго такимъ же обморокомъ, какой случился въ домѣ г. директора; онъ очень его поинилъ и согласился. Главный надзиратель обидѣлся и не ходилъ ко мнѣ совсѣмъ.

Между тѣмъ намѣреніе взять меня изъ гимназій, подкрѣпленное согласіемъ Бенкса, остановленное на время моею новою болѣзнію, приняло оффиціальнѣйшій ходъ. Желая посоветоваться напередъ въ этомъ дѣлѣ съ друзьями, мать ѣздила къ Максиму Дмитріевичу К—чу; но твердый, нѣсколько грубый, хотя и добрый по природѣ, Сербъ не одобрилъ этого намѣренія. «Нѣтъ, государыня моя, Марья Николаевна, сказалъ онъ: не могу посоветовать взять сына, завернуть его въ хлопочки, илѣжить и кормить са-

харомъ, увезти въ деревню, чтобы онъ бѣгалъ тамъ съ дворовыми мальчишками и выросъ ни на что негоднымъ неучемъ. Ну какой выйдетъ изъ него мужчина? Откровенно скажу, что на мѣсть Тимофея Степановича, не позволилъ бы вамъ такъ поступать» Не понравились такія слова моей матери; она отвѣчала: что не думаетъ воспитать своего сына неучемъ и деревенскимъ повѣсой, но прежде всего хочетъ спасти его жизнь и возстановить его здоровье, — и болѣе не видалась съ К—мъ. Въ К—и былъ дальній родственникъ моему отцу, советникъ палаты, Михеевъ. Мать обратилась къ нему, и хотя онъ также не одобрялъ намѣренія и отказался хлопотать объ его исполненіи, но удовлетворилъ ея желанію, приказавъ написать просьбу въ Советъ гимназій о моемъ увольненіи. Въ просьбѣ было написано, что моя мать проситъ возвратить ей сына на время, для возстановленія его здоровья и что какъ скоро оно поправится, то она обязуется вновь представить меня въ число казенныхъ воспитанниковъ. вмѣстѣ съ этой просьбой, поступило въ Советъ донесеніе доктора Бенкса. Онъ писалъ, что находить совершенно необходимымъ возвратить воспитанника Аксакова въ родительскій домъ, именно въ деревню; что моя болѣзнь такого рода, что только одинъ деревенскій воздухъ и жизнь на родинѣ посреди своего семейства, могутъ побѣдить ее, что никакія медицинскія средства въ больницѣ не помогутъ, что припадки мои угрожаютъ переходомъ въ энцефалію, которая можетъ окончиться апоплексіей, или поврежденіемъ умственныхъ способностей. Не могу сказать до какой степени было это справедливо; но докторъ этимъ не удовольствовался: онъ утверждалъ, что у меня есть какое-то расширеніе въ колынкахъ и горбоватость позвонковыхъ костей, что для этого также нужно тѣлодвиженіе на вольномъ воздухѣ и продолжительное употребленіе

декокта (какого не помню), которымъ предлагать снабдить меня изъ казенной аптеки. Кажется, все последнее было несправедливо; хотя точно я имѣлъ очень толстыя колѣнки, но у дѣтей это часто бываетъ и проходитъ само собою. Тѣмъ не менѣе, такіе пустые паружные признаки были найдены внослѣдствіи вполнѣ уважительными. Началось дѣло въ Советѣ, въ которомъ подѣ председательствомъ директора присутствовали главный надзиратель и трое старшихъ учителей. К—въ, отъ котораго прежде все зависѣло, употребилъ свое вліяніе, и учителя приняли его сторону. Директоръ колебался. Хотѣли дать предписаніе Беннису, чтобъ онъ пригласилъ на консилиумъ инспектора Врачебной Управы и вновь испытать надо мной медицинскія пособія; но Беннись предварительно объявилъ, что онъ не исполнитъ этого предписанія и донесетъ Совету, чтобъ онъ скорѣе уволилъ меня, потому что по прошествіи лихорадки сейчасъ оказались признаки возобновленія прежнихъ припадковъ, что и было совершенно справедливо. — Видя, что дѣло идетъ не хорошо, бѣдная мать моя пришла въ совершенное отчаяніе. Наконецъ Беннись посоветовалъ ей просить директора, чтобъ онъ приказалъ при себѣ освидѣтельствовать меня гимназическому доктору, вмѣстѣ съ другими посторонними докторами, и чтобы согласился съ ихъ мнѣніемъ—и мать моя побѣхала просить директора. Желая избавиться отъ скучныхъ просьбъ и слезъ, онъ велѣлъ сказать, что никакъ не можетъ принять ее сегодня и просить пожаловать въ другое время; но какъ такой отказъ былъ уже не первый, то мать приготовила письмо, въ которомъ писала, «что это последнее ея посѣщеніе, что если онъ ее не приметъ, то она не выйдетъ изъ его пріемной, покуда ее не выгонять, и что вѣрно онъ не поступитъ такъ жестоко съ несчастной матерью.» Дѣлать было нечего. Директоръ вы-

шелъ въ гостиную, и опять не устоялъ передъ выраженіемъ истинной скорби и даже отчаянія. Онъ далъ честное слово исполнить все, о чемъ просила его моя мать, — и сдержалъ свое слово. На другой же день состоялось опредѣленіе гимназическаго Совѣта, совершенно согласное съ желаніемъ Бенниса и вчерашнею просьбою моей матери, чего, впрочемъ, никто не зналъ, кроме самого директора. Всѣ напротивъ считали свидѣтельство постороннихъ врачей оскорбленіемъ для Бенниса и были увѣрены, что врачи съ нимъ не согласятся; пригласили городского штабъ-лекаря и одного изъ членовъ Врачебной Управы. Но Беннисъ, предварительно увѣренный въ ихъ согласіи съ своимъ мнѣніемъ, спокойно дожидлся развязки; его увѣренность успокоила нѣсколько мою мать, которая въ свою очередь старалась усюконтъ и меня. Она рассказывала мнѣ, съ величайшей подробностью, всѣ свои поступки и всѣ свои переговоры, она старалась увѣрить меня, что не смотря на препятствія, надежда на успѣхъ ее не покидаетъ; но я, только по временамъ, и то не надолго, обольщался этой надеждой: освобожденіе изъ каменнаго острога, какъ я называлъ гимназію, и возвращеніе въ семейство, въ деревню — казалось мнѣ блаженствомъ недостижимымъ, несбыточнымъ. Переписка съ властями о назначеніи докторовъ тянулась какъ-то медленно, и по настоянію главнаго надзирателя директоръ приказалъ выписать меня изъ больницы, потому что лихорадка моя совершенно прошла. Беннисъ долженъ былъ согласиться. Я опять поступилъ въ комнату къ Унадышевскому и нашелъ кровать свою никѣмъ не занятою. Послѣ довольно продолжительнаго пребыванія на свободѣ, въ тихой и спокойной больничной комнатѣ, сталъ еще противнѣе для меня весь порядокъ и шумный образъ жизни посреди моихъ гимназическихъ товарищей. Притомъ такое пере-

мъщеніе показалося мнѣ зловѣщимъ признакомъ, что меня не хотятъ отпустить. Мать видалась со мной каждый день, но весьма на короткое время, и то въ общей пріемной залѣ. Все это вмѣстѣ нагнало опять тоску на мою душу, и мои припадки появились съ прежнею силою, какъ будто и не прекращались. Благодареніе Богу, такое мучительное состояніе продолжалось не долго. Ровно черезъ недѣлю, когда воспитанники, послѣ ужина, сошли въ спальныя комнаты и начали раздѣваться, Евсень сънулъ мнѣ въ руку записочку отъ матери и сказалъ: «прочтите такъ, чтобы никто не видалъ». Мать писала ко мнѣ, чтобы на другой день поутру я не вставалъ съ постели, а сказалъ бы Василью Петровичу, что у меня болятъ ноги, особенно колѣнки, и попросился бы въ больницу. Записочку приказано было сжечь, что я сейчасъ исполнилъ. Ложь была совершенно мнѣ незнакома. Мать особенно строго за нее взыскивала, и я очень изумился такому приказанію. Хотя какая-то темная догадка мелькала у меня въ умѣ, что эта ложь будетъ способствовать моему освобожденію изъ гимназій, но я долго не могъ заснуть, смущаясь, что завтра долженъ сказать неправду, которую и Василій Петровичъ и докторъ сейчасъ увидятъ, и уличать меня. На другой день, когда дядька сталъ меня будить, я сказалъ ему, что у меня болятъ ноги и что я хочу опять въ больницу. Легкая улыбка искривила ротъ моего Евсеньки и онъ пошелъ доложить о томъ Упадышевскому, который, къ удивленію моему, не обративъ на это никакого вниманія, весьма равнодушно сказалъ: «хорошо; такъ пусть онъ не встаетъ, я только провожу дѣтей на верхъ, а потомъ приду за нимъ и отведу его въ больницу.» — Но товарищи не оставили меня въ покоѣ и многіе изъ нихъ, сдергивая съ моей головы одѣяло, которымъ я нарочно закрылся, спрашивали меня:

«отъ чего ты не всташь?» Смущаясь и краснѣя, припужденъ я былъ согнать еще нѣсколько разъ. Со смѣхомъ отвѣчали мнѣ: «ты врешь; лѣнь учиться, въ больницу поправилось!» Шумная ватага мальчиковъ, построясь въ комнатный фронтъ, ушла на верхъ. Упадышевскій воротился, и не разспросивъ меня о болѣзни, отвелъ въ больницу и сдалъ съ рукъ на руки подлекарю Риттеру и больничному надзирателю. Меня помѣстили въ прежней комнатѣ. Въ девять часовъ прѣхалъ Беннсъ и, начавъ меня осматривать, предупредилъ словами: «вѣрно у васъ разболѣлись ноги? Я этого ожидалъ,» и указывая подлекарю и надзирателю на мои колышки, онъ прибавилъ: «посмотрите какъ онъ въ одну педьлю распухли и жаръ въ нихъ усилился.» Колышки мои были совершенно въ прежнемъ положеніи, жара я не чувствовалъ, и съ изумленіемъ замѣтилъ, что все какъ-будто сговорились лгать. Еще болѣе изумила меня мать, которая прѣехала вездѣ за Беннсомъ, и безъ всякаго смущенія разсуждала съ нимъ и съ другими о моей новой небывалой болѣзни. Когда мы остались наединѣ, я посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ и спросилъ: «маменька, что это значить?» Она обняла меня и сказала: «что дѣлать, мой другъ! это необходимо, такъ приказалъ Беннсъ. На этихъ дняхъ тебя будутъ свидѣтельствовать другіе доктора, и ты долженъ имъ сказать, что у тебя болятъ ноги. Христіанъ Карловичъ увѣряетъ, что отъ того тебя вынустятъ изъ гимназіи.» Лучъ надежды блеснулъ въ моей душѣ, хотя я не видѣлъ особенныхъ причинъ предаваться ей. Черезъ два дня, вечеромъ сказала мнѣ мать, что завтра будутъ меня свидѣтельствовать, повторила мнѣ все, что я долженъ говорить о болѣзни своихъ ногъ, и убѣждала, чтобъ я отвѣчалъ смѣло и не запинаясь. Въ слѣдующій день, въ одиннадцать часовъ, вошли ко мнѣ въ комнату: директоръ, главный надзира-

тель, Беннсъ съ двумя неизвѣстными мнѣ докторами, трое учителей, присутствовавшихъ въ совѣтъ, и Упадышевскій. Небольшая моя комната наполнилась людьми, всѣмъ подали кресла, и всѣ торжественно разсѣлись около моей постели. Я такъ смутился, что мнѣ сейчасъ начало дѣлаться душно; впрочемъ я скоро оправился безъ лекарства и услышалъ, что Беннсъ рассказываетъ докторамъ исторію моей болѣзни, иногда по-латыни, но большею частію по русски; во многомъ онъ ссылался на Упадышевскаго, котораго тутъ же разспрашивали. Призванъ былъ также мой дядька, которому было сдѣлано нѣсколько вопросовъ о состояніи моего здоровья до поступленія въ гимназію. Меня самого также очень много спрашивали; доктора часто подходили ко мнѣ, щупали мою грудь, животъ и пульсъ, смотрѣли языкъ; когда дѣло дошло до колѣнокъ и до ножныхъ костей, то всѣ трое обступили меня, всѣ трое вдругъ стали тыкать пальцами въ мнимо больныя мѣста, и заговорили очень серьезно и съ одушевленіемъ. Я помню, что часто упоминались слова: «лимфа, пасока, скорбуть.» Наслыу кончилось это тягостное, очень утомившее меня свидѣтельство; оно продолжалось по крайней мѣрѣ часть. Когда всѣ ушли, я немедленно заснулъ, а проснувшись увидѣлъ сидящую предо мною мать и простывшій больничный обѣдъ на столѣ. Мать моя хотя надѣялась, но рѣшительнаго еще ничего не знала. Она немедленно уѣхала къ Беннису, и часа черезъ два опять пріѣхала ко мнѣ съ блистающимъ радостью лицомъ: доктора прямо отъ меня отправились въ Совѣтъ гимназіи, гдѣ подписали общее свидѣтельство, въ которомъ было сказано, что «совершенно соглашаясь съ мнѣніемъ г-на доктора Беннса, они считаютъ необходимымъ возвратить казеннаго воспитанника Аксакова на попеченіе родителей въ деревню; а къ прописанному для больнаго декокту

полагають не лишнимъ прибавить такіе-то медикаменты и предписать въ послѣдствіи крѣпительныя холодныя ванны.» Директоръ положительно согласился, трое учителей послѣдовали его примѣру; но главный надзиратель остался при своемъ мнѣніи и не подписалъ журнала (*); впрочемъ это ничему не мѣшало.

И такъ совершилось желанное событіе, такъ долго казавшееся несбыточною мечтою! Мать моя сіяла блаженствомъ; она плакала, смѣялась, всѣхъ обнимала, особенно Упадышевскаго и Евсепча, — благодарила Бога. Я былъ такъ счастливъ, что по временамъ не вѣрилъ своему счастью, думалъ, что я вижу прекрасный сонъ, боялся проснуться и, обнимая мать, спрашивалъ ее: «правда ли это?» Долге всѣхъ вечеровъ просидѣла она со мной, и Упадышевскій не одинъ разъ приходилъ и просилъ ее уѣхать. К — въ не измѣнилъ себя до конца; онъ предложилъ Совету: въискать съ моею матерію, за пятимѣсячное пребываніе мое въ гимназіи, всѣ издержки, употребленныя на мое содержаніе и ученіе. Но директоръ не согласился на такое предложеніе, сказавъ, что воспитанника не исключаютъ совсѣмъ, а только возвращаютъ родителямъ до выздоровленія. На третій день послѣ свидѣтельства, пригласили мою мать въ Советъ, обязали ее подпиской: представить въ гимназію сына по выздоровленіи, и позволили взять меня. Мать, прямо изъ Совета, въ послѣдній разъ пришла въ больницу; Евсепчъ переодѣлъ меня въ мое прежнее платье и сдалъ всѣ казенныя вещи и книги. Съ горячими слезами благодарности простились мы съ Упадышевскимъ и больничнымъ надзирателемъ. Мать взяла меня за руку и, въ сопровожденіи Евсепча, вывела на крыльцо.... Я вскрикнулъ отъ радостнаго изумленія: передъ крыльцомъ стояла наша

(*) Копія со всѣхъ бумагъ долго у насъ хранилась.

деревенская карета, запряженная четверкой нашихъ доморощенныхъ лошадей; на козлахъ сидѣлъ знакомый кучерь, а на подсѣдельной, еще болѣе знакомый форрейторъ, всегда достававшій мнѣ червяковъ для уженья. Федоръ и Евсевичъ посадили меня въ старую колымагу подъ матери, и мы поѣхали на квартиру. Карета, люди и лошади были присланы отцомъ моимъ изъ деревни. Не смотря на радость, которою былъ не только проникнуть, но можно сказать ошеломленъ, я такъ расплакался, прощаясь съ Васильемъ Петровичемъ, что даже въ деревенской каретѣ продолжалъ плакать. Въ самомъ дѣлѣ, доброта этого человѣка, его безкорыстное нѣжное участіе, доходившее до самоотверженія, къ людямъ совершенно постороннимъ, стоили самой искренней благодарности; надобно къ этому прибавить, что находясь нѣсколько лѣтъ въ гимназій, онъ неминуемо долженъ былъ привыкнуть къ подобнымъ явленіямъ, а сердца, не покоряющіяся привычкѣ, встрѣчаются не часто. На квартиру ожидали меня радостныя слезы Параша и даже хозяйки дома, все той же капитанши Аристовой, которая также принимала участіе въ нашемъ положеніи (*). Въ тотъ же день вечеромъ мы съ матерью ѣздили къ доктору Беннеу благодарить и проститься. Надобно отдать должную справедливость и этому человѣку, который, не знаю почему, имѣлъ въ городѣ репутацію холоднаго интересана,—что въ отношеніи къ намъ онъ поступалъ обязательно и безкорыстно; онъ не только не взялъ съ насъ ни копейки денегъ, но даже не принялъ подарка, предложеннаго ему матерью на память объ одолженныхъ имъ людяхъ; докторамъ же, которые свидѣтельствовали меня, онъ подарилъ отъ насъ по 25 рублей за безпокойство, какъ будто за консиліумъ; раз-

(*) Мать моя съ почтового двора немедленно перѣехала къ ней.

умѣется, мать отдала ему эти деньги. И такъ оставалось благодарить Беннса словами, слезами и молитвами за него Богу — и мать благодарила такъ отъ души, такъ горячо что Беннсъ и жена его были очень растроганы. Что касается до меня, то я какъ-то не растрогался, и хотя я очень хорошо зналъ, что единственно Беннсу обязанъ за освобожденіе изъ гимназій, но я не заплакалъ и благодарить очень вяло и пошло, за что мать послѣ мнѣ очень пеняла. На другой день поутру, мы отправились въ соборъ и потомъ къ Казанской Божіей Матери, и отслужили благодарственные молебны. Заѣхали къ директору, но его не было дома, или онъ не хотѣлъ насъ принять. Вернувшись домой, мы нашли у насъ Василья Петровича, который еще разъ пришелъ повидаться съ нами и проститься. Онъ также отказался принять подарокъ на память и отвѣчалъ коротко и ясно: «не обижайте меня, Марья Николаевна.» Съ нимъ прощался я совсѣмъ не такъ, какъ съ Беннсомъ: я ужасно расплакался; долго не могли меня унять, даже боялись возвращенія припадка, но какія-то новыя капли успокоили мое волненіе; должно замѣтить, что это лекарство, въ послѣдніе дни, уже въ третій разъ, не допускало развиваться дурнотъ. По уходѣ Упадъшевскаго, мы кое-какъ пообѣдали и сейчасъ принялись укладываться. Намъ какъ-то страшно было оставаться въ К—и, и каждый часъ промедленія казался долгимъ днемъ; къ вечеру все было готово. Вечеръ наступилъ теплый, совершенно лѣтній, и мы съ матерью легли спать въ каретъ. На разсвѣтъ, безъ всякаго шума, заложили лошадей и, не разбудивъ меня, тихо выѣхали изъ К—ни. Когда я проснулся, яркое солнце светило въ карету; Параша спала, а мать сидѣла возлѣ меня и плакала самыми радостными, благодарными Богу, слезами; это чувство такъ выражалось въ ея глазахъ, что никто

бы не опечалился, а скорѣе порадовался, увидя ея слезы. Она обняла свое ненаглядное дитя, и потокъ нежныхъ рычей и ласкъ высказалъ ей внутреннее состояніе. Это было 19 мая, день рожденія моеѣ милой сестры. Прекрасное, даже жаркое, весеннее утро настоящаго майскаго дня обливало горячимъ свѣтомъ всю природу. Въ окна кареты заглянули зеленыя, молодые хлѣбныя поля, луга и лѣса; мнѣ такъ захотѣлось окинуть глазами весь края далекаго горизонта, что я попросилъ остановиться, выскочилъ изъ кареты и началъ бѣгать и прыгать, какъ самое рѣзвое пятилѣтнее дитя; тутъ только я вполне почувствовалъ себя на свободѣ. Мать любовалась, глядя на меня изъ кареты. Я обнялъ Евсена и Федора, поздоровался съ кучеромъ и форрейторомъ, который успѣлъ сказать мнѣ, что рыба начинала шибко клевать, когда онъ уѣзжалъ изъ Аксакова. Я поздоровался также со всѣми лошадыми, Евсена взялъ меня на руки, поднялъ, и я погладилъ каждую изъ нихъ. Это были славный шестерикъ, бурой и караковой масти, такой породы лошадей, о какой давно и слуху нѣтъ въ Оренбургской губерніи; но лѣтъ двадцать помнили ее и говорили о ней. Дѣдушка мой вывелъ такую породу; лошади были крупныя, четырехъ-вершковыя, сильныя до невѣроятности, рысистыя, не задушливыя на бѣгу и не знавшія усталости. Въ тяжелыхъ экипажахъ дѣлали на нихъ по 80 и по 90 верстъ въ день. — Боже мой, какъ было мнѣ весело! На силу усадили меня въ карету, но я высунулся въ окошко и ѣхалъ такъ до самой кормежки, радостными восклицаніями привѣтствуя все, что попадалось на дорогу. Наконецъ сверкнула полоса воды—это была рѣка Мѣша, не очень большая, но глубокая и чрезвычайно рыбная; по ней ходилъ довольно плохой плоть на всеревкѣ. Мы переправлялись долго: лошадей ставили только по одной

парь, а карету едва перевезли; ее облегли отъ сундуковъ и другихъ тяжестей, и не смотря на то, плоть погружалась въ воду. Мы съ матерью перѣехали прежде всѣхъ на другой берегъ; цветущая и душистая урема покрывала его. Я не помнилъ себя отъ восхищенія. Завасившій форрейторъ, страстный охотникъ удить, взялъ съ собою изъ деревни совѣзмъ готовую удочку съ удилицемъ, которая и была привязана подъ каретою къ дрожки; ее сейчасъ отвязали, и покуда совершалась переправа, я уже удилъ на хлѣбъ и таскалъ плотву. Кромѣ Дѣмы, я не видывалъ рѣки рыбѣ Мѣши; рыба кнѣгла въ ней, какъ говорится, и такъ брала, что только успѣвай закидывать. Мудрено ли, что послѣ освобожденія изъ гимназическаго плѣна, эта кормежка показала мнѣ блаженствомъ! На оставленномъ нами берегу находилась чья-то господская деревня; тамъ достали овса, сѣна, курицу, яицъ и всѣ нужные припасы. Какой обѣдъ на дорожномъ таганѣ приготовилъ намъ Евсенчъ, который былъ немпожко и поварь! Скворода жареной рыбы также показала очень вкуснымъ блюдомъ. Мы уже отѣхали тридцать верстъ отъ К—ни, кормили четыре часа и пустились въ дальнѣйшій путь. Набѣжали тучи, загремѣлъ громъ, дождь всырынулъ землю, и вѣхать было не жарко и не пыльно; сначала вѣхали шагомъ, а потомъ побѣжали такою рысью, что уѣзжали болѣе десяти верстъ въ часъ. Скоро небо прояснилось и великолѣпное солнце осушило слѣды дождя; мы отѣхали еще сорокъ верстъ и остановились почевать въ полѣ. потому что на кормежкѣ запаслись всѣмъ нужнымъ для почевки. Опять множество новыхъ удовольствій, новыхъ наслажденій! Выпрягли спутали лошадей и пустили ихъ на сочную молодую траву; развели яркой огонь, наложили дорожный самоваръ, то есть, огромный чайникъ съ трубою, послали кожу возлѣ

кареты, поставили погребецъ и подали чай. Какъ онъ былъ хорошъ на свежемъ вечернемъ воздухѣ! Черезъ два часа напоили остывшихъ коней, разбили хребтуги съ овсомъ, привязавъ ихъ къ дышлу и вколоченнымъ въ землю кольямъ, и приступили къ овеу лошадей. Мы съ матерью и съ Парашей улеглись въ каретъ, и сладко заснулъ я, слушая какъ жевали кони овесъ и фыркали отъ попадавшей въ ноздри пыли. На другой день утрому, мы переправились немного повыше Шурана, черезъ Каму, которая была еще въ разливъ. Я боялся (и теперь боюсь) большой воды; а тогда дулъ порядочный вѣтеръ. На перевозъ оказалась *посуда* (*) большая и новая: на одну завозню поставили всѣхъ лошадей и карету; меня заперли въ нее съ Парашей, опустили даже гардинки и подняли жалюзи, чтобъ я не видалъ волнующейся воды; но я сверхъ того закуталъ голову платкомъ и все-таки дрожалъ отъ страха во все время переправы; дурныхъ послѣдствій не было. Весенняя пристань находилась еще въ Мурзихъ; лѣтомъ она спускалась нѣсколько верстъ ниже. Мать отыскала въ Мурзихъ своихъ провожатыхъ; она всѣмъ привезла хорошіе гостинцы: подарки были приняты безъ удивленія, но съ удовольствіемъ и благодарностью. Мы проѣхали еще пятнадцать верстъ до мѣста своей кормежки. Такъ продолжался нашъ путь, и пятый день прѣхали мы ночевать въ деревню, Татарскій Байтуганъ, лежащую на рѣкѣ Сокъ, всего въ двадцати верстахъ отъ Аксакова. Рѣка Сокъ также очень рыбна; но боясь вечерней сырости, мать не пустила меня поудить, а форрейторъ сбѣгалъ и принесъ нѣсколько окуней и плотицъ. Поднявшись съ ночлега, по обыкновенію на зарь, мы имѣли возможность не захватъ въ село Цск-

(*) Такъ называются завозни, дощаники, паромы и проч.

людово, гдѣ жили родные намъ по бабушкѣ, Кальминскіе и Луневскіе; а также и въ Бахметевку, гдѣ недавно поселился новый помѣщикъ Осоргинъ съ молодою женою: и мы, и они еще спали во время нашего проѣзда. Версты за четыре до Аксакова, на самой межѣ нашего владѣнія, я проснулся, точно кто-нибудь разбудилъ меня; когда проѣхали мы между Липовымъ и Общимъ колкомъ (*) и выѣхали на склонъ горы, должно было немедленно открыться наше Аксаково, съ огромнымъ прудомъ, мельницей, длиннымъ порядкомъ избъ, домомъ и березовыми рощами. Я безпрестанно спрашивалъ кучера: «Не видно ли деревни?» И когда онъ сказалъ наконецъ, наклонясь къ переднему окошку: «вотъ наше Аксаково, какъ на ладонкѣ»—я сталъ такъ убѣдительно просить мою мать, что она не могла отказать мнѣ и позволила съѣсть съ кучеромъ на козлахъ. Не берусь передать, чтѣ чувствовало мое сердце, когда я увидѣлъ милое мое Аксаково! Пѣть словъ на языкѣ человѣческомъ для выраженія такихъ чувствъ!.....

Во все теченіе моей жизни, я продолжалъ испытывать, приближаясь къ Аксакову, подобныя ощущенія; но два года тому назадъ, послѣ двѣнадцатилѣтняго отсутствія, также довольно рано, подъѣзжалъ я къ тому же Аксакову; сильно билось мое сердце отъ ожиданія, я надѣялся прежнихъ радостныхъ волненій! Я вызвалъ милое прошедшее, и рой воспоминаній окружилъ меня... но не весело, а болезненно, мучительно подѣйствовали они на мою душу, и мнѣ стало невыразимо тяжело и грустно. Подобно волнебнику, котораго, вызвавъ духовъ, не умѣетъ съ ними сладить и не знаетъ куда отъ нихъ дѣваться,—

(*) Теперь не существуетъ послѣдняго названія, потому что владѣльцы размежевались.

не зналъ я, какъ мнѣ прогнать мои воспоминія, какъ успокоить нерадостное волеженіе. Старые мѣха не выдерживаютъ молодого вина, и старое сердце не выноситъ молодыхъ чувствъ... но тогда, Боже мой, что было тогда!

Нѣсколько разъ я чувствовалъ стѣсненіе въ груди и готовъ былъ упасть; но я молчалъ, крѣпко держался за ручку козелъ и за кучера, и стѣсненіе проходило само собою.—Быстро скатилась карета подъ изволокъ, перѣѣхала черезъ плохой мостъ на Бугуруслань, завязла было въ топи у Крутца, но выхваченная сильными конями, пронеслась мимо камышей, пруда, деревни—и вотъ нашъ сельскій домъ, и на крыльцѣ его отецъ съ милой моею сестрицей. Когда мы подъѣхали, она всплеснула ручками и закричала: «братецъ Сереженька на козлахъ!...» Выбѣжала тетка и вывела брата, кормилица вынесла маленькую мою сестру! Сколько объятій, поцѣлуевъ, радости, вопросовъ и ответовъ! Сбѣжалась вся дворня, даже крестьяне, случившіеся дома, и куча мальчишекъ и дѣвочекъ. Отецъ мой очень обрадовался; онъ не вѣрилъ, чтобъ удалось высвободить меня изъ гимназій; послѣднюю недѣлю некогда было писать къ нему изъ К., и онъ ничего не зналъ, что тамъ происходило.

ГОДЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

ГОДЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Первые дни были днями самозабвенія и суматошной дѣятельности. Прежде всего я навѣстилъ своихъ голубей и двухъ перезимовавшихъ ястребовъ. Я обѣгалъ все знакомыя, все любимыя мѣста, а ихъ нашлось не мало. Около дома, въ саду, въ огородѣ и въ ближайшей рощѣ съ грачевыми гнѣздами, вездѣ бѣгала со мною сестрица, уцѣплясь за мою руку, и даже показывала, какъ хозяйка, кое-что сдѣланное безъ меня, и въ томъ числѣ огромную и высокую паровую гряду изъ навоза, на которой были посажены тыквы, арбузы и дыни. Сбѣгали мы также съ ней и въ кладовые амбары, гдѣ хранилось много драгоценностей: мѣдныя, желѣзные и рѣзной костью оклеенныя ларцы съ разными штуфами и окаменѣlostями, подаренными нѣкогда моею матери какимъ-то важнымъ горнымъ чиновникомъ; похитили и ключницу Пелагею на погребѣ, и были угощены холодными густыми сливками съ чернымъ хлѣбомъ. Но къ рѣкѣ и за рѣку, сестрицѣ не позволяли ходить со мною, и туда провожать меня Евсеньчъ. Мы перешли съ нимъ черезъ мосточки на первый островъ, гдѣ стояла лѣтняя кухня и лежали широкія лубки, на которыхъ

сушили мытую пшеницу. Этот островок окружала съ двухъ сторонъ старица Бугуруслана, которая начинала пересыхать и заростать таловыми кустами; мы перебрались черезъ нее по жердочкамъ и сейчасъ перешли на другой островъ побольше, также съ одного боку окруженный старицей, но еще глубокой и прозрачной. Это было любимое мѣсто моей тетки Евгеньи Степановны, все засаженное по берегу рѣки березами и пересѣченное по срединѣ липовой аллеей. Очевидно, что это мѣсто давно понравилось еще моему дѣдушкѣ и что онъ засадилъ его деревьями за долго до рожденія меньшей своей дочери Евгеньи, какъ онъ называлъ ее: потому что деревьямъ было лѣтъ по пятидесяти, а дочери—тридцать пять. Евгенья Степановна, хотя не получила никакого воспитанія, какъ и всѣ ея сестры, но имѣла въ душѣ какое-то влеченіе къ образованности и любовь къ природѣ. У ней водились кое-какія книжечки: старинные романы (вѣроятно доставленные ей братомъ) и театральныя піески. Разумѣется я всѣ ихъ перечиталъ съ дозволенія и безъ дозволенія; особенно помню одинъ водевильчикъ, подъ названіемъ: «Драматическая Пустельга». Тетка любила читать книжку на островѣ и удить рыбку въ глубокой старицѣ. На многихъ березахъ вырѣзала она свое имя и числа разныхъ годовъ и мѣсяцовъ, даже какіе-то стишки изъ пѣсенника. Какъ я любилъ этотъ островъ!.. Какъ хорошо было на немъ въ лѣтніе жары! прохладная тѣнь и кругомъ вода! Съ одной стороны новая канавка, идущая отъ вешняка, соединялась съ водой, быстро бегущей изъ-подъ мельницы, а съ другой—прежнее русло Бугуруслана, еще глубокое и прозрачное, огибало островъ. Безъ сердечнаго трепета, безъ замиранья сердца, не могу я до сихъ поръ вспомнить лѣтняго полдня на этомъ островѣ. Теперь все переѣнилось. Старица почти высохла; другая,

новая канавка отвела воду отъ вешняка въ другую сторону; вездѣ разросся тальникъ и ольха, и островъ уже понапрасну сохраняетъ свое имя. Впрочемъ, если взять все пространство земли, идущее до плотины, то съ натяжкой оно можетъ еще называться прежнимъ именемъ. Напобовавшись досыта островомъ, оглядѣвъ каждое дерево, перечитавъ всѣ тетушкины надписи, посмотрѣвшись на головлей и язей, гулявшихъ или неподвижно стоявшихъ въ старицѣ, отправились мы съ Евсечемъ на мельницу; но я забѣжалъ на *Антошкины мостки*, гдѣ часто уживалъ пискарей, и на кузницу, гдѣ я любилъ смотреть какъ прядали искры изъ-подъ молота, ковавшего раскаленное желѣзо. Когда же я вбѣжалъ на плотину, и широкой прудъ открылся передо мной, съ своими зелеными камышами и лопухами, съ длинною плотиною, обросшею молодыми ольхами, съ цѣлымъ міромъ своего птичьяго и рыбаго населенія, съ вешнякомъ, каузомъ и мельницей—я оцѣпелъ отъ восторга и простоялъ, какъ вкопанный, нѣсколько минутъ. Мельникъ, по прозванью Болтуненко, очень меня любившій, приготовилъ мнѣ неожиданную потѣху: онъ разставилъ въ травахъ нѣсколько жерлицъ на щуку, и нарочно не смотрѣлъ ихъ до моего прихода; онъ зналъ, что я приду непременно, онъ посадилъ меня съ Евсечемъ въ лодку и повезъ поюямъ до травы; вода была очень мелка и тутъ я не боялся. Я самъ вынималъ каждую жерлицу, и на одной изъ нихъ сидѣла большая щука, которую я вытанилъ съ помощію Евсеча. и съ торжествомъ несъ на своихъ рукахъ до самаго дома. Потомъ дни черезъ два отецъ свозилъ меня поудить и въ *Малую* и въ *Большую Урему*; онъ ѣздилъ со мной и въ *Антошкины врасъ* гдѣ на самой вершинѣ горы былъ сильный родникъ и падалъ внизъ пылью и пѣной; и къ *Колодѣ*, гдѣ родникъ бѣжалъ по нарочно постав-

леннымъ липовымъ колодамъ; и въ *Мордовской врагъ*, гдѣ клочъ вырывался изъ каменной трещины у подошвы горы; и въ *Липовый* и въ *Потаешный колокъ*, и на щельникъ, между ними находившійся, состоящій изъ множества ульевъ. Тамъ жилъ постоянно, и лѣто и зиму, старшій пчелякъ въ землянкѣ. также большой мой пріятель, у котораго былъ котъ *Тимошка* и кошка *Машка*, названные такъ въ честь моего отца и матери.

Въ такихъ-то пріятныхъ суетахъ и хлопотахъ прошли первыя двѣ недѣли, послѣ нашего пріѣзда въ Аксаково. Нечего и говорить, какъ была счастлива моя мать, видя меня веселымъ, бодрымъ и повидимому здоровымъ. Она еще въ К. взяла свои мѣры, чтобъ не прошло въ совершенной праздности время моей деревенской жизни, и запаслась учебными гимназическими книжками. Постоянно думая, что если я, по милости Божіей, поправлюсь здоровьемъ, можетъ быть черезъ годъ, то все же надобно будетъ представить меня опять въ гимназію, — она назначила мнѣ отъ двухъ до трехъ часовъ въ день, для повторенія всего, чему я учился, для занятія чистописаніемъ и чтеніемъ ей вслухъ разныхъ книгъ, приличныхъ моему возрасту. Я исполнялъ это очень охотно, и деревенскія удовольствія становились для меня еще пріятнѣе послѣ занятій. Я принялся также доучивать мою милую ученицу, маленькаго моего друга, мою сестрицу, и на этотъ разъ съ совершеннымъ успѣхомъ.

Я уже сказать, что повидимому казался здоровымъ, но на дѣлѣ вышло не совсемъ такъ. Правда, по выходѣ изъ гимназіи, не было у меня ни одного припадка; до-рогой даже прошли стѣсненія и біенія сердца, и въ деревнѣ не возобновлялись; но я сталъ каждую ночь бредить во снѣ, болѣе, сильнѣе обыкновеннаго. Сначала мать моя не придавала этому бреду никакой значительности,

все приписывая излишнему бѣганию и живости дѣтскихъ впечатлѣній, тѣмъ болѣе, что до поступленія въ гимназію, я часто грезилъ, чему подвержены бывають многія дѣти. По теперъ это начало принимать мало по малу другой характеръ. Во-первыхъ: я сталъ бредить постоянно всюкую ночь очень сильно, иногда по нѣскольку разъ. Во-вторыхъ: я сталъ не только говорить во снѣ, но вскакнывать съ постели, плакать, рыдать и выбѣгать въ другія комнаты. Я спалъ вмѣстѣ съ отцомъ и матерью въ ихъ спальнѣ, и кроватка моя стояла возлѣ ихъ кровати; дверь стали запираеть изнутри на крючекъ, и позади ее въ корридорчикѣ спала ключница Палагея, для того, чтобы убѣжать сонному не было мнѣ никакой возможности. Ночной бредъ, усиливаясь день отъ дня, или правильнѣе сказать, ночь отъ ночи, обозначился наконецъ очевиднымъ сходствомъ съ тѣми припадками, которымъ въ гимназіи я подвергался только въ продолженіи дня: я также плакалъ, рыдалъ и впадалъ въ безпамятство, которое переходило въ обыкновенный крѣпкой сонъ. По эти ночные, новые припадки были гораздо сильнѣе и страшнѣе прежнихъ дневныхъ припадковъ, и проявлялись съ бѣльшимъ разнообразіемъ. Иногда это былъ тихій плачь и рыданья, всегда съ прижатыми къ груди руками, съ невнятнымъ шопотомъ какихъ-то словъ, продолжавшіеся цѣлые часы и переходившіе въ бѣшенство и судорожныя движенія, если меня начинали будить, чего въ послѣдствіи никогда не дѣлали; утомившись отъ слезъ и рыданій, я засыпалъ уже сномъ спокойнымъ; но большаго труда стоило, особенно сначала, чтобъ окружающіе могли вытерпеть такое жалкое зрѣлище, не попробовавъ меня разбудить и помочь мнѣ хоть чѣмъ-нибудь. Мнѣ рассказывали послѣ, что не только мать, которая невыразимо терзалась, глядя на меня, но и отецъ, тетка и всѣ, кто около меня были, сами над-

рывались отъ слезъ, смотря на мои мучительныя слезы и рыданья. — Иногда я вдругъ вскакивалъ на ноги съ пронзительнымъ крикомъ, дико глядѣлъ во все глаза и безпрестанно повторяя: «пустите меня, дальше, прочь, мнѣ нельзя, не могу, гдѣ онъ, куда идти!» и тому подобныя отрывистыя, ничего не объясняющія слова, — я бросался къ двери, къ окну или въ углы комнаты, стараясь пробиться куда-то, стуча руками и ногами въ стѣну. Въ это время у меня была такая сила, что двое и трое не могли удержать меня, и я, обливаясь потомъ, таскалъ ихъ по комнатѣ. Этому роду припадокъ всегда оканчивался сильнымъ обморокомъ, въ продолженіе котораго трудно было замѣтить, что я дышу; обморокъ переходилъ постепенно въ сонъ, сначала нѣсколько безпокойный, но потомъ глубокой и тихой, продолжавшійся иногда часовъ до девяти утра. После тихихъ слезъ и рыданій, я просыпался бодрый и живой, какъ будто всю ночь проспалъ спокойно; но после изступленнаго вскакиванія и какого-то бѣшенства, я бывалъ нѣсколько слабъ, блѣденъ, какъ будто утомленъ; впрочемъ все это скоро проходило и я цѣлый день весело учился, бѣгалъ и предавался своимъ охотамъ. Проснувшись, я ничего ясно не помнилъ; иногда смутно представлялось мнѣ, что я видѣлъ во снѣ что-то навалившееся и душившее меня, или видѣлъ страшнаго, котораго за мной гонялись; иногда услія меня державшихъ людей, невольно повторявшихъ ласковыя слова, которыми уговаривали меня лечь на постель и успокоиться — какъ будто пробуждали меня на мгновеніе къ дѣйствительности и потомъ, соевѣтъ проснувшись поутру, я вспоминалъ, что ночью отъ чего-то просыпался, что около меня стояли мать, отецъ и другіе, что въ кустахъ подъ окнами пѣли соловьи и кричали коростели за рѣкою. Мать моя не знала, что и дѣлать; особенно пугало ее то, что во время обмо-

рока показывались у меня на лицѣ судорожныя подергиванья и пѣна на губахъ, признакъ зловщій. Мысль, что это можетъ быть въ самомъ дѣлѣ падающая болѣзнь, задолго процороченная Евсенчемъ въ его письмѣ, — приводила ее въ ужасъ. Капли, предписанныя Беннисомъ, она перестала давать; кровочистительнаго декокта, полученнаго изъ казенной аптеки, вовсе не употребляла, хотя Беннисъ советовалъ попить его, подозревая во мнѣ золотуху, которой никогда не бывало. Мать позволила мнѣ купаться въ рѣкѣ, думая, что купанье можетъ укрѣпить меня: оно мнѣ очень нравилось, но пользы не приносило. Мать обратилась къ Беннису и такъ мастерски написала исторію моей болѣзни, что докторъ пришелъ въ восхищеніе отъ ея описанія, благодарилъ за него, прислалъ мнѣ чай и пилюли и назначилъ діету. Все исполняли съ большою точностью, но облегченія болѣзни не было; напротивъ, припадки становились зурнѣе, а я слабѣе. Чай и пилюли бросили, принялись за докторовъ простонародныхъ, за знахарей и знахарокъ. Все говорили, что дитя испорчено, что мнѣ *попритишлось*; умывали, обливали, окуривали меня — все безъ успѣха. Я совсѣмъ не противъ народной медицины и вѣрю ей, особенно въ соединеніи съ магнетизмомъ; я давно отрекся отъ презрительнаго взгляда, съ которымъ многіе смотрять на нее съ высоты своего просвѣщенія и учености; я видѣлъ столько поразительныхъ и убѣдительныхъ случаевъ, что не могу сомнѣваться въ дѣйствительности многихъ народныхъ средствъ; но мнѣ тогда не помогли они, можетъ быть отъ того, что не попадали на мою болѣзнь, а можетъ быть и потому, что мать не согласилась давать мнѣ лекарства внутрь. Помню однако, что я долго принималъ, по совету одной сосѣдки, напоротникъ въ порошокъ, для чего употреблялись самые молоденькіе побѣги его, выходящіе, на подобіе

гребешка, не посредственно изъ корня, между большими прорѣзными листьями или вѣтвями этого растенія. Папоротникъ также не помогъ. Наконецъ обратились къ самому извѣстному лекарству, которое было въ большомъ употребленіи у насъ въ домъ еще при дѣдушкѣ и бабушкѣ, но на которое мать моя смотрѣла съ предубѣжденіемъ, и до этихъ поръ не хотѣла о немъ слышать, хотя тетка давно предлагала его. Это лекарство называлось: «припадочныя или росныя капли» потому что росной ладонъ составлялъ главное ихъ основаніе; ихъ клали по 10 капель на пол-рюмки воды, и вода бѣлѣла какъ молоко. Число капель ежедневно прибавлялось по двѣ и доводилось до 25 на одинъ приѣмъ, всегда на ночь. Мнѣ начали ихъ давать, и съ перваго приѣма мнѣ стало лучше; черезъ мѣсяць болѣзнь совершенно прошла и никогда уже не возвращалась. Когда довели до 25 капель, то стали убавлять по двѣ капли и кончили десятью; я не переставала купаться и не держала ни малѣйшей діеты. Сколько было бы шуму, еслибъ такъ чудотворно вылечилъ меня какой-нибудь славный докторъ! Отдохнула моя бѣдная мать и отецъ, и все меня окружающіе, особенно крестница Пелагея, которая постоянно возилась со мной во время припадковъ, сказывала сказки мнѣ съ вечера и продолжала ихъ даже тогда, когда я спала; мать моя была такъ обрадована, какъ будто въ другой разъ взяла меня изъ гимназіи.—Вотъ какъ часто ищемъ мы исцѣленія въ далекомъ, когда оно давно находится у насъ въ рукахъ.— Возвращаюсь нѣсколько назадъ.

Не смотря на странный характеръ моей болѣзни, ни ученье мое, ни деревенскія удовольствія не прекращались во все время ея продолженія; только и тѣмъ и другимъ, когда припадки ожесточались, я занимался умѣреннѣе, и мать слѣдила за мной съ большимъ вниманіемъ и не от-

пускала отъ себя на долго и далеко. Каждый день поутру, покуда не такъ было жарко, отправлялся я съ Евсеичемъ удить. Самое лучшее уженье находилось у насъ въ саду, почти подь окнами, потому что пониже Аксакова, въ мордовской деревнѣ: *Кивацкое*, была мельница и огромный прудъ, такъ что подпруда воды доходила почти до сада; тутъ Бугурусланъ могъ назваться верховьемъ Кивацкаго пруда, а всемъ охотникамъ известно, что для уженья рыбы это очень выгодно. Впервые познакомился я тогда съ высшимъ наслажденіемъ рыбака, съ уженьемъ крупной рыбы: до тѣхъ поръ я лавливалъ только плотву, окуней и пискарей; конечно, двѣ первыя породы достигаютъ также значительной величины, но мнѣ какъ-то очень крупная не попадалась, а если и попадалась, то я не могъ ее вытащить, потому что удилъ на тонкія лесы и маленькіе крючки. Евсеичъ свилъ мнѣ двѣ лесы, волосъ въ двадцать каждую, навязалъ толстые крючки, привязалъ лесы къ крѣпкимъ удилницамъ и, взявъ еще свою удочку, повелъ меня въ садъ на свое секретное мѣсто, которое онъ называлъ: «золотымъ мѣстечкомъ.» Насадивъ на крючекъ кусокъ умятаго чернаго хлѣба, величиною съ большой русской орѣхъ, онъ закинулъ мою удочку на дно подь самый кустъ, а свою пустилъ у берега возлѣ травки и камыша. Я сидѣлъ смиренно и не смѣлъ смигнуть съ моего наплавка, который тихо похаживалъ взадъ и впередъ, отъ того что тутъ вода завертывала подь берегъ. Въ неподвижномъ времени Евсеичъ вдругъ вскочилъ и закричалъ: «вотъ онъ батюшка!» началъ возиться съ большой рыбой, обѣими руками держа удилще. Евсеичъ не имѣлъ понятія объ умѣньи удить и погачилъ изо всей силы, какъ говорится, черезъ плечо на выносъ; рыба вѣроятно запуталась за траву или за камышъ, удилще было просто палка, и леса по-

рвалась: такъ мы и не видали, какая это была рыба. Евсенчъ пришелъ въ большой азартъ; я также почти дрожала, глядя на него. Евсенчъ клялся и уверялъ, что это была такая большая рыбища, какой онъ съ роду не уживалъ; но вѣроятно обыкновенный язь, или головль запутался за траву и оттого показался ему такъ тяжелъ. Развивъ другую мою удочку, дядька мой закинулъ ее поскорѣе на тоже самое мѣсто, гдѣ взяла у него рыба, и сказавъ: «видно я маленько погорячился, теперь стану тащить потише»—сѣлъ на траву дожидаться новой добычи, но напрасно. Теперь пришла моя очередь, и судьба захотѣла меня потѣшить: наплавокъ мой сталъ понемногу привставать и опять ложиться, потомъ всталъ окончательно и исчезъ подъ водою; я подсккъ, и огромная рыба начала тяжело ходить, какъ будто упираясь въ водъ. Евсенчъ поспѣшилъ мнѣ на помощь и схватился за мое удилице; но я, помня его недавнія слова, безпрестанно повторялъ, чтобъ онъ тащить потише; наконецъ, благодаря новой крѣпкой лесѣ и не очень гнучкому удилицу (*), выволокли мы на берегъ кое-какъ общими силами самаго крупнаго язя, на котораго Евсенчъ упалъ всѣмъ тѣломъ восклицая: «вогъ онъ соколикъ! теперь не уйдетъ». Я дрожала отъ радости, какъ въ лихорадкѣ, что впрочемъ и потомъ случалось со мной, когда я выуживалъ большую рыбу; долго я не могъ успокоиться, безпрестанно бѣгалъ по-смотреть на язя, который лежалъ въ травѣ на берегу, въ безопасномъ мѣстѣ. Удочку закинули опять, но рыба больше не брала. Черезъ полчаса мы пошли домой, по-

(*) Для успешнаго ужения крупной рыбы вообще полезно гнучкое удилице и очень вредно твердое; но какъ здѣсь язь былъ вытѣщенъ вопреки всѣмъ правиламъ ужения, прямо черезъ плечо, то твердое удилице, мало сгибалось, оказалось полезнымъ, ибо лесъ, по крѣпости своей, могла выдержать рыбу.

тому что я былъ отпущенъ на короткое время. Это первое удачное начало сдѣлало меня окончательно горячимъ рыбакомъ. Язя надѣли на прутикъ, и я принесъ его къ отцу, который и самъ иногда любилъ удить. Тогда еще не было у насъ обыкновенія взвѣшивать крупную рыбу, но мнѣ кажется, что я и послѣ никогда не выуживалъ язя такой величины и что въ немъ было по крайней мѣрѣ семь фунтовъ.

Отецъ бралъ меня иногда на охоту съ ружьемъ, на которую впрочемъ онъ ѣзжалъ очень рѣдко. Я сильно ей сочувствовалъ, и такія поѣздки были для меня праздниками, хотя участіе мое въ охоту ограничивалось тогда исправленіемъ должности легавой собаки, то-есть, я бѣгалъ за убитой птицей и подавалъ ее отцу. Ружья мнѣ и въ руки не давали. Годъ черезъ три однако, во-время лѣтней ваканціи, о чемъ я разскажу въ своемъ мѣстѣ, первый ружейный выстрѣлъ рѣшилъ мою судьбу: всѣ другія охоты, даже удочка, потеряли въ глазахъ моихъ свою прелесть, и я сдѣлался страстнымъ ружейнымъ охотникомъ на всю жизнь.

Когда болѣзнь моя прошла совсѣмъ, августъ мѣсяцъ былъ уже въ исходѣ; язи и головли давно перестали браться; но я успѣлъ выудить ихъ нѣсколько штукъ замѣчательной величины и, разумется, упустилъ вдвое болѣе. За то уженье плотвы и особенно окуней, находилось еще въ сильномъ разгарѣ. Впрочемъ, я тогда очень развлекался ястребами; прошлогодними, еще въ польѣ начали травить перепелокъ; молодыхъ гыздарей также давно уже выносили и травля шла очень удачно. Старые ястреба были у Никанора Тапайченка и у Ивана Мазана, а молодые у Федора и у моего дядьки Евсеича. У меня также былъ свой собственный маленькой ястребъ, чегликъ, выношенный очень хорошо, которымъ я травилъ воробьевъ и раз-

ныхъ птичекъ. Я нерѣдко ѣзжалъ въ поле, на длинныхъ дрогахъ, съ кѣмъ-нибудь изъ названныхъ мною охотниковъ, всего чаще съ Евсенчемъ, и очень любилъ смотреть, какъ травили жирныхъ осеннихъ перепелокъ и дергуновъ. Такъ прошло лѣто и начало осени, полныя разныхъ деревенскихъ удовольствій, въ число которыхъ также можно поставить поѣздки за ягодами, а потомъ за грибами (*).

Мать моя не любила деревенскихъ прогулокъ. Намъ рѣдко удавалось уговорить ее поѣхать со мной и отцомъ въ поле или лѣсъ. Помню однако, что чудесная полевая клубника, родившаяся тогда въ великомъ изобиліи, выманивала иногда мою мать на залежи ближняго поля, потому что она очень любила эту ягоду и считала ее цѣлбною для своего здоровья. Ѣзжали также изрѣдка на живописные горные родники, пить чай со всей семьей подъ тѣнистыми березами; но брать грибы казалось матери моей нестерпимо-скучнымъ; отецъ же мой и тетка, напротивъ, весьма любили ѣздить по грибки, и я раздѣлялъ ихъ любовь. Всего было больше то, что моя мать не любила также нашего милаго Аксакова. Она находила мѣстоположеніе его низменнымъ и сырымъ, что отчасти было справедливо, запахъ отъ пруда и плотины отвратительнымъ, ключевыя воды известковыми и жесткими, и все вмѣстѣ положительно вреднымъ для ея здоровья; много было правды въ этомъ, но много предубѣжденія и преувеличенія. Надобно вспомнить, что мать моя родилась и выросла въ городѣ, и всякая деревня казалась бы ей скучною. Съ огорченіемъ слушали мы съ отцомъ ея частыя, краснорѣчивыя нападенія на Аксаково, и хотя не смѣли защи-

(*) Я не воображалъ тогда, что грибы будутъ однимъ изъ самыхъ постоянныхъ моихъ удовольствій на старости лѣтъ. Въ благодарность за то у меня давно заронилась мысль, и я не отказываюсь еще отъ нее — написать книжку о грибахъ и объ удовольствіи брать ихъ.

щать его, но мысленно не соглашались. Мать моя, живя въ деревнѣ, деревенской жизни не вела. Она занималась дѣтьми, чтеніемъ книгъ и дѣятельною перепискою съ прежними знакомыми, по большой части замѣчательными людьми, которые, бывъ только временными жителями или посѣтителями Уфы, навсегда сохранили къ моеѣ матери чувства почтительной дружбы. Она любила также читать медицинскія книги; «Домашній лечебникъ» Бухана былъ ея авторитетомъ. Къ медицинскимъ книгамъ она подучила привычку, находясь нѣсколько лѣтъ при постели своего больного отца; она имѣла домашнюю аптеку и лечила сама больныхъ, не только своихъ, но и чужихъ, а потому больныхъ не мало съѣзжалось изъ окружныхъ деревень; отецъ мой въ этомъ добромъ дѣлѣ былъ ея дѣятельнымъ помощникомъ. Домашнимъ хозяйствомъ она почти не занималась.

Наступила осень, одно удовольствіе исчезало въ слѣдъ за другимъ; дни стали коротки и сумрачны; дожди, холодъ загнали всѣхъ въ комнаты; больше сталъ я проводить время съ матерью, больше сталъ учиться, то-есть, писать и читать вслухъ. Впрочемъ, въ долгіе вечера, читалъ отецъ и даже сама мать—читала же она необыкновенно хорошо. Хотя отецъ мой не былъ приученъ къ чтенію смолodu въ своемъ семействѣ (у дѣдушки Степана Михайлыча и бабушки Аришты Васильевны водились только календари, да какія-то печатныя брошюры «о Гарлемскихъ капляхъ» и «Александръ долгой жизни»), но у него была природная склонность къ чтенію, чему доказательствомъ служить огромное собраніе пѣсенъ и разныхъ тогдашнихъ стихотворень, переписанныхъ съ печатнаго его собственною рукою, сохраняющагося у меня и теперь. Моя мать усвѣла развить эту склонность, и потому чтенія по вечерамъ производились ежедневно съ общимъ интересомъ. Я съ жи-

вѣйшимъ удовольствіемъ вспоминаю эти вечера, при которыхъ всегда присутствовала и тетушка Евгенія Степановна; литературное удовольствіе подкрѣплялось кедровыми и каменными русскими орѣхами, которые были очень вредны для моей матери, но которые она очень любила: являлся на сцену мѣдный ларецъ съ лакомствомъ и приносились щипчики и пестики для раздавливанья и для разбиванья орѣховъ (*). Какъ скоро чтеніе возбуждало мое любопытство, то это надбавочное удовольствіе становилось мнѣ очень непріятно, потому что развлекало и мѣшало слушать. — Когда моя мать чувствовала себя лучше обыкновеннаго и находилась въ пріятномъ расположеніи духа, то бывала увлекательно весела, много смѣялась и другихъ заставляла смѣяться. Особенно романъ «Франчишко Петровичю» и «Приключенія Нлыи Бенделя», какъ глупымъ содержаніемъ, такъ и нелѣпымъ и безграмотнымъ переводомъ на русской языкъ, возбуждали сильный смѣхъ, который, будучи подстрекаемъ живыми и остроумными выходками моей матери, до того овладѣвалъ слушателями, что всѣ буквально валялись отъ хохота — и чтеніе надолго прерывалось; но попадались иногда книги, возбуждавшія живое сочувствіе, любопытство и даже слезы въ своихъ слушателяхъ.

Наступленіе зимы, съ ея первыми порошами и легкими морозами, на нѣкоторое время опять дало мнѣ возможность предаваться моимъ охотамъ. По порошамъ сходили зайцевъ, русаковъ и бѣляковъ. Отецъ бралъ меня съ собою,

(*) Судьба этого мѣднаго ларца достойна вниманія. Мать принесла его въ приданое въ 1788-мъ году, съ ленточками, позументиками, кружевцами; въ девяностыхъ годахъ и даже въ 1801-мъ году онъ наполнялся каменными орѣхами; въ 1807-мъ году въ немъ лежало болѣе ста тысячъ рублей деньгами и векселями, и на большую сумму брилліантовъ и жемчуговъ, а теперь онъ стоитъ подъ письменнымъ рабочимъ столомъ моего сына, набитый старшими грамотами.

и мы въ сопровожденіи толпы всякаго народа, обметывали тенетами лежащаго на логовъ зайца, почти со всѣхъ сторонъ; съ противоположнаго края, съ крикомъ и воплями бросалась вся толпа, и испуганный заяцъ всакивалъ и попадалъ въ разставленные тенета. Я также бѣгалъ, шумѣлъ, кричалъ и горячился, разумѣется больше всѣхъ. Я очень любилъ эту забаву и любилъ толковать о ней съ моимъ отцомъ. Когда мать моя бывала чѣмъ-нибудь занята, и я мѣшалъ ей своими вопросами и докуками, или когда она бывала нездорова, то обыкновенно посылала меня къ отцу, прибавляя: «Поговори съ нимъ объ зайчикахъ» — и у насъ съ отцомъ начинались безконечныя разговоры. — Но кромѣ охоты за зайцами, у меня была большая охота ставить поставушки на маленькихъ звѣрковъ: хорьковъ, горнастаевъ и ласокъ. Спятыя шкурки пойманныхъ звѣрковъ, гладкія и красивыя, висѣли, какъ трофеи, у моей кровати. Но скоро глубокіе снѣга начали засыпать сугробами землю, забунсывали бураны, и всѣ мои охоты рѣшительно прекратились. Странное и печальное зрѣлище зимній буранъ, не только въ степи, но и въ тепломъ жильѣ! Занесетъ окна, надуетъ снѣгу даже въ сѣни, замететъ всѣ дорожки отъ дома въ людскія избы, такъ что надобно отрывать ихъ лопатами — въ десяти саженьяхъ не видать строенія, въ десяти шагахъ не видать человѣка! Наконецъ павалить такія снѣжныя громады, что кажется никогда онѣ не растаютъ — и уныніе невольно овладѣваетъ душой! Въ столицахъ не могутъ имѣть понятія объ этомъ, но деревенскіе жители меня понимаютъ и сочувствуютъ мнѣ. Я окончательно заключился въ стѣнахъ дома и никакъ не могъ упротить мою мать, чтобъ меня отпускали съ отцомъ, который ѣзжалъ иногда на *язы* (около Москвы называютъ ихъ *завищами*), то-есть, на такія мѣста рѣчки, которыя съ одной стороны загораживались плетнемъ или колыями,

а въ серединѣ которыхъ вставлялись плетенныя морды (нерота, верши, по московски). Около Святокъ и даже раньше, начинали попадать въ нихъ налимь, иногда очень крупныя. Привезуть бывало ихъ, оконченъвшихъ отъ сильнаго мороза, вывалить въ большое корыто съ водою, и мраморныя, темнозеленыя, пузатыя налимь оттаютъ понемногу, начнутъ плескаться, пошевеливая мягкими своими хвостами, опущенными мягкими перьями. Долго не отходилъ я отъ корыта, любуясь ихъ движеніями и отскакивая всякій разъ, когда летѣли водяныя брызги отъ ихъ плесъ или хвостовъ. У отца моего много сидѣло налимь въ большихъ плетеныхъ сажелкахъ—и вкусная налимья уха и еще вкуснѣйшіе шпроги съ налимьими печенками, почти всякой день бывали у насъ на столѣ, покуда все такъ не наскучивали, что никто не хотѣлъ ихъ ѣсть. Тогда начинали налимь готовить изрядка и окончательно уже не употребляли въ продолженіе Великаго поста.

По той же самой причинѣ, что моя мать была горожанка, какъ я уже сказалъ, и также потому, что она провела въ угнетеніи и печали свое дѣтство и раннюю молодость, и потомъ получила, такъ сказать, нѣкоторое внѣшнее прикосновеніе цивилизаціи отъ чтенія книгъ и отъ знакомства съ *тогдашними* умными и образованными людьми, прикосновеніе всегда возбуждающее какую-то гордость и неуваженіе къ простонародному быту,—но все это въ совокупности, моя мать не понимала и не любила ни хороводовъ, ни свадебныхъ и подблюдныхъ пѣсень, ни святочныхъ игръ, даже не знала ихъ хорошенько. Съ большимъ трудомъ уступала она иногда просьбамъ тетки: позволить мнѣ посмотреть на нихъ; тетка же, какъ деревенская дѣвушка, все это очень любила; она устраивала иногда святочные игры и пѣсни у себя въ комнатѣ, и сладкіе чарующіе звуки пародныхъ род-

ныхъ напѣвовъ, долетая до меня изъ третьей комнаты, пріятно волновали мое сердце и погружали меня въ какое-то непонятное раздумье. Мнѣ было очень досадно, что не позволяли не только самому участвовать, но даже присутствовать на этихъ играхъ и, вслѣдствіе такого строгаго запрещенія, меня соблазнили наконецъ обманывать свою умную и такъ горячо любимую мать. Разумѣется, я сначала просился и приставалъ съ вопросами къ моей матери: для чего она не пускаетъ меня на игрища? Мать отвѣчала мнѣ рѣшительно и строго: «что тамъ бываетъ много глупаго, гадкаго и неприличнаго, чего мнѣ ни слышать, ни видѣть не должно, потому что я еще дитя, не умѣющее различать хорошаго отъ дурнаго.» А какъ я ничего дурнаго не видѣлъ, или видя не понималъ въ чемъ оно состоитъ, то повиновался не охотно, безъ внутренняго убѣжденія, даже съ неудовольствіемъ. Тетка же моя, съ своими сыновыми дѣвчушками, говорили совсѣмъ другое; онѣ утверждали, «что у матери моей такой уже нравъ, что она всѣмъ недовольна и что все деревенское ей не нравится, что отъ того она нездорова, что ей самой не весело, такъ она хочетъ, чтобъ и другіе не веселились.» Такія слова вкрадчиво западали въ мой дѣтскій умъ, и слѣдствіемъ того было, что одинъ разъ тетка уговорила меня посмотреть игрища тихонько, и вотъ какимъ образомъ это сдѣлалось: во все время Святковъ мать чувствовала себя или не совсѣмъ здоровою, или не совсѣмъ въ хорошемъ расположеніи духа; общаго чтенія не было, но отецъ читалъ моей матери какую-нибудь скучную или извѣстную ей книгу, только для того, чтобъ усыпить ее, и она послѣ чая, всегда подаваемого въ шесть часовъ вечера, спала часа по два и болѣе. Я въ это время уходилъ къ теткѣ. Въ одинъ изъ такихъ удобныхъ часовъ, она угово-

рила меня посмотреть игрища, и завернувъ съ головой въ шубу и отдавъ на руки здоровенной своей дѣвкѣ Матрени, отправилась со мной въ столярную избу, гдѣ ожидала насъ, перереженная въ медвѣдей, индѣекъ, журавлей, стариковъ и старухъ, вся дѣвчья и вся молодая дворян. Не смотря на салыные вонючіе огарки, даже дымную лучину, плохо освѣщавшую просторную избу, не смотря на душный мѣфитическій воздухъ, сколько было истинной веселости на этихъ деревенскихъ игрищахъ! Чудные голоса святочныхъ пѣсень, уцѣлѣвшіе звуки глубокой древности, отголоски невѣдомаго міра, еще хранили въ себѣ живую обаятельную силу и властвовали надъ сердцами неизмѣримо далекаго потомства! Какимъ-то хмелемъ веселья, опьянѣніемъ радости проникнуты были все. Взрывы звонкаго, дружнаго смѣха часто покрывали и пѣсни и рѣчи. Это были не актеры и актрисы, представляющіе кого-то, для удовольствія другихъ, — себя выражали одушевленные пѣсеницы и плясуньи, себя тѣнили онъ отъ избытка сердца, и каждый зритель былъ увлеченное дѣйствующее лице. Все пѣло, плясало, говорило, хохотало — и въ самомъ разгарѣ, въ чадѣ шумнаго общаго веселья, тѣ же сильныя руки завертывали меня въ шубу и стремительно уносили изъ волшебнаго сказочнаго міра... Долго я не засыпала въ эти ночи и долго странные образы плясали и пѣли вокругъ меня и не разставались со мною даже въ сновидѣніяхъ (*).

(*) Я помню одну драматическую святочную игру, съ особенною пѣсней и пляскою, которая, какъ я слышу теперь, уже вышла изъ памяти народной въ той губерніи, гдѣ я видѣла ее: по срединѣ избы, на скамьѣ или чурбанѣ, сидитъ старикъ (разумѣется кто-нибудь перереженный), молодая его жена въ кокошникѣ и фатѣ, ходи вокругъ и приплясывая, поетъ жалобу на дряхлость мужа, хорь ей подтягиваетъ. Пронзвъ куплетъ, кажется изъ восьми стиховъ, изъ которыхъ я помню два начальные во всѣхъ куплетахъ:

Въ первый разъ я былъ увлеченъ въ этотъ обманъ внезапно, почти насильно, и по возвращеніи домой долго не смѣлъ смотрѣть прямо въ глаза моеѣ матери; но очаровательное зрѣлище такъ меня плѣнило, что въ другой разъ я охотно согласился, а потомъ и самъ сталъ приставать къ моеѣ теткѣ и проситься на игрища.

Наконецъ переломилась жестокая зима и унялись трескучіе морозы. У насъ не было тогда термометровъ, и я не могу сказать до сколько градусовъ достигала стужа, но помню, что птица мерзла и что мнѣ приносили воробьевъ и галокъ, которые на лету падали мертвыми и мгновенно коченьли: некоторымъ теплота возвращала жизнь. Вообще я долженъ замѣтить, что зимы во время моего дѣтства и ранней молодости, были гораздо холоднѣе нынѣшнихъ, и это не стариковскій предразсудокъ; въ бытность мою въ К., до начала 1807-го года, два раза замерзала ртуть, и мы ковали ее какъ разогрѣтое желѣзо. Теперь уже въ К. это сдѣлалось преданіемъ старины. X

Начало пригрѣвать солнышко, начала лосниться дорога, пришла Масляница и началось катанье съ горъ. Въ общественныхъ катаніяхъ, къ-сожалѣнію моему, мать также

Охъ ты гѣре мое, гореванье

Ты тяжелое мое воздыханье,

жена подходитъ къ мужу и посылаетъ его пахать яровую пашню, Старикъ кашляетъ, стонетъ и дребезжащимъ голосомъ отвѣчаетъ: «моченьки нѣтъ.» Зрители хохочутъ. Молодая женщина опять поетъ вместе съ хоромъ новый куплетъ, ходя и приплясывая кругомъ старика. Такимъ образомъ перебираются все полевые работы, и на все приглашенія: сѣять, пахать, косить, жать и проч. старикъ отвѣчаетъ словами: «моченьки нѣтъ», разнообразя отказы прибаутками и оханьемъ. Наконецъ жена поетъ послѣдній куплетъ, въ которомъ говорится, что все добрые люди убрались съ полей и принялись варить пиво; потомъ подходитъ къ мужу и зоветъ его къ сосѣду: «бракки испить.» Старикъ проворно вскакиваетъ, бодро отвѣчаетъ: «пойдемъ, матушка, пойдемъ» и бѣжитъ стариковскою рысью, утаскивая за руку молодую жену. Громкой веселый хохотъ зрителей заключаетъ эту игру.

не позволяла мнѣ участвовать, и только катаясь съ сестрицей, а иногда и съ маленькимъ братцомъ, проѣзжая мимо, съ завистию посматривала я на толпу деревенскихъ мальчишковъ и дѣвочекъ, которые, раскрасившись отъ движенія и холода, смѣло лезли съ высокой горы, прямо отъ гуща, на маленькихъ салазкахъ, кошькахъ и ледянкахъ: ледянки были ничто иное, какъ старыя рѣшета, или круглыя лубочныя лукошки, подмороженныя снизу такъ же, какъ и коньки. Шумный говоръ и смѣхъ раздавался въ бодрой, веселой толпѣ, часто одѣтой въ фантастическіе костюмы, особенно, когда лезли вверхъ ногами наѣздники съ высокихъ коньковъ, или, быстро вертясь, опрокидывалась ледянка съ какой-нибудь дѣвченкой, которая начинала визжать за долго до крушенія своего экипажа. Какъ мнѣ хотѣлось туда — въ этотъ шумъ, говоръ и смѣхъ... и какъ послѣ этого зрѣлища, казалось мнѣ скучнымъ уединенное катанье съ ледяной горки, устроенной въ саду передъ окнами гостиной, и только одно меня утѣшало, что моя милая сестрица каталась вмѣстѣ со мной.

Съ наступленіемъ Великаго поста оканчивались все зимнія, очень не многія, удовольствія. Нельзя сказать, чтобъ Великій постъ проходилъ у насъ въ постѣ и молитвѣ. Мать моя постовъ не держала по нездоровью, я конечно постничала, отецъ мой, хотя не ѣлъ скоромнаго въ Успенскій и Великій постъ, но при изобильномъ запасѣ уральской красной рыбы, замороженныхъ селедкихъ стерлядей, свѣжей икры и живыхъ налимовъ — его постный столъ былъ гораздо лакомѣе скоромнаго. Церкви у насъ еще не было и ближайшая находилась въ девяти верстахъ въ селѣ: «Мордовской Бугурусланъ.» Священникъ былъ какъ-то не расположенъ къ намъ, и мы ѣзжали туда только по самымъ большимъ праздникамъ. Вообще,

должно сказать, что у насъ домъ былъ, не то что не богомольный, но мало привычный къ слушанью церковной службы, что почти всегда бываетъ, при отдаленности церкви. И такъ Великій постъ провелъ я въ обыкновенныхъ, несколько усиленныхъ, учебныхъ занятіяхъ. Ученица моя уже не печалила, а радовала меня своими успѣхами. Я игралъ съ ней въ куклы, строилъ городки изъ чурочекъ, а иногда читывалъ и растолковывалъ ей дѣтскія сказочки.

Мать моя постоянно была чѣмъ-то озабочена и даже иногда разстроена; она несколько менѣе занималась мною, и я, болѣе преданный спокойному размышленію, потрясенный въ моей дѣтской безопасности жизнью въ гимназіи, не забывшій новыхъ впечатлѣній и по возвращеніи къ деревенской жизни, — я уже не находилъ въ себѣ прежней беззаботности, прежняго увлеченія въ своихъ охотахъ, и съ большимъ вниманіемъ сталъ вглядываться во все, меня окружающее, сталъ понимать кое-что, до тѣхъ поръ не замѣчаемое мною... и не такъ свѣтлы и радостны показались мнѣ некоторые предметы. Чувство, неиспытанной мною до тѣхъ поръ, особеннаго рода грусти, стало примышляться ко всемъ моимъ любимымъ занятіямъ, ко всемъ забавамъ... Я не буду распространяться объ этомъ печальномъ обстоятельстве, но я долженъ упомянуть о немъ, потому что иначе было бы нельзя понять, отъ чего, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, жизнь въ Аксаковѣ уже не казалась мнѣ прежнимъ свѣтлымъ раемъ, а вторичное поступленіе въ гимназію, особенно ученикомъ своскошнымъ — не представлялось страшнымъ событіемъ.

Зима стояла долгая и упорная. Весна медленно вступала въ права свои, и только въ исходѣ апрѣля, теплота въ воздухѣ, дождь и вѣтеръ дружно напали на страшныя громады снѣговъ и въ одну недѣлю разрушили ихъ. Во

время Пасхи стояла совершенная распутица, и мы не ездили даже къ заутрени великаго праздника. Всю Светлую недѣлю провелъ я не весело: мать была нездорова и печальна, отецъ молчаливъ; онъ постоянно сидѣлъ за бумагами по тяжёлому дѣлу съ Богдановыми, о какомъ-то наследствѣ; это дѣло онъ выигралъ вносудствѣн. Отецъ всякой день ходилъ на мельницу наблюдать прибыль воды. Однажды, воротясь неожиданно скоро домой, онъ сказалъ мнѣ: «проснись, Сережа, у матери, сейчасъ будемъ спускать воду.» Я побѣжалъ проснись и въ этотъ разъ счастливѣе прежнихъ разовъ; мать отпустила меня, принявъ нѣкоторыя предосторожности, чтобы я не промочилъ ногъ и не простудился. На длинныхъ крестьянскихъ дрогахъ доехали мы до мельницы; на плотинѣ дожидались насъ крестьяне съ разными орудіями. Русскою народъ любитъ смотреть на движеніе воды, и все населеніе Аксакова сбѣжалось поглядѣть, какъ будутъ спускать прудъ. Заводскихъ вешняковъ съ деревянными запорами у насъ еще не заводилось, и отверстіе въ плотинѣ, то есть вешнякъ, для спуска полой воды, ежегодно заваливали на глухо. Прудъ надулся и весь поспиглъ, ледъ поднялся, нетрескался и отсталъ отъ береговъ, материкъ давно прошелъ и вода едва помещалась въ каузь. Топорами, пѣшными и желѣзными лопатами разрубили мерзлую плотину по обимъ краямъ прошлагодняго вешняка, и едва своротили верхній слой въ аршинъ глубины, какъ вода хлынула и, не нуждаясь болѣе въ человеческой помощи, такъ усильно прижалась за дѣло, что въ пол-часа разчистила себѣ дорогу до самаго материка земли. Яростно устремилась мутная волна и въ одну минуту образовалась сильная рѣка, которая не уместилась въ новенькой канавкѣ и затопила окружныя мѣста. Радостными восклицаніями приветствовали народъ вырвавшуюся на

волю изъ зимняго плѣна, любимую имъ стихію; особенно кричали и взвизгивали женщины—и все это, мѣшаясь съ шумомъ круто падающей воды, съ трескомъ осѣдающаго и ломающагося льда, представляло полную жизни картину.... и еслибъ не прислали изъ дому сказать, что давно пришла пора объдать, то кажется мы съ отцемъ простояли бы тутъ до вечера.

На другой день поутру, мы опять поѣхали на плотину и нашли уже тамъ другое, такъ же шумное и веселое зрѣлище. Первые бурные порывы воды нѣсколько усмирились, прудъ значительно сбѣжалъ, мелкія глыбы льда разбились о сван и пронеслись, а большія съли на дно, по обмельвшимъ мѣстамъ. По сухому почти мѣсту, гдѣ текла теперь цѣлая рѣка изъ-подъ вешняка, были заранѣе вкочлены толстые невысокіе колья; къ этимъ кольямъ, входя по поясъ въ воду, привязывали или надвѣвали на нихъ петлями морды и хвостуши; рыба, которая скатывалась внизъ, увлекаемая стремленіемъ воды, а еще болѣе рыба, поднимавшаяся вверхъ по рѣкѣ до самаго вешняка, сбиваемая назадъ силою падающихъ волнъ,—попадала въ морды и хвостуши. То и дѣлю, мокрые крестьяне, дрожа отъ холода, но въ тоже время перекидываясь шутками и громкими восклицаніями, вытаскивали на берегъ свою добычу, а бабы, старики, старухи, мальчишки и дѣвчонки таскали ее домой въ лукошкахъ и рѣшетахъ, а иногда и просто въ подолахъ своихъ рубашекъ. Выбравъ нѣсколько крупныхъ рыбъ, мы отправились домой. Мать моя была не довольна, что мы такъ замѣшкались, и не скоро позволила я позволеніе побывать на мельницѣ.

Въ короткое время исчезли все признаки зимы, одѣлись зеленою кусты и деревья, выросла молодая трава, и весна явилась во всей своей красотѣ. Попрежнему населены нашъ садъ всякими пѣвчими птичками, зорьками и малиновками, особенно любившими старые смородинные и бар-

барисовые кусты, опять запѣли соловьи, и опять стали передразнивать ихъ варакушки. Проведя прошлогоднюю весну въ тюремномъ заключеніи, въ тѣсной больничной комнатѣ, казалось бы, я долженъ былъ съ особеннымъ чувствомъ наслажденія встретить весну въ деревнѣ; но у меня постоянно ныло сердце, и хотя я не понималъ хорошенько отъ чего это происходило, но тѣмъ не менѣе все мои удовольствія, которыми, повидимому, я попрежнему предавался, были отравлены грустнымъ чувствомъ.

Еще зимой, отецъ мой задумалъ сдѣлать на плотинѣ, такъ называемый, заводскій вешнякъ съ запорами и построить хорошую мельницу. Онъ нанялъ для этого какого-то *сержанта* мельника, Краснова, великаго краснбая и плута, что все оказалось въ послѣдствіи. Весь Великій постъ заготовляли наши крестьяне лѣсной матеріалъ: крупныя и мелкія бревна, сѣгн, переводыши, лежни и сваи, которыхъ почему-то понадобилось великое множество, и сейчасъ по слитіи полои воды принялись разрывать плотину и рубить новый вешнякъ на другомъ мѣстѣ; въ то же время наемные плотники начали бить сваи и потомъ рубить огромный мельничныи амбаръ, также на другомъ мѣстѣ, въ которомъ должны были помѣщаться шесть мукомольныхъ поставовъ: толчея находилась въ особомъ пристроѣ. Работы продолжались почти во все лѣто. Отецъ мой съѣзжо въѣзжалъ Краснову, и хотя старый мельникъ Болтуненокъ и нѣкоторые крестьяне, разумюшіе нѣсколько мельничное устройство, изиодтишка ухмылялись и покачивали головами, но на вопросы моего отца: «каковъ Красновъ-то, какъ разумеетъ свое дѣло? нарисовать весь планъ на бумагѣ и по одному глазомъру бить сваи и все приходится по своимъ мѣстамъ?» всегда отвѣчали съ простодушнымъ лукавствомъ русскихъ людей: «боекъ, батюшка, боекъ. Что и говорить, мастеръ своего

дьян! Все раскинуть въ умъ и все приходится, какъ быть надо. Только не знай какъ-то будетъ мельница молотъ: вода-то пойдетъ по канавъ чай тихо, не то что прямо изъ материка, да какъ бы зимой промерзать не стала?» Но Красновъ улыбался на мужичьи замѣчанья и съ такой самоуверенностью опровергалъ ихъ, что отцу моему и въ голову не входило ни малѣйшаго сомнѣнiя въ успѣхъ. Я также слушаю съ благоговѣнiемъ краснорѣчиваго Краснова. Между тѣмъ постройка требовала, чтобы прудъ былъ спущенъ, и въ пруду открылось такое уженье, какого не видывали до тѣхъ поръ, да и послѣ не видали. Вся прудовая рыба скатилась въ трубу, то есть, въ материкъ рѣки. Рыбы было столько, какъ въ кострюль съ доброй ухой. Началось баснословное уженье. Я съ Евсеньемъ не сходилъ съ пруда и нигдѣ уже больше не удить; даже отецъ мой, удивнiй очень рѣдко за недоугодомъ, могъ теперь удить съ утра до вечера, потому что большую часть дня долженъ былъ проводить на мельницѣ, наблюдая надъ разными работами: онъ имѣлъ полную возможность удить, не выпуская изъ глазъ всѣхъ построекъ и осматривая ихъ отъ времени до времени. Головли, лзи, лни, окуни, щуки и крунная плотва (фунта по три и больше) брали безирестанно и во всякое время дня. Величина рыбы зависѣла отъ величины насадки: кто насаживалъ огромные куски, у того брала огромная рыба. Я помню, что мой отецъ, который особенно любилъ удить окуней и щукъ, навязывалъ по два крючка на одну лесу, насаживалъ крючки мелкой рыбешкой и таскалъ по два окуня вдругъ, и даже одинъ разъ окуня и щуку. Впрочемъ щукъ ловили бѣльшею частью на жерлницы, насаживая порядочными окунями и плотницами, и перьдко попадались полудюровыя щуки. Само собою разумѣется, что не смотря на толстыя леси: и крючки, безъ умьня удить и безъ по-

мощи сачка. самая крупная рыба часто срывалась ломала удилица и крючки и рвала лесы. Евсень мой, который и въ старости часто смѣшилъ меня своей горячностью на ужень, болѣе всехъ подвергался несчастнымъ потерямъ, а по его милости и я часто терялъ крупную рыбу. потому что безъ его помощи не могъ ее вытащить. а помощъ его почти всегда была вредна. Самый сильный ловъ продолжался съ весны до половины поля, а потомъ крупная рыба перестала брать: я разумно изей, головлей и линей; остальная же вся брала превосходно, но вѣроятно и они бы брали. если бь тогда была известна насадка цѣлыхъ личинокъ раковъ.

Въ теченіе всего этого года, моя мать постоянно переписывалась каждый мѣсяць съ Васильемъ Петровичемъ Упадышевскимъ. Въ этотъ годъ много посѣдовало перемѣнъ въ К. гимназін: директоръ Пекенъ и главный надзиратель К—въ вышли въ отставку; должность директора исправлять старшій учитель Русской песторіи. Илья Федорычъ Яковкинъ, а должность главнаго надзирателя — Упадышевскій. Переговоря съ новымъ директоромъ и инспекторомъ, Василій Петровичъ уведомили, что я могу теперь, если моимъ родителямъ угодно, не вступать въ казенные гимназисты, а поступить своекоштнымъ и жить у кого-нибудь изъ учителей; что есть двое отличныхъ молодыхъ людей: Иванъ Ипатьчъ З. и Григорій Пванычъ К., оба изъ Московскаго университета, которые живутъ вмѣстѣ, занимаютъ большой домъ, берутъ къ себѣ пансіонеровъ, содержатъ ихъ отлично хорошо и плату полагаютъ умеренную. Отецъ и мать очень обрадовались такимъ извѣстіямъ; особенно тому, что провашился К—въ, и хотя платитъ за меня по триста рублей

въ годъ и издерживать рублей по двести на платье, книги и дядьку, было для нихъ очень тяжело, но они рѣшились для моего воспитанія войти въ долги, которыхъ и безъ того имѣли двѣ тысячи рублей асс. (тогда эта сумма казалась долгами!), — и только въ ожиданіи будущихъ благъ отъ Надежды Ивановны Куровдовой, отважились на новый заемъ. Курсъ ученія начинался въ гимназій съ 15-го, а пріемъ съ 4-го августа. — И такъ было положено въ исходъ іюля отправиться въ К. Такое рѣшеніе принялъ я почти спокойно, потому что внутреннее состояніе моего духа стало тяжелѣе и больше. Но когда сборы были кончены, назначенъ день отъѣзда — мнѣ стало такъ жаль Аксакова, что вдругъ все въ немъ получило въ глазахъ моихъ прежнее цѣну и прелесть, даже можетъ быть бѣольшую. Мнѣ казалось, что я никогда его не увижу, и потому я прощался съ каждымъ строеніемъ, съ каждымъ мѣстомъ, съ каждымъ деревомъ и кустикомъ, и прощался со слезами. Я раздарилъ все мое богатство: голубей отдалъ я повару Степану и его сыну, кошку подарилъ Сергѣевнѣ, жещъ нашего слѣпаго повѣреннаго Пантелея Григорьевича, необыкновеннаго дѣльца и знатока въ законахъ; мои удочки и поставушки роздалъ дворовымъ мальчикамъ, а книжки, сухіе цвѣты, картинки и проч. отдалъ моеѣ сестрицѣ, съ которой въ этотъ годъ мы сдѣлались такими друзьями, какими только могутъ быть девятилѣтняя сестра съ одиннадцатилѣтнимъ братомъ. Разлука съ ней была для меня очень прискорбна, и я упростилъ мать взять мою сестрицу съ собой. Мать сначала противилась моимъ просьбамъ, но наконецъ уступила.

Должно упомянуть, что за недѣлю до нашего отъѣзда была пущена въ ходъ новая мельница. Увы, оправдалась сомнѣнія Болтуnenка и другихъ: вода точно шла тише по

обводному каналу и не поднимала шести поставовъ; даже на два, молота несравненно тише прежняго. Отецъ мой, разочарованный въ искусство Краснова, прогналъ его и поручилъ, хоть кое-какъ поправить дѣло старому мельнику.

Наконецъ, 26-го июля, таже просторная карета, запряженная тѣмъ же шестерикомъ, съ тѣмъ же кучеромъ и форрейторомъ — стояла у крыльца; такая же толпа дворовыхъ и крестьянъ собралась провожать господъ; отецъ съ матерью, я съ сестрой и Нараша помѣстились въ экипажъ, Евсеевъ сѣлъ на козлы, Федоръ на запятки, и карета тихо тронулась отъ крыльца, на которомъ стояла тетушка Евгенья Степановна, нянька съ моимъ братомъ и кормилица на рукахъ съ меньшей сестрой моей. Толпа крестьянъ и дворовыхъ провожала насъ до околицы, осыпая прощаньями, благословеньями и добрыми желаньями. Дорога шла до Крутца вдоль пруда, по которому уже плавали черныя лысухи, и надъ которымъ уже висѣла стая бѣлыхъ и пестрыхъ мартышекъ, или чашекъ. Какъ я завидывалъ каждому деревенскому мальчику, которому никуда не надо было ѣхать, ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не разлучаться, который оставался дома и могъ теперь съ своей удочкой сѣсть гдѣ-нибудь на плотинѣ, и подъ густой тѣнью ольхи удить беззаботно окуней и плотву! Онъ оставался полнымъ спокойнымъ хозяиномъ широкаго пруда, на этотъ годъ не заросшаго камышами и травами, потому что былъ съ весны долго спущенъ.—Фыркали и горячились застоявшіеся кони; но сильныя привычныя руки кучера осаживали ихъ и долго заставляли идти шагомъ. Въ каретѣ все казались печальны и молчали. Я высунулся изъ окна и глядѣлъ на милое Аксаково до тѣхъ поръ, пока оно не скрылось изъ глазъ, и тихія слезы катились по моимъ щекамъ.

Г И М Н А З І Я.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

Г И М Н А З І Я .

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

Пріѣхавъ въ К. (1801 года), мы не остановились уже у капитанши Аристовой, а наняли себѣ квартиру получше; не помню на какой улицѣ, но помню, что мы занимали цѣлый отдѣльный домикъ, принадлежавшій кажется г. Чертову. Василій Петровичъ Упадышевскій незамедлилъ къ намъ явиться. Весь его встрѣтили, какъ близкаго роднаго, благодѣтеля и друга. Онъ разсказалъ намъ, что Яковкинъ до сихъ поръ только исправляетъ должность директора гимназіи, и что ходятъ по городу слухи, будто директоромъ будетъ богатый тамошній помѣщикъ Л., и что теперь самое удобное время помѣстить меня въ гимназію своекоштнымъ ученикомъ, потому что Яковкинъ и весь советъ на это согласенъ, и что, можетъ быть, будущій директоръ посмотритъ на это дѣло иначе и заупрямится. Упадышевскій очень хвалилъ двухъ старшихъ учителей, поступившихъ уже давно въ гимназію изъ Московскаго университета: Ивана Ипатьча З., преподававшаго физику, и Григорія Иваныча К., преподававшаго чистую математику. Онъ превозносилъ ихъ умъ, ученость и скромность поведенія. Они были дружны между собою,

жили вмѣстѣ въ прекрасномъ каменномъ домѣ и держали у себя семерыхъ воспитанниковъ, своскоштныхъ гимназистовъ: Рычкова, двухъ Скуридиныхъ, А—ва и троихъ Манасенныхъ; содержали и кормили ихъ очень хорошо и прилежно наблюдали за ихъ ученіемъ въ классахъ. Они не принимали болѣе воспитанниковъ; но Упадышевскій разсказалъ мнѣ мою исторію и столько наговорилъ добраго обо мнѣ и моемъ семействѣ, что молодые люди, убѣжденные его просьбами, согласились сдѣлать исключеніе для моей матери и принять меня въ число своихъ воспитанниковъ. Отецъ поѣхалъ со мной къ Яковкину, и получивъ его согласіе опредѣлить меня въ своскоштные гимназисты, отправился, также вмѣстѣ со мной, къ Ивану Пнатычу З. и Григорію Иванычу К. Вездѣ приняли насъ очень благосклонно; но Григорій Иванычъ объявилъ, что я могу поступить собственно къ его товарищу З., потому что они воспитанниковъ раздѣлили; что трое старшихъ находятся непосредственно подъ его наблюденіемъ, что его воспитанники, черезъ годъ кончивъ курсъ гимназическаго ученія, должны оставить гимназію, для поступленія въ службу, и что онъ, Григорій Иванычъ, тогда будетъ жить особо и воспитанниковъ имѣть не хочетъ. Иванъ Пнатычъ съ удовольствіемъ согласился меня принять. Для моего отца было все равно, кто бы ни взялъ меня; онъ только убѣдительно просилъ обоихъ молодыхъ людей познаться съ моей матерью. На другой день они пріѣхали къ намъ. Съ перваго взгляда Григорій Иванычъ чрезвычайно понравился моей матери, и она очень огорчилась тѣмъ, что я буду жить не у него. Отцу же моему и мнѣ гораздо болѣе понравился Иванъ Пнатычъ, который показался намъ приветливѣе, добрѣе и словоохотивѣе своего серьезнаго товарища. На все ласковыя убѣжденія моей матери, что разлучаться друзьями не на-

добно, а лучше жить вместе и помогать другъ другу въ исполненіи такихъ святыхъ обязанностей,—Григорій Иванычъ очень твердо отвѣчалъ, что считаетъ эту обязанность слишкомъ важною и тяжелою, что ответственность за воспитаніе молодыхъ людей, если не передъ родителями ихъ, то передъ самимъ собою, ему не подъ силу и мѣшаетъ заниматься наукой, въ которой онъ самъ еще ученикъ. Отвѣтъ былъ высказанъ такъ рѣшительно, что возражать было нечего, да и не ловко. Молодые люди уѣхали, и моя мать, по живости своего характера, очень огорчилась. Будучи всегда слишкомъ страстною въ своихъ увлеченіяхъ, она превозносила до небесъ достоинства Григорія Иваныча и находила много недостатковъ въ его товарищѣ. Последствія доказали, что горячее увлеченіе моею матери не было ошибочно. Иванъ Ипатычъ былъ очень хорошій человекъ, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова; но Григорій Иванычъ принадлежалъ къ небольшому числу тѣхъ людей, нравственная высота которыхъ встрѣчается очень рѣдко, и которыхъ вся жизнь—есть строгое проявленіе этой высоты... Я же радовался отъ всей души, что попаду къ доброму Ивану Ипатычу и стану жить, не съ большими воспитанниками, которые помѣщались особо, а съ своими ровесниками, такими же веселыми и добрыми мальчиками, какъ я. Въ дѣла наши, благодаря участію Унадышевскаго, устроились безъ всякаго затрудненія и черезъ мѣсяць, отенъ, мать и сестрица уѣхали въ Аксаково; но въ продолженіе этого мѣсяца, Григорій Иванычъ, умѣвшій оцѣнить мою мать, часто бывалъ у насъ, хотя считался большимъ домоседомъ, — и прочная, на взаимномъ уваженіи основанная, дружба, доказанная впоследствии многими важными опытами, образовалась между нами.

Вторичная разлука наша съ матерью далеко не сопро-

вождалась такою мучительною горестью, какъ первал. Особенно въ себѣ я замѣтилъ эту разницу и не смотря на мой дѣтскій возрастъ, она поразила меня и заставила грустно задуматься. Но скоро новый образъ жизни поглотилъ все мое вниманіе. Меня помѣстили въ одной комнатѣ съ тремя братьями Манасенными, съ которыми я сейчасъ познакомился хорошо; А—въ же занималъ маленькую особую комнату, возлѣ нашей. Онъ былъ очень богатъ и кажется единственный сынъ у своей матери, вдовы. Не смотря на богатство, которое видно было въ его платьѣ, постели и во всемъ, онъ жилъ очень скупо; въ комнатѣ у него стоялъ огромный сундукъ, окованный желѣзомъ, ключъ отъ котораго онъ носилъ въ карманѣ. Товарищи мои думали, что въ сундукъ хранятся драгоценныя вещи и разныя сокровища; сундукъ возбуждалъ общее любопытство.

Наконецъ я опять увидѣлъ, нѣкогда страшную и противную мнѣ гимназію, и увидѣлъ ее безъ страха и безъ непріятнаго чувства. Я очень этому обрадовался. Я поступилъ опять въ тѣ же нижніе классы, изъ которыхъ большая часть моихъ прежнихъ товарищей перешла въ средніе, и на мѣсто ихъ опредѣлились новые ученики, которые были приготовлены хуже меня; ученики же, не перешедшіе въ слѣдующій классъ, были лѣтяти или безъ способностей, и потому я въ самое короткое время сдѣлался первымъ во всѣхъ классахъ, кромѣ Катихизиса и краткой Священной Исторіи. Священникъ постоянно сохранялъ ко мнѣ какое-то неблагорасположеніе, не смотря на то, что я зналъ свои уроки всегда очень твердо. Замѣчательно, что въ послѣдствіи, когда Упадышевскій спрашивалъ его, отъ чего Аксаковъ, самый прилежный ученикъ вездѣ, не находится у него въ числѣ лучшихъ учениковъ, и что вѣрно онъ не хорошо знаетъ свои уроки—

священникъ отъбчалъ: «Нѣтъ, уроки онъ знаетъ твердо; но онъ не охотникъ до Катихизиса и Священной Исторіи».

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, разсыпались послѣдніе остатки грусти по домъ родительскомъ, по привольному деревенскому житію; я постепенно привыкъ къ своей школьной жизни и завелъ себѣ нѣсколько пріятелей въ гимназіи, и полюбилъ ее. Этой переменѣ много способствовало то, что я только пріѣзжалъ въ гимназію учиться, а не жилъ въ ней. Житіе у Ивана Ппатыча не такъ рѣзко разнилось отъ моеи домашней жизни, какъ безъисходное заключеніе въ казенномъ домъ гимназіи, посреди множества разнородныхъ товарищей.

А—въ, который чуждался меня, и Манасенныхъ, да и всѣхъ въ гимназіи, замѣтивъ мою скромность и смиренность, сталъ со мной заговаривать и приглашать въ свою комнату, даже подчивалъ своими домашними лакомствами, которыя онъ ѣлъ потихоньку отъ всѣхъ; наконецъ сказавъ, что хочетъ показать мнѣ свой сундукъ, только такимъ образомъ, чтобы никто этого не зналъ. Я обрадовался. Воображеніе мое, полное волшебныхъ сказокъ, представляло мнѣ этотъ сундукъ хранилищемъ драгоценныхъ камней, слитковъ золота и серебра. Мы условились съ А—мъ, что я приду къ нему въ комнату, когда всѣ заснутъ. Я такъ и сдѣлалъ въ тотъ же самый вечеръ; Манасенны не заставили меня долго ждать и скоро захрапѣли; я пришелъ къ А—ву, у котораго по почамъ теплилась лампадка передъ большимъ, богато вызолоченнымъ образомъ. Хозяинъ зажегъ свѣчу, заперъ дверь, взялъ съ меня обѣщаніе: никому не сказывать о томъ, что увижу, и бережно отперъ таинственный сундукъ.... Каково было мое удивленіе! Сундукъ оказался набитъ биткомъ гравированными, рисованными и раскрашенными

лубочными картинками! Между ними находились и ландшафты, и портреты, писанные масляными красками. разумеется въ родъ цирюльныхъ вывѣсокъ. Я самъ быть охотникъ до картинокъ; но какъ тутъ я ожидать совѣтъ другаго, то не обращаю на нихъ вниманія и все еще надѣялся, что на днѣ сундука окажется настоящее сокровище; когда же были сняты послѣднiе листы, и голыя доски представились глазамъ моимъ—я невольно воскликнулъ: «Только-то!..» и смутилъ ужасно А—ва, который думать удивить и привести меня въ восхищенiе. Я шопотомъ откровенно разсказалъ ему, что мы все думали объ его сундукѣ. «Вы все дураки», сказалъ съ негодованiемъ А—въ, и почти выгналъ меня. Тѣмъ и кончилась наша ребячья дружба. Черезъ нѣсколько времени, я нарушилъ обѣщанiе и разсказалъ Манасеннымъ, что хранится въ сундукѣ, и мы потомъ не одинъ разъ, подглядывая въ дверныя щели, видѣли, какъ А—въ, запершись на крючекъ, раскладываетъ свои картинки по постели, по столамъ, по стульямъ и даже по полу. Онъ разглядывалъ ихъ, обтиралъ и любовался ими, какъ «Скуной рыцарь» у Пушкина, своими сокровищами; почти каждый день, по большей части ночью, предавался онъ этому наслажденiю цѣлые часы. Мы стали подсмѣиваться надъ А—мъ, разсказали въ гимназiи про его охоту къ картинкамъ — и рѣзвые мальчики не давали ему прохода, требуя, чтобъ онъ дѣлился съ другими своимъ богатствомъ и показывалъ имъ, какъ «мышш погребаютъ кота» или, какъ «Ерусалагъ Лазаревичъ побиваетъ несмытную бусурманскую силу.» А—въ сердился, бранился и даже дрался — ничто не помогало. Наконецъ это такъ надоѣло ему, что онъ написалъ къ своей матери, и она скоро совсѣмъ взяла его изъ гимназiи. Впрочемъ этому могли быть и другiя причины. Недавно я узналъ, что А—въ навсегда остался

большимъ чудакомъ; но это не мѣшаетъ ему имѣть репутацію очень дѣльнаго хозяина.

Первые мѣсяцы послѣ моего поступленія къ Ивану Пнатычу, онъ кое-какъ занимался мною и другими. Все занятіе состояло въ томъ, что онъ предварительно спрашивалъ заданные намъ уроки и училъ читать по французски и по нѣмецки; но мало по малу онъ переставалъ нами заниматься вовсе, и сталъ куда-то отлучаться. Должно сказать правду: ученью нашему были полезны его отлучки, потому что въ его отсутствіе занимался нами Григорій Ивановичъ, гораздо внимательнѣе и лучше своего товарища, и я это очень понималъ. Наконецъ, Евсепчъ сказалъ мнѣ за тайну, что Иванъ Пнатычъ сватаетъ невесту хорошаго дворянскаго рода и съ состояніемъ, что невеста и мать согласны, только отецъ не хочетъ выдать дочери за учителя, бѣдняка, да еще поповича. Это извѣстіе оказалось совершенно справедливымъ.

Директоромъ гимназій точно быть опредѣленъ помѣщикъ М—въ; по своекоштные ученики долго его и въ глаза не знали, потому что онъ посѣщать гимназію обыкновенно въ обѣденное время, а въ классы и не заглядывалъ. — Я учился, ѣздить или ходить въ гимназію весьма охотно. Товарищи ли мои были совсѣмъ другіе мальчики чѣмъ прежде, или я сдѣлался другимъ — не знаю, только я не замѣчалъ этого, несноснаго прежде, приставанья или тормошенья учениковъ; нашлись общіе интересы, родилось желаніе сообщаться другъ съ другомъ, и я сталъ ожидать съ нетерпѣніемъ того времени, когда надо ѣхать въ гимназію. Притомъ надобно и то сказать, что я проводилъ тамъ по большей части классное время, а въ классахъ самолюбіе мое постоянно было ласкаемо похвалами учителей и нѣкоторымъ уваженіемъ товарищей, что однако не мѣшало мнѣ играть и рѣзвиться съ ними во всякое сво-

бодное время и при всякомъ удобномъ случаѣ. Домой я писалъ каждую недѣлю, и каждую недѣлю получалъ самыя нѣжныя письма отъ матери, иногда съ припискою отца. Мать увѣряла меня, что не груститъ, разставшись со мною, а радуется тому, что я такъ хорошо учусь и веду себя, о чемъ пишетъ къ ней Иванъ Ппатычъ и Упадышевскій; я повѣрилъ, что мать моя не груститъ. Во всякомъ письмѣ она свидѣтельствовала почтеніе Ивану Ппатычу и Григорію Иванычу, съ которыми отъ времени до времени переписывалась сама. Такимъ образомъ шли дѣла почти цѣлый годъ, то-есть, до іюня 1802-го года; впродолженіе іюня происходили экзамены, окончившіеся совершеннымъ торжествомъ для моего дѣтскаго самолюбія: я былъ переведенъ во всѣ средніе классы. Въ первыхъ числахъ іюля на актѣ, я получилъ книжку съ золотомъ надписью: «за прилежаніе и успѣхи», и еще похвальный листъ.

За мной давно уже пріѣхала простая кибитка и тройка лошадей съ кучеромъ, и въ день гимназическаго акта, послѣ обѣда, мы съ Евсениемъ отправились въ наше любимое и дорогое Аксаково. Мы ѣхали по той же самой дорогѣ, по которой два года тому назадъ везла меня мать, вырвавъ изъ казенныхъ воспитанниковъ гимназіи, и оставившись даже на тѣхъ же кормежкахъ и почевкахъ. Скоро дыханье природы проникло въ мое существо и выгнало изъ головы моей гимназію, товарищей, учителей, книги и уроки. Послѣ временнаго, какъ будто забвенія или охлажденія, еще горячѣе и уже сознательнѣе полюбилъ я красоты Божьяго міра... Дома вся семья встрѣтила меня съ нѣжною любовью, а радости матери моей — и описать нельзя! Какъ выросла и похорошѣла въ одинъ годъ моя любимая сестрица и какъ обрадовалась мнѣ! Сколько разспросовъ, сколько разказовъ! Между прочимъ

я узналъ отъ нее, что моя мать сначала такъ по мнѣ тосковала, что даже была больна, и мнѣ сдѣлалось какъ-то больно, что я грустилъ въ разлукъ съ ней меньше, чѣмъ прежде.

Всѣ дни ваканціи, которые провелъ я тогда въ Аксаковѣ, слились въ моей памяти въ одинъ прекрасный, радостный день! Я никакъ не могу рассказать, если бы и хотѣлъ, что я дѣлалъ въ эти счастливые дни? Знаю только, что я наслаждался отъ утра до вечера. Всего чаще мелькаетъ въ этомъ роѣ удовольствій удочка, купанье и ястребъ. Мать заставила меня рассказать весь годъ моей гимназической жизни со всеми мельчайшими подробностями, и въ продолженіе разказа часто говорила моему отцу: «Видишь ли, Тимошей Степанычъ, я не ошиблась въ Григоріѣ Иванычѣ. Онъ далекъ отъ Ивана Ипатыча, какъ небо отъ земли. Вотъ кому желала бы я отдать на воспитаніе Сережу, и я буду стараться о томъ изъ всѣхъ силъ». Разказы Евсевича еще болѣе утвердили ее въ этомъ намѣреніи, важность котораго я уже понималъ, и самъ желалъ его исполненія. Всего болѣе плѣняли мою мать строгость и чистота нравовъ Григорія Иваныча.—Съ моею сестрицей я почти не разставался; дружба наша сдѣлалась еще тѣснѣе и нѣжнѣе.—Быстро пролетѣли блаженные дни, и 10-го августа, въ той же кибиткѣ, съ тѣмъ же кучеромъ и на тѣхъ же лошадахъ, мы съ Евсичемъ отправились въ К.

По пріѣздѣ моемъ, я пошелъ всѣхъ учениковъ въ сборъ, но Ивана Ипатыча не было въ городѣ. Мы узнали, что онъ похалъ жениться въ деревню къ своей невѣстѣ, Настасьѣ Петровнѣ Е—ой, что черезъ мѣсяць послѣ свадьбы они пріѣдутъ въ К., наймутъ особый домъ и тогда уже возьмутъ насъ къ себѣ, и что до тѣхъ поръ будетъ заниматься нами Григорій Иванычъ. Я очень этому обрадо-

вался, а Манасины напротивъ, особенно меньшей братъ, Ельшидоръ: славный мальчикъ, но великій шалуни, не пришившійся еще за ученье, шалуни, изъ котораго вышель впоследствии весьма дѣльный человекъ. Очень живо помню, что я съ большимъ нетерпѣніемъ и желаніемъ учиться вступилъ въ средніе классы. Я зналъ заранѣе, что въ нихъ ученье гораздо труднѣе и что средніе классы считались основаніемъ всего гимназическаго курса. Существовало мнѣніе, что тотъ ученикъ, который въ нихъ отличится, непременно будетъ отличнымъ и въ высшихъ классахъ, тогда какъ напротивъ, часто случалось, что первые ученики въ низшихъ классахъ оставались въ среднихъ навсегда посредственными (*). Это мнѣніе меня пугало, и весь первый мѣсяцъ мое опасеніе не разсыялось. Учители были другіе и насъ не знали; все переведенные ученики сидѣли особо на двухъ отдѣльныхъ скамейкахъ и сначала ими занимались мало. По трудности курса среднихъ классовъ, большая часть воспитанниковъ оставались въ нихъ по два года, отчего классы были слишкомъ полны и для учителя не было физической возможности со всеми равно заниматься. Въ числѣ другихъ предметовъ, вмѣстѣ съ русскимъ языкомъ, въ среднемъ классѣ преподавалась грамматика славянскаго языка, составленная самимъ преподавателемъ Николаемъ Мисаиловичемъ Брагимовымъ (**), поступившимъ также изъ Московскаго уни-

(*) Очевидно, что раздѣленіе гимназическаго курса на три класса было не достаточно. Это впоследствии дознано опытомъ, почему теперьшній гимназическій курсъ и раздѣляютъ на семь классовъ.

(**) Фамилія его и наружность ясно указывали на его татарское или башкирское происхожденіе; онъ имѣлъ большую голову, маленькіе, пронзительные и очень пріятные глаза, широкія скулы и огромный ротъ. Горячо любилъ литературу, былъ очень остроуменъ и вообще человекъ даровитый.

верситета: онъ же быть не только учителемъ російской словесности, но и математики въ среднихъ классахъ. Этотъ человекъ имѣть большое значеніе въ моемъ литературномъ направленіи, и память его драгоценна для меня. Онъ первый ободрить меня и, такъ сказать, толкнулъ на настоящую дорогу. Пбрагимовъ диктовать свою славянскую грамматику для тѣхъ, кто ее еще не слушалъ и у кого ее не было; обыкновенно одинъ ученикъ писалъ подъ диктовку на классной доскѣ, а другіе списывали продиктованное. Пбрагимовъ объяснять не довольно подробно и не такъ понятно; для слушавшихъ грамматику вторично, этого толкованія было достаточно, но мало для учениковъ новыхъ, а особенно для двѣнадцатилетнихъ мальчиковъ, какимъ былъ я и многіе другіе. По счастью въ это время занимался мною дома Григорій Ивановичъ (по случаю отсутствія Ивана Ппатыча); онъ объяснилъ мнѣ Введеніе въ славянскую грамматику, въ которомъ излагался взглядъ на грамматику общую; безъ него я понять бы этотъ взглядъ такъ же плохо, какъ и другіе ученики. Имѣя у себя заранее полный списокъ славянской грамматики, я просмотрѣлъ ее всю въ воскресные дни и, на темныя для меня мѣста, попросилъ объясненія у Григорія Ивановича. Это было мнѣ впоследствии очень полезно.— Наконецъ уже въ пеходъ сентября (черезъ шесть недѣль послѣ начала ученія), маленькая татарская фигурка Пбрагимова, прошедъ нѣсколько разъ по длинному классу съ тетрадкою въ рукѣ, вмѣсто обыкновенной диктовки, вдругъ приблизилась къ отдельнымъ скамьямъ новыхъ учениковъ. Сердце у меня сильно забилось. Пбрагимовъ сталъ предлагать всемъ ученикамъ, переведеннымъ изъ нижняго класса, разные вопросы изъ пройденныхъ имъ Введенія и двухъ главъ грамматики— въ томъ порядкѣ, какъ сидѣли ученики; порядокъ же былъ слѣдующій: сначала сидѣли казенные гимназисты,

потомъ пансіонеры, потомъ полупансіонеры и наконецъ своекоштные. На вопросы Ибрагимова изъ грамматики, кое-какъ еще отвѣчали, но изъ Введенія рѣшительно никто ничего не зналъ: ясное доказательство, что его не понимали. Дошла очередь до меня. Изъ грамматики я отвѣчалъ свободно и удовлетворительно. Послеъ каждого отвѣта, Ибрагимовъ говорилъ: «прекрасно». Отвѣты мои заинтересовали его, и вмѣсто трехъ-четыреухъ, онъ задать мнѣ вопросовъ двадцать. Все отвѣты были равно удачны. Ибрагимовъ безпрестанно улыбался во всю ширину своего огромнаго татарскаго рта и наконецъ сказалъ: «Прекрасно, прекрасно, и прекрасно! Посмотримъ теперь, что скажетъ Введеніе.»—Отвѣты мои продолжали быть вполне удовлетворительны. Онъ пробовалъ сбивать меня и не сбивалъ, потому что я говорилъ понимая предметъ, а не выучивъ наизусть однихъ слова. Ибрагимовъ привнесъ въ совершенное изумленіе и восхищеніе. Онъ осѣпалъ меня всевозможными похвалами, вызвалъ изъ-за стола, приказалъ забрать все классныя тетрадки и книжки, взялъ за руку, подвелъ къ первому столу и сказавъ: «вотъ ваше мѣсто», посадилъ меня третьимъ, а учениковъ было слишкомъ сорокъ человекъ. Такое торжество и во снѣ мнѣ не спилось. Я былъ совершенно счастливъ. Вернувшись домой, я послалъ Евсевича попросить позволенія у Григорья Иваныча придти къ нему въ комнату и, получивъ согласіе, я разсказалъ съ большою радостью о случившемся со мною. Григорій Иванычъ внутренно былъ очень доволенъ этимъ происшествіемъ и тѣмъ чувствомъ, съ которымъ я его принялъ, но следуя своей методѣ, довольно сухо мнѣ отвѣчалъ: «Не слишкомъ радуйтесь; не поторопился ли Ибрагимовъ? Теперь вы должны поддержать его хорошее мнѣніе и учиться еще прилежнѣе.» Такой отвѣтъ могъ бы окатить холодной водой или оттолкнуть другаго, и я рѣ-

нительно не одобряю такого образа дѣйствій; но я уже зналъ Григорія Ивановича. Онъ и прежде очень хвалилъ меня въ письмахъ къ моей матери, а мнѣ и виду не подавалъ, что мною доволенъ; онъ даже писалъ, чтобы мать не показывала мнѣ его писемъ. Въ классъ російской словесности, у того же самаго Ибрагимова, успѣхи мои были также блестящи; здѣсь преподавался синтаксисъ русскаго языка и производились практическія упражненія, состоявшія изъ писанья подъ диктовку и изъ переложенія стиховъ въ прозу. Диктовка была намъ очень полезна, сколько для правописанія, столько и для образованія нашего вкуса, потому что Ибрагимовъ выбиралъ лучшія мѣста изъ Карамзина, Дмитріева, Ломоносова и Хераскова, заставлялъ читать вслухъ и объяснялъ ихъ литературное достоинство. Онъ самъ не находилъ пользы въ переложеніяхъ и, только исполняя программу, раза два заставилъ насъ ими заниматься. Въмѣсто того онъ упражнялъ насъ въ сочиненіи небольшихъ писемъ на заданныя темы. Что же касается до другихъ классовъ, то во всеобщей и русской исторіи у Яковкина, я шелъ наравнѣ не съ лучшими, а съ хорошими учениками. Въ языкахъ вообще успѣхи были плохи, безъ сомнѣнія отъ плохихъ учителей. Въ арифметикѣ я былъ слабъ и въ нижнемъ классѣ, а въ среднемъ оказалось, что я не имѣю вовсе математическихъ способностей: такая аттестація удержалась за мной не только въ гимназій, но и въ университетѣ. Чистописаніе, рисованье и танцованье шли порядочно. У священника я былъ въ числѣ не отличныхъ, но хорошихъ учениковъ. Въ среднемъ классѣ бросилъ я тасканье аспидной доски и грифеля, къ которымъ питалъ сильное отвращеніе, сохраняемое мною отчасти и теперь. Скрышь отъ черченія грифелемъ по аспидной доскѣ производилъ (и производилъ) содроганье въ моихъ нервахъ.

Наконецъ узнали мы, что Иванъ Ипатычъ съ молодой женой прїѣхалъ въ городъ и остановился въ домъ своей тещи. На другой же день, онъ прїѣзжалъ взглянуть на своихъ воспитанниковъ и чрезвычайно насъ обласкать. Евсеньчъ рассказывалъ мнѣ по секрету, что Григорій Иванычъ очень сердился на Ивана Ипатыча за то, что онъ вмѣсто одного провѣдиль три мѣсяца, говоря: «что ему очень надобно возиться съ дѣтьми, которыхъ онъ не могъ бросить безъ надзора и вниманія, какъ дѣлаеть это Иванъ Ипатычъ.» Последний извинялся, благодарилъ, обнималъ своего товарища, но тотъ обошелся съ нимъ очень сухо и грубо, грозя ему, что если онъ немедленно не найметъ себѣ квартиру, то онъ выѣдетъ изъ дома и броситъ его пансіонеровъ. Надобно прибавить, что у Григорья Иваныча уже не было своихъ воспитанниковъ. Не смотря на такія угрозы, Иванъ Ипатычъ не скоро нанялъ себѣ квартиру, и Григорій Иванычъ прожилъ съ нами еще два мѣсяца, постоянно и добросовѣстно занимаясь нашимъ ученьемъ, содержащемъ и поведениемъ. Въ эти пять мѣсяцевъ я очень привязался къ Григорію Иванычу, хотя онъ не сказалъ мнѣ ни одного ласковаго слова и понаружности казался сухимъ и строгимъ. Я не могъ тогда оцѣнить достоинства этого человѣка и не могъ бы его полюбить, еслибъ мать не увѣдомляла меня потихоньку, что онъ меня очень любитъ и очень хвалитъ, и не показываетъ этого только для того, чтобъ я, по молодости своей, не избаловался отъ его похвалъ. Къ сожалѣнію Григорій Иванычъ держался этого ошибочнаго правила во все продолженіе своего полезнаго, долговременнаго и важнаго служебнаго поприща, гдѣ приходилось имѣть дѣло не съ дѣтьми, а часто съ стариками. Кто имѣлъ случай узнать его коротко, тотъ сохранялъ къ нему глубокое уваженіе и преданность во всю жизнь, но за то были

хорошіе люди, которыхъ онъ оттолкнулъ отъ себя сухо-
 стью обращенія и которые сочли его за человека гордаго
 и жесткаго, чтò было совершенно несправедливо. Нако-
 нецъ Иванъ Ипатычъ нанялъ себѣ приличную квартиру.
 Перезвзая къ нему и разставаясь съ Григоріемъ Иваны-
 чемъ, я расплакался, хотѣлъ было обнять его, но онъ
 не допустилъ меня и, будучи самъ растроганъ почти до
 слезъ, (что я узналъ впоследствии изъ его письма къ моей
 матери), сухо и холодно сказалъ мнѣ: «Это что такое?
 О чемъ вы плачете? Верно боитесь, что Иванъ Ипатычъ
 будетъ построже съ васъ взыскивать!» Признаюсь, на ту
 пору досадны были мнѣ эти слова! Я забылъ сказать, что
 Иванъ Ипатычъ привозилъ къ намъ свою молодую жену:
 мы заметили только, что у ней петь бровей и что она по
 простотѣ своей не умѣла сказать намъ ласковаго слова и
 безпрестанно краснѣла. У Ивана Ипатыча помѣстили насъ,
 то-есть, меня и троихъ Манасенныхъ, въ особомъ флигелѣ и
 сначала оставили безъ всякаго надзора. Тутъ-то я почув-
 ствовалъ всю разницу между нимъ и Григоріемъ Иванычемъ.
 Мы видѣли Ивана Ипатыча только за обѣдомъ и ужинномъ.
 Молодой мужъ былъ совершенно озабоченъ устройствомъ
 своего новаго положенія и подгородной деревни, Коцаково,
 состоявшей изъ 60-ти душъ, въ двадцати верстахъ отъ горо-
 да, которую онъ получилъ въ приданое за женой и въ ко-
 торую уѣзжалъ на два дня каждую недѣлю. Остальное
 время онъ былъ занятъ преподаваніемъ физики въ выс-
 шемъ классѣ гимназій, или заботами о семействѣ своей
 молодой супруги, изъ числа котораго, три взрослыхъ дѣ-
 вички, ея сестры, жили у него постоянно. Домашнимъ хо-
 зяйствомъ никто не занимался и оно шло весьма плохо,
 даже столъ былъ очень дуренъ и по этому обстоятельству
 случилось со мной вотъ какое приключеніе: одинъ разъ
 за ужинномъ (мы ужинали всегда въ большомъ дежѣ за

общимъ столомъ) подали ветчину; только-что я, отрезавъ кусокъ, хотѣлъ положить его въ ротъ, какъ стоявшій за мной стуломъ Евсенья толкнулъ меня въ спину; я обернулся и съ изумленіемъ посмотрѣлъ на своего дядьку: онъ покачалъ головой и сдѣлалъ мнѣ знакъ глазами, чтобы я не ѣлъ ветчины; я положилъ кусокъ на тарелку и тутъ только замѣтилъ, что ветчина была тухлая и даже червивая; я поспѣшно отдалъ тарелку. Я сидѣлъ очень близко отъ Ивана Ипатыча, и онъ все это замѣтилъ. Надобно прибавить, что за столомъ, кромѣ воспитанниковъ, сидѣли теща его, жена и три свояченицы. После ужина, когда мы все подошли къ Ивану Ипатычу, чтобы раскланяться и идти спать, онъ приказалъ мнѣ остаться и повелъ насъ вмѣстѣ съ Евсеньемъ къ себѣ въ кабинетъ. Тамъ онъ сдѣлалъ мнѣ строжайшій выговоръ за то, что я поступилъ дерзко, и съ намѣреніемъ осрамить хозяина обратилъ вниманіе всѣхъ на испортившуюся ветчину, которую однако же все изъ деликатности ѣли. Иванъ Ипатычъ, прочтя мнѣ длинное поученіе и доказывая, что я сдѣлалъ непрощительный проступокъ, разбранилъ очень обидно моего почтеннаго Евсенью. Я рвнительно не понималъ своей вины и заплакалъ отъ незаслуженнаго оскорбленія. Иванъ Ипатычъ смягчился и сказалъ, что меня прощаетъ, и даже хотѣлъ обнять, но я весьма искренно и наивно возразилъ ему, что плачу не отъ раскаянія, а отъ того, что онъ обидѣлъ меня несправедливымъ подозрѣніемъ въ умыселъ и разбранилъ моего дядьку. Иванъ Ипатычъ вновь разсердился, напелъ во мнѣ, Богъ знаетъ, какое-то ожесточеніе, сказалъ, что я завтра буду примѣрно наказанъ, и отпустилъ спать. Я долго не могъ заснуть и мысль, что посторонній человекъ, безъ всякой моей вины, хочетъ меня какъ-то примѣрно наказать, оскорбляла и раздражала меня очень сильно. Съ тѣхъ поръ,

какъ я сталъ себя помнить, никто кромѣ матери меня не наказывалъ, да и то было очень давно. Наконецъ я уснулъ. На другой день поутру, когда мы одѣлись и пришли пить чай въ домъ, Иванъ Ппатычъ, противъ обыкновенія, вышелъ къ намъ, объяснилъ мою вину Манасеннымъ и Е—у (*), приказалъ имъ идти въ гимназію, а меня лишилъ чаю, велѣлъ остаться дома, идти во флигель, раздѣться, лечь въ постель и пролежать въ ней до вечера, а вмѣсто завтрака и обѣда велѣлъ дать мнѣ ломоть хлѣба и стаканъ воды. Такое дурацкое и вовсе незаслуженное наказаніе, для такого чувствительнаго и развитаго мальчика, какимъ былъ я, должно было показаться и показалось несноснымъ оскорбленіемъ, и я въ самомъ дѣлѣ съ ожесточеніемъ и презрительною улыбкою посмотрѣлъ на своего наставника и поспѣшно ушелъ во флигель. Я раздѣлся, легъ въ постель и взялъ читать какую-то книгу. Евсень мой, не понимая нравственнаго оскорбленія, отъ всей души смѣялся надъ глупымъ наказаніемъ, обижался только, что я буду голоденъ и обѣщался достать мнѣ потихоньку всего, что будетъ лучше за столомъ. Я съ негодованіемъ запретилъ ему это дѣлать и выслаалъ вонъ. Сначала я чувствовалъ только гнѣвъ и раздраженіе, потомъ принялся плакать и наконецъ заснулъ. Ночь я спалъ мало и потому заснулъ такъ крѣпко, что проснулся только тогда, когда мои товарищи, пообедавъ въ общей залѣ, пришли во флигель и начали играть и шумѣть. Сонъ успокоилъ меня; я отказался отъ хлѣба и воды и равнодушно перенесъ шутки и насмѣшки моихъ соучениковъ, которые также не находили меня виноватымъ и смѣялись не столько надо мной, ско-

(*) За двѣ недѣли, молодой Е—ъ, своякъ Ивана Ппатыча, опредѣлился въ гимназію и поступилъ въ число его воспитанниковъ.

лько надъ страпшностью моего наказанія. Средній Мана-
сѣинъ, порядочный лѣбтій, даже завидовалъ мнѣ и гово-
рилъ, что желалъ бы всякой день быть такъ наказан-
нымъ. Когда мои товарищи ушли въ гимназію на послѣ-
обѣденные классы, я принялся твердить уроки, заданные
безъ меня поутру моимъ товарищамъ, и повторилъ вчера-
шніе. Въ седьмомъ часу вечера, когда воспитанники воро-
тились изъ гимназіи и шли чай въ столовой, Иванъ Пна-
тычъ прислалъ мнѣ сказать, чтобъ я одѣлся и пришелъ
туда же. Я повиновался. Онъ встрѣтилъ меня словами:
«что прощаетъ меня и что сокращеніемъ срока моего на-
казанія я обязанъ дамамъ», — и онъ указалъ на свою
тещу, жену и свояченицу. Я поблагодарилъ ихъ. Иванъ
Пнатычъ съ женой ту же минуту куда-то уехали. То-
варищи, напившись чаю, ушли во флигель, но меня дамы
оставили при себѣ. Сейчасъ накрыли столъ и принесли
кушанье; меня посадили за столъ, дѣвѣнцы сѣли около
меня, кормили почти изъ своихъ рукъ и даже притащили
банку съ вареньемъ, которымъ я усердно полакомился.
Все это сопровождалось такими ласками, которыя раз-
нѣжили мое сердце. Оказалось, что барышни, хотя до
сихъ поръ не говорили со мной ни одного слова, давно
полюбили меня за мою скромную наружность и что на-
казаніе, которое онъ и старуха ихъ мать находили не-
заслуженнымъ и безчеловѣчнымъ, возбудило въ нихъ также
ко мнѣ участіе, что онъ неотступно просили Ивана Пна-
тыча меня простить и что сестра Катерина даже плакала
и становилась предъ нимъ на колѣни. Я замѣтилъ, что
Катерина Петровна ужасно покраснѣла. Меня оставили въ
домъ на цѣлый вечеръ и подробно разспросили обо всемъ,
до меня касающемся. Я, разумеется, разболтался и не
только рассказалъ про свое Аксаково, про первое поступ-
леніе свое въ гимназію, но и прочелъ множество стиховъ

наизусть, къ чему я съ давняго времени имѣлъ страстную охоту. Барышни искренно восхищались, ахали, хвалили и осыпали меня ласками. Я былъ также восхищенъ произведеннымъ мной впечатлѣніемъ, и дѣтское мое самолюбіе вкружило мнѣ голову. Послѣ ужина я воротился во фангель, вмѣстѣ съ моими товарищами, которые уже знали черезъ брата Е—хъ, какъ меня ласкали и потчивали его сестры; товарищи разспрашивали и завидовали мнѣ, и я не скоро заснулъ отъ волненія и какихъ-то непонятныхъ мнѣ фантазій.

Я съ намбреніемъ описалъ подробно это, неважное по видимому, обстоятельство. Последствіемъ его было то, что я сталъ не такъ прилежно учиться. Старуха Е — на, также какъ ея дочери, меня очень полюбила и не рѣдко выпрашивала позволеніе у своего зятя приглашать меня по вечерамъ въ домъ, гдѣ я проводилъ часа по два очень весело. Въ воскресные же и праздничные дни, я безпрестанно бѣгалъ въ домъ и почти пересталъ ходить къ родственницамъ моего отца, къ Кирѣевой и Сафоновой, у которыхъ прежде бывалъ часто. Товарищи продолжали мнѣ завидовать, а Е—нъ, уже пятнадцатилѣтній болванъ и повѣса, котораго сестры прогоняли изъ нашего общества, хмурился на меня не на шутку и отпускалъ какіе-то язвительные намеки, которыхъ я рѣшительно не понималъ. Мало по малу я совсѣмъ развлекся, и хотя Иванъ Пнатычъ мѣсяца черезъ три нанялъ для насъ студента, кончившаго курсъ въ Духовной Семинаріи, Гурья Пвлича Л., очень скромнаго и знающаго молодаго человѣка, съ которымъ я могъ бы очень хорошо заниматься, но я до самой весны, то-есть, до времени отъѣзда Е—хъ въ деревню, учился очень плохо. Только у одного Ибрагимова, въ классъ русской словесности и славянской грамматики, я оставался по прежнему отличнымъ ученикомъ, потому

что горячо любилъ и предметъ ученія и учителя. Мѣсяца за полтора до экзамена, я принялся заниматься съ большимъ жаромъ. Гурій Ивличъ очень полюбилъ меня въ это время и усердно помогаль моему прилежанію, но со всѣмъ тѣмъ, я не былъ переведенъ въ высшій классъ и остался еще на годъ въ среднемъ; перешла только третья часть воспитанниковъ и въ томъ числѣ нѣкоторые, не за успѣхи въ наукахъ, а за старшинство лѣтъ, потому что сидѣли по два и по три года въ среднемъ классѣ. Никто не ставилъ мнѣ этого въ вину, и хотя я находилъ, вмѣстѣ со всѣми другими, что двухгодичное пребываніе въ среднемъ классѣ будетъ мнѣ полезно и что такъ бываетъ почти со всѣми учениками, но дѣтское самолюбіе мое оскорблялось, а всего болѣе я боялся, что это огорчитъ мою мать. Опасенія мои были напрасны. Когда я прѣѣхаль на вакацію въ Аксаково (1802-го года) съ Евсечемъ, и когда моя мать прочла письма Унадышевскаго, Ивана Ипатыча и Григорья Иванныча, то она, вмѣстѣ съ моимъ отцомъ, была очень довольна, что я остался въ среднемъ классѣ. Но когда я съ полною откровенностью подробно разсказаль о моемъ пребываніи и образѣ жизни въ домъ моего наставника, моя мать очень призадумалась и казалась недовольною. Ей не нравилась Иванъ Ипатычъ, его семейство и даже Гурій Ивличъ Л., потому что она терпѣть не могла семинаристовъ, въ чемъ совершенно соглашалась съ нею мой отецъ, который называль ихъ кутейниками. Этотъ предразсудокъ былъ особенно несправедливъ въ отношеніи къ Гурью Ивличу, имѣвшему очень много достоинствъ (*). Всего же болѣе оскорбило

(*) Черезъ нѣсколько лѣтъ я встрѣтился съ Гурьемъ Ивличемъ Л. самымъ оригинальнымъ образомъ. Предварительно надобно сказать, что въ последнее время, какъ я уже и говорилъ, онъ очень полюбилъ меня, и не смотря на то, что мнѣ былъ двѣнадцатый, а ему двадцать второй годъ,

и раздражило мою мать негнѣное наказаніе, которому подвергъ меня Иванъ Ипатьчъ. Желаніе взять меня отъ него и помѣстить къ бывшему его товарищу, возникло въ душѣ ея съ новою силою. Взять было не трудно, но убѣдить Григорья Иваныча нарушить свое намѣреніе, единожды принятое, — казалось невозможностью, которая увеличивалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ былъ не только товарищъ, но и короткій пріятель съ Иваномъ Ипатьчемъ. Выходъ лучшаго ученика могъ повредить ему во мнѣніи другихъ родителей, а перемѣщеніе мое къ Григорью Иванычу, люди не знающіе коротко обстоятельство, могли назвать переманкой. Очень огорчалась

дружески повѣрялъ мнѣ всѣ свои обстоятельства, и между прочимъ то, что начальство уговариваетъ его поступить въ духовное званіе, къ которому онъ не чувствовалъ влеченія. Не знаю почему мнѣ зашло въ голову, что Гурій Ивличъ будетъ непременно священникомъ, и я увѣрялъ его въ этомъ. Онъ спорилъ, даже сердился, и чтобъ убѣдить меня въ противномъ, взялъ однажды листъ бумаги и написалъ на немъ: «Скорѣ рѣка Казанка потечетъ вверхъ, чѣмъ Гурій Л. пойдетъ въ духовное званіе.» Этотъ листъ онъ отдалъ мнѣ спрятать, какъ обязательство, что онъ сохранитъ свою свободу: явное доказательство, какъ онъ самъ былъ еще молодъ. Мѣсяца черезъ два мы разстались. Прошло три года, или около четырехъ; я ни разу не слышалъ о Гурьѣ Ивличѣ и совершенно забылъ объ его существованіи. Въ одно скверное осеннее утро, получилъ я записку отъ моей родной тетки, Н. Н. Зубовой, которую очень горячо любилъ; она жила тогда въ домѣ В—хъ и я часто видался съ нею. «Милый мой Сержъ (писала она) сегодня въ шестомъ часу послѣ обѣда пріѣзжай къ намъ въ мундиръ и со шпагой. Сегодня у насъ свадьба, ты шаферъ у Лизы, будешь ее обувать и провожать въ церковь.» Лиза была воспитанница В—хъ, бѣдная, молодая и прекрасная собою дѣвушка. Я пріѣхалъ, немножко опоздалъ, меня побрали и сейчасъ провели къ невѣстѣ; я обулъ ея ножки въ шелковые чулки и башмаки. Невѣста была еще не совсемъ одѣта, но голова находилась уже въ полномъ свадебномъ убранствѣ; я помню, что былъ пораженъ ея красотой. Едва я успѣлъ перемолвить нѣсколько словъ съ любимой моей тетуськой у ней въ комнатѣ, какъ хозяйка В—ва позвала меня къ себѣ и попросила, чтобъ я поскорѣ поѣхалъ въ ея каретѣ къ жениху и сказалъ ему, что невѣста одѣта и чтобъ онъ ѣхалъ сейчасъ въ цер-

бѣдная моя мать, но не знала какъ помочь горю. Ласки барышень Е—хъ и особенно пѣжности одной изъ нихъ, ей также не нравились, къ немалому моему удивленію. Она рѣшилась прѣхать въ К. по зимнему пути: во-первыхъ для того, чтобы взглянуть своими глазами на мое житіе, и во-вторыхъ для того, чтобы употребить все усилія къ убѣжденію Григорья Иваныча взять меня къ себѣ. Третью причину я узналъ въ послѣдствіи: мать моя хотѣла, чтобы все время свободное отъ ученья, на праздникахъ зимней вакаціи, я проводилъ съ нею, а не въ семействѣ жены Ивана Ипатьча.

ковъ и оттуда прислалъ шафера сказать, что онъ ожидаетъ невесту. Въ-торопяхъ я не успѣлъ спросить, кто такой женихъ, и ту же минуту поскакалъ къ нему. Со мной былъ человекъ В—хъ, знавшій жениха и его квартиру; онъ привезъ меня въ какой-то большой каменный домъ, въ которомъ много было народа, провелъ черезъ нѣсколько комнатъ и отворивъ дверь, сказалъ: «Вонъ женихъ, передъ зеркаломъ одѣвается.» и я увидѣлъ спину плотнаго мужчины, въ короткихъ штанахъ, шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ, которому торопливо и усердно повязывали бѣлое толстое жабо. Я подошелъ, женихъ обернулся — это былъ Гурій Ивлічъ Л—нъ, очень пополнившій. Мы оба вскрикнули отъ изумленія. «Ахъ, милый мой Аксаковъ, сказалъ онъ, обнявъ меня, какъ я радъ, что васъ вижу; но извините меня, въ эту минуту я не могу...» И перебилъ его слова, сказавъ, что я шаферъ его невесты и прѣхалъ поторопить жениха. Л—нъ, продолжая поспѣшно одѣваться, продолжалъ говорить со мной: — «Какъ, я думаю вы удивлены?» сказалъ онъ. — «Да, отвечалъ я; я не зналъ кто женихъ; но я очень радъ, что вы женитесь на прекрасной и предоброй дѣвушкѣ.» «Ахъ, такъ вы еще ничего не знаете!» воскликнулъ Л—нъ, взявъ меня за руку, отвелъ въ сторону и тихо сказалъ мнѣ: «вы вѣрно помните мое письменное обещаніе не поступать въ духовное званіе; ну такъ знайте же: завтра я священникъ, а послѣ завтра протоиерей въ соборѣ Петра и Павла...» и слезы показались у него на глазахъ. Какія обстоятельства измѣнили или заставили пожертвовать Гурья Ивліча своимъ прежнимъ убѣжденіемъ—я не знаю; но видно жаль было ему своей свободы. Съ тѣхъ поръ мы не видались. Въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, я постоянно слышалъ, что Гурій Ивлічъ Л, былъ всеми любимъ за свои душевные качества и уважаемъ за свою ученость; кажется онъ былъ даже ректоромъ въ духовной академіи, не очень давно учрежденной въ К.

Лѣтнюю вакацію я прожилъ въ деревнѣ также пріятно, какъ и прошлаго года; но на возвратномъ пути случилось со мной происшествіе, которое произвело на меня сильное впечатлѣніе и слѣды котораго не изгладились до сихъ поръ: я сталъ гораздо болѣе бояться и теперь боюсь переправляться черезъ большія рѣки. Вотъ какъ случилось это происшествіе: мы пріѣхали въ полдень на лѣтній перевозъ черезъ Каму, противъ села Шурана. На берегу дожидались переправы три крестьянскихъ тельги съ поклажей и вошиками и десятка полтора бабъ съ кузовами ягодъ. Бабы возвращались домой пѣшкомъ на противоположный берегъ Камы. Перевозчиковъ на перевозѣ не было: куда разбрелись они не знаю. Потолковавъ нѣсколько времени, крестьяне и мои люди рѣшились сами переправиться черезъ рѣку, потому что одинъ изъ крестьянъ вызвался править кормовымъ весломъ, уверивъ, что онъ нѣсколько лѣтъ былъ перевозчикомъ. И такъ выбрали лучшій дощаникъ, поставили три крестьянскія тельги съ лошадьми, мою кибитку и всѣхъ трехъ нашихъ лошадей; разумѣется, взяли и всѣхъ бабъ съ ягодами; мнимый перевозчикъ сталъ на кормъ, двое крестьянъ, мой кучеръ и лакей Иванъ Малышъ (молодецъ и силачъ, одинъ стоившій десятерыхъ) сѣли въ весла, и мы отчалили отъ пристани. Между тѣмъ черная туча взмывала на западъ и мало по-малу охватывала край горизонта; ее нельзя было не примѣтить, но всѣ думали: авось пройдетъ стороною, или, авось успѣемъ переѣхать. Пристань находилась противъ самаго Шурана, и для того, чтобъ не быть снесеннымъ быстрою теченіемъ сердитою Камой и чтобы угодить прямо на перевозъ,—надобно было подняться вверхъ по рѣкѣ на шестахъ слишкомъ версту. Это производилось очень медленно, а гроза быстро начала приближаться. Чтобы ускорить переѣздъ, поднялись вверхъ только съ

полверсты, опять съли въ весла и перекрестившись пустились на перебой поперекъ рѣки; но лишь только мы добрались до середины, какъ туча съ неимоверной скоростью обхватила весь горизонтъ, почернѣвшее небо еще чернѣе отразилось въ водѣ, стало темно, и страшная гроза разразилась молніей, громомъ и везашной неустовой бурей. Кормщикъ нашъ въ испугъ бросилъ кормовое весло и признался, что онъ совсѣмъ не перевощикъ и править не умѣетъ; вихрь завертѣлъ нашъ паромъ, какъ щенку, и понесъ внизъ по теченію; бабы подняли пронзительный вой — и ужасъ овладѣлъ всѣми. Я такъ испугался, что не могъ промолвить ни одного слова и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Вихремъ и быстротой теченія снесло нашъ дощаникъ нѣсколько верстъ внизъ по рѣкѣ и наконецъ бросило на песчаную отмель, по счастью саженьхъ въ пятьдесятъ отъ противоположнаго берега. Иванъ Мальницъ спрыгнулъ въ воду, она была ему по поясъ; онъ дошелъ бродомъ до берега, глубина воды нигдѣ не доставала выше груди. Онъ воротился тѣмъ же путемъ на паромъ, стащить съ него одну изъ нашихъ лошадей помирнѣе, посадить меня верхомъ, велѣть крѣпко держаться за гриву и за шею лошади и повелъ ее въ поводу; Евсень шелъ подлѣ и поддерживалъ меня обѣими руками. Мутныя и огромныя волны хлестали черезъ насъ и качивали съ головой; по несчастью Мальницъ, идя впереди, сбился съ того броду, по которому прошелъ два раза, и попалъ на болѣе глубокое мѣсто; вдругъ онъ нырнулъ въ воду, лошадь моя поплыла, и Евсень отсталъ отъ меня; тутъ-то я почувствовалъ такой страхъ близкой смерти, котораго я не забылъ до сихъ поръ; каждую минуту я готовъ былъ лишиться чувствъ и едва не захлебнулся; по счастью глубина продолжалась не болѣе двухъ или трехъ сажень; Мальницъ плавалъ мастерски, лошадь моя отъ него не от-

ставала и, не выпуская поводъ изъ рукъ, онъ скоро выплыть на мелкое мѣсто и благополучно вывелъ на берегъ моего коня; но Евсичъ, не умѣвшій хорошо плавать, едва не утонулъ и насилу выбился на берегъ. Меня, мокраго до послѣдней нитки, сняли съ лошади почти безъ памяти; пальцы мои заоченьли, замерли въ гривѣ моего коня; но я скоро опомнился и невыразимо обрадовался своему спасенію. Евсичъ остался со мной, а Мальшичъ пустился опять къ дощанику, съ котораго бабы, съ криками и воплями, не разставаясь съ кузовьями ягодъ, побросались въ воду; мужики постолкали своихъ лошадей и тельги, и всѣ кое какъ, по отмели, удачно отыскавъ бродъ помельче, добирались до берега. Дощаникъ, облегченный отъ большей части груза, поднялся и его начало тащить водою внизъ по теченію. Вотъ тутъ-то пригодилась сила Ивана Мальшича: онъ удерживалъ дощаникъ до тѣхъ поръ, покуда нашъ кучеръ столкнулъ на отмель лошадей и нашу повозку; Мальшичъ пересталъ держать паромъ, и его сейчасъ унесло внизъ по рѣкѣ. Стоя въ водѣ по поясъ, заложивъ лошадей, и повозка моя, подмочивъ все въ ней находившееся, выѣхала на берегъ. Мы съли, мокрые и озлобшіе, и поскакали въ Шуранъ; тамъ обогрѣлись, обсушились, напились горячаго чаю, и холодная ванна не имѣла для насъ никакихъ дурныхъ физическихъ послѣдствій. Но за то нанугалась моя душа, и я во всю мою жизнь не могъ и не могу смотреть равнодушно на большую рѣку, даже въ тихое время; а во время бури, чувствую невольный ужасъ, котораго не въ силахъ преодолѣть.

Возвратясь въ гимназію, я принялся прилежно учиться. Семейство Е—хъ было въ деревнѣ и никто не развлекалъ меня. Гурій Ивановичъ, обрадованный моимъ прилежаніемъ, усердно со мною занимался, и я скоро

сдѣлался однимъ изъ лучшихъ учениковъ во всѣхъ среднихъ классахъ, кромѣ математики. О классахъ Ибрагимова я уже не говорю; тамъ я былъ постоянно первымъ. Въ это время я горячо полюбилъ гимназію, учителей, надзирателей и веселыхъ товарищей. Меня не смущала болѣе эта безпрестанная суматоха и бѣготня, этотъ шумъ, говоръ, хохотъ и крикъ. Я не чувствовалъ ихъ — я самъ пѣлъ въ хоръ, и строевъ, увлекательнѣе показался мнѣ этотъ хоръ. — Осень стояла продолжительная и дождливая. Въ городѣ появилась сильная эпидемія лихорадокъ, которая посѣтила и меня. Болезни уже не было при гимназіи, и знакомый намъ Андрей Ивановичъ Риттеръ лечилъ всѣхъ гимназистовъ, даже полупансіонеровъ и своекоштныхъ; въ томъ числѣ лечилъ и меня. Сначала онъ довольно скоро перервалъ лихорадку, но она черезъ нѣсколько дней воротилась. Огромные порошки хинной корки съ Глауберовой солью, о которыхъ я до сихъ поръ не могу вспомнить безъ отвращенія, вторично прогнали лихорадку, но черезъ двѣ недѣли она опять воротилась съ болѣею жестокостью; такъ длилось дѣло довольно долго. Евсепчъ, видя, что леченье идетъ плохо, усумнился въ искусство лекаря, котораго зналъ прежде за большаго гуляку и который нерѣдко прѣзжалъ ко мнѣ, какъ выражался мой дядька: «на второмъ взводѣ». Евсепчъ осмѣлился доложить объ этомъ Ивану Ппатычу, прося его взять для меня другаго лекаря. Иванъ Ппатычъ осердился, сказалъ, что Риттеръ славится во всемъ городѣ успешнымъ леченіемъ лихорадокъ, и прогналъ моего дядьку; но онъ, любя меня горячо, помня приказаніе барыни, уведомилъ ее письмомъ о моеи болѣзни. Моя мать, испуганная и встревоженная, еще не оправившаяся послѣ родовъ (семейство наше умножилось третьимъ братомъ), немедленно прѣѣхала въ К. одна, наняла квартиру, пере-

везла меня къ себѣ, пригласила лучшаго доктора и принялась за мое леченіе. Прїѣздъ въ К. было новое самопожертвованіе со стороны моей матери. Здоровье ея очень отъ того пострадало... и вся жизнь ея состояла изъ такихъ самопожертвованій!—Съ Иваномъ Ипатьчемъ не обошлось безъ непріятныхъ объясненій; онъ обижался и тѣмъ, что мать перевезла меня на свою квартиру, и тѣмъ, что взяла другаго доктора. Покуда меня лечили, чѣмъ продолжалось мѣсяца два, потому что у меня очень болѣлъ правый бокъ,—у Ивана Ипатьча вышла какая-то непріятность съ родителями Манасениныхъ, вслѣдствіе чего онъ уничтожилъ свой пансіонъ и объявилъ, что болѣе держать воспитанниковъ не хочетъ. Мать моя очень обрадовалась этому обстоятельству: она и безъ того не оставила бы меня у Ивана Ипатьча, но тогда ей было бы гораздо труднѣе, даже невозможно, убѣдить Григорья Иваныча взять меня къ себѣ прямо отъ своего пріятели. Впрочемъ и теперь она встрѣтила столько затрудненій, что успѣхъ долго казался сомнительнымъ. Надобно сказать, что во все продолженіе вторичнаго пребыванія моего въ гимназїи, дружескія отношенія Григорья Иваныча къ моему семейству не только не ослабѣвали, но постепенно возрастали. Мать моя вела съ нимъ самую живую переписку и онъ долженъ былъ оцѣнить ея умъ, необыкновенную материнскую любовь и постоянную къ нему дружбу, основанную на уваженіи къ его строгимъ нравственнымъ правиламъ. Не одинъ разъ слышалъ я самъ изъ другой комнаты, съ какимъ жаромъ сердечнаго краснорѣчія, съ какими горячими слезами, моя мать убѣждала, умоляла Григорья Иваныча быть моимъ воспитателемъ... наконецъ твердость его была побѣждена: онъ согласился, хотя весьма не охотно. Онъ взялъ меня, не какъ воспитанника или пансіонера, а какъ молодаго товарища; ему было тогда

двадцать шесть лѣтъ, мнѣ—тринадцать. Онъ ни за что не согласился взять за меня деньги, но предложилъ, чтобы наемъ квартиры и столъ мы держали пополамъ; а для большаго удобства я имѣла свой особый чай; всѣ прочія издержки, какъ его, такъ и мои, разумется, каждый изъ насъ производилъ на свой счетъ. Когда моя мать достигла исполненія этого пламеннаго и давнишняго своего желанія, она была такъ счастлива, такъ свѣтла и радостна, что я глубоко почувствовала, что съ любовью матери никакая другая любовь сравниться не можетъ. Я также была очень радъ, что попалъ къ Григорью Иванычу. Я чувствовалъ къ нему глубокое уваженіе и даже любилъ его; нѣсколько странные и сухіе его приемы не пугали меня: я хорошо зналъ, что эта холодная наружность, въ слѣдствіе его взгляда на воспитаніе, была принята имъ за правило въ обращеніи съ молодыми людьми; я думалъ тогда, что можетъ быть такъ и надо поступать, чего, конечно, не думаю теперь.

Немедленно наняли довольно хорошій и помѣстительный домъ тѣхъ же самыхъ Е—хъ, домъ, въ которомъ они тогда не жили, а отдавали внаймы. Сначала мать переехала туда со мною, устроила наше будущее хозяйство и, сдавъ меня, уже совершенно выздоровѣвшаго, съ рукъ на руки Григорью Иванычу, исполнившая самыхъ пріятныхъ надеждъ, уѣхала въ Оренбургское Аксаково къ остальному своему семейству. Это было уже въ февралѣ 1804 года.—Я не знаю болѣе отраднаго воспоминанія изъ моей ранней молодости, какъ воспоминаніе жизни у Григорья Иваныча. Она продолжалась два года съ половиной, и хотя въ концѣ ясность ея помутилась, но въ благодарной памяти моей сохранились живѣе и отчетливѣе только утѣшительныя картины. Долго не соглашался Григорій Иванычъ взять меня; но за то, согласившись,—

посвятить мнѣ всего себя. Ученье въ классахъ, съ успѣхомъ продолжаемое, было однако дѣломъ второстепеннымъ: главнымъ дѣломъ были упражненія домашнія. Я постоянно ходилъ только къ нѣкоторымъ учителямъ; классы же ариѳметики, рисованья и каллиграфіи посещались мною рѣдко; въ эти часы я работалъ дома подъ руководствомъ моего разумнаго наставника. Странное дѣло, что математика рѣшительно не шла мнѣ въ голову! Григорій Ивановичъ сначала усердно занимался со мною и нельзя сказать, чтобъ я не понималъ его необыкновенно ясныхъ толкованій; но я сейчасъ забывалъ понятое и Григорій Ивановичъ подумалъ, что я даже не понимаю ничего. Зная, что я былъ друженъ съ лучшимъ студентомъ математики, Александромъ К—мъ, онъ предложилъ ему попробовать заняться со мною, и что же? У К—ча я понималъ гораздо лучше, чѣмъ у Григорія Ивановича и долѣе помнилъ. Но все это ни къ чему не повело: черезъ нѣсколько дней не оставалось въ головѣ моей ни одного предложенія, ни одного доказательства. Отличная память моя, относительно математики оказывалась чистымъ листомъ бѣлой бумаги, на которомъ не сохранялось ни одного математическаго знака! а потому наставникъ мой, сообразно моимъ природнымъ наклонностямъ и способностямъ, устроилъ планъ моего образованія: общаго, легкаго, преимущественно литературнаго. Онъ выписалъ для меня немедленно множество книгъ. Сколько могу припомнить, это были: Ломоносовъ, Державинъ (*); Дмитріевъ, Капнистъ и Хемницеръ. У меня были уже Сумароковъ и Херасковъ, но Григорій Ивановичъ никогда не читалъ ихъ со мною.

(*) Тогда находился въ печати только одинъ томъ одъ Державина и еще небольшой томикъ анакреонтическихъ стихотвореній, напечатанный въ «Петроградѣ», какъ значилось на заглавномъ листѣ. Видно Державину не нравилось иностранное имя новой Русской столицы.

На французскомъ языкѣ были выписаны: Массильонъ, Флешье и Бурдалу, какъ проповѣдники; сказки Шехеразады, Донъ-Кихотъ, смерть Авеля, Геснеровы Идилли, Вакфильдскій священникъ, двѣ натуральныя Исторіи, и въ томъ числѣ одна съ картинками, какихъ авторовъ—не знаю. Натуральная исторія была для меня самой привлекательной наукой. Другихъ книгъ не припомню; но были и еще какія-то. Воспитатель мой прежде всего занялся со мною иностранными языками, преимущественно французскимъ, въ которыхъ я, да почти и все ученики, былъ очень слабъ; въ три мѣсяца я могъ свободно читать и понимать всякую французскую книгу. Ученье вокабулъ, грамматики и разговоровъ шло само по себѣ въ классѣ; но дома я ничего не училъ наизусть. Григорій Пваньчъ бралъ книгу, заставлялъ меня читать и переводить словесно. Сначала я ровно ничего не понималъ, и это было мнѣ дико и скучно; но учитель мой упорно продолжалъ свою методу, и скорый успѣхъ удивилъ и обрадовалъ меня. Незвѣстные слова я записывалъ особо; потомъ словесный переводъ, всегда повторенный два раза, писалъ на бумагѣ; при моей свѣжей памяти, я, не уча, всегда зналъ наизусть на другой же день и французскій оригиналъ, и русскій переводъ, и все отдельно записанныя слова. Первая прочитанная и переведенная мною статья была изъ французской Хрестоматіи: «Les aventures d'Aristonou»; непосредственно послѣ нее, я началъ читать и переводить Шехеразату, а потомъ Донъ-Кихота. Нѣкоторыя мѣста мнѣ не позволялось читать, и я съ точностью исполнялъ приказаніе. Боже мой! какъ было мнѣ весело учиться по такимъ веселымъ и увлекательнымъ книгамъ! Даже теперь, по прошествіи пятидесяти лѣтъ, я вспоминаю съ живѣйшимъ удовольствіемъ объ этихъ чтеніяхъ: помню, съ какимъ нетерпѣніемъ дождался я

назначеннаго для нихъ времени, почти всегда немедленно послѣ обѣда!

Григорій Ивановичъ серьезно занимался своею наукою и, пользуясь трудами знаменитыхъ тогда ученыхъ по этой части, писалъ собственный курсъ чистой математики, для преподаванія въ гимназій; онъ читалъ много нѣмецкихъ писателей, философовъ, и постоянно совершенствовалъ себя въ латинскомъ языкѣ (*). Читая же со мною Шехеразату и Донъ-Кихота, онъ отдыхалъ отъ своихъ умственныхъ трудовъ и отъ души хохоталъ вмѣстѣ со мною, какъ совершенный мнѣ ровесникъ, или лучше сказать, какъ дитя, чѣмъ сначала приводилъ меня въ большое изумленіе; въ это время нельзя было узнать моего наставника; вся его сухость и строгость исчезали, и я полюбилъ его такъ горячо, какъ роднаго старшаго брата, хотя въ то же время очень его боялся. Но когда я довольно успѣлъ во французскомъ языкѣ, чтеніе русскихъ писателей, преимущественно стихотворцевъ, сдѣлалось главнѣйшимъ нашимъ занятіемъ. Григорій Ивановичъ такъ хорошо, такъ понятно объяснялъ мнѣ красоты поэтической, мысль автора и достоинство выраженій, что моя склонность къ литературѣ скоро обратилась въ страстную любовь. Безъ всякаго усилія съ моей стороны, я выучивалъ все лучшіе стихи изъ Державина, Ломоносова и Капниста, которые выбиралъ для меня мой строгій воспитатель; стихотворенія же Пв. Пв. Дмитріева, какъ образцовыя тогда по чистотѣ и правильности языка, я зналъ наизусть почти все. Мы очень мало читали Русской прозы, вѣроятно отъ того,

(*) Григорій Ивановичъ отлично зналъ новѣйшіе языки и свободно писалъ на нихъ. Латинскимъ же языкомъ онъ приводилъ въ изумленіе В—ій университетъ, котораго въ послѣдствіи былъ послѣднимъ Посетителемъ. Удивительно, какъ и гдѣ онъ могъ приобрести такіа свѣдѣнія въ языкахъ?

что мой наставникъ не былъ доволенъ тогдашними про-
 занками. Достойно замѣчаніи, что онъ не читалъ со мною
 Карамзина, кромѣ нѣкоторыхъ писемъ «Русскаго путеше-
 ственника», и не позволилъ мнѣ имѣть въ моей библіотекѣ:
 «Моихъ бездѣлокъ.» Я читалъ уже прежде все, написан-
 ное Карамзинымъ, зналъ на память и съ жаромъ декла-
 мировалъ «Прощанье Гектора съ Андромахой» и «Опыт-
 ную Соломонову Мудрость.» Я поспѣшилъ было похва-
 таться этимъ предъ своимъ наставникомъ, но онъ намор-
 щился и сказалъ, «что первая піеса не даетъ понятія о
 Гомерѣ, а вторая объ Экклезіастѣ «и прибавилъ», что Ка-
 рамзинъ не поэтъ, и что лучше этѣ піесы совсѣмъ по-
 забыть.» Я былъ очень изумленъ; объ піесы мнѣ прави-
 лись, и я продолжалъ декламировать ихъ потихоньку,
 когда мнѣ случалось одному гулять по саду. Сочинять
 мнѣ не дозволялось, и я наслаждался этимъ удовольствіемъ
 или въ классѣ у Ибрагимова, или дома, также потихонь-
 ку. Я слышалъ одинъ разъ изъ своей комнаты, которая
 отдѣлялась тонкою дверью отъ гостиной, служившей уче-
 нымъ кабинетомъ и спальною для Григорья Иваныча какъ
 онъ разговаривалъ обо мнѣ съ Ибрагимовымъ. Ибрагимовъ
 очень меня хвалилъ и показавъ моему воспитателю мое
 класное сочиненіе, въ видѣ письма къ пріятелю, «О кра-
 сотахъ весны», и прибавилъ, что не худо бы занимать
 меня побольше сочиненіями. Григорій Иванычъ, сохраняв-
 шій всегда надъ своими товарищами какое-то превосход-
 ство, весьма рѣшительно ему отвѣчалъ: «Все это, братецъ,
 совершенные нустики. Сочиненіе его состоитъ изъ чужихъ
 фразъ, нахвачанныхъ имъ изъ разныхъ книгъ, а потому
 даже и нельзя судить, имѣеть ли онъ свое собственное
 дарованіе. Охота у него большая, и я знаю, что онъ
 скоро начнетъ марать бумагу; но я буду держать его на
 возжахъ, какъ можно дольше: чѣмъ позже начнетъ сочи-

нять мой Телемакъ (*), тѣмъ лучше. Надобно, чтобы молодой человекъ набрался хорошихъ примѣровъ и образовалъ свой вкусъ, читая сочинителей, пишущихъ стройно и правильно. Ты думаешь, я всего Державина даю ему читать? Напротивъ, онъ знаетъ стихотвореній двадцать не больше, а Дмитрисва знаетъ всего. Я думаю, ты у меня его портишь. Вѣроятно «Бѣдная Лиза», «Паталы, боярская дочь» и драматическій отрывокъ «Софья»—не выходятъ у тебя въ классъ изъ рукъ?» Ибрагимовъ обидѣлся и возразилъ, «что онъ хорошо понимаетъ, что эти пьесы, не смотря на ихъ прелесть, неприличны для учениковъ» «Хорошо, что такъ, продолжалъ мой наставникъ; а нашъ Эрнхъ (**), именно эти пьесы заставилъ переводить на французской языкъ». Разговоръ продолжался довольно долго, и какъ я ни былъ молодъ, но понималъ разумность рѣчей моего воспитателя. Онъ не зналъ, что я дома и потому такъ громко разговаривалъ обо мнѣ: я воротился изъ гимназiи ранѣе обыкновеннаго, потому что учителя не было въ классъ, и прошелъ въ свою комнату, ни къмъ не замѣченный. Тутъ я услышалъ также, какъ высоко Григорiй Ивановичъ цѣнилъ мою мать; но увы, ни одного лестнаго отзыва не сказалъ онъ обо мнѣ, а какъ мнѣ хогълось услышать что-нибудь подобное! Точно онъ зналъ, что я подслушиваю у двери. — Странное, непостижимое дѣло! Разсуждая теперь о прошедшемъ, я не умю себя объяснить, отчего я былъ такъ горячо привязанъ къ Григорiо Ивановичу? По молодости я не могъ тогда по-

(*) Такъ звали меня въ шутку все товарищи Григорiя Ивановича, величалъ его въ то же время «Менгоромъ и Минервоi»

(**) Эрнхъ былъ большой лингвистъ, какъ въ новѣйшихъ, такъ и въ древнихъ языкахъ. Въ гимназiи онъ училъ въ высшемъ классѣ французскому и нѣмецкому языкамъ, а въ университетѣ былъ сдѣланъ адъюнктомъ латинской и греческой словесности.

нимать вполне, что его сухое обращеніе прикрывало глубокое участіе и душевное расположеніе ко мнѣ. Онъ ни разу не приласкалъ меня, не польстилъ моему самолюбію какою-нибудь похвалою, не ободрилъ моего прилежанія, и со всемъ тѣмъ, я любилъ его такъ горячо, какъ не любилъ никого изъ постороннихъ. Я помню, какъ одинъ разъ услышалъ я, что онъ смѣется: я заглянулъ въ его комнату и увидѣлъ, что мой строгій наставникъ, держа въ рукъ какую-то математическую книгу, хохочетъ, какъ дитя, смотря на играющихъ котятъ... Лице у него въ то время было такое доброе, ласковое, даже нѣжное, что я позавидывалъ котятамъ. Я вошелъ къ нему въ комнату съ своей тетрадкой — и прежняя спокойная холодность, даже какая-то суровость, выразились на его лицѣ.

Такъ шло мое время; Григорій Ивановичъ становился по временамъ доступнѣе, и рѣчи его, если не были ласковы, то по крайней мѣрѣ иногда дѣлались шутивы, но только насдинѣ, преимущественно во время чтенія Донъ-Кихота, въ которомъ Санхо-Пансо былъ для насъ неистощимымъ источникомъ смѣха; какъ же скоро появлялся третій, хотя бы Евсень, — наставникъ мой дѣлался серьезнымъ.

Григорій Ивановичъ былъ сынъ малороссійскаго дворянина, священника, имѣвшаго около ста душъ крѣпостныхъ крестьянъ; прадедъ его Турокъ, не знаю по какимъ причинамъ, выѣхалъ изъ Турціи, принялъ христіанскую вѣру, женился и поселился въ Малороссіи. Григорій Ивановичъ не былъ любимымъ сыномъ у матери, но за то отецъ любилъ его съ материнскою нѣжностью. Видя, что мальчику въ домѣ житье плохое, отецъ отвезъ его по девятому году въ Москву и польстилъ въ университетскую гимназію на казенное содержаніе. Сынъ былъ горячо, страстно къ нему привязанъ и очень тосковалъ, оставшись

въ Москвѣ; старикъ черезъ годъ прѣхалъ навѣстить его, и мальчикъ такъ обрадовался, что получилъ отъ волненія горячку; бѣдный отецъ долженъ былъ оставить своего любимца, еще больнаго. Черезъ годъ старикъ умеръ. Въ продолженіе восемнадцати лѣтъ, со времени своего опредѣленія въ Московскую гимназію, Григорій Іванычъ одинъ только разъ ѣздилъ на побывку въ Малороссію, передъ поступленіемъ въ званіе учителя, и вывезъ изъ родительскаго дома непріятное и тягостное ощущеніе. Все это разсказалъ мнѣ его слуга, хохолъ Яшка, котораго онъ привезъ съ собою. Въ выговорѣ моего воспитателя, въ складѣ его ума и въ наружности не было ни малѣйшаго признака Малоросса. Кажется, родина не привлекала его, и я часто слышалъ, какъ онъ, высоко стави великорусской толкѣ, подсмѣивался надъ хохлацкой лѣнью и тупостью, за что очень сердились его земляки Иванъ Пятаычъ и Маркевичъ, служившій въ гимназіи экономомъ, человекъ необыкновенно добрый, съ порядочнымъ брюхомъ, природный юмористъ и презабавный шутникъ, который очень ласкалъ меня и котораго я очень любилъ.

Пришла весна 1804-го года, и на страстной недѣлѣ Григорій Іванычъ говѣлъ со мною, соблюдая постъ и церковные обряды со всею строгостью. Приходская наша церковь Св. Великомученицы Варвары находилась у самой заставы за такъ называемымъ Арскимъ полемъ; мы, не смотря на весеннюю распутицу, ходили въ церковь на всѣ службы, даже къ заутрени. Въ это время зашелъ къ намъ Иванъ Пятаычъ, и я печально услышалъ, какъ онъ шутилъ надъ богомольемъ Григорья Іваныча. Изъ его словъ можно было заключить, что мой воспитатель не былъ прежде ревностнымъ исполнителемъ религіозныхъ обрядовъ; но на этотъ разъ онъ строго отдалъ своего пріятеля за неумѣстныя шутки, такъ что Иванъ Пятаычъ,

имѣвшій претензію слѣть философомъ, очень осердился и долго не ходилъ къ намъ. Я долженъ сказать, что Григорій Ивановичъ во всю жизнь былъ истиннымъ христианиномъ. Не смотря на маленькую ссору съ Иваномъ Пнатьчемъ, наставникъ мой уѣхалъ со мной въ его деревню, и мы вдвоемъ провели время въ Коцаковъ, безъ хозяевъ, очень пріятно; мы жили въ небольшомъ флигелѣ, на берегу широкаго пруда, только что очищавшагося тогда отъ зимняго льда; мы постоянно читали что-нибудь, и не смотря на грязь, каждый день два раза ходили гулять. Весна развлекала меня и слишкомъ живо напоминала весну въ Аксаковъ. Крикъ прилетныхъ птицъ волновалъ душу будущаго охотника. Одинъ разъ, когда Григорій Ивановичъ читалъ со мною серьезную книгу на французскомъ языкѣ и, сидя у раствореннаго окна, старался объяснить мнѣ какую-то мысль, неясно мною понимаемую. — вдругъ куликъ красноножка, зазвенѣвъ своими мелодическими трелями, загнувъ къ верху свои крылья, и вытянувъ длинныя, красныя ноги, плавно опустился на берегъ пруда, противъ самаго окошка — я вздрогнулъ, книга выпала у меня изъ рукъ и я бросился къ окну. Наставникъ мой былъ изумленъ. Я задыхаясь повторялъ: «куликъ, куликъ красноножка, съѣлъ на берегъ близехонько, вонъ онъ ходитъ...» Но Григорій Ивановичъ не понималъ чувства охотника и сурово приказалъ мнѣ съѣсть и продолжать. Я повиновался, и хотя не смотрѣлъ на кулика, но слышалъ его голосъ; кровь бросилась мнѣ въ лице и я не понималъ ни одного слова въ моей книгѣ. Воспитатель мой съ неудовольствіемъ велѣлъ мнѣ положить ее и заняться переписываніемъ на бѣло одного изъ моихъ прежнихъ, уже исправленныхъ имъ, переводовъ, а самъ принялся читать. Черезъ часъ онъ спросилъ меня: «Вылетѣлъ ли куликъ изъ вашей головы?» Я отвѣчалъ утвердительно,

и мы принялись за прерванное занятіе. Надобно прибавить, что Григорій Ивановичъ всегда былъ очень снисходителенъ въ подобныхъ случаяхъ: какъ только онъ замечалъ, что я утомился или развлекался чѣмъ-нибудь, онъ приказывалъ мнѣ идти гулять по саду или заняться механическимъ дѣломъ.

Наступилъ июнь и время экзаменовъ. Я былъ отличнымъ ученикомъ во всѣхъ среднихъ классахъ, которые посещалъ, но какъ въ нѣкоторые я совсемъ не ходилъ, то и награжденія никакого не получилъ; это не помешало мнѣ перейти въ высшіе классы. Только девять учениковъ, кончивъ курсъ, вышли изъ гимназіи, а все остальные остались въ высшемъ классѣ на другой годъ.

Тройка лошадей и повозка уже пріѣхали за мной. Мы съ Евсенчемъ собрались въ дорогу, и въ день публичнаго акта, также въ первыхъ числахъ іюня, послѣ обеда назначено было намъ выѣхать. Наканунѣ Григорій Ивановичъ сказалъ, что хочетъ проводить меня и спросилъ, доволенъ ли я его намѣреніемъ? Я отвѣчалъ, что очень доволенъ. Я подумалъ, что онъ хочетъ проводить меня за городъ. На другой день по утру, Евсенчъ шеннулъ мнѣ по секрету: «Григорій Ивановичъ ѣдетъ съ нами въ Аксаково, только не велѣлъ вамъ сказывать». Хотя я занимался ученіемъ очень охотно, но не совсемъ былъ доволенъ этимъ извѣстіемъ, потому что во время вакаціи я надѣялся хорошенько поудить, а главное — пострѣлять; отецъ обѣщавалъ еще за годъ, что онъ приготовитъ мнѣ ружье и выучитъ меня стрѣлять. Я зналъ, что Григорій Ивановичъ не прекратитъ своихъ занятій со мной и отниметъ у меня много времени; къ тому же мнѣ показалась непріятною его скрытностію. Евсенчъ также почему то не былъ доволенъ. Послѣ акта мы пообедали нѣсколько ранѣе обыкновеннаго и выѣхали изъ города. Я не показывалъ виду,

что знаю намбреніе Григорья Иваныча. Выѣхавъ за заставу, мы пошли пышкомъ. Наставникъ мой былъ очень доволенъ и даже веселъ: любовался видомъ зеленыхъ полей, лѣсовъ и мелкими облачками лѣтняго неба. Вдругъ онъ сказалъ улыбаясь: «Погода такъ хороша, что я хочу проводить васъ до ночевки, до Мѣши, и посмотрю, какъ вы меня накормите рыбой.» Я притворился, что ничего не знаю. «Такъ сидите же и повдѣйте поскорѣе, сказала я, чтобъ пораньше пріѣхать. Да когда же и на чемъ вы воротитесь?» «Я ночую съ вами въ повозкѣ, а завтра поутру найму телѣгу»; отвѣчалъ Григорій Иванычъ, смотря на меня пристально. Мы съѣли и повхали шибкой рысью. Вечеръ былъ великолѣпный, очаровательный; съ нами были удочки, и мы съ Евсепчемъ на Мѣшь наудили множество рыбы, которую и варили и жарили; спать легли въ повозкѣ. Проснувшись на другой день поутру, я увидѣлъ, что мы ѣдемъ, что солнце уже взошло высоко и что Григорій Иванычъ сидитъ подлѣ меня и смѣется. Я самъ разсмѣялся и признался, что зналъ его намбреніе давно. Онъ пожурилъ однако Евсепча за нескромность и, прочтя на моемъ лицѣ, что я не совсемъ доволенъ, сказалъ: «Вы бонтесь, что я помышаю вамъ гулять, но не бойтесь. Я стану заниматься съ вами тогда, когда вы сами будете просить о томъ. Вотъ теперь дорогой нечего намъ дѣлать, такъ мы будемъ что-нибудь читать....» И вытащилъ изъ кармана книгу. Я былъ совершенно утѣшенъ такими словами и охотно бросился бы на шею своему воспитателю; но я не смѣлъ о томъ и подумать. Мы очень много занимались дорогой; а сверхъ того, я перечиталъ наизусть все, что зналъ, даже разговаривали гораздо больше и откровеннѣе, чѣмъ въ К.; но гдѣ только можно было удить—я удилъ, сколько было мнѣ угодно. Такимъ образомъ, въ пятый день пріѣхали мы въ Ак-

саково. Прїѣздъ Григорья Иванныча былъ самою прїятною неожиданностью для моей матери; она пришла въ восхищеніе.

Противъ всякаго ожиданія мы нашли полною домъ родныхъ, гостей и большую суматоху: тетка моя Евгенья Степановна выходила замужъ и черезъ нѣсколько дней назначена была свадьба. Евгенийъ Степановичъ стукнуло уже сорокъ лѣтъ, но она была очень свѣжа и моложава; ей наскучило жить въ домѣ у невестки и находиться въ полной зависимости отъ хозяйки, которая въ старые годы много терпѣла отъ своихъ золовокъ и въ томъ числѣ отъ неѣ, хотя она была лучше другихъ. Евгенийъ Степановичъ захотѣлось, хоть подъ старость, зажить своимъ домкомъ, имѣть свой уголокъ и быть въ немъ полною хозяйкой. Она выходила за мужъ за Василья Васильевича Угличинина, цѣлый вѣкъ служившаго въ военной службѣ и недавно вышедшаго въ отставку, полковникомъ. Это былъ человекъ очень простой, добрый, смиренный и честный; ему было далеко за пятьдесятъ лѣтъ. Онъ не имѣлъ никакого состоянія, кромѣ пенсїи, и происходилъ изъ самобднѣйшихъ дворянъ или однодворцевъ, переселившихся въ Уфимское намѣстничество. Четырнадцать лѣтъ опредѣлили его въ военную службу; онъ служилъ тихо, исправно, терпѣлъ постоянную нужду, былъ во многихъ сраженіяхъ и получилъ нѣсколько легкихъ ранъ; онъ не имѣлъ никакихъ знаковъ отличія, хотя формулярный списокъ его былъ такъ длиненъ и краснорѣчивъ, что кажется должно бы его обвѣщать всякими орденами. Последнее время онъ служилъ на Кавказѣ, откуда вывезъ небольшую сумму денегъ, накопленную изъ жалованья, мудиръ безъ эполей, горскаго, побѣльшаго отъ старости, коня, ревматизмъ во всемъ тѣлѣ и катарактъ на правомъ глазу; катарактъ по счастью былъ не такъ примѣтенъ, и Василій

Васильичъ старательно скрывалъ его, боясь, что за криваго не поидеть невбѣга. У Евгеньи Степановны, въ семи верстахъ отъ ея сестры Александры Степановны, находилась деревушка изъ двадцати пяти душъ, при ней маленькій домикъ, сложенный изъ двухъ крестьянскихъ срубовъ, на родниковой рѣчкѣ Бовль, кипѣвшей форелью (уголокъ очаровательный!), и достаточное количество превосходной земли, со всякими угодьями, купленной на ея имя у Башкирцевъ за самую ничтожную цѣну, о чемъ хлопоталъ деверь ея, самъ полу-Башкирець, Н. П. Кротковъ (*). И такое ничтожное имѣніе казалось заслуженному воину спокойной пристанью, кускомъ хлѣба на старость.

Всѣ потихоньку подсмѣивались надъ старымъ и кривымъ женихомъ, кромѣ моей матери, отца и Григорья Иваныча, которые обходились съ нимъ съ уваженіемъ и привѣтливо. Злые языки объясняли ласковость моей матери тѣмъ, что она хотѣла сбить съ рукъ золовку. Но это не правда: моя мать всегда умѣла цѣнить и уважать простодушныхъ и безхитростныхъ людей; она искренно советовала Е. С. выйти за-мужъ за добраго человека, и Е. С. благодарила ее за эти совѣты, во всю свою жизнь. Григорій Иванычъ находилъ сверхъ того особенное удовольствіе въ разговорахъ съ заслуженнымъ инвалидомъ, и Василій Васильичъ, до крайности неразговорчивый съ другими, охотно отвѣчалъ на его вопросы и рассказывалъ очень много любопытнаго. Воспитатель мой тогда же обратилъ мое вниманіе и сочувствіе къ этому человѣку, объяснивъ мнѣ его достоинства, которыхъ я, по молодости лѣтъ, могъ не понять и не замѣтить. Въ домъ не было

(*) Увы! земля эта отошла, послѣ многолѣтней тяжбы съ соседственной Бовлинской тѣбой Башкирцевъ, которые доказали, что они настоящіе вотчинники. Бѣдная тетка моя купила не подалеку 900 десятинъ и должна была перевезти свою деревушку и перенести усадьбу.

мѣста для мужчинъ, даже женщины съ трудомъ помѣщались, потому что три комнаты были отдѣлены для будущихъ молодыхъ. Это привело въ затрудненіе мою мать, и она сдѣлала поступокъ, котораго мужнина родня никогда ей не прощала: она отдала Григорью Певальчу свою спальню, въ которую никто изъ постороннихъ не смѣлъ и входить, и помѣстила съ нимъ меня, разумеется на то время, пока не разъѣхались гости. Въ положенный срокъ свадьба благополучно совершилась. Отецъ мой проводилъ молодыхъ Угличинныхъ на новоселье и немедленно воротился. Наконецъ мы остались одни въ своей семьѣ.

Я прерываю свой разсказъ и забѣгаю впередъ. Такъ живо представилась мнѣ жизнь Угличинныхъ, что хочется поговорить о ней... Не смотря на недостатки и нужду, которыхъ не знала Евгенья Степановна въ своей дѣвической жизни, проведя ея сначала въ домъ родительскомъ, а потомъ въ домъ брата и снохи—и которыя она узнала за-мужемъ—она была совершенно счастлива. Она любила нѣжно и горячо своего инвалида-полковника, который также очень нѣжно и глубоко любилъ ее. Къ-сожалѣнію они не имѣли дѣтей. Евгенья Степановна до глубокой старости сохранила какой-то дѣвическій, цѣломудренный видъ; въ обращеніи съ мужемъ она была стыдлива и никогда никакой ласки при свидѣтеляхъ ему не оказывала, надъ чѣмъ иногда подсмѣивался старшій вошгъ, намекая, что не всегда Евгенья Степановна бываетъ такъ неприступна. При другихъ они были далеки между собой, всегда говорили другъ другу: *вы*, и вообще обходились очень учтиво. Съ перваго взгляда это могло показаться холодностью, но скоро взаимное, заботливое вниманіе, постоянное наблюденіе другъ за другомъ, участіе къ каждому слову и движенію — дѣлались замѣтны, и вслѣ-

кой убеждался, что Евгенья Степановна живет и дышитъ Васильемъ Васильичемъ, а Василій Васильичъ, хотя не такъ тревожно, живет и дышетъ Евгеньей Степановной. Домикъ ихъ блисталъ опрятностью и чистотою, привлекалъ уютностью, дышалъ спокойствіемъ, тишиной, счастьемъ. Нельзя сказать, чтобъ у нихъ были одинаковые вкусы, но самое разногласіе сивалось у нихъ въ стройное теченіе жизни. Евгенья Степановна, напимвръ, любила кошекъ, собачекъ и пѣвчихъ птичекъ, которыя, надобно замѣтить, какъ-то у нее не сорили, не пачкали и ничего не портили; Василій Васильичъ совсѣмъ не любилъ ихъ, но самая безобразная, хрипучая моська, съ языкомъ на сторону, по прозванію: «Калмыкъ», — была ему пріятна и дорога, потому что ее любила Евгенья Степановна, и онъ кормилъ, ласкалъ отвратительнаго Калмыка съ удовольствіемъ и благодарностью. Даже сурокъ, который зимовалъ подъ печкой, который очень забавлялъ Евгенью Степановну и очень обижалъ Василья Васильича, потому что затаскивалъ и пряталъ его туфли такъ искусно, что иногда цѣлый день не могли отыскать ихъ, отчего приходилось полковнику вставать съ постели босикомъ, — даже и сурокъ пользовался его благосклонностью. Все у нихъ въ домикъ было какъ-то на своемъ мѣстѣ, какъ-то лучше, чѣмъ у другихъ: собаки и кошки жирнѣе и опрятнѣе, пѣвчія птички веселѣе и голосистѣе, растенія зеленѣе. Подарять бывало имъ горшокъ какихъ-нибудь засыхающихъ цвѣтовъ—они у нихъ оживутъ, позеленѣютъ и необыкновенно разростутся, такъ что прежній хозяинъ выпроситъ ихъ назадъ. Въ маленькихъ комнатахъ у Евгеньи Степановны росли и стручковое дерево, и финикъ, и виноградъ отъ косточекъ изюма, и другія растенія, требующія тепличнаго содержанія. Какъ-будто въ воздухъ было нѣчто успокоительное и живительное,

отчего и животному и растенію было привольно и что замѣняло имъ, хоть отчасти, дикую свободу, или природный климатъ... Василій Васильичъ и Евгенья Степановна вмѣстѣ смотрѣли за своимъ маленькимъ хозяйствомъ, и безъ всякаго отягощенія, всего дѣлалось у нихъ вдвое болѣе, скорѣе и лучше, чѣмъ у другихъ. Вмѣстѣ ходили они по грибы и по ягоды, вмѣстѣ ловили чудную форель въ своей рѣчкѣ и вмѣстѣ радовались всякой удачѣ... Но Боже мой, что дѣлалось съ ними, если кто-нибудь изъ нихъ захварывалъ! Тутъ только оказывалась вполне эта взаимная, глубокая и нѣжная любовь, которую въ обыкновенное время не вдругъ и заметишь... Но я удержусь отъ дальнѣйшихъ подробностей, которыя завели бы меня далеко. Скажу только, что впоследствии, завѣжая иногда въ этотъ уединенный уголокъ и посмотря нѣсколько часовъ на эту безцвѣтную, скромную жизнь, я всегда поддавался ей впечатлѣнію и спрашивалъ себя: не здѣсь ли живетъ истинное счастье человеческое, чуждое неразрѣшимыхъ вопросовъ, неудовлетворяемыхъ требованій, чуждое страстей и волненій? Долго звучалъ во мнѣ гармоническій строй этой жизни, долго чувствовалъ я какое-то грустное умиленіе, какое-то сожалѣніе о потери того, что имѣть казалось такъ легко, что было подъ руками. Но когда задавалъ я себѣ вопросъ: не хочешь ли быть Васильемъ Васильичемъ?... я пугался этого вопроса и умиленное впечатлѣніе мгновенно исчезало.

Отецъ мой сдержалъ свое обѣщаніе: онъ приготовить мнѣ легонькое ружье, очень ловкое въ прикладъ и красиво отдѣланное, съ *видомъ* (*) (на манеръ тогдашнихъ охотничьихъ англійскихъ ружей), съ серебряной насѣч-

(*) Ружье, стволъ котораго къ концу толще и потому шире,—называется или называлось съ *видомъ*,

кой и целью; онъ купилъ его какъ-то по случаю, за пятнадцать рублей ассиг., и хотя ружье было тульской работы, но и по тогдашнимъ цѣнамъ стоило вдвое или втрое дороже; шаговъ на пятьдесятъ оно было очень хорошо. — Первый выстрѣлъ изъ ружья, которымъ я убилъ ворону, рѣшилъ мою судьбу: я сдѣлался безумнымъ стрѣлкомъ. На другой день я застрѣлилъ утку и двухъ болотныхъ куликовъ, и окончательно помѣшался. Удочка и ястреба были забыты, и я, увлеченный страстностью моей природы, бѣгалъ съ ружьемъ цѣлый день и грезилъ объ ружьѣ цѣлую ночь. Такъ продолжалось и послѣдующіе дни. Григорій Ивановичъ, видя меня только мелькомъ, всегда занятая и спящаго, напрасно ожидалъ, чтобы я попросилъ его заняться со мною. Онъ сказалъ о нашемъ уговорѣ моей матери, и она приказала мнѣ, чтобы я просилъ Григорья Ивановича занимать меня, каждый день два часа, чѣмъ-нибудь по его усмотрѣнію. Такое приказаніе было мнѣ очень не по вкусу, но я повиновался. Сначала Григорій Ивановичъ не могъ безъ смѣха смотреть на мою жалкую фигуру и лице, но когда, развернувъ какую-то французскую книгу и начавъ ее переводить, я сталъ путаться въ словахъ, не понимая отъ разбѣянности того, что я читалъ, ибо передъ моими глазами летали утки и кулики, а въ ушахъ звенѣли ихъ голоса, — воспитатель мой наморщилъ брови, взялъ у меня книгу изъ рукъ и, ходя изъ угла въ уголъ по комнатѣ, цѣлый часъ читалъ мнѣ наставленія, убѣждая меня, чтобы я побѣдиль въ себѣ вредное свойство увлекаться до безумія, до забвенія всего меня окружающаго.... Увы, я ничего не слышалъ, ничего не понималъ, и все его золотыя слова, справедливыя мысли, убѣдительныя доказательства — улетали на воздухъ. Видя безуспѣшность убѣжденій, Григорій Ивановичъ испробовалъ другое средство: на цѣлую не-

дѣлю оставилъ онъ меня на свободѣ, съ утра до вечера бѣгать съ ружьемъ до упаду. до совершеннаго истощенія; онъ надѣялся, что я опомнюсь самъ, что пресыщеніе новой охотой и усталость возвратятъ мнѣ разсудокъ; но напрасно: я не выпускалъ ружья изъ рукъ, мало тѣлъ, дурно спалъ, загорѣлъ, какъ Аранъ, и примѣтно похудѣлъ. Тогда наставникъ мой, опасаясь за мое здоровье, пришлалъ рѣшительныя мѣры, которыя давно совѣтовала ему моя мать, но въ распоряженія его не мѣшалась: ружье повѣсили на стѣнку, и мнѣ запретили ходить на охоту. Смѣшно и совѣстно вспомнить, что было со мною въ первыя сутки! Я плакалъ, ревелъ какъ маленькое дитя, валялся на полу, рвалъ на себѣ волосы и едва не изорвалъ своихъ книжъ и тетрадей, и конечно только огорченіе матери и кроткія увѣщанія отца спасли меня отъ глупыхъ, безумныхъ поступковъ; на другой день я какъ будто очулся, а на третій могъ уже заниматься и читать вслухъ моихъ любимыхъ стихотворцевъ со вниманіемъ и удовольствіемъ; на четвертый день я совершенно успокоился, и тогда только прояснилось лице моего наставника. Во весь эти дни онъ почти не говорилъ со мною и смотрѣлъ на меня то сурово, то съ обиднымъ сожалѣніемъ. Наконецъ онъ обратился ко мнѣ съ участіемъ и разумными, снисходительными словами, и на этотъ разъ—съ полнымъ успѣхомъ. Мнѣ было совѣстно, досадно на самого себя почти до слезъ и, переходя отъ одной крайности къ другой, я хотѣлъ отказаться совсѣмъ отъ ружья. Григорій Ивановичъ опять былъ недоволенъ; онъ не одобрилъ моего намѣренія и потребовалъ, чтобы я каждый день ходилъ на охоту или отъ утра до обѣда, или отъ обѣда до вечера; но чтобы каждый день три-четыре часа, я занимался съ участіемъ и прилежаніемъ, особенно исторіей и географіей, въ которыхъ я былъ нѣсколько слабѣе

другихъ отличныхъ учениковъ. Время потекло правильно и пріятно.

Виродолженіе этого мѣсяца, предаваясь безъ помѣхи дружескимъ и откровеннымъ разговорамъ, мои родители еще болѣе стали уважать и цѣнить свѣтлый умъ и высокія качества души Григорья Иваныча, соединенныя въ немъ съ многостороннимъ образованіемъ и основательной ученостію. Мать употребила все вліяніе своей любви на меня, чтобы я понималъ, какого человека судьба послала мнѣ наставникомъ. Она видѣла въ этомъ особенную милость Божию. Я не только понималъ, но и сильно чувствовалъ слова матери. Я увѣрялъ ее, но къ сожалѣнію никогда не могъ увѣрить вполне, что самъ горячо люблю Григорья Иваныча, что только въ семействѣ и въ деревнѣ развлекаю я разными любимыми предметами и новою, еще не испытанною мною, охотою съ ружьемъ; но что въ городѣ я объ одномъ только и думаю, какъ бы заслужить любовь и одобреніе моего воспитателя, и что одно его ласковое слово дѣлаетъ меня вполне счастливымъ.

Подростала и удивительно хорошеѣла моя милая сестра, мой сердечный другъ. Она уже не могла раздѣлять моихъ деревенскихъ забавъ и охотъ, не могла быть такъ часто со мною вмѣстѣ; но она видѣла, какъ я веселился и сносила это лишеніе терпѣливо, зато роптала на мое ученіе и вѣроятно потому, неблагоклонно смотрѣла на моего учителя.

10 августа выѣхали мы изъ Аксакова, и 15, безъ всякихъ приключеній, благополучно пріѣхали въ К.—Къ удивленію моему Григорій Иванычъ въ тотъ же день запретилъ мнѣ ходить въ классы въ гимназію, а назначилъ разныя занятія и упражненія дома. Самъ же онъ, всякой день поутру, уѣзжалъ въ гимназическій совѣтъ, въ ко-

торомъ былъ ученымъ секретаремъ, и оставался тамъ очень по долгу. Наконецъ дней черезъ пять, онъ сказалъ мнѣ, что ученье въ классахъ идетъ очень вяло, что многіе еще не съѣхались, что время стоитъ чудесное и что мы поѣдемъ къ Ивану Пнатычу въ Коцаково, чтобъ еще съ педьльку на свободѣ погулять и поучиться. Я удивился еще болѣе, но былъ очень доволенъ. Мы прожили въ Коцаковѣ не педьльку, а слишкомъ двѣ; Григорій Пванычъ нѣсколько разъ уѣзжалъ въ городъ; уѣзжалъ рано поутру, и возвращался къ позднему обѣду. Я необрацалъ на это вниманія. Когда мы переехали въ К., надругой же день Григорій Пванычъ приказалъ мнѣ ходить въ классы. Я очень весело побѣжалъ въ гимназію, но товарищи встрѣтили меня съ невеселыми лицами и сообщили мнѣ слѣдующее печальное происшествіе:

Предварительно надобно сказать, что директоръ гимназіи Л—въ, былъ очень плохимъ директоромъ и сверхъ того имѣлъ каррикатуриую наружность, не внушавшую расположенія; между прочимъ нижняя его губа была такъ велика, какъ будто ее разнесло отъ укушенія благой мухи или осы. Ни чиновники, ни воспитанники не уважали его, и еще до отъезда моего на послѣднюю ваканцію, во время обѣда, когда директоръ ходилъ по столовой залѣ, онъ былъ публично осмѣянъ учениками, раздраженными дурной кашей, въ которой кто-то нашелъ кусокъ свѣчнаго сала. Въ ту же ночь, на многихъ стѣнахъ внутри гимназіи, на стѣнахъ наружныхъ, даже на куполѣ зданія, явились ругательныя надписи директору, мастерски начерченныя краснымъ карандашомъ, крупными, печатными буквами. Надписи были помѣщены такъ высоко, что ихъ нельзя было написать безъ помощи лѣстницы, а надпись на куполѣ была признана чудомъ смѣ-

люсти и ловкости; ни тогда, ни послѣ, виноватыхъ не открыли. Я и теперь не знаю, кто это сдѣлалъ. За нѣсколько дней до возвращенія моего съ Григорьемъ Ивановичемъ изъ Аксакова, когда въ гимназiи собрались уже почти все ученики, какой-то отставной военный чиновникъ, не знаю почему называвшійся квартирмейстромъ, имѣвшій своею командой всѣхъ инвалидовъ, служившихъ при гимназiи. — прогнѣвался на одного изъ нихъ и сталъ его жестоко наказывать палками на заднемъ дворѣ, который отдѣлялся заборомъ отъ передняго и чистаго двора, гдѣ позволялось играть и гулять въ свободное время всемъ воспитанникамъ. Это случилось послѣ обѣда, когда именно все воспитанники гуляли. Вояль бѣднаго инвалида возбудилъ такую жалость въ молодыхъ сердцахъ, что нѣсколько учениковъ старшаго класса, и въ томъ числѣ Александръ К—чь, нарушили запрещенiе, прошли въ калитку на заднiй дворъ и начали громко требовать, чтобъ квартирмейстръ пересталъ наказывать виноватаго. Квартирмейстръ очень разсердился за нарушенiе своей власти, принялся кричать и ругать воспитанниковъ площадными словами, а какъ Александръ К—чь, по необыкновенной добротѣ своего сердца горячившійся болѣе всѣхъ, былъ впереди другихъ, то все ругательства прямо и непосредственно были обращены на него. Услышавъ крикъ и брань, все высшiй классъ, а за нимъ и другiе, явились на заднемъ дворѣ. Старшiй К—чь, Дмитрiй, узнавъ голосъ брата, нѣжно имъ любимаго, прибѣжалъ первый; будучи отъ природы пылкаго нрава, онъ горячо вступился за оскорбленнаго брата; воспитанники пристали къ нему единодушно; разумеется не было недостатка въ энергическихъ выраженiяхъ и угрозахъ; квартирмейстръ нашелся принужденнымъ прекратить свою расправу и поспѣшно ретироваться. Такое, ничего незначущее обсгоительство, въ

основаніи котораго лежало прекрасное чувство состраданія, а потомъ справедливое негодованіе за грубое и дерзкое оскорбленіе, — имѣю весьма печальныя послѣдствія, единственно потому, что было не понято директоромъ и дурно ведено. Сначала, письменная и покорная просьба воспитанниковъ высшаго класса состояла въ томъ, чтобы жестокій и грубый квартермистръ былъ отставленъ; но директоръ отказалъ въ ней, обвинилъ однихъ учениковъ и даже подвергъ нѣкоторыхъ какому-то наказанію. Разумѣется такая несправедливость раздражила юношей: отвергнутая почтительная просьба превратилась въ настоятельное требованіе и уклоненіе отъ заведеннаго порядка. Высшій классъ воспитанниковъ пересталъ учиться; они говорили, что до тѣхъ поръ не будутъ ходить въ классы, покуда не удалятъ изъ гимназій ненавистнаго квартермистра. Вскорѣ средній и даже нижній классъ присоединились къ старшему, а какъ вся исторія поднялась преимущественно за оскорбленіе одного изъ лучшихъ учениковъ, Александра К—ча, то естественно, что его братъ, первый во всѣхъ отношеніяхъ воспитанникъ, очень любимый товарищами, сдѣлался, такъ сказать, главою этого движенія. Директоръ струсилъ; не смѣлъ показаться ученикамъ и даже какимъ-то заднимъ ходомъ, черезъ квартиру Яковкина, проходилъ въ гимназическій советъ или конференцію; онъ посылалъ уговаривать воспитанниковъ, но переговоры оказались безплодными. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ добрый, любимый и уважаемый Василій Петровичъ Упадышевскій служилъ тогда главнымъ надзирателемъ, то все это несчастное происшествіе прекратилось бы въ самомъ началѣ; но за нѣсколько недѣль, онъ оставилъ гимназію по болѣзни, и должность его исправлялъ человекъ ничтожный. Дѣло тянулось, въ одномъ и томъ же нерѣшительномъ положеніи, дни три. Наконецъ

гимназисты, узнавъ, что директоръ сидитъ въ совѣтъ, захвативъ предварительно другой выходъ, привалили толпою къ параднымъ дверямъ конференціи и громогласно требовали исключенія изъ службы квартермистра. Директоръ хотѣлъ ухачать, но получивъ извѣстіе, что путь къ побѣгу отрезанъ и что у задняго выхода также его ожидаютъ гимназисты, — такъ перепугался и растерялся, что немедленно приказалъ составить опредѣленіе объ увольненіи вишоваго квартермистра. Опредѣленіе было прочитано воспитанникамъ; сейчасъ все успокоилось, поблагодарили начальство и возвратились къ полному повиновенію. Гимназія пришла въ обыкновенный порядокъ и учебная жизнь потекла своею обычной колесей. Сначала думали, что это происшествіе не будетъ имѣть никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, но очень ошиблись. Директоръ немедленно донесъ высшему начальству о происшедшемъ, и по чьему-то совѣту войдя въ сношеніе съ губернаторомъ, принялъ слѣдующія мѣры: черезъ нѣсколько дней, во время обѣда, вдругъ вошли въ залу солдаты съ ружьями и штыками; вслѣдъ за ними появился губернаторъ и директоръ. Последний вызвалъ по именамъ шестнадцать человекъ изъ высшаго класса, въ томъ числѣ, разумѣется, старшаго К—ча, и подъ прикрытіемъ вооруженныхъ солдатъ приказалъ отвести ихъ въ карцеръ. Все остальные были поражены ужасомъ, и мертвая тишина царствовала въ залѣ. У всѣхъ наружныхъ дверей гимназій было поставлено по два солдата съ ружьями и штыками; у дверей карцера стояло четверо. Черезъ двѣ недѣли послѣ этого печальнаго событія, пришелъ я въ первый разъ по возвращеніи съ вакаціи, или правильнѣе сказать изъ Кошачкова, въ свой высшій осиротѣвшій классъ, гдѣ и встрѣтили меня, сейчасъ разсказанное мною, повѣстью. Тутъ сдѣлалось мнѣ понятно, отчего разумный мой настав-

никъ сначала не позволилъ мнѣ ходить въ классы, а потомъ увезъ меня въ деревню. Безъ всякаго сомнѣнія, я былъ бы однимъ изъ самыхъ горячихъ участниковъ въ этомъ несчастномъ происшествіи. —Черезъ полтора мѣсяца было получено рѣшеніе высшаго начальства. Опять явился въ столовую залу губернаторъ, директоръ и весь совѣтъ, прочли бумагу, въ которой была объяснена вина возмущившихся воспитанниковъ и сказано, что въ примѣръ другимъ, восемь человекъ изъ высшаго класса, признанныхъ главными зачинщиками, Дмитрій К—чь, Петръ Алехинъ, Пахомовъ, Сыромятниковъ и Крыловъ (остальныхъ не помню) исключаются изъ гимназій безъ аттестаціи въ поведеніи. Исключены были самые лучшіе ученики. Дмитрій К—чь и Алехинъ считались красною, славой гимназій. По исполненіи приговора, которымъ все были глубоко поражены и опечалены, вывели солдатскіе караулы изъ гимназій и сняли осадное положеніе, которымъ мы очень оскорблялись.

Д—въ былъ вскорѣ уволенъ и вмѣсто него определенъ директоромъ старшій учитель П. Ѳ. Яковкинъ. Дмитрій К—чь сохранилъ надолго близкую связь съ своими гимназическими товарищами. Онъ опредѣлился на службу въ Петербургъ, каждую почту писалъ къ брату, обращаясь не рѣдко ко всемъ намъ. Его письма читали торжественно, во всеулышанье.

Пріунывшее и пріутихшее юное народонаселеніе гимназій мало по малу успокоилось, стало забывать печальное событіе, опять зашумѣло, запыло, запрыгало, захотѣло—и жизнь понеслась впередъ, какъ-будто ничего не бывало.

До половины зимы мирно текли мои классныя и домашнія упражненія, подъ неослабнымъ надзоромъ и руко-

водствомъ Григорья Иваныча; но въ это время прѣхалъ въ К. мой родной дядя А. Н. Зубовъ; онъ свозилъ меня два раза въ театръ, разумеется, съ позволенія моего воспитателя: въ оперу «Пѣснолюбіе» и въ комедію «Братомъ проданная сестра». Эти два спектакля произвели на меня почти такое же впечатлѣніе, какъ и ружейная охота. Я питалъ особенное пристрастіе къ театральнымъ сочиненіямъ, и, по рассказамъ, составилъ себѣ кое-какое понятіе объ ихъ сценическомъ исполненіи. Но дѣйствительность далеко превзошла мои предположенія. Я грезилъ видѣвшимъ мною спектаклями и день и ночь, и такъ разсѣялся, что совершенно не могъ заниматься учеьемъ. Разумеется Григорій Иванычъ сейчасъ это увидѣлъ и, допросивъ меня, узналъ настоящую причину. Нахмурился и вновь огорчился мой разсудительный наставникъ и вновь долженъ былъ я выслушать длинное поученіе. Но на этотъ разъ я сейчасъ почувствовалъ справедливость упрековъ Григорья Иваныча и понялъ вредныя слѣдствія моей склонности къ безмѣрному увлеченію. Съ большимъ усиліемъ я побдиль въ себѣ вспыхнувшую страсть къ театру, зерно которой давно во мнѣ хранилось и высказывалось въ моей охотѣ къ декламациі и къ драматическимъ піесамъ, русскимъ и французскимъ; я успокоился и съ необыкновеннымъ жаромъ принялся за учеье. Григорій Иванычъ былъ очень доволенъ. Черезъ недѣлю онъ самъ сталъ разговаривать со мной о театрѣ и сценическомъ искусствѣ, далъ мнѣ настоящее понятіе и рассказалъ мнѣ о многихъ славныхъ актерахъ, живыхъ и мертвыхъ, иностранныхъ и русскихъ. Между прочимъ упомянулъ о московскихъ актерахъ, Шушеринѣ и Плавильниковѣ. Дни три продолжались у насъ такіе пріятные для меня разговоры въ часы отдохновенія отъ серьезныхъ занятій. Вдругъ въ одинъ счастливый день, когда я, воротясь изъ гимназіи,

шилъ свой вечерній чай, Григорій Иваннычъ отвори.ть ко мнѣ дверь и весело сказа.ть: «оканчивайте поскорѣе ваше молочное питье (*). Вы должны сейчасъ ѣхать со мною». Я былъ готовъ въ одну минуту. Мы сѣли въ санн и поѣхали. Я былъ увѣренъ, что мы ѣдемъ къ Г. К. Воскресенскому, къ которому Григорій Иваннычъ изрѣдка ѣзжалъ со мною и котораго сынъ былъ моимъ товарищемъ въ гимназiи. На поворотѣ Григорій Иваннычъ приказа.ть кучеру ѣхать прямо по Грузинской улицѣ: это было не по дорогѣ къ Воскресенскому. Я удивился. Черезъ нѣсколько минутъ, когда мы поравнялись съ театромъ, онъ сказа.ть: «къ театральному подъѣзду». Кучеръ подъѣхалъ. Григорій Иваннычъ выскочилъ изъ саней, а я, обомлѣвши отъ радостной надежды, сидѣлъ неподвижно. Григорій Иваннычъ не могъ удержаться отъ смѣха и спросилъ меня: «что же? не хотите въ театрѣ?» Я выпрыгнулъ, какъ безумный. Билеты были взяты заранѣе; мы вошли въ кресла и сѣли вмѣстѣ въ первомъ ряду. Давали оперу: «Колбасники». Боже мой! Какъ я былъ счастливъ! До сихъ поръ вижу передъ собою актера, Михайла Калмыкова, въ главной роли стараго колбасника; до сихъ поръ слышу, какъ актеръ Прытковъ поетъ съ гитарой, то-есть, разбѣгаетъ ротъ, а за кулисами пѣла вмѣсто него актриса Марфуша Анкиѣва:

Предметъ драгоцѣнный
 Души распаленной,
 Услыши, что пѣвннй
 Гласить къ злой судьбѣ...

А вотъ уже слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ прошло, какъ я видѣлъ этотъ спектакль, и съ тѣхъ поръ даже не слыши-

(*) Я оченъ любилъ молоко и такъ много клалъ сливокъ въ чай, что Григорій Иваннычъ называлъ его молочнымъ питьемъ, а меня, иногда, пошлымъ теленочкомъ, что я считалъ за большую милость.

валъ объ оперѣ «Колбасники». Воротясь домой, я отъ души поблагодарилъ моего наставника и съ удовольствіемъ услышалъ отъ него, что сегодняшній спектакль былъ награжденіемъ за мое благоразуміе и что если «Колбасники» не развлекутъ меня, то отъ времени до времени мы будемъ ѣздить въ театръ. По правдѣ сказать «Колбасники» очень занимали и даже развлекали меня, но я всѣми силами старался скрывать свое впечатлѣніе и, съ помощью свѣжей необыкновенной памяти, я такъ хорошо продолжалъ свое ученье, что Григорій Ивановичъ ничего не могъ замѣтить. Въ непродолжительномъ времени, я увидѣлъ на театрѣ: «Недоросля», «Ошибки или утро вечера мудренѣе»; оперу «Инна или сумасшедшая отъ любви» и драму Коцебу «Графъ Вальтронъ». Съ каждымъ днемъ росла и крѣпла во мнѣ любовь къ театру. Я выучилъ наизусть видѣнныя мною на сценѣ пѣсы и находилъ время, не замѣтно для моего воспитателя, разыгрывать передъ самимъ собою всѣ роли въ вышесказанныхъ пѣсахъ, для чего заирался въ своей комнатѣ или уходилъ въ пустыя, холодныя антресоли.

Въ эту же зиму 1804 го года, началъ я сближаться съ однимъ своекоштнымъ ученикомъ, Александромъ П—мъ. Онъ также былъ охотникъ до театра и до русскоѣ словесности. Будучи обожателемъ Карамзина, онъ писалъ идиллическою прозой, стараясь уловить гладкость и цвѣтистость языка, созданнаго Карамзиннымъ. Братъ его Иванъ былъ лирической стихотворецъ. Александръ П-- въ издавалъ тогда письменный журналъ подъ названіемъ: «Аркадскіе пастушки», котораго нѣсколько номеровъ и теперь у меня хранятся. Всѣ сочинители подписывались какимъ-нибудь пастушескими именами, нацпримѣръ: Адописъ, Дафинсъ, Амнитъ, Присъ, Дамонъ, Палемонъ и проч-

Александръ П—въ былъ каллиграфъ и рисовальщикъ, а потому самъ переписывалъ и самъ рисовалъ картинки къ каждому номеру своего журнала, выходившему ежемѣсячно. Но истинъ, это было двойное дѣтство: нашей литературы и нашего возраста. Но замѣчательно, что направленіе и журнальныя пріемы были точно такіе же, какіе держались потомъ въ Россіи нѣсколько десятковъ лѣтъ. Названія піесъ и некоторые стихотворныя и прозаическіе отрывки, я помѣщаю въ особомъ приложеніи.

Благодаря стараніямъ моего наставника, я до того времени еще не былъ сочинителемъ, а потому и не участвовалъ въ составленіи журнала. Но къ-сожалѣнію пріемъ былъ очень увлекателенъ, и я началъ потихоньку понисывать, храни тайну даже отъ друга моего П—ва. Черезъ годъ я уже издавалъ съ нимъ журналъ, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Въ эту же зиму составилъ въ гимназій благородный спектакль. Два раза играли какую-то скучную, нравоучительную піесу, названіе которой я забылъ, и при ней маленькую комедію Сумарокова: «Приданое обманомъ.» Въ спектакль я былъ только зрителемъ: во-первыхъ потому, что много было охотниковъ постарше меня, а во-вторыхъ потому, что я не смѣлъ и заикнуться объ этомъ Григорію Ивановичу,—и напрасно, какъ это покажетъ слѣдующій годъ, въ которомъ назначено было развернуться моей театральной и литературной гимназической дѣятельности.

Уже около года носились слухи, что въ К. будетъ основанъ университетъ. Слухи стали подтверждаться, и въ декабрь 1804 года получили оффиціальное извѣстіе, что уставъ университета 5-го ноября подписанъ Государемъ. Попечителемъ былъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, Степанъ Яковлевичъ Румовскій, кото-

рый и прѣхалъ въ К. Это событіе взволновало весь городъ, еще болѣе гимназію и преимущественно старшій классъ. Конференція собиралась каждый день; въ ней председательствовали Румовскій и заѣхавшіе съ нимъ два профессора, Германъ и Цеплингъ, директоръ гимназіи Яковкинъ и все старшіе учителя. Чтò происходило тамъ — я и товарищи ничего не знали. Вдругъ въ одинъ вечеръ собралось къ Григорью Иванычу много гостей: двое новыхъ прѣзжихъ профессоровъ, правитель канцеляріи попечителя, Петръ Иванычъ Соколовъ, и все старшіе учителя гимназіи, кромѣ Яковкина; собрались довольно поздно, такъ что я ложился уже спать; гости были веселы и шумны; я долго не могъ заснуть и слышалъ все ихъ громкіе разговоры и взаимныя поздравленія: дѣло шло о новомъ университетѣ и о назначеніи въ адъюнкты и профессоры гимназическихъ учителей. На другой день Евсеньчъ сказалъ мнѣ, что гости просидѣли до трехъ часовъ, что выпили очень много пушсу и вина и что многіе уѣхали очень навеселѣ. Онъ прибавилъ, что и «нашъ» (такъ онъ называлъ Григорья Иваныча) принужденъ былъ много пить, но что онъ не былъ хмелемъ ни въ одномъ глазѣ.» У насъ въ домѣ никакой шутки никогда небывало, и мы съ Евсеньчемъ очень дивились такой новости, хотя причина была теперь очевидна: Евсеньчъ самъ вслушался, да и я рассказалъ ему, что Григорій Иванычъ былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ въ новомъ университетѣ, вмѣстѣ съ Иваномъ Пятычемъ, Левицкимъ и Эрихомъ. Изъ разговоровъ ихъ я также узналъ, что Яковкинъ былъ прямо сдѣланъ ординарнымъ профессоромъ русской исторіи и назначался инспекторомъ студентовъ, о чемъ все говорили съ негодованіемъ, считая такое быстрое возвышеніе Яковкина не заслуженнымъ, по ограниченности его ученыхъ познаній. Я вслушался

также, что говоря о студентахъ, Григорій Ивановичъ громко сказалъ: «за своего Телемака, господа, я ручаюсь.» Я догадался, что и меня хотятъ сдѣлать студентомъ, чего я никакъ не могъ надѣяться, потому что еще не дослушалъ курса въ высшихъ классахъ и ничего не зналъ въ математикъ. На другой день по утру, Григорій Ивановичъ еще спалъ, когда я уѣхалъ въ гимназію. Я спѣшилъ сообщить новость своимъ товарищамъ, но тамъ уже все знали черезъ сына Яковкина, который былъ страшный толстякъ и весьма ограниченныхъ способностей. Онъ хвастался, что и его сдѣлаютъ студентомъ, надъ чѣмъ все смѣялись. Лучшіе ученики въ высшемъ классѣ, слушавшіе курсъ уже во второй разъ, конечно надѣялись, что они будутъ произведены въ студенты; но обо мнѣ и нѣкоторыхъ другихъ никто и не думалъ. Въ тотъ же день сдѣлался извѣстенъ списокъ назначаемыхъ въ студенты; изъ него узнали мы, что всѣ ученики старшаго класса, за исключеніемъ двухъ или трехъ, поступятъ въ университетъ; между ними находились Яковкинъ и я. Въ строгомъ смыслѣ, человекъ съ десять, разумется въ томъ числѣ и я, не стоили этого назначенія, но не имѣя достаточныхъ знаній и по молодости; не говорю уже о томъ, что никто не зналъ по-латыни и весьма не многіе знали нѣмецкій языкъ, а съ будущей осени надобно было слушать нѣкоторыя лекціи на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Но тѣмъ не менѣ шумная радость одушевляла всѣхъ. Всѣ обнимались, поздравляли другъ друга и давали обещаніе съ неутомимымъ рвеніемъ заняться тѣмъ, чего намъ не доставало, такъ чтобы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, намъ не стыдно было называться настоящими студентами. Сейчасъ былъ устроенъ латинскій классъ и бѣольшая часть будущихъ студентовъ принялась за латынь. Я не послѣдовалъ этому похвальному примѣру, по какому

то глупому предубежденію къ латинскому языку. До сихъ поръ не понимаю, отчего Григорій Иваницъ, будучи самъ сильнымъ латинистомъ, позволилъ мнѣ не учиться по-латышѣ.

Нельзя безъ удовольствія и безъ уваженія вспомнить, какого побовью къ просвѣщенію, къ наукамъ, было одушевлено тогда старшее юношество гимназій. Занимались не только днемъ, но и по ночамъ. Весь похудѣли, весь перемѣнились въ лицѣ, и начальство принуждено было принять дѣятельныя мѣры для охлажденія такого рвенія. Дежурный надзиратель всю ночь ходилъ по спальнямъ, тушить свѣчки и запрещалъ говорить, потому что и въ потьмахъ повторыли наизусть другъ другу отвѣты въ пройденныхъ предметахъ. Учителя были также подвигнуты такимъ горячимъ рвеніемъ учениковъ и занимались съ ними не только въ классахъ, но во всякое свободное время, по всемъ праздничнымъ днямъ. Григорій Иваницъ читалъ для лучшихъ математическихъ студентовъ прикладную математику; его примѣру послѣдовали и другіе учителя. Такъ продолжалось и въ первый годъ послѣ открытія университета. Прекрасное, золотое время! Время чистой любви къ знанію, время благороднаго увлеченія! Я могу безпристрастно говорить о немъ, потому что не участвовалъ въ этомъ высокомъ стремленіи, которое одушевляло преимущественно казенныхъ воспитанниковъ и пансіонеровъ: своекоштные какъ-то мало принимали въ этомъ участія, и мое ученіе шло своей обычной чередой, подъ руководствомъ моего воспитателя. Вѣроятно онъ считалъ, что я не имѣлъ призванія быть ученымъ, и вѣроятно ошибался. Онъ судилъ по тому страстному увлеченію, которое обнаруживалось во мнѣ къ словесности и къ театру. Но мнѣ кажется, что натуральная исторія точно также бы увлекла меня, и можетъ быть я сдѣлалъ бы

что-нибудь полезное на этомъ поприщѣ. Впрочемъ родители мои никогда не назначали меня къ ученому званію, даже имѣли къ нему предубѣжденіе, и согласно ихъ воли Григорій Ивановичъ давалъ направленіе моему воспитанію. — Конечно университетъ нашъ былъ скороспѣлка, потому что черезъ полтора мѣсяца, то-есть, 14 февраля 1805-го года, его открыли. Преподавателей было всего шестеро; два профессора: Яковкинъ и Цеплинъ, и четыре адъюнкта: Карташевскій, Занольскій, Левицкій и Эрихъ (*).

(*) Вотъ списокъ студентовъ, открывавшихъ университетъ: кажется я забылъ двухъ или трехъ:

Казенные студенты и пансіонеры:

Василій Перевошниковъ.
 Дмитрій Перевошниковъ.
 Василій Кузминскій.
 Александръ Княжевичъ.
 Петръ Баясинковъ.
 Петръ Кондыревъ.
 Александръ Петровъ.
 Оминъ.
 Ляпуновъ.
 Николай Трухинъ.
 Николай Кинтеръ.
 Петръ Зыковъ.
 Василій Тимьянскій
 Чесновъ.
 Михайла Пестяковъ.
 Михайла Поповъ.
 Василій Чуфаровъ.
 Кайсаровъ.
 Яковкинъ.
 Риттау.
 Владиміръ Граффъ.
 Выдрацкій.
 Андреевъ.
 Шоникъ.
 Николай Упадышевскій (стар.).

Своекоштные студенты:

Николай Панаевъ.
 Иванъ Панаевъ.
 Александръ Панаевъ.
 Александръ Дмитріевъ.
 Сергій Аксаковъ.
 Порфирій Безобразовъ.
 Еварестъ Груберъ.

Въ 1805 году, письма Дмитрія К—ча, всегда получаемыя и выслушиваемыя съ живымъ участіемъ, пріобрѣли особенный политическій интересъ. Тогда шла первая война съ Наполеономъ. Не знаю, почему извѣстія о военныхъ событіяхъ какъ-то трудно и поздно до насъ доходили. К—чь же сообщалъ ихъ намъ скоро и подробно. Сверхъ того, письма его были проникнуты горячей любовью къ славы русскаго оружія, а потому дѣйствовали на всѣхъ насъ электрически. Бывало только крикнетъ Александръ К—чь: «письмо отъ брата!» какъ все мы сейчасъ окружали его дружною и тѣсною толпою; лежа другъ у друга на плечахъ, въ глубокой тишинѣ, прерываемой иногда восторженными восклицаніями, жадно слушали мы громогласное чтеніе письма; даже гимназисты прибѣгали къ намъ и участвовали въ слушаніи этихъ писемъ. Знаменитый Багратионъ былъ нашимъ любимцемъ, и когда мы слышали, что онъ, оставленный на жертву, пробился съ своимъ отрядомъ сквозь цѣлую армію Французовъ, — такое грянуло ура, такой былъ общій единодушный восторгъ, что я и описать не умю. Много было жизни въ порѣ нашей юности и отрадно вспоминать о ней.

Для воспитанниковъ, назначенныхъ въ студенты, не произвели обыкновенныхъ экзаменовъ, ни гимназическихъ, ни университетскихъ, а напротивъ все это время употребили на продолженіе ученья, приготовительнаго для слушанья университетскихъ лекцій; не знаю, почему Григорій Иванычъ, за нѣсколько дней до акта, отправилъ меня на вакацію, и мы съ Евсеичемъ уѣхали въ Старое Аксаково, Симбирской губерніи, гдѣ тогда жило все мое семейство. Какая была причина этого перемѣненія изъ новаго Оренбургскаго Аксакова — также не знаю, но оно было мнѣ очень досадно; въ Старомъ, безводномъ Аксаковѣ не было никакого уженья, да и стрель-

бы очень мало; правда, дичи льеной водилось тамъ много, можно было найти и бекасовъ и дупелей, но эта трудная охота была мнѣ еще недоступна. Зная все это напередъ, я запасся театральными пьесами, чтобы дома на свободѣ прочесть ихъ и даже разыграть передъ глазами моего семейства, что и было потомъ исполнено мною съ большимъ успѣхомъ и наслажденіемъ. — Отецъ и мать очень обрадовались моему назначенію въ студенты, даже съ трудомъ ему вѣрили и очень жалѣли, что Григорій Ивановичъ не оставилъ меня до акта, на которомъ было предложено провозгласить торжественно имена студентовъ и раздать имъ шпаги. Боже мой, какъ обрадовалась мнѣ моя милая сестра! Съ какимъ наслажденіемъ слушала она мое чтеніе, или лучше сказать, разыгрыванье трагедій, комедій и даже оперъ, въ которыхъ я отвечала одинъ за всѣхъ актеровъ и актрисъ: картавила, гнусила, пицала, басила и пѣла на весь голоса, даже иногда костюмировалась съ помощію всякой домашней рухляди. Кроме того, зная, что съ половины августа я начну слушать лекціи натуральной исторіи у профессора Фукса, только что пріѣхавшаго въ К., я рѣшила заранѣе, что буду собирать бабочекъ, и въ эту вакацію, съ помощію моей сестры, сдѣлать уже приступъ къ тому; но, увы, не умѣя раскладывать и высушивать бабочекъ, я погубила по-напрасну множество этихъ прелестныхъ твореній. Въ продолженіе вакаціи мы два раза ѣздили въ Чуфарово къ Надеждѣ Ивановнѣ Куроѣдовой и гостили тамъ по цѣлой недѣлѣ. Отъ Старога Аксакова до Чуфарова всего было верстъ сорокъ или пятьдесятъ. Надежда Ивановна была очень довольна, что я сдѣлала студентомъ; съ гордостію рассказывала о томъ всякому гостю, наряжала меня въ мундиръ и очень жалѣла, что у меня не было шпаги; даже подарила мнѣ на книги десять рублей ассигнаціями. Узнавъ какъ-то

печально о моемъ театральномъ искусствѣ, о которомъ прямо доложить ей не смѣли, ибо опасались, что оно можетъ ей не понравиться, — она заставила меня читать, представлять и пѣть, и къ моей великой радости осталась очень довольною и много хохотала. Она никогда не видывала театра и, по своей живой, веселой и понимающей природѣ, она почувствовала неизвѣстное ей до тѣхъ поръ удовольствіе. Особенно ей понравилось мое обыкновенное чтеніе. Иногда отъ скуки, преимущественно по зимамъ, уставъ играть въ карты, пѣть пѣсни и тогдашніе романсы, уставъ слушать сплетни и пересуды, она заставляла себя читать вслухъ современные романы и повѣсти, но всегда была недовольна чтеніемъ; одна только мать моя нѣсколько ей угождала. Послушавъ же меня, она сказала: «вотъ какъ надо читать;» и съ тѣхъ поръ, не смотря на лѣтнее время, которое она обыкновенно проводила въ своемъ чудесномъ саду, Надежда Ивановна каждый день заставляла меня читать часа по два и больше. Иногда являлся на сцену «Мельникъ» «Аблесимова» и «Сбитеньщикъ» Княжнина—и какъ добродушно, звонко смѣялась она, глядя, какъ маленькій мальчикъ представляетъ мельника и сбитеньщика. Я пріобрѣлъ полное благоволеніе Надежды Ивановны, чему очень радовались въ моемъ семействѣ, потому что мысль о будущемъ богатствѣ, которымъ она нѣкогда обѣщала надѣлать насъ, не могла быть совершенно чуждою человѣческимъ соображеніямъ и расчетамъ. При моемъ отъѣздѣ, я получилъ милостивое приказаніе отъ Надежды Ивановны писать къ ней каждый мѣсяць два раза, что было въ точности исполняемо мною до самой ея кончины.

УНИВЕРСИТЕТЪ.

УНИВЕРСИТЕТЪ.

Я благополучно воротился въ К. и очень обрадовался, увидѣвъ Григорья Иваныча. Онъ встрѣтилъ меня ласково. Первымъ моимъ дѣломъ было достать мою студентскую шапку, которая до моего прибытія хранилась въ кладовой, у дежурнаго надзирателя. Мы съ Александромъ П—мъ, прицѣпивъ свои шапки, цѣлое воскресенье бѣгали по всемъ городскимъ улицамъ, и какъ тогда это была новость, то мы имѣли удовольствіе обращать на себя общее вниманіе и любопытство. Больше просвѣщенное лакейство, сидя и любезничая съ горничными у воротъ господскихъ домовъ, не рѣдко остряло на нашъ счетъ, говоря: «ой студено—студенты идутъ.»—Въ гимназій щли большіе хлопоты о назначеніи студентамъ особыхъ комнатъ, отдѣльно отъ гимназистовъ, помѣщавшихся въ томъ же зданіи гимназій, объ устройствѣ студентамъ особеннаго стола въ другой небольшой залъ и объ открытіи новыхъ университетскихъ лекцій. Наконецъ въ исходѣ августа все было улажено и лекціи открылись въ слѣдующемъ порядкѣ: Григорій Иванычъ читалъ чистую, высшую математику; Иванъ Ивановичъ—прикладную математику и опытную физику; Левиц-

кій—логику и философію; Яковкинъ—русскую исторію, географію и статистику; профессоръ Цеплинъ—всеобщую исторію; профессоръ Фуксъ—натуральную исторію; профессоръ Германъ—латинскую литературу и древности; Эрнхъ—латинскую и греческую словесность, и прѣхавшій адъюнктъ Эвествъ—химію и анатомію. Былъ еще какой-то толстый профессоръ, Бюнеманъ, который читалъ право естественное, политическое и народное на французскомъ языкѣ; лекцій Бюнемана я рѣшительно не помню, хотя и слушалъ его. Вотъ въ какомъ смѣшеніи факультетовъ и младенческомъ составѣ, открылся нашъ университетъ. Яковкинъ, какъ инспекторъ студентовъ и директоръ гимназій, соединялъ въ своемъ лицѣ званіе и власть ректора; подъ его председательствомъ совѣтъ Казанской гимназій, въ которомъ присутствовали всѣ профессора и адъюнкты, управлялъ университетомъ и гимназіей по части учебной и образовательной. Хозяйственною же частью завѣдывала контора гимназій, также подъ председательствомъ Яковкина; одинъ изъ университетскихъ преподавателей находился въ ней постояннымъ членомъ. Яковкинъ, для соблюденія благочинія, съ позволенія попечителя, назначалъ камерныхъ студентовъ и дѣлалъ другія необходимыя распоряженія. Многіе воспитанники, въ томъ числѣ и я, не выслушавшіе полнаго гимназическаго курса, продолжали учиться въ нѣкоторыхъ высшихъ классахъ гимназій, слушая въ тоже время университетскія лекціи. Я былъ этому очень радъ, потому что мнѣ было бы больно разстаться съ Ибрагимовымъ. Этотъ человекъ такъ искренно меня любилъ, такъ охотно занимался со мною, что время, проведенное въ его классахъ, осталось однимъ изъ пріятныхъ воспоминаній моей юности. Я долженъ признаться, что Ибрагимовъ слишкомъ много мною занимался въ сравненіи съ другими воспитанниками и что мое самолюбіе, подстрекаемое и удовлет-

воряемое его отзывами передъ цѣлымъ классомъ, играло въ этомъ дѣлѣ не послѣднюю роль. И такъ очевидно, что переходъ изъ гимназіи въ университетъ былъ вообще для всѣхъ мало замѣтенъ, особенно для меня и для студентовъ, продолжавшихъ ходить въ нѣкоторые гимназическіе классы.

Съ открытія университета, дружба моя съ Александромъ П—вымъ, также произведеннымъ въ студенты, росла не по днямъ, а по часамъ, и скоро мы сдѣлались такими друзьями, какими могутъ быть люди въ годахъ первой молодости; впрочемъ Александръ П—въ былъ старше меня тремя годами, слѣдственно восемнадцати лѣтъ. Григорій Ивановичъ одобрялъ нашу дружбу. Кроме любви къ литературѣ и къ театру, которая соединила меня съ Александромъ П—вымъ, скоро открылась новая, общая склонность: натуральная исторія и собираніе бабочекъ; эта склонность развила въ насъ впрочемъ вполне слѣдующею весною. Настоящая же зима исключительно обратила насъ къ театру, потому что неожиданно на публичной сценѣ явился московскій актеръ Плавильщиковъ. Его пріѣздъ имѣлъ важное для меня значеніе. Григорій Ивановичъ, говорившій мнѣ и прежде о Плавильщиковѣ, не только заранее позволилъ мнѣ быть въ театрѣ всякой разъ, когда Плавильщиковъ игралъ, но даже былъ очень доволенъ, что я увижу настоящаго артиста и услышу правильное, естественное, мастерское чтеніе, которымъ по справедливости славился Плавильщиковъ. Ходить часто въ партеръ или кресла, студенты были не въ состояніи: мѣсто въ партерѣ стоило рубль, а кресло 2—50 к. ассигнаціями, а потому мы постоянно ходили въ раекъ, платя за входъ 25 коп. мѣдью. Но раекъ представлялъ для насъ важное неудобство: спектакли начинались въ 6½ часовъ, а классъ и лекціи

оканчивались въ 6; слѣдовательно оставалось только время добѣжать до театра и помѣститься уже на заднихъ лавкахъ въ райкъ, съ которыхъ ничего не было видно, ибо переднія занимались зрителями за долго до представленія. Для отвращенія такого неудобства употреблялись слѣдующія мѣры: двое изъ студентовъ, а иногда и трое, покрупнѣе и посильнѣе, часовъ въ пять и ранѣе, отправлялись въ театръ, занимали по краямъ порожнюю лавку и не пускали на нее никого. Сначала это необходимо безъ ссоръ, но потомъ посѣтителн райка привыкли къ такому порядку и дѣло обходилось мирно. Мы приходили обыкновенно передъ самымъ поднятiемъ занавѣса и садились на приготовленные мѣста. Сначала передовые студенты уходили изъ классовъ потихоньку, но въ послѣдствіи многіе профессора и учителя, зная причину, смотрѣли сквозь пальцы на исчезновеніе нѣкоторыхъ изъ своихъ слушателей, а достолюбезный Ибрагимовъ не рѣдко говаривалъ: «а что, господа, не пора ли въ театръ?» даже оканчивалъ иногда ранѣе получасомъ свой классъ. Доставка афишъ возлагалась на своекоштныхъ студентовъ. Печатныхъ афишъ тогда въ городъ не было; нѣкоторыя почетныя лица получали афиши письменныя изъ конторы театра, а городъ узнавалъ о названіи пiесы и объ именахъ дѣйствующихъ лицъ и актеровъ изъ объявленія, прибиваемаго четырьмя гвоздиками къ колоннѣ или къ стѣнѣ главнаго театральнаго подъезда. Я долженъ признаться, что мы воровали афиши. Подъѣдешь бывало къ театральному крыльцу, начнешь читать афишу и выждавъ время, когда кругомъ никого нѣтъ, сорвешь объявленіе, спрячешь въ карманъ и отправляешься съ добычею въ университетъ. Въ послѣдствіи содержатель театра, Есиповъ, узнавъ студентскія проделки, далъ позволеніе студентамъ получать афишу въ конторѣ театра.

Игра Плавильщикова открыла мнѣ новый міръ въ театральномъ искусствѣ. Я не могъ тогда, особенно сначала, видѣть недостатковъ Плавильщикова и равно восхищался имъ и въ трагедіяхъ, и въ комедіяхъ, и въ драмахъ; по какъ онъ прожилъ въ К. довольно долго, поставилъ на сцену много новыхъ пьесъ, между прочимъ комедію свою «Бобль», имѣвшую большой успѣхъ, и даже свою трагедію «Ермакъ», не имѣющую никакого достоинства (*) и успѣха, и сыгралъ нѣкоторые роли по два и по три раза — то мы вглядѣлись въ его игру и почувствовали, что онъ гораздо выше въ «Ботъ», чѣмъ въ «Дмитрій Самозванецъ», въ «Досажаевъ», чѣмъ въ «Магометъ», въ «Отецъ семейства», чѣмъ въ «Рославъ». Торжествомъ въ искусствѣ чтенія были у Плавильщикова роли «Тита» въ «Титовомъ милосердіи» и особенно «пастора» въ «Сынъ любви». Исполненіе этой послѣдней роли привело меня въ совершенное изумленіе. Пастора игралъ въ К. прѣплюхой актеръ, Максимъ Гуляевъ, и это лице въ пьесѣ казалось мнѣ и всей публикѣ нестерпимо скучнымъ, такъ что длинный монологъ, который онъ читаетъ барону Нейгофу, былъ сокращенъ въ нѣсколько строкъ по общему желанію зрителей. Плавильщиковъ возстановилъ во всей полнотѣ это лице и убилъ имъ все остальные. И въ самомъ дѣлѣ, онъ игралъ роль пастора превосходно. Плавильщиковъ же поставилъ въ К. «Эдина въ Аоннахъ.» Стихи Озерова были тогда пльзнительной новостью; они увлекали всехъ, и игра Плавильщикова въ роли Эдина произвела общій

(*) Какой-то проказникъ написалъ крупными буквами углемъ на главномъ театральномъ подъездѣ:

«Піеса Ермака
Не стоитъ пятака.»

Эта глупая острота, говорятъ, сильно оскорбила Плавильщикова.

восторгъ (*). Яркій свѣтъ сценической истины, простоты, естественности тогда впервые озарилъ мою голову. Я почувствовалъ все пороки моей декламаціи и съ жаромъ принялся за переработку моего чтенія. Нѣчто подобное говорилъ мнѣ прежде и требовалъ отъ меня мой воспитатель, но я плохо понималъ его. Какже скоро я услышалъ Плавильщикова въ лучшихъ его роляхъ, я понялъ въ одно мгновеніе, чего хотѣлъ въ моемъ чтеніи Григорій Ивановичъ. Вотъ какъ примѣръ уясняетъ понятія гораздо лучше всякихъ разсужденій. Тогда, подь руководствомъ Григорья Ивановича, я горячо взялся за трудную работу и черезъ двѣ недѣли прочелъ другу моему Александру П—ву извѣстный длинный монологъ изъ роли Пастора. П—въ до того былъ удивленъ, что ничего не могъ произнести, кромѣ словъ: «ты Плавильщиковъ... ты лучше Плавильщикова!» Въ тотъ же день Александръ П—въ явился въ университетъ прежде меня и успѣлъ разсказать всемъ о новомъ своемъ открытіи. Когда же я пришелъ на лекціи, студенты окружили меня дружною толпою и заставили прочесть монологъ пастора и тѣ мѣста изъ разныхъ пьесъ, которыя я зналъ наизусть. Хотя не называли меня Плавильщичковымъ, но все очень хвалили, и у старшихъ студентовъ сейчасъ родилась мысль затѣять университетскіе спектакли. Начальство не вдругъ на это согласилось, а потому мы съ Александромъ П—вымъ, состряпавъ какую-то драму, разыграли ее, съ помощью его

(*) Не смотря на общее и мое собственное увлеченіе, я замѣтилъ, что Плавильщиковъ въ Эдипѣ иногда сбивается съ тону своей роли и часто, вмѣсто дряхлаго старика, играетъ молодаго и сильнаго человека, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оглушительный крикъ, кромѣ неестественности, лишаетъ силы, мѣшаетъ дѣйствию рѣчей изнеможеннаго старца. Живость движеній, при отыскиваніи дочери, показала мнѣ и многимъ даже смѣшного.

братьевъ, въ общей ихъ квартирѣ, довольно большомъ каменномъ домѣ, принадлежавшемъ дядѣ ихъ Страхову. Я не помню названія и содержанія этой пьесы, разумѣется нелюдно-дѣтской, но помню, что игралъ въ ней двѣ роли: какого-то пустышника старика—въ первыхъ двухъ дѣйствіяхъ, и какого-то атамана разбойниковъ—въ третьемъ, при чемъ былъ убитъ изъ пистолета. Въ роли старика я отличился.—Дозволеніе устроить театръ съ авансценою и декораціями въ одной изъ университетскихъ залъ, долго не приходило отъ попечителя, который жилъ въ Петербургѣ: а потому мы выпросили позволеніе у директора Яковкина составить домашній спектакль, безъ устройства возвышенной сцены и безъ декорацій, въ одной изъ спальныхъ комнатъ казенныхъ студентовъ. Сколько пріятной суматохи и возни было по этому случаю! Спшили занавѣсъ изъ простынь и перегородили ими большую и длинную комнату, кроватями отделили мѣсто для сцены, и класными подсвѣчниками освѣтили ее. Мы сыграли комедію: «Такъ и должно» Вережкина, и маленькую пьесу: «Приданое обманомъ» Сумарокова. Въ первой пьесѣ я игралъ роль стараго Доблестина, а молодаго Доблестина—Александръ П—въ. Афросинью Сысоевну игралъ студентъ Д. П., лакея Угара — Петръ Балисниковъ, судью — В. Кузминскій, съ приписью подъячаго—Петръ Зыковъ, который привелъ всѣхъ зрителей въ неописанный восторгъ своимъ комическимъ талантомъ. Не помню, кто игралъ какую-то молодую женскую роль,—кажется, Александръ К—чъ. Костюмы были уморительные: напримѣръ старый Доблестинъ явился въ солдатскомъ изорванномъ сюртукѣ одного изъ нашихъ сторожей-инвалидовъ; на головѣ имѣлъ парикъ изъ пакли, напудренный мѣломъ, а на рукахъ цѣпи съ цѣпной дворовой собаки, которая на этотъ вечеръ получила свободу и кого-

то больно укусила. Д. П., по своему немоложавому и блѣдному лицу и нѣсколько сильному голосу, былъ очень хорошъ въ роли старухи, и это амбула навсегда за нимъ осталось. Я, съ моей собачьей цѣпью, произвелъ сильный эффектъ и былъ провозглашенъ большимъ талантомъ и актеромъ, а равно и П. Зыковъ. Но, увы, другъ мой Александръ П—въ, не смотря на прекрасную наружность, очень не понравился всемъ въ роли молодого Доблестина. Въ самомъ дѣлѣ, онъ имѣлъ какой-то плаксивый и холодный тонъ; много ему вредило также произношеніе на о, отъ котораго онъ не могъ отвыкнуть. Это былъ мой первый публичный театральный успѣхъ, потому что спектакль у П—выхъ происходилъ секретно и зрителей было очень мало; но здѣсь находилось университетское и гимназическое начальство, профессоры, учителя и даже ихъ жены и дочери, не говоря уже о студентахъ и гимназистахъ, которыхъ наблюлъ столько, сколько могло помѣститься. — Вскорѣ получили позволеніе отъ попечителя: устроить театръ для казенныхъ студентовъ «въ награду за ихъ отличное прилежаніе». Инспектору было однако предписано наблюдать за выборомъ пьесъ, а равно и за тѣмъ, чтобы это «благородное удовольствіе не отвлекало отъ занятій учебныхъ». Мы все были въ восторгѣ. Сцену и кулисы, которыя удобно и скоро снимались, построили на казенный счетъ; но студенты сами писали декорации, и тѣмъ значительно сократили расхѣды. Сначала театръ хотѣли помѣстить въ одной изъ залъ; но это оказалось неудобнымъ по ея величинѣ и показалося дорого начальству, и потому для театра выбрали одну классную комнату, которая представляла большое удобство тѣмъ, что разделялась посерединѣ нишею. Прежде это были двѣ комнаты, но за нѣсколько лѣтъ выломали разделяющую ихъ стѣну и для поддержанія потолка оставили нишу, под-

пертую по бокамъ двумя колоннами; для устройства сцены это было чрезвычайно удобно. Впрочемъ, не дождавшись окончательно постановки театра, мы сыграли въ вышеупомянутой мною залѣ комедію Коцебу: «Независть къ людямъ и раскаяніе.» Я отличился въ роли Незвѣстнаго, и слава моя установилась прочно. По общему согласію, сочинили театральнѣй уставъ, который утвердили подписаніемъ всѣхъ участвующихъ въ театральнѣхъ представленіяхъ, и выбрали меня, не смотря на мою молодость, директоромъ труппы, но, увѣ, не на долго: едва успѣли мы сыграть комедію того же Коцебу «Брюзгливый» и маленькую піеску «Новый вѣкъ», въ которыхъ я также отличился, — какъ стеченіе несчастныхъ обстоятельствъ на цѣлѣй годъ удалило меня со сцены. Подобно разсказать нѣсколько подробнѣе это геронко-комическое происшествіе. Послѣ «Брюзгливаго», затѣяли мы сыграть драму: «Мейнау или слѣдствіе примиренія», написанную какимъ-то Нѣмцемъ для выраженія своего мнѣнія, что примиреніе Мейнау съ преступной женой, чѣмъ оканчивается комедія Коцебу: «Независть къ людямъ и раскаяніе» — не можетъ возстановить ихъ семейнаго счастья. Въ этой піесѣ есть маленькая роль генерала, бывшаго некогда обольстителемъ Эйлаіи: онъ встрѣчается нечаянно съ Мейнау и его женой, Эйлаіа падаетъ въ обморокъ, а мужъ вызываетъ генерала на дуэль и убиваетъ его изъ пистолета. Александръ П — въ, такъ неудачно сыгравшій молодаго Доблестина, мало участвовалъ въ театральнѣхъ представленіяхъ, оставаясь однако въ числѣ актеровъ; но когда онъ узналъ, что мы намѣрены разыграть «Мейнау», то упросилъ меня дать ему роль генерала. Онъ сознавался, что у него нѣтъ сценическаго таланта, но желалъ сыграть эту роль по особеннымъ причинамъ. Причина была мнѣ извѣстна: онъ былъ не равнодушенъ къ одной дѣвицѣ,

ной посетительницѣ нашихъ спектаклей, и ему хотѣлось явиться передъ ней на сценѣ въ генеральскомъ мундирѣ съ большими эполетами и пасть въ ея глазахъ отъ роковой пули. Я зналъ, что товарищи будутъ недовольны моимъ распоряженіемъ и что на эту роль мѣтили другой актеръ — Петръ Балясниковъ, по своему характеру и дарованіямъ имѣвшій сильное вліяніе на студентовъ, который безъ всякаго сравненія сыгралъ бы эту роль гораздо лучше. Но дружба заставила меня покривить душой, и я отдалъ роль генерала Александру П—ву, на что, какъ директоръ, я имѣлъ полное право (*). Товарищи сейчасъ сказали мнѣ, что П—въ испортитъ пьесу, но я отвѣчалъ, что эта роль маленькая и пустая, что П—въ мнѣ ее читалъ очень хорошо, что я беру на себя поставить его, какъ слѣдуетъ, и что его красивая наружность весьма идетъ къ этой роли. Уважая во мнѣ власть директора, все повиновались, разумеется весьма не охотно. На первой же репетиціи другъ мой Александръ такъ всемъ не понравился, что мнѣ больно было на него смотреть. Вновь приступили ко мнѣ товарищи съ просьбою: отдать роль генерала кому-нибудь другому; но я не согласился, извинялъ П—ва незнаніемъ роли, ручался что я его выучу и что онъ будетъ хорошъ. Я предвидѣлъ бурю и просилъ моего друга наединѣ, отказаться отъ роли, но онъ умолялъ меня со слезами не лишить его возможности произвести выгодное впечатлѣніе на сердце любимой особы, когорую онъ ревновалъ именно къ Балясникову. Онъ такъ разжалобилъ меня, что я далъ ему клятву никому не отдавать роли генерала, кромѣ его. Я обѣщалъ даже, что въ случаѣ сильнаго возстанія, откажусь отъ роли

(*) Въ одномъ изъ параграфовъ устава было сказано: «директоръ назначаетъ роли и все актеры должны безпрекословно повиноваться его назначенію.»

Мейнау. На второй репетиции, несмотря на знаніе роли, П—въ читать её также неудачно. Пользуясь правомъ директора, я не позволю никому, кромѣ играющихъ актеровъ, присутствовать на этой репетиции, но въ самое то время, когда Александръ П—въ, въ роли генерала, велъ со мною сцену, я замѣтилъ, что двери отворились, и Балясниковъ, сопровождаемый Кузминскимъ, Кнштеромъ, Зыковымъ и другими, вошелъ съ насмѣшливымъ и наглýmъ видомъ, и сталъ передъ самою сценою. Едва я успѣлъ застрѣлить П—ва, какъ всѣ мои товарищи-актеры окружили меня и рѣшительно требовали, чтобы я передалъ роль генерала именно Балясникову. П—въ поблѣднѣлъ. Движимый горячею дружбою и оскорбленный въ моемъ директорскомъ достоинствѣ, я грозно отвѣчалъ: «что этого никогда не будетъ и что они вмѣшиваются не въ свое дѣло, и что если они не хотятъ меня слушаться, то я отказываюсь отъ роли Мейнау и не хочу участвовать въ театрѣ.» Я думалъ поразить всѣхъ послѣдними словами. Голова моя была сильно вскружена отъ похвалъ и высокаго о себѣ мнѣнія, и я считалъ, что театръ безъ меня невозможенъ; но противники мои только того и ждали. Балясниковъ выступилъ впередъ и произнесъ дерзкую рѣчь, въ которой между прочимъ сказалъ, что я зазнался, считаю себя великимъ актеромъ, употребляю во зло право директора и изъ дружбы къ Александру П—ву, который играетъ гадко, жертвую спектаклемъ и всеми актерами. «Наши похвалы дали тебѣ славу, прибавилъ онъ,—мы же ее у тебя и отнимемъ и уверимъ всѣхъ, что ты драшней актеръ; мы лишаемъ тебя директорства и исключаемъ изъ числа актеровъ.» Всѣ единогласно подтвердили его слова. Хотя я ожидалъ возстанія противъ моеѣ власти, но не предвидѣлъ такого удара. Собравъ все присутствіе духа, съ геройскою твердостью, я взялъ моего друга Александра за

руку и не сказавъ ни слова, вышелъ изъ компаты. Воротаясь домой, ошеломленный моимъ паденіемъ, чувствуя свою неправоту, я утѣшалъ себя мыслію, что пожертвовалъ моимъ самолюбіемъ и страстью къ театру — спокойствію друга. Я думалъ, что пьеса безъ меня не можетъ идти и что ненавистный его соперникъ не явится въ блестящихъ эпизодахъ и не похититъ сердца красавицы. Но каково было пораженіе для меня и П—ва, когда, пріѣхавъ на другой день въ университетъ, мы узнали, что еще вчера труппа актеровъ выбрала Балясникова своимъ директоромъ, что онъ играетъ роль генерала, а моя роль отдана Дмитріеву. Надобно сказать, что этотъ замѣчательный и даровитый своеобразный студентъ, Дмитріевъ, былъ вездѣ постояннымъ моимъ соперникомъ, надъ которымъ однако до сихъ поръ, я почти всегда торжествовалъ. Въ классахъ у Ибрагимова, его сочиненія на заданные предметы, иногда не уступали моимъ, и не смотря на нѣкоторое пристрастіе ко мнѣ, два раза Ибрагимовъ публично сказалъ, что на этотъ разъ онъ не знаетъ, чьему сочиненію отдать преимущество: моему или Дмитріева? Онъ славился также искусствомъ декламации, и я видалъ, что иногда собиралась около него толпа слушателей, когда онъ читалъ какіе-нибудь стихи. Говоря по совѣсти, я долженъ сказать, что у Дмитріева, можетъ быть, болѣе было таланта къ литературѣ и театру, чѣмъ у меня; но у него не было такой любви ни къ тому, ни къ другому, которою я былъ проникнутъ исключительно, а потому его дарованія остались не развитыми, не обработанными; даже въ наружности его, нѣсколько грубой и суровой, во всѣхъ движеніяхъ, видна была не только неловкость, но какаютто угловатость и неуклюжесть. Къ нему-то обратились мои товарищи и не безъ труда упростили его взять роль Мейнау. Мнѣ никогда не входило въ голову, чтобъ

этотъ дикарь согласился выйти на сцену. Сейчасъ дали ему піесу, заставили читать вслухъ, и весь безъ исключенія пришли въ восторгъ отъ его чтенія. Намъ рассказали, что многіе были тронуты до слезъ и что другъ Дмитріева, студентъ Чесновъ (самый добрый хохотунъ и пошлякъ) и студентъ Д. П. — плакали навзрыдъ (*). Мы съ Александромъ П—вымъ были убиты, уничтожены: я—въ моемъ самолюбіи, въ моей любви къ театру, П—въ—въ любви къ университетской красавицѣ. Еслибъ я, поступя справедливо, отдалъ роль генерала другому—не играть бы было Балясникову генерала, не являться въ блестящихъ эполетахъ!—Драма: «Мейнау или слѣдствіе примиренія» была наконецъ сыграна, но не такъ удачно, что послужило нѣкоторымъ утѣшеніемъ мнѣ и П—ву. Впрочемъ мы оба не были на представленіи, и я говорю объ неудачѣ этого спектакля по общему отзыву не студентовъ, а учителей и постороннихъ зрителей; студенты же, напротивъ, особенно актеры, превозносили похвалами Дмитріева. Я самъ убѣжденъ, что если не вездѣ то во многихъ сильныхъ мѣстахъ роли, онъ былъ очень хорошъ, потому что я видѣлъ его на репетиціи.

Оторванный отъ театра стеченіемъ обстоятельствъ, я бросился въ другую сторону — въ литературу, въ натуральную исторію, которую читалъ намъ на французскомъ языкѣ профессоръ Фуксъ, и всего болѣе пристрастился къ собиранію бабочекъ, которымъ увлекался я до чрезвычайности. Александръ П—въ былъ вернымъ товарищемъ

(*) Вообще Дмитріевъ былъ существо загадочное; онъ занимался всѣми предметами отлично, но ни съ кѣмъ, кроме Чеснова, не говорилъ ни слова и всѣхъ дичился, а потому никто не зналъ его; съ Чесновымъ же онъ былъ не разлученъ, безпрестанно съ нимъ хохоталъ, шучился, щекотался, толкался и дрался, какъ десятилѣтній школьникъ; часто подучалъ за это выговоры, и какъ скоро переставалъ играть съ Чесновымъ, дѣлался угрюмъ и мраченъ.

и сотрудиномъ моимъ во всемъ. Все свободное время мы бродили съ рапметками (*) по садамъ, лугамъ и рощамъ, гоняясь за попадающимися намъ денными и сумеречными бабочками; а почивыхъ отыскивали подъ древесными сучьями и листьями, въ дуплахъ, въ трещинахъ заборовъ и каменныхъ стѣнъ.

Слушаніе нѣкоторыхъ университетскихъ лекцій и продолженіе ученія въ двухъ высшихъ классахъ гимназій, шло довольно удовлетворительно, но не отлично. Я началъ было слушать съ большимъ участіемъ анатомію, и покуда рѣзали живыхъ и мертвыхъ животныхъ, ходилъ на лекцію очень охотно. Я даже считался очень хорошимъ ученикомъ. Но когда дѣло дошло до человѣческихъ труповъ, то я рѣшительно бросилъ анатомію, потому что боялся мертвецовъ; но не такъ думали мои товарищи, горячо хлопоставшіе по всему городу объ отысканіи трупа, и когда онъ нашелся и былъ принесенъ въ анатомическую залу—они встрѣтили его съ радостнымъ торжествомъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ я долго потомъ не могъ смотреть безъ отвращенія.

Разсказывая о моемъ театральномъ поприщѣ, я забвжалъ далеко впередъ, и мнѣ надобно воротиться назадъ, чтобъ разсказать мою домашнюю жизнь у Григорья Иваныча, уже нѣсколько измѣнившуюся. О первомъ денномъ спектаклѣ въ домѣ П—выхъ Григорій Иванычъ ничего не зналъ; но когда мы рѣшились затѣять театръ въ университетѣ и я разсказалъ объ этомъ моему воспитателю—онъ согласился на мое участіе въ этихъ спектакляхъ безъ всякаго затрудненія, даже очень охотно. Онъ видѣлъ потомъ комедію: «Такъ и должно», былъ доволенъ моею игрою и очень смѣялся надъ моимъ костюмомъ.

(*) Рапметка—сачекъ изъ флера или дымки для ловли бабочекъ.

Должно признаться, что театр слишком привлекалъ все мое вниманіе и участіе, да и Григорій Ивановичъ началъ уже не такъ пристально заниматься мной. Я не знаю, какая была тому первоначальная причина, и самъ очень бы желалъ уяснить себѣ эту перемену; правда, нѣсколько ничего не значущихъ неудовольствій, поселяли на время некоторую холодность между нами, но безъ посторонняго участія, безъ какихъ-нибудь постороннихъ вліяній, онѣ никакъ не могли бы произвести такихъ важныхъ послѣдствій, какихъ никто не могъ ожидать. Первое неудовольствіе произошло между нами отъ того, что Григорій Ивановичъ нашелъ у меня запрещенные имъ романы: «Мальчикъ у ручья» Коцебу и «Природа и любовь» Августа Лафонтена. Я читалъ ихъ по ночамъ или въ пустыхъ антресоляхъ—читалъ съ увлеченіемъ, съ самозабвеніемъ!.. Смѣшно сказать, но и теперь слова: «любви меня, я добръ, Фаши!» или: «мѣсяцы, блаженные мѣсяцы пролетали надъ этими счастливыми смертными (*)), слова, сами по себѣ ничтожныя и пошлыя, заставляютъ сердце мое биться скорѣе, по одному воспоминанію того восторга, того упоенія, въ которое приводили онѣ пятнадцатилѣтняго юношу! Да, слова ничего не значатъ: все зависитъ отъ чувства, которое мы придаемъ имъ.—Безъ сомнѣнія я былъ виноватъ, но наставникъ мой слишкомъ строго порицалъ мою вину, и еслибъ я поверилъ ему, то пришелъ бы въ отчаяніе; но я не могъ признать себя такимъ преступникомъ, и получилъ право и возможность обвинять моего воспитателя въ несправедливости и оскорбленіи меня. Впрочемъ на этотъ разъ все уладилось между нами довольно скоро. Второе неудовольствіе состояло въ слѣдующемъ: наканунѣ Троицы, Григорій Ивановичъ вздумалъ увлечь со мной въ

(*) Это слова изъ романа «Природа и любовь» Августа Лафонтена.

Коцаково и прожить тамъ дни три. На этотъ разъ мнѣ не хотѣлось уѣзжать, потому что у насъ съ П—вымъ былъ устроенъ механической театръ съ чудесными декораціями, машинами, превращеніями, съ грозомъ, съ громомъ и молніей. Александръ П—въ былъ великій мастеръ на всѣ такія штуки. Именно въ Духовъ день назначено было представленіе и приглашены зрители; больно мнѣ было уѣзжать, но я покорился безъ ропота. Въ назначенный день для нашего отъѣзда въ деревню, я выпросился у моего воспитателя на нѣсколько часовъ къ П—ву. Григорій Иванычъ согласился, но сказалъ, что если я не ворочусь къ семи часамъ, то онъ уѣдетъ одинъ. Я обѣщалъ непременно воротиться. Мы съ П—вымъ занялись *генеральною пробою* нашего механическаго спектакля, а какъ нѣкоторыя явленія не удавались, то-есть, молнія не попадала въ то дерево, которое должна была разбить и зажечь, мѣсяць не вылезалъ изъ облаковъ и паденіе водопада иногда внезапно прекращалось—то я такъ завлекся устройствомъ явленій природы, что пропустилъ назначенный срокъ, и хотя, вспомнивши его, бѣжалъ бѣгомъ до самаго дома, но опоздалъ четверть часа. Григорій Иванычъ уѣхалъ ровно въ семь часовъ одинъ, въ большомъ гнѣвѣ, но не отдалъ никакихъ приказаній на мой счетъ. Здѣсь начинается моя уже настоящая вина. Ефремъ Евсеечъ предлагалъ панять лошадей и отправиться вмѣстѣ со мною въ Коцаково, но я, ссылаясь на то, что Григорій Иванычъ могъ бы подождать меня, или приказать, чтобъ я вслѣдъ за нимъ прѣхалъ одинъ, —рѣшительно отказался ѣхать и сейчасъ отправился къ Александру П—ву. Мы провозились съ театромъ всю ночь. Евсеечъ, встревоженный моимъ долгимъ отсутствіемъ, самъ пришелъ за мною. Мы показали ему театръ, и онъ не мало дивился нашей хитрости. На солнечномъ востокѣ воротились мы домой. Дядька

вновь уговаривать меня ѣхать къ Григорію Иванычу, но я рѣшительно отказался. Въ Троицкій день Ц—въ обѣдалъ у меня, а послѣ обѣда мы отправились гулять на Арское поле, возлѣ котораго я жилъ и на которомъ обыкновенно происходило, на Троицкой недѣль, самое многолюдное народное гуляніе. Въ Духовъ день были у Ц—выхъ спектакль, сошедшій великолѣпно: дубъ былъ раздробленъ и сожженъ молніей, мѣсяць безпрепятственно выходилъ изъ облаковъ, водопадъ шумѣлъ и пѣнился, не останавливаясь. Зрители и хозяева были въ восхищеніи; но у меня на сердце скребли кошки, какъ говорится. На третій день рано поутру воротился Григорій Иванычъ. Я еще спалъ, когда онъ имѣлъ грозное объясненіе съ Евсеичемъ, который разсказалъ ему все, что происходило, и не скрылъ даже того, что два раза предлагалъ мнѣ ѣхать въ Коцаково. Григорій Иванычъ не велѣлъ мнѣ показываться ему на глаза и двое сутокъ не видалъ меня и даже не обѣдалъ со мною. Я огорчился глубоко и въ тоже время оскорбился; мнѣ уже было шестнадцатый годъ и я рѣшилъ, что такъ можно поступать только съ мальчикомъ. Наконецъ последовало объясненіе; хотя я приготовился встрѣтить его съ твердостію и хладнокровіемъ, и точно, все жестокіе упреки сначала переносить и отражать съ наружнымъ спокойствіемъ, но когда Григорій Иванычъ сказалъ: «А что будетъ съ вашей матерью, когда я опишу ей вашъ поступокъ и откажусь жить вмѣстѣ съ вами?...» тогда растаяла какъ воскъ моя твердость, слезы хлынули изъ глазъ, и я призналъ себя безусловно виноватымъ и чистосердечно просилъ простить мою вину. Григорій Иванычъ сдѣлалъ большую ошибку: онъ не воспользовался моимъ прекрешимъ раскаяніемъ, встрѣтить его холодно и не примирился со мною вполне. Можетъ быть онъ не совѣтъ мнѣ вѣрилъ, но всего въ-

роятнбе, что онъ поступилъ такъ по расчету; онъ зналъ, что я, слишкомъ живо принимая впечатлѣнія, слишкомъ скоро и забывалъ ихъ, а потому и хотѣлъ, переменю своего обращенія, заставить меня глубже почувствовать мою вину. Слѣдствія вышли совсѣмъ не тѣ, какихъ онъ ожидалъ: самъ онъ переѣхалъ ко мнѣ, а отъ меня требовать, чтобъ я былъ такимъ же, какимъ былъ прежде; а какъ по свойству моей природы, такія холодныя отношенія были для меня невыносимы, то я скоро сталъ во всемъ оправдывать себя и во всемъ обвинять его, и моя привязанность къ нему поколебалась. Наконецъ одинъ случай, совершенно ничтожный, окончательно измѣнилъ наши прежнія отношенія. Университетскій экономъ, Маркевичъ умеръ. Я уже говорилъ, что онъ всегда ласкалъ меня и что я его очень любилъ; но какъ я съ издѣтства боялся покойниковъ, то, не смотря на убѣжденія и приказанія Григорья Ивановича, ни за что не согласился быть на похоронахъ Маркевича. Григорій Ивановичъ воротился съ печальной церемоніи вмѣстѣ съ рисовальнымъ учителемъ Чекіевымъ. Надобно предварительно сказать, что я очень не любилъ этого господина, большаго франга, надѣдавнаго мнѣ самыми пошлыми шутками. Я всегда удивлялся, какъ могъ Григорій Ивановичъ быть короткимъ пріятелемъ съ такимъ пустымъ человекомъ, хотя эта связь легко объяснялась тѣмъ, что они были товарищами въ московской университетской гимназій. Чекіевъ въ этотъ день особенно приставать ко мнѣ: зачѣмъ я не былъ на похоронахъ, зачѣмъ не отдать послѣдняго долга человеку, который меня такъ любилъ? утверждать, что мой поступокъ показываетъ жестокое сердце и проч. и проч. Однимъ словомъ онъ раздражилъ меня и, когда спросилъ съ насмѣлкой: «Признайтесь, пожалуйста, что вы совсѣмъ не боитесь покойниковъ и что вы взвели на себя этотъ страхъ

изъ одного эгоизма?...» я разсердился и рѣзко, съ грубостью ему отвѣчалъ: «Вы совершенно правы. Я покойниковъ не боюсь и притворяюсь...» Обсуживая эти слова хладнокровно, я и теперь не вижу въ нихъ той важности, какую придалъ имъ Григорій Ивановичъ. Гнѣвъ измѣнилъ его лице и онъ сказалъ мнѣ тихимъ, но выразительнымъ голосомъ: «Послѣ словъ, которыя вы осмѣлились сказать въ моемъ присутствіи моему товарищу и гостю, — вы можете сами судить, можемъ ли мы быть пріятны одинъ другому. Извольте идти въ вашу комнату.» Не чувствуя никакой своей вины, я, разумеется, разсердился еще болѣе, но ушелъ не сказавъ ни слова. Сцена происходила передъ самымъ обѣдомъ и кушанье уже стояло на столѣ. Вслѣдъ за мной Евсеньчъ принесъ и мой приборъ и объявилъ, что Григорій Ивановичъ приказалъ мнѣ обѣдать въ своей комнатѣ. Бѣшенство мое удвоилось и только мысль о матери удержала меня отъ намѣренія идти къ моему воспитателю и наговорить ему грубостей. Я долженъ отдать справедливость Чекиеву: онъ, какъ Евсеньчъ рассказалъ мнѣ, очень долго просилъ Григорья Ивановича простить меня, но напрасно. Послѣ обѣда Чекиевъ приходилъ ко мнѣ, но я заперся на ключекъ и не пустилъ его въ мою комнату. На другой день Григорій Ивановичъ призвалъ меня къ себѣ и сказалъ холодно и рѣшительно: «что намъ уже не слѣдуетъ жить вмѣстѣ, что онъ слагаетъ съ себя званіе моего наставника и что мы оба должны теперь стараться о томъ, чтобы моя мать какъ можно легче перенесла нашъ разрывъ; что мы должны это сдѣлать, не оскорбляя другъ друга.» — Я отвѣчалъ, что онъ предупредилъ мое желаніе и что я точно то же хотѣлъ ему предложить. — «Такъ и прекрасно», сказалъ съ усмѣшкою Григорій Ивановичъ и кивнулъ мнѣ головой. Я ушелъ въ свою комнату и на свободѣ предавалъ

ся волненію и гнѣву. Я считалъ себя кругомъ правымъ, а воспитателя моего — кругомъ виноватымъ. Здѣсь долженъ я признаться въ поступкѣ, который трудно извинить раздраженіемъ и вснѣльчивостію. Слѣдующій день, по несчастію, былъ почтовый и я написалъ къ отцу и къ матери большое письмо, въ которомъ не пощадили моего наставника и позволилъ себѣ такіа оскорбительныя выраженія, отъ которыхъ краснѣю и теперь. Конечно, если бы я отложилъ письмо до слѣдующей почты, я непременно бы одумался, но горячность увлекла меня... увлекала и во всю жизнь... На другой день постъ отправки письма, совѣсть начала меня упрекать и я безирегистранно вспоминалъ слова Григорія Иваныча: «мы не должны оскорблять другъ друга.» Что же я долженъ былъ почувствовать, когда чрезъ несколько дней, въ продолженіе которыхъ мы видались только за обѣдомъ и почти не говорили, Григорій Иванычъ позвалъ меня къ себѣ и прочелъ мнѣ огромное письмо, заготовленное имъ для отсылки къ моей матери. Въ этомъ письмѣ, исполненномъ ума и чувства дружбы, онъ признавалъ себя совершенно неспособнымъ оставаться долѣе наставникомъ и руководителемъ молодаго человека, съ которымъ надобно поступать уже не такъ, какъ съ мальчикомъ, не такъ какъ поступалъ онъ со мною до тѣхъ поръ; онъ увѣрялъ, что не знаетъ, не умѣетъ, какъ взяться за это трудное дѣло, и чувствуетъ, что онъ дѣйствуетъ не такъ, какъ должно; слѣдовательно можетъ мнѣ повредить. Онъ съ подробностью описалъ мой умъ, нравъ, наклонности и предсказалъ будущее ихъ развитіе; описалъ также мои недостатки: хорошая сторона изображена была ярко, предвѣщала много добраго, а дурная — очень снисходительно, и съ увѣренностію, что время и опытность не дадутъ ей укорениться. Онъ ручался за чистоту моихъ правствен-

ныхъ стремленій и увѣрять, что я могу безопасно жить одинъ или съ хорошимъ пріятелемъ, какъ напримѣръ Александръ П—въ, или съ кѣмъ-нибудь изъ профессоровъ, безъ всякой подчиненности, какъ младшій товарищъ; онъ увѣрять, что мнѣ даже нужно пожить года полтора на полной свободѣ, передъ вступленіемъ въ службу, для того, чтобъ не прямо попасть изъ-подъ ферулы строгаго воспитателя въ самобытную жизнь, на попринце свѣта и служебной дѣятельности. Къ этому онъ прибавлялъ, что не останется долго въ университетъ и что скоро побѣдетъ въ Петербургъ, для предварительнаго пріисканія себѣ мѣста по ученой, а можетъ быть и по гражданской части. — Григорій Иванычъ былъ испуганъ дѣйствіемъ этого письма надо мною. Терзаемый совѣстью и раскаяніемъ, я пришелъ въ такое волненіе, что долго не могъ ничего говорить; наконецъ слезы облегчили мою грудь. Я чисто-сердечно признался во всемъ, что писалъ къ моимъ родителямъ, высказалъ все мои прежнія къ нему чувства, плакалъ, просилъ, молилъ Григорья Иваныча позабыть мой поступокъ и не разлучаться со мною до своего отъѣзда въ Петербургъ. Я обѣщалъ ему, и конечно сдержалъ бы обѣщаніе, что какъ бы онъ ни поступалъ со мною строго, я не только не покажу неудовольствія, но даже не почувствую его. Искренность раскаянія и душевнаго страданія, казалось, поколебали моего воспитателя. Онъ долго и пристально смотрѣлъ на меня, потомъ началъ ходить по комнатѣ и наконецъ, сказавъ: «Дайте мнѣ подумать», отпустилъ меня. Оставалось два дня до слѣдующей почты. Я написалъ другое письмо къ моимъ родителямъ, въ которомъ признавалъ себя непростительно и совершенно виноватымъ, восторженно хвалилъ моего наставника, описалъ подробно все происшествіе и сказалъ между прочимъ: «Какъ бы Григорій Иванычъ ни посту-

пить со мной, оставить у себя, или прогнать—я стану любить его, какъ втораго отца.» Передъ отправленіемъ письма на почту, я принесъ мое письмо къ Григорью Иванычу и спросилъ: «Не угодно ли ему прочесть, что я пишу?» Онъ отвѣчалъ, что не нужно, что онъ уже отправилъ свое, то самое, которое я слышалъ, и что это дѣло окончательно рѣшено. Это было для меня ударъ, нельзя сказать, вовсе неожиданный, но тѣмъ не менѣе тяжкій: я зналъ, что никакія баттарен не заставятъ теперь моего наставника отступитъ, да и всякое отступленіе оказалось бы бесполезнымъ, потому что письмо его уже было послано. Дѣлать было нечего: я успѣшилъ отправить мое второе письмо. Мое живое воображеніе рисовало мнѣ такую картину отчаянія моей бѣдной матери, что эта картина преслѣдовала меня день и ночь, и я даже захворалъ съ горя. Григорій Иванычъ хмурился, и не одобряя никакихъ страстныхъ мнѣ порывовъ, доказывалъ мнѣ очевидный вредъ изнищества всякихъ ощущеній; въ тоже время онъ сожалѣлъ обо мнѣ и успокаивалъ меня, говоря, что моя мать гораздо легче приметъ это происшествіе, нежели я думаю; что наша разлука и безъ того была неизбежна и что мое второе письмо, содержаніе котораго я ему разсказалъ, изгладитъ непріятное впечатленіе перваго. Такія слова меня нѣсколько успокоили. Я скоро выздоровѣлъ, и наконецъ мы получили письма изъ Аксакова. Григорій Иванычъ оказался совершенно правъ. Отецъ и мать оцѣнили мое раскаяніе и простили мнѣ *первое* письмо, написанное въ припадкѣ горячности. Мать вполне вѣрила отзыву обо мнѣ моего наставника и ея материнское любящее сердце исполнилось отрадныхъ и лестныхъ унованій. Она вѣрила также скорому отъѣзду и необходимости этого отъѣзда, по собственнымъ обстоятельствамъ Григорья Иваныча. Она была убѣждена, что онъ останется навсегда нашимъ

истиннымъ другомъ и что, переставъ бить мои́хъ воспитателемъ, гораздо ближе сойдется со мною и больше меня полюбитъ; что совѣты его, не отзываясь никакою властью, будутъ принимаемы мною съ большою готовностью, съ большимъ чувствомъ... Она не ошиблась. Будущее оправдало проницательность ея рѣдкаго ума.

Я долженъ былъ скоро отправиться на вакацію, а Григорій Иванычъ черезъ мѣсяцъ собрался ѣхать въ Петербургъ. Мать моя поручила ему устроить мое будущее пребываніе въ К., и я, съ согласія Григорья Иваныча (удивляюсь, какъ могъ онъ согласиться), условился съ адъюнктъ-профессоромъ философіи и логики, Львомъ Семенычемъ Левицкимъ, въ томъ, что я буду жить у него, платя за столъ и квартиру небольшую сумму и въ тоже время присматривая за его тремя воспитанниками, своскопитными гимназистами. Всѣ три мальчика были мнѣ родня и страшные шалуны, о чемъ я не имѣлъ понятія. Я простился съ Григорьемъ Иванычемъ съ большимъ чувствомъ, даже со слезами, и онъ самъ былъ очень расстроганъ; но по своему обыкновенію старался прикрыть свое волненіе шутками и даже насмѣшками надъ моею чувствительностію.

Не смотря на смутныя и тревожныя обстоятельства моей домашней внутренней жизни, мы съ Александромъ П—вымъ продолжали заниматься литературой и собираніемъ бабочекъ, которыхъ умѣлъ мастерски раскладывать мой товарищъ, искусный и ловкій на всякія механическія занятія. Я написалъ нѣсколько стихотвореній и статьи въ прозѣ, подъ названіемъ: «Дружба» и показалъ моему другу Александру, который ихъ одобрилъ, но сдѣлалъ нѣсколько критическихъ замѣчаній, показавшихся мнѣ однако не основательными. Помыщаю здѣсь мои первые

ребячьи стихи, которыхъ впрочемъ не помню и половины, и праздную тѣмъ мой пятидесятилѣтній юбилей на поприщѣ бумагомаранья; считаю нужнымъ прибавить, что у меня не было никакой жестокой красавицы, даже ни одной знакомой дѣвушки.

БѢ С О Л О В Ъ Ю .

Другъ весны, пѣвецъ любезнѣйшій,
 Будь единой мнѣ отрадою,
 Уменьши тоску жестокою,
 Чтò снѣдасть сердце страстное.

* * *

Пой красы моей возлюбленной
 Пой любовь мою къ ней пламенную;
 Изчисляй мои страданья всѣ,
 Изчисляй моей дни горести.

* * *

Пусть услышитъ она голосъ твой,
 Пусть узнаетъ, кто училъ тебѣ;
 Можетъ быть тогда, жестокая,
 Хоть изъ жалости вздохнетъ по мнѣ.

* * *

Можетъ быть она узнаетъ тутъ,
 Чтò любовь для насъ есть счастье;
 Можетъ быть она почувствуетъ,
 Чтò нельзя вѣкъ не любя прожить.

(Здѣсь не достаетъ нѣсколькихъ куплетовъ.)

Истоци свое умѣнье все,
 Возбуди ся чувствительность;
 Благодаренъ буду вѣкъ тебѣ
 За твое искусство дивное...

Вотъ какими вѣриями безъ рѣшѣ дебютировалъ я на литературной аренѣ нашей гимназій въ 1805 году! Впрочемъ я скоро призналъ эти стихи *недостойными моего пера* и не помѣстилъ ихъ въ нашѣмъ журналѣ 1806 года. Всѣ послѣдующіе стихи писалъ я уже съ рѣшѣми; всѣ они не имѣютъ никакого, даже относительнаго достоинства и не показываютъ ни малѣйшаго признака стихотворнаго дарованія.

Вакацію 1805 года, проведенную въ Оренбургскомъ Аксаковѣ, я какъ-то мало помню. Знаю только, что ружье и бабочки такъ сильно меня занимали, что я рѣдко удилъ рыбу; вѣроятно потому, что въ это время года клѣвъ всегда бывалъ не значительный: я разумно клѣвъ крупной рыбы.

Я нашелъ здоровье моеѣ матери очень разстроеннымъ и узналъ, что это была единственная причина, по которой она не прѣехала ко мнѣ, получивъ извѣстіе о моемъ разрывѣ съ Григорьемъ Иванычемъ. — Продолжая владѣть моеѣ безпредѣльной довѣренностью и узнавъ всѣ малѣйшія подробности моеѣ жизни, даже всѣ мои помышленія, она успокоилась на мой счетъ и, не смотря на молодость, отпустила меня въ университетъ на житье у неизвѣстнаго ей профессора, съ полною надеждою на чистоту моихъ стремленій и безукоризненность поведенія.

Я прѣехалъ въ К. прямо къ Левницкому. Не задолго до моего возвращенія, Григорій Иванычъ уѣхалъ въ Петербургъ, и меня очень удивило, что онъ цѣлый мѣсяцъ вакаціи прожилъ въ К., безъ всякаго дѣла. После отъѣзда Григорья Иваныча, классъ высшей математики, впредь до поступленія новаго профессора, былъ порученъ студенту А. К—у, котораго отличныя способности общали славу

наго ученаго по этой части. Я не могъ долго оставаться у Левицкаго: пагубная страсть къ вину совершенно имъ овладѣла, и онъ уже предавался ей каждый вечеръ въ одиночку; воспитанники его избаловались до послѣдней крайности и ничему не учились. Мнѣ скоро надобно возиться съ этими шалунами, и я чрезъ два мѣсяца, съ разрѣшенія моего отца и матери, нанялъ себѣ квартиру: особый флигелекъ, близехонько отъ театра, у какого-то Пѣмца Германа, поселился въ немъ и въ первый разъ началъ вести жизнь независимую и самобытную. Мы были почти не разлучны съ Александромъ П—вымъ и приняли въ свое литературное товарищество студента Д. П—ва. Переводили повѣсти Мармонтеля, не переведенныя Карамзиньмъ, сочиняли стихами и прозою, и втроемъ читали другъ другу свои переводы и сочиненія. Намѣреніе переводить повѣсти Мармонтеля было еще у меня тогда, когда я жилъ у Левицкаго. Одинъ разъ я сказалъ ему объ этомъ, разумеется до обѣда, покуда онъ былъ только съ похмѣлья, и очень помню, какъ оскорбилъ меня его отвѣтъ: «Ну какъ вамъ переводить Мармонтеля послѣ Карамзина? Куда конь съ кобытомъ, туда и ракъ съ клешней!» Но эти слова насъ не остановили. — Наконецъ мы съ Александромъ П—вымъ рѣшились издавать письменный журналъ въ наступающемъ 1806 году, подъ названіемъ: «Журналъ нашихъ занятій», но безъ имени издателя. Это было предпріятіе уже болѣе серьезное, чѣмъ «Аркадскіе пастушки», и я изгонялъ изъ этого журнала, сколько могъ, идилическое направленіе моего друга и слѣпое подражаніе Карамзину. Я въ то время боролся изъ всѣхъ силъ противу этого подражанія, подкрѣпляемый книгою Шишкова: «Разсужденіе о старомъ и новомъ слоgѣ», которая увлекла меня въ противоположную крайность. Я скажу объ этомъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ. Изъ

сохранившихся у меня трех книжекъ «Журнала нашихъ занятій» я вижу, что онъ начался не съ января, а съ апрѣля, и продолжался до декабря включительно. Къ сожалѣнію въ этихъ трехъ книжкахъ нѣтъ ни одной моей статьи, ни переводной, ни оригинальной; но я помню, что ихъ находилось довольно. Теперь мнѣ было бы очень любопытно узнать, какъ выражалось мое тогдашнее направленіе. Я помещаю въ особомъ приложеніи оглавленіе статей и выписки изъ некоторыхъ піесъ.

Между тѣмъ, въ концѣ 1805 года и въ январѣ 1806-го, составивъ два спектакля въ университетъ безъ моего участія; тяжело, горько было мнѣ это лишеніе; страдала моя любовь къ театру, страдало мое самолюбіе отъ успѣховъ моего соперника, Дмитріева; но дѣлать было нечего. Актеры предлагали мнѣ опять вступить въ ихъ труппу, но я не забылъ еще сдѣланнаго мнѣ оскорбленія и отвѣчалъ: «Я вамъ не нуженъ, у васъ есть Дмитріевъ, который прекрасно играетъ мои роли.»—«Ну какъ хочешь, дуйся пожалуй, обойдемся и безъ тебя», отвѣчалъ мнѣ директоръ Баясинковъ: тѣмъ дѣло и кончилось. Впрочемъ все шло дружелюбно; я ходилъ на репетиціи и давалъ совѣты тѣмъ, кто у меня ихъ спрашивалъ. Въ первомъ спектаклѣ, въ комедіи Коцебу: «Независть къ людямъ и раскаяніе», Дмитріевъ игралъ Неизвѣстнаго съ большимъ успѣхомъ. Не смотря на совершенное неумѣніе держать себя, на смѣшныя позы и еще болѣе смѣшныя жесты одной правой рукой, тогда какъ лѣвая точно была привязана у него за спиной, не смотря на положительно дуриное исполненіе обыкновенныхъ разговоровъ съ своимъ слугою и бѣднымъ старикомъ, — Дмитріевъ, въ сценѣ съ другомъ, которому рассказываетъ свои несчастія, и въ примиреніи съ женой, выражалъ столько силы внутренняго чувства, что весь зритель, въ томъ числѣ и я, были

совершенно увлечены, и общее восхищеніе выражалось неистовыми рукоплесканиями. Сначала я только восхищался и никакое чувство зависти не вкрадывалось въ мое сердце, но потомъ слова нѣкоторыхъ студентовъ, особенно актеровъ, глубоко меня уязвили, и проклятая зависть поселилась въ моей душѣ. Мнѣ безъ церемоніи говорили: «Ну что, обошлись мы и безъ тебя! Да гдѣ тебѣ сыграть такъ Неизвѣстнаго, какъ играетъ Дмитріевъ. Тебя хвалили только потому, что его не видали.» Въ самомъ дѣлѣ, успѣхъ Дмитріева въ этой роли былъ гораздо блистательнѣе моего, хотя существовала небольшая партія, которая утверждала, что я игралъ «Неизвѣстнаго» лучше, что Дмитріевъ карикатурень и что только нѣкоторыя, сильныя мѣста были выражены имъ хорошо; что я настоящій актеръ, что я хорошъ на сценѣ во всемъ отъ начала до конца, отъ перваго до послѣдняго слова. Тутъ была часть правды, и у меня родилось непреодолимое желаніе обработать роль «Неизвѣстнаго» и такъ сыграть, чтобы совершенно затмить моего противника. Въ началѣ 1806 года, студенты дали другой спектакль и разыграли піесу того же Коцебу: «Бѣдность и благородство души», въ которой Дмитріевъ игралъ роль Генриха Блума, также съ большимъ успѣхомъ, уступавшимъ однако успѣху въ роли «Неизвѣстнаго.» Защитники мои утверждали, что въ Генрихъ Блумъ я былъ бы несравненно лучше Дмитріева. Подстрекаемый завистью и самолюбіемъ, я старательно работала объ эти роли, и при многихъ слушателяхъ, даже не весьма ко мнѣ расположенныхъ, прочелъ, или лучше сказать, разыгралъ сильныя мѣста обѣихъ піесъ. Все почувствовали разницу моей, конечно болѣе искусной и естественной игры, отъ дикаго, хотя одушевленнаго силою чувства, исполненія этихъ ролей моимъ соперникомъ. Между студентами возникли двѣ равносильныя партіи:

за меня и противъ меня; это уже былъ первый шагъ къ торжеству. Шумные споры доходили до ссоръ и чуть не до драки; самолюбіе мое нѣсколько утѣшилось. Потомъ судьба захотѣла побаловать меня. Дмитріеву, которому было уже слишкомъ за двадцать лѣтъ, наскучило студентское ученье, правду сказать весьма неудовлетворительное; можетъ быть были и другія причины,—не знаю,—только онъ рѣшился вступить въ военную службу; онъ внезапно оставилъ университетъ и, какъ хорошій математикъ, опредѣлился въ артиллерію. Труппа осиротѣла и поневолю обратилась ко мнѣ. Я, пользуясь обстоятельствами, долго не соглашался, не смотря на предлагаемое мнѣ вновь директорство. Наконецъ, довольно поломавшись, я согласился на слѣдующихъ условіяхъ: 1) званіе и должность директора уничтожить, а для управленія труппой выбрать трехъ старшинъ; 2) спектакли начать повтореніемъ: «Независти къ людямъ и раскаянія» и «Бѣдности и благородства души». — Разумѣется все согласилось. «Независть къ людямъ и раскаяніе» шла на Святой недѣль. Не знаю по какому случаю былъ приглашенъ на генеральную репетицію актеръ Грузиновъ (*), котораго мы все очень любили и уважали. Пѣса давалась у насъ уже въ третій разъ, и общимъ стараніемъ, особенно моимъ, была довольно хорошо слажена. Грузиновъ удивился, не вѣрилъ своимъ глазамъ и ушамъ. Онъ нахвалилъ насъ содержателю К. театра П. П. Есипову, который успѣшилъ получить позволеніе директора Яковкина, прѣхать въ театръ на настоящее представленіе. и не только прѣхалъ самъ, но даже привезъ съ собою, кромѣ Грузинова, еще троихъ актеровъ. —

(*) Грузиновъ былъ наемный актеръ на театръ г-на Есипова; онъ съ большимъ успѣхомъ занималъ амплу благородныхъ отцевъ.

Наконецъ сошелъ давно желанный, давно ожидаемый мною спектакль! Удовлетворилось мое молодое самолюбіе. Весь университетъ говорилъ, что я *превозмогъ самъ себя* и далеко оставилъ за собою Дмитріева. Чего же мнѣ было больше желать! О непостоянство мірской славы! Черезъ два, три мѣсяца послѣ торжества Дмитріева, осталось только два-три человека, которые не громко говорили, что Дмитріевъ игралъ не хуже, а мѣстами и лучше Аксакова. Это была совершенная правда. — Въ театрѣ было довольно постороннихъ зрителей, они превозносили меня до небесъ; но самый сильный блескъ и прочность моей славы придавали похвалы П. П. Есипова и актеровъ, которыхъ мнѣ по справедливости считалось сильнымъ авторитетомъ. Я ожидалъ еще большаго торжества въ другой пьесѣ: «Бѣдность и благородство души», которая, была уже сыграна въ концѣ 1806 года. Читатели увидятъ, что я не ошибся.

Теперь надобно обратиться назадъ. Григорій Иваницъ просрочилъ свой отпускъ (потому что промышкалъ долго въ К.) и опоздалъ слишкомъ мѣсяць. Онъ воротился безъ всякаго свидѣтельства о болѣзни и не представилъ никакихъ уважительныхъ причинъ, если не къ оправданію, то по крайней мѣрѣ къ извиненію своей просрочки. Университетское начальство встрѣтило его непріязненно. Григорью Иваницу былъ сдѣланъ въ Советѣ выговоръ. Его подвергли какому-то денежному штрафу и занесли просрочку въ формуляръ. Григорій Иваницъ обидѣлся и подалъ въ отставку. Отставку ему дали, хотя не скоро; но въ аттестатъ хотѣли прописать его просрочку, денежный штрафъ и выговоръ. Григорій Иваницъ не захотѣлъ получить такого аттестата, ухалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу въ Коммиссію

Составленія Законовъ, безъ аттестата. Уже по прошествіи долгаго времени выхлопоталъ онъ приказаніе у министра Просвѣщенія выдать ему аттестатъ изъ университета безъ упоминанія о просрочкѣ и о прочемъ. Я видался часто съ моимъ бывшимъ наставникомъ до его отъезда и потомъ простился съ нимъ, какъ съ добрымъ старшимъ другомъ, которому я былъ обязанъ чистотою моихъ нравственныхъ убѣжденій и стремленій, предсказаніе матери моеї началось сбываться.

Въ 1806 году совершилось другое событіе, важность послѣдствій котораго, измѣнившихъ все положеніе моего семейства, долго оставалась мнѣ не извѣстною: Надежда Ивановна Куроѣдова, которая уже около года была больна водяною болѣзью, скончалась. Все это время, мои родители, съ остальнымъ своимъ семействомъ, жили въ Симбирскомъ Аксаковѣ: то-есть, дѣти жили въ Аксаковѣ, покуда больная находилась въ Чуфаровѣ, откуда отецъ и мать не отлучались; когда же ее перевезли въ Симбирскъ, то и отецъ мой съ семействомъ переехалъ туда же. Надежда Ивановна, эта замѣчательная женщина, переносила тяжкую свою болѣзнь съ удивительнымъ терпѣніемъ, спокойствіемъ и даже веселостью, а смерть встрѣтила съ такою твердостью духа, къ какой немногіе бываютъ способны. Когда послѣ двукратнаго выпуска воды изъ ногъ, совершили въ третій разъ ту же операцію и когда ея докторъ, Шицъ, осматривая раны, говорилъ: «Очень, очень хорошо», она сказала ему: «Полно врать, жидъ. Я вижу, что теперь начинается послѣдняя исторія. Это совсѣмъ не то, что было прежде. Это Антоновъ огонь; я не боюсь смерти, я давно къ ней приготовилась. Говори, жидовское отродье, сколько мнѣ осталось жить?» Шицъ, привыкшій къ такимъ эпитетамъ, но всегда за нихъ злив-

пійся, неумолимымъ голосомъ ей отвѣчать: «Дни четыре проживете.»—«Вотъ спасибо, Иванъ Карпычъ, отвѣчала больная, что сказалъ правду. Теперь прощай; благодарю за хлопоты; больше ко мнѣ прощу не ходить. Я сейчасъ прикажу съ тобой расплатиться.» Потомъ она собрала всѣхъ; объявила, что она умираетъ, что больше лечиться не хочетъ и требуетъ, чтобъ ее оставили въ покоѣ, чтобъ въ ея комнатѣ не было ни одного человѣка, кромѣ того, который будетъ читать ей Евангеліе. «Все ли я исполнила, что должно? спросила она, обратясь къ моему отцу: не нужно ли еще чего?» — «Ничего, тетушка, отвѣчалъ мой отецъ, вы давно все сдѣлали» — «Такъ и прекрасно, заключила больная; прошу же обо мнѣ не беспокоиться. Извольте выдти.» Надежда Ивановна прожила пять дней. Во все время она, или читала молитвы, или слушала Евангеліе, или пѣла священныя славословія. Ни съ кѣмъ не сказала она ни одного слова о дѣлахъ міра сего. По ея приказанію всѣ простились съ нею молча и она всякому говорила, даже своему дворнику, только три слова: «Прости меня грѣшную.» Обо всемъ этомъ увѣдомляли меня чрезъ письма, но ничего другаго не сообщали.—Вскорѣ я получилъ извѣстіе, что у меня родилась третья сестра, что мать моя была отчаянно больна, но что, слава Богу, теперь все идетъ благополучно. Я сначала испугался, потомъ обрадовался, и наконецъ дальнѣйшія письма совершенно успокоили меня насчетъ здоровья матери.

Мы съ Александромъ П—вымъ продолжали усердно заниматься своими литературными упражненіями и посѣщеніями театра, а когда наступила весна — собираніемъ бабочекъ. Къ стыду моему долженъ я признаться, что кромѣ любимыхъ предметовъ, мое ученіе шло довольно слабо и что я сильно и много развлекался.

Къ числу такихъ развлеченій я причисляю и то, что мы составили маленькое литературное общество, подъ председательствомъ Н. М. Ибрагимова. Основателями и первыми членами его были: Ибрагимовъ, студенты: В. Перевощиковъ, Д. Перевощиковъ, П. Кондыревъ (онъ же секретарь), П. Панаевъ, А. Панаевъ, я, и гимназическій учитель Богдановъ. Мы собирались каждую недѣлю по субботамъ и читали свои сочиненія и переводы въ стихахъ и прозѣ. Всякой имѣлъ право дѣлать замѣчанія, и статьи не рѣдко тутъ же исправлялись, если сочинитель соглашался въ справедливости замѣчаній; споровъ никогда не было. Принятое сочиненіе или переводъ вписывался въ заведенную для того книгу. Въ послѣдствіи, число членовъ умножилось, сочинили уставъ, и съ Высочайшаго утвержденія было открыто: «Общество любителей русской словесности при К. университетѣ.» Оно и теперь не уничтожено, но пребываетъ въ совершенномъ бездѣйствіи, какъ и все литературныя общества. Я до сихъ поръ имѣю честь считаться его почетнымъ членомъ.

Въ это время случилось въ К. слѣдующее замѣчательное происшествіе, непосредственно касавшееся до меня. Тамъ былъ частный, благородный пансіонъ для особъ обоюго пола г-на и г-жи Вильфингъ. Они не имѣли дѣтей, но воспитали бѣдную сироту, Марью Христофоровну Кермикъ, которая достигла уже совершенныхъ лѣтъ и была очень хороша собою. Григорій Иванычъ иногда видался съ Вильфингами и даже раза два братья меня къ нимъ съ собою; но я уже болѣе полугода не бывалъ у нихъ. Въ настоящее время я случайно, во время прогулки за городомъ, возобновилъ это знакомство, и вскорѣ красота Марьи Христофоровны оказала и на меня свое дѣйствіе. Я разумѣется открылся другу моему Александръ

ру; онъ очень обрадовался, бросился ко мнѣ на шею и поздравлялъ меня, что я начинаю жить. Онъ употреблялъ все усилія раздуть искру, заронившуюся въ мое молодое сердце. Марья Христофоровна была дѣвица очень тихая и скромная, такъ что все ея обожатели, которыхъ было не мало, вздыхали по ней въ почтительномъ отдаленіи; о монхъ же чувствахъ, разумѣется, она не имѣла и понятія. Вдругъ, посреди мечтательныхъ надеждъ и огорченій, выражаемыхъ мною весьма плохими ребячьими стихами, является въ К., проѣздомъ, какой-то путешественникъ, шведскій графъ; знакомится съ Вильфингами, всехъ очаровываетъ, ѣздитъ къ нимъ всякій день и проводитъ съ ними время отъ утра до вечера. Это былъ человекъ лѣтъ тридцати пяти, красивой наружности, умный, ловкой и бойкой, говорившій на всехъ европейскихъ языкахъ, владѣвшій всеми искусствами и сверхъ того сочинитель и въ стихахъ и въ прозѣ; въ три дня Вильфинги сошли отъ него съ ума; черезъ недѣлю влюбилась въ него Марья Христофоровна, а еще чрезъ двѣ недѣли онъ женился на ней и увезъ съ собою въ Сибирь, куда ѣхалъ для какихъ-то ученыхъ изслѣдованій, по порученію правительства, въ сопровожденіи чиновника, который служилъ ему переводчикомъ, потому что графъ не понималъ ни одного русскаго слова. Горько было Вильфингамъ разстаться съ своей воспитанницей, которую они любили, какъ родную дочь, но счастье ея казалось такъ завидно, такъ неожиданно, такъ высоко, что они не смѣли горевать. Дочь булочника,—а теперь жена графа, обожаемая мужемъ, человекомъ осѣпаннымъ всеми дарами образованности и природы! Отъ такого происшествія и не Нѣмцы сошли бы съ ума. Но увы! скоро загадка объяснилась. Мнимый графъ былъ самозванецъ, отъявленный плутъ и негодяй, весьма извѣстный своими похождениями

въ Германіи, по фамилію Ашенбреннеръ, бѣжавшій отъ полицейскихъ преслѣдованій въ Россію, принявшій русское подданство, проживавшій у насъ въ разныхъ западныхъ губерніяхъ нѣсколько лѣтъ, попавшійся во многихъ мошенничествахъ и сосланный на жительство въ Сибирь; чиновникъ, сопровождавшій его, былъ точно чиновникъ, но—полицейскій, который везъ его секретно въ Иркутскъ, чтобы сдать съ рукъ на руки подъ строжайшій надзоръ губернатору. Все это было какъ-то скрыто отъ Вильфинговъ и отъ публики. Въ переводчикъ же путешественникъ не нуждался, потому что очень хорошо говорилъ по-русски, какъ узнали послѣ. Онъ самъ увѣдомилъ съ дороги Вильфинговъ о своемъ обманѣ, къ которому заставила его прибѣгнуть «всесильная любовь»; разумѣется называлъ себя жертвою клеветы враговъ; надѣялся, что будетъ оправданъ и вознагражденъ за невинное страданіе. Марья Христофоровна сама писала, что она все знаетъ, но тѣмъ не менѣе благодарить Бога за свое счастье. Наконецъ кто-то прислалъ Вильфингамъ печатныя похощенія мнимаго графа, въ двухъ томахъ, написанныя имъ самимъ на нѣмецкомъ языкѣ. Это были настоящій Видокъ того времени. Старики Вильфинги неутѣшно сокрушались. Что сдѣлалось въ послѣдствіи съ Марьей Христофоровной, я ничего узнать не могъ.—Такъ печально кончилась первая моя сердечная склонность.

На лѣтнюю вакацію я опять поѣхалъ въ Симбирское Аксаково, гдѣ жило тогда мое семейство. Я пріѣхалъ поздно вечеромъ; всѣ въ домѣ уже спали; но мать, ожидавшая меня въ этотъ день, услышала шумъ, вышла ко мнѣ на крыльцо и провела меня прямо въ спальную. Послѣ радостныхъ объятій съ отцемъ и съ матерью, послѣ многихъ разпросовъ и разказовъ, я легъ спать на софѣ

у нихъ въ комнатѣ. Проснувшись поутру довольно поздно, я услышалъ, что родители мои тихо разговариваю отъ между собою о какихъ-то дѣлахъ, мнѣ неизвѣстныхъ. Наконецъ замѣтивъ, что я пересталъ храпеть, мать тихо сказала моему отцу: «Надобно разказать обо всемъ Сережѣ; вѣдь онъ ничего не знаетъ.» — «Разкажи, матушка», отвѣчалъ мой отецъ. — «Ты не спишь, Сережа?» — «Нѣтъ, маменька», отвѣчалъ я. — «Такъ поди же къ намъ. Мы разкажемъ тебѣ, что случилось съ нами. Мы теперь богаты». Я всталъ, съѣлъ къ нимъ на постель и мнѣ, со всеми мельчайшими подробностями, пространно разказали то, что я постараюсь разказать въ нѣсколькихъ словахъ. Надежда Ивановна Куровдова, сдѣлавшись вдругъ тяжело больна водяною болѣзнію, немедленно укрѣпила моему отцу, судебнымъ порядкомъ, все свое движимое и недвижимое имѣніе. Черезъ нѣсколько дней все дѣло было улажено: весь уѣздный судъ и нѣсколько свидѣтелей, изъ числа извѣстныхъ и почетныхъ лицъ въ городѣ, прѣѣхали въ Чуфарово. Надежда Ивановна, въ присутствіи всѣхъ, подписала нужныя бумаги и подтвердила ихъ особою сказкою и личнымъ удостовѣреніемъ. Когда все было кончено, она приказала подать шампанскаго, взяла бокаль и первая весело поздравила новаго владѣльца. Надобно сказать, что въ это время она была такъ тяжело больна, что лучший тогда докторъ Шницъ, привезенный немедленно изъ Симбирска, не имѣлъ надежды къ ея выздоровленію. Онъ рѣшился на выпускъ воды изъ погъ, посредствомъ операціи, нисколько не ручаясь за выздоровленіе больной; но силы ея были еще такъ крѣпки, что неперорченная натура скоро побѣдила болѣзнь, и она въ самое короткое время совершенно выздоровѣла. Къ-сожалѣнію, не вѣря простудѣ и считая діету за выдумку докторовъ, Надежда Ивановна продолжала вести прежнюю

жизнь. простудилась, испортила желудокъ и получила рецидивъ водяной болѣзни. Вторичная операція была уже не такъ удачна и только отдалила печальную катастрофу. Больную перевезли въ Симбирскъ, гдѣ она, послѣ третьей операціи, скончалась, о чемъ я уже говорилъ.

Боже мой, что значить богатство! Какъ оно раздрало глаза всемъ добрымъ людямъ! Какою завистью закинули сердца близкихъ пріятелей и даже родныхъ!

У Надежды Ивановны были бѣдные должники; объ нихъ докладывали при ея кончинѣ и она отвѣчала: «что у ней деньги не воровскія, не нажитыя сквернымъ поведениемъ, и что она дарить ихъ не намѣрена.» Мои родители простили такихъ долговъ до 20 тысячъ, объяви должникамъ, что въ послѣдствіи Надежда Ивановна сама приказала денегъ съ нихъ не взыскивать. Этотъ поступокъ никого не обезоружилъ, не примирилъ съ богатыми наследниками, и мой отецъ съ матерью, очень огорченные, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ уѣхали на житье въ свое Оренбургское Аксаково.

По совѣсти скажу, что переменна состоянія не произвела на меня ни малѣйшаго впечатлѣнія. Всю ваканцію занимался я то ружьемъ, то бабочками, то театральными пьесами. Я воротился въ университетъ точно такимъ же молодымъ, очень, очень небогатымъ студентомъ, и долго забывалъ даже сказать другу моему Александру П—ву о счастливой переменѣ нашихъ обстоятельствъ. Но въ семействѣ своемъ я переменѣ замѣтилъ: поговаривали о переездѣ на зиму въ К.; написали въ Москву къ своему другу и комиссіонеру Андреяну Федорычу Аничкову, чтобы онъ пріискалъ и нанялъ Француженку въ гувернантку и учительницы къ моимъ сестрамъ; даже намѣре-

вались на будущій годъ сами ѣхать на зиму въ Москву, а лѣтомъ въ Петербургъ, для опредѣленія меня на службу. Для исполненія этого послѣдняго намѣренія, было положено, чтобъ въ слѣдующемъ 1807 году, я оставилъ университетъ (*). Я слушалъ все это довольно равнодушно, но къ Петербургу и къ службѣ никакого призванія не чувствовалъ; я даже думалъ, что это только одни разговоры, однѣ предположенія; но я ошибся. Черезъ мѣсяць по прїездѣ въ К., я получилъ письмо отъ отца, съ приказаніемъ прїискать и нанять большой помѣстительный домъ, гдѣ не только могло бы удобно расположиться все наше семейство, но и нашлись бы особыя комнаты для двухъ родныхъ сестеръ моеї матери по отцу, которыя жили до тѣхъ поръ въ домѣ В—хъ. Мать прибавляла, что она намѣрена для нихъ выѣзжать въ свѣтъ и потому должна познакомиться съ лучшею городского публикою. Я очень этому обрадовался и за себя и за своихъ тетокъ, которыхъ искренно любилъ и съ которыми не рѣдко видался. Я немедленно нанялъ большой, каменный домъ кушца Комарова и, въ ожиданіи моего семейства, перебрался въ него на антресоли и занялъ одну уютную комнатку.

Университетская жизнь текла прежнимъ порядкомъ; прибавилось еще два профессора Нѣмца, одинъ русской адъюнктъ по медицинской части, Каменской, съ замѣчательнымъ даромъ слова, и новый адъюнктъ-профессоръ російской словесности, Г—въ, человекъ бездарный и отсталой, точь въ точь похожій на извѣстнаго профессора

(*) Рановременный выходъ изъ университета и намѣреніе опредѣлить меня на службу было слѣдствіемъ советовъ Григорья Иваницы, который даже обѣщаль доставить мнѣ мѣсто въ Коммисіи Составленія Законовъ, что послѣ и сдѣлалъ.

Г—го или К—ва, некогда обучавшихъ благородное русское юношество. Я забылъ сказать, что бѣдный Левицкій получилъ отъ невождности водяную и умеръ. Все мы искренно о немъ сожалѣли.—На первой лекціи, адъюнктъ-профессоръ Г—въ, сказалъ намъ пошлое, надутое привѣтствіе и, для лучшаго ознакомленія съ студентами, предложилъ намъ, чтобъ всякій изъ насъ сказалъ, какого русскаго писателя онъ предпочитаетъ другимъ и какое именно мѣсто въ этомъ писатель нравится ему больше прочихъ. На такой вопросъ вдругъ отвѣчать очень мудро и потому всякой отвѣчалъ то, что прежде приходило ему въ голову. Многіе называли Карамзина, но Г—въ морщился и изъявлялъ сожалѣніе, что университетское юношество заражено этимъ опаснымъ писателемъ. Студентъ Оминъ, сидѣвшій подле меня, сказалъ мнѣ на ухо: «Посмотри, Аксаковъ, какъ я потѣщу этого господина.» Въ самомъ дѣлѣ, когда дошла до него очередь, Оминъ всталъ и громко сказалъ: «Я предпочитаю всемъ писателямъ Сумарокова и считаю самыми лучшими его стихами послѣднія слова Дмитрія Самозванца, въ известной трагедіи того же имени:

«Ступай душа во адъ и буди вѣчно пльнна.»

Оминъ сдѣлалъ движеніе рукою съ свернутой тетрадю, какъ-будто закололся книжаломъ и торжественно произнесъ:

«Ахъ если бы со мной погибла вся вселенна!»

Студенты едва удерживались отъ смѣха, но профессоръ пришелъ въ такое восхищеніе, что съжалъ съ кафедры, вызвалъ Омина къ себѣ, протянулъ ему руку и сказалъ, что желаетъ познакомиться съ нимъ покороче. Тутъ сдѣ-

дать онъ намъ объясненіе, что сильнѣе этого послѣдняго стиха нѣтъ ни въ одной литературѣ. Дошла очередь до меня. Я сказалъ, что всѣмъ предпочитаю Ломоносова и считаю лучшимъ его произведеніемъ оду изъ Юва. Лице Г—ва сіяло удовольствіемъ. «Потрудитесь же что-нибудь прочесть изъ этой пресвосходной оды», сказалъ онъ Я того только и ждалъ, надѣясь поразить профессора моею декламацией. Но какъ жестоко наказала меня судьба за мое самолюбіе и старовѣрство въ литературѣ! Вместо извѣстныхъ стиховъ Ломоносова:

О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человекъ!

я прочелъ, по неностижимой разсѣянности, слѣдующіе два стиха:

О ты, что въ горести напрасно
На службу ропщешь, офицеръ!

«Помилуйте, закричалъ профессоръ, это гнусная народія на пресвосходную оду Ломоносова.» Я сконфузился, покраснѣлъ и поспѣшилъ начать:

О ты, что въ горести напрасно
На службу...

Вся аудиторія разразилась громкимъ смѣхомъ. Я остолбеньлъ отъ досады и смущенія, сгорѣлъ отъ стыда и не понималъ, что со мною дѣлается. Профессоръ презрительно велѣлъ мнѣ сѣсть и продолжалъ допрашивать другихъ студентовъ. Всю двухчасовую лекцію просидѣлъ я, какъ на горячихъ угляхъ. Я потомъ объяснился съ Г—мъ и постарался увѣрить его, что это была несчастная ошибка и разсѣянность, совершенно неожиданныя для меня самого, что все это произошло отъ того, что я предъ

самой лекціей два раза слышала и одинъ разъ самъ прочелъ эту проклятую пародію; я доказалъ профессору, что коротко знакомъ съ Ломоносовымъ, что я по личному моему убѣжденію называю его первымъ писателемъ; узнавъ же, что я почитатель Шишкова, онъ скоро со мной подружился: Г—въ самъ былъ отчаянный *Шишковистъ*. Въ глазахъ профессора я свои дѣла поправилъ, но отъ насмѣшекъ товарищей не было спасенья, покуда имъ не наскучило смѣяться надо мной. Смѣялись не столько надъ ошибкой моей, какъ надъ симпатіей съ Г—мъ. Нѣскольکو дней сряду большая часть студентовъ встрѣчали меня низкими поклонами, поздравленіями, что я нашелъ себѣ достойнаго единомышленника, то-есть, противника Карамзинскому направленію и обожателя Шишкова; каждый спрашивалъ о здоровьи Г—ва, моего друга и покровителя, давно ли я съ нимъ видѣлся, когда увижусь, и проч. и проч. Надобдали мнѣ такія шутки, споры не помогали, и кромѣ терпѣнья не было другаго лекарства.

Между тѣмъ составился у насъ спектакль, давно затѣянный мною, въ которомъ я надѣялся окончательно восторжествовать надъ Дмитріевымъ. Я говорю о комедіи «Бѣдность и благородство души». Мы два раза пригласили на репетицію актера Грузинова, который, нерѣдко останавливая и поправляя игру моихъ товарищей, не сдѣлалъ мнѣ ни одного замѣчанія, а говорилъ только: «очень хорошо, прекрасно!» Надежды мои блистательно оправдались: комедія «Бѣдность и благородство души» была сыграна, и не осталось ни одного почитателя Дмитріева, который бы не признался, что роль Генриха Блума я сыгралъ несравненно лучше его. Содержатель публичнаго театра, П. П. Есиповъ, подарилъ мнѣ кресло на всегданный свободный входъ въ театръ. Это былъ послѣдній

университетскій спектакль, въ которомъ я игралъ; послѣднее мое сценическое торжество въ К. Откровенно признаюсь, что воспоминаніе о немъ и теперь пріятно отзывается въ моемъ сердцѣ. Много есть неизъяснимо-обаятельнаго въ возбужденіи общаго восторга! Двигать толпою зрителей, овладѣть ихъ чувствами и заставить ихъ слиться въ одно чувство съ выражаемымъ тобою, жить въ это время одной жизнью съ тобою—такое духовное наслажденіе, которое долго остается полна душа, которое никогда не забывается!—У насъ былъ также давно затѣянъ другой спектакль, и всѣ актеры и студенты пламенно желали его исполненія; но дѣло длилось, потому что трудно, не по силамъ нашимъ было это исполненіе. Рѣчь идетъ о «Разбойникахъ» Шиллера. Я не слишкомъ горячо хлопоталъ объ этомъ спектаклѣ, потому что всегда заботился о достоинствѣ, о цѣльности представленія пьесы, а у насъ не было хорошихъ актеровъ для первыхъ ролей, для ролей Карла и Франца Моора. Наконецъ Карлъ нашелся. Это былъ молодой человекъ, не игравшій до сихъ поръ на театрѣ, Александръ Ивановичъ Васильевъ, находившійся тогда уже учителемъ въ гимназій. Всѣ восхищались его чтеніемъ роли Карла Моора, кромѣ меня. Студенты очень любили Васильева, какъ бывшаго милаго товарища, и увлекались наружностью его, особенно выразительнымъ лицомъ, блестящими черными глазами и прекраснымъ органомъ; но я чувствовалъ, что въ его игрѣ, кромѣ недостатка въ искусствѣ, не доставало того огня, ни чѣмъ не замѣнимаго, того мечтательнаго, безумнаго одушевленія, которое одно можетъ придать смыслъ и характеръ этому лицу. Францъ Мооръ былъ положительно дурень. Я игралъ старика, графа Моора. Наконецъ мы сренетировали «Разбойниковъ», какъ могли, и предполагали дать ихъ на Святкахъ. Мое семейство давно уже было въ К. и я

очень радовался, что оно увидитъ меня на сценѣ; особенно хотѣлось мнѣ, чтобъ посмотрѣла на меня мой другъ, моя красавица-сестрица; но за недѣлю до представленія, получено было отъ высшаго начальства запрещеніе играть «Разбойниковъ».

Я сказала уже, что мое семейство давно пріѣхало; это было по первому зимнему пути, въ половинѣ ноября. Я не стану распространяться о томъ, какъ устроивала свое городское житіе моя мать, какъ она взяла къ себѣ своихъ сестеръ, познакомилась съ лучшимъ К—мъ обществомъ, дѣлала визиты, принимала ихъ, вывозила своихъ сестеръ на вечера и на балы, давала у себя небольшіе вечера и обѣды: я мало обращала на нихъ вниманія; но помню, какъ во время одного изъ такихъ обѣдовъ пріѣхала къ намъ изъ Москвы первая наша гувернатка, старуха французенка, мадамъ Фуасье, какъ влетѣла она прямо въ залу съ жалобою на извозчиковъ и всехъ насъ переконфузила, потому что все мы не умѣли говорить по французски, а старуха не знала по русски.

Наступилъ 1807 годъ. Шла рѣшительная война съ Наполеономъ. Впервые учредилась милиція по всей Россіи; молодежь бросилась въ военную службу, и нѣкоторые изъ пансіонеровъ, особенно изъ своскоштныхъ студентовъ, подали просьбы объ увольненіи ихъ изъ университета для поступленія въ дѣйствующую армію: въ томъ числѣ и мой другъ, Александръ П—въ, съ старшимъ братомъ своимъ, нашимъ лирикомъ, Иваномъ П—вымъ. Красивя признаюсь, что мнѣ тогда и въ голову не приходило «легче съ мечемъ на поле брани», но старшіе казенные студенты, все черезъ годъ назначаемые въ учителя, рвались стать въ ряды нашихъ войскъ, и поприще ученой дѣятельности,

на которое они охотно себя обрекали, вдруг имъ опротивѣло; обязанность прослужить шесть лѣтъ по ученой части, вдругъ показалаcя имъ неспособнымъ бременемъ. Сверхъ всякаго ожиданія, въ непродолжительномъ времени, исполнилось ихъ горячее желаніе: казеннымъ студентамъ позволено было вступать въ военную службу. Это произошло уже послѣ моего выхода изъ университета. Многихъ замѣчательныхъ людей лишилась наука, и только нѣкоторые остались вѣрны своему призванію. Не одинъ Перовщиковъ, Симоновъ и Лобачевскій попали въ артиллерійскіе офицеры и почти всѣ погибли рановременною смертію.

Въ генварь 1807 года, подалъ я просьбу объ увольненіи изъ университета для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ. Подавъ просьбу, я пересталъ ходить на лекціи, но всякой день бывалъ въ университетѣ и проводилъ все свободное время въ задушевныхъ, живыхъ бесѣдахъ съ товарищами. Иногда мы даже разыгрывали сцены изъ «Разбойниковъ» Шиллера: привязывалъ себя Карлъ Мооръ (Васильевъ) къ колоннѣ вмѣсто дерева; говорилъ онъ кипучую рѣчь молодцаго Шиллера; отвязывалъ Карла отъ дерева Швѣйцеръ (Балясниковъ), и громко клялись разбойники умереть съ своимъ атаманомъ...

Въ мартъ получилъ я аттестатъ, по истинѣ не заслуженный мною. Мало вынесъ я научныхъ свѣдѣній изъ университета, не потому что онъ былъ еще очень молодъ, не полонъ и не устроенъ, а потому, что я былъ слишкомъ молодъ и дѣтски увлекался въ разныя стороны страстностью моей природы. Во всю мою жизнь чувствовалъ я недостаточность этихъ научныхъ свѣдѣній, особенно положительныхъ знаній, и это много мѣшало мнѣ и въ служебныхъ дѣлахъ и въ литературныхъ занятіяхъ.

Наканувъ дня, назначеннаго къ отъезду, пришелъ я проститься въ послѣдній разъ съ университетомъ и товарищами. Обнявшись, длинной вереницей, сходили мы весь комитатъ, аудиторіи и залы. Потомъ крѣпко, долго обнимались и цѣловались. Прощаясь навсегда, толпа студентовъ и даже гимназистовъ высьнала проводить меня на крыльцо; медленно сходить я съ его ступеней; тяжело, грустно было у меня на душѣ; я обернулся, еще разъ взглянуть на товарищей, на зданіе университета — и пустился почти бѣгомъ... за мною неслись знакомые голоса: «прощай, Аксаковъ, прощай!»

Прощай, шумная, молодая, учебная жизнь! Прощайте первые невозвратные годы юности пылкой, ошибочной, не разумной, но чистой и благородной! Ни свѣтъ, ни домашняя жизнь со всеми ихъ дряхлостями еще не помрачали вашей ясности! Стѣны гимназій и университета, товарищи — вотъ что составляло полный міръ для меня. Тамъ разрѣшались молодые вопросы, тамъ удовлетворялись стремленія и чувства! Тамъ былъ судъ, осужденіе, оправданіе и торжество! Тамъ царствовала полное презрѣніе ко всему низкому и подлому, ко всемъ своекорыстнымъ расчетамъ и выгодамъ, ко всей житейской мудрости — и глубокое уваженіе ко всему честному и высокому, хотя бы и безразсудному. Память такихъ годовъ неразлучно живетъ съ человѣкомъ и, непримѣтно для него, освѣщаетъ и направляетъ его шаги въ продолженіе цѣлой жизни, и куда бы его ни затащили обстоятельства, какъ бы ни втоптали въ грязь и тину, — она выводитъ его на честную, прямую дорогу. Я, по крайней мѣрѣ, за все, что сохранилось во мнѣ добраго, считаю себя обязаннымъ гимназій, университету, общественному ученію и тому живому началу, которое вынесъ я отсюда. Я убѣжденъ, что

у того, кто не воспитывался въ публичномъ, учебномъ заведеніи, остается пробѣль въ жизни, что ему не достаетъ нѣкоторыхъ, неиспытанныхъ въ юности, ощущеній, что жизнь его не полна....

По самому послѣднему зимнему пути, поѣхали мы въ Аксаково, гдѣ ждала меня весна, охота, природа, проснувшаяся къ жизни, и прилетѣть птицы; я не зналъ его прежде, и только тогда увидѣлъ и почувствовалъ въ первый разъ—и вылетѣли изъ головы моей, на ту пору, война съ Наполеономъ и университетъ съ товарищами.

ЯКОВЪ ЕМЕЛЬЯНОВИЧЪ

ШУЩЕРИНЪ.

ЯКОВЪ ЕМЕЛЬЯНОВИЧЪ

ШУШЕРИЦЪ

И

СОВРЕМЕННЫЯ ЕМУ ТЕАТРАЛЬНЫЯ ЗНАМЕНОСТИ.

Въ началѣ 1807-го года, оставилъ я К.....ій университетъ и получилъ аттестатъ, съ прописаніемъ такихъ наукъ, какія я зналъ только по насльщкѣ и какихъ въ университетѣ еще не преподавали. Этого мало: въ аттестатѣ было сказано, что въ нѣкоторыхъ «оказалъ я значительные успѣхи», а нѣкоторыми «занимался съ похвальнымъ прилежаніемъ». вмѣстѣ съ моимъ семействомъ, отправился я, по послѣднему зимнему пути, въ Оренбургскую губернію, въ мое любимое Аксаково, которое тогда не называлось еще селомъ Знаменскимъ. Въ первый разъ встрѣтилъ я весну въ деревнѣ уже не мальчикомъ, въ первый разъ предался вполне моей страсти къ ружью, которою до тѣхъ поръ я занимался урывками во время лѣтнихъ вакацій. Весна, лѣто и осень, пролетѣли, какъ пріятный сонъ, и съ наступленіемъ зимы, отправились мы въ Москву съ тѣмъ, чтобъ весною ѣхать въ Петербургъ,

гдѣ хотѣли опредѣлить меня въ службу. Въ Москвѣ прожили мы около семи мѣсяцевъ. Я любилъ театръ не меньше ружья, и сдѣлался его постояннымъ посѣтителемъ. Вдругъ дошла до меня вѣсть, что бывшая к.....ая актриса Оеклуша (*), отъ которой я былъ всегда въ восхищеніи (вмѣстѣ со всей к.....ой публикой), — бѣжала отъ своего господина, вышла за знакомаго мнѣ, очень хорошаго молодого человека, г-на Пети, служившаго въ к.....мъ почтамтѣ, и ѣдетъ въ Москву, чтобъ дебютировать на московскомъ театрѣ. Мнѣ сказали, что извѣстный и уважаемый тогда, актеръ Плавильщиковъ, за нѣсколько лѣтъ пріѣзжавшій въ К...ь, много разъ игравшій съ Оеклушей и всегда замѣчавшій ея талантъ, самъ пригласилъ ее на московскую сцену. Я часто видался въ Москвѣ съ бывшимъ товарищемъ моимъ по гимназіи, но гораздо меня старшимъ годами, П. М. Алексинымъ, служившимъ въ артиллеріи и стоявшимъ съ своей батареей въ Москвѣ. Я постыдился сообщить ему неожиданную и радостную новость; онъ былъ

(*) Крѣпостная дѣвушка содержателя к.....го театра, П. П. Е.....ва, который, по страсти своей къ театру, посвятилъ всю свою жизнь на устройство его въ К.....и, что, разумѣется, стоило ему очень дорого; но К...ь обязана П. П. Е...ву полною благодарностью; К...ь имѣла замѣчательный театръ тогда, когда губернскихъ театровъ, и то весьма плохихъ, въ цѣлой Россіи было очень мало. Главные актеры и актрисы к.....го театра были слѣдующіе: г. Волковъ, режиссеръ и театральнй *utilité*, на всякія роли; г. Грузиновъ на роли благородныхъ отцовъ; г. Расторгуевъ на роли молодыхъ любовниковъ, повѣсь и весельчаковъ; г. Прытковъ на роли слугъ. Это были актеры наемные. Всѣ остальные принадлежали г-ну Е...ву. Федоръ Львовъ — герой и первый любовникъ; Михайла Колмыковъ — главный комикъ; Николай Комяковъ — буфъ арлекинъ; Анисья Комякова — любовница въ драмахъ и комедіяхъ; Оекла Аникіева — первый талантъ на роли первыхъ любовницъ въ трагедіяхъ, драмахъ, комедіяхъ и операхъ; Марѳа Аникіева — молодая любовница предпочтительно въ операхъ. Впрочемъ, въ случаѣ надобности — всѣ играли въ операхъ. Другихъ актеровъ и актрисъ не помню.

такимъ же горячимъ поклонникомъ таланта Феклуши, какъ и я, и мы оба были твердо увѣрены, что появленіе ея на московской сценѣ произведетъ общій восторгъ. Постоянно справляясь у Плавильщикова, не пріѣхала ли наша гениальная дебютантка, мы наконецъ узнали, что она въ Москвѣ, и достали ея адресъ. Въ тотъ же день я и Алексинъ отыскали Феклушу. Въ Старой Кошмошенной, въ приходѣ Юанна Предтечи, въ полуразвалившемся домишкѣ дьякона, занимала двѣ комнатки г-жа Пети съ своимъ мужемъ и новорожденной дочерью: присутствіе бѣдности было видно во всемъ. Съ юношескимъ жаромъ высказали мы все, что было у насъ на душѣ: и наши к.....іе восторги, и наши московскія надежды. Съ живымъ удовольствіемъ вспоминаю теперь, какое благотворное впечатлѣніе произвели мы на бѣднаго Пети и жену его, которые были очень смущены холоднымъ пріемомъ начальства московской театральнѣй конторы и нѣкоторыхъ актеровъ. Плавильщиковъ усердно хлопоталъ, чтобы г-жѣ Пети позволили дебютировать и чтобы скорѣе назначили ей время дебютовъ; онъ ручался за ея успѣхи, не примѣчая того, что это ручательство никому не нравилось. Отказать Плавильщикову и дебютанткѣ, не было возможности; но въ назначеніи дебюта нашлось множество препятствій. Пети хотѣла начать трагедіей; предлагала болѣе десяти пьесъ, которыя все игрались на московскомъ театрѣ, и все эти пьесы, по какимъ-то особеннымъ причинамъ, не могли быть скоро даны; наконецъ Плавильщиковъ вытанилъ изъ стараго репертуара давно забытую трагедію Княжнина «Софонисбу», и начальство согласилось. Въ этой трагедіи такъ мало было интереса и для тогдашней публики, что дебютанткѣ подобно было имѣть не только большой трагическій талантъ, но и громкую извѣстность, чтобъ явиться съ успѣхомъ въ роль несчастной Софонисбы. Подобно къ

этому прибавить, что тогдашней любимицею Москвы была актриса Воробьева, въ самомъ дѣлѣ имѣвшая много неподдѣльнаго чувства (*). Ея многочисленные почитатели, а можетъ быть и она сама, подумали, что Плавильщиковъ, находившійся не въ ладахъ съ Воробьевой, хочетъ ее скабалировать, какъ тогда выражались, и выписалъ для этого какую-то провинціальную актрису. Они поспѣшили распустить невыгодные слухи о новой дебютанткѣ и приготовили ей холодный пріемъ. Я былъ зрителемъ этого несчастнаго спектакля. Казалось, все было соединено, чтобы произвести на публику непріятное впечатлѣніе. Трагедія состояла изъ трехъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ: Сифакса, царя Нумидскаго, супруги его, Софонисбы, и Массиниссы, князя Нумидскаго, разумеется съ неизбѣжными наперсниками. Сифакса игралъ нестерпимѣйшій актеръ, г. Прусаковъ, а Массиниссу—Плавильщиковъ. Я пришелъ въ ужасъ, когда появилась на сцену Софонисба: маленькаго роста, черненькая, худенькая, одѣтая въ нелѣпый костюмъ, очень плохо прилаженный къ ея росту..... Смѣхъ встрѣтилъ несчастную дебютантку; отъ природы слабый ея голосъ почти прерывался и едва былъ слышенъ отъ сильнаго смущенія. Плавильщиковъ, заметя, что дѣло идетъ плохо, вздумалъ поддержать піесу и ободрить дебютантку усиленіемъ собственной игры: онъ поднялъ на цѣлую октаву свой, и безъ того громкой голосъ, и недостатокъ внутренняго огня—вознаградилъ безошадными криками и жестами; въ порывѣ усердія онъ задрлъ пальцемъ за свой парикъ, который взвился очень высоко вверхъ, былъ подхваченъ имъ налету и проворно падеть на голову. Не смотря на уваженіе къ Плавильщикову, зрители расхо-

(*) Торжествомъ г-жи Воробьевой была роль Берты, въ «Гусситахъ подъ Наумбургомъ.» Я самъ бывалъ свидѣтелемъ, какъ все плакали *навзрыдъ*, слушая страдающа матеря, и самъ плакалъ вмѣстѣ съ другими зрителями.

хотались. Мы съ Алехинымъ, особенно я находился въ страдательномъ положеніи. Не взирая на всю эту ужасную обстановку, было нѣсколько выраженій, сказанныхъ Ѳеклушею съ такимъ чувствомъ, что онѣ произвели впечатлѣніе на публику, а слова Софонисбы: «Прости въ послѣдній разъ!» говоря которыя, она бросилась въ объятія Массиниссы, втораго своего супруга, — были проникнуты такою силою внутренняго чувства, такою выразительностью одушевленной мимики, что зрители увлеклись; взрывъ громкаго рукоплесканія потрясъ театръ, и многіе закричали браво; но это не поправило дѣла: трагедія надѣла до смерти зрителямъ, и когда, по окончаніи пьесы, мы съ Алехинымъ и нѣсколькими пріятелями Плавильщикова вздумали вызывать дебютантку — общее шиканье и смѣхъ заглушили наши вызовы. Жалко было сморгнуть намъ на бѣдную г-жу Пети, которая подѣ именемъ Ѳеклуши, привыкла въ К.....и десять лѣтъ сряду приводить зрителей въ восторгъ своею игрою, и которую рукоплесканія постоянно встрѣчали на сценѣ и провожали со сцены. Не менѣе былъ жалокъ и сконфуженъ мужъ ея, страстно любившій свою жену и считавшій ее гениальнымъ талантомъ. Но дебютантка не совсѣмъ потеряла присутствіе духа и надѣялась на свой второй дебютъ, который былъ назначенъ черезъ недѣлю, въ комедіи «Ошибки или утро вечера мудренѣе». Пети должна была играть Софью, дочь Старомыслова. Я видѣлъ не одинъ разъ въ К.....и Ѳеклушу въ этой роли, и хотя восхищался ею тогда, но теперь начиналъ смутно понимать, что второй дебютъ будетъ неудачнѣе перваго и что та половина роли, въ которой Софья является свѣтской петербургскою дѣвушкой — будетъ сыграна дебютанткой дурно. Предчувствія мои оправдались, хотя я и не былъ зрителемъ втораго дебюта, потому что черезъ три дня отправился вмѣстѣ съ своимъ семействомъ

въ Петербургъ, гдѣ и получилъ скоро отъ Алехина горестное описаніе втораго дебюта г-жи Пети (*).

Въ продолженіе моего трехъ-мѣсячнаго личнаго знакомства съ этими двумя, по истинѣ жалкими существами, я бывалъ у нихъ почти ежедневно. Я называлъ ихъ жалкими не потому, чтобы они были несчастны; они, пожалуй, даже были счастливы въ настоящемъ, потому что искренно, горячо любили другъ друга; но ихъ будущность казалась мнѣ и Алехину, не смотря на нашу молодость, — весьма не благонадежною, и даже злобущею. Впрочемъ, кажется Алехинъ, который былъ старше и разумнѣе меня, внушилъ мнѣ такія мысли. Вотъ краткая исторія обоихъ Пети: Оеклуша, крѣпостная актриса г-на Е.....ва, была не хороша собою, но со сцены казалась красавицею; она имѣла черные выразительные глаза, а вечернее освѣщеніе, бѣлыя и румяныя доканчивали остальное. Въ ея игрѣ, которая не успѣла сформироваться по образцамъ петербургскихъ артистовъ, хотя помѣщикъ два года водилъ въ театръ и училъ своихъ главныхъ актеровъ и актрисъ — было много естественности и неподдельнаго внутренняго чувства. Живя въ Петербургѣ, г-нъ Е.....въ возилъ иногда Оеклушу и другаго актера, Федора, даже къ Дмитревскому, который *прошелъ* съ ними нѣсколько ролей. Оеклуша сказывала мнѣ, что Иванъ Аванасычъ очень ее хвалилъ, очень ласкалъ и называлъ «mon petit démon». Все это потомъ подтвердилъ мнѣ самъ Дмитревскій. Оеклуша на сценѣ восхищала всехъ безъ исключенія, а многихъ молодыхъ людей сводила съ ума. Надобно замѣтить, что она была скромная дѣвушка. Въ числѣ ея обожателей былъ юноша очень пріятной наружности, тихій и

(*) Г-жа Пети, не принята на московскую сцену, опредѣлилась на какой-то губернской театръ и вскорѣ умерла. Что сдѣлалось съ ея мужемъ — не знаю.

застычивый, m-г Petit, Французъ по фамилии, неумвщій и говорить по-французски. Какъ онъ попалъ въ К... и почему служилъ при почтамтѣ—не знаю. Я, бывая иногда съ Г. И. К. у Г. К. Воскресенскаго, (сынъ котораго былъ моимъ товарищемъ въ гимназїи), также почтамтскаго чиновника, видѣлъ у него нѣсколько разъ г-на Пети. Этотъ тихій юноша влюбился въ Оеклушу, будучи еще семнадцати лѣтъ. Долго любилъ онъ безмолвно, не замѣчаемый предметомъ своей любви; но постоянство восторжествовало. Черезъ нѣсколько лѣтъ Пети возмужалъ, Оеклуша его замѣтила и полюбила; эта, уже взаимная любовь, тянулась еще два года. Наконецъ цѣлый городъ принялъ въ ней участіе и хлопоталъ о соединенїи влюбленныхъ; но г. Е.....въ ни за что на это не соглашался. Причина была очевидна. Онъ предчувствовалъ, что театръ лишится Оеклуши. Общество разсердилось, и нѣсколько известныхъ молодыхъ людей помогли Пети увезть Оеклушу и обвѣчаться съ нею. Дѣлать было нечего: г. Е.....въ принужденнымъ нашелся простить свою бѣглянку, потому что за нее вступилась аристократія К...ни и самъ губернаторъ. Оеклуша точно не долго осталась при к.мъ театрѣ. У m-г Petit не было никакого состоянїя, кромѣ маленькаго жалованья, котораго онъ лишился, оставя службу при почтамтѣ; но у Оеклуши было накоплено около 2,000 рублей ассигнаціями; эта сумма составила изъ подарковъ к.....ой публички. Тамъ существовало обыкновеніе, чему я самъ бывалъ свидѣтелемъ не одинъ разъ,—бросать деньги актеру или актрисѣ прямо на сцену во время самаго представленїя, для изьявленїя своего удовольствїя. Иногда дѣлали складчину заранѣе, иногда импровизировали ее тутъ же, въ креслахъ: чей-нибудь кошелекъ наполнялся серебромъ и золотомъ, или ассигнаціи завертывались въ бумагу, и подарокъ бросался къ ногамъ дѣйствующаго лица, иногда

въ самой патетической сценѣ. Я видѣлъ, какъ сумасшедшая Инна (въ известной оперѣ «Инна или сумасшедшая отъ любви») приходила въ себя, поднимала кошелекъ, клала его въ карманъ, раскланивалась съ зрителями и — дѣлалась опять сумасшедшею Пиною. Такіе знаки одобренія состояли не менѣе какъ изъ ста рублей, а въ экстренныхъ случаяхъ доходили и до 200 руб., разумѣется, ассигнаціями. Чаше всѣхъ получала ихъ Оеклуша, и она говорила мнѣ, что если бы умѣла беречь деньги, то могла бы скопить и пять тысячъ рублей. Весьма было простительно бѣдной Оеклушѣ повѣрить общими, восторженными похвалами к.....хъ театраловъ и вообразить, что стоитъ ей только показаться на московской сценѣ, чтобы заслужить благосклонность публики, получить хорошее жалованье и со временемъ — громкую славу. Нечего говорить, что влюбленному мужу своему она казалась чудомъ совершенства.... И вотъ они отправились въ Москву. Дорога и нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ въ ожиданіи дебютовъ, истощили ихъ маленькій капиталъ, и я нашелъ ихъ уже въ крайности, но полныхъ надеждъ на счастливое будущее. Я старался ободрять ихъ и долженъ сказать, что мое теплое участіе было принимаемо ими съ горячей благодарностью. Одинъ разъ встрѣтилъ я у нихъ страстнаго любителя театра, московскаго купца Какуева, имя котораго я забылъ; онъ былъ уже старикъ, очень привѣтливый, и почтенной наружности; онъ былъ большой пріятель съ Плавильщиковымъ и черезъ него познакомился съ Петей. Разумѣется, меня также съ нимъ познакомили; хвалили ему мое чтеніе и мои сценическія способности (*). Старикъ очень меня полюбилъ, обласкалъ

(*) Я много игрывалъ въ К.....и, на университетскомъ театрѣ, что известно уже моимъ читателямъ.

слушать мое чтение и даже цѣлую сцену изъ «Непависти къ людямъ и раскаянію», которую мы съ Осклушей ему продекламировали; я игралъ Мейнау, а г-жа Пети, Эйлалио. Какуевъ сказалъ мнѣ, что онъ вполне цѣнитъ мое дарованіе, но въ тоже время видитъ, что я стою на ложной дорогѣ. Зная, что черезъ нѣсколько дней я долженъ отправиться въ Петербургъ, Какуевъ предложилъ мнѣ, познакомить меня съ его другомъ въ Петербургѣ, съ однимъ изъ умѣйшихъ актеровъ, Яковомъ Емельяновичемъ Шушеринымъ. Я принялъ съ восхищеніемъ и благодарностью такое предложеніе. За день до моего отъезда оба Пети и я провели вечеръ у почтеннаго любителя театра, Какуева, и онъ написалъ и отдалъ мнѣ обѣщанное письмо къ Шушерину.

Какъ настоящіе низовые дворяне, зажившіеся въ деревнѣ, которымъ не столько по скупости, сколько по непривычкѣ кажутся дикими всякіе расходы, мы и въ Петербургѣ отправились на своихъ лошадяхъ. Тамъ ожидала насъ уже нанятая, не дорогая квартира въ Коломнѣ, приготовленная Григорьемъ Иванычемъ К.....мъ. Кромѣ его, у насъ было въ Петербургѣ только два дома знакомыхъ: Д. Б. Мертваго и В. В. Р...ій, да двое молодыхъ людей Мартыновыхъ. Давши одинъ день отдохнуть лошадямъ, запрягли четверку въ дорожную карету, одѣли меня въ студентской мундиръ, вооружили шнагою, треугольной шляпой и послали съ визитами въ оба вышеупомянутые дома. Я отправился, и не забылъ положить въ карманъ письмо Какуева къ Шушерину. Мертваго, мой крестный отецъ, служилъ тогда генералъ-провіантъ-мейстеромъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ честнѣйшихъ и любезнѣйшихъ людей. Р...ій тоже былъ честнѣйшій человекъ, но сурово-строгій и неблагоклонный старикъ; онъ былъ другомъ и помощникомъ известнаго А. Ѳ. Лабзина, главы тогдашнихъ мартинистовъ.

Вся братія считала его фанатикомъ. Посидѣвъ не по долгу въ обоихъ этихъ домахъ, я успѣшилъ отыскать квартиру Шушерина, который жилъ на Сынной площади. Сидя въ каретѣ, я сочинилъ великопыльныя фразы, которыя соби-
 рался продекламировать, отдавая письмо, — что и исполнилъ. Въ послѣдствіи, Шушеринъ много смѣялся, вспоминая эту *рацію* (какъ онъ называлъ). Шушерину было тогда 60 лѣтъ; по его физическія и умственныя силы находились въ полной крѣпости мужества, и онъ самъ говаривалъ мнѣ, что не намѣренъ прожить меньше ста лѣтъ. Черты лица Шушерина были не хороши: носъ небольшой, нѣ-
 сколько вздернутый къверху, широкія скулы и маленькіе сѣрые глаза, но за то выразительныя, умныя, даже хитрыя. Все лицо для сцены было невыгодно, потому что не имѣло рѣзкихъ чертъ, лишено было подвижности фізіономіи. Много впоследствии слышалъ я жалобъ Шушерина на эти недостатки, которые мѣшали его сценическимъ успѣхамъ и которые надобно было преодолѣть, переливая все внутреннее чувство въ выраженіе глазъ и одушевленный голосо-
 сь. — Шушеринъ, одѣтый какъ больной, въ туфляхъ, халатѣ и кошака, принялъ меня въ гостиной: выслушавъ не улыбувшись мою торжественную рѣчь, сказалъ нѣ-
 сколько самыхъ вѣжливыхъ словъ, усадилъ на креслахъ возлѣ себя и попросилъ позволенія прочесть письмо Какуева. Прочитавъ его, онъ посмотрѣлъ на меня проника-
 тельными глазами и сказаъ: «Послушайте, молодой чело-
 вѣкъ, будемте говорить по просту. Если все то, что пи-
 шете мнѣ объ васъ старинный мой пріятель Какуевъ, совершенно справедливо, то мы придемъ другъ-другу по сердцу. Въ настоящее время, вашъ пріѣздъ въ Петербургъ случился для меня очень кстати. Я старъ и боленъ (я посмотрѣлъ на него вопросительно); службы моей при театрѣ продолжать не могу. Я лечусь (и онъ указалъ

мнѣ на столикъ, уставленный стеклянками съ лекарствами) и не выхожу изъ комнаты. Вамъ общество будетъ для меня очень пріятно. Вы человекъ образованный, учились въ университетъ, занимаетесь литературой и страстно любите, какъ мнѣ пишуть, театръ и желаете имѣть добраго руководителя въ игрѣ на сценѣ; я учился, правда, на медныя деньги, но Богъ не обидѣлъ меня дарованіемъ. Я много видѣлъ на своемъ вѣку, много вытерпѣлъ, до всего дошелъ самъ и горжусь тѣмъ. Я всегда любилъ знакомство съ умными, просвѣщенными людьми, и оно лучше книгъ замѣнило мнѣ недостатокъ воспитанія. Я всегда буду вамъ радъ, особенно по вечерамъ. Вечеръ мой начинается въ шесть часовъ и оканчивается въ десять. Мы будемъ читать и разговаривать. Мнѣ пріятно будетъ вспомнить исторію моего актерскаго образованія, а вамъ будетъ интересно и не безполезно ее выслушать....» Эти слова привели меня въ восхищеніе. Мнѣ представилась такая пріятная будущность, такое неожиданное исполненіе моихъ мечтательныхъ желаній и несбыточныхъ надеждъ, что я мгновенно соскочилъ съ декламаторскихъ ходуль, бросился на шею къ Шушерину и далъ полную свободу моей живой и горячей природѣ. Переставъ корчить степеннаго молодого человека, и даже педанта—явился я восемнадцатилѣтнимъ, откровеннымъ, простымъ юношей, который въ одинъ часъ выболталъ все, что шевелилось у него на сердцѣ и роилось въ молодой головѣ. Впоследствии Шушеринъ часто съ удовольствіемъ вспоминалъ объ этой быстрой переменѣ и признавался, что именно за эту перемену полюбилъ меня. Панившись кофею у Шушерина и даже позавтракавъ, я воротился домой, гдѣ нѣсколько удивился моему долгому отсутствію. Я нашелъ у насъ Григорья Иваныча К...го. Я обрадовался ему вдвойнѣ, какъ истинному другу нашего семейства и какъ моему.

безкорыстному воспитателю. К...ий хорошо знает мою безумную страсть къ театру и поспышилъ сообщить мнѣ, что въ этотъ вечеръ знаменитая m-Me George, въ первый азъ дебютируетъ на петербургской сценѣ. Дебютантка являлась въ самой блистательной своей роли — въ Расиновой Федрѣ. Разумется, у меня загорѣлось сильное желаніе ее видѣть. К...ий меня увѣрилъ, что кресель достать теперь уже нельзя, но что можно найти мѣсто въ партерѣ, если отправиться туда часа въ четыре. Меня не утрашала скука дожидаться болѣе двухъ часовъ до начала представленія; но я боялся, что мы сядемъ поздно обѣдать, а безъ обѣда матушка ни за что меня не отпуститъ, ибо у насъ обѣдали двое Мартыновыхъ: первый изъ нихъ П. П. служилъ тогда штабсъ-капитаномъ въ Измайловскомъ полку, а другой А. П. служилъ въ Банкѣ и былъ ревностнымъ поклонникомъ Лабзина. Досадуя на такое препятствіе, я хлопоталъ изъ всѣхъ силъ, чтобы дали поскорѣе обѣдать, и какъ мы не имѣли еще привычки обѣдать слишкомъ поздно, то въ половинѣ четвертаго сѣли за столъ. Но увы, обѣдъ тянулся нестерпимо долго. Нашъ деревенской поваръ и наши деревенскіе лакеи заставляли насъ дожидаться каждаго блюда добрыхъ четверть часа, а блюдъ было много. Мое волненіе и нетерпѣніе становились замѣтными для всѣхъ. К...ий вздумалъ меня успокоить и обратился ко мнѣ съ улыбкой, которая сейчасъ меня разсердила. «Послушайте, сказалъ онъ, если вы не попадете сегодня въ театръ и не увидите перваго дебюта m-Me George, то я доставлю вамъ такое утѣшеніе, какого вы не ожидаете.» «Покорно васъ благодарю, отвѣчалъ я громко; на этотъ разъ, я желалъ бы только одного, чтобы мнѣ позволили встать изъ-за стола и отправиться въ театръ.» — «Но вы не знаете, продолжалъ онъ, что утѣшеніе, которое я вамъ хочу пред-

ложить, также касается до театра.»—«Это какъ-то странно, сказалъ я голосомъ, въ которомъ слышно было сильное огорченіе и раздраженіе; но если такъ, то говорите; теперь уже пятый часъ, и я теряю надежду увидѣть первый дебютъ m-lle George. Я довольно огорченъ, утѣшайте.»—«Я познакомно васъ съ замѣчательнымъ талантомъ и очень умнымъ человѣкомъ, съ Шушеринимъ.»—«Еще разъ, покорно благодарю, возразилъ я; но вы опоздали: сегодня я два часа сидѣлъ у него, и мы съ нимъ друзья.»—Въ короткихъ словахъ рассказалъ я К...му, какъ это случилось. Между тѣмъ нетерпѣніе мое возрасло до крайней степени. Я не могъ владѣть собою, и въ то же время мнѣ было такъ совѣстно постороннихъ людей, которые смотрѣли на меня съ удивленіемъ, что я готовъ былъ заплакать. Мать моя сжалась надо мною, и чтобы избавить меня отъ какихъ-нибудь глупостей, рѣшилась отсутствовать въ театрѣ. «Встань, сказала она; я попрошу извиненія у нашихъ любезныхъ гостей за твою неучтивость.» Не нужно было повторять этого позволенія. Большой каменный театръ находился очень близко, и черезъ десять минутъ, я стоялъ уже въ партерѣ, который былъ такъ полонъ, что только двое зрителей рѣшились втиснуться послѣ меня. Въ серединѣ партера кому-то сдѣлалось дурно; я воспользовался движеніемъ толпы, и когда выводили больного, подвинулся значительно впередъ. Наконецъ началась «Федра», которую никто не слушалъ до появленія дебютантки. Хотя я ничего подобнаго m-lle George не видывалъ, но внутреннее чувство сказало мнѣ истину и я не разделялъ общаго восторга зрителей, которые такъ хлопали и кричали, что, казалось, дрожали стѣны театра. Я осмѣлился сказать своимъ соседямъ, что дебютантка слишкомъ поетъ стихи и что игра ея холодна. Дорого стоила мнѣ моя откровенность: около меня стояли

и сидѣли по большой части Франсузы, и я былъ осмѣяль и обруганъ безъ пощады. Впослѣдствіи я прислушался къ пѣнію m-He George и оно меня уже не поражало, но первое впечатлѣніе мое насчетъ холодности ея игры утвердилось еще болѣе, и не смотря на европейскую знаменитость этого таланта, я осмѣлюсь сказать и теперь, что истиннаго чувства, сердечнаго огня у ней не было — была блестящая наружность, искусная, великолѣпная, но совершенно не естественная декламація — и только.

Семейство мое пробывъ въ Петербургъ полтора мѣсяца. Меня опредѣлили переводчикомъ въ Коммиссію Составленія Законовъ, гдѣ К...ій уже служилъ помощникомъ редактора или Начальника отдѣленія. Я остался въ Петербургъ съ меньшимъ братомъ, которому было тогда двѣнадцать лѣтъ. Мы наняли довольно хорошую квартиру въ Троицкомъ переулкѣ, недалеко отъ Анничковскаго моста, и вотъ началась моя тихая, однообразная жизнь. До обѣда я работалъ въ Коммиссіи, а братъ учился. Мы обѣдали обыкновенно дома, (покуда не познакомились съ Шишковыми), кроме воскресенья, которое проводили у Р...ихъ. Послѣ же обѣда, сначала черезъ день, а потомъ ежедневно, кроме вечеровъ, проводимыхъ въ театрѣ, въ шесть часовъ, я всегда, вмѣстѣ съ братомъ, уже звонилъ у дверей Шушерина. Нѣсколько первыхъ вечеровъ посвящены были единственно разговорамъ. Я разсказалъ все, что касалось до меня и до моего воспитанія. Шушеринъ сообщилъ мнѣ свое настоящее положеніе при театрѣ, сперва съ некоторой осторожностью, а потомъ довольно откровенно. Впослѣдствіи, подобивъ меня и получивъ полную довѣренность къ моей скромности, онъ разсказалъ мнѣ подробно свое прошедшее, не всегда безукоризненное, свое настоящее, и свои надежды на будущее. О прошед-

шемъ, я поговорю послѣ; настоящее же его положеніе состояло въ слѣдующемъ. Уже одиннадцать лѣтъ, какъ онъ перешелъ изъ Москвы на петербургскій театръ, перешелъ съ тою цѣлью и надеждой, что прежняя его театральная служба, при частномъ театрѣ у Медокса въ Москву, будетъ зачтена впоследствии за службу при Императорскомъ театрѣ, въ чемъ онъ уже успѣлъ, съ помощью какихъ-то покровителей, которыхъ пріобрѣтать онъ былъ большой мастеръ. Теперь представленіе къ пенсіи было разрѣшено; слѣдовало ему прослужить при петербургскомъ театрѣ только два года, такъ называемой *благодарности*. Пенсія состояла тогда изъ двухъ тысячъ рублей ассигнаціями для артистовъ, занимающихъ первое *emploi*; но Шущерину не хотѣлось оставаться долѣе на петербургской сценѣ, потому что репертуаръ измѣнился, и ему приходилось играть невыгодныя для себя роли: для *любовниковъ*, онъ уже устарѣлъ, а въ *герояхъ* его совершенно затмилъ актеръ, Алексѣй Семенычъ Яковлевъ; къ тому же онъ не любилъ Петербурга, и только о томъ и думалъ, какъ бы ему перебраться въ Москву. Чтобы достигнуть и того и другаго, то есть пенсіи и Москвы, онъ, предварительно условившись съ однимъ изъ своихъ милостивцевъ (Сн.....мъ), притворился больнымъ, охалъ и стоналъ при тѣхъ посылителяхъ, къ которымъ не имѣлъ довѣренности, соблюдалъ при нихъ строгую діету, и даже принималъ лекарства, которыя щедро прописывалъ ему благосклонный театральнй докторъ. За то наединѣ, и даже при мгѣ, при С.....вѣ, или при Д. П. Я...вѣ — онъ сбрасывалъ скучную маску, былъ живъ, веселъ, бодръ, какъ молодой человекъ, и вѣсь необыкновенно аппетитно и жирно. Въ продолженіе первыхъ двухъ недѣль устроились правильно наши вечера, и вотъ началась для меня настоящая театральная школа.

На одной квартирѣ съ Шушеринымъ, въ особыхъ комнатахъ жила Надежда Федоровна, вдова его пріятеля, замѣчательнаго московскаго актера, П. И. Каллиграфа. Она была красавицею съ молодости, въ свое время, также известною актрисою на роли злодѣекъ. Въ одно время съ Шушеринымъ, она перешла на петербургскую сцену и также по болѣзни выходила на пенсію, на 600 рублей ассигнаціями въ годъ, которую и получила прежде Шушерина, что было устроено имъ самимъ, съ намѣреніемъ облегчить полученіе своей пенсіи гораздо значительнѣйшей: ибо давать ихъ актерамъ съ московскаго театра Медокса, считая частную службу за казенную, — было тогда дѣломъ новымъ и могло встрѣтить затрудненія. Надежда Федоровна была постоянной нашей собесѣдницею, присутствовала и при чтеніяхъ; но когда Яковъ Емельяновичъ рассказывалъ про свою забубенную молодость или ставилъ меня на какія-нибудь роли, она уходила въ свою комнату, вводила съ собою моего брата, разговаривала съ нимъ или заставляла читать вслухъ.

Не могу вспомнить безъ восхищенія объ этомъ блаженномъ времени! Съ какимъ нетерпѣніемъ бывало ждалъ я половины шестаго, чтобъ идти на Синнюю площадь! Какъ весело и гостепріимно свѣтился огонекъ въ окошкѣхъ Шушерина! Я примѣчалъ его издалека, и ускорялъ нетерпѣливые шаги! Поспѣшно отворялась дверь при первомъ звонѣ колокольчика, и ласково привѣтствовала насъ Степанъ (*), говоря: «пожалуйте, Яковъ Емельяновичъ и Надежда Федоровна васъ ждутъ чаю кушать». Въ самомъ дѣлѣ, насъ встрѣчали съ такимъ радушіемъ, съ

(*) Степанъ, еще будучи мальчкомъ, былъ купленъ Шушеринымъ, кажется на имя Я. . . ва, и воспитанъ въ иѣгѣ и баловствѣ. Въ настоящее время, онъ уже былъ вольноотпущеннымъ и служилъ Шушерину по найму: и господинъ, и слуга очень любилъ другъ-друга.

такимъ искреннимъ удовольствіемъ, что и теперь пріятно объ этомъ вспомнить. Рѣдко мѣшали намъ посторонніе посетители (*).

Шушеринъ началъ съ того, что выслушалъ все, сколько-нибудь значительныя роли, которыя я игрывалъ; но предварительно я прочитывалъ вслухъ всю піесу: тогда онъ определялъ характеръ лица, которое мнѣ слѣдовало сыграть, со всеми его подробностями; определялись даже отношенія его къ другимъ дѣйствующимъ лицамъ и ко времени, когда происходило дѣйствіе. Я выучивалъ роли наизусть съ величайшею точностью, гораздо тверже, чѣмъ зналъ тогда, когда игралъ ихъ на театрѣ въ К...ни. Потомъ Шушеринъ читалъ за тѣ дѣйствующія лица, съ которыми у меня шла сцена, а я игралъ свою роль, въ полномъ смыслѣ этого слова. Не рѣдко случалось, что я повторялъ по нѣскольку разъ одну и ту же сцену. Такимъ образомъ, въ продолженіе двухъ съ половиною лѣтъ, прошелъ онъ со мною болѣе двадцати значительныхъ ролей (**), кромѣ мелкихъ, и я теперь не могу надивиться его терпѣнію и любви къ искусству. Съ самаго моего дѣтства, я никогда не игралъ молодыхъ людей, любовниковъ, какъ говорится на театральномъ языкѣ. Судя по большому запасу огня, которымъ я былъ надѣленъ отъ природы, по моему росту и наружности, Шушеринъ думалъ, что я долженъ непременно играть любовниковъ и что я случайно попалъ на роли благородныхъ отцевъ и стариковъ, и нѣсколько разъ пробовалъ меня, заставляя

(*) Посторонними посетителями бывали: Д. И. Языковъ, В. И. Бергъ, Н. И. Гибѣичъ, Н. И. Ильинъ, С. въ, и нѣкоторые актеры.

(**) Разумѣется, въ томъ числѣ были роли, которыхъ я никогда не игрывалъ, но чтобы заставить Шушерина проходить ихъ со мной, я его обманывалъ и говорилъ, что ихъ игралъ, или что долженъ буду играть на домашнемъ театрѣ у Шишкова и у Лабзина.

играть Сеида въ «Магометъ», Фрица въ «Сынъ любви» и Цедерштрема въ «Бѣдности и благородствѣ души», но успѣха не было: любовный огонь у меня не выражался. Убѣдившись въ этомъ, Шушеринъ хотѣлъ, чтобы я игралъ молодыхъ людей не влюбленныхъ, и особенно налегаль на роль «Полиника» въ «Эдипъ въ Лѣннахъ»: все напрасно... чувства выражались у меня какъ-то не молодо и не бѣшено. Напротивъ, въ роли Эдипа онъ былъ мною очень доволенъ. Впрочемъ, мы занимались не одними театральными пѣсами. Я читалъ вслухъ все интересное, что только появлялось въ литературѣ; разумеется были прочтены всѣ любимые мои стихотворцы. Вообще у Шушерина было много эстетическаго чувства.

Года черезъ полтора, когда дѣлю о пещи сдѣлалось не сомнѣннымъ и два года благодарности истекли, Шушеринъ сталъ понемногу снимать съ себя маску мнимой болѣзни; сталъ иногда прогуливаться и ходить со мною изрѣдка въ театръ, хотя дѣлалъ это съ большою осторожностью, переодѣваясь въ самое простое платье, такъ что его рѣшительно никто не узнавалъ въ театрѣ. Тогда начинала входить въ славу Катерина Семеновна Семенова. Я видѣлъ ее въ первый разъ въ роли Ксеніи, въ «Дмитрѣ Донскомъ», и раздѣлялъ общее восхищеніе зрителей; но Шушеринъ къ великому удивленію моему сказать мнѣ, что она начинаетъ портиться и что онъ рѣшительно не доволенъ ею въ трагическихъ роляхъ, кромѣ ролей «Антигона» и «Корделии», что она попала въ руки такихъ учителей, которые соблютъ ее съ толку, выучатъ ее съ голоса завыванію по потамъ. «Да, любезный другъ, говори мнѣ Шушеринъ, Семенова такой талантъ, какого не бывало на русской сценѣ, да едва ли и будетъ. Ты не можешь судить о ней, не видавши ее въ тѣхъ роляхъ, которыя она игрывала, будучи еще въ школѣ, когда ея

никто не занимался и не училъ ее. Ес надобно видѣть въ «Примиреніи двухъ братьевъ» или «Корсиканцахъ» Коцебу. Какъ скоро будутъ давать эти пьесы, я иду вмѣстѣ съ тобой въ театръ. Я замѣтилъ въ ней даже перемену, въ Антигонѣ и Корделии, когда игралъ въ послѣдній разъ «Эдина» и «Леара»; она начинала надуваться и завывать. Я тогда же ей сдѣлалъ замѣчаніе; но она отвѣчала мнѣ, что ее такъ учать. И знаешь ли ты, кто ея главный учитель? Ты, кажется, слышалъ его чтеніе у А. С. Шишкова? Это П. П. Гнѣдичъ; хотя я его очень люблю и уважаю, но боюсь, что этотъ одноглазый чортъ погубитъ талантъ Семеновой.»—Въ непродолжительномъ времени, мы вмѣстѣ съ Шушеринымъ видѣли ее въ обѣихъ, выше мною названныхъ пьесахъ Коцебу; игра Семеновой меня очаровала, и я, почувствовавъ ея истинное достоинство; но Шушеринъ говорилъ, что она прежде играла простѣе и естественнѣе. «Стоя на колѣняхъ» съ жаромъ воскликнулъ Шушеринъ, надо было смотреть ее въ этихъ двухъ роляхъ!» Онъ находилъ, что слѣды проклятой декламации уже начинали и здѣсь показываться. Я тогда не умѣлъ и не могъ этого замѣтить.

Разнесся слухъ, что Гнѣдичъ переводитъ Волгера «Танкреда», для того, чтобы Семенова въ роли Аменады показала во всемъ блескъ свой талантъ и могла бы достойно соперничать съ *m-lle George*, игрою которой Гнѣдичъ не былъ вполне доволенъ; онъ особенно чувствовалъ въ ней недостатокъ огня, которымъ самъ былъ надѣленъ даже въ излшшество. Вскорѣ Гнѣдичъ захватъ къ Шушерину, и сказалъ ему что переводитъ «Танкреда» и даже привезъ прочесть начало своего перевода, который по тогдашнему времени казался намъ превосходнымъ. Переводъ былъ конченъ и пьеса поставлена съ необыкновенною поспѣшностью, въ три мѣсяца. Все исполнилось такъ, какъ предполагалъ

переводчикъ: Семенова торжествовала, и въ публикѣ образовалась партія, которая не только сравнивала ее съ m-*lle* George; но въ роли Аменанды отдавала ей преимущество. Въ послѣдствіи переводъ Танкреда былъ напечатанъ съ приложеніемъ портрета Семеновой и стихами къ ней переводчика. Мы съ Шушеринимъ видѣли Семенову въ роли Аменанды два раза; во второй разъ Шушеринъ смотрѣлъ ее единственно для поправки сдѣланныхъ имъ замѣчаній послѣ перваго представленія, которыя показались мнѣ не совсемъ справедливыми; но Шушеринъ былъ правъ и убѣдилъ меня совершенно. Превозносимая игра Семеновой въ этой роли представляла чудную смѣсь, которую могъ открыть только опытный и зоркій глазъ такого артиста какимъ былъ Шушеринъ. Игра эта слагалась изъ трехъ элементовъ: первый состоялъ изъ незабываемыхъ еще вполнѣ пріемовъ, манеры и формы выраженія всего того, что игрывала Семенова до появленія m-*lle* George; во второмъ — слышалось неловкое ей подражаніе въ напѣвъ и быстрыхъ переходахъ отъ оглушительнаго крика въ шопотъ и скороговорку. Шушерину при мнѣ сказывали, что Семенова, очарованная игрою Жоржъ, и день и ночь упражнялась въ подражаніи, или лучше сказать въ переработаніи ея эффектной декламациі; третьимъ элементомъ, слышнымъ болѣе другихъ—было чтеніе самого Гибдича, пѣвучее, трескучее, крикливое, но страстное, и, конечно всегда согласное со смысломъ произносимыхъ стиховъ, чего однако, онъ не всегда могъ добиться отъ своей ученицы. Вся эта амальгама, озаренная поразительною сценическою красотою молодой актрисы, прошедшая внутреннимъ огнемъ и чувствомъ, передаваемая въ сладкихъ и гремящихъ звукахъ неподражаемаго, очаровательнаго голоса — производила увлеченіе, восторгъ и вырывала громъ рукоплесканій. Послѣ втораго представленія «Танкреда»

Шушеринъ сказалъ мнѣ съ искреннимъ вздохомъ огорченнаго художника: «Ну, дѣло кончено: Семенова погибла невозвратно, то-есть, она дальше не пойдетъ (*). Она не получила никакого образованія и не такъ умна, чтобы могла сама выбиться на прямую дорогу. Да и зачѣмъ, когда всѣ восхищаются, всѣ въ восторгъ? А что могло бы выдти изъ нея!»... И до своей смерти, Шушеринъ не могъ безъ огорченія говорить о великомъ талантѣ Семеновой, погибшемъ отъ вліянія пагубнаго примѣра ложной методы, напыщенной декламациі г-жи Жоржъ, и разныхъ учителей, которые всегда ставили Семенову на ея роли съ голоса.

Другою знаменитостью на петербургской сценѣ были трагическій актеръ, Алексѣй Семеновичъ Яковлевъ. Талантъ огромный, одаренный всеми духовными и тѣлесными средствами; но увы, шедшій также по ложной дорогѣ. Онъ вышелъ изъ купеческаго званія, не имѣлъ никакого образованія и, что всего хуже, имѣлъ сильную склонность къ веселымъ компаніямъ. Передъ его вступленіемъ на сцену, некоторое время занимался имъ знаменитый ветеранъ театральнаго искусства, Иванъ Афанасьевичъ Дмитревскій, и потому-то первые дебюты Яковлева снискали ему благосклонность публики, которая неумѣренными знаками одобренія поспѣшила испортить своего любимца. Гдѣ есть театръ, тамъ есть и записные театралы. Это народъ самый вредный для молодыхъ талантовъ: они кружатъ имъ головы восторженными похвалами и угощеніями, всегда сопровождаемыми излишествомъ употребленія *даровъ Вахха*, какъ говаривали наши стихотворцы. По несчастію, Яковлевъ и прежде имѣлъ къ нимъ склонность. Чадъ похвалъ и вина охватилъ его молодую голову:

(*) Шушеринъ былъ совершенно правъ: чудный талантъ К. С. Семеновой не развился, и игра ея съ каждымъ годомъ становилась слабѣе до самаго окончанія ея театральнаго поприща.

онъ считалъ себя за великаго актера, за мастера, а не за ученика въ искусствѣ, сталъ рѣже и рѣже посѣщать Дмитревскаго и наконецъ совсѣмъ его оставилъ. Новыя роли, не пройденныя съ Дмитревскимъ, игрались нелѣпо. Благосклонность публики однако не уменьшалась. Стоило Яковлеву пустить въ дѣло свой могучій органъ, кстати или не кстати—это все равно, и театръ гремѣлъ и ревѣлъ отъ рукоплесканій и браво. Стихъ Озерова въ Дмитринѣ Донскомъ:

«Мечи булатныя и стрѣлы каменныя»

въ которомъ слово *стрѣлы* произносилось, Богъ знаетъ почему, съ протяжнымъ, оглушительнымъ трескомъ, или другой стихъ въ роли «Гезея»:

«Мой мечъ союзникъ мнѣ»

при чемъ Яковлевъ вскрикивалъ, какъ изступленный, ударя ладонью по рукояткѣ меча — приводили зрителей въ неистовый восторгъ, отъ котораго даже останавливался холъ піесы; я бѣсился, и передъ этими стихами заранее выбгалъ въ театральнѣй корридоръ, чтобъ пощадить свои уши отъ безумнаго крика, топанья и хлопанья. Яковлевъ до того забывался, что иногда являлся на сценѣ въ не-трезвомъ видѣ. Но публика не замѣчала или не хотѣла замѣтить—и хлопала по обыкновенію.

Въ самую эту эпоху, сидѣли мы одинъ разъ съ Шущериннымъ, и я что-то читалъ ему. Вдругъ раздался необыкновенно громкой звонокъ и черезъ минуту ввалился въ гостищую полу-пьяный Яковлевъ. Онъ остановился въ дверяхъ и громозвучнымъ голосомъ сказалъ:

«Здравствуй братъ
Визирать!
Какъ изволишь поживать?»

Къ удивленію моему, Шушеринъ проворно соскочилъ съ дивана, на которомъ лежалъ, бросился навстрѣчу гостю. снялъ колпакъ, началъ кланяться и шутовскимъ голосомъ отвѣчалъ:

«Слава-сте Богу,
Живемъ поемногу.»

Откуда взялся этотъ разговоръ на виршахъ, я не знаю. Дѣло въ томъ, что Шушеринъ, не любившій Яковлева, какъ счастливаго соперника, захотѣлъ потыгниться своимъ гостемъ и показать мнѣ его во всей невыгодной его славы. Чтобы не беспокоить Надежду Ѳедоровну, которая съ моимъ братомъ сидѣла въ сосѣдней комнатѣ, онъ вывелъ Яковлева въ залу, затворилъ двери въ гостиную, приказалъ подать самоваръ, бутылку рому и огромную чашку, которую не грѣхъ было назвать маленькой вазой, и мы втроемъ сѣли посреди комнаты около круглаго стола. Шушеринъ напоилъ гостя до пьяна и целый вечеръ безжалостно дурачилъ. Онъ называлъ его великимъ Яковлевымъ, заставлялъ декламировать разныя мѣста изъ его ролей, подстрекая словами: «Ну, Алексѣй Семенычъ, покажи себя, не ударь лицомъ въ грязь; мнѣ хочется, чтобы вотъ молодой мой пріятель (указывая на меня) увидѣлъ тебя во всей славы твоего великаго таланта.» И пьяный Яковлевъ доходилъ до неистовства, до отвратительнаго безобразія. Наконецъ Шушеринъ съ притворнымъ участіемъ упросилъ его рассказать о недавно случившемся съ нимъ несчастномъ происшествіи, которое Яковлевъ, трезвый, скрывалъ отъ всѣхъ и которое состояло въ слѣдующемъ: подгулявшій Яковлевъ вышелъ съ какой-то поздней пирушки и, не имѣя своего экипажа, потребовалъ, чтобы одинъ изъ кучеровъ отвезъ его домой; кучера не согласились, потому что у каждаго былъ свой баринъ или свой съдокъ; Яковлевъ сталъ ихъ бранить, называть

скотами, которые не понимают счастья вести великаго Яковлева, и какъ эти слова ихъ не убедили — принялся съ ними драться; кучера разсердились и такъ отдѣлали его своими кнутьями, что онъ нѣсколько дней былъ боленъ. Сцена отвратительная, но жалкая; а Шушеринъ валялся со смѣху, слушая добродушный и вполне откровенный разговоръ Яковлева. Эта черта въ Шушеринѣ мнѣ очень не понравилась, и я поспѣшилъ уйти домой; въслѣдъ за мною Шушеринъ выпроводилъ Яковлева безъ всякихъ церемоній. Въ этотъ же разъ, покуда не совсемъ опьянѣлъ, Яковлевъ разсказалъ намъ, что онъ знакомъ съ Державинымъ и ходитъ къ нему читать или декламировать его оды; что Державинъ, слушая ихъ, приходитъ въ восторгъ и дѣлаетъ разные жесты, и что одинъ разъ, когда Яковлевъ, читая оду «Богъ», произнесъ стихъ:

«Кого мы называемъ Богъ!»

Державинъ схватилъ съ головы колпакъ и такъ низко наклонился, что стукнулся лбомъ объ столъ, за которымъ сидѣлъ. Яковлевъ и Шушеринъ смѣялись; но мнѣ вовсе не казалось смѣшнымъ такое горячее сочувствіе знаменитаго нашего лирика къ своимъ высокимъ произведеніямъ.

Мнѣ случилось еще провести одинъ вечеръ у Шушерина съ Яковлевымъ; но въ этотъ разъ онъ былъ не одинъ, а вмѣстѣ съ Иваномъ Леонасыичемъ Дмитревскимъ, котораго я до тѣхъ поръ не видывалъ, да и послѣ не видалъ; и такъ это было для меня одинъ изъ самыхъ интереснѣйшихъ вечеровъ во всей петербургской моей жизни. Яковлевъ съ Дмитревскимъ сошлись печально; первый былъ еще совершенно трезвъ, и появленіе старика очень его смутило, потому что онъ не навѣщалъ бывшаго своего наставника нѣсколько мѣсяцевъ. Дмитревскій былъ уже очень слабъ, даже дрохлъ; съ трудомъ передвигалъ

ноги и ходить съ помощью челоуька; онъ показалея мнѣ средняго роста; но какъ станъ его былъ сгорбленъ годами, то можетъ быть я и ошибся; лица его я разсмог-рѣть не могъ, потому что глаза его не сносили света, и свѣчки были поставлены сзади; голосъ тогда былъ у него уже слабый и дребезжащій, онъ немного пришепетывалъ и сюсюкалъ; голова тряслась безпрестанно, однимъ словомъ: это были развалины прежняго Дмитревскаго. Посѣщеніе его, вовсе неожиданное для Шушерина, къ которому ѣзжалъ онъ чрезвычайно рѣдко, я считалъ для себя особенною милостью судьбы. Шушеринъ представилъ меня Дмитревскому, какъ диллетанта театральнаго искусства. Старикъ былъ со мной очень ласковъ и учтивъ, какъ челоуькъ, жившій всегда въ хорошемъ обществѣ. Я говорилъ съ нимъ о К...скомъ театрѣ и объ его ученицѣ Эеклушѣ; онъ очень ее помнилъ и подтвердилъ мнѣ все ея рассказы. Во все время нашего разговора, смущенный Яковлевъ молчалъ; но скоро Дмитревскій самъ къ нему обратился, и я съ удовольствіемъ увидѣлъ, что Иванъ Аванасычъ, дряхлый тѣломъ, былъ еще бодръ и свѣжъ умомъ. Онъ принялся такъ ловко щупать Яковлева за его поведеніе, за неуваженіе къ искусству, за давнишнее забвеніе своего прежняго руководителя, проложившаго ему путь къ успѣхамъ на сценѣ, что Яковлевъ не зналъ куда дѣваться: кланялся, обнималъ старика и только извинялся тѣмъ, что множество ролей и частые спектакли отнимаютъ у него все время. Дмитревскій улыбался, и въ нѣсколькихъ словахъ показалъ, что это все вздоръ, что онъ знаетъ весь репертуаръ Яковлева не хуже его самого. Въ числѣ оправданій, Яковлевъ упомянулъ о побѣдѣ своей въ Москву; онъ распространился о своихъ блистательныхъ успѣхахъ на московской сценѣ, и въ доказательство вынулъ изъ кармана, и показалъ намъ дорогую золотую

табакерку, осыпанную крупными бриллиантами, съ самого лестною надписью. Табакерку цѣнили въ 5,000 рублей. Досадно, что я не помню надписи; но кажется она состояла въ томъ, что Московское дворянство изъявляетъ свою благодарность знаменитому артисту Яковлеву. Эта табакерка ужасно возгордила его; даже теперь, взглянувъ на нее, онъ вдругъ ободрился и началъ говорить о себѣ съ дерзкою самоувѣренностью. Онъ сказалъ между прочимъ, что никто еще въ Россіи не удостоился получить такого блистательнаго знака благодарности отъ цѣлаго сословія благороднаго московскаго дворянства, что судъ знатоковъ въ Москвѣ гораздо строже, чѣмъ въ Петербургѣ; потому что въ Москвѣ народъ не занятой, вольный, живетъ въ свое удовольствіе и театромъ занимается серьезно, тогда, какъ здѣсь все люди занятые службой, которымъ некогда углубляться въ тонкости театральнаго искусства, все чиновники, да гвардейцы, что его игра въ роли «Отелло» (*) всего болѣе понравилась московской публикѣ, и что она два раза требовала повторенія этой пьесы. При сихъ словахъ вдругъ обратился онъ съ вопросомъ къ Дмитревскому, сильно раздраженному его хвастовствомъ: «Позвольте узнать, достопочтеннѣйшій Иванъ Афанасьичъ, довольны ли вы моею игрою въ роли «Отелло», если вы только удостоили нашимъ присутствіемъ представленіе этой пьесы?» Дмитревскій часто употребляетъ въ разговорахъ слова «душа моя»; но букву *и* онъ произноситъ не чисто, такъ что ее заглушалъ звукъ буквы *с*; помолчавъ и посмотрѣвъ проищески на вопрошающаго, онъ отвѣчалъ: «Видѣль, дуса моя; но зачѣмъ тебѣ знать, что я думаю о твоей игрѣ? Вѣдь тебя хвалятъ, и всегда вызываютъ; благород-

(*) Трагедія «Отелло» была переведена съ французской передѣлки Дюссиса, г-мъ Вельямшиновымъ.

ное російское дворянство тебѣ подарило табакерку. Чегожь тебѣ еще? Ты хорошь, прекрасенъ, безподобенъ.» Яковлевъ чувствовалъ, что это насмѣшка. «Нѣтъ, досто-почтеннѣйшій Иванъ Аѳанасичъ, продолжалъ Яковлевъ съ жаромъ и даже чувствомъ, мнѣ этого мало. Ваша похвала для меня дороже похвалы всѣхъ царей и всѣхъ знатоковъ въ мѣрѣ. Я обращаюсь къ вамъ, какъ артистъ къ артисту, какъ славный актеръ настоящаго времени къ знаменитому актеру прошедшаго времени.» Яковлевъ поднялся съ кресла, сталъ въ позицію передъ Дмитревскимъ, ударилъ себя рукою въ грудь и голосомъ «Отелло» произнесъ: «Правды требую, правды!» Скрывая негодованіе, Дмитревскій, съ убійственнымъ хладнокровіемъ отвѣчалъ: «Если ты непременно хочешь знать правду, душа моя, то я скажу тебѣ, что роль Отеллы ты играешь, какъ сапожникъ.» Эффектъ былъ поразителенъ: Шушеринъ плавалъ въ восторгѣ, потому что терпѣть не могъ Яковлева, и хотя не любилъ, но уважалъ Дмитревскаго; я весь превратился въ напряженное вниманіе; Яковлевъ, такъ величественно и смѣло вызвавшій строгій приговоръ, пораженный почти собственнымъ оружіемъ, нѣсколько мгновеній стоялъ неподвижно, потомъ поклонился Дмитревскому въ поясъ, и смиренно спросилъ: «Да чѣмъ же вы недовольны, Иванъ Аѳанасичъ?» — «Да всѣмъ», отвѣчалъ Дмитревскій, давшій вдругъ волю своей горячности: «Что ты, напримеръ, сдѣлалъ изъ превосходной сцены, когда призываютъ Отелло въ Сенатъ, по жалобѣ Брабанціо? гдѣ этотъ благородный, почтительный воишъ, этотъ скромный побѣдитель, такъ искренно, такъ простоудинно говорящій о томъ, чѣмъ понравился онъ Дездемонѣ? Кого ты играешь? Буяна, сорванца, который, махая кулаками, того и гляди, что хватить въ зубы кого-нибудь изъ Сенаторовъ...» и съ этими словами Дмитревскій съ живостью поднялся

съ кресель, сталъ посреди комнаты и проговорилъ па-
 нусть почти до половины монолога Отелло, съ совершен-
 ною простотою, истиной и благородствомъ. Весь мы были
 поражены изумленіемъ, смѣшаннымъ съ какимъ-то стра-
 хомъ. Передъ нами стоялъ не дряхлый старикъ, а бодрый
 хотя и не молодой Отелло; жеста не было ни одного:
 почтительный голосъ его былъ твердъ, произношеніе чи-
 сто и голова не тряслась (*). Шушеринъ опомнился пер-
 вый, бросился къ Дмитревскому, схватилъ его подъ обѣ
 руки, цѣловалъ въ плечо и восклицая: «Вотъ великій ак-
 теръ, вотъ неподражаемый артистъ!» съ большимъ тру-
 домъ довелъ его до кресель. Дмитревскій такъ ослабѣлъ,
 что попросилъ рюмку мадеры. Яковлевъ стоялъ какъ
 опущенный въ воду. Весь молчали, точно испуганные
 сверхъестественнымъ явленіемъ. Оправившись Дмитревскій
 сказалъ: «Разгорячилъ ты меня старика, душа моя, и я
 пролежу отъ того недѣли двѣ въ постели.» Голосъ его
 дребезжалъ, языкъ пришепetyвалъ и голова тряслась по
 прежнему:—«Пора мнѣ домой, продолжалъ онъ. Если хо-
 чешь, душа моя Алеса, вѣдь я прежде всегда такъ назы-
 валъ тебя, то прѣзжай ко мнѣ; я пройду съ тобой всю
 роль. Прощай Яковъ Емельянычъ.» Дмитревскій едва
 могъ подняться съ кресель; Степанъ вмѣстѣ со слугой
 Дмитревскаго, повели его подъ руки; Шушеринъ, забывъ
 свою миную бользнь и холодную погоду, схватилъ свѣчу
 и, въ одномъ фланселевомъ шлафрокъ, побѣжалъ прово-
 дить знаменитаго гостя и самъ усадилъ его въ карету.
 Когда онъ воротился, Яковлевъ стоялъ въ томъ же поло-
 женіи, задумчивый, смущенный и безмолвный. Шушеринъ

(*) Шушеринъ рассказывалъ мнѣ, что голова у Дмитревскаго давно начи-
 нала трястись; но что когда бывалъ онъ на сценѣ, это было непримѣтно,
 а равно и недостатокъ его произношенія.

принялся хохотать. «Что, братъ? Озадачиль тебя старикашка?»—«Да, отвѣчалъ Яковлевъ; я услышалъ истину.»—Съ прискорбіемъ долженъ я сказать, что Шушеринъ не поддержалъ въ Яковлевѣ такого добраго расположенія. Онъ принялся шутить, хвалить Яковлева, и даже сказать, что всякому слову Дмитревскаго вѣрить нельзя, а въ доказательство его фальшивости, разсказалъ происшествіе, случившееся съ нимъ самимъ. «Когда я пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, такъ говорилъ Шушеринъ, по вызову здѣшней дирекціи, для поступленія въ службу на Императорскій театръ, мнѣ были назначены три дебюта: «Сынъ любви», «Эмилія Галотти» и «Дидона» трагедія Княжнина, въ которой я съ успѣхомъ игралъ роль «Ярба.» Я обратился къ патріарху русскихъ актеровъ, къ Ивану Аѳанасичу, который зналъ меня давно въ Москвѣ, всегда очень хвалилъ и способствовалъ моему переходу въ Петербургъ. Не смотря на это, я боялся, чтобы его отзывы о моихъ дебютахъ не повредили мнѣ, потому что не надѣялся на прежнія похвалы его, сказанныя мнѣ въ глаза. Я хотѣлъ его напередъ задобрить и просилъ, чтобы онъ прослушалъ мои дебютныя роли; и хотя онъ отговаривался, что это не нужно, что умнаго учить только портить; но я просилъ неотступно и онъ выслушалъ меня. По первымъ двумъ ролямъ моихъ дебютовъ, я получилъ подозрѣніе, что Иванъ Аѳанасичъ хитритъ: самыя лучшія мѣста въ моихъ роляхъ, которыя я обработалъ и исполнялъ хорошо, онъ какъ-будто не примѣчалъ, а напротивъ тѣ мѣста, которыя были у меня слабы, и которыми я самъ былъ недоволенъ, онъ очень хвалилъ. Постой же, старій хрычъ, подумалъ я; я тебя выведу на свѣжую воду. Первые два дебюта сошли очень хорошо. Когда я пріѣхалъ къ Ивану Аѳанасичу съ ролею Ярба, то прочелъ ее всю, какъ слѣдуетъ кромь

одного мѣста, которое у меня было лучше всѣхъ и въ которомъ московская публика меня всегда отлично принимала; это 4-е явленіе въ 4-мъ дѣйствіи, гдѣ Ярбъ бросается на колѣни и обращается къ Юпитеру.

О ты, котораго всѣ чтуть моимъ отцомъ,
 Великій Юпитерь, держащій страшный громъ!
 Зри сыну твоему творимыя досады!
 Впервые для своей молю тебя отрады:
 Когда ты мой отецъ, яви, что я твой сынъ.
 Изъ мрака грозныхъ тучъ, и проч.

Видя же, что въ природѣ ничего не дѣлается и Юпитерь молчитъ, Ярбъ съ яростью встаетъ и говоритъ:

Но что, слова мои напрасно я теряю
 И своего отца безъ пользы умоляю!
 Когда ты не разишь, отцомъ тебя не чту,
 И только тщетную въ тебѣ я зрю мечту.

Я прочелъ эти стихи такъ слабо, такъ дрянно, что мнѣ было стыдно смотреть на Ивана Афанасьича. Что же онъ? Обнялъ меня и говоритъ: «Прекрасно, неподобно, точно такъ, какъ я прежде игрывалъ эту роль.» Я спросилъ даже, не слабо ли я играю это мѣсто, не нужно ли его усилить; но онъ увѣрялъ, что надобно точно такъ играть. Во время представленія пьесы, Иванъ Афанасьичъ сидѣлъ на креслахъ, между двухъ первыхъ кулисъ. Я разумеется игралъ это явленіе совсѣмъ не такъ, какъ читалъ Дмитревскому; публикѣ оно очень понравилось, долго хлопали и кричали браво. Когда я сошелъ со сцены и подошелъ къ Дмитревскому, онъ обнялъ меня, превозносилъ похвалами, а на ухо шепнулъ мнѣ: «ты сельма, бестія, плутъ, мосеникъ; ты знаешь за что.» Долго онъ не могъ простить мнѣ этой штуки, и сколько я ни увѣрялъ его, что это случилось печально, что это былъ сценическій порывъ, ко-

тораго я въ другой разъ и повторить не съумью — старикъ грозилъ пальцемъ и начиналъ меня ругать.» — Этотъ разсказъ очень поколебалъ Яковлева въ доверенности къ Дмитревскому. Потомъ онъ сильно подпилъ и уходя сказалъ: «Поѣду къ старику, только надуть себя не дамъ.» Я забылъ сказать, что въ этотъ же вечеръ, еще до пріѣзда Дмитревскаго, Яковлевъ сказалъ намъ, что написалъ поэму въ стихахъ. Шушеринъ лукаво улыбнулся и сказалъ, что очень бы желалъ ее послушать, и Яковлевъ вынулъ изъ кармана тетрадку и прочелъ нѣсколько куплетовъ. Стихи были, или показались намъ, очень хороши, и мы оба, изумленные такой неожиданностью, горячо ихъ хвалили. Яковлевъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь (это былъ любимый его жестъ) и сказалъ, обращаясь къ Шушерину: «Да братъ, это Этна, въ которой много кипитъ огня. Завтра прочту свою поэму Гавріилу Романовичу Державину.» Я послѣ видѣлъ эту пѣсню, напечатанную отдѣльно. Это была не поэма, а большая лирическая пѣснь духовно-нравственнаго содержанія, написанная по тогдашнему весьма хорошими стихами, и конечно, отличала новое дарованіе въ этомъ замѣчательномъ и талантливомъ человѣкѣ. Поступокъ Шушерина меня огорчилъ. Изъ всѣхъ разсказовъ объ Яковлевѣ должно было заключить, что въ основаніи характера этого человѣка много лежало благороднаго и прекраснаго. Оставшись наединѣ съ Яковомъ Емельянычемъ, я упрекалъ его, но онъ отшучивался и отвѣчалъ мнѣ, что «я еще молодъ и когда поживу съ его на свѣтъ, то иначе буду смотреть на людей.» Только Шушеринъ съ этихъ поръ сдѣлался осторожнѣе и старался при мнѣ ничего подобнаго не говорить.

Гибдичъ переводилъ тогда Иліаду. Онъ позвалъ Шушерина къ себѣ, чтобы выслушать осьмую пѣснь, только что имъ конченную. Шушеринъ былъ такъ любезенъ, что

сейчасъ вспомнилъ обо мнѣ и выпросилъ позволеніе привезти меня съ собою: до тѣхъ поръ я не былъ лично знакомъ съ Гнѣдичемъ. Онъ переводилъ Иліаду, начавъ съ седьмой пѣсни, потому что считалъ переводъ первыхъ шести пѣсень Кострова вполне удовлетворительнымъ; переводилъ онъ ямбами съ римами и дошелъ до половинны десяти пѣсни. Всемъ извѣстно, что въ послѣдствіи, по совѣту С. С. У., подкрѣпленному совѣтомъ А. Н. О., Гнѣдичъ уничтожилъ свой ямбическій переводъ, и началъ переводить Иліаду съ первой пѣсни гекзаметрами. Я помню, что тогда, не понимая дѣла, я очень сожалѣлъ объ этой перемѣнѣ. Мы пошли съ Шушеринымъ пѣшкомъ, и онъ предупредилъ меня, что Гнѣдичъ будетъ читать съ такимъ жаромъ и съ такими жестами, что опасно сидѣть близко къ нему, особенно съ криваго глаза, и заранѣе потышался уродливостію его декламаціи. Все это въ Шушеринѣ мнѣ было досадно. Гнѣдичъ принялъ насъ радушно, и послѣ нѣсколькихъ словъ о театрѣ и о Семеновѣ, причемъ Шушеринъ не пропустилъ okazji сказать, вопреки своему убѣжденію, что она очень успѣваетъ подъ его руководствомъ — принялся читать осьмую пѣснь Иліады. Предсказанія Шушерина сбылись. Гнѣдичъ, читая передъ актеромъ и передъ неизвѣстнымъ ему молодымъ человѣкомъ, котораго онъ считалъ также, чѣмъ-то въ родѣ актера — далъ себѣ полную волю. Тутъ я увидѣлъ, что не имѣлъ понятія о чтеніи Гнѣдича, хотя и слышалъ его одинъ разъ у А. С. Шишкова, гдѣ онъ читалъ седьмую пѣснь Иліады при довольно многочисленномъ собраніи почтенныхъ слушателей. Гнѣдичъ декламировалъ неистово, съ движеніями и жестами, въ самомъ дѣлѣ, очень смѣшными. Я сидѣлъ прямо противъ него, а Шушеринъ съ боку, и я видѣлъ какъ онъ забавлялся, что мѣшало мнѣ восхищаться славными стихами Гнѣдича. Судьба захотѣла

въ этотъ разъ вполне потышить Шушерина; Гнѣдичъ въ пылу декламаціи такъ махнулъ рукой, что задѣлъ за подсвѣчникъ, который вмѣстѣ съ свѣчей пролетѣлъ мимо головы Шушерина; онъ бросился поднять подсвѣчникъ; но Гнѣдичъ схватилъ его за руку, удержалъ на мѣстѣ, и яростно смотря ему въ лице, дочиталъ, какъ Діомидъ, посадивъ возницей Нестора на свою колесницу, полетѣлъ противъ Гектора.... Я поднялъ свѣчку, натурально переломившуюся, и поставилъ на другой столъ. Вскорѣ пришла и моя очередь, Гнѣдичъ вдругъ обратился ко мнѣ, перекинулся черезъ столикъ, за которымъ сидѣлъ и, прозвонясь стихъ:

«Сего же злаго пса стрѣла не улучаетъ!» (*),

едва не выкололъ мнѣ глазъ своимъ указательнымъ пальцемъ. Шушеринъ смѣлся, за спиною у чтеца, и дѣлалъ мнѣ такіе уморительныя жесты, что я самъ едва не расхохотался. Послѣ окончанія чтенія онъ былъ такъ не деликатенъ, что спросилъ у Гнѣдича, «не ушибъ ли онъ руку о подсвѣчникъ?» но послѣдній съ досадою отвѣчалъ: «нѣтъ». Наконецъ мы простились съ хозяиномъ. Я благодарилъ за удовольствіе, которое доставили мнѣ его стихи; а Шушеринъ благодарилъ очень двусмысленно, говоря, что Николай Ивановичъ его утѣшилъ, и что онъ никогда не забудетъ этого вечера. Когда мы вышли на улицу, Шушеринъ такъ принялся хохотать, что мы нѣсколько времени простояли на одномъ мѣстѣ. Я хмурился, и не смѣлся, и это еще болѣе смѣшило Шушерина. Я сказалъ ему, что не смотря на уродливыя выходки, въ чтеніи Гнѣдича такъ много силы и выразительности, что я слушалъ его съ большимъ удовольствіемъ; но Шуше-

(*) Гекзаграмомъ этотъ стихъ переведенъ Гнѣдичемъ такъ:

«Только сего не дается, свирѣпаго пса мнѣ уметить»

ринъ возразить, что было бы еще выразительнѣе, еслибъ Гнѣдичъ, желая придать болѣе силы своему стиху, пустилъ въ меня подсвѣчникомъ, какъ Гекторъ, бросившій камень въ Тевкра... Шущеринъ не вполне понималъ Гомера, и слова *песъ*, особенно *пища*, какъ называетъ Приса богиню Палладу Аѳину, возмущали и смѣшили его.

Была прекрасная лѣтняя почъ, тихая и свѣтлая, какъ это бываетъ иногда въ Петербургѣ. Изъ Садовой мы вышли на набережную Фонтанки, хотя это было дальше, и такъ прошли до Свинной. Брата моего уже не было у Надежды Осодоровны, въ окнахъ было темно; онъ ушелъ спать домой одинъ, а Степанъ проводилъ его; мы жили тогда на другой квартирѣ, въ домѣ Волкова, очень близко отъ Шущерина, въ томъ переулкѣ, который идетъ съ Свинной на Екатеринку.

Проходя со мною роль: «Неизвестнаго» въ комедіи Коцебу «Независть къ людямъ и раскаяніе», имѣвшей большой успѣхъ на многихъ европейскихъ театрахъ, Шущеринъ не былъ мною доволенъ, и требовалъ отъ меня болѣе простоты и естественности. Чтобъ показать мнѣ, какъ должно играть эту роль, онъ пошелъ со мною въ нѣмецкій театръ, на которомъ актеръ Фьяло или Фьяль (кажется такъ) по мнѣнію Шущерина и всѣхъ знатоковъ игралъ эту роль превосходно. Оба мы не знали нѣмецкаго языка; но игра Фьяло была такъ выразительна, а пьеса намъ такъ известна, по русскому переводу, что мы оба понимали ее совершенно и на нѣмецкомъ языкѣ. Въ самомъ дѣлѣ игра Фьяло могла назваться совершенствомъ естественности и простоты чувства. Съ непривычки эта простота даже меня удивила, особенно потому, что окружающія его дѣйствующія лица, хотя также играли довольно просто, но все не понадали въ одинъ тонъ съ неподражаемымъ Фьяло. Я передѣлалъ свою игру въ

роль «Незвѣстнаго» и Шушеринъ былъ такъ доволенъ, что даже обнялъ и поцѣловалъ меня (*).

Я продолжалъ между-тѣмъ, отъ времени до времени смотреть Жоржъ. Отдавая всегда отчетъ въ моихъ впечатлѣнiяхъ Шушерину, я возбудилъ его любопытство, и онъ самъ захотѣлъ взглянуть на европейскую знаменитость. Мы выбрали для этого Федру, всю роль которой я перевелъ для Шушерина, (нѣкоторыя мѣста даже стихами), хотя онъ и читалъ Федру въ старинномъ переводѣ. Я за-ранѣе обратилъ его вниманiе на эффектные мѣста и даже натвердилъ нѣкоторые стихи по-французски, стихи, которыми *m-me George* постоянно приводила въ восхищенiе публику. Шушеринъ, можетъ быть отъ того, что былъ предупрежденъ мною, оцѣнилъ съ разу по достоинству славную актрису; онъ говорилъ: «Удивляюсь, благоговѣю, преклоняюсь передъ ея искусствомъ (**), но не слышу души.» Тѣмъ не менѣе онъ захотѣлъ еще ее видѣть, и въ продолженiе нѣсколькихъ мѣсяцевъ мы видѣли ее еще разъ въ Федрѣ, потомъ въ Андромахѣ, въ Танкредѣ и въ Семiramидѣ. Въ роли Аменанды, она дѣйствительно уступала Семеновою; но за то торжествовала въ Семiramидѣ. Эту роль она играла лучше всѣхъ ролей, и Шушеринъ хвалилъ ее даже пристрастно, потому что увлекался великолѣпной наружностью, красотой, голосомъ царственнымъ величiемъ актрисы. Когда Семiramida вошла на тронъ въ вынцѣ, со скипетромъ, въ царственной мантiи, и, обратясь къ присутствующимъ, начала свою знаменитую рѣчь, Шушеринъ едва усидѣлъ на креслахъ, и сказалъ мнѣ «я стану на колѣни». Мы разобрали игру

(*) Попробовать эту передѣлку на сценѣ мнѣ не удалось.

(**) Шушеринъ употреблялъ слово искусство не въ томъ значенiи, которое придано ему теперь, а въ смыслѣ умѣнья, мастерства.

m-lle George, какъ говорится по ниточкѣ, и вотъ въ короткихъ словахъ, въ чемъ состоятъ весь механизмъ и вся ея характеристика. M-lle George играла свои роли холодно, безъ всякаго внутренняго чувства. Пластика была великолѣпна, въ полномъ смыслѣ этого слова. George была совершенная красавица: правильныя, довольно крупныя черты ея лица, необходимое условіе, чтобъ казаться совершенствомъ красоты на сценѣ, были подвижны и выразительны, особенно глаза; высокой ростъ, удивительныя руки, сила и благородство въ движеніяхъ и жестахъ — все было превосходно. Я думаю, что одна ея мимика безъ словъ, произвела бы дѣйствіе еще сильнѣе. Характеры ролей, истинность ихъ, всегда приносились въ жертву эффекту; слѣдовательно — даже теперь выговорить страшно — ея игра была безсмысленна, относительно къ характеру представляемаго лица. Всякую роль, m-lle George, предварительно разсѣкала на множество кусковъ: въ каждомъ изъ нихъ находились иногда два стиха, иногда полтора, иногда одинъ, иногда нѣсколько словъ, а иногда и одно слово, которымъ она поражала слушателей; для усиленія эффекта избранныхъ стиховъ, выраженій и словъ, она обыкновенно употребляла три способа: 1) она тянула, пѣла, хотя всегда звучнымъ, но сравнительно слабымъ голосомъ, стихи предшествующіе тому выраженію, которому надобно было дать силу; вся наружность ея, какъ будто опускалась, глаза теряли свою выразительность, а иногда совсѣмъ закрывались, и вдругъ бурный потокъ громозвучнаго органа вырывался изъ ея груди, всѣ черты лица оживлялись мгновенно, раскрывались ея чудныя глаза и неотразимо-ослѣпительный блескъ ея взгляда, сопровождаемый чудною красотою жестовъ и всей ея фигуры — довершалъ пораженіе зрителя. 2) Громозвучная, нѣвучая и всегда гармоническая декламация вдругъ об-

рывалась, и выразительнымъ шепотомъ, слышнымъ во всѣхъ углахъ театра, произносились тѣ слова, которымъ назначено было, такъ сказать, вливаться въ душу зрителей. Не нужно прибавлять, что мимика и вся наружность соотвѣствовали такому быстрому переходу. 5) Способъ состоялъ въ томъ, что изъ скороговорки, вдругъ вылетали нѣсколько словъ и нерѣдко одно слово, произносимое безъ напѣва, протяжно, какъ будто по складамъ, съ сильнымъ удареніемъ на каждый слогъ, такъ что избранное выраженіе или слово, поразительно впечатлѣвалось въ слухъ и, пожалуй, въ душу нпаго зрителя. Этотъ послѣдній способъ, употребляемый иногда обратно, такъ что скороговорка врывалась въ протяжно пѣвучую рѣчь, въ Петербургѣ менѣе производилъ дѣйствія, какъ я слышалъ отъ многихъ, чѣмъ на другихъ европейскихъ театрахъ, такъ что въ послѣдствіи m-lle George употребляла его гораздо рѣже, и многіе говорили, что игра ея въ Россіи усовершенствовалась. Изъ такой постановки ролей, необходимо слѣдуетъ, что онѣ были всѣ обдѣланы предварительно, *передъ зеркаломъ*, въ продолженіе долгаго времени. Всѣ мельчайшія интонаціи голоса, малѣйшія движенія лица, рукъ и всего тѣла, всякая складка на ея платьѣ, долженствующая образоваться при такомъ-то движеніи, все было изучено и никогда не измѣнялось. Мнѣ случилось быть одинъ разъ въ театрѣ вмѣстѣ съ двумя ея поклонниками и сидѣть между ними: я командовалъ всѣми движеніями m-lle George, зная ихъ наизусть, такъ, что выходило очень смѣшно. Я шепталъ: «ступи шагъ впередъ, отодвинь назадъ лѣвую ногу, опусти глаза, раскрой вдругъ глаза, тяни нараспѣвъ, шепчи, говори по складамъ, скороговоркой, откинь шлейфъ платья назадъ...» и все вточности исполнялось въ ту же минуту. Одинъ изъ моихъ соседей расхохотался, а другой разсердился. M-lle George такъ механически играла свои роли, что слушая

иногда, повидимому, съ благоговѣньемъ или сильнымъ наружнымъ волненіемъ, она бранилась шепотомъ съ своими товарищами, за не во-время *поданыя реплики*, или съ своей прислужницей, стоявшей не далеко отъ нея за кулисами, забывшею подать ей какую-нибудь нужную вещь при выходѣ на сцену. Это слышалъ не я одинъ, а весьма многіе; находились такіе люди, которые ставили ей въ достоинство такое умѣнье — въ одно и тоже время раздѣляться на два лица. Игра m-lle George была положена, такъ сказать на поты, твердо выучена наизусть, и съ неизмѣнною точностью повторялась всегда. George не обращала ни малѣйшаго вниманія на мысль автора, на общій *ладъ* (*ensemble*) пьесы и на тонъ реплики лица, ведущаго съ нею сцену; однимъ словомъ: она была одна на сценѣ, другія лица для нея не существовали. После этого можно ли назвать ея игру художественнымъ воспроизведеніемъ личности представляемаго лица? Это было проявленіе какихъ-то движеній или волненій души, внѣшнимъ образомъ выражающихся, нанизанныхъ на нитку, какъ имъ попало. Нѣтъ, никогда не признаю я искусства въ такомъ умѣньѣ передразнивать внѣшнюю природу чловѣка, хотя бы оно было возведено до высокой степени! Конечно, она подражала не одной внѣшней природѣ, она подражала и выраженію страстей чловѣческихъ, но это подражаніе вообще было безжизненно, безхарактерно, безразлично. Зритель видѣлъ въ ея чертахъ и слышалъ въ ея голосъ *какое-то* волненіе, *какую-то* силу, и, по смыслу произносимыхъ ею словъ, по характеру представляемаго лица, долженъ былъ принимать это волненіе или за гнѣвъ, или за отчаяніе и т. п. Но, конечно, ни одинъ зритель не могъ найти въ игрѣ m-lle George выраженія печали, любви и преимущественно нѣжности, хотя бы роль требовала именно такихъ чувствъ.

Говорили: George производитъ сильное дѣйствіе, оставляетъ глубокое впечатлѣніе. Положимъ такъ, да какого рода это впечатлѣніе? Если не художественное, то не дай Богъ его испытывать. Это впечатлѣніе на нервы, а не на душу. Такое впечатлѣніе можетъ произвести всякое физическое явленіе: внезапный свѣтъ, темнота, стукъ. Если мы пойдемъ дальше и будемъ искать такого рода эффектовъ, то развѣ предсмертныя томленія умирающаго человека, или казнь преступника, не произведетъ еще сильнѣйшаго впечатлѣнія? Но представленіе такихъ предметовъ на сценѣ, было бы оскорбленіемъ искусству и художественному чувству образованнаго человека, и чѣмъ върнѣе подраженіе, тѣмъ хуже. Впрочемъ, George не умѣла хорошо умирать на сценѣ (и слава Богу), хотя имѣла на то претензію (*).

Я наконецъ не могъ уже видѣть, безъ неудовольствія, m-lle George, между тѣмъ, какъ Семенова и Яковлевъ, у которыхъ, хотя не было ролей цѣльныхъ, но всегда были мѣста, въ которыхъ природный талантъ ихъ, то-есть,

(*) В. А. Каратыгинъ, пользовавшійся также громкой славой, былъ некоторымъ образомъ, таже George въ своей игрѣ, хотя я ставлю его въ одномъ отношеніи выше: роли у него были также *сдѣланы* то-есть, выучены передъ зеркаломъ съ разными, заранѣе придуманными, эффектными выходами; пластика—также иногда великолѣпна, хотя хриплый подорванный голосъ и нервскія, малоподвижныя черты лица мѣшали ему достигнуть того совершенства, которымъ отличалась въ мимикѣ George; но вотъ въ чемъ онъ превосходилъ еѣ: все его роли были обдуманы и проникнуты мыслью; характеры верны и выдержаны, и онъ грѣшилъ только въ излишней эффектности вѣшняго исполненія, не проникнутой внутреннимъ огнемъ. Вообще у него мало выражалось чувства, вѣроятно подавляемаго несчастною методою, но была сила, отчасти замѣнявшая чувство. Лучшими его ролями я считаю: Людовика XI и особенно Лейчестера въ Маріи Стюартъ, въ которыхъ актеръ играетъ—актера на сценѣ. Я сказалъ, что пластика была у него *иногда* великолѣпна, потому что были роли, въ которыхъ эта пластика являлась не совсѣмъ взяточною.

одушевленіе, вырываясь съ неподдѣльною силою—доставляло мнѣ иногда истинное наслажденіе.

Припоминая все рассказы Шушерина объ его жизни и театральномъ поприщѣ, слышанныя мною въ разное время, я соединю ихъ въ одно цѣлое и расскажу, по большой части, собственными его выраженіями и словами, которыя врезались въ моеѣ памяти и даже нѣкогда были мною записаны. Къ сожалѣнію все мои тогдашнія записки, давно мною утрачены, потому что я не придавалъ имъ никакого значенія. Разумѣется, я многое забылъ и потери эта теперь для меня невознаградима.

«Я родился въ Москвѣ», такъ говорилъ Шушеринъ, «бѣднякомъ, отъ родителей низкаго происхожденія, и мало ихъ помню, особенно мать, которой я лишился еще въ ребячествѣ. Отецъ мой былъ приказнаго званія и меня назначалъ къ тому же, для чего и былъ я выучень грамотѣ, хотя на мѣдныя деньги, но по тогдашнему лучше другихъ. Отецъ мой умеръ въ самомъ началѣ московской чумы, которую все называли черной смертью, но я жилъ уже не вмѣстѣ съ нимъ, а съ двумя разгульными товарищами, такими же повѣсами, какъ я. Мы все трое служили писцами въ присутственномъ мѣстѣ (*). Я писалъ лучше и работалъ прилежнѣе ихъ, и потому денегъ получалъ больше, такъ что ихъ доставало у меня на опрятное платье, до котораго я всегда былъ охотникъ, и на всякую гульбу; но товарищи мои одѣвались отвратительно. Все свободное время мы пьянствовали и буянили. Я пилъ не меньше ихъ, а буянилъ втрое больше; но пьянъ бывалъ рѣже, потому что былъ необыкновенно крѣпокъ и

(*) Въ какомъ—не помню. Вообще должно сказать, что память моя, сохранивъ вѣрно лишь пропществій и многія выраженія Шушерина—измѣнила мнѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и годахъ; впрочемъ, послѣднихъ, я и тогда хорошенько не зналъ.

вообще имѣть чертовское здоровье. Товарищи мои были такая ракалія, что иногда обкрадывали меня и прошивали мое праздничное платье; но я продолжалъ жить вмѣстѣ съ ними, и только искусиле прятать и кривиче заширять мои вещи. Смерть отца не произвела на меня никакого впечатлѣнія, да и появленіе странной чумы меня не испугало. Я даже мало наблюдалъ осторожности и самъ хоронилъ отца, прикасаясь къ нему голыми руками, а не желѣзными крючьями на длинныхъ палкахъ, какіе тогда употреблялись всеми для прикосновенія къ человеку, умершему чумой. Я упросилъ полицейскихъ, чтобъ не жгли отцова платья и вещей, и подержавъ ихъ надъ дымомъ зажженного навоза, взялъ ихъ себѣ и употреблялъ безъ всякаго вреда. Стыдно вспомнить, какая я былъ скотина и какую жизнь велъ! Въ церковь ходилъ рѣдко, говѣлъ черезъ несколько лѣтъ. Только и было на умъ, какъ бы гдѣ погулять на шерамьгу. Любимое мое удовольствіе составляли кулачные бои, на которыхъ я уже имѣлъ репутацію сильнаго и ловкаго бойца, такъ что синяки носилъ рѣдко, а другихъ надѣлялъ ими часто: боленъ не бывалъ никогда. Такъ шла эта безобразная жизнь, пока не привлекъ моего вниманія театръ, заведенный и содержимый въ Москвѣ Медоксомъ. Эта забава мнѣ очень понравилась и отчасти измѣнила мое поведеніе: я сталъ употреблять деньги на театръ, а не на пьянство, отъ чего и гулять сталъ меньше. Новая моя охота росла и наконецъ мнѣ захотѣлось самому поиграть на *тиатрѣ*, какъ его тогда называли. Я познакомился съ мелкими актеришками, попотчивалъ, подружился съ ними и открылся въ моемъ желаніи. Уладить дѣло было не трудно, потому что одинъ изъ *оффициантовъ*, выносящихъ на сцену стулья и говорящихъ иногда по нѣскольку словъ— умеръ, и мнѣ доставили это мѣсто. Я писалъ и читалъ бойко, и скоро сдѣлался нужнымъ лицомъ при театрѣ: я

ереписывалъ роли, за что получалъ по три копѣйки мѣдыю съ листа, и когда суфлеръ бывалъ пьянъ или нездоровъ, то я занималъ его мѣсто. Роли также я сталъ получать позначительнѣе, то-есть, четверки въ двѣ и въ три; но жалованье было скудно, такъ что нечѣмъ было жить, если бы я не выработывать денегъ на стороне переписываньемъ бумагъ. Я сказалъ, что охота къ театру изменила нѣсколько мое поведеніе; вступленіе же на театръ въ актеры (такъ произносили тогда это слово) сдѣлало меня еще поскромнѣе, потому что я постановилъ себѣ за правило, въ тотъ день, когда играю, — ничего хмѣльнаго не пить. Надо признаться, что долго играть я сквернѣйшимъ образомъ. Публика ругала меня безпощадно, какъ и многихъ другихъ, и я слышалъ своими ушами, стоя на сценѣ, какъ подчивали меня въ первыхъ рядахъ кресель. Я слушалъ и смѣялся. Наконецъ одинъ господинъ задалъ меня за живое. Я слышалъ, какъ онъ говорилъ: «зачѣмъ эта дубина, Шушеринъ, вступилъ на театръ, не имѣя къ тому ни малѣйшихъ способностей. То ли бы дѣло, тесакъ да ляжку черезъ плечо, а парень здоровый». Вдругъ мнѣ сдѣлалось чрезвычайно обидно. «Постой же, подумай я, я докажу тебѣ, что у меня есть способности и заставлю тебя мнѣ похлопать». Господинъ этого я зналъ въ лицѣ: онъ былъ извѣстный охотникъ до театра. Я выпросилъ себѣ роль нѣсколько позначительнѣе, выучилъ твердо и попросилъ совѣтовъ Плавильщикова, хотя недавно вступившаго на театръ, но за то человека ученаго. Я сыгралъ роль изряднехонько и получилъ, въ первый разъ въ моей жизни, маленькій аплодисментъ. Это меня поощрило. Вскорѣ представился случай, по везанной болѣзни одного актера, выучить въ одинъ день и сыграть другую роль, еще позначительнѣе. Разумѣется, я напросился на это у режиссера самъ. Роль я сыгралъ такъ

удачно, что ее оставили за мной и по выздоровленіи игравшаго ее актера, который долго на меня косился. Мнѣ прибавили 25 руб. асс. жалованья. По дѣла шли все попрежнему. Вѣроятно, такая посредственность наконецъ бы надѣла мнѣ; я воротился бы къ прежнему моему образу жизни, и, конечно, не бывать бы мнѣ тѣмъ, что я теперь, еслибъ я не влюбился. Влюбился я не на шутку, а такъ, какъ нынче не умѣеть влюбляться: отъ макушки до пятокъ. Я влюбился въ молодую, прекрасную пашу актрису, занимавшую амплуа первыхъ любовницъ въ драмахъ и комедіяхъ, М. С. С. Разумѣется, искателей было много. Достигнуть до предмета моей любви было одно средство: сдѣлаться хорошимъ актеромъ, чтобъ играть съ ней роли любовниковъ. Публика принимала ее съ восхищеніемъ, и между ею и мною лежала цѣлая морская бездна. Я, не задумавшись, бросился въ нее и—выплылъ на другой берегъ. Прошедшее и даже настоящее тогдашнее мое поведеніе опротивѣли мнѣ. Я не перемѣнился, а переродился. Я сыскалъ себѣ расположеніе въ Плавильщиковъ, Померанцовъ и Лапнигъ, бывшемъ прежде на петербургскомъ театрѣ. Я увѣрилъ ихъ (и не обманулъ), что оставилъ прежнюю жизнь, что посвящаю себя театру до гробовой доски и что хочу учиться. Они увидѣли, что это было мое искреннее желаніе, приняли меня въ свое знакомство, давали мнѣ книги и не оставляли меня совѣтами. Кромѣ нихъ я ни съ кѣмъ не знался. Съ утра до вечера, я читалъ или писалъ, чтобъ выработать деньги; вечера проводилъ въ театрѣ, когда былъ театр, а остальные—большею частью у Плавильщикова или у Лапина. Я пилъ воду, ѣлъ щи да кашу, но одѣвался щегольски; денегъ доставало у меня даже на книги, и въ моей небольшой библіотекѣ ты самъ можешь увидѣть по надписямъ, въ какіе года я покупалъ ихъ. Въ

продолженіе трехъ лѣтъ я работалъ, какъ лошадь, и, какъ у меня было много огня, много охоты и не безтолковая голова, то черезъ три года, я считался уже хорошимъ актеромъ и игралъ вторыхъ любовниковъ, а иногда и первыхъ, но въ трагедіяхъ еще не игралъ. Публика начала меня принимать очень хорошо, и господинъ, назвавшій меня дубинной, дай Богъ ему здоровья, хлопалъ мнѣ чаще и больше другихъ. Ничего не значущая роль «Арана Кеури» въ комедіи Коцебу «Попугай» много помогла мнѣ перейти на роли первыхъ любовниковъ. Богъ знаетъ почему такъ поправилась публика моя игра! Я былъ осыпанъ апплодизментами и въ первый разъ въ моей жизни—вызванъ. Право, я думаю, что прапорщикъ не такъ бы обрадовался генеральскому чину, какъ я этому вызову. Во второе представленіе «Попугая», я былъ принятъ еще лучше. Русской переводчицъ посвятилъ мнѣ переводъ «Попугая». Одинъ богатый и просвѣщенный вельможа, К. Ю., весьма известный любитель и знатокъ театра, мнѣнія котораго были закономъ для всѣхъ образованныхъ людей, прислалъ мнѣ отъ неизвѣстнаго 100 рублей, а что всего важнѣе, онъ, сидя всегда въ первомъ ряду кресель, удостоилъ меня не хлопанья (онъ этого никогда не дѣлалъ), а троекратнаго прикосновенія пальцевъ правой руки къ ладони левой. Этому знаку одобренія онъ только изрѣдка удостоивалъ первыхъ нашихъ актеровъ. Когда я увидѣлъ этотъ знакъ, то съ радости, чуть не сбросилъ съ руки чучелу Попугая и едва не поклонился. Съ этого времени все переменялось: жалованье сейчасъ мнѣ дали тройное, а потомъ четверное, назначили роли первыхъ любовниковъ, даже въ трагедіяхъ, и, спустя два года, я сдѣлался любимцемъ публики, первымъ актеромъ, знаменитымъ Шупернымъ.—«А что же любовь, Яковъ Емельяновичъ», спросилъ я? — «Любовь,

братъ?... Выдохлась, или, вѣрнѣе сказать, перешла въ любовь къ театру. Притворные любовники въ драмахъ и комедіяхъ убили настоящаго! Впрочемъ я... Ну, да что поднимать старину — кто молодъ не бывалъ»...

«Съ появленія моего въ роли Кеури, я постоянно повѣрялъ достоинство моей игры — движеніемъ рукъ того вельможи, о которомъ я сейчасъ тебѣ сказалъ. Какъ бы публика ни хлопала мнѣ, если его руки оставались спокойны, я зналъ, что играю не хорошо; и начиналъ вдумываться въ роль, разбирать ее, совѣтоваться, работать и, когда добивался знака одобренія отъ старика, тогда былъ доволенъ собою. Я пользовался совѣтами Лапина и Плавильщикова. Померанцевъ талантомъ былъ выше всѣхъ, но играть по внушенію сердца и въ совѣтчики не годился. У Лапина не было большаго дарованія, но онъ былъ умный, опытный, старый актеръ. Онъ долго жилъ въ Петербургѣ и много игрывалъ на театрѣ съ Дмитревскимъ и съ обоими Волковыми, а потому отъ него можно было очень позанимствоваться. Плавильщиковъ же былъ удивительный чудакъ, человекъ умный, ученый, писатель, кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ; и пацетъ бывало говорить о театральномъ искусствѣ, такъ ротъ разинешь. Читалъ мастерски; я лучше его чтеца не знаю; по всему следовало бы ему быть знаменитымъ артистомъ, но онъ не былъ имъ; онъ, конечно, занималъ первыя роли и пользовался славой, но все не такой, какой бы могъ достигнуть. Причина состояла вотъ въ чемъ: у него было довольно теплоты и силы, но пылу, огня не было, а онъ именно ихъ хотѣлъ добиться, отъ чего впадалъ въ крикъ, въ утрировку и почти всегда сбывался съ характера играемой роли. Въ такихъ пьесахъ, гдѣ нельзя горячиться, онъ былъ превосходенъ, какъ, напримѣръ, въ «Гитовомъ милосердіи», въ «Куницѣ Ботѣ», въ роли пастора въ «Сынѣ

любови» и въ «Отцѣ семейства». Мнѣ рассказывалъ, много лѣтъ спустя, одинъ вѣрный чело­вѣкъ, что Плавильщиковъ, доходившій въ роль «Эдипа въ Аѳинахъ» до такого неистовства, что ползалъ на четверенькахъ по сценѣ, отыскивая Антигону, — одинъ разъ игралъ эту роль, будучи очень слабъ, послѣ горячки, и привелъ въ восхищеніе всѣхъ московскихъ знатоковъ. Ну такъ вотъ какой чело­вѣкъ былъ Плавильщиковъ: перенимать у него методу игры, или, яснее сказать — исполненіе ролей на сценѣ — не годилось, а совѣты его были мнѣ всегда полезны. Вообще должно сказать, что Плавильщиковъ имѣлъ свой и довольно большой кругъ почитателей. Былъ у меня и еще добрый совѣтчикъ и другъ мой, котораго ты знаешь, купецъ Какуевъ; онъ и тогда, въ молодости, былъ страст­нымъ охотникомъ до театра и отличался самымъ скром­нымъ поведеніемъ. — Лучшими моими ролями были въ тра­гедіяхъ Сумарокова: «Хоревъ», «Труворъ» и «Ростиславъ» (*); въ трагедіяхъ Княжнина: «Владисанъ», «Рославъ» и «Ярбъ»; потомъ роль «Безбожнаго» въ трагедіи «Безбожный». Графа Кларандона (**) въ «Евгеніи» Бомарше; Графа Аппіано въ «Эмилии Галотти» Лессинга; Сенда въ «Магометѣ» и Фрица въ «Сынѣ любви». Эта послѣдняя роль, по истинѣ ни­чего не значущая, до того правилась московской публикѣ, что я въ послѣдствіи пробовалъ се играть и здѣсь; но московскаго успѣха не было.

Слава моя и также Плавильщикова дошла до Петер­бурга. Иванъ Аѳанасьичъ Дмитревскій пріѣхалъ посмот­рѣть насъ; онъ и прежде бывалъ и игрывалъ въ Москвѣ

(*) Въ трагедіяхъ: «Хоревъ, Сплавъ и Труворъ» и «Семира.»

(**) Въ 1788 году, Дмитревскій игралъ эту роль въ Москвѣ, и въ объявленіи было сказано: *Лордъ Графъ Кларандонъ, любовникъ Евгеніинъ и милый мужъ ея*, Г-нъ Дмитревскій, придворнаго Санктпетербургскаго Россійскаго Театра первый актеръ.

и мы его видали. Въ этотъ прїездъ онъ также игралъ нѣсколько разъ, и я всегда смотрѣлъ на него съ восхищеніемъ и старался переигрывать его шуту. Онъ очень хвалилъ насъ обоихъ; но отъ него вѣдь правды не вдругъ узнаешь. Нѣкоторыя роли мы съ Плавильщиковымъ играли поочередно, какъ на примѣръ: «Безбожнаго» и «Ярба». Плавильщикову Дмитревскій говорилъ, что онъ лучше меня, а мнѣ, что я лучше Плавильщикова. Дѣло состояло въ томъ, что Дмитревскій предложилъ намъ, отъ имени директора, перейти на петербургскій театръ, на которомъ актеры считались въ Императорской службѣ и, по прошествіи двадцати лѣтъ, получали пенсіонъ, — только жалованье предлагалъ небольшое, Мы съ Плавильщиковымъ соглашались; но жалованья требовали вдвое больше и условились не уступить ни копейки. Дмитревскій торговался съ нами, какъ жидъ: онъ позвалъ насъ къ себѣ, угостилъ, общалъ золотыя горы и уговаривалъ подписать условіе; но мы не согласились и ушли. Вдругъ дорогой, Плавильщиковъ отстаеъ отъ меня и говоритъ, что ему надобно воротиться на ту же улицу, гдѣ жилъ Дмитревскій и къ кому-то зайти — и воротился въ самомъ дѣлѣ. Мнѣ сейчасъ пришло въ голову, что онъ воротился къ Дмитревскому и что онъ хочетъ уехать въ Петербургъ одинъ, безъ меня; онъ понималъ, что мое соперничество было ему не выгодно. Я не ошибся: на другой день узнаю, что Дмитревскій прикинулъ Плавильщикову 200 рублей асс., и что онъ подписалъ условіе. До самаго отъѣзда въ Петербургъ, Плавильщиковъ прятался отъ меня, потому что я не только бы обругалъ его, но и прибилъ. Онъ пробылъ въ Петербургъ всего одинъ годъ (*); де-

(*) Вѣроятно, это было въ 1793 году, потому что въ комедіи «Школа злословія», въ первый разъ играемой въ этомъ году, роль дяди Клешиина игралъ Плавильщиковъ, что и напечатано въ самой комедіи.

біоты были неудачны, какъ ему показалось, публика принимала его посредственно, товарищи-актеры косились и начальство не оказывало ему вниманія. Онъ соскучился по Москвѣ, вышелъ въ отставку и воротился къ намъ на театръ. Изъ его разсказовъ я вывелъ однако заключеніе, что сначала петербургская публика его приняла довольно благосклонно, но что въ послѣдствіи онъ самъ повредилъ себя, вдаваясь постепенно въ тотъ неистовый крикъ и утрировку, о которыхъ я тебѣ уже говорилъ; этому способствовала много петербургская трагическая актриса, Татьяна Михайловна Троепольская, которая страдала точно тою же болѣзнію, какъ и Плавильщиковъ, то-есть, утрировкой и крикливостью. Я самъ послѣ съ ней много игрывалъ, и разскажу, какія я употреблялъ средства, чтобъ удерживать ее въ границахъ благопристойности. Странное дѣло: и Троепольская и Плавильщиковъ пзвншали себя тѣмъ, что не могутъ совладѣть съ своею горячностью, а вѣдь это неправда. Настоящей горячности, то-есть, огня, съ которымъ точно трудно ладить, у нихъ не было. Я даже думаю, что именно недостатокъ огня, который невольно чувствуется самимъ актеромъ на сценѣ, заставлялъ ихъ прибѣгать къ крику и къ сильнымъ жестамъ. Сколько разъ случалось мнѣ играть съ Плавильщиковымъ, условившись заранее, чтобъ онъ не вскрикивалъ, не возвышалъ голоса безъ надобности. Я даже прибѣгалъ къ хитрости: увѣрялъ его, что онъ давить меня своимъ органомъ, и что я отъ этого не могу хорошо играть и мѣшаю ему самому. Онъ соглашался. Передъ самымъ выходомъ на сцену обѣщавъ взять тонъ слабѣе, ниже, и вести всю роль ровнѣе, и сначала исполнялъ свое обѣщаніе, такъ что иногда цѣлый актъ проходилъ очень хорошо; но какъ бывало только скажешь какую-нибудь рѣчь или слово, хотя безъ крику,

но выразительно, сильно, особенно если зрители похлопают—все пропало! Возьметъ цѣлой октавой выше, хватитъ себя кулакомъ въ грудь, заоретъ, закуситъ удила и валяется такъ до конца пьесы. Точно, тутъ была какая-то горячность, но совсѣмъ не тотъ огонь, который приличенъ представляемому лицу и который не нуждается въ крикѣ.»

«Много прошло времени, въ продолженіе котораго ничего особеннаго не случилось. Слава моя не пала, а смѣло сказать, увеличивалась. Мнѣ сдѣлали вторичное предложеніе изъ Петербурга, законнымъ порядкомъ, на бумагѣ, а Дмитревскій (*) писалъ ко мнѣ частнымъ образомъ, тоже отъ имени директора, что если я прослужу дѣть десять на петербургскомъ театрѣ, то мнѣ зачтутъ годы частной службы у Медокса и обратятъ мое жалованье въ пенсіонъ. Жалованья предложили мнѣ 2,000 рублей асс. и полный бенефисъ въ зимній карнавалъ. Въ такомъ же родѣ предложеніе, хотя съ меньшими выгодами, сдѣлано было актеру Сахарову и, по моему ходатайству, вдовѣ покойнаго моего пріятели, Надеждѣ Федоровнѣ Калиграфъ: ей предложили 600 рублей жалованья. Мы все трое подумали, посоветовались и рѣшились переехать въ Петербургъ.»

«Дебюты наши были довольно удачны, особенно мои. Сахаровъ понравился въ роль Христіерпа, въ трагедіи Княгинина «Рославъ» (**); Надежда Федоровна—въ «Мишель Сарръ Сампсонъ» и въ «Титовомъ милосердіи», а я — въ «Эмиліи Галотти» и въ «Ярѣ.» Хотя я не вдругъ прио-

(*) Онъ уже въ это время оставилъ театръ.

(**) Сахаровъ славился въ роляхъ злодѣевъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ тонѣ его голоса, въ выраженіи его глазъ и всего лица было что-то злобное, хотя, по словамъ Шушерина, онъ былъ предобрый малый.

брѣлъ благосклонность петербургской публики, у которой всегда было какое-то предубѣжденіе и даже презрѣніе къ московскимъ актерамъ съ Медоксова театра, но я увѣренъ, что непременно бы добился полнаго благоволенія въ Петербургѣ, еслибъ года черезъ два не появился новый дебютантъ на петербургской сценѣ, А. С. Яковлевъ, котораго ты довольно знаешь. Онъ и теперь ничего не смыслить въ театральномъ искусствѣ, а тогда былъ совершенный мужикъ, сидѣлецъ изъ-за прилавка. Нечего и говорить, что Богъ одарилъ его всѣмъ. П. А. Дмитревскій былъ его учителемъ и покровителемъ. Дмитревскій не то, что мы: онъ знакомъ со всюю знатію и съ Дворомъ; въ театральныхъ дѣлахъ ему вѣрили, какъ оракулу. Онъ похвалялъ по всему городу, заранее расхвалилъ новаго дебютанта, и Яковлевъ былъ такъ принятъ публикой, что, я думаю, и самого Дмитревскаго, во время его славы, такъ не принимали. Грѣшный человекъ: я подозреваю, что Иванъ Аванасычъ хлопоталъ объ Яковлевѣ не изъ одной любви къ его таланту, а изъ невиннаго желанія втоптать меня въ грязь, потому что онъ не могъ простить мнѣ, какъ я осмѣлился вывести его на свѣжую воду, при моемъ дебютѣ въ «Ярѣ»; онъ не любилъ людей, которые видятъ его насквозь и не скрываютъ этого. Впрочемъ, я совершенно убѣжденъ, что онъ самъ не предвидѣлъ такихъ блистательныхъ успѣховъ своего ученика, и что онъ былъ не совсѣмъ ими доволенъ. Я не хочу передъ тобой заператься и увѣрять, что успѣхъ Яковлева не былъ мнѣ досадею. Скажу откровенно, что онъ чуть не убилъ меня совсѣмъ. Публика, начинавшая меня и цѣнить, и любить, вдругъ ко мнѣ охладѣла, такъ что, еслибъ не надежда на пенсію, на кусокъ хлѣба подъ старость, то я не остался бы и одной недѣли въ Петербургѣ. Стыдно было играть! Въ той самой роли, въ которой за двѣ не-

двали, встречали и провожали меня аплодисментами — никто разу не хлопаетъ, да еще не слушаютъ, а шумять, когда говоришь. Горько было мнѣ, любезный другъ, очень горько. Положимъ, Яковлевъ талантъ, да за что же оскорблять меня, который уже нѣсколько лѣтъ доставлялъ публикѣ удовольствіе, — и добро бы это былъ истинный артистъ, а то вѣдь одна только наружность. Вся думали, что я не выдержу такого афронта и возвращусь въ Москву, которая нѣкогда носила меня на рукахъ: но Богъ подкрѣпилъ меня. Много ночей провелъ я безъ сна, думалъ, соображалъ и рѣшился — не уступать. Я сдѣлалъ планъ, какъ вести себя и крѣпко его держался. Меня ободряла мысль, что не будетъ же Дмитревскій все роли учить Яковлева, какъ скворца съ органчика, и что онъ, даже выученное скоро забудетъ и пойдетъ такъ врать, что публика образумится. Этотъ расчетъ, только отчасти не обманулъ меня. Яковлевъ скоро зазнался, загулялъ и сталъ рѣже ходить къ Дмитревскому; старикъ осердился и принялся побранивать во всѣхъ знакомыхъ ему домахъ игру бывшего своего ученика. Лучшая половина публики очнулась, поняла свою ошибку; но остальная, особенно раекъ, продолжала безъ ума хлопать и превозносить поваго актера. Между тѣмъ нѣкоторые изъ моихъ молодыхъ ролей совсѣмъ перешли къ Яковлеву, и я самъ отъ нихъ отказался; но за то тѣмъ крѣпче держался я за тѣ роли, въ которыхъ мое искусство могло соперничать съ его дарованьемъ и выгодной наружностью. Я постоянно изучалъ ихъ и довелъ до возможнаго для меня совершенства. Образованная часть публики, опомнившись отъ угара, начала принимать меня, если не попрежнему, то все довольно хорошо. Я началъ отдыхать. Вдругъ Яковлевъ вздумалъ сыграть «Сына любви», роль, которую всегда игралъ я съ успѣхомъ: забасилъ, задекламировалъ и

скорчилъ героя вмѣсто простаго солдата. Публика приняла его очень плохо. Я упростилъ дирекцію, черезъ одного пріятели, чтобы черезъ два дня дали мнѣ сыграть «Сына любви» и—былъ такъ принятъ, какъ меня никогда въ этой роли не принимали: публика почувствовала разницу между актеромъ, понимающимъ свое дѣло,—и красивымъ, хотя даровитымъ невеждой. Почти тоже случилось, когда Яковлевъ вздумалъ сыграть Ярба, который считался лучшею моею ролью. Дмитревскій, играя Ярба, никогда не чернилъ себѣ лица: это былъ капризъ, и при его великомъ искусствѣ и талантѣ, публика не обращала вниманія на цвѣтъ его лица. Яковлевъ вздумалъ сдѣлать то же и явился бѣлымъ посреди своей черной свиты; публикѣ это очень не понравилось и его приняли, хотя не такъ плохо, какъ въ «Сынѣ любви», но гораздо хуже, чѣмъ въ другихъ роляхъ. Но Боже мой, какъ бы онъ могъ быть хорошъ въ этой роли, съ его чудесными средствами! Черезъ недѣлю назначили «Дидону». Я долженъ былъ явиться въ Ярбѣ; мнѣ много стоило, чтобы побѣдить въ себѣ неуверенность въ успѣхъ. И точно, я былъ принятъ нѣсколько хуже прежняго, но несравненно лучше Яковлева: и такъ дѣла находились въ сносномъ положеніи».

«Я сказалъ тебѣ, что петербургская трагическая актриса, Татьяна Михайловна Троснопольская, страдала одною болѣзнію съ Плавильщикѣвымъ, то-есть, говоря ихъ словами, излишнею горячностью, и что они взаимно сбивали другъ друга. Мнѣ рассказывали, что Плавильщиковъ, во время пребыванія своего въ Петербургъ, передъ началомъ представленія пьесы всегда старался подгорячить Троснопольскую и говаривалъ: «Ну, матушка, Татьяна Михайловна, не ударишь себя лицомъ въ грязь, сыграешь сегодня на славу»—и оба доходили до такихъ излишествъ, что при-

водили публику въ смѣхъ. Я употреблялъ совершенно противоположную методу: я всегда говорилъ Троснольской, передъ выходомъ на сцену, что мнѣ какъ-то нездоровится, что я чувствую какую-то слабость, или что я совсемъ не расположенъ сегодня играть, чувствую себя какъ-то не въ духѣ, и просилъ ее помочь мнѣ спустить спектакль кое-какъ, переваливая пень черезъ колоду. Эта продѣлка мнѣ удавалась: въ той сценѣ, гдѣ надобно было побольше огня.—поджечь Татьяну Михайловну ничего не стоило, и пѣса сходила ладнехонько. Это было въ самомъ началѣ моего пребыванія въ Петербургѣ.

«Наконецъ наступила пора измененія въ трагическомъ репертуарѣ: явилась трагедія Крюковского «Пожарской» и потомъ трагедія Озерова «Эдипъ въ Аѳинахъ». Въ первой, Яковлевъ игралъ Пожарскаго, и хотя публика принимала его отлично хорошо, но и меня въ роли Заруцкаго, приняла съ такимъ же одобреніемъ; это, конечно, было для меня очень лестно. Мои пріятели и почитатели называли это моимъ торжествомъ, говоря, что я умѣлъ изъ ничтожной роли Заруцкаго сдѣлать замѣчательное лице и уровнять его съ героемъ пьесы, котораго игралъ даровитый любимецъ публики. Я принималъ такія похвалы съ скромностью, приписывая ихъ снисхожденію публики къ старому актеру. Разумается, я молчалъ и ничего не выводилъ изъ заблужденія: а въ самомъ-то дѣлѣ, изъ роли Пожарскаго и сдѣлать ничего нельзя. Еслибъ Яковлевъ игралъ ее лучше, то-есть, простѣе, — публика была бы еще менѣе довольна; тогда какъ роль Заруцкаго имѣетъ страсти, выраженіе которыхъ всегда на сценѣ эффектно и выгодно. Скорѣе можно назвать моимъ торжествомъ трагедію Озерова. Я рѣшился взять въ ней роль Эдипа, и первый разъ въ моей жизни вышелъ на сцену въ старикѣ. Это былъ мой первый, полный успѣхъ на петербургской

сценъ. На мѣсть Яковлева, я бы взялъ въ этой трагедіи роль Полиника, которая могла затмить Эдипа; но ему, во уваженіе высокаго роста и богатырской фигуры, предложили играть царя и героя «Тезея». Конечно, публика и здѣсь ему очень много хлопала; но роль Тезея ничто, въ сравненіи съ «Полиникомъ»: еслибъ я былъ молодъ, ни за что бы съ этой ролью не разстался. Тогдашній «Полиникъ», г. Щениковъ, игралъ очень плоховато, и для меня это было не безвыгодно. Семенова, не игравшая еще въ трагедіяхъ, явилась въ первый разъ въ роли Антигоны въ «Эдипъ въ Афинахъ». Какъ она была хороша! Какой голосъ! Какое чувство, какой огонь.... Ну да вотъ, какой огонь: когда въ третьемъ актѣ, Креонъ, въ отсутствіи Тезея, похищаетъ Эдипа и воины удерживаютъ Антигону, то она пришла въ такую *passio*, что произнесла первые четыре стиха:

Постойте, варвары! произите грудь мою,
 Любовь къ отечеству довольствуйте своею.
 Не внемлютъ: и бѣгутъ поспѣшно по долины;
 Не внемлютъ: и мой вошь теряется въ пустынь...

вырвалась у воиновъ и убѣжала вслѣдъ за Эдипомъ, чего по піесѣ не слѣдовало дѣлать; сцена оставалась, можетъ быть, минуты двѣ пустою; публика, восхищенная игрой Семеновой, продолжала хлопать; когда же воины притащили «Антигону» на сцену насильно, то громъ рукоплесканій потрясъ театр! Все вышло такъ естественно, что публика не могла замѣтить нарушенія хода піесы. Потомъ Озеровъ написалъ еще трагедію «Фингалъ». Я игралъ роль старика Старна; разумеется, Яковлевъ игралъ «Фингала». Здѣсь повторилось почти то же, что было въ трагедіи «Пожарской», то-есть: мстительный Старикъ произвелъ болѣе впечатлѣнія, чѣмъ великодушный герой «Фингалъ», хотя Яков-

левы быль дивно великольпенъ въ этой роли. Я по совѣсти скажу, что хорошо игралъ Старна, но вотъ какое странное приключеніе случилось со мной: Фингала приказано было дать на эрмитажномъ театрѣ. Русскіе спектакли на немъ давались довольно рѣдко, и обыкновенно лучшіе актеры, занимавшіе главные персонажи, получали подарки какими-нибудь драгоценными вещами; я ни разу не игралъ въ Эрмитажѣ, не получивъ перстня. Во время представленія «Фингала», Государь былъ очень доволенъ, и особенно мною, какъ мнѣ потомъ рассказывали; но на другой день, Яковлевъ и Семенова, игравшая Монну, получили подарки: первый—брильянтовый перстень, а вторая—брильянтовые серьги, я же—ничего. Сначала думали, что это ошибка, но потомъ достоверно узнали, что Государь именно велѣлъ послать подарки Яковлеву и Семеновой, и когда ему напомнили о Шушеринѣ, онъ повторилъ прежнее приказаніе.

«Черезъ нѣсколько времени поступила на театрѣ давно мнѣ извѣстная, по старинному переводу, и глубоко мною чтимая трагедія «Леаръ», то-есть, «Король Лиръ» Шекспира, переведенная или переделанная Н. И. Гнѣдичемъ, тоже, кажется, изъ Дюссиса; но впрочемъ, не для меня и не по моей просьбѣ, а для Семеновой. Конечно, для нея тутъ была прекрасная роль Корделии, и Семенова играла ее чудо какъ хорошо; но главное въ пьесѣ лице—старикъ Леаръ, котораго игралъ я. Во всемъ моемъ репертуарѣ не было ничего подобнаго этой роли. Хотя все превозносили меня похвалами, но я чувствую и признаюсь тебѣ, что игралъ эту роль слабо и невѣрно. Внутренній голосъ говорилъ мнѣ, какъ надо играть Леара, и я на первой пробѣ репетировалъ согласно съ внутреннимъ моимъ чувствомъ; но все на меня возстали и нашли, что это тривіально, что «Леаръ» будетъ смѣшонъ, и самъ переводчикъ

говоришь тоже; оно, конечно, казалось такъ, потому что языкъ пьесы и игра всѣхъ актеровъ были нѣсколько напыщенны, неестественны, и простота моей игры слишкомъ бы отъ нихъ отличалась; но я знала черезъ добрыхъ людей, что Шекспиръ изуродованъ въ этомъ переводѣ или въ этой передѣлкѣ, и самъ читала описаніе, съ какою простотою игрывалъ эту роль Гаррикъ. Поспоривъ немного, я уступила, потому что самъ былъ не увѣренъ въ успѣхъ моей новой игры (*). Я придавъ лицу «Леара» вездѣ царственную величавость и важность тона, позволивъ себѣ приблизиться къ натурѣ только въ сценѣ помѣнательства во время бури. Успѣхъ былъ огромный, неслыханный. После окончанія пьесы и вызововъ, сначала меня, а потомъ Семенову и Яковлева (последняго Богъ знаетъ, за что вызвали, и роль-то Ленокса была пустая) — приближали ко мнѣ въ уборную мои советчики. Обнимая меня и поздравляя съ успѣхомъ, одинъ изъ нихъ, Ки. Ш., сказалъ: «Ну, вотъ видишь, Яковъ Емельянычъ! хорошо, что ты насъ послушался!»... — «Точно такъ, ваше сіятельство, отвечалъ я съ поклономъ; покорившись вась благодарю.»... но на умъ у меня было совсѣмъ другое (**).

(*) Удивительно, какъ Шушеринъ, не получивъ никакого образованія, былъ во многихъ понятіяхъ выше не только современныхъ актеровъ, кромѣ Дмитревскаго, но выше многихъ литераторовъ; я верилъ ему тогда на-слово, и только много лѣтъ спустя, оцѣнилъ вѣрность взглядовъ Шушерина, по достоинству.

(**) Съ трагедіей «Леаръ» вышла смѣшная и непріятная исторія: Гитдичъ напечаталъ, не помню гдѣ именно, стихи къ Семенову при подписаніи ей экземпляра «Леара», которые начинаются такъ:

«Прими, Семенова, Леара своего:
«Онъ твой, твои дары украсили его.»

Въ тоже время Гитдичъ подарилъ экземпляръ своего перевода и Шушерину, съ собственноручною надписью этихъ самыхъ стиховъ, съ перемѣною слова. «Семенова» на слова: «о Шушеринъ». Я увидѣлъ это и

«Наконецъ явилась русская, то-есть, изъ русской исторіи, трагедія Озерова «Дмитрій Донской» (*). Я игралъ ничтожное лице князя Бѣлозерскаго, а Яковлевъ—Дмитрія Донскаго. Эта роль была его триумфъ; она возстановила его, нѣсколько пошатнувшуюся славу, и восторгъ публики выходилъ изъ всякихъ предѣловъ. Много способствовало блистательному успѣху Яковлева то, что тогда были военныя обстоятельства: всѣ сердца и умы были настроены патріотически, и публика сдѣлала примѣненіе Куликовской битвы къ ожидаемой тогда битвѣ нашихъ войскъ съ Французами. Когда, благодаря за побѣду, Дмитрій Донской становится на колѣни и, простирая руки къ небу, говорить:

Но первый сердца долгъ къ тебѣ, Царю Царей!
 Всѣ царства держатся Десницею Твоею
 Прославь и возвеличь и вознеси Россію!
 Сотри ея враговъ коварну, горду выю;
 Чтобъ съ трепетомъ сказать иноплеменикъ могъ:
 Языкн, вѣдайте—великъ Россійскій Богъ!

Такой энтузіазмъ овладѣлъ всѣми, что нѣтъ словъ описать его. Я думалъ, что стѣны театра развалятся отъ хлопанья, стука и крика. Многіе зрители обнимались, какъ опьянѣлыя, отъ восторга. Сдѣлалось до тѣхъ поръ неслыханное дѣло: закричали форо въ трагедіи. Актеры не знали, что дѣлать. Наконецъ изъ первыхъ рядовъ кресель на-

указалъ Шушерину, который немножко обидѣлся и при мнѣ сказалъ шута Гвидичу: «какой вы экономя въ стихахъ, любезный Николай Ивановичъ! одинъ и тѣ же стихи пригодились и мнѣ и Семенову! Только, вѣдь мы могли заспорить, чей Леаръ: ея или мой? Я желалъ бы знать, кому стихи написаны прежде? Вѣроятно мнѣ, потому что я игралъ «Леара» и потому, что я постарше». Гвидичъ ужасно сконфузился; увѣрялъ, что стихи написаны Шушерину, но что онъ ихъ забылъ и безсознательно повторилъ въ стихахъ къ Семенову. После этого пустаго случая, онъ сталъ рже выдаваться съ Шушеринымъ.

(*) Озеровъ написалъ еще въ 1798 году трагедію изъ русской исторіи: «Ярополкъ и Олегъ», которая была играна; но успѣха не имѣла.

чали кричать: «Повторить молитву!» и Яковлевъ вышелъ на авансцену, сталъ на колѣни и повторилъ молитву. Восторгъ былъ такой-же, и надобно правду сказать, что величественная фигура Яковлева, въ древней, восточной одеждѣ, его обнаженная отъ шлема голова, прекрасныя черты лица, чудесные глаза, устремленные къ небу, его голосъ, громозвучный и гармоническій, сильное чувство, съ какимъ произносилъ онъ эти превосходные стихи—были точно увлекательны!»

«Съ появленія этой трагедіи, слава Яковлева вдругъ выросла опять до тѣхъ размѣровъ, какихъ она начинала достигать послѣ первыхъ трехъ его дебютовъ, и утвердилась прочнымъ образомъ, что ты видишь и теперь; а я опять началъ чувствовать холодность большинства публики. Точно какъ-будто нельзя было, восхищаясь Яковлевымъ, отдавать справедливость Шушерину! Только въ трехъ роляхъ: Эдипа, Старна и Леара, публика принимала меня благосклонно; даже по правдѣ нельзя этого сказать про роль Старна, въ которой я сталъ менѣе нравиться зрителямъ съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ не дали подарка за эрмитажный спектакль. Непрїятность моего положенія возвратилась вновь и не поправлялась. Такъ тянулъ я два года и сдѣлался боленъ. Не думаю, чтобъ моя болѣзнь происходила отъ постояннаго душевнаго огорченія, какъ думалъ мой докторъ, потому что я, пролежавъ три дня, сталъ скоро поправляться; но я рѣшился наконецъ привести въ исполненіе мое давнишнее задушевное намѣреніе. Десятилѣтній срокъ моей службы на петербургскомъ театрѣ уже прошелъ; мнѣ стукнуло шестьдесятъ лѣтъ, и я, пользуясь своимъ нездоровьемъ, прикинувшись слабымъ и хворымъ, подалъ просьбу объ увольненіи меня на пенсію. Хотя я не пользовался благорасположеніемъ начальства, особенно по репертуарной части, потому что

мало его слушался въ постановкѣ ролей; но оно желало отъ меня избавиться и усердно ходатайствовало объ исполненіи моеѣ просьбы; ты знаешь, что у меня есть добрые пріятели и милостивцы, которые приняли во мнѣ участіе. Теперь, кажется, уже нѣтъ сомнѣній, что я скоро получу мою пенсію и перееду на житье въ Москву, которую люблю и которая всегда меня любила. Уже двадцать пять лѣтъ, какъ я началъ копить деньги на старость: каждый годъ откладывалъ я что-нибудь и клалъ въ Ломбардъ, и у меня накопилось съ процентами слишкомъ двадцать тысячъ. Я купилъ себѣ маленькой домикъ, въ какомъ-нибудь переулкѣ, перевезу изъ Петербурга всю мою мухобель (*), которую съ намѣреніемъ я заводилъ здѣсь въ прочномъ видѣ, и заживу паномъ. За здѣшнюю дирекцію у меня есть бенефисъ, и я уже выпросилъ позволеніе взять его въ Москвѣ (**): это дастъ мнѣ по крайней мѣрѣ пять тысячъ, а чтобъ московской дирекціи не было обидно, то предварительно сыграю разокъ для нея, и, конечно, доставлю кассѣ полный сборъ. Петербургъ никогда мнѣ не нравился, а теперь такъ опротивѣлъ, что я ушелъ бы изъ него пышкомъ. По правдѣ тебѣ сказать, я чувствую себѣ такъ крѣпкимъ и бодрымъ, что надѣюсь еще прожить долго. Я не намѣренъ разставаться совсѣмъ съ театромъ, а буду поигрывать отъ времени до времени, когда мнѣ захочется, въ свое удовольствіе. Дирекціи это будетъ очень выгодно, и она съ радостью согласится или дѣлать со мною пополамъ сборы или назначить мнѣ бенефисъ. Кажется, мои планы и намѣренія самые сбыточныя, и я могу надѣяться на ихъ исполненіе. Въ Москву, въ Москву, любезный другъ! На мою родину, въ древною русскую столицу; я соскучился, не выдавъ столько лѣтъ Кремля,

(*) Такъ называлъ Шушеринъ свою мебель и разныя домашнія вещи.

(**) Въ это время въ Москвѣ уже давно былъ казенный театр.

не слыша звона его колоколовъ; въ Москвѣ начну новую жизнь — вотъ чего жаждетъ душа моя, о чемъ молюсь ежеминутно Богу, о чемъ грежу во снѣ и на яву»... Надобно было видѣть Шушерина, чтобъ почувствовать всю горячность этого желанья, всю искренность этихъ словъ! Увлеченный ими, я самъ обѣщалъ ему, что перейду служить въ Москву, куда, вѣроятно, будетъ иногда приѣзжать все мое семейство.

Между тѣмъ судьба еще не такъ скоро исполнила пламенное желаніе Шушерина. Прошло около года, а пенсія не выходила. Мое знакомство съ нимъ съ каждымъ днемъ становилось ближе. Онъ очень любилъ меня. Д. И. Языковъ рассказывалъ мнѣ случай, который служитъ тому убѣдительнымъ доказательствомъ: я уѣзжалъ въ отпускъ въ деревню, и будучи на охотѣ, по неосторожности прострѣшилъ себя руку; рана была довольно жестока, но при помощи хорошаго доктора, никакой опасностью не угрожала. Не понимаю, отъ чего дошла объ этомъ вѣсть до Петербурга, съ довольно сильнымъ украшеніемъ, то-есть, что я убилъ себя наповалъ. Одинъ разъ у Шушерина обѣдало человекъ шесть пріятелей. Въ томъ числѣ: Д. И. Языковъ, Гнѣдичъ, Н. И. Ильинъ (сочинитель извѣстныхъ драмъ) (*) и какой-то гость, въ первый разъ приглашенный къ Шушерину. Этотъ господинъ, не зная о моей дружбѣ съ Шушеринимъ, вдругъ за обѣдомъ говоритъ Языкову: «Слышали ли вы, что вашъ знакомый, молодой человекъ, Аксаковъ, застрѣлилъ себя на охотѣ и тутъ же умеръ?» Шушеринъ былъ такъ пораженъ, что всѣхъ перепугалъ. Онъ былъ крѣпкаго духа человекъ,

(*) Драмъ Н. И. Ильина: «Лиза или торжество благодарности» и «Рекрутскій наборъ», долго держались на сценѣ на обоихъ столичныхъ театрахъ и принимались публикою съ необыкновеннымъ восторгомъ. Въ «Рекрутскомъ наборѣ» весь театръ плакалъ отъ умиленія и жалости.

котораго ничто не могло смутить, а тутъ выпали у него изъ рукъ ножикъ и вилка, которые онъ держалъ въ то время, и ручки слезъ хлынули изъ глазъ; онъ долженъ былъ выдти изъ-за стола и оставить гостей съ Надеждой Федоровной. Въ тотъ же день ѣздилъ онъ самъ къ Г. П. К...му, чтобъ узнать печальную истину, не засталъ его дома и оставилъ записку. Степанъ сказывалъ мнѣ по моемъ возвращеніи: «что Яковъ Емельяновичъ почти все эту ночь не почивали, все ходили по комнатамъ». На другой день рано поутру, Шушеринъ получилъ отъ Г. П. К. записку, съ уведомленіемъ, что я точно прострѣлилъ себѣ руку. но что я уже выздоровѣлъ и на дняхъ буду въ Петербургъ. Шушеринъ такъ не взлюбилъ того господина, впрочемъ ни въ чемъ не виноватаго, который напугалъ его извѣстіемъ о моей смерти, что никогда не хотѣлъ уже его видѣть у себя въ домѣ.

Ничего не могу сказать о томъ, что замедлило назначеніе пенсін Шушерину, только ожиданіе это было для него томительно. Уже два года всякой день отвѣчали: «въ непродолжительномъ времени все будетъ сдѣлано». Конечно, мое присутствіе было большой отрадой для Шушерина, и мнѣ очень пріятно объ этомъ вспомнить.

Съ тѣхъ поръ, какъ Шушеринъ не игралъ, на петербургскомъ театрѣ «Эдипа» давали одинъ разъ, вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Петербургъ, и я теперь никакъ не могу вспомнить, кто игралъ роль «Эдипа» вмѣсто Шушерина. Помню только, что актеръ былъ крайне плохъ, чему доказательствомъ служитъ и то, что пьесу эту перестали давать. «Исара» совсѣмъ не играли, и Шушеринъ очень сожалѣлъ, что я не видѣлъ Семеновъ въ роли Корделии. Но судьбѣ было угодно, уже не за долго до моего отъѣзда изъ Петербурга, доставить мнѣ это истинное наслажденіе. Одинъ разъ, пришедши по обыкновенію

къ Шушерину, я нашелъ у него Боброва, игравшаго роли демикактёръ (какъ говорилось тогда на театральномъ языкѣ), а иногда — и чисто комическія. У Боброва были роли, которыя онъ игралъ очень хорошо и съ такою естественностью, какой тогда не было ни у кого. Какъ только Бобровъ ушелъ, Шушеринъ съ живостью обратился ко мнѣ и сказалъ: «Поздравляю тебя, любезный другъ: ты увидишь Семенову въ «Корделию». Бобровъ вздумалъ взять себѣ въ бенефисъ «Леара», котораго самъ хочетъ играть. Это будетъ тоже прекурёзная штука. Онъ приходилъ со мною посоветоваться и просилъ позволенія прочесть мнѣ роль. Я очень радъ ему советовать, да только выдетъ ли изъ этого какой-нибудь прокъ. Странная вещь! какъ это входитъ въ голову комическимъ актерамъ хвататься за трагическія роли! Рыкалова (*) не-легкая угораздила сыграть «Эдипа», а теперь Боброву пришла охота сыграть «Леара». Разумѣется для бенефиса это выгодно: пьеса давно не игралась, Семенова въ ней публикѣ очень нравилась, и всякой для курьёза пойдетъ посмотреть, какъ Скотининъ (**) превратится въ короля Леара. Пойдемъ и мы съ тобою, любезный другъ. Я раньше скажу Боброву, чтобъ онъ оставилъ намъ двое кресель рядомъ. Съ меня денегъ онъ не возьметъ; ну, а ты заплатишь.»

(*) Комическій актеръ, Рыкаловъ, въ свое время пользовался большою известностью и даже славой; но я не былъ согласенъ съ тогдашнимъ общимъ мнѣніемъ. Рыкаловъ имѣлъ важный недостатокъ въ произношеніи; онъ не то что заикался, но языкъ у него ворочался не свободно, и Шушеринъ всегда говорилъ, что у него ротъ набитъ кашей; у него была и натура, но натура фарсъ. Большинству публики нравилась и нечистый выговоръ и фарсъ.—Я, вѣроятно, его видѣлъ въ роли Эдипа.

(**) Въ недорослѣ Бобровъ игралъ Скотинина съ неподражаемымъ совершенствомъ, да и физика его вполне соответствовала этой роли. Вообще Бобровъ былъ замѣчательный актеръ и стоялъ въ искусствѣ несравненно выше Рыкалова, хотя не пользовался такой славой.

«Черезъ нѣсколько дней, Шушеринъ сказалъ мнѣ, что Бобровъ былъ у него и прочелъ ему роль, которую по-нимаетъ довольно хорошо, что во многихъ мѣстахъ онъ будетъ не дурень, но что за успѣхъ ручаться нельзя; ибо публика, привыкшая смѣяться надъ «Скотининымъ» и «дядей Клешинымъ» (*) сейчасъ расхохочется и надъ «Леаромъ» въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ «Леаръ» точно можетъ возбудить улыбку, но смѣшанную съ сожалѣніемъ (**). Шушеринъ, кажется, искренно занимался Бобровымъ и смотрѣлъ главную репетицію на сценѣ. Онъ утѣшалъ Семенову, чтобъ она утѣшила стараго актера, можетъ быть въ послѣдній разъ въ его жизни, и сыграла «Корделію», какъ можно простѣе. Предположенія Шушерина оправдались только отчасти, то-есть: публика порывалась расхохотаться въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, смотря на Боброва въ «Леаръ»; но Шушеринъ никакъ не ожидалъ, чтобъ зрители покрыли такими сильными рукоплесканіями сцену буря въ лѣсу, куда убѣжалъ «Леаръ», изгнаннѣй дочери. Должно сказать по совѣсти, что Бобровъ былъ въ этой сценѣ — просто дурень. Напротивъ тѣ мѣста, которыя были сыграны Бобровымъ очень вѣрно, просто и съ достоинствомъ, остались не замѣченными. Семенова... никогда не забуду я того впечатлѣнія, которое произвела она на меня. Сколько было чувства въ ея гармоническомъ голосѣ, во всѣхъ движеніяхъ, въ глазахъ, полныхъ слезъ, устремленныхъ съ такою любовью на отца! — Неумолимый Шу-

(*) Комическое лице въ комедіи «Школа злословія», которое Бобровъ игралъ мастерски.

(**) Недавно на московской сценѣ было подобное странное явленіе: превосходный нашъ комическій актеръ, П. М. Садовскій, игралъ въ свой бенефисъ «Короля Лира». Хотя г-нъ Садовскій такъ хорошо поимаетъ искусство, что безъ сомнѣнія роль его была обдуманна и поставлена вѣрно, но успѣха онъ не имѣлъ и не могъ имѣть. — Къ сожалѣнію я не видалъ этого замѣчательнаго спектакля.

шеринъ и тутъ утверждалъ, что она была лучше, когда въ первый разъ играла эту роль съ нимъ; но я ничего лучшаго представить себѣ не могъ и теперь не могу. Не думалъ Шушеринъ, что видитъ Семенову дѣйствительно въ послѣдній разъ въ своей жизни!

Я собирался уѣхать изъ Петербурга на неопредѣленное время, по особенному семейному обстоятельству. Шушеринъ, все еще не получившій отставки и пенсїи, терялъ всякое терпѣніе и приходилъ даже въ раздраженіе; онъ уранивалъ меня, чтобъ я остался на какой-нибудь мѣсяць, въ продолженіе котораго дѣло его рѣшится, и онъ проводить меня до Москвы. Къ сожалѣнію, я не могъ исполнить его просьбы, и онъ не только огорчался, но и сердился. За два дня до моего отъѣзда, зашелъ я къ Шушерину часовъ въ десять утра, чего прежде никогда не случалось, и нашелъ его въ залѣ, очень радушно угощающаго завтракомъ какого-то съденькаго, худенькаго, маленькаго, но бодрого старичка. Это былъ актеръ Шумскій, современникъ обоихъ Волковыхъ и Дмитревскаго. Шушеринъ мнѣ говорилъ, что Шумскій старше ихъ всѣхъ и что ему тогда было за сто лѣтъ. Находясь очень давно на пенсїи, онъ жилъ у кого-то, на седьмой верстѣ по петергофской дорогѣ, и каждый мѣсяць приходилъ въ Кабинетъ (*) за своимъ мѣсячнымъ пенсіономъ; этого мало: не знаю по какимъ причинамъ, только онъ обыкновенно бралъ двадцати-пяти рублевый мешокъ медныхъ денегъ и относилъ его на плечъ домой, никогда не нанимая извозчика. Въ этотъ разъ также былъ съ нимъ мешокъ, который и стоялъ въ углу. Надобно вспомнить, что въ шестнадцати рубляхъ тогдашней медной монеты находилось ровню

(*) Тогда пенсїи актерамъ выдавались изъ Императорскаго Кабинета, который помещался въ зданїи, теперь перестроенномъ, гдѣ находится Императорская Публичная Библиотека

нудь вѣсу; и такъ съ Невскаго Проспекта до своего жилища, следовательно верстъ десять, ему надобно было пронести на плечъ слишкомъ полтора пуда. Онъ нѣсколько разъ въ годъ захаживалъ на перепутье къ Шушерину, чтобъ отдохнуть и позавтракать, а какъ это всегда случалось поутру, то я его никогда и не видывалъ. Шушеринъ утверждалъ, что Шумскій былъ необыкновенный актеръ на роли слугъ (прежде это было важное амплуа), молодыхъ повбѣсъ и весельчаковъ изъ простаго званія. Я былъ очень радъ, что мнѣ удалось увидеть Шумскаго. Я съ любовью и уваженіемъ смотрѣлъ на этотъ славный обломокъ нашего первоначальнаго театра, замѣчательнаго сильными талантами, такъ чудно пощаженный временемъ. Шумскій былъ веселъ, живъ и словоохотенъ. Онъ поговорилъ со мной часа два. Безъ сомнѣнія, его талантъ былъ чистый инстинктъ или, пожалуй, вдохновеніе. Вѣрный почти общему свойству долго зажившихся стариковъ — находить все прошедшее хорошимъ, а все настоящее дурнымъ — Шумскій утверждалъ, что нынѣшній театръ въ подметки не годится прежнему и доказывалъ это, по его мнѣнію, неопровержимыми доказательствами: «Да вотъ не далеко ходить (онъ говорилъ живо и отрывисто), Яковъ Емельяновичъ, ча-тъ поминишь, али нѣтъ? или былъ еще молодъ? какъ бывало Офренъ (*) въ «Заирѣ», въ роли Оросмана, скажетъ: «*Zaïre, vous pleurez?*» — такъ полчаса хлопаютъ, и дамы и кавалеры плачутъ! А нынче что? ничего. — Ну да вотъ ты, Яковъ Емельяновичъ, ведь и ты хорошо игрывалъ «Оросмана», и то же бывало, какъ скажешь: «Заира, плачешь ты?» то же бывало долго хлопаютъ, а нынче что? ничего. Никто и платочка не выцетъ, чтобъ глаза утереть. Нынче все любятъ шумъ, да

(*) Знаменитый, великолѣпный французскій трагикъ.

крикъ. Я ходилъ вашего Яковлева смотреть. Ну что, ничего. Мужикъ рослый, голосъ громкой, а душевнаго нѣтъ ничего». Въ такомъ родѣ былъ весь разговоръ Шумскаго.

Въ июнь 1811 года я уѣхалъ въ Оренбургскую губернію. Черезъ два мѣсяца получилъ письмо отъ Шушерина, который уведомлялъ меня, что наконецъ давно ожидаемая пенсія и отставка имъ получены, что онъ теперь вольный казакъ, что онъ уже отпраздновалъ весь свой *багажъ* и Степана, въ Москву къ Какуеву, и самъ на дняхъ выѣзжаетъ туда же, вмѣстѣ съ Надеждой Федоровной.

Въ январь 1812 года пріѣхалъ я съ своимъ семействомъ въ Москву. Я немедленно отыскалъ Какуева, и къ удовольствію моему, узналъ, что Шушеринъ здоровъ и совершенно доволенъ своимъ положеніемъ, что онъ живетъ въ переулкѣ, близъ церкви Смоленской Божіей Матери, въ собственномъ домикѣ, уже давно для него купленномъ и даже отдѣланномъ, разумеется, все тѣмъ же его другомъ, Какуевымъ. Я поспѣшилъ къ Шушерину. Мы обрадовались другъ другу чрезвычайно. Онъ былъ счастливъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Домикъ былъ премиленькой, отдѣланъ съ большимъ вкусомъ; петербургская мебель, шкапы съ книгами и фарфоромъ, картины, часы, все было уставлено такъ ловко, такъ уютно, что точно было сдѣлано нарочно по стѣнамъ этого дома. Надежда Федоровна помещалась прекрасно и совершенно отдѣльно. Шушеринъ былъ радъ своему дому, буквально, какъ ребенокъ, который радъ игрункѣ, у него не бывало! Онъ затаскалъ, замутилъ меня, показывая свой домъ со всеми его надворными строеніями и хозяйственными принадлежностями, растолковывая мнѣ и заставляя вникать меня во все малѣйшія подробности. «Да понимаешь ли ты это счастье, имѣть на старости свой уголь, свой *собственный* домъ, купленный

на деньги, нажитыя собственными трудами? да нетъ, ты этого никогда не поймешь!.. У меня много еще въ головѣ плановъ, продолжалъ онъ, которые я буду приводить въ исполненіе постепенно. Пыньшій годъ сдѣлаю только напсадинокъ и разобью садикъ; на будущій годъ непременно сдѣлаю камениую кухню и поставлю ее отдѣльно, а на слѣдующій годъ перекрашу прочнымъ образомъ весь домъ и всѣ строения и потомъ уже стану заниматься однимъ садомъ; видь изъ него чудесный на Москву рѣку; я засажу мой садъ цвѣтущими кустами, которые черезъ годъ будутъ цвѣсти и давать тѣнь»... такъ говорилъ Шушеринъ, и я вѣрилъ вполне, что все это точно такъ исполнится. Никакого зловѣщаго предчувствія, никакой черной мысли не мелькала у меня въ головѣ.

Шушеринъ, ожидая меня въ Москву, приготовилъ мнѣ работу; онъ уже условился съ московскою дирекціей на счетъ будущаго своего бенефиса и выбралъ для него піесу: трагедію «Филоктеть», написанную на французскомъ языкѣ Ла-Гарпомъ. Причиною такого выбора было во-первыхъ то, что роль Филоктега шла къ его годамъ и нѣкоторымъ образомъ подходила къ лицамъ «Эдипа» и «Леара», которыми онъ прославился въ последнее время, и во-вторыхъ потому, что какой-то французской знаменитый трагикъ, Larive или Lequen, хорошенько не помню, выбралъ эту піесу для послѣдняго своего бенефиса и прощанья съ театромъ. Я долженъ былъ перевести «Филоктета» стихами. Піеса была небольшая, я принялся за дѣло съ жаромъ, и мѣсяца черезъ два Шушеринъ повезъ меня читать мой переводъ къ О. О. Коконкину, весьма уважаемому тогда литератору и страстному любителю и знатоку театра, первому чтецу и благородному актеру своего времени, съ которымъ, разумеется, я былъ знакомъ предварительно. У Кокошкина ожидали насъ:

Мерзляковъ, Ивашовъ, Вельяшевъ-Волынцевъ и Каченовскій. Я принялся переводить «Филоктета» безъ всякихъ претензій на литературное достоинство перевода, только чтобъ какъ-нибудь исполнить желаніе Шушерина, который самъ признавался мнѣ, что ничего, кромѣ золотой посредственности, отъ моего перевода не ожидалъ; но прочитавъ его, Шушеринъ сказалъ, что это одинъ изъ лучшихъ переводовъ того времени, и потому онъ захотѣлъ имъ похвастаться. Хотя я и имѣлъ довѣренность къ эстетическому чувству Шушерина, но рѣшительно не повѣрилъ его отзыву. У Кокоскина, и мое чтеніе, и мой переводъ были осыпаны похвалами, что меня, но совѣсти говорю, очень удивляло. Шушеринъ торжествовалъ за меня. Переводъ мой переписали и послали въ цензуру (*). Прошелъ Великій Постъ и Святая Недѣля, начались спектакли; но никакой лучъ надежды не мелькалъ въ моей головѣ увидѣть Шушерина на сценѣ, прежде его бенефиса, и то надо было прѣхать для этого зимою въ Москву. И вдругъ совершенно неожиданно исполнилось это мое давнишнее и горячее желаніе. Вотъ какъ это случилось: зашелъ я однажды вечеромъ къ Шушерину и нашелъ у него двухъ московскихъ актеровъ: г-на Злова и г-на Мочалова, (отца того Мочалова, котораго не такъ давно потеряла Москва). Оба они не имѣли еще никакой извѣстности и получали ничтожное жалованье. Дирекція, возлагавшая на нихъ надежды въ будущемъ, для поощренія назначила имъ бе-

(*) Отрывокъ изъ этого перевода, Кокоскинъ прочелъ въ «Обществѣ любителей словесности при Московскомъ университетѣ». Чистосердечно говорю, что теперь мнѣ смѣшно вспомнить, какой успѣхъ имѣло это чтеніе. Меня выбрали единогласно въ члены «Общества», а отрывокъ помѣстили въ «Трудахъ Общества», откуда перепечатали его въ Собраніе «Образцовыхъ Стихотвореній». Какъ легко было тогда попасть въ образцы... за то не на долгъ!

непись, черезъ двѣ или три недѣли послѣ Святой. Мочаловъ и Зловъ, говоря объ этомъ съ Шушеринымъ, изъявили въ то же время сомнѣнiе, чтобъ бенефисъ могъ принести имъ выгоду, потому что пiесы игрались не заманчивья, Москва разбѣжалась по деревьямъ и по дачамъ, а бенефицианты не имѣютъ такой репутаціи, чтобъ привлечь въ театръ своимъ именемъ остальную публику. Шушеринъ слушалъ ихъ съ участіемъ. Онъ вспомнилъ свои молодые годы; ему вдругъ сдѣлалось такъ жаль этихъ даровитыхъ людей, что онъ съ живостью сказалъ имъ: «Господа! хотите ли, чтобъ я вамъ помогъ? я сдѣлаю это очень охотно. И вотъ какая штука пришла мнѣ въ голову: дайте себѣ въ бенефисъ небольшую комедію Коцебу «Попугай»; ее можно поставить въ недѣлю, а я сыграю вамъ арапа «Ксурр». Москва очень любила меня въ этой роли и всѣ изъ курьѣза пойдутъ посмотреть, какъ шестидесяти-трехлѣтній Шушеринъ сыграетъ восемнадцатилѣтняго негра!»—Разумѣется, и Зловъ и Мочаловъ не знали, какъ и благодарить за такое великодушное предложеніе. Они сію минуту отправились къ директору, А. А. Майкову, пересказали ему слова Шушерина, онъ, разумѣется, охотно согласился, дѣло было улажено, и за постановку «Попугая» принялись усердно Шушеринъ не позволялъ мнѣ смотреть репетицій, и я тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ и волненіемъ ожидать этого спектакля. Недѣли черезъ полторы, новый, деревянный, большой арбатской театръ наполнился зрителями, и бенефицианты, за всѣми расходами, получили каждый по 2500 рублей ассигнаціями. Громъ рукоплесканій продолжался нѣсколько минутъ, когда показался «Ксурр». Спина устала у бѣднаго Шушерина отъ поклоновъ на всѣ стороны; онъ же раскланивался по старинному. Съ жадностью глоталъ я каждое его слово, ловилъ каждое движеніе, и вотъ что скажу объ его мастерскомъ

исполненіи этой весьма незначительной роли. Начну съ того, что Шушерина нельзя было узнать. Голось, движенія, произношеніе, фигура—все это принадлежало совершенно другому чловѣку; разумѣется, чернота лица и костюмъ помогали этому очарованію. Передо мною бѣгалъ не старикъ, а проворный молодой чловѣкъ; его звучный но еще какъ-будто не установившійся молодой голось, которымъ свободно выражались удивленіе, досада и радость дикаря, перенесеннаго въ Европу, раздавался по всему огромному театру, и его робкой шопотъ, къ которому онъ такъ естественно переходилъ отъ громкихъ восклицаній,—былъ слышенъ вездѣ. Какая-то ребяческая наивность, искренность была видна во всѣхъ его телодвиженіяхъ и хваткахъ! Какъ мастерски подрисовалъ онъ себѣ глаза, сдѣлалъ ихъ большими и на выкатъ. Какъ онъ умѣлъ одѣться и стянуться! Ни малѣйшей полноты его лѣтъ не было замѣтно. Всѣ видѣли здороваго, крѣпкаго, но молодаго негра. Однимъ словомъ, это было какое-то чудо, какое-то волшебство, и публика вполне предалась очарованію. Всѣ мои замѣчанія состояли въ томъ, что Шушеринъ иногда слишкомъ много и живо двигался и слишкомъ проворно говорилъ. Я на другой день сказалъ объ этомъ Шушерину, и онъ откровенно признался, что мое замѣчаніе совершенно справедливо и что онъ для того позволилъ себѣ эту утрировку, чтобъ скрыть свои 63 года. Много было и письменныхъ и печатныхъ стиховъ, и похвалъ въ прозѣ Шушерину; я то же написалъ четыре стиха тогдашней современной фактуры и напечаталъ ихъ сюрпризомъ для Шушерина въ Русскомъ Вѣстникѣ С. Н. Глинки. Пумерь вышелъ черезъ нѣсколько дней послѣ спектакля. Шушеринъ, прочтя мое четверостишіе и не зная имени сочинителя, сказалъ, что эти стихи ему пріятнѣе всѣхъ другихъ, Вотъ они:

Якову Емельяновичу Шушерину.

На спектакль въ бенефисъ гг. Мочалова и Зюлова. Мая дня.

Въ сей день ты эрѣвнще явилъ намъ превосходно
И съ трудностію насъ заставилъ разбирать:
Что болѣе въ тебѣ должны мы уважать,
Великій ли талантъ, или сердце благородно.

Увидѣвъ на сценѣ Шушерина въ роли Кеури, я понималъ отъ чего за тридцать лѣтъ предъ симъ онъ имѣлъ такой блистательный успѣхъ, отъ чего ничтожная роль составила ему тогда первоначальную славу. Ящикъ отпирается просто: играя дикаго негра, Шушеринъ позволилъ себѣ сбросить все условныя, сценическія кандалы и заговорилъ просто, по-человѣчески, чему зрители безъ памяти обрадовались и приписали свою радость искусству и таланту актера. И такъ по тогдашнимъ понятіямъ, надобно было быть дикимъ, чтобъ походить на сценѣ на человека.

У насъ говорится, что бѣда не приходитъ одна—то же можно сказать и о пріятныхъ событіяхъ. По крайней мѣрѣ такъ случилось тогда со мною и такъ случилось не рѣдко въ продолженіе моей жизни. Не успѣлъ я опомниться отъ радости, что видѣлъ Шушерина въ роли Кеури, какъ судьба приготовила мнѣ другой спектакль, о которомъ не могло мнѣ и во снѣ присниться. Въ этотъ разъ Шушеринъ самъ зашелъ ко мнѣ возвести неожиданную и радостную новость. Какъ теперь гляжу на него, съ ногъ до головы одѣтаго въ сѣрый цвѣтъ, то-есть, по-лѣтнему; проходя мимо нашей квартиры, онъ постукалъ своей камышевой тростью въ мое окно, и когда я выглянулъ, то онъ съ улыбающимся лицомъ мнѣ сказалъ: «Ну, братъ! Судьба хочетъ тебя нобаловать, только я теперь рассказывать не стану, потому что, идя пѣшкомъ, усталъ, а расскажу тогда, когда ко мнѣ придешь. Если же хочешь сейчасъ узнать,

то бери шляпу, проводи меня до дому и отобъдай со мной». Любопытство мое было сильно возбуждено; я отправился съ Шушеринымъ, и вотъ что узналъ: О. О. Кокоскинъ не только былъ охотникъ играть на театрѣ, но и большой охотникъ учить декламацин; въ это время былъ у него ученикъ, молодой человекъ, Дубровскій, и тоже отчасти ученица, кажется, въ театральной школѣ, г-жа Борисова; ему пришла въ голову довольно страшная мысль: выпустить ее въ роли Дидоны, а ученика своего Дубровскаго въ роли Энея; но какъ въ это время года, никто бы изъ оставшихся жителей въ Москвѣ, не пошелъ ихъ смотрѣть, то онъ придумалъ упросить Шушерина, чтобъ онъ сыгралъ «Ярба». Разумѣется, директоръ былъ очень этому радъ и вмѣстѣ съ Кокоскинымъ атаковалъ Шушерина самыми убедительными просьбами. Разказавъ все это мнѣ, Шушеринъ прибавилъ въ заключеніе: «Ярба я никогда не сталъ бы играть добровольно; но вотъ видишь ли, любезный другъ, какая штука: дирекція мнѣ нужна впередъ, а Кокоскина директоръ очень уважаетъ. Отказаться мнѣ не трудно, но въдь осердятся и, пожалуй, напакостятъ что-нибудь въ моемъ будущемъ бенефисѣ. Я могъ бы отложить этотъ спектакль до осени; но теперь ты здѣсь и, конечно, будешь радъ увидѣть меня на сценѣ. Разумѣется, я желалъ бы показаться тебѣ не въ «Ярбѣ», а напримѣръ въ «король Леаръ», ну да дѣлать нечего — я согласился и черезъ полторы недѣли идетъ Дидона». Не нужно говорить, какъ я былъ этому радъ. Конечно, я не могъ ожидать такого счастья. Мы сами собрались уже уѣхать изъ Москвы, и я упросилъ моего отца и мать отложить на нѣсколько времени нашъ отъѣздъ. Репетиціи начались немедленно и продолжались ежедневно на сценѣ, потому что надобно было сладить піесу съ двумя молодыми неопытными ак-

терами. Шустеринъ придавалъ репетиціямъ большую важность (*) и не пускалъ на нихъ постороннихъ зрителей до главной пробы, которая дѣлалась въ костюмахъ, во весь голосъ, на сценѣ, и всегда наканунѣ представленія; но Шустеринъ и тутъ не пустилъ меня, а слышалъ я только одну репетицію въ началѣ, въ полголоса. Не смотря на совершенно устарѣлые стихи и нелѣпость самаго «Ярба», чтеніе Шустерина показалось мнѣ превосходно.— Наконецъ наступилъ день давно ожидаемый и желанный. Многочисленная публика наполнила театръ. Поднялся занавѣсъ, прошелъ первый несносный актъ: Борисова была принята очень благосклонно, что она и заслуживала, и даже къ Дубровскому, не имѣвшему никакихъ дарованій и не подававшему никакихъ надеждъ, зрители были снисходительны. Великолѣпенъ, блистателенъ, явился «Ярбъ». Это былъ тоже Арапъ, какъ и «Кеурн», но высокаго роста и богатырскаго тѣлосложенія. Какъ умѣть такъ превращаться Шустеринъ, не понимаю (**). Бышенство «Ярба» начинается съ первыхъ словъ:

(*) Шустеринъ говорилъ: «Репетицій—душа піесы; только тогда піеса получаетъ полное достоинство, когда хорошо срететирована. Постороннихъ людей никогда на репетиціи пускать не должно: они мешаютъ и отвлекаютъ, и притомъ при нихъ совѣстно будетъ замѣтить что-нибудь другому и самому получить замѣчаніе. Генеральная репетиція должна происходить точно съ такою же строгою отчетливостью, какъ и настоящее представленіе. Какъ бы піеса ни была тверда, сколько бы разъ ее ни играли—непрѣменно надобно сдѣлать репетицію въ полголоса, но со всеми интонаціями, поутру въ день представленія. Во всю жизнь мою я убѣждался въ необходимости этого правила. Не рѣдко случалось играть мнѣ, будучи не совсемъ здоровымъ, или несколько разсѣяннымъ, или просто не въ духѣ,—утренняя репетиція оставалась свѣжею въ памяти и помогала мнѣ тамъ, гдѣ я могъ бы сбиться и сыграть не вѣрно». Я предоставлялъ всемъ артистамъ рѣшить, до какой степени справедливо мнѣніе ихъ славнаго предшественника.

(**) Я спрашивалъ объ этомъ Шустерина; онъ сказалъ мнѣ, что эта перемена произошла отъ головного убора, въ видѣ вѣща на головѣ, съ длинными перьями, и что подъ подошвы ногъ были подложены картонныя стельки.

Се зрю противный домъ, несносные чертоги,
Гдѣ все, что я люблю, немилосерды боги
Троянску страннику съ престоломъ отдаютъ!

и продолжается до послѣднихъ стиховъ включительно:

Дидона!... пить ея!... я злобой омраченъ;
Бросая громъ, своимъ самъ громомъ пораженъ.

Что сказать о цѣломъ исполненіи этой, по истинѣ, нелѣпѣйшей роли. Цѣльное исполненіе ея невозможно, «Ярбъ» долженъ буквально бѣситься весь четыре акта, на что, конечно, не достанетъ никакого огня, и чего никакія силы человѣческія вынести не могутъ, а потому Шушеринъ, для отдыха, для избѣжанія однообразія, нѣкоторыя мѣста игралъ слабѣе, чѣмъ должно было, если слѣдовать въ точности ходу пьесы и характеру «Ярба». Такъ поступалъ Шушеринъ всегда, такъ поступали другіе, и такъ поступалъ Дмитревскій въ молодости. О цѣльности характера, о драматической истинѣ представляемаго лица, тутъ не могло быть и помину. И такъ, можно только сказать, что весь тѣ мѣста ярости, бѣшенства и жажды мщенія, въ которыхъ Шушеринъ давалъ себѣ полную свободу, принимая это въ смыслъ условномъ, были превосходны — страшны и увлекательны; въ мѣстахъ же, гдѣ онъ сберегалъ себя, конечно являлась уже одна декламація, подкрѣпляемая мимикою, доводимую до излишества; трепета въ лицѣ и дрожанья во всѣхъ членахъ было слишкомъ много; низкіе, грудные тоны, когда они проникнуты страстью, этотъ сдерживаемый, подавляемый *resъ тигра*, по выраженію Шушерина, которыми онъ вносивъ владѣть въ зрѣлыхъ лѣтахъ, — измѣнили ему, и знаменитый некогда монологъ.

Свирѣпъ ади дщерь, надежда смертныхъ—мечь,
Къ чему несчастнаго стремишься ты привести?
Любѣйшей ярости мнѣ въ сердце огонь вливая,
Влечешь меня на все, мнѣ очи закрывая, и проч. и проч.

не произвелъ такого дѣйствія, какого надѣялся Шушерингъ и какое онъ производилъ нѣкогда. Что касается до меня, не издавнаго въ «Ярбъ» никого, кромѣ Плавильщикова, то я былъ пораженъ изумленіемъ отъ начала до конца пьесы, восхищаясь и увлекаясь искусствомъ, которое, властвуя неистощимымъ огнемъ души артиста, умѣло вливать его въ эти варварскіе стихи, въ эту безмысленную дребедень какихъ-то страстей и чувствъ. Конечно, я составилъ себѣ такое высокое предварительное понятіе объ игрѣ Шушерина въ «Ярбъ» и особенно о томъ мѣствѣ, въ которомъ онъ обманулъ Дмитревскаго, что настоящее исполненіе роли меня не вполне удовлетворило; но теперь, смотря на цѣлую пьесу и на лице «Ярба» уже не теми глазами, какими смотрѣли всѣ и я самъ за сорокъ три года тому назадъ, я еще болѣе удостовѣряюсь, что только великой артистъ могъ производить въ этой пьесѣ такое впечатлѣніе, какое производилъ Шушерингъ. Онъ же самъ былъ рѣшительно не доволенъ собою и сожалѣлъ, что явился въ первый разъ, по возвращеніи изъ Петербурга, передъ московскою публикой (появленіе въ роли «Ксури» онъ считалъ шуткою, добрымъ дѣломъ), въ такой роли, которой ему уже не следовало играть. Публика же напротивъ была въ полномъ восторгѣ, за исключеніемъ весьма немногихъ людей, слегка замѣтившихъ кое-какіе недостатки.

Въ самое то время, какъ Москва беззаботно собиралась въ театръ, чтобъ посмотреть на стараго славнаго артиста, военная гроза, давно сконлявшаяся надъ Россіею, быстро и прямо понеслась на нее; уже знали прокламацію Наполеона, въ которой онъ объявлялъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ объ сѣверныя столицы увидятъ въ стѣнахъ своихъ побѣдителя свѣта; знали, что побѣдоносная французская армія, вмѣстѣ съ силами цѣлой Европы, идетъ на насъ подъ предводительствомъ великаго, перваго полководца

своего времени; знали, что непріятель скоро долженъ переправиться черезъ Нѣманъ (онъ переправился 12 іюня),— все это знали и нисколько не безпокоились. Подсмѣивались надъ самохвальствомъ Наполеона, который занятіе Москвы и Петербурга считалъ также легко возможнымъ, какъ занятіе Вѣны и Берлина. По крайней мѣрѣ такъ понимало большинство публики тогдашнее положеніе Россіи. Всего менѣ думали о Наполеонѣ я и Шушеринъ; мы думали о будущемъ его бенефисѣ, обѣщанномъ ему въ исходѣ декабря, и о томъ, какъ бы мнѣ къ тому времени пріѣхать въ Москву. Я съ семействомъ уѣхалъ въ половинѣ іюня, и весело простился съ Шушеринымъ, въ надеждѣ увидѣться съ нимъ черезъ полгода...

Извѣстно, что совершилось въ эти шесть мѣсяцевъ. Сгорѣла Москва, занятая непріятелемъ. Наполеонъ дождался въ ней суровой осени, не дождавшись мира, потерялъ множество войскъ и бѣжалъ изъ обгорѣлыхъ развалинъ Москвы. Радостно вздохнула Русь, благодарныя молитвы огласили храмы Божіи, и съ христіанскимъ смиреніемъ торжествовалъ народъ свое спасеніе и побѣды на враги. Стали собираться понемногу распуганные жители столицы и не замедлить пріѣхать Яковъ Емельяновичъ Шушеринъ, а съ нимъ и Надежда Федоровна (кажется, они прожили эту грозу въ Рязани), чтобъ узнать не уцѣлѣлъ ли его скромный домикъ; но увы! однѣ обгорѣлыя печи стояли на прежнемъ мѣстѣ. Не вѣря тому, чтобъ Москва могла быть отдана Наполеону, Шушеринъ не вывезъ своего имущества заблаговременно и потерялъ все, все, что пахивалъ съ такимъ трудомъ и такъ долго; но эта потеря, какъ разсказывалъ мнѣ самовидецъ П. П. Ильинъ, была великодушно перенесена Шушеринымъ; онъ только радовался изгнанію Французовъ и былъ очень веселъ. Зная твердость духа и образъ мыслей этого замѣчательнаго

человѣка, я совершенно убѣдился, что онъ перенесъ свою потерю спокойно. Москва не была еще тогда вполне очищена отъ человѣческихъ и скотскихъ труповъ; больныхъ и раненыхъ было множество; появилась тифозная, гнилая горячка. Вскорѣ по прїѣздѣ, Шущеринъ заразился ею и умеръ въ шестой день; въ этотъ же день Надежда Ѳедоровна, ходившая за старымъ своимъ другомъ пусынно, потеряла употребленіе языка, впаала въ нервную горячку и умерла черезъ пять недѣль.... Все это я узналъ въ 1814-мъ году, проѣзжая черезъ Москву, въ Петербургъ.

Въ 1812-мъ году, Иванъ Анастасиичъ Дмитревскій (*), уже давно оставившій театръ, къ общему изумленію и восторгу петербургской публики, явился на сценѣ въ піесѣ Висковатаго «Всеобщее оноуленіе», разумѣется, въ роли старика. И тогда уже Дмитревскій былъ такъ слабъ отъ старости, что его безпрестанно поддерживали другіе актеры, и едва ли кто могъ разслушать произносимыя имъ слова; но восторгъ зрителей былъ общій; громъ рукоплесканій прївѣтствовалъ каждый его выходъ и каждое удаленіе со сцены; по окончаніи драмы, разумѣется, онъ былъ вызванъ единогласно, единодушно. Но замѣчательно то, что вызывали не просто Дмитревекаго, то-есть, не просто актера по фамиліи, какъ это всегда водилось и водится, а *господина Дмитревекаго*; такимъ особеннымъ знакомъ уваженія не былъ почтенъ ни одинъ актеръ, ни прежде

(*) Извѣстія о Дмитревскомъ и Яковлевѣ, сообщенныя мною въ концѣ этой статьи, напечатанной въ первый разъ, въ Москвитинѣ въ 1854-мъ году, оказались весьма не точными. Я понадеялся на свою память и говоря о *слышанномъ* мною за сорокъ лѣтъ, не навелъ справокъ и перепуталъ, какъ порядокъ хронологической, такъ и самыя событія. Исправляю теперь мою ошибку по источникамъ самымъ достовѣрнымъ.

Дмитревскаго. Ни послѣ его. Я очень хорошо понимаю, что при тогдашнемъ патріотическомъ настроеніи Петербурга, появленіе старца Дмитревскаго въ патріотической драмѣ — должно было привести въ восторженное состояніе публику; но, смотря на это дѣло съ художественной стороны, я нисколько не жалью, что не выдалъ этого спектакля. На театральныхъ подмосткахъ долженъ владѣть оди́нъ интересъ—искусство. Дѣйствительность превращается на нихъ въ вымыселъ, теряетъ свое значеніе и дѣйствуетъ на душу непріятно. Напротивъ вымыселъ долженъ казаться дѣйствительнымъ. Искусно сыгранная роль дряхлаго старика на театрѣ, можетъ доставить эстетическое наслажденіе, какъ дѣйствительность перенесенная въ искусство; но *дѣйствительный* старецъ Дмитревскій, болѣзненный, едва живой, едва передвигающій ноги, на краю дѣйствительной могилы, *представляющій старика* на сценѣ—признаюсь—это глубоко оскорбительное зрѣлище, и я радуюсь, что не выдалъ его.

Яковлевъ кончилъ жизнь въ 1817-мъ году, находясь въ полной силѣ и цвѣтѣ возраста человѣческаго. Онъ оставилъ жену и дѣтей. Дмитревскій пережилъ его четырьмя годами; онъ хотѣлъ даже участвовать въ бенефисѣ, который данъ былъ театральной дирекціей въ пользу вдовы и дѣтей покойнаго Яковлева, о чемъ было объявлено въ афишѣ. Дмитревскій долженъ былъ играть старика, въ маленькой пьесѣ князя Шаховскаго, написанной имъ еще въ 1815-мъ году, подъ названіемъ: «Встрѣча незваныхъ», то-есть, Французовъ, имѣвшей въ свое время большой успѣхъ. Но болѣзнь не допустила Дмитревскаго исполнить свое великодушное намѣреніе.

ВОСПОМИНАНІЕ

ОБЪ

АЛЕКСАНДРЪ СЕМЕНОВИЧЪ ШИШКОВЪ.

ВОСПОМИНАНІЕ

ОБЪ

АЛЕКСАНДРЪ СЕМЕНОВИЧЪ

Ш И Ш К О В Ъ.

Сей старецъ дорогъ намъ; онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года.

Пушкинъ ()*.

Я хочу рассказать все, что помню объ Александрѣ Семеновичѣ Шишковѣ. Но я долженъ начать издалека.

Въ 1806-мъ году я былъ своекоштнымъ студентомъ К—го университета. Мнѣ только что исполнилось пятнадцать лѣтъ. Не смотря на такую раннюю молодость, у меня были самостоятельныя и, надо признаться, довольно дикія убѣжденія; напримѣръ: я не любилъ Карамзина и, съ дерзостью самонадѣяннаго мальчика, смѣялся надъ слогомъ и содержаніемъ его мелкихъ прозаическихъ сочиненій! Это такъ неестественно, что и теперь осталось для меня загадкой. Я не могъ понимать сознательно

(*) Эти два стиха написаны золотыми буквами подъ бюстомъ Александра Семеновича Шихова, поставленнымъ въ Россійской Академіи.

недостатковъ Карамзина; но, вѣроятно, я угадывалъ ихъ по какому-то инстинкту и, разумѣется, впадалъ въ крайность. Помятїя мои путались, и я, браня прозу Карамзина, былъ въ восторгѣ отъ его плохихъ стиховъ, отъ «Прощанїя Гектора съ Андромахой» и отъ «Опытной Соломоновой мудрости!» Я терпѣлъ жестокаго гоненїя отъ товарищей, которые все были безусловными поклонниками и обожателями Карамзина. Въ одно прекрасное утро, передъ началомъ лекціи (то-есть до восьми часовъ), входилъ я въ спальныя комнаты казенныхъ студентовъ. Вдругъ поднялся шумъ и крикъ: «вотъ онъ, вотъ онъ!» и толпа студентовъ окружила меня. Все въ одинъ голосъ осыпало меня насмѣшливыми поздравленїями, что «нашелся еще такой же уродъ, какъ я и профессоръ Г—въ (*), лишенный отъ природы вкуса и чувства къ прекрасному, который ненавидитъ Карамзина и ругаетъ эпоху, произведенную имъ въ литературѣ; закоснѣлый Славяноросецъ, старовѣръ и гасильникъ, который осмѣлился напечатать свои старозавѣтныя остроты и насмѣшки, и надъ кѣмъ же? Надъ Карамзинымъ, надъ этимъ гениемъ, который пробудилъ къ жизни нашу тяжелую, сонную словесность!»... Народъ былъ молодой, горячій, и почти каждый выше и старше меня: одинъ обвинялъ, другой упрекалъ, третій возражалъ, какъ-будто на мои слова, прибавляя: «а, ты теперь думаешь, что ужъ твоя взяла!» или: «а, ты теперь, пожалуй, скажешь: вотъ вамъ доказательство!» и проч. и проч. Изумленный и даже почти испуганный, я не говорилъ ни слова, и не смотря на то, чуть-чуть не побили меня за дерзкія рѣчи. Я не скоро могъ добиться, въ чемъ состояло дѣло. Наконецъ загадка объяснилась: наканунѣ вечеромъ, одинъ изъ студентовъ по-

(*) Профессоръ русской словесности.

лучить книгу Александра Семеныча Шишкова (*): «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ», которую читали вслухъ, напролетъ всю ночь и только что кончили, и которая привела молодежь въ бѣшенство. Вспомнили сейчасъ обо мнѣ, вообразили, какъ я этому обрадуюсь, какъ подниму носъ—и весь гнѣвъ съ Шишкова упалъ на меня. Среди крика и шума, но счастливо раздался звонокъ и всѣ поспѣшили на лекціи, откуда я ушелъ домой обѣдать. После обѣда я прошелъ прямо въ аудиторію, а въ шесть часовъ вечера, не заходя къ студентамъ, что прежде всегда дѣлалъ, отправился домой. Въ продолженіе сутокъ буря утихла, и на другой день никто не нападалъ на меня серьезно. Я выпросилъ почитать книгу Шишкова у счастливаго ея обладателя, а черезъ мѣсяць выписалъ ее изъ Москвы, и также «Прибавленія къ Разсужденію о старомъ и новомъ слогѣ». Этѣ книги совершенно свели меня съ ума. И всякому человеку, и не пятнадцатилѣтнему юношѣ, пріятно увидѣть подтвержденіе собственныхъ мнѣній, которыя, до тѣхъ поръ, никѣмъ не уважались, надъ которыми смѣялись всѣ и которыя часто поддерживалъ онъ самъ уже изъ одного упрямства: точно въ такомъ положеніи находился я. Можно себя представить, какъ я обрадовался книгѣ Шишкова, человека уже не молодого, достопочтеннаго адмирала, извѣстнаго писателя по ученой морской части, сочинителя и переводчика «Дѣтской библіотеки», которую я еще въ ребячествѣ вытвердилъ наизусть! Разумѣется, я призналъ его неопровержимымъ авторитетомъ, мудрымъ и ученѣйшимъ изъ людей! Я увѣривалъ въ каждое слово его книги, какъ въ святыню!... Русское мое направленіе и враждебность ко всему ино-

(*) Напечатанную еще въ 1803 году, но которая только черезъ два года дошла до К—го университета.

странному укрѣпились сознательно, и темное чувство національности выросло до исключительности. Я не смѣлъ обнаруживать ихъ вполне, встрѣчая во всѣхъ товарищахъ упорное противодѣйствіе, и долженъ былъ хранить мои убѣжденія въ глубинѣ души, отъ чего онѣ, въ тишинѣ и покоѣ, достигли огромныхъ и неправильныхъ размѣровъ. Такъ шло все время до моего отъезда изъ К.—ни.

Въ 1807-мъ году вышелъ я изъ университета, а въ 1808-мъ уже служилъ переводчикомъ въ «Коммисіи составленія законовъ».

Я оставилъ университетъ въ такихъ годахъ, въ которыхъ надлежало бы поступить въ него, следовательно вынесъ очень мало знаній. Въ этомъ виновать былъ я самъ, а не младенчество университета, въ которомъ многіе, учась вмѣстѣ со мною, получили прочное, даже ученое образованіе. Особенно процвѣтала у насъ чистая математика, которую увлекательно и бѣстательно преподавалъ адъюнктъ Г. И. К.—ій, и которую я ненавидѣлъ, не смотря на то, что жилъ у него и очень его любилъ. Математика была такъ сильна у насъ, что когда по выходѣ К.—го (это случилось уже безъ меня) пріѣхалъ въ К.—ь знаменитый тогда европейскій математикъ, Бартельсъ, и, пришедъ на первую лекцію, попросилъ кого-нибудь изъ студентовъ показать ему на доскѣ степень ихъ знанія, то Александръ Максимычъ К.—чь разрѣшилъ ему изъ дифференціаловъ и коническихъ сѣченій такую чертовщину, что Бартельсъ, какъ истинный ученый, пришелъ въ восторгъ и сказавъ, что для такихъ студентовъ надобно профессору готовиться къ лекціи, поклонился и ушелъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, встрѣтясь какъ-то на дорогѣ съ Г. И. К.—мъ, онъ остановилъ его, вышелъ изъ экипажа, заставилъ, разумеется, и К.—го сдѣлать тоже, и изъявилъ ему, какъ собрату по наукѣ, свое глубокое уваженіе.

Не имѣя никакой протекціи и даже почти никого знакомыхъ въ Петербургѣ, я попалъ въ переводчики «Коммисіи составленія законовъ» единственно потому, что Г. П. К—ій, еще прежде меня оставившій К—ій университетъ, служилъ помощникомъ редактора въ одномъ изъ Отдѣленій Коммисіи, которыя назывались *Редакторствами*. К—ій пользовался тамъ, какъ и вездѣ, гдѣ онъ служилъ, полнымъ уваженіемъ. Я жилъ въ Петербургѣ уединенно, также мало встрѣчая сочувствія къ моимъ убѣжденіямъ и обнаруживая ихъ еще менѣе. Я видался только съ Шущеринымъ; но въ нашихъ беседахъ преимущественно дѣло шло о театрѣ и сценическомъ искусствѣ. Я служилъ уже около полугода. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ «Коммисіи составленія законовъ» былъ неутомимый Нѣмецъ Розенкампфъ: онъ писалъ и день и ночь, то по-нѣмецки, то по-французски; съ послѣдняго я переводилъ на русскою. Не могу утвердительно сказать, былъ ли какой-нибудь толкъ въ неусыпныхъ трудахъ Розенкампфа, но я часто слышалъ, какъ подсмѣивались надъ его нѣмецкими теоріями. Въ составъ Государственныхъ учрежденій «Коммисія составленія законовъ» была совершенно забыта. Вдругъ директоромъ Коммисіи былъ определенъ М. М. Сперанскій, и ходъ дѣлъ оживился: директорскую канцелярію, названную по новому: *Письмоводствомъ*, значительно усилили; Вронченко назначили письмоводителемъ; взяли двухъ чиновниковъ отъ Розенкампфа, меня и Бачманова, и причислили къ письмоводству. Это передвиженіе было для меня счастливымъ событіемъ: въ письмоводствѣ встрѣтился я съ Александромъ Ивановичемъ К—мъ. Я живо помню этотъ первый день, когда онъ обратилъ на себя мое вниманіе. Какъ теперь гляжу на его молодую, стройную, худощавую фигуру и свѣжее лице, наклоненное надъ бумагой: длинныя

волосы закрывали съ боку даже его большой носъ, и красивыя жемчужныя строки выводила его рука. Я сидѣлъ возлѣ него, занимаясь своимъ дѣломъ. Вдругъ слышу тоненькій голосокъ моего сосѣда, которымъ онъ очень рѣзко бранилъ школу Карамзинскихъ послѣдователей и критиковалъ переписываемую имъ бумагу Сперанскаго, за иностранныя слова и обороты... Меня такъ и обдало чѣмъ-то роднымъ, такъ и повѣяло духомъ Шишкова! Я сейчасъ всталъ, отвелъ въ сторону старшаго чиновника писмоводства, Н. С. Скуридина, бывшаго некогда моимъ товарищемъ по К—ой гимназiи, и спросилъ: «кто этотъ молодой человекъ, который сидитъ подлѣ меня?» Скуридинъ улыбнулся и отвѣчалъ: «Какъ кто? Племянникъ Александра Семеныча Шишкова, такой же отчаянный Славянофилъ (тогда это слово было уже въ употребленiи), и чуть не молится своему дядѣ». Этого было довольно. Черезъ нѣсколько часовъ я заключилъ съ К—мъ вѣчный союзъ братской дружбы, который мы оба свято хранимъ и теперь. Въ тотъ же вечеръ К—въ обо всемъ разсказалъ своему дядѣ Шишкову, и на другой день, въ десять часовъ утра, положено было представить меня главѣ Славянофиловъ.

Но что жь это такое было за Славянофильство? Здѣсь кстати поговорить о немъ и опредѣлить его значенiе. Надобно начать съ того, что тогда, равно какъ и теперь, слово это не выражало дѣла. И тогдашнее, и теперешнее такъ называемое Славянофильство, было и есть ничто иное, какъ русское направленiе, откуда уже естественно вытекаетъ любовь къ Славянамъ и участiе къ ихъ несчастному положенiю. Впрочемъ къ Шишкову отчасти шло это имя, потому что онъ очень любилъ славянскій или церковный языкъ, и сочувствуя немного западнымъ Славянамъ, много толковалъ и писалъ о славянскихъ на-

рѣчіяхъ; но его послѣдователи вовсе и объ этомъ не думали. Русское направленіе заключалось тогда въ возстаніи противъ введенія нашими писателями иностранныхъ, или лучше, французскихъ словъ и оборотовъ рѣчи, противъ предпочтенія всего чужаго своему, противъ подражанія французскимъ модамъ и обычаямъ и противъ всеобщаго употребленія въ общественныхъ разговорахъ французскаго языка. Этими, такъ сказать, литературными и внѣшними условіями ограничивалось все направленіе. Шишковъ и его послѣдователи горячо возставали противъ нововведеній тогдашняго времени, а все введенное прежде, отъ реформы Петра I до появленія Карамзина, признавали русскимъ и самихъ себя считали русскими людьми, нисколько не чувствуя и не понимая, что они сами были иностранцы, чужіе народу, ничего не понимающіе въ его русской жизни. Даже не было мысли оглянуться на самихъ себя. Вѣкъ Екатерины, передъ которымъ они благоговѣли, считался у нихъ не только русскимъ, но даже русскою стариною. Они велили противъ иностраннаго направленія—и не подозревали, что охвачены ими съ ногъ до головы, что они не умѣютъ даже думать по-русски. Самъ Шишковъ любилъ и уважалъ русской народъ по своему, какъ-то отвлеченно; въ дѣйствительности же отказывалъ ему въ просвѣщеніи, и напечаталъ впоследствии, что мужику не нужно знать грамотъ. Такъ бываютъ иногда перепутаны человѣческія понятія, что истина, лежащая въ ихъ основѣ, принимаетъ ложное и ошибочное развитіе.—Само собою разумѣется, что никакое сомнѣніе не входило въ мою осмнадцатилѣтнюю голову и что я былъ готовъ безусловно благоговѣть передъ Шишковымъ.

Напрасный будетъ трудъ, если я захочу дать понятіе о томъ, что происходило въ моей головѣ и моемъ сердцѣ, когда я воротился домой, разставшись съ моимъ внезапнымъ

другомъ, К—мъ? Какую ночь провелъ я въ ожиданіи утра, въ ожиданіи свиданія, знакомства съ Александромъ Семенычемъ Шишковымъ! Я представлялъ себѣ его какимъ-то высшимъ существомъ, къ которому все приближаются съ благоговѣніемъ. Живи въ Петербургъ, я постоянно желалъ и надѣялся со временемъ, какъ-нибудь его увидѣть; но возможность личнаго и близкаго знакомства никогда не входила мнѣ въ голову. Не могу сказать, чтобъ я отъ неожиданнаго осуществленія того, о чемъ не смѣлъ мечтать, пришелъ въ восхищеніе, въ восторгъ, которому весьма легко предавался. Конечно я чувствовалъ радость, но подавляемую изумленіемъ и какою-то неопредѣленною боязнію. Тогда я не умѣлъ объяснить себѣ страннаго моего чувства; но можетъ быть это было безотчетное опасеніе—найти въ дѣйствительности не то, что создало и украсило мое горячее воображеніе и такъ искренно, давно полюбилъ молодое сердце. Я былъ чистый сангвиникъ: живой, вспылчивый, и въ тоже время застѣнчивый или, вѣрнѣе сказать, конфузливый до того, что могъ совсемъ потеряться, могъ лишиться на ту минуту употребленія языка или заплакать. Хотя я конфузился преимущественно въ женскомъ обществѣ, или незнакомомъ и многочисленномъ, но кабинетъ Шихкова представлялся мнѣ страннѣе всякой аристократической гостиной — и опасность сконфузиться, показаться дуракомъ, бросала мени въ ознобъ и жаръ. Будучи всегда скромнаго о себѣ самомъ мнѣнія, я добросовѣстно спрашивалъ себя: «что же есть во мнѣ замѣчательнаго, достойнаго обратить вниманіе такого человека, какъ Шишковъ? Не совѣстно ли заставить его перервать свои важные труды и заниматься мною? Что я стану отвѣчать, когда онъ спроситъ о моихъ литературныхъ занятіяхъ? Не отвѣчать же ему, что въ университетъ я издавалъ письменный литературный жур-

паль вмѣстѣ съ Александромъ И—вымъ? Что я написалъ стихи къ «Зимѣ» и «Соловью». или перевелъ «Нималіона и Галатею?» Вотъ еслибѣ какъ-нибудь заставили меня читать, то можетъ быть мое чтеніе поправилось бы Шишкову: въ К—и все были въ восхищеніи отъ моей декламации и игры на театрѣ... Но какъ же это сдѣлать?...» Подобныя дѣтскія мысли осаждали всю ночь мою горячую голову. Я уснулъ уже къ утру, и цѣлымъ полчаса опоздалъ пріѣхать къ К—ву.

Въ переулкѣ съ Антейной, называемомъ Форштатскимъ, противъ лютеранской кирки, стоялъ небольшой каменный, двухэтажный домикъ (вѣроятно стоитъ и теперь), окошѣ въ восемь, какого-то зеленоватаго цвѣта, весьма скромной наружности: это былъ собственный домъ Александра Семеныча Шишкова. Мы въехали подъ него въ ворота и поднялись во второй этажъ, по темной, узкой и нечистой лѣстницѣ. Не спрашивая о хозяйнѣ, К—въ ввелъ меня изъ прихожей въ столовую и остановился у дверей кабинета, поглядѣть въ замочную скважину и сказать: «дядя тутъ; не пишетъ, а что-то читаетъ: вѣрно ждетъ насъ». Онъ хотѣлъ отворить дверь, но я удержалъ его, чтобъ перевести духъ. Сердце билось у меня, какъ голубь въ клеткѣ и дыханіе стѣснялось. Черезъ минуту мы вошли. Кабинетъ былъ маленькой, голубой, съ двумя окошками въ переулкѣ; между ними помѣщался большой письменный столъ, загроможденный книгами и бумагами; на оконкахъ стояли банки съ сухимъ кіевскимъ вареньемъ и конфетами, а на столѣ—большая стеклянная банка, почти наполненная до верху восковыми шарами и шариками (*). Вокругъ на горкахъ и на полу лежало много

(*) Шишковъ имѣлъ привычку, занимаясь чтеніемъ и размышленіемъ, скатывать восковые шарики, обирая и обципывая воскъ со свѣчей. Онъ очень любилъ разныя лакомства, особенно плоды и ягоды.

книгъ и тетрадей. Все было въ пыли и *безпорядкѣ*, какъ называютъ и теперь *порядокъ* въ кабинетъ ученаго, серьёзно занятаго дѣломъ, человека.

Александръ Семеновъ былъ въ шелковомъ полосатомъ шлафрокѣ съ поясомъ, съ голой шеей и грудью; на ногахъ у него были кожаные, истасканные чинги (спальные сапоги); онъ имѣлъ средній ростъ, сухощавое сложеніе, волосы свѣдые съ желтиной; лице у него было поразительно блѣдно; темнокаріе, небольшіе глаза, очень живые, пронизательные, воспаляющіеся мгновенно, выглядывали изъ-подъ нависшихъ бровей; общее выраженіе фizioноміи казалось сухо, холодно и серьёзно, когда не было одушевлено улыбкой,—самой пріятной и добродушной. Онъ невдругъ увидѣлъ насъ, но увидѣвъ, положилъ книгу, всталъ и сказалъ мнѣ: «Я радъ, что вы встрѣтились и подружился съ К—мъ. Вы оба русскіе люди, будете вмѣстѣ служить и ходить ко мнѣ, я стану толковать съ вами и что-нибудь читать, и хорошее и худое; худаго больше, но есть и хорошее. Вотъ я сейчасъ читалъ поэму «Петръ Великій»; ее все журналы будутъ брать, я напередъ знаю; а въ ней есть такія красоты, какихъ не много у Державина, да и у Ломоносова». Онъ сѣлъ на свои кресла передъ столомъ, и мы сѣли безъ приглашенія на ближайшіе стулья. Онъ взялъ книгу и принялся читать съ самаго начала, съ посвященія, въ которомъ особенно нравились ему стихи:

Изъ чащи лавровой, цвѣтущей при Полтавѣ,
Гордящейся Петромъ, восходить къ небесамъ
Безсмертный памятникъ его безсмертной славы.
Кто чтитъ достоинства, достопочтенъ и самъ.

Чтеніе его было тихо, однообразно, но естественно, произношеніе чисто и явственно, но въ тоже время съ

какимъ-то стариковскимъ бормотаньемъ и процеживаньемъ словъ сквозь зубы; онъ читалъ съ большимъ одушевлениемъ и небольшими жестами правой рукой. Сначала мнѣ не понравилось чтеніе; но скоро я прислушался, привыкъ къ его недостаткамъ или особенностямъ, и оно такъ увлекло меня внутренней силою и теплотою, что князь Шихматовъ показался мнѣ великимъ поэтомъ, а Шинковъ такимъ чтецомъ, при которомъ мнѣ не должно и читать. Читая, Шинковъ не рѣдко останавливался и восклицалъ: «Какое великолѣвіе! Какая красота! Какое знаніе языка славянскаго, то-есть, русскаго! Вотъ что значитъ, когда стихотворецъ начитался книгъ Священнаго Писанія! А между тѣмъ при слѣдующихъ стихахъ» продолжалъ онъ:

«Не сломать въѣкъ, ни стихин
«Ни ковы всехъ наземныхъ бѣдъ.»

«сейчасъ остановятся и скажутъ: что это за *наземныя бѣды*? Ужъ не навозныя ли? Подумаютъ, что это слово выдуманно Шихматовымъ; неправда, оно точно въ этомъ смыслѣ употреблено въ Священномъ Писаніи. Ну что можетъ быть лучше этихъ выраженій:

Не терпѣть сердце нѣмоты;
Приди, витѣйство простоты,
И смѣлость мнѣ вдохни, природа!

или напримѣръ:

Какъ зимній дымъ бѣлятъ мракъ,
И утро съ розовымъ лицомъ,
Гоня зловидные призраки,
Блестя златомъ, багрянцемъ,
Дыша живительной прохладою,
Бѣлѣтъ и горы и поля.
Сребромъ усыпана земля
Всеобщейю полнитса отрадой;
Насталъ пріятный первый шумъ,
Преторглась цѣль пошлага плѣна,
И путникъ, преклошвъ колѣна,

Вперилъ къ востоку взоръ и *учь*. —
 Се солнце, искра славы Бога,
 Изъ безднй исходить, какъ женихъ
 Младый отъ брачнаго чертога.

Это все красоты первоклассныя, или заимствованныя изъ книгъ Священнаго Писанія, или составленныя по ихъ духу. Да покажите мнѣ, много ли такихъ красотъ найдется у нашихъ знаменитыхъ писателей. А вотъ попадется слово, котораго значеніе не поймутъ, въ стихѣ:

Богатствъ дражайшіе дары.

и станутъ смѣяться: *дражайшій даръ*, какъ уморительно смѣшно! а ничего смѣшнаго нѣтъ. Дражайшій, значить драгоценнѣйшій, это превосходная степень, а потому стихъ:

Богатствъ дражайшіе дары

значить дары, которые драгоценнѣе богатствъ. Напередъ знаю, что наши безграмотные журналисты подымутъ насмѣхъ слѣдующіе превосходные стихи, красоты выраженія которыхъ весь почерпнуты изъ Священнаго Писанія:

Течеть исполнь красы и мира

н.ш:

Такъ зависть, поучась въ крамолю

н.ш:

И къ смерти прилагаютъ смерть

н.ш:

Отъ скалъ сложенныя громады

Пожалуй иной литераторъ подумаетъ, что *отъ* поставлено ошибкой вмѣсто *изъ*. Или

Трясется онъ отъ основаній.

н.ш:

Пасутся сочностью травъ.

и неисчетное множество тому подобныхъ превосходныхъ, выражений. И не мудрено: они не смыслятъ корня русскаго языка, то-есть, славянскаго. Далѣе:

Утѣха взору и гортани
Висятъ червленныя плоды.

Какъ хороши эти два стиха! Это прелесть, а пожалуй, не поймутъ слово *и червленныя* и подумаютъ, что это *червиные*. Шихматовъ говорить, что весенніе вѣтерки:

На воздухъ разсыпаютъ сладость,
Окравъ душистые шипки.

и это превосходно, но большая часть читателей не поймутъ словъ: *окравъ* и *шипки*, а между тѣмъ, какое живописное изображеніе, что вѣтерки, пролетая по цветамъ, похищаютъ, окрадываютъ ихъ душистые, распускающіеся шипки, то-есть, цветочныя распускольки, и такимъ образомъ наполняютъ сладостнымъ благовоиємъ воздухъ.— Ну, послушайте, какое великолѣпное описаніе кораблестроенія:

Туда, по волю человека,
Корипсты съвера сыны,
Надменны долготою вѣка,
Стеклись съ кремнистой вышны,
И тамъ искусствомъ искривленны,
Да съ бурями воюютъ вновь...

Последній стихъ такъ многозначителенъ, что я не знаю ему равнаго. Я также ничего не знаю лучше, во всѣхъ мнѣ известныхъ литературахъ, слѣдующаго описанія спуска корабля:

При звукахъ радостныхъ, громовыхъ,
На брань отъ пристани слыша,
Вступаетъ въ царство волнъ суровыхъ;
Дубъ—тело, вѣтръ—его душа,
Хребетъ его—въ утробѣ бездны,
Высоки щоглы—въ небесахъ,

Летить на легких парусахъ,
 Отвергнувъ весла бесполезны;
 Какъ жилы напрягаетъ снасть,
 Вмѣщаетъ силу съ быстротою,
 И гордь своею красотою,
 Надъ моремъ воспріемлетъ власть.

Тутъ есть такіе три стиха (4, 5 и 6), которымъ должны позавидовать и древніе и новыя стихотворцы (*).

Чтеніе въ такомъ родѣ, замѣчанія и разсужденія Шишкова продолжались часа два. К—въ и я слушали и молчали, изъясняя только по временамъ наше полное согласіе съ мнѣніями и выводами хозяина, хотя нѣкоторыя похвалы и казались намъ преувеличенными. Вдругъ дверь въ кабинетъ изъ столовой нѣсколько отворилась, и рѣзкій женскій голосъ сказалъ: «Александръ Семенычъ! Тебѣ давно пора въ Адмиралтейство! Тебя тамъ сегодня ждутъ. Ты обѣщалъ быть въ двѣнадцать часовъ, а теперь половина втораго». — «Сейчасъ, сейчасъ!» отвѣчалъ онъ просительнымъ тономъ, вотъ только прочту нѣсколько куплетовъ.» — Тотъ же женскій голосъ тономъ неумолимой гувернантки, возразилъ: «этому чтенію и конца не будетъ. Ѳедоръ! подавай одѣваться Александру Семенычу»... И Ѳедоръ вошелъ съ платьемъ. Шишковъ дочиталъ только куплетъ, положилъ книгу и сказалъ: «Вы у насъ обѣда-

(*) Шишковъ читалъ многимъ поэму Шихматова, переплетенную съ бѣлыми листами, писанными множествомъ его собственноручныхъ отметокъ, замѣчаній и объясненій. Онъ наблюдалъ такой порядокъ: сначала прочитывалъ цѣлый куплетъ, а потомъ возвращался къ замѣченному слову или выраженію. Я, познакомившись короче, списалъ себѣ въ особый экземпляръ все замѣчанія Шишкова; но потерялъ его и теперь пишу на память. Я могъ бы припомнить гораздо больше, но считаю достаточнымъ этого образчика. Но совѣсти долженъ я сказать, что Александръ Семенычъ употреблялъ хитрость, читая Шихматова: онъ выбиралъ или лучшія мѣста или такія выраженія, которыя, будучи имъ объяснены, представляли, какъ онъ думалъ, казаться читателю страшными.

ете. Я скоро ворочусь; мнѣ хочется показать вамъ въ этой поэмѣ одно славное мѣсто и объяснить откуда Шихматовъ заимствовалъ его красоты. Ступайте теперь къ женѣ. Мы выйдим. Я былъ озадаченъ. Хотя я увлекался чтеніемъ и горячими чувствами Шишкова, хотя многіе стихи, на которыхъ онъ останавливался, точно были хороши, и я восхищался ими, но не весь объясненія красота «Петра Великаго» показалась мнѣ удовлетворительными; притомъ мнѣ было какъ-то больно, что онъ не обратилъ собственно на меня ни малѣйшаго вниманія: я забывалъ, что наканунѣ признавалъ себя совершенно его недостойнымъ. Странно мнѣ показалось и то, что К—въ, говорившій о дядѣ заочно съ благоговѣніемъ, обращался съ его личностью какъ-то слишкомъ запросто; голосъ же жены Шишкова (какъ я догадался), въ которомъ не было замѣтно никакого уваженія, а напротивъ слышалась привычка повелевать, — посеялъ во мнѣ сильное предубѣжденіе противъ этой женщины, не смотря на то, что К—въ уже успѣлъ сказать мнѣ, что она добрейшее существо въ мірѣ. Подъ такимъ впечатленіемъ вошелъ я въ гостиную, гдѣ Дарья Алексѣвна (такъ звали жену Шишкова) (*) сидѣла за рабочимъ столикомъ у окошка; она приняла меня очень просто и ласково, хотя вообще обращеніе ея было сухо; попросила сѣсть возлѣ себя и, не переставая усердно что-то шить, разспросила обо всемъ до меня и моего семейства касающемся, со всеми мельчайшими подробностями. Узнавъ, что со мною живетъ братъ, двѣнадцатилѣтній мальчикъ, она настоятельно потребовала, чтобъ я на дру-

(*) Урожденная Шельтингъ. Она была Голландка и Лютеранка. Дѣлъ ея былъ приглашенъ изъ Голландіи въ русскую службу и дослужился до адмиральскаго чина. По-французски она говорила очень плохо, за что и страдала впоследствии въ большомъ свѣтѣ, куда судьба неожиданно ее затащила. Она вышла за Шишкова вдовою; но я забывалъ фамилію перваго ея мужа.

гой же день привезъ его къ ней, прибавя: «взъ вашихъ словъ я вижу, что вы хорошиі братъ и не охотно оставляете его одного дома, а потому всегда привозите его къ намъ, съ собой; у насъ воспитываются двое родныхъ племянниковъ Александра Семеньча, а потому вашему брату будетъ не скучно. Я сама занимаюсь воспитаніемъ племянниковъ и строго смотрю за ихъ нравственностью. Я увѣрена, что вашъ братъ мальчикъ неспорченный. Мы обѣдаемъ въ половинѣ четвертаго. Милости прошу обѣдать хоть всякой день, или хоть вмѣстѣ съ К—мъ, который съ двумя своими родственниками (*), обѣдаетъ у насъ три раза въ недѣлю. Сегодня же непременно прошу обѣдать съ нами. И такъ прощайте покуда».

Мы вышли. Уже былъ третій часъ. Мы предполагали часу въ первомъ ухать отъ Шишкова и отправиться въ «Коммиссію составленія законовъ»; но теперь было уже поздно и мы рѣшились совсемъ не явиться туда, а пошли гулять по Литейной, въ ожиданіи времени обѣда. Тутъ К—въ многое объяснилъ мнѣ и много разсказалъ такого, что мнѣ нужно было знать предварительно. Между прочимъ онъ поздравилъ меня съ тѣмъ, что я поправился его дядѣ и теткѣ (въ послѣдствіи мы всегда ихъ такъ звали). Я захохоталъ: «да помилуй, возразилъ я; онъ не сказалъ со мною ни одного слова.»—Но К—въ увѣрялъ, что это ничего не значитъ; что онъ хорошо знаетъ своего дядю; что еслибъ я ему не понравился, то онъ не продержалъ бы насъ слишкомъ два часа; что говоря и читая, онъ все относился ко мнѣ и смотрѣлъ на меня, и что онъ изъ выраженія глазъ его замѣтилъ, что я пришелъ ему по сердцу. «Что же касается до тетки, прибавилъ онъ, то я

(*) Они вовсе не были родня К—ву, но онъ назвалъ ихъ родственниками, чтобы имѣть болѣе права познакомить ихъ съ домою дяди.

не видывать, чтобы она къ кому-нибудь была такъ съ перваго разу благосклонна, какъ къ тебѣ». Хотя по моему, очевидность тому противорѣчила, но я не могъ не повѣрить К—ву, въ искренности котораго не возможно было сомнѣваться. Тутъ узналъ я, что дядя его, этотъ разумный и многоученый мужъ, ревнитель цѣлости языка и русской самобытности, твердый и смѣлый обличитель торжествующей новизны и почитатель благочестивой старины, этотъ открытый врагъ слѣпago подражанья иностранному—былъ совершенное дитя въ житейскомъ быту; жилъ самымъ не взыскательнымъ гостемъ въ собственномъ домѣ, предоставляя все управленію жены и не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что вокругъ него происходило; что онъ зналъ только ученый советъ въ адмиралтействѣ, да свой кабинетъ, въ которомъ коптѣлъ надъ словарями разныхъ славянскихъ нарѣчій, надъ старинными рукописями и церковными книгами, занимаясь корнесловіемъ и сравнительнымъ словопроизводствомъ; что, не имѣя дѣтей и взявъ на воспитаніе двухъ родныхъ племянниковъ, отдать ихъ въ полное распоряженіе Дарьи Алексѣвны, которая, считая всѣ убѣжденія супруга патристическими бреднями, наняла къ мальчикамъ Француза-гувернера (*) и помѣстила его возлѣ самага кабинета своего мужа; что родные его жены (Хвостовы), часто у ней гостившіе, сама Дарья Алексѣвна и племянники, говорили при дядѣ всегда по-французски... И разинулъ ротъ отъ удивленія! Такое несходство слова съ дѣломъ казалось мнѣ непостижимо. Что долженъ былъ я подумать о Шишковѣ? Въ истинности его убѣжденій сомнѣваться было невозможно: и такъ, это жалкая слабость характера?... но мнѣ не хотѣлось до-

(*) Этотъ Французъ умѣлъ поддѣлаться въ послѣдствіи къ Шишкову похвалами Россіи и русскому языку.

пустить такой мысли—и крепко смутилась моя молодая голова! Признаюсь, смущало меня и то, что у православнаго Шникова—жена лютеранка!.. Въ половинѣ четвертаго мы были въ гостиной, гдѣ пашли тетку, двухъ ея племянницъ, двоицъ Хвостовыхъ, и двухъ молодыхъ людей, друзей К—ва, Хвощинскаго и Татаршова, съ которыми я уже познакомился поутру, потому что они жили на одной квартирѣ съ К—мъ. Племянники Александра Семёныча, также гулявшіе передъ обѣдомъ съ гувернеромъ, воротились въ одно время съ нами; черезъ нѣсколько минутъ прѣхалъ дядя. Не дожидаясь пока онъ переодеется, хозяйка велѣла подавать кушанье и повела гостей за столъ. Возлѣ мѣста, на которомъ обыкновенно садился Шниковъ, она пригласила съѣсть меня. К— въ сѣсть по другую его сторону. Дядя, перемѣнивъ только мундиръ на халатъ и сапоги на пинги, шаркая ногами по полу, или какъ-то таская ихъ по-стариковски, торопливо вышелъ изъ кабинета, сѣсть между мною и К—мъ, и молча занялся сначала своей стыннувшей тарелкой супа. Потомъ обратился ко мнѣ и принялся разсказывать свой споръ въ адмиралтейскомъ совѣтѣ за какого-то русскаго морскаго офицера, которому, совершенно несправедливо, предпочли ивнца. Дядя, безъ всякой впрочемъ ласковости, говорилъ со мною такъ просто, такъ по домашнему, какъ будто я вѣкъ былъ его семьяниномъ, и скоро мнѣ самому показалось, что я давно и коротко знакомъ съ хозяиномъ и со всеми его интересами. Я замѣтилъ, что Дарья Алексѣевна улыбалась, смотря на насъ, и говорила что-то съ другими. Въ продолженіе всего обѣда, чрезвычайнаго умереннаго, дядя ни съ кѣмъ, кромѣ меня, не сказалъ ни одного слова. Вставъ изъ-за стола, онъ сейчасъ увелъ насъ съ К—мъ въ кабинетъ и около часа читалъ поэму Шихматова и объяснялъ то мѣсто, которое хотѣлъ

указать намъ. Наконецъ сказалъ: «ну, Богъ съ вами. Ступайте къ молодежи». Въ гостиной тетка и другіе встретили меня улыбками и поздравленіями, что я буду любимцемъ Александра Семеныча, чему, впрочемъ, никто не завидовалъ; ибо всемъ казались бесѣды съ нимъ наединѣ и безконечныя толкованія о славянскихъ корняхъ— смертельною скукою. Я, полагаясь болѣе на слова другихъ, чѣмъ на свое впечатлѣніе, радовался отъ всего сердца такому неожиданныму и скорому обороту дѣла,—но поспѣшилъ домой: въ первый разъ случилось, что братъ долженъ былъ обѣдать одинъ и даже не зналъ, гдѣ я. Воротясь, я нашелъ его въ безпокойствѣ обо мнѣ; онъ даже еще не обѣдалъ, а какъ я самъ былъ голоденъ послѣ дѣтнаго нѣмецкаго стола у Шишковыхъ, то и пообедали мы очень плотно своими тремя сытными русскими блюдами. Я разсказалъ брату все малѣйшія подробности новаго знакомства и назначилъ ѣхать послѣ завтра вмѣстѣ съ нимъ къ Шишкову. Первое мое съ нимъ свиданіе такъ врѣзалось въ моей памяти, что я могъ разсказать его съ изумительною (для меня самого) точностью: дальнѣйшіе мои разсказы не могутъ быть такъ подробны.

Брата моего приняла тетка очень ласково и радушно; дядя по своему обыкновенію не обратилъ на него ни малѣйшаго вниманія. Съ молодыми племянниками Шишкова, или лучше сказать, со старшимъ, съ Сашей (иначе называть его не позволяли), братъ мой скоро подружился; меньшей же, Митя, былъ слиткомъ молодъ, да и какъ-то страненъ. Саша, извѣстный впоследствии въ русской литературѣ подъ именемъ «Шишкова 2-го», былъ тогда блистательнымъ и очаровательнымъ мальчикомъ. Много возбуждалъ онъ великихъ надеждъ своимъ рановременнымъ умомъ и яркими признаками литературнаго таланта. Тетка обожала его, какъ говорится, и не смотря на своего

практическую разсудительность, совершенно испортила своего любимца. Исключительно женское воспитаніе рѣдко удается. Черезъ нѣсколько лѣтъ не могла она сладить съ Сашей, и онъ попустилъ въ военную службу, прямо въ офицеры молодой гвардіи и прямо въ адъютанты, кажется, къ генералу Каблукову (*). Саша немедленно сдѣлался отчаяннымъ повѣсой, былъ сосланъ на Кавказъ, ушелъ изъ-подъ караула и, будучи арестантомъ, увезъ молодую дѣвушку и женился на ней, жилъ въ крайней бѣдности, погубилъ свой замѣчательный талантъ, работая для денегъ, и наконецъ погнѣбъ трагическою, вѣсьмъ извѣстною смертыю.

Наши посѣщенія дома Шишковыхъ устроились правильнымъ образомъ: три раза въ недѣлю мы съ братомъ у нихъ обѣдали и проводили иногда вечера, вмѣстѣ съ К—мъ и его родственниками и не рѣдко съ семействомъ Хвостовыхъ. По вечерамъ дядя уѣзжалъ въ гости или въ клубъ, гдѣ онъ велъ крупную игру. Онъ былъ отличный мастеръ играть во всѣ коммерческія игры и особенно въ *Рокомболъ*, и всегда много выигрывалъ. Я послѣ узналъ, что онъ въ молодости былъ сильный банковый игрокъ. Хотя я прѣзжалъ или приходилъ изъ «Коммисію составленія законовъ» довольно поздно, иногда передъ самымъ обѣдомъ, но всегда проходилъ прямо въ кабинетъ дяди и, вмѣстѣ уже съ нимъ, садился за-столъ, постоянно подлѣ него. Послѣ обѣда, почти всегда онъ приглашалъ меня въ кабинетъ, иногда безъ К—ва, и толковалъ со мною о любимыхъ своихъ предметахъ: о тождествѣ языка русскаго и славянскаго, о красотахъ Священнаго Писанія, о русскіихъ народныхъ пѣсняхъ, о порчѣ языка по

(*) Все это нигуда не годилось. Дядя имѣлъ слабость и неосторожность выпросить у Государя такую вредную для юности и оскорбительную для другихъ, милость.

милости Карамзинской школы, и проч., и проч. Я постепенно перешелъ изъ безмолвнаго слушателя въ собесѣдника. Иногда я возражалъ Александру Семенову, и онъ, оппортивая меня, признавалъ нередко хотя одностороннюю, правду и значительность возраженія; въ такомъ случаѣ онъ обыкновенно отмѣчалъ въ тетради: «такое-то возраженіе нужно хорошенько объяснить и опровергнуть». Въ наши разговоры вошли въ составъ «Разговоровъ о словесности» между двумя лицами: Азъ и Буки, напечатанныхъ года черезъ два. Я не могъ не смѣяться, читая ихъ, потому что не рѣдко узнавалъ себя подъ буквою Азъ, и весьма часто съ невыгодной стороны.

Между тѣмъ время шло. Я привязался всею душею къ Шишкову и, хотя никогда не слыхивалъ отъ него ласковаго слова, но видѣлъ изъ выраженія его глазъ, слышалъ по голосу, какъ онъ былъ доволенъ, когда я входилъ къ нему въ кабинетъ. Нечего и говорить, что съ первой минуты нашего знакомства, я сталъ искать благоклонности старика съ такимъ жаромъ и напряженнымъ вниманіемъ, съ какимъ не искалъ во всю мою жизнь ни въ одной женщинѣ. Это дѣлалась безсознательно съ моей стороны, но все окружающіе замѣчали мои поступки и не рѣдко смѣялись мной въ глаза; сама тетка говаривала, что я влюбленъ въ ея мужа и волочусь за нимъ изо всѣхъ силъ. Я конфузился, но продолжалъ держать себя по прежнему. — Сначала не рѣдко случалось, что отворишь дверь въ кабинетъ Шишкова, и онъ, если занять серьезно, то кивнетъ головою и скажетъ: «А, здравствуй», но не отдвинетъ книги или тетради и не прибавитъ: «пу, садись, потолкуемъ». (Я забылъ сказать, что черезъ недѣлю послѣ перваго свиданія или лучше сказать, при первомъ употребленіи втораго лица, дядя началъ говорить мной: *ты*). — Въ настоящее же время, тетрадь или книга, уже посто-

янно отодвигалась при моемъ появленіи, такъ что я самъ, зная, чѣмъ хозяйнѣ занять, не входилъ иногда къ нему въ кабинетъ, или, поздоровавшись, сейчасъ уходилъ подь какимъ-нибудь предлогомъ.

Наконецъ вышло изъ-подъ суда мое умѣнье читать или декламировать. К—въ съ родственниками, Хвоцинскимъ и Татариновымъ, которые такъ и остались навсегда его родней, поговорили о моемъ чтеніи теткѣ и Хвостовымъ, и меня стали просить *прочитать что-нибудь*. Я сталъ читать: чтеніе всѣмъ понравилось, и тетка одинъ разъ за обѣдомъ вдругъ обратилась къ мужу и сказала: «А ты, Александръ Семенычъ, и не знаешь, что Сергій Тимоенчъ большой мастеръ читать?» Шнишковъ конечно не зналъ, то-есть, слышалъ, да забылъ, какъ меня зовуть, и я примѣтилъ, что онъ старался вспомнить: кто это такой Сергій Тимоенчъ? Я успѣшилъ вывести его изъ недоумѣнія и сказать, что очень желаю прочесть ему что-нибудь, и, обратясь къ Дарью Алексѣевичу, прибавилъ, что Александръ Семенычъ самъ превосходно читаетъ, и что я боюсь его суда. Дядя промолчалъ; но послѣ обѣда, не уходя изъ гостиной, онъ сказалъ: «Ну прочти же что-нибудь». Я сейчасъ сбѣгалъ въ его кабинетъ, принесъ Ломоносова и прочелъ «Размышленіе о Божіемъ величій.» Дядя былъ такъ доволенъ, что заставилъ меня прочесть другую пьесу, потомъ третью, четвертую и наконецъ, примѣтя или подумавъ, что для другихъ это скучно, увелъ меня въ кабинетъ, гдѣ я читалъ ему на просторъ изъ Державина, Кашиста и даже изъ князя Шихматова, по крайней мѣрѣ часа полтора. Я долженъ признаться, что чтеніе изъ Шихматова было съ моей стороны волокитство! Дядя очевидно былъ очень доволенъ чтеніемъ, иначе онъ не заставилъ бы меня читать такъ долго; но не похвалилъ ни однимъ словомъ и потомъ уже иногда не упоминалъ объ этомъ.

чѣмъ я не мало огорчался. Но за то чтеніе въ гостинной продолжалось съ возрастающимъ успѣхомъ. Кроме всегдашняго мужскаго общества, слушательницами были: Катерина Алексѣевна Хвостова, родная сестра хозяйки (женщина замѣчательная по уму и прекраснымъ качествамъ), двѣ ея незамужнія дочери, дѣвица Турсукова, сочинительница Анна Петровна Бунина и другія. Я перешелъ къ чтенію драматическихъ піесъ; между прочимъ, я прочелъ Озерова: «Эдипа», «Фингала» и наконецъ что-то комедію. Чтеніе послѣдней родило мысль, что какъ было бы хорошо устроить домашній спектакль. Надобно сказать, что тетку всѣ считали очень скупою; но въ самомъ дѣлѣ она была только расчетлива, да и поступать иначе не могла: ибо доходы Шинкова, довольно ограниченныя, состояли въ одномъ жалованьи. Мысль о театрѣ понравилась Дарью Алексѣевнѣ по многимъ отношеніямъ, но расходы ужаснули, и сначала эта мысль была совершенно отвергнута ею, какъ невозможная въ исполненіи. Конечно я болѣе всѣхъ желалъ, чтобы у Шинковыхъ устроились благородные спектакли. Самолюбіе мое было очень уже обольщено и даже избаловано, еще въ К—и, гдѣ на университетскомъ театрѣ, посѣщаемомъ лучшею публикой, я игралъ очень много, всегда съ блистательнымъ успѣхомъ. Громъ рукоплесканій сладокъ и дымъ похвалъ упоителенъ: я отведалъ этой сладости и дыма — и чады не выходили изъ моей головы. Кроме причинъ, мною высказанныхъ, у меня была своя, особенная, секретная причина: я съ пріѣзда моего въ Петербургъ, всякой свободный вечеръ проводилъ у Шушерина, съ которымъ мы постоянно занимались сценическимъ искусствомъ, то-есть, читали, разыгрывали піесы и разсуждали объ ихъ исполненіи. Мои понятія расширились, уяснились; я узналъ много новаго, сдѣлалъ, какъ умѣлъ, подъ руководствомъ Шушерина,

много перемены въ своей игрѣ на театрѣ — и мнѣ очень хотѣлось посмотреть самому на себя, сравнить свою настоящую игру съ прежнею. Впрочемъ, надо сказать правду, что и кромѣ удовлетворенія собственнаго самолюбія, я имѣлъ настоящее призваніе и любовь къ театру. Это доказывалось тѣмъ, что я съ равнымъ жаромъ занимался успѣхомъ тѣхъ пьесъ, въ которыхъ самъ не игралъ. Рѣшительный отказъ тетки былъ для меня очень тяжелъ. Но скоро новый опытъ моего дарованія, при чтеніи какой-то слезной драмы Коцебу, вновь увлекъ наше общество, и всѣ рѣшились вновь атаковать Дарью Алексѣевну. Для вѣрнѣйшаго успѣха пригласили на чтеніе Петра Андреевича К—на (*), котораго хозяева очень любили и уважали: онъ остался весьма доволенъ и принялъ живое участіе въ нашемъ предпріятіи. Напали на самую слабую сторону тетки: представили, какъ полезна будетъ игра на сценѣ для образованія паружности ея племянниковъ, то-есть, старшаго, обожаемаго Сани, который прекрасно читалъ и грезилъ день и ночь желаніемъ играть на театрѣ. Безъ сомнѣнія

(*) Петръ Андреевичъ К—нъ былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ и рѣзкихъ тогдашнихъ славянофиловъ; онъ сдѣлался такимъ вдругъ, по выходѣ книги Шишкова: «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ». До того времени онъ считался блестящимъ острякомъ, французолубцемъ и свѣтскимъ моднымъ человекомъ, какъ онъ самъ рассказывалъ мнѣ и К—ву. Книга Шишкова образумила и обратила его, и онъ написалъ на ней: «Mon Evangile». Я видѣлъ самъ эту надпись и, хотя былъ очень молодъ, по мнѣ показалось это смѣшно. Въ свѣтъ называли К—на повообращеннымъ, новокрещеннымъ, ренегатомъ и точно, какъ человекъ перешедшій быстро отъ одного убѣжденія къ другому, онъ слишкомъ горячился и впадалъ въ крайности, которыя никогда не ведутъ къ убѣжденію другихъ. Онъ безпощадно и грубо, прямо въ глаза, казнилъ своихъ прежнихъ знакомыхъ мужчинъ, дамъ и дѣвицъ, недавно знавшихъ его совсемъ другимъ человекомъ. Онъ продолжалъ считаться острякомъ, и языкъ его называли бритвой. Съ глубокимъ уваженіемъ предался онъ Шишкову, который самъ очень его любилъ и уважалъ.

онъ былъ свѣдѣннѣйшимъ нашимъ орудіемъ. Главное затрудненіе — расходы, устранились отчасти тѣмъ, что мы вызвались сами написать заставку и декорации, наклеить ихъ на рамы и, безъ всякаго машиниста, съ однимъ простымъ плотникомъ, взяли устроить сцену, къ чему Хвощинскій, необыкновенный мастеръ на все ремесла и даже женскія рукодѣлья, оказался вполне способнымъ. Наконецъ обольстили тетку: она согласилась, и уже горячо взялась за дѣло. Для начала выбрали двѣ дѣтскія пѣски изъ театра для дѣтей М. Пеззорова; одна называлась «Старорусинъ» или «Семейство Старорусинныхъ»: не ручаюсь за точность названія, но я самъ игралъ отца семейства, отставнаго служака, господина Старорусина, котораго слова были отраженіемъ русскаго направленія Александра Семеныча Шишкова. Какъ называлась другая пѣска — рѣшительно не помню. Племянники Шишкова и мой братъ играли женскія лица. Положено было сдѣлать сюрпризъ дядѣ нашимъ спектаклемъ; ему сказали, что въ залѣ надобно произести передѣлки, затворили ее и заперли двери; обѣдъ перенесли въ маленькую столовую, что и прежде случалось, когда не было никого постороннихъ. Впрочемъ, для дяди не нужны были такія предосторожности: разъ какъ-то печально, онъ заглянулъ въ залу прямо изъ лакейской, увидѣлъ насъ безъ фраковъ, въ фартукахъ, запачканныхъ красками и — даже не спросилъ, что это значитъ. Денегъ у тетки на устройство театра взяли только сто рублей ассигнаціями, приложили столько же своихъ и обманули ее, стави въ расходъ все цѣны вдвое меньше. Короткіе знакомые Шишкова, какъ-то: Бакунины, Мордвиновы, Кутузовы, Турецковы и другіе, скоро узнали секретъ; но дяди не зналъ ничего. Костюмы собрали кое-какъ безъ всякихъ расходовъ. Я помню, что игралъ Старорусина, отставленнаго съ Екатерининскимъ мундиромъ, — въ

военномъ сюртукъ К—на, бывшаго тогда флигель-адъютантомъ, и что я въ первый разъ, и безъ всякой надобности, явился на сцену въ шпорахъ. Какъ бы то ни было, рѣшительный вечеръ наступилъ (кажется въ что-то именины); приглашенные гости, все коротко знакомые хозяевамъ, съѣхались. Отперли, растворили двери въ освѣщенную залу, и Шинковъ, ничего не подозревая, думая, что все идутъ смотреть обыкновенные дѣтскіе танцы, велъ под руку жену Кутузова. Дядя не вдругъ увидѣлъ завѣсъ: онъ былъ не верхоглядъ и всегда смотрѣлъ себѣ под ноги, потому что былъ ими слабъ; но зала, тѣсно заставленная стульями, его поразила. «Что это», сказалъ онъ, остановясь и оглядываясь. «скажите пожалуйста, театр! вѣдь я ничего не зналъ!» Общій веселый смѣхъ и рукоплесканія раздались между гостями... Я не помнилъ себя отъ радости и дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, смотря на публику въ отверстіе, прорѣзанное на завѣсѣ. Спектакль прошелъ благополучно, осыпавшій рукоплесканіями зрителей и зрительницъ, разумеется, изъ одного желанія сдѣлать удовольствіе хозяевамъ. Надо признаться въ непростительной и пельной дерзости, на которую подбили меня совѣты другихъ и на которую рѣшился я чуть ли не съ согласія Дарьи Алексѣвны: играя свою роль, я подражалъ нѣсколько выговору, походкѣ и вообще манерамъ Александра Семеныча—однимъ словомъ, я передразнивалъ его. Это было замѣчено многими гостями и заставило ихъ смѣяться; но разумеется дядя ничего не замѣтилъ. Тетка сказала однако послѣ спектакля, въ услышаніе вѣсьмъ: «Сергѣй Тимоѣичъ такъ любитъ моего мужа, что даже ходилъ на него въ роли Старорусина».—Безъ всякаго самолюбія я скажу, что моя игра на театрѣ слишкомъ рѣзко отличалась отъ игры другихъ. Не смотря на молодость, я уже былъ опытный актеръ: я съ пятнад-

цати дѣтъ постоянно изучалъ и разыгрывалъ разные роли, если не на сценѣ, не передъ зрителями, то у себя въ комнатѣ, передъ самимъ собою; въ настоящее же время, въ этомъ, страстно любимомъ занятіи руководствовалъ мною, какъ я уже сказалъ, знаменитый тогда актеръ Яковъ Емельянычъ Шушеринъ. Я имѣлъ рѣзительный сценическій талантъ, и теперь даже думаю, что театръ былъ моимъ настоящимъ призваніемъ. Старики-посѣтители, почетные гости Шишковыхъ, замѣтили меня, и Н. С. Мордвиновъ (будущій графъ), М. П. Кутузовъ (будущій свѣтлѣйшій князь Смоленскій), М. М. Бакунинъ; а болѣе всѣхъ жена Кутузова, знаменитая своей особенной славой, женщина чрезвычайно умная, образованная и страстная любительница театра (извѣстный другъ актрисы Жоржъ), привѣтствовали меня уже не казенными похвалами, которыми обыкновенно осыпаютъ съ ногъ до головы всѣхъ безъ исключенія благородныхъ артистовъ. Кутузова изъявила мнѣ искреннее сожалѣніе, что я дворянинъ, что такой талантъ, уже много обработанный, не получитъ дальнѣйшаго развитія на сценѣ публичной, — и самолюбіе мое было утѣшено. Дядя былъ совершенно доволенъ; Дарья Алексѣвна увѣряла меня, что никогда не видала его такимъ свѣтлымъ и веселымъ. Никому изъ насъ отдѣльно онъ не сказалъ благодарнаго или ласковаго слова; бормоталъ только какъ будто про себя: «хорошо, очень хорошо, какъ будто цѣлый вѣкъ были актерами». На другой же день родилась у него мысль составить еще спектакль и устроить въ немъ сюрпризъ для всѣхъ, особенно для его друга, Н. С. Мордвинова; сюрпризъ состоялъ въ томъ, чтобы разыграть на итальянскомъ языкѣ двѣ сцены изъ трагедіи Метастазія (кажется изъ Александра Македонскаго), состоящая изъ двухъ лицъ: Александра Македонскаго и пастуха. Жена Морд-

виноза была Англичанка (*), воспитанная въ Италии и не знала по-русски; самъ Мордвиновъ и все его семейство долго жили въ Италии и говорили по итальянски, какъ на своемъ языкѣ. Племянникъ Александра Семеныча, Саниа Шниковъ, говорить на этомъ языкѣ также очень хорошо; ему назначили играть главную роль «пастуха», а братъ мой, не знавшій по-итальянски, долженъ былъ играть «Александра»; его роль умѣщалась на четырехъ страничкахъ. Дядя написалъ ее своей рукой, въ двухъ экземплярахъ, французскими и русскими буквами, съ означеніемъ всѣхъ тончайшихъ словоудареній; онъ самъ училъ моего брата произношенію съ удивительнымъ терпѣніемъ и, говоря, довелъ его выговоръ, во всѣхъ пѣвучихъ интонаціяхъ языка, до изумительнаго совершенства. Секретъ былъ сохраненъ строжайшимъ образомъ; репетиціи дѣлались въ кабинетъ у дяди, и никто изъ знакомыхъ не зналъ о приготовляемомъ сюрпризѣ. Чтобъ не затрудниться постановкой новой пьесы, положили повторить «Старорусина». Должно сказать, что дядѣ было очень пріятно слышать свои мысли съ театральныхъ подмостковъ, даже въ своей небольшой залѣ, и мы съ К—мъ, замѣтя это, приготовили сюрпризъ ему самому: мы вставили въ роль Старорусина много славянофильскихъ, задушевныхъ мыслей и убѣжденій Шникова, выбравъ ихъ изъ его печатныхъ и рукописныхъ сочиненій и даже изъ разговоровъ. Черезъ двѣ недѣли дядя повѣхалъ самъ приглашать гостей и пригласилъ столько, что половина ихъ должна была помѣститься въ другой боковой комнатѣ, изъ которой сцены не было видно. Тетка сердилась, ибо кроме тѣсноты, надобно было приготовить ужинъ, не только вдвое больше, но и вчетверо дороже, потому что въ числѣ гостей

(*) Родная сестра бывшаго некогда одесскимъ комендантомъ генераль-маіора Кобле.

находились люди уже не коротко знакомые. Дядя, впрочем, далъ на ужинъ какія-то особенныя свои деньги. Наконецъ спектакль былъ сыгранъ. Первая пьеса шла «Старорусинъ».... Увы, дядя не замѣтилъ вставокъ! Только говорилъ, что: «Аксаковъ играетъ несравненно лучше прежняго».—И такъ нашъ сюрпризъ не удался; но за то сюрпризъ Мордвиновымъ удался вполне: и Николай Семенычъ, и его жена, и дочери были поражены звуками итальянскаго языка. Нѣсколько мгновений не могли опомниться отъ изумленія, а потомъ плакали отъ удовольствія, какъ дѣти. Никогда я не забуду этой минуты, когда по окончаніи сценъ изъ Метастазія, Мордвиновъ подошелъ къ Шишкову. Прекрасное лице этого чуднаго старика сіяло радостью, а глаза блистали благодарностью за нѣжное вниманіе къ его семейству. Молча, но краснорѣчиво, обнялъ онъ своего, на морѣ и на сушѣ испытаннаго друга. Еслибъ не было между гостями лишнихъ бревенъ, какъ говорится, то-есть, лишнихъ людей, то безъ сомнѣнія общее удовольствіе было бы гораздо теплѣе, живѣе и выразилось бы съ бѣльшей искренностью.

Никого такъ не любилъ и не уважалъ Шишковъ, какъ Николая Семеныча Мордвинова. Его справедливыя и очень смѣло высказываемыя мнѣнія, подаваемыя имъ иногда въ Государственномъ Советѣ противъ единогласныхъ рѣшеній всѣхъ членовъ,—въ богатомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ, съ собственноручною надписью Шишкова: «золотые голоса Мордвинова» — постоянно лежали на письменномъ столѣ у дяди въ кабинетѣ. Оба были моряки, и тѣсная дружба соединяла ихъ издавна. Всемъ извѣстно, что Николай Семенычъ Мордвиновъ былъ замѣчательнымъ и достойнымъ уваженія сановникомъ. Нѣкоторые изъ сослуживцевъ его не любили и даже распускали на его

счесть разныя нелѣпыя клеветы; но въ обществѣ, гдѣ онъ былъ необыкновенно любезенъ, его любили и глубоко уважали все. Его старческая красота и благодушная ласковость въ обращеніи имѣли въ себѣ что-то обаятельное. У каждаго, съ кѣмъ говорилъ Мордвиновъ, выражалось на лицѣ удовольствіе. При всякомъ случаѣ, особенно послѣ спектаклей, онъ говорилъ мнѣ нѣсколько любезныхъ словъ, и онъ долго и пріятно отзывались у меня въ сердце. Онъ имѣлъ привилегію цѣловать въ губы знакомыхъ дамъ и дѣвицъ, и я помню, что онъ весьма дорожили его поцѣлуями.

Этотъ спектакль оставилъ надолго пріятное воспоминаніе въ небольшомъ кругѣ добрыхъ знакомыхъ и друзей хозяина; недоброжелатели Шишкова, разумеется, смѣялись надъ всѣмъ. Вообще, Александръ Семенычъ и его добрая, достопочтенная, но не аристократичная супруга, служили предметомъ насмѣшекъ для всѣхъ зубоскаловъ, которые потѣшали публику нелѣпыми о нихъ разсказами. Исключительный образъ мыслей Шишкова, его рѣзкія и грубыя выходки противъ настоящей жизни общества, а главное противъ французскаго направленія—очень не нравились большинству высшей публики, и всякой, кто осмѣивалъ этого старовѣра и славянофила, имѣлъ вѣрный успѣхъ въ модномъ свѣтѣ. Впрочемъ надо признаться, что Шишковъ былъ находка, кладъ для насмѣшниковъ: его крайняя разсыянность, невѣроятная забывчивость и неузнаваніе людей самыхъ короткихъ, не смотря на хорошее зрѣніе, его постоянное устремленіе мысли на любимые свои предметы служили неизсякаемымъ источникомъ для разныхъ анекдотовъ истинныхъ и выдуманныхъ. Разсказывали будто онъ, на серьезный вопросъ одного государственнаго чиновника отвѣчалъ текстомъ изъ Священнаго Писанія и цитатами изъ какой-то старинной рукописи, которая

тогда исключительно его занимала; будто онъ не узнавалъ своей жены и говорилъ съ нею иногда, какъ съ посто­роной женщиной, а чужихъ женъ принималъ за свою Дарью Алексѣевну. Я не считаю, впрочемъ, этого невоз­можнымъ, потому что самъ былъ свидѣтелемъ вотъ ка­кого случая.

Наступилъ день или, лучше сказать, ночь, назначенная для сожженія великолѣпнаго фейерверка, какого давно не видали въ Петербургѣ, а многіе говорили, что никогда такого и не бывало. Его устроили на судахъ, распо­ложенныхъ на якоряхъ вдоль по Невѣ, противъ Зимняго дворца. Шинковъ имѣлъ небольшую, челобчъ на двад­цать, галерею или балкоиъ въ Адмиралтействѣ, откуда почти также хорошо было смотреть, какъ изъ дворца. Хотя тетка посердилась, что дядя не умѣлъ себя вытре­бовать лучшаго помѣщенія, но дѣлать было нечего; она взяла свои мѣры и пригласила гостей столько, сколько могло помѣститься. Племянникъ Саша съ большимъ не­терпѣніемъ ожидалъ этого праздника и написалъ даже стихи: «ожиданіе фейерверка». Всѣхъ стиховъ не помню, но помню, что ловкой мальчикъ умѣлъ принаровиться ко вкусу дяди. Вотъ уцѣлѣвшіе у меня въ памяти первые четыре стиха:

Насталъ, насталъ желанный день!
Спѣши скорѣ ночи тѣнь,
Чтобъ огненные чудеса
Мои узрѣли очеса.

Стихи очень понравились старику. Племянникъ не скрывалъ отъ насъ, что написалъ такія вирши только для того, чтобъ угодить дядѣ. Подроставшій Саша начиналъ понимать Александра Семеныча и, когда хотѣлъ, умѣлъ поддѣлываться къ нему. Вся наша компанія, которую, Богъ знаетъ по чему, К—нъ называлъ Цизальпинской

республикой, то-есть, я съ братомъ и К—въ съ мнѣшими родственниками, обѣдали въ день фейерверка у Шишковыхъ; вечеромъ, вмѣстѣ съ ними, отправились въ Адмиралтейство и заняли благополучно свою галерею. По увь! Въ предосторожности теткн не послужили ни къ чему: званые гости съѣхались, но вслѣдъ за ними стали являться не званые; Шишковъ не умѣлъ отказывать и скоро стало такъ тѣсно, что мы едва льпились на лѣстницѣ, нарочно придѣланной съ наружной стороны зданія. Фейерверкъ уже начался, какъ прѣехала одна дама, очень уважаемая Шишковыми, заранѣе ими приглашенная, но опоздавшая. Пробиться сквозь толпу, стоявшую даже около лѣстницы, а потомъ взойти на лѣстницу—не было никакой возможности. Узнавъ объ этомъ, Шишковъ сошелъ внизъ, чтобъ провести гостью: кое-какъ онъ сошелъ съ лѣстницы, но не только провести даму — онъ самъ уже не могъ воретиться назадъ. Шишковъ успокоился невозможностью и пустился въ разговоры съ своей гостьей... о чемъ бы вы думали? о томъ, что весьма смѣшно толкаться и лезть въ тѣсоту, чтобъ посмотреть на огненные потѣхи, и что нельзя подражать Французскимъ модамъ и одѣваться легко, когда на дворѣ стужа (а дама была очень легко одѣта). Собесѣдница бѣспалась, посылала мысленно къ чорту стараго дурака славянофила (какъ она послѣ сама разсказывала), но должна была изъ учтивости слушать его неумѣтныя разсужденія; наконецъ терпѣнiе ея лопнуло, и она уѣхала домой. Шишковъ, оставшись одинъ, попытался взойти на галерею; но на второй ступенькѣ стоялъ широкоплечій полковникъ, К—нъ, который на всь просьбы и убѣжденія старика постороиниться, не обращалъ никакого вниманія, какъ-будто ничего не слыхалъ, хотя очень хорошо слыхалъ и зналъ Шишкова. Наконецъ мы услыхали его голосъ и всь чет-

веро, пустивъ въ авангардъ десятиверниковаго Хвощинскаго, бросились на выручку дяди, успѣли пробиться и взвели его на лестницу. Онъ не видалъ половины фейерверка; но всего забавнѣе было то, что онъ не узналъ насъ и намъ же разсказывать на другой день, что спасибо какимъ-то добрымъ людямъ, которые протащили его наверхъ, и что безъ нихъ онъ бы излябъ и ничего бы не видалъ. Эти добрые люди были К—въ и я.

Дядя вообще былъ не ласковъ въ обращеніи, и я не слыхивалъ, чтобы онъ сказалъ кому-нибудь изъ домашнихъ любезное приветливое слово; но съ попугаемъ своимъ, изъ породы какаду, съ своимъ Попишкой, онъ былъ такъ неженъ, такъ дѣтски болтливъ, называлъ его такими ласкательными именами, дразнилъ, цѣловалъ, игралъ съ нимъ, что окружающіе иногда не могли удержаться отъ смѣха, особенно потому, что Шишковъ съ попугаемъ и Шишковъ во всякое другое время—были совершенно не похожи одинъ на другаго. Случалось, что уѣзжая куда-нибудь по самонужнѣйшему дѣлу и проходя мимо клятки попуга, которая стояла въ маленькой столовой, онъ останавливался, начиналъ его ласкать и говорить съ нимъ; забывалъ самонужнѣйшее дѣло и пропускалъ назначенное для него время, а потому, въ экстренныхъ случаяхъ, тетка провожала его отъ кабинета до выхода изъ передней. Впрочемъ Шишковъ былъ всегда страстный охотникъ кормить птицъ, и гдѣ бы онъ ни жилъ, сталъ глубѣй всегда собиравись къ его окнамъ. Всякое утро онъ кормилъ ихъ самъ, для чего по зимамъ у него была сдѣлана форточка въ нижнемъ стеклѣ. Эта забава не покидала его и въ чужихъ краяхъ. Въ 1813 и 1814 годахъ, таскаясь по Германіи вельдъ за главной квартирой Государя и очень часто боясь попасться въ руки Французамъ, Шишковъ не рѣдко живалъ, иногда очень по долгу, въ

нѣмецкихъ городкахъ. Съ перваго дня онъ начиналъ прикармливать голубей и приманивалъ ихъ со всего города къ окнамъ своей квартиры. Въ послѣдствіи, даже стѣпой, онъ выставялъ кормъ, въ назначенное время ощупью на дощечку, прикрѣпленную къ форточкѣ, и наслаждался шумомъ налетающихъ со всѣхъ сторонъ голубей и сгукомъ ихъ носовъ, хлопящихъ хлѣбныя зерна. Я самъ бывалъ свидѣтелемъ этого, по истинѣ умиительнаго зрѣлища.

Здѣсь кстати разсказать забавный анекдотъ и примѣръ разсыянности Александра Семеныча, который случился впрочемъ нѣсколько поздне. Я пришелъ одинъ разъ обѣдать къ Шишковымъ, когда уже все сидѣли за столомъ. Мнѣ сказали, что дядя обѣдаетъ въ гостяхъ и что онъ одѣвается. Я сѣлъ за столъ, и черезъ нѣсколько минутъ Александръ Семенычъ вышелъ изъ кабинета во всемъ парадѣ, то-есть, въ мундирѣ и въ лентѣ; увидѣвъ меня, онъ сказалъ: «кабы зналъ, что ты придешь, — отказался бы сегодня обѣдать у Бакуниныхъ» (*). Я просіялъ отъ радости, а тетка поучительно и строго возразила: «все пустое; Сергѣй Тимоенчъ обѣдаетъ у насъ три раза въ недѣлю, а тебя насилу дозвались Бакунины; я думаю, ты уже съ годъ у нихъ не обѣдалъ, сегодня же старшій сынъ у нихъ имянинникъ»... и дядя смиренно побрелъ въ переднюю. Минутъ черезъ двадцать, только что мы хотѣли встать изъ-за стола, какъ вдругъ является дядя. Все удивилесь. «Что съ тобой», спросила тетка? — «Вообразите, отвѣчалъ Александръ Семенычъ, прѣзжаю, а они уже почти отобѣдали, и назвали такихъ гостей, съ которыми я даже не кланяюсь: господь N. N. и N. N. Дайте мнѣ чего-нибудь поѣсть». Онъ сейчасъ очень проворно.

(*) М. М. Бакунинъ былъ губернаторомъ въ Петербургѣ.

переодѣлся и сѣлъ за столъ. Тетка съ дамами, племянниками и молодыми людьми встали, а мы съ К—мъ остались: есть дядѣ рѣшительно было нечего. Между тѣмъ тетка сейчасъ воротилась изъ гостиной, и сказавъ мимоходомъ своему супругу: «это какой-нибудь вздоръ; никогда у Бакуниныхъ не бываетъ N. N. и N. N.; и могутъ ли Бакунины позвать вмѣстѣ съ тобой людей, которые тебя терпѣть не могутъ»—отправилась въ переднюю и начала свои розыски. По слѣдствію оказалось, что дядя, сядя въ карету, вмѣсто Бакуниныхъ приказалъ ѣхать къ В—мъ, у которыхъ онъ никогда не бывалъ. Ничего не замѣчая, онъ вошелъ въ переднюю, гдѣ офиціантъ доложилъ ему, что господа почти откушали и скоро встанутъ изъ-за стола. Шишковъ удивился, и проворчавъ: «Да какъ же это, звали меня, да не подождали», спросилъ: «кто здѣсь?» Офиціантъ назвалъ ему N. N. и N. N. Дядя еще больше удивился и уехалъ домой. Тетка раскричалась, хотела было опять одѣть своего супруга и отправить къ Бакунинымъ; но дядя на этотъ разъ уперся и, вставъ изъ-за стола, разумется совершенно голодный, сказалъ «что онъ уже пообедалъ»—и пригласилъ насъ съ К—мъ въ кабинетъ, общая прочесть что-то новое. Тетка еще больше разгнѣвалась.... тутъ досталось и славянскимъ нарѣчіямъ, которыми всегда набита голова Александра Семеныча, и намъ съ К—мъ, которые изъ угожденія толкуютъ съ нимъ объ этихъ пустякахъ, для чтенія которыхъ онъ не хочетъ ѣхать къ Бакунинымъ, гдѣ навѣрное не обедаютъ и ждуть дорогаго гостя. Въ заключеніе она прибавила, что теперь Богъ знаетъ что подумаютъ все ихъ друзья и враги, узнавъ объ этомъ, самомъ неприличномъ посѣщеніи. Да какъ въ голову пришли тебѣ В—вы?» — «Да чертъ знаетъ какъ: я объ нихъ и не думалъ», отвѣчалъ дядя и увелъ насъ въ кабинетъ, гдѣ и прочесть намъ мысли о

русскомъ правоисаніи, противъ которыхъ мы отчасти возражали. Все это напечатано въ 1811 году въ числѣ «Разговоровъ о словесности». Тетка принуждена была написать къ Бакунинымъ, что по такимъ-то причинамъ мужъ ея къ нимъ сегодня не будетъ. Въ самомъ дѣлѣ посѣщеніе Шишкова, какъ нарочно сдѣланное не во время и не кстати, произвело много недоумѣній и толковъ, потому что онъ пріѣзжалъ къ своему первому ожесточенному противнику, известному по своей особенной дружбѣ съ французскимъ посланникомъ, а посланникъ недавно жаловался Государю на печатныя враждебныя и оскорбительныя выходы Шишкова противъ Французовъ. И такъ посѣщеніе Александра Семеныча получило особое значеніе. В—въ, подумавъ, что Шишковъ пріѣзжалъ для какихъ-нибудь объясненій, счелъ за долгъ на другой день отдать ему визитъ: свиданіе было презабавное. Скоро дѣло объяснилось и, украшенное добрыми людьми, долго занимало и потынало городскую публику.

Не знаю за что, но Императоръ Павелъ I, любилъ Шишкова; онъ сдѣлалъ его генераль-адыютантомъ, что весьма не шло къ его фигурѣ, и надъ чѣмъ въ тогда смѣялись, особенно потому, что Шишковъ во всю свою жизнь не вѣдалъ верхомъ и боялся даже лошадей; при первомъ случаѣ, когда Шишкову, какъ дежурному генераль-адыютанту, пришлось сопровождать Государя верхомъ, онъ объявилъ, что не умѣетъ и боится съѣсть на лошадь. Это не помынало однако Императору Павлу I, подарить Шишкову триста душъ въ Тверской губерніи. Александръ Семенычъ, владея ими уже болѣе десяти лѣтъ, не бралъ съ нихъ ни копейки оброка. Многіе изъ крестьянъ жили въ Петербургѣ на заработкахъ; они знали, что баринъ получалъ жалованье небольшое и жилъ слишкомъ небогато. Разумѣется, возвращаясь на

побывку въ деревню, они разсказывали про барина въ своихъ семействахъ. Годъ случился неурожайный и въ Петербургъ сдѣлалась во всемъ большая дороговизна. Въ одинъ день, поутру, докладываютъ Александру Семеничу, что къ нему пришли его крестьяне и желаютъ съ нимъ переговорить. Онъ не хотѣлъ отрываться отъ своего дѣла и велѣлъ имъ идти къ баринѣ; но крестьяне непременно хотѣли видѣть его самого, и онъ нашелся принужденнымъ выдти въ переднюю. Это были выборные отъ всего села; поклонясь въ ноги, не смотря на запрещеніе барина, одинъ изъ нихъ сказалъ, что «на мірской сходкѣ положили и приказали имъ ѣхать къ барину въ Питеръ и сказать: что не берешь-де ты съ насъ, вотъ уже десять лѣтъ, никакаго оброку и живешь однимъ царскимъ жалованьемъ, что теперь въ Питеръ дороговизна и жить тебѣ съ семействомъ трудно; а потому не угодно ли тебѣ положить на насъ за прежніе льготные годы, хоть по тысячи рублей; а впродѣ будемъ мы платить оброкъ, какой ты самъ положишь; что мы, по твоей милости, слава Богу, живемъ не бѣдно, и отъ оброка не разоримся». Услыхавъ такія рѣчи, дядя пришелъ въ не-описанное восхищеніе, или лучше сказать, умиленіе, не столько отъ честнаго, добросовѣстнаго поступка своихъ крестьянъ, какъ отъ того, что рѣчи ихъ, которыя онъ немедленно записалъ, были очень похожи на языкъ старинныхъ грамотъ. Дядя сейчасъ послалъ за К—мъ и за мною. Насъ не застали дома, и мы явились къ нему уже послѣ обѣда. Старикъ еще не простылъ, и съ не свойственнымъ ему, даже паружнымъ жаромъ и волненіемъ, разсказалъ намъ все происшествіе и прочелъ записанныя рѣчи. «Вы, пожалуй, подумаете, что я пораскрасилъ ихъ слова, прибавилъ онъ, ну такъ слушайте сами». Крестьянъ позвали и дядя заставилъ ихъ разсказать вновь все, сказанное

ему поутру. Крестьяне повиновались, и рѣчи ихъ (они говорили оба) оказались очень сходными съ тѣми словами, которыми записалъ Шишковъ. Онъ разспросилъ ихъ кой о чемъ, подтвердилъ, чтобъ ихъ хорошенько угощали, и обѣщаль на другой день написать письмо и отпустить домой. Онъ показывалъ своихъ крестьянъ Мордвинову и К—ну и заставлялъ повторять тѣ же рѣчи; но мнѣ и К—ву это не нравилось и мы уговорили дядю никому болѣе своихъ крестьянъ не показывать и отпустить поскорѣе домой. На третій день, Шишковъ написалъ письмо, котораго я не читалъ, но содержаніе котораго состояло въ томъ, что помѣщикъ благодарилъ весь міръ за усердіе, объявилъ, что надобности въ деньгахъ, по милости Царской, не имѣетъ и обѣщаль, что когда ему понадобятся деньги, то ни у кого, кромѣ своихъ крестьянъ, денегъ не попроситъ. —Выборныхъ, и дядя и тетка угощали по горло, чѣмъ-то подарили, облобызали и отпустили. Мы съ К—мъ были въ восторгѣ; но многіе, въ томъ числѣ и Дарья Алексѣвна, даже Мордвиновъ, находили такое безсребренничество излишнимъ и неумѣтнымъ. «Почему бы не положить, говорили они, легкой оброкъ, ничего не значущій для крестьянъ, когда самъ помѣщикъ не рѣдко нуждается въ деньгахъ и часто не имѣетъ свободнаго рубля, чтобъ помочь бѣдному человеку? Да и за что же все другіе крестьяне или работаютъ на господина, или даютъ ему оброкъ, или платятъ двойныя подушныя, какъ казенные крестьяне, а эти ничего не дѣлаютъ? Это несправедливо, это должно производить ропотъ между соседними крестьянами» и проч. и проч. Безъ сомнѣнія все это правда; но я полюбилъ Шишкова еще болѣе (*).

(*) Въ послѣдствіи крестьяне упросили положить на нихъ какой-нибудь оброкъ, говоря, что имъ совѣстно противъ другихъ крестьянъ. Оброкъ

Все, что я говорилъ и буду говорить о Шишковѣ, обнимаетъ пространство времени съ конца 1808 до половины 1811 года; все происходило точно тогда, но я не ручаюсь за хронологическую верность и последовательность разсказываемаго мною. Мнѣ потому именно вздумалось теперь оговориться, что я никакъ не могу отыскать настоящаго времени, когда привѣзжала крестьянская депутація, сейчасъ описанная мною.

Шишковъ обыкновенно вставалъ поутру часовъ въ семь зимою, и въ шесть—лѣтомъ. Онъ прямо изъ спальни отправлялся въ кабинетъ и не выходилъ изъ него (кромѣ двухъ присутственныхъ дней въ Адмиралтейскомъ Советѣ) до половины четвертаго, если обѣдалъ дома, и до четырехъ часовъ, если обѣдалъ въ гостяхъ. Послѣ обѣда немного дремалъ, сидя въ креслахъ въ своемъ кабинетѣ, и потомъ что-нибудь читалъ до отъезда въ клубъ или въ гости. Работая постоянно часовъ по восьми въ сутки, онъ писалъ громадныя кипы бумаги. Я помню, что и та книга, въ которую онъ вписывалъ слова малонзвѣстныхъ и вышедшихъ изъ употребленія, попадавшихся ему въ книгахъ Священнаго Писанія, вообще въ книгахъ духовнаго содержанія, въ лѣтописяхъ и рукописяхъ, — что эта, такъ сказать, записная книга, была ужающей величины и толщины. Безъ преувеличенія можно сказать, что писанныхъ книгъ и бумагъ, находившихся въ его кабинетѣ, нельзя было увезти на одномъ возу; но кажется многіе его ученые труды, послѣ его кончины, а можетъ быть еще и при жизни, которая долго тѣлась въ его уже недвижимомъ тѣлѣ, — погибли безъ слѣда. Толстая книга и двѣ тетради, писанныя рукою Шикова, черезъ мѣсяць послѣ

былъ положенъ, разумѣется, небольшой, да и тотъ собирався и употреблялся на ихъ же собственныя нужды. Вотъ какъ Шишковъ понималъ помещичье право.

его смерти, были случайно куплены сыномъ моимъ на Апракинскомъ рынкѣ, гдѣ продають книги и рукописи на рогожкахъ: это были корисловъ и сравнительный словарь славянскихъ нарѣчій. Продавецъ зналъ, что продасть, и самъ сказалъ моему сыну, что рукописи принадлежатъ Александру Семенову Шинкову, писаны имъ самимъ, и что онъ купилъ въ его домѣ все книги и бумаги, оставшіяся послѣ покойнаго. Я не знаю, соблюдалась ли правильная система въ работахъ Шинкова, и не умю определить, до какой степени были важны его труды; но что онъ трудился много, добросовѣстно и благонамѣренно — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Важность его ученыхъ заслугъ по морской части признавалась тогда всеми, и я слыхалъ, что недоброжелатели Шинкова отдавали ему въ этомъ случаѣ полную справедливость. Кромѣ ученыхъ занятій и русской литературы, Александръ Семеновъ любилъ итальянскихъ поэтовъ. Онъ перевелъ «Тассовы почы» и назвалъ ихъ «Бдвѣими». Переводъ тяжелъ, но не лишенъ чувства и силы. Александръ Семеновъ самъ превосходно читалъ его, одушевленно и драматично, и не разъ приводилъ меня въ изумленіе. Я, будучи страстнымъ охотникомъ читать, то-есть, выражать видѣвшимъ образомъ чувства другого, перечувствовавши собственной душою, и находившій въ этомъ неизяснимое наслажденіе, — я самъ много трудился надъ «Бдвѣими Тасса». Я зналъ эту тяжелую прозу почти наизусть и хотя все хвалили меня, но мнѣ казалось, что дядя лучше, проще, вѣрнѣе моего выражаетъ тоскливый бредъ полупомѣшаннаго поэта. Я помню также небольшую книжку мелкихъ стихотвореній и переводовъ въ стихахъ Александра Семенова, которую знали только самые короткіе и домашніе люди. Тамъ находилась, даже не совсемъ приличная и грубая эпиграмма на Французовъ. Легкостью и

остроуміемъ грѣхъ было поклепать дядю; это было не его дѣло. Я помню одно сатирическое посланіе къ Александру Семенову Хвостову, гдѣ въ каждомъ куплетѣ осмѣивался кто-нибудь изъ знакомыхъ людей противнаго образа мыслей и жизни. Вотъ одинъ, уцѣлѣвшій какъ-то въ моей памяти, куплетъ:

Рыши, Хвостовъ, задачу:
 Я шель гулять на дачу,
 Туда же и Глупошь;
 Весь въ блестяхъ, въ златѣ ошь,
 Съ лорнетомъ при зениць,
 Съ массою д'Еркуль (*) въ десницѣ...
 Жеманится, кривится,
 Зоветъ меня съ собой
 Не лучше ль воротиться
 Отсель мнѣ домой?

Между тѣмъ, на слѣдующую зиму состоялись у насъ еще два спектакля. Были сыграны пьесы: Комедія «Береговое право», Коцебу, и «Театральное предпріятіе» комедія въ стихахъ, Ефимьева; названій другихъ двухъ небольшихъ пьесъ не помню. Комедія Ефимьева состояла изъ двухъ лицъ: одного пожилаго господина, затѣвующаго устроить театръ, и другаго, молодаго человека, который, чтобъ отвратить верваго, — своего хорошаго пріятеля, — отъ этого предпріятія, является для опредѣленія въ актеры, въ разныхъ видахъ и костюмахъ: дразнить и дурачить бѣднаго антрепренера и наконецъ поселяетъ въ немъ отвращеніе къ театру. Я игралъ любителя театра, а роль переодѣвающагося семь разъ пріятеля игралъ П. П. Семеновъ, бывший тогда подпоручикомъ въ Измайловскомъ полку, котораго я нарочно для этого спектакля познако-

(*) Тогда была мода ходить съ толстыми сучковатыми палками.

милъ съ домою Шниковыхъ. Онъ былъ большой мастеръ передразнивать всякія каррикатурныя личности, и вся наша публика много смѣялась отъ его игры. Моя роль была самая безцвѣтная, однообразная, нужная только для того, чтобъ могъ выказываться талантъ моего товарища; но нашлись цѣнители, которые говорили, что я въ этой роли показалъ больше искусства, чѣмъ въ прежнихъ роляхъ. Въ одной сценѣ, гдѣ Семеновъ представлялъ толстяка, желающаго опредѣлиться въ актеры, нижнія пуговицы камзола у него растегнулись, и уголь подушки, изъ которой состояло брюхо, высунулся. Семеновъ смутился, но я взялъ его за руку, повернулъ къ зрителямъ бокомъ, закрывъ собою, импровизировалъ какой-то вздоръ стихами, застегнулъ камзолъ Семенову, даже сказалъ ему слѣдующую, забытую имъ реплику, потому что имѣлъ привычку знать наизусть пѣсню, въ которой играю, — и пѣсня сошла благополучно. Зрители наградили меня за присутствіе духа громкимъ и продолжительнымъ рукоплесканіемъ. Дядя очень смѣялся, и послѣ спектакля сказалъ мнѣ: «ну братъ, ты точно родился на сценѣ: это твоя домъ».

Кажется, въ этотъ же вечеръ случилось происшествіе, за которое долго бранили дядю; да и намъ съ К — мѣ досталось отъ тетки, ибо мы были признаны соучастниками и пособниками Александра Семеныча. Происшествіе состояло вотъ въ чемъ: я уже упоминалъ о двѣицѣ Марьѣ Ардальоновнѣ Туреуковой, которая съ прекрасной наружностью соединяла свѣтскую любезность, въ хорошемъ значеніи этого слова, и образованность. Старикъ Шниковъ очень ее любилъ; но въ настоящее время, онъ былъ нѣсколько сердитъ на нее за то, что она отказала Петру Андреечу К — ну, за котораго впрочемъ чрезъ нѣсколько

лѣтъ вышла за-мужъ. У Турсуковой былъ великолѣпный рисовальный альбомъ, въ которомъ находилось множество рисунковъ замѣчательныхъ по собственному достоинству и по именамъ европейскихъ и петербургскихъ знаменитостей и дилеттантовъ живописи. Не знаю, попадался ли прежде на глаза дядѣ этотъ альбомъ, только я и К—въ, разсматривая его въ первый разъ на столѣ въ гостиной, увидѣли, что подъ всеми рисунками, рисованными русскими художниками и любителями, имена подписаны по французски, равно какъ имя и фамилія самой Турсуковой. Намъ показалось досадно, и мы навели дядю на то, чтобъ онъ сталъ разсматривать альбомъ; а чтобъ онъ не проглядѣлъ подписей, я указалъ ему имя известнаго русскаго живописца, подписанное по-французски, и сказалъ К—ву въ полголоса, но такъ, чтобъ дядя слышалъ: «какой позоръ! русскою художникъ рисуетъ для русскою дѣвушки, и не смѣетъ или стыдится подписать свою фамилію русскими буквами, да и какъ невоверкалъ бѣдное свое имя!» К—въ отвѣчалъ мнѣ въ томъ же тонѣ, и дядя воспламенился гнѣвомъ: началъ бранить Турсукову, рисовальщиковъ, общество, и пробормоталъ: «жалъ, что нѣтъ чернильницы и пера; я переправилъ бы ихъ имена по-русски». Въ одну минуту я принесъ чернильницу съ перомъ, и дядя широкою, густою чертою вымаралъ французскую подпись, и крупными русскими буквами, полууставомъ, подписалъ подъ ней имя и фамилію рисовавшаго живописца: кажется первый попался Кипрянскій. Дѣло было начато. Дядя расхотѣлся и, сказавъ: «да ихъ надо все переправить», взялъ альбомъ и унесъ къ себѣ въ кабинетъ. Гости, изъ мужчинъ постарше, все уже разъѣхались, остальные были заняты между собой, никто не обращалъ на насъ вниманія и никто не замѣтилъ нашихъ продѣлокъ. Черезъ полчаса дядя кончилъ свою работу и отдымалъ

альбомъ на славу: всѣ имена и фамиліи русскихъ были зачеркнуты старательно, широко, крѣпко, неопратно — и написаны по-русски, а сверхъ того, на первой бѣлой страницѣ явились слѣдующіе стихи:

М. А. Турсуковой.

Безъ блянь ты, дѣвка, бля, бля,
Безъ румянъ ты, дѣвка, ала,
Ты честь хвала отцу матерн,
Сухота сердцу молодецкому.

Александръ Шишковъ.

Внизу поставилъ годъ и число. — Альбомъ вложилъ въ футляръ, завернулъ и положилъ на столъ, на прежнее мѣсто; никто ничего не замѣтилъ, и Турсукова увезла альбомъ домой. Подвигъ дяди открылся не вдругъ. Мы всѣ трое, разумѣется, молчали; но черезъ нѣсколько дней, пришедши, по обыкновенію, къ Шишковымъ обѣдать, мы нашли тетку въ страшномъ гнѣвѣ. Она получила поутру отчаянную записку отъ Турсуковой. Дяди не было дома, и Дарья Алексѣвна, очень любившая Турсукову (а она умѣла любить горячо, не смотря на наружную холодность), сейчасъ къ ней поѣхала, и что же она тамъ нашла? — Великолѣпнѣйшій альбомъ, объѣхавшій всю Европу и лично собраннйй на свои страницы искусныя черты и славныя имена артистовъ съ ихъ почерками, чтимый и хранимый благоговѣнно, которымъ гордилась владѣтельница, какъ будто заслугой, — исмаканъ, измаранъ, исписанъ варварскими и неуклюжими буквами, потому что почеркъ дяди былъ вовсе не каллиграфическій! Турсукову она нашла въ слезахъ, почти больною; отца, нежно любившаго единственную дочь, — огорченнымъ и разстроеннымъ. Можно себѣ представить, какъ встрѣтила Дарья

Алексѣвна своего супруга, когда онъ воротился изъ Адмиралтейства! Но что съ нимъ станешь дѣлать? На все упрёки и обвиненія онъ спокойно, и даже съ улыбкою отвѣчалъ, что «ему такъ слѣдовало поступить, что стыдно русской барышнѣ подписывать свое имя по-французски и тѣмъ заставлять другихъ подписывать также, что это срамъ и позоръ, что онъ очень радъ, если Марья Ардалионовна плачетъ: пускай чувствуетъ наказаніе за вину, пускай исправится». и проч., а за тѣмъ ушелъ въ кабинетъ, занялся Славянскимъ Корнесловіемъ и скоро забылъ Турсукову, альбомъ и раздраженную свою супругу. Въ самый разгаръ грозы попался я съ К—мъ: гнѣвъ тетки, отскочивъ отъ невозмутимаго спокойствія дяди какъ мячикъ отъ стѣны, разразился на насъ. Тетка, еще до нашего прихода, выспросила искусно все у старика и поняла, что это наше дѣло. Она такъ отдѣлала насъ съ К—мъ, что мы ушли отъ обѣда и не приходили ровно десять дней. Первые дни Шишкову какъ будто не доставало насъ; каждый разъ за обѣдомъ онъ спрашивалъ: «да гдѣ же Аксаковъ съ К—мъ?» Можетъ быть ему отвѣчали что-нибудь, а можетъ быть и ничего не отвѣчали — это было все равно; черезъ недѣлю онъ привыкъ къ нашему отсутствію и даже пересталъ объ насъ спрашивать. Но тетка въ глубинѣ души была предобрая женщина. Она любила насъ обоихъ, какъ родныхъ; ей грустно было не видѣться съ нами и, можетъ быть, даже совѣстно, что она слишкомъ насъ оскорбила. Она написала записку къ К—ву, звала его и меня и прибавила, что все прошедшее забыто. Мы пришли, и Дарья Алексѣвна искренно, со слезами, помирилась съ нами и даже обняла насъ обоихъ; тутъ я только увидѣлъ, что она и меня очень любитъ. Обращаюсь къ альбому: въ Петербургѣ не нашлось тогда искусника, который взялся бы вывести все черты,

полосы и пятна, сдѣланныя Шишковымъ; но нашелся Французъ, который взялся поправить дѣло въ Парижѣ. Альбомъ отправили туда къ какому-то химику, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ измаранные листы воротились чистыми и подписи были восстановлены по возможности въ прежнемъ видѣ. Листъ со стихами, написанными Шишковымъ, остался неприкосновеннымъ и его въ Парижъ не послали.

Спектаклей у Шишковыхъ болѣе при мнѣ не было. Разъ въ недѣлю, не помню именно въ какой день, собирались у Александра Семеныча тогдашніе литераторы и кое-что читали. Сначала эти собранія были малочисленны. Постоянными посѣтителями были: Гаврила Романычъ Державинъ, Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ (тогдашній министр Юстиціи), князь С. Шихматовъ, графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ, Алексій Семенычъ Хвостовъ и князь Алекс. Шаховской. Пріѣзжали иногда, какъ простые посѣтители и дилеттанты, Николай Семенычъ Мордвиновъ, Михаилъ Михайлычъ Бакушинъ, графъ Строгановъ и А. П. Оленинъ Видель я также раза два, сидѣвшаго въ уголку съ подобострастіемъ, Семеновскаго полковника А. А. Писарева. Въ послѣдствіи стали ѣздить П. А. Кикинъ, князь Платонъ Шихматовъ, Пик. Ивановичъ Гнедичъ, сенаторъ Захаровъ, Висковатовъ, Стурдза, князь Горчаковъ, Станевичъ, Н. Ю. Львовъ (сочинитель храма славы Русскихъ героев) и Гераковъ. Въ первую половину зимы 1811 года родилась и образовалась мысль составить «Бесѣду русскаго слова», которая и была приведена въ исполненіе. Я, также какъ и Писаревъ, смиренно сидѣвалъ иногда въ углу большой гостиной безмолвнымъ слушателемъ того, что читалось и говорилося въ этихъ собраніяхъ. По совѣсти долженъ я сказать, что ничего замѣчательнаго не происходило и, даже тогдашнимъ моимъ

понятіямъ, не удовлетворяло. Что бы кто ни прочелъ — всѣ остальные говорили одни пошлые комплименты; критическія замѣчанія были еще пошлѣе. Только иногда горячился и бормоталъ князь Шаховской, да отпускала злыя эниграммы въ видѣ похвалъ Алекс. Сем. Хвостовъ на своего однофамильца графа Хвостова, который принималъ ихъ за наличную монету. Помню я одну его наивную выходку, которая заставила всѣхъ долго смѣяться. Читалъ какую-то свою піесу въ прозѣ Станевичъ; по окончаніи чтенія, Шишковъ и кто-то другой стали его хвалить; вдругъ графъ Хвостовъ всталъ съ кресель, подошелъ къ Державину, потрепалъ его по плечу и сказалъ: «Пѣтъ, Гаврила Романычъ, онъ не нашъ братъ, а ихъ братъ» и указалъ на Александра Семеныча Шишкова и П. Ю. Львова. Всѣ захохотали, хотя не вдругъ поняли. Графъ Хвостовъ хотѣлъ сказать, что Станевичъ не лирикъ, а прозаикъ и критикъ.

Шишковъ не былъ увлеченъ и обольщенъ блистательнымъ успѣхомъ трагедіи Озерова «Дмитрій Донской». Онъ превозносилъ преувеличенными похвалами «Эдипа въ Афинахъ» и даже «Фингала», но ожесточенно нападалъ на «Дмитрія Донскаго». Шишковъ принималъ за личную обиду искаженіе характера славнаго героя Куликовской битвы, искаженіе старинныхъ нравовъ, русской исторіи и *высокаго слога*. Всего болѣе сердили его слова Донскаго, которыми онъ описываетъ, какъ увидѣлъ въ первый разъ Ксенію въ церкви:

Исчезли въ мысляхъ храмъ, останки тѣ нетлѣнны,
 Предъ коими и дочь и мать преклоненны,
 Молили премънить на милость гнѣвъ небесъ.

«Хорошъ Великій Князь Московскій, говорилъ Шишковъ!
 Увидавъ красивую дѣвицу въ Успенскомъ соборѣ, не взви-

дѣль Святыхъ мощей и забыть о нихъ. Можно ли написать такую дичь о Русскомъ Великомъ Князѣ, жившемъ за четыреста лѣтъ до насъ?» Не менѣе сердили его слова Дмитрія, который, въ оправданіе своей любви, говоритъ Брянскому:

Не осуждай её: она счастливый даръ;
Она произвела сей доблественный жаръ,
Съ которымъ я стремлюсь отечество избавить,
Свободу возвратить и мой народъ прославить.

Александръ Семёнычъ выходилъ изъ себя отъ гнѣва и говорилъ: «спасибо хоть Брянскому, который возражаетъ Дмитрію: ахъ какой же ты подлець!» Шишковъ очень глумился надъ словами Кесини, которая говоритъ Тверскому:

Объщана тебѣ еще въ такіе годы,
Какъ выходила я едва изъ рукъ природы,

и требовалъ отъ сочинителя, чтобъ онъ назначилъ то время, когда человекъ выходить изъ рукъ природы. Справедливость однако требуетъ сказать, что нѣкоторые стихи Шишковъ называлъ достойными Корнелия и Расина, напримѣръ:

Мой долгъ: въ день мира судъ и мужество въ день брани,

или:

Въ сраженьи смерть найду, но смерть завидну, славу
И предпочтительну той жизни, коей стыдъ
Побѣга вашего по гробъ обременить.

Само собою разумеется, что Шишковъ не могъ примириться съ влюбленностью Дмитрія и съ прїѣздомъ Кесини въ воишской станъ, какъ-будто для бракосочетанія съ Тверскимъ, а въ самомъ дѣль для того, чтобы сказать ему въ присутствіи всѣхъ русскихъ князей, что она за него идти не хочетъ, но идетъ въ монастырь. Шиш-

ковъ не удовольствовался словесною критикою: онъ велѣлъ переписать трагедію съ бѣлыми листами и все написалъ ихъ собственною рукою, самымъ мелкимъ почеркомъ, какимъ только могъ писать. Онъ читалъ одинъ разъ при мнѣ свои замѣчанія Мордвинову, А. С. Хвостову, Кикину и другимъ. Все слушатели очень смѣялись. Въ самомъ дѣлѣ, многія полемическія выходки дяди, даже не совсѣмъ приличныя, были очень забавны. Разумѣется, Шишковъ заходилъ слишкомъ далеко и утверждалъ, что, кромѣ нѣкоторыхъ блестящихъ стиховъ, языкъ у Озерова хуже, чѣмъ у Сумарокова, и въ доказательство приводилъ, разумѣется, весьма плохіе стихи изъ «Дмитрія Донскаго», какъ на примѣръ слѣдующіе:

Пускай все воинство и вся Россія пусть
 Познають, коль хотятъ, любовь мою и грусть!
 Лишь Ксенія признать любви сей не хотѣла,
 Всей горести моей она не пожалѣла.

Или когда Ксенія говоритъ:

Когда Дмитрія сіе мнѣ сердце страстно
 Не престаётъ являть повсюду и всечасно.

или:

Ахъ, нѣтъ: до днесь еще толь мрачныя печали, и проч.

Для большаго эффекта, послѣ такихъ стиховъ, Александръ Семенычъ цеголялъ стихами Сумарокова изъ трагедіи «Семпра».

Иду отечества къ преславной оборонѣ:
 Ты будешь зрѣть меня или мертва или въ коронѣ.

Относительно языка у Шишкова много было натяжекъ и пустыхъ придирокъ къ мелочамъ. Я этому не удивлялся, потому что Александръ Семенычъ бывалъ пристрастенъ какъ въ похвалахъ, такъ и въ порицаніяхъ; но вотъ, что всегда меня удивляло: разобралъ весьма справедливо, и

даже иногда очень тонко, неправильность, неприличность выражения, несогласіе его съ духомъ языка, онъ вдругъ приводилъ въ примѣръ стихи изъ Сумарокова, которые были гораздо хуже тѣхъ, на которыя онъ нападалъ. Что же касается до исторической драмы, до характеровъ дѣйствующихъ лицъ, то все его замѣчанія были совершенно справедливы. Я сдѣлалъ себѣ точно такую же книжку съ бѣлыми листами и, съ позволенія Александра Семеныча, списалъ все его замѣтки. Къ сожалѣнію, уезжая изъ Петербурга, я оставилъ эту книжку у Шушерина, который желалъ списать ее для себя, а Шушеринъ, во время переезда изъ Петербурга въ Москву, какъ-то потерялъ ее. Къ этому должно прибавить, что въ концѣ 1815 года или въ началѣ 1816-го, я слышалъ въ Москвѣ, какъ профессоръ Мерзляковъ разбиралъ «Дмитрія Донскаго» съ кафедръ на публичной лекціи — и былъ пораженъ изумленіемъ: Мерзляковъ почти во всехъ своихъ критическихъ замѣчаніяхъ совершенно сходилъ съ Шишковымъ. Я немедленно сказалъ объ этомъ, знаменитому тогда, критику и даже сообщилъ ему нѣкоторыя полемическія замѣтки Шинкова, тогда еще хранившіяся въ моей памяти. Мерзляковъ очень забавлялся и заинтересовался ими и убѣдительно просилъ меня, какъ-нибудь отыскать этотъ любопытный разборъ, но я вскорѣ уѣхалъ на десять лѣтъ въ деревню, и книжка была забыта.

Лѣтомъ 1811 года я уѣхалъ изъ Петербурга въ Оренбургскую губернію, и съ этого времени прекратилъсь мои частыя и близкія сношенія съ домомъ Шишковыхъ. Я привѣждалъ въ Петербургъ уже, такъ сказать, на побѣвку. Наступила вѣчно памятная эпоха 1812 года, и съ удивленіемъ узналъ я, что Александръ Семенычъ былъ сдѣланъ Государственнымъ секретаремъ на мѣсто Михайла

Михайловича Сперанскаго. Нисколько не позволяя себѣ судить, на своемъ ли онъ былъ мѣстѣ, я скажу только, что въ Москвѣ и въ другихъ внутреннихъ губерніяхъ Россіи, въ которыхъ мнѣ случилось въ то время быть, все были обрадованы назначеніемъ Шишкова, и что писанные имъ манифесты дѣйствовали электрически на цѣлую Русь. Не смотря на книжныя иногда, нѣсколько напыщенные выраженія, русское чувство, которымъ они были проникнуты, сильно отзывалось въ сердцахъ русскихъ людей.

Въ 1814 году я пріѣхалъ въ Петербургъ. Александръ Семенычъ только что воротился изъ чужихъ краевъ. Онъ жилъ уже не въ прежнемъ своемъ скромномъ домицкѣ на Форштатской улицѣ, а въ великолѣпной казенной квартирѣ противъ дворца. Образъ жизни его измѣнился; ученые филологическіе труды прекратились; другіе люди стали посѣщать его; другія мысли и заботы наполняли его умъ и душу, и живое воспоминаніе, только что разыгранной, испанской драмы, въ которой самъ онъ былъ важнымъ дѣйствующимъ лицомъ и двигателемъ народнаго духа Святой Руси, — подавило его прежніе интересы; но онъ встрѣтилъ меня и брата съ прежнимъ радушіемъ и съ видимымъ удовольствіемъ; Дарья Алексѣвна — также. Перемена въ общественномъ положеніи не произвела въ нихъ никакой перемены. Много наслушался я разсказовъ любопытныхъ и поучительныхъ, но разсказамъ этимъ здѣсь не мѣсто. Впрочемъ нѣкоторая часть слышаннаго мною напечатана въ собственныхъ запискахъ Шишкова. Мы бывали у Шишковыхъ не такъ часто, какъ прежде, но непременно всякую недѣлю.

Въ это время ходила по Петербургу народія извѣстнаго стихотворенія Жуковскаго «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ», написанная на Шишкова и на всю вообще «Бе-

сѣду русскаго слова». Одинъ разъ племянникъ Александра Семеныча, Саша Шинковъ, бывъ со мной въ кабинетъ у дяди, сказалъ мнѣ на ухо: «Еслибъ дядя зналъ, что у меня въ карманѣ!»—«Что-же у тебя такое?» спросилъ я.— «Пародія на дядю и на всю Бесѣду, написанная Батюшковымъ» (*). Старикъ Шинковъ былъ занятъ чѣмъ-то другимъ. Я пробѣжалъ пародію и положилъ въ карманъ, сказавъ Сашѣ, что я прочту ее дядѣ, который выслушаетъ ее съ удовольствіемъ. Саша умолялъ меня не дѣлать этого; но я не послушалъ и обратившись къ Александру Семенычу, сказалъ: «Знаете ли вы, что по Петербургу ходитъ пародія «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ» на васъ и на всѣхъ членовъ Бесѣды:—«Нѣтъ, не знаю. Да хороша ли?»— «Всѣ хвалятъ, сказалъ я, хотите я вамъ прочту?»— «Прочти, пожалуйста».—И я при всѣхъ, кто были въ кабинетѣ, торжественно прочелъ пародію. Александръ Семенычъ былъ очень доволенъ, улыбался, и когда я кончилъ, сказалъ: «Это забавно. Дайте мнѣ, пожалуйста, списокъ». Саша очень струсилъ, что я отдамъ тотъ, по которому читалъ, написанный его рукою, но я вывелъ его изъ затрудненія, отдавъ ему списокъ и сказавъ: «Саша вамъ сплшетъ». Изъ этой баллады уцѣлѣли въ моеѣ памяти слѣдующіе стихи:

Да здравствуетъ Бесѣды царь!
 Цвети твоя держава!
 Бумажный тронъ твой—нашъ алтарь,
 Предъ нимъ обѣтъ нашъ—слава!
 Не измѣнимъ, мы отъ отцевъ
 Пріяли глупость съ кровью.
 Сумбуръ! Здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ,
 Къ тебѣ горимъ любовью.

(*) Я не повѣрилъ тогда, что она написана Батюшковымъ, но М. А. Дмитриевъ недавно доказалъ, что эта пародія точно принадлежитъ Батюшкову.

Напѣ каждый писарь — Славяншнъ;
 Галиматью дышетъ;
 Бѣжитъ предатель пхъ дружинъ
 И галицизы пишеть.

Вотъ конецъ куплета, непосредственно относившагося къ Александру Семенычу, а начала не помню.

Ошую пусть сидить съ гобой
 Осьмое чудо свѣта,
 Твой сынъ, наперсникъ и клеветъ
 Шихматовъ безглагольный (*);
 Какъ ты, Славянъ краса и цвѣтъ,
 Какъ ты, собой довольный.

Въ началѣ 1815 года, семейныя обстоятельства внезапно вызвали меня изъ Петербурга. Оставя брата жить у полковника Мартынова и поручивъ его вниманію и участію Шишковыхъ, я поскакалъ, сломя голову, въ Вятскую, а потомъ въ Оренбургскую губернію. Съ 1807 года я не разставался съ братомъ, и это была первая разлука.

Въ 1816 году я прїѣзжалъ изъ Москвы, гдѣ тогда живу все наше семейство, на три мѣсяца въ Петербургъ, собственно за тѣмъ, чтобъ взглянуть на брата: я нашелъ его любимцемъ обоихъ Шишковыхъ. Эти три мѣсяца я былъ совершенно поглощенъ неожиданнымъ знакомствомъ съ Державинымъ, знакомствомъ, въ нѣсколько дней сдѣлавшимся близкимъ и задушевымъ, навсегда сохранившимъ для меня великое значеніе. Съ Александромъ Семенычемъ я видался рѣдко, за что онъ мнѣ даже пѣнялъ.

Здѣсь слѣдуетъ огромный промежутокъ времени: я женился и уѣхалъ на десять лѣтъ въ Оренбургскую деревню. Я переехалъ на житье въ Москву въ 1826 году, во время

(*) У Шихматова почти не было рифмъ на глаголы.

коронаціи, и нашелъ въ Москвѣ Шишкова уже министромъ Народнаго Просвѣщенія. Много совершилось перемѣнъ въ это десятилетіе! Доброй, истинно доброй и достойной уваженія Дарьи Алексѣевны Шишковой—уже не было на свѣтъ: Богъ послалъ ей страдальческую кончину. Александръ Семеновичъ, имѣя нужду въ нянькѣ, какъ самъ говорилъ мнѣ, женился, не смотря на свои преклонныя лѣта и хворость, на Полячку и католичку, Ю. О. Л—ской, къ общему удивленію и огорченію всехъ близкихъ къ нему людей. Въ Москвѣ, такъ же какъ и прежде, Шишковъ встрѣтилъ меня съ неизмѣннымъ радушіемъ и ласкою. Не выдавши меня десять лѣтъ, онъ очень мнѣ обрадовался, разспрашивалъ меня обо всехъ подробностяхъ деревенской жизни, обо всемъ, чтò я дѣлалъ; удивлялся какъ я могъ прожить въ такой глуши десять лѣтъ и, выслушавъ внимательно мои причины, мою цѣль, просто-душно мнѣ сказалъ: «Ну, братъ, я тебя еще больше уважаю и скажу тебѣ правду, что ты въ деревнѣ не одичалъ и не поглупѣлъ». Разсказывая откровенно Шишкову мои обстоятельства, я говорилъ ему, что мнѣ нужно мѣсто въ Москвѣ, съ порядочнымъ жалованьемъ. Я говорилъ въ то же время о новомъ, особомъ цензурномъ комитетѣ въ Москвѣ, о хорошемъ цензорскомъ жалованьи и спрашивалъ: кого онъ имѣетъ въ виду для занятія этихъ мѣстъ? Педогадливость Шишкова осталась прежняя. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что охотниковъ и просьбъ объ нихъ много, но самъ онъ еще не выбралъ никого; такъ мы и разстались. Дѣлать было нечего. Дня черезъ два я опять пріѣхалъ къ нему и спросилъ его прямо: «не могу ли я занять мѣсто цензора?» Шишковъ былъ очень радъ и отвѣчалъ мнѣ: «Почему же нѣтъ? Лучшаго цензора я желать не могу. Въ твоихъ правилахъ я увѣренъ, какъ въ моихъ собственныхныхъ»... и очень удивлялся, какъ это ему самому

не пришло въ голову. Онъ немедленно назначилъ меня цензоромъ и уѣхалъ въ Петербургъ.

Что касается до управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія, то я не беру на себя судить объ этомъ. Шишковъ, можетъ быть, слишкомъ односторонне смотрѣлъ на предметы и вездѣ проводилъ свои убѣжденія, благія и честныя въ основаніи, но уже устарѣвшія, или лучше сказать, потерявшія свою важность. Время шло быстро. Шишковъ не всегда это замѣчалъ и, живя въ прошедшемъ, иногда не видѣлъ потребностей настоящаго. Шишковъ боролся упорно, но наконецъ убѣдившись, что онъ, какъ министръ, не можетъ быть полезенъ, — вышелъ въ отставку.

Въ 1829 году я пріѣзжалъ въ Петербургъ на короткое время и видѣлся съ Шишковымъ нѣсколько разъ. Здоровье его начинало слабѣть. Онъ жаловался мнѣ на свои глаза, говоря, что уже не можетъ такъ много читать и писать, какъ прежде. Онъ оставался членомъ Государственнаго Совета, Президентомъ Россійской академіи и получалъ всѣ прежніе свои оклады, слѣдовательно могъ жить въ довольствѣ. Общество его совершенно перемѣнилось. Шишковъ, заклятой врагъ католиковъ и Поляковъ — былъ окруженъ ими. Новая супруга наводила его домъ людьми совсѣмъ другаго рода, чѣмъ прежде, и я не могъ равнодушно видѣть достопочтеннаго Шишкова посреди разныхъ усачей, самопадѣянныхъ и заносчивыхъ, болтавшихъ всякой вздоръ и обращававшихся съ нимъ слишкомъ запросто. Хотя Шишковъ, по видимому, спокойно примирялся съ новымъ своимъ положеніемъ, но смотрѣть на него было мнѣ слишкомъ тяжело. Я пріѣзжалъ къ нему всего раза три, да и всѣ прежніе знакомые стали рѣдко къ нему ѣздить.

Въ 1852 или 1855 году прїѣзжалъ Александръ Семенычъ со своей молодой супругой въ Москву, чтобъ лечиться искусственными минеральными водами, которыхъ въ Петербургъ еще не было. Онъ жилъ у старинныхъ своихъ друзей, Бакуниныхъ. Я не рѣдко приходилъ къ нему; онъ всегда былъ мнѣ очень радъ и охотно говорилъ о русской словесности. Я представилъ тогда ему моего старшаго сына, который былъ воспитанъ въ чувствахъ уваженія къ Шишкову. Александръ Семенычъ очень его полюбилъ и даже обласкалъ, вопреки своей обыкновенной неласковости. Воды не помогли больному, уже дряхлому старику: напротивъ были вредны, и онъ скоро уѣхалъ въ Петербургъ. Памятникомъ этого послѣдняго пребыванія Шишкова въ Москвѣ остался у меня одиннадцатый томъ Русской Исторіи Карамзина, изданный послѣ его смерти Д. П. Блудовымъ. Шишковъ бралъ его у меня, чтобъ прочесть, и сдѣлалъ на поляхъ много замѣтокъ. Въ это же время представилъ я Александру Семенычу, какъ Президенту Русской Академіи, Ю. П. Венелина, книгу котораго «Древніе и нынѣшніе Болгаре», онъ зналъ и очень уважалъ. Слѣдствіемъ этого знакомства было путешествіе Венелина въ Болгарію. По предложенію Шишкова, Россійская Академія назначила Венелину три тысячи рублей ассигнаціями на путевыя издержки.

Въ 1856 году я опять ѣздилъ въ Петербургъ. Здоровье Александра Семеныча Шишкова и особенно зрѣніе очень ослабѣли; но я нашелъ его бодрымъ духовно и даже иногда веселымъ. Онъ почти оцупно отыскивалъ въ шкафѣ пужную ему книгу, доставалъ ее и заставлялъ меня кое-что прочесть вслухъ. Въ одной рукописной его книгѣ (не помню, какъ она называлась) читалъ я, признаюсь, съ предубѣжденіемъ и недоверчивостью, пред-

сказаніе Шишкова о будущей судьбѣ Европы, о всѣхъ ея революціяхъ и безвыходныхъ неустройствахъ. Увы! все исполнилось и исполняется съ поразительною вѣрностью. Шишковъ говорилъ мнѣ, что онъ, одиннадцатъ лѣтъ тому назадъ, письменно предсказалъ за годъ одно важное событіе, но что тогда только смѣялись надъ нимъ; да и послѣ, когда предсказаніе исполнилось, никто не обратилъ на это вниманія.—Одинъ разъ, вдругъ вошла къ намъ въ кабинетъ молодая дама или дѣвушка, которая была необыкновенно хороша собою; Шишковъ былъ такъ любезенъ и веселъ съ нею, что я во всю мою жизнь никогда его такимъ не видывалъ. Когда красавица ушла, Александръ Семенычъ со вздохомъ сказалъ мнѣ: «скверное, братъ, положеніе, не могу различить прекрасной женщины отъ уroda». Подивился я такимъ словамъ, какихъ никогда прежде отъ него не слыхивалъ. Не знаю почему, только вторая супруга не показывалась въ кабинетъ Александра Семеныча: за нимъ ходили внимательно и любимо его родныя племянницы.

Въ 1839 году, въ ноябрѣ, я пріѣзжалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ Гоголемъ. Шишковъ былъ уже совершенно слѣпъ. Я навѣщалъ довольно часто Александра Семеныча: онъ былъ еще на ногахъ, но становился часъ отъ часу слабѣе, и жизнь видимо угасала въ немъ. Я никогда не говорилъ съ Шишковымъ о Гоголѣ: я былъ совершенно убѣжденъ, что онъ не могъ, не долженъ былъ понимать Гоголя. Въ это-то время бывалъ я свидѣтелемъ, какъ Александръ Семенычъ кормилъ цѣлую стаю голубей, оцупью отворяя форточку и выставляя кормъ на тарелкѣ.

Наконецъ, въ исходе 1840 года, одно печальное происшествіе неожиданно вызвало меня въ Петербургъ, и я видѣлъ въ послѣдній разъ Александра Семеныча Шишкова. Это былъ уже трупъ человѣческой, недвижимый и

безгласный. Только близко наклонясь къ нему, можно было замѣтить, что слабое дыханіе еще не прекратилось. Мнѣ разсказывали, что онъ и прежде бывалъ иногда въ такомъ положеніи по нѣскольку недѣль, что его жизнь поддерживали, вливая ему въ ротъ раза четыре въ день по нѣскольку ложекъ бульона, что иногда вдругъ это состояніе проходило, онъ какъ будто просыпался, начиналъ сидѣть на постели, вставать и ходить по комнатѣ съ помощію другихъ, и выѣзжалъ прокатываться. Академическія засѣданія собирались у него въ комнатѣ. Разсказывали мнѣ также, что одинъ разъ во время подобнаго летаргическаго сна, когда уже никто не церемонился около него, говорили громко, шумѣли и ходили, какъ около покойника, къ которому все равнодушно, вдругъ вбѣжалъ камердинеръ и сказалъ довольно тихо, что Государь остановился у воротъ и прислалъ спросить о здоровьѣ Александра Семеныча. Къ общему изумленію, почти испугу, въ ту же минуту Шишковъ открылъ глаза и довольно твердымъ голосомъ сказалъ: «Благодарю Государя! Скажи Ему, что мнѣ лучше»—и впалъ въ прежнее безчувствіе, продолжавшееся еще двѣ недѣли. Вскорѣ по возвращеніи въ Москву, получилъ я извѣстіе, что отлетѣло послѣднее дыханіе жизни, такъ долго боровшееся со смертію, что Александръ Семенычъ скончался.

Много несправедливаго, невѣрнаго, смѣшнаго и нелѣпаго говорило объ этомъ человѣкѣ—зловѣчіе человеческое. Но откинувъ въ сторону все тонкія разсужденія о недостаткахъ и слабостяхъ почившаго брата, нельзя не сознаться, что проходя обширное, многозначительное поприще службы, въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ Государства, начавъ съ Морскаго Кадетскаго Корпуса, гдѣ Шишковъ былъ при Екатеринѣ учителемъ, дойдя до высокаго мѣста Государственнаго секретаря, съ котораго онъ двѣгалъ

духомъ Россіи писанными имъ манифестами въ 1812 году, Шишковъ имѣлъ одну цѣль: общую пользу; но и для достиженія этой святой цѣли, никакихъ уступокъ онъ не дѣлалъ. Никогда Шишковъ для себя ничего не искалъ, ни одному Царю лично не льстилъ; онъ искренно вѣрилъ, что Цари отъ Бога, и былъ преданъ всею душою царскому сану, благоговѣлъ предъ нимъ. Шишковъ безъ всякаго униженія могъ поклониться въ ноги своему природному Царю; но стоя на колынахъ, онъ говорилъ: «не дѣлай этого, Государь, это не хорошо». Убѣжденія Шникова были часто ошибочны, но всегда честны. Онъ не выходилъ изъ круга умственныхъ попятій своего времени, круга не рѣдко тѣснаго и ограниченнаго, но не измѣнялъ своимъ правиламъ никогда. Эту твердость называли упрямствомъ, изуверствомъ; но Боже мой, какъ бы я желалъ многимъ добрымъ людямъ настоящаго времени, побольше этого упрямства, этой горячей ревности!—На литературномъ поприщѣ, которое предшествовало государственному, Шниковъ дѣйствовалъ точно также. Онъ возсталъ противъ побѣдоноснаго могущества новизны и таланта, всѣхъ пльнившаго, всѣхъ увлекшаго за собою, возсталъ, потому что считалъ это увлеченіе вреднымъ, возсталъ одинъ противъ несмѣтнаго полчища поклонниковъ торжествующей новизны, сильныхъ и раздражительныхъ; онъ былъ осмѣяль, униженъ, ненавидимъ, гонимъ общественнымъ мнѣніемъ большинства. но онъ сдѣлалъ свое дѣло. Староверъ, гасильникъ, Славянофилъ Шишковъ—открылъ глаза Карамзину на вредныя послѣдствія его нововведеній въ русское слово. Самъ благородный и добрый Карамзинъ говорилъ мнѣ (въ 1816 году), что «у Александра Семеныча много гнѣва, много желчи, много личной къ нему враждебности, а потому много и несправедливаго, но есть много и правды». Въ дѣлѣ суда и осужденія общественной нравственности, связан-

номъ неразрывно у Шишкова съ дѣломъ литературы, — онъ былъ еще справедливѣе и заслуживаетъ еще болѣе уваженія, хотя мало имѣлъ вліянія и оказалъ, можетъ быть, менѣе пользы. Собственно же за русское направленіе, за славянофильство, какъ бы Шишковъ ни понималъ его криво, которое онъ исповѣдывалъ и проповѣдывалъ, съ юныхъ лѣтъ до гробовой доски, котораго былъ мученикомъ — онъ имѣетъ полное право на безусловную, сердечную нашу благодарность. Исторія будетъ безпристрастнѣе, справедливѣе насъ. Имя Шишкова, какъ литератора, какъ общественнаго и нравственнаго писателя, какъ государственнаго чловѣка, какъ двигателя своей эпохи — займетъ почетное мѣсто на ея страницахъ, и потомство съ болѣшимъ сочувствіемъ, чѣмъ мы, станеть повторять стихи Пушкина:

Сей старецъ дорогъ намъ; онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года.

**ЗНАКОМСТВО
СЪ ДЕРЖАВИНЫМЪ.**

ЗНАКОМСТВО СЪ ДЕРЖАВИНЫМЪ.

Въ половинѣ декабря 1815-го года пріѣхалъ я въ Петербургъ на короткое время, чтобы взглянуть на брата, котораго я въ 1814 году опредѣлилъ подпрапорщикомъ въ Измайловскій полкъ. Братъ жилъ у полковника, Павла Петровича Мартынова, моего земляка и короткаго пріятели, который, какъ и все офицеры, квартировалъ въ известномъ Гарновскомъ домѣ; я помѣстился также у Мартынова. Гарновскій домъ, огромное зданіе безъ всякой архитектуры,—какъ и все почти дома въ Петербургъ,—казармы Измайловскаго и Лейбъ-егерскаго полковъ. одолженъ своей извѣстностью стихамъ Державина ко «Второму сосѣду». Исторія богача Гарновскаго, построившаго свой огромный домъ рядомъ съ домомъ Державина выше законной мѣры и затемнившаго свѣтъ своему сосѣду,—въ свое время была извѣстна всемъ. Державинъ жаловался полиціи и написалъ стихи. Вотъ нѣкоторыя пророческія строфы изъ этого стихотворенія.

Почто же, мой второй сосѣдь,
Столь зданьемъ пышнымъ, столь отличнымъ
Мнѣ солнца застѣняя свѣтъ,

Дворомъ междушь безграничнымъ
 Ты дома моего заборъ?
 Уже-ль полей, прудовъ и рѣчекъ,
 Тѣмъ скупленныхъ тобой мѣстечекъ,
 Твой не насытить взоръ?

Кто вѣсть, что Рокъ готовить намъ?
 Быть можетъ, что снѣ чертоги,
 Назначены тобой царямъ,
 Жестоки времена и строги
 Во стойлы конски обратять
 За счастье поруки нѣту,
 И чтобъ твой Фебъ свѣтилъ вѣкъ свѣту,
 Не бейся объ закладъ.

Такъ, такъ! Но примѣчай, какъ день
 Увы! Почъ темна затмѣваетъ;
 Луну скрываетъ облакъ, тѣнь;
 Она растеть, или убываетъ:
 Съ сумой не сеорься и тюрьмой, и проч.

Нынѣшное зданіе обратилось въ казармы, а богачь-строитель, какъ говорятъ, умеръ въ тюрьмѣ.

Я пріѣхалъ въ Петербургъ вечеромъ. Хозяина моего, Мартынова, не было дома, брата также: братъ былъ у товарищей своихъ, Измайловскихъ же подпрапорщиковъ, Капишстовъ, родныхъ племянниковъ Державина, жившихъ въ домъ у дяди и коротко познакомившихъ моего брата съ гостепріимнымъ хозяиномъ. За братомъ послали. Между тѣмъ, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, пришли ко мнѣ Измайловскіе офицеры: Кавелинъ, Годенъ, Лопухинъ и Квашнинъ-Самаринъ. Я былъ особенно друженъ съ Кавелинымъ, который въ послѣднее время сдѣлался очень короткимъ знакомымъ въ домъ Державина и бывалъ у него очень часто. Послѣ первыхъ дружескихъ привѣтствій, Кавелинъ спросилъ меня: знаю ли я, что Державинъ нетерпѣливо меня ожидаетъ? Что уже съ недѣлю, какъ онъ

всякій день спрашиваетъ, не пріѣхалъ ли я?—Такія слова сильно меня озадачили. Я былъ самымъ горячимъ, самымъ страстнымъ поклонникомъ Державина и зналъ наизусть все его лучшіе стихи; я много разъ видалъ его въ публикѣ, особенно до 1812 года, у А. С. Шишкова, но никогда не былъ ему представленъ, не былъ съ нимъ знакомъ. На двадцать четвертомъ году жизни, при моеѣ пылкой природѣ, слова: «Державинъ тебя нетерпѣливо ожидаетъ», имѣли для меня такое волшебное значеніе, которое, въ теперешнее положительное время, едва ли будетъ многимъ понято. Не успѣлъ я ощутиться отъ изумленія и радости, какъ пріѣхалъ мой братъ и первыя слова его были: «Гаврила Романычъ проситъ тебя придти къ нему сейчасъ. . . .» Я совершенно обезумѣлъ. Наконецъ опомнившись, спрашиваю: «что же все это значитъ?» и узнаю, что братъ мой, бывшій тогда восемнадцатилѣтнимъ юношей, Кавелинъ и другіе, до того нахвалили Державину мое чтеніе, называемое тогда *декламаціей*, что онъ, по своему горячему нраву нетерпѣливо желалъ меня послушать, или, какъ онъ самъ впоследствии выражался, «послушать себя». Я не могъ идти сейчасъ; я былъ красенъ съ дороги, какъ вареный ракъ, и голосъ у меня *сълъ*, то-есть, не былъ чистъ, а я, разумѣется, хотѣлъ показаться Державину *во всемъ блескѣ*.—Кстати сказать здѣсь нѣсколько словъ о чтеніи, объ искусствѣ читать: ибо умѣнье и дарованье чтенія могутъ быть возведены на степень искусства. Чтеніе было моеѣ страстью съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ; оно доставило мнѣ много сердечныхъ наслажденій въ семьѣ, въ кругу друзей, въ уединеніи, много доставило лестныхъ самолюбію успѣховъ въ обществѣ и на сценѣ, такъ называемыхъ, *благородныхъ театровъ*. Не одинъ разъ давалъ я себѣ и другимъ обѣщаніе написать нечто въ родѣ разсужденія объ умѣньѣ читать, разсужденія,

которое могло бы служить не руководствомъ, а нѣкоторымъ объясненіемъ этого дѣла для людей, имѣющихъ охоту къ чтенію и талантъ, потому что безъ природнаго дарованія нечего за это дѣло и браться. Не одинъ разъ принимался я за исполненіе моего обѣщанія, но всегда былъ совершенно недоволенъ написаннымъ: такъ все казалось неудовлетворительно, непонятно, не выражало мысли, что я никогда не имѣлъ терпѣнья кончить, и уничтожалъ черновые листы, а мнѣ помнится, въ нихъ находилось кое-что удачно схваченное и хорошо выраженное. Чтеніе въ обширномъ, высокомъ его значеніи — не только основаніе сценическаго искусства, но почти тоже, что игра на театрѣ. Надобно вполнѣ почувствовать, вполнѣ усвоить себѣ то, что читаешь; вполнѣ овладѣть своими средствами, какъ-то: чистотою произношенія, управленіемъ выработаннаго предварительно голоса и, что всего важнѣе, управленіемъ собственными чувствами, мѣрою теплоты и одушевленія... но я не хочу вдаваться въ разсужденіе объ искусствѣ читать. Я хотѣлъ только опредѣлить его сущность и значеніе, что считаю нужнымъ для моего разсказа о первомъ свиданіи и знакомствѣ съ Державиннымъ.

На другой день, въ десять часовъ утра, явился за мной посланный отъ Гаврилы Романьича, и въ одиннадцать часовъ я пошелъ къ нему вмѣстѣ съ братомъ, не смотря на то, что еще не прошли на моемъ лицѣ слѣды безобразія отъ русской зимней дороги. Сердце билось у меня сильно, и врожденная мнѣ необыкновенная застычивость, отъ которой я тогда еще не совсемъ освободился, вдругъ овладѣла мною въ высшей степени. Еслибъ дорога не состояла только изъ нѣсколькихъ десятковъ шаговъ, вѣроятно я воротился бы назадъ; но вошедъ въ домъ Державина и вступивъ въ залу, я переродился. Робость моя улетѣла мгновенно, когда глазамъ моимъ представилась

картина Топчи, изображающая Державина посреди снѣговъ, сидящаго у водопада, въ медвѣжьей шубѣ и бобровой шапкѣ (*)..... Геній поэзіи Державина овладѣлъ всеми способностями моеѣ души, и въ эту минуту уже ничто не могло привести меня въ замѣшательство. — Со мною случилось точно то, что всегда случалось предъ выходомъ на сцену въ какой-нибудь, хотя нѣсколько значительной роли. Бывало, лишь только раздастся музыка увертюры, я начинаю дрожать, какъ въ лихорадкѣ, отъ внутренняго волненія; часто я приводилъ въ страхъ моихъ товарищѣй-актеровъ, не знавшихъ еще за мной этихъ продѣлокъ; но съ первымъ шагомъ на сцену я былъ уже другой человекъ, помнилъ только представляемое мною лице, и многочисленная публика для меня не существовала: я игралъ точно такъ, какъ ренетировалъ роль накануне, запершись въ своей комнатѣ... виновать, я увлекся въ сторону и опять занялся исключительно собой; даю слово, что больше этого не будетъ. — Изъ залы налево была дверь въ кабинетъ Державина; я благоговѣнно, но смѣло вошелъ въ это святилище русской поэзіи. Гаврила Романычъ сидѣлъ на огромномъ диванѣ, въ которомъ находилось множество ящичковъ; передъ нимъ на столѣ лежали бумаги, въ рукахъ у него была аспидная доска и грифель, привязанный ниткой къ рамкѣ доски; онъ быстро отбросилъ ее на диванъ, всталъ съ живостью, протянулъ мнѣ руку и сказалъ: «добро пожаловать, я давно васъ жду. Я читалъ ваши прекрасные стихи (**) (Державинъ былъ плохой судья и чужихъ и своихъ стиховъ), слышался, что вы мастерски декламируете и петербургово

(*) Эта картина впоследствии была въ Москвѣ у роднаго племянника Державина, А. Н. Львова, скончавшагося въ 1849 году.

(**) Переводъ Филоктета.

хотѣлъ съ вами познакомиться». — Державинъ былъ довольно высокаго роста, довольно широкаго, но сѣхощаваго сложенія; на немъ былъ колпакъ, остатки сѣдыхъ волосъ небрежно изъ-подъ него висѣли; онъ былъ безъ галстука, въ шелковомъ зеленомъ шлафроктѣ, подпоясанъ такого же цвѣта шнуркомъ съ большими кистями, на ногахъ у него были туфли; портретъ Тончи походилъ на оригиналь, какъ двѣ капли воды. Я отвѣчалъ Державину искренно, что «считаю настоящую минуту счастливѣйшею минутою моей жизни, и если чтеніе мое ему понравится...» Онъ перервалъ меня, сказавши: «О, я увѣренъ, что понравится; садитесь вотъ здѣсь, поближе ко мнѣ», и онъ посадилъ меня на кресло возлѣ самага дивана. — «Вы чѣмъ-то занимались, не помѣшалъ ли я вамъ?» — «О нѣтъ, я всегда что-нибудь мараю, перебираю старое, чищу и глажу, а новаго не пишу ничего. Мое время прошло. Теперь ваше время. Теперь многіе пишутъ славныя стихи, такіе гладкіе, что относительно версификаціи уже ничего не остается желать. Скоро явится свѣту второй Державинъ: это Пушкинь, который уже въ Лицеѣ перещеголялъ всѣхъ писателей. Но позвольте: вѣдь мы съ вами съ одной стороны? Вы Оренбурецъ и Казанецъ, и я тоже; вы учились въ Казанской гимназіи сначала и потомъ перешли въ университетъ, и я тоже учился въ Казанской гимназіи, а объ университетѣ тогда никто и не помѣшлялъ. Да мы съ вами и сосѣди по Оренбургскимъ деревнямъ; я обо всемъ разспросилъ братца вашего. Мое село, Державино, вѣдь не съ большимъ сто верстъ отъ имѣнія вашего батюшки (сто верстъ считалось тогда сосѣдствомъ въ Оренбургской губерніи)...» Гаврила Романычъ подозвалъ къ себѣ моего брата, приласкалъ его, потрепавъ по плечу, и сказалъ, что онъ прекрасный молодой человекъ, что очень радъ его дружбѣ съ своими Кашнистами, и прибавилъ:

«да тебѣ не пора ли на ученье? пріятели твои, я видѣлъ, ушли». — «Пора, Гаврила Романычъ, отвѣчалъ мой братъ, и я сейчасъ пойду». — «Ступай съ Богомъ, а съ братцемъ твоимъ мы уже познакомимся». И мы остались одни. Державинъ былъ такъ деликатенъ, что не заставилъ меня сейчасъ читать, хотя ему очень этого хотѣлось, какъ онъ самъ впоследствии, смѣясь, мнѣ признавался. Онъ завелъ со мной довольно длинный разговоръ объ Оренбургскомъ краѣ, о тамошней природѣ, о Казани, о гимназiи, университетѣ, и на этотъ разъ заставлялъ уже больше говорить меня, а самъ внимательно слушалъ. Я говорилъ безъ запинки, съ одушевленіемъ, и нѣсколько разъ наводилъ разговоръ на стихи, и наконецъ, какъ-то кстати, прочелъ нѣсколько его стиховъ изъ стихотворенія «Арфа», гдѣ онъ обращается къ Казани:

О колыбель моихъ первоначальныхъ дней,
 Невинности моей и юности обитель!
 Когда я освѣщусь опять твоей зарей
 И твой попрежнему всегдашній буду житель?
 Когда наследственны стада я буду зрѣть,
 Васъ, дубы Камскіе, отъ времени почтенны,
 По Волгѣ между селъ на парусахъ летѣть
 И гробы обнимать родителей священны?

Лице Державина оживилось, глаза вспыхнули. «Вы хотите мнѣ что-нибудь прочесть», воскликнулъ онъ, и въ глазахъ его засвѣтился тотъ святой огонь, который внушилъ ему многія безсмертныя строфы. — «Всею душою хочу, отвѣчалъ я; только боюсь, чтобы счастье читать Державину его стихи, не захватило у меня дыханья». — Державинъ взглянулъ на меня, и, видя, что это не комплиментъ, а чистая правда, схватилъ меня за руку и ласково промолвилъ: «такъ успокойтесь». — Наступило молчаніе. Державинъ всталъ и началъ выдвигать ящики, которыхъ находилось множество по бокамъ его большаго

дивана и какъ-то надъ спинкой дивана. На ящикахъ, бронзовыми буквами были написаны названія мѣсяцевъ, а на нѣкоторыхъ — года. Гаврила Романычъ долго чего-то искалъ въ шухъ и наконецъ вытащилъ двѣ огромныя тетради или книги, переплетенныя въ зеленый сафьянный корешокъ. «Въ одной книгѣ мои мелочи, сказалъ онъ, а объ другой поговоримъ послѣ. Вы что хотите мнѣ читать? вѣрно оды: Бога, Фелицу или Видѣніе Мурзы?...» — «Нѣтъ, отвѣчалъ я: ихъ читали вамъ многіе; особенно актеръ Яковлевъ. Я желаю прочесть вамъ оду на смерть князя Мещерскаго и Водопадъ». — «А я хотѣлъ вамъ предложить прочесть мою трагедію». — «Сердечно радъ, но позвольте мнѣ начать этими двумя стихотвореніями». — «Позвольте». — «Я знаю наизусть почти весь ваши стихи; но на всякой случай я желаю бы имѣть въ рукахъ ваши сочиненія: вѣрно онъ есть у васъ». — «Какъ не быть, улыбувшись сказалъ Державинъ, — какъ сапожнику не имѣть шилевъ» (сравненіе довольно странное), и онъ досталъ, также изъ ящика, свои стихотворенія, богато переплетенныя въ красный сафьянъ съ золотомъ. Я зналъ, что читать, сидя очень близко отъ человека, которому читаешь, неудобно и невыгодно, и потому пересѣлъ на кресло, стоявшее довольно далеко отъ Державина; онъ хотѣлъ удержать меня, говоря, что не такъ будетъ слышно, но я увѣрилъ его, что онъ услышитъ все. Наружное мое волненіе затихло и сосредоточилось въ душѣ. Я прочелъ оду къ Перфильеву на смерть князя Мещерскаго. Съ первыми стихами:

Глаголь время, металла звонъ,
Твой страшный гласъ меня смущаетъ,
Зоветь меня, зоветь твой стоишь,
Зоветь — и къ гробу приближаетъ —

Державинъ превратился въ слухъ, лице его сдѣлалось лучезарнымъ, руки пришли въ движеніе. Когда я прочелъ:

Глядитъ на вѣхъ—и на царей,
 Кому въ державу тѣсны міры;
 Глядитъ на пышныхъ богачей,
 Что въ златъ и серебръ кумиры;
 Глядитъ на прелесть и красы,
 Глядитъ на разумъ возвышенный,
 Глядитъ на силы дерзновенны —
 И точитъ лезвее косы. —

Державицѣ содрогнулся. Едва я произнесъ послѣднія стихи:

Жизнь есть небесъ мгновенный даръ,
 Устрой ее себѣ къ покою,
 И съ чистотою твоей душою
 Благословляй судьбъ ударъ.—

Державицѣ уже обнимала меня со слезами на глазахъ. Онъ не вдругъ сталъ меня хвалить. Онъ молча сѣлъ опять на свое мѣсто, посадилъ и меня на прежнее кресло и, держа за руку, сказалъ тихимъ, растроганнымъ голосомъ: «Я слышалаъ себя въ первый разъ . . .» и вдругъ прибавилъ громкимъ голосомъ, съ какимъ-то пошлымъ выраженіемъ (что меня очень непріятно поразило): «Мастеръ, первый мастеръ! Куда Яковлеву! вы его, батюшка, за поясъ заткнете», и въ тоже время я примѣтилъ, что Державицѣ вдругъ сдѣлался чѣмъ-то озабоченъ, что у него было что-то другое на умѣ. Онъ опять всталъ, вынулъ другую рукописную книгу; нѣсколько разъ бралъ въ руки то ту, то другую, и наконецъ одну спряталъ, а другую оставилъ на столѣ. Я видѣлъ ясно, что сильное впечатлѣніе, произведенное чтеніемъ оды къ Перфильеву, у Державина быстро проицло и что ему ужасно хочется, чтобъ я читалъ трагедію. Скрылъ сердце я пожертвовалъ на этотъ разъ «Водопадомъ», и хорошо сдѣлалъ: Державицѣ сталъ бы слушать меня разсѣянно. Въ послѣдствіи я нашелъ минуту, когда онъ свободно могъ устремить все свое вниманіе на это чудное стихотвореніе, дико составленное, но богатое первоклассными красотоми: выраженіе этихъ

красотъ было нмѣ тогда почувствовано вполне.—И такъ, я обратился къ Державину, державшему въ рукахъ большой томъ въ зеленомъ корешкѣ и разсыянно смотрѣвшему въ сторону:—«Позвольте мнѣ теперь прочесть вамъ трагедію».—«Знаете ли, о чемъ я думаю, съ живостью сказать онъ? Вамъ трудно будетъ читать въ первый разъ рукописное сочиненіе».—Я отвѣчалъ, что это правда, что даже печатную драматическую піесу нельзя въ первый разъ прочесть хорошо, что надобно предварительно понять, выкинуть въ характеры лицъ, изучить ходъ сильныхъ сценъ; что я не читаю никогда никакой большой піесы другимъ, не прочитавъ ее вслухъ предварительно самому себѣ. — Съ живостью и удовольствіемъ подаль Державинъ мнѣ обѣими руками зеленый томъ и сказалъ: «Такъ возьмите, прочтите, изучите, и когда будете готовы, тогда прочтите мнѣ. Но вотъ что: вы вѣрно читали или слышали на театрѣ «Ирода и Маріамну»; прочтите мнѣ изъ нее нѣкоторыя сцены», и не дождавшись отвѣта, онъ позволилъ и приказалъ вошедшему человеку, собрать экземпляръ этой трагедіи изъ печатныхъ листовъ, лежавшихъ большимъ тюкомъ въ нижнемъ ящикѣ того же дивана. Разумѣется я сказалъ, что піесу знаю и прочту съ большимъ удовольствіемъ, и это была правда. Я былъ въ такомъ лирическомъ настроеніи, что радъ былъ читать Державину что угодно, хоть по-арабски. Въ какіе бы то ни было звуки хотѣла вылиться вскипявшая душа! Въ такія минуты всякіе стихи, всякія слова, пожалуй неизвѣстнаго языка,—будутъ полны чувства и произведутъ сочувствіе. Этимъ, по моему, объясняется удивительный и не рѣдкой фактъ, что на сценѣ истинные артисты приводили въ восхищеніе слушателей, не знающихъ языка представляемой піесы.—Между тѣмъ Гаврила Романычъ послалъ за своей женой, племянницей (П. П. Львовой) и

племянникомъ, служившимъ въ статской службѣ, Капнистомъ. Пришли первая и послѣдній; племянница была еще не готова и явилась къ концу чтенія. Негерпильнѣ Державина было очевидно: онъ едва познакомилъ меня съ своей женой, а съ Капнистомъ даже и не познакомилъ. Я началъ читать, и безъ всякихъ выпусковъ прочелъ трагедію до конца, отдыхая не болѣе двухъ-трехъ минутъ между дѣйствіями. Меня уговаривали отдыхать побольше, но я не соглашался: трагедія была небольшая, и притомъ я чувствовалъ, что моя восторженность можетъ охладеть, а тогда все бы погибло. Это чтеніе было единственнымъ явленіемъ въ продолженіе тридцатипятилѣтняго моего поприща въ качествѣ чтеца,—явленіемъ психологическимъ и весьма замѣчательнымъ. Чтобы понять вполне мои слова, надобно взять «Ирода и Маріамну» и попробовать прочесть ее вслухъ. Я самъ впоследствии, достигнувъ несравненно бѣльшаго искусства въ чтеніи, не одинъ разъ пробовалъ исполнить этотъ подвигъ—и не находилъ возможности, не только чѣмъ-нибудь воспламениться, но даже сносно прочесть, и еще меньше заставить другихъ прослушать съ участіемъ, хоть двѣ страницы а тогда я читалъ около полутора часа, и каждое слово было полно какого-то огня, какого-то чувства! Чтеніе было въ тоже время, мало сказать не вѣрно, не сообразно съ характерами и словами дѣйствующихъ лицъ, но даже нелюбо и безсмысленно. Я чувствовалъ это, хотя не ясно, въ самое то время, какъ читалъ. Съ полнымъ сознаніемъ и искренностью повторяю теперь, что чтеніе происходило на неизвѣстномъ мнѣ языкѣ; но тѣмъ не менѣе, и на другихъ и на меня произвело оно магическое дѣйствіе.—Можно себя представить, что было съ Державинымъ! Онъ рѣшительно былъ похожъ на человека, одержимаго корчами. Вся мои сердечныя ноты, каждый переходъ изъ тона въ тонъ,

каждый одушевленный звук — не почувствовала его восприимчивая, страстная душа! Онъ не могъ сидѣть, часто вскакивалъ, руки его дѣлали безпрестанные жесты, голова, все тѣло было въ движеніи. Восхищеніямъ, восторженнымъ похваламъ, объятіямъ — не было конца, а моему счастью — не было мѣры. Державинъ черезъ нѣсколько минутъ схватился за аспидную доску и сталъ писать грифельомъ. Весь присутствовавшіе, кромѣ меня, вышли. Разумѣется я догадался, что Державинъ пишетъ стихи на мое чтеніе, и не ошибся. Торопливо писала его дрожащая рука, и безпрестанно стирала написанное. Мнѣ показалось, что это писаніе продолжалось съ полчаса. Наконецъ, Гаврила Романычъ взялъ читанную мною трагедію, и на первомъ мягкомъ листѣ, вверху названія трагедіи, написалъ четыре стиха. — Мнѣ самому труднѣе, чѣмъ всякому другому, повѣрить, что я не помню этихъ стиховъ. Я тогда имѣлъ такую память, что съ одного раза могъ запомнить нѣсколько куплетовъ, если только стихи мнѣ нравились. Что книжка, подаренная Державинымъ, съ его стихами, собственноручно написанными, у меня пропала — это не диковинка: я растерялъ въ жизнь мою не малое число книгъ съ надписями ихъ авторовъ, иногда глубоко мною уважаемыхъ; но не запомнить четырехъ стиховъ Державина, мнѣ написанныхъ, при моемъ благоговѣніи къ Державину, при моей памяти — это просто невѣроятіе! Впрочемъ дѣло объясняется нѣсколько тѣмъ, что книга пропала у меня въ первые два-три дня. Только и помню, что стихи, весьма не гладкіе, оканчивались словами: «себя услышалъ въ первый разъ», словами, вырвавшимися у него послѣ чтенія «оды на смерть Мещерскаго». Несказанно счастливый мыслию, что я могъ привести въ восхищеніе величайшаго изъ поэтовъ (такъ я думалъ тогда), опьяненный отъ восторга и удовлетвореннаго само-

любилъ, я поспѣшилъ уйти отъ Державина, чтобъ подѣлиться моими чувствами съ моими друзьями.

Само собою разумется, что я сдѣлался частымъ и любимымъ гостемъ «Ивца Феліцы», какъ выражались тогда литераторы и дилеттанты русской словесности. Хозяинъ готовъ былъ слушать съ утра до вечера, а гость—читать и день и ночь. Чего не перечиталъ я Державину! И переведенную имъ «Федру» Расина, и собственные его трагедіи: «Св. Евпраксію», «Аталибу или покореніе Перу», Сумбеку (кажется такъ) или покореніе Казани», и проч., и сверхъ того два огромные тома въ листъ, разныхъ мелкихъ его сочиненій въ стихахъ и прозѣ, состоявшіе изъ басенъ, картинокъ, нравственныхъ изреченій, всякаго рода надписей, эпитафій, эпиграммъ и мадригаловъ: все это перечиталъ я по нѣскольку разъ. Я не говорю здѣсь о собственныхъ запискахъ Державина, имѣющихъ большой интересъ; я ихъ видѣлъ, переписывалъ, по вслухъ не читалъ. При нашихъ же стихотворныхъ чтеніяхъ, не рѣдко съ грустью думалъ я: умереть Державинъ, этотъ великій лирическій талантъ, и все читаемое теперь мною, иногда при нѣсколькихъ слушателяхъ, восхищающихся изъ уваженія къ прежнимъ произведеніямъ писателя, или изъ чувствъ родственныхъ и дружескихъ,—все будетъ напечатано для удовлетворенія празднаго любопытства публики: между тѣмъ какъ не слѣдуетъ печатать ни одной строчки. Но благодареніе разумной разборчивости его наследниковъ: изъ рукописныхъ сочиненій, о которыхъ я говорю,—именно не было напечатано ни одной строчки, сколько мнѣ извѣстно (*). Между тѣмъ, надобно сказать правду, кромѣ выгоды чисто матеріальныхъ, можно было соблазниться исполненіемъ желанія горячихъ поклонниковъ

(*) Недавно узналъ я, что напечатана трагедія «Василій Темный».

Державина: ибо въ этой громадѣ стиховъ, лишенныхъ иногда всякаго достоинства, изрѣдка встрѣчались стихи очень сильные и блестящіе лиризмомъ, впрочемъ по большей части не свойственные лицу ихъ произносившему. Въ мелкихъ стихотвореніяхъ также изрѣдка мелькалъ, можетъ быть не строго верный, но оригинальный взглядъ и, если не цельный, то односторонне-живой и поэтической образъ. Волканъ потухалъ; но между грудями камней, угля и пепла, мелькали иногда свѣтлыя искры прежняго огня. — Дарованія драматическаго Державинъ рѣшительно не имѣлъ: у него не было разговора—все была пѣснь; но увы, онъ думалъ, что его имѣетъ; часто онъ говорилъ мнѣ съ неуваженіемъ о своихъ одахъ и жалѣлъ, что въ самомъ началѣ литературнаго своего поприща не посвятить себя исключительно трагедіи и вообще драмъ. «Аталиба», трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, съ хорами и великолѣпнымъ, неисполнимымъ на сценѣ, спектаклемъ, была любимымъ его произведеніемъ. Въ ней главный эффектъ основывался на солнечномъ затмѣніи: Пизарро, захваченный въ плѣнъ Мекенканцами со всею свитою, и въ оковахъ ожидающій казни, предсказываетъ потемнѣніе солнца, какъ знаменіе гнѣва небснаго; солнце въ предписанную минуту помрачается (все это происходитъ на сценѣ), и побѣдители упадаютъ къ ногамъ побѣжденныхъ, освобождаютъ ихъ и признаютъ своими повелителями. Помню я изъ этой трагедіи одинъ стихъ, который цѣнился Державинымъ выше всего. Аталиба, упрекая Пизарро жадностью къ золоту, говоритъ длинный монологъ, который оканчивается такъ:

Вы преплыли моря, разторгнувъ крови связь,
Чтобъ изъ-подъ нашихъ ногъ увезть блестящу грязь.

Можетъ быть я что-нибудь и перепуталъ въ первомъ стихѣ, но второй веренъ буквально. Изъ мелкихъ сво-

ихъ сочиненій Державинъ особенно любилъ одно осьмистишіе, которымъ, по его мнѣнію, много обрисовывались трое знаменитыхъ нашихъ баснописцевъ: Хемницеръ, Дмитріевъ и Крыловъ, изъ которыхъ перваго онъ предпочиталъ остальнымъ за простоту и естественность разсказа. Стиховъ не помню, но содержаніе ихъ состоитъ въ томъ, что три поэта являются къ Аполлону, который говоритъ Дмитріеву: ты ловокъ, образованъ и ввелъ басно въ гостиную; Крылову — ты колодокъ, народенъ и уменъ; а Хемницеру Аполлонъ протягиваетъ руку, жметъ ее, «и ни слова». Этими словами заключается стихотвореніе.

Почти всякой разъ, какъ я бывалъ у Державина, я упрашивалъ его выслушать что-нибудь изъ его прежнихъ стиховъ, на что онъ не всегда охотно соглашался. Я прибѣгалъ къ разнымъ хитростямъ: предлагалъ какое-нибудь сомнѣніе, притворялся не понимающимъ нѣкоторыхъ намековъ. Лгалъ на себя или на другихъ, будто бы считающихъ такіа-то стихотворенія самыми лучшими, или напротивъ самыми слабыми, иногда читалъ его стихи наизусть въ подтвержденіе собственныхъ мыслей, нравственныхъ убѣжденій или сочувствія къ красотамъ природы. Гаврила Романычъ легко поддавался такому невинному обману и вступалъ иногда въ горячій споръ, но рѣдко удавалось мнѣ возбудить въ немъ такое сильное чувство чтеніемъ прежнихъ его стиховъ, какое обнаружили онъ въ первое наше свиданіе, слушая Оду къ Перфилюеву. По большей части, по окончаніи чтенія онъ съ улыбкой говаривалъ: «Ну да, это не дурно, есть огонь, да въдь все пустяки; все это такъ, около себя, и важнаго значенія для потомства не имѣетъ; все это скоро забудутъ; но мои трагедіи, но мои автологическія піесы будутъ оценены и будутъ жить». — Безгранично предавался пылу молодаго восторга при чтеніи его прежнихъ пустяковъ, я

уже не могъ воспламениться до самозабвенія, читая его повѣйшія сочиненія, какъ это случилось со мной при чтеніи «Прода и Маріамнь». — Державинъ это чувствовалъ, хотя я старался по возможности обмануть его поддѣльнымъ жаромъ и громомъ пышной декламациі; онъ досадовалъ и огорчался.—«У васъ все оды въ головѣ», говорилъ онъ; вы способны только чувствовать лирическіе порывы, а драматическую поэзію вы не всегда и не всю понимаете». Иногда впрочемъ онъ бывалъ доволенъ мною.—Державинъ любилъ также, такъ называемую тогда «эротическую поэзію» и щеголялъ въ ней мягкостью языка и исключеніемъ словъ съ буквою *p*. Онъ написалъ въ этомъ родѣ много стихотвореній, вѣроятно втрое болѣе, чѣмъ ихъ напечатано; все онъ, лишеныя прежняго огня, замѣненнаго иногда нескромностью картишъ, производили непріятное впечатлѣніе. Но Державинъ любилъ слушать ихъ, и любилъ, чтобъ слушали другіе, особенно дамы. Въ первый разъ я очень смутился, когда онъ приказалъ мнѣ прочесть въ присутствіи молодыхъ дѣвицъ, любимую свою піесу «Аристиппова баня», которая была въ послѣдствіи напечатана, но съ исключеніями. Я остановился и сказалъ: «не угодно ли ему назначить что-нибудь другое?»—«Ничего, возразилъ смѣясь Гаврила Романъчъ: у дѣвушекъ уши золотомъ завѣшаны».

Такъ продолжалась моя жизнь около мѣсяца; все время, свободное отъ необходимыхъ дѣлъ и свиданій въ Петербургѣ, проводилъ я въ домѣ Державина, который въ послѣдніе дни казался не такъ здоровымъ. Наконецъ одинъ разъ пришелъ я къ нему объѣдать, что бывало довольно часто. Швейцаръ встрѣтилъ меня съ обыкновенной ласковой улыбкой, но сказалъ мнѣ, чтобъ я вызвалъ камердинера Гаврилы Романъча, который имѣетъ до мѣся

какую-то надобность. Я нѣсколько удивился, и взошедъ, навѣрхъ, встрѣтить этого самаго камердинера; онъ сказалъ мнѣ, что Дарья Алексѣвна (жена Державина) проситъ меня, не входя въ кабинетъ къ Гаврилу Романычу, повидаться съ ней и для того зайти напередъ въ гостиную; я удивился еще болѣе и поспѣшилъ къ разгадкѣ. Дарья Алексѣвна (*), нѣсколько встревоженная, весьма учтиво и ласково сказала мнѣ, что мужъ ея нездоровъ, что онъ провелъ дурно ночь, что у него сильное раздраженіе нервъ, и что докторъ приписываетъ это тому волненію, съ которымъ Гаврила Романычъ слушаетъ мое чтеніе, что она проситъ, умоляетъ меня нѣсколько времени не ходить къ больному, или ходить, но не читать подъ какимъ-нибудь предлогомъ; «а всего лучше скажитесь больнымъ, прибавила она: если онъ васъ увидитъ, то начнетъ такъ приставать, что трудно будетъ отказать ему».—Я сейчасъ почувствовалъ, что все это совершенно справедливо. Я уже говорилъ, какъ Державинъ слушалъ мое чтеніе въ первое наше свиданіе; точно тоже продолжалось до сихъ поръ, если не всегда при слушаніи прежнихъ одъ, то всегда при слушаніи трагедій. Я вспомнилъ, какое изнеможеніе выражалось на лицѣ Державина послѣ нашихъ, иногда долгихъ, дообѣденныхъ или вечернихъ чтеній. Мнѣ стало совѣстно, и я покраснѣлъ до ушей. Я сказалъ Дарьѣ Алексѣвнѣ, что мнѣ больно и грустно и досадно на себя, для чего я самъ давно этого не примѣтилъ. Она призналась мнѣ, что уже съ недѣлю всякой день собирается поговорить со мной объ этомъ, что она боялась оскорбить меня, и что Боже сохрани, если узнаетъ объ этомъ Гаврила Романычъ. Я поспѣшилъ ее успокоить и прибавилъ, что я самъ боленъ, что докторъ давно требуетъ, чтобъ я

(*) Урожденная Дьякова, вторая супруга Державина.

сидѣлъ дома, и что я выѣзжалъ единственно для Гаврилы Романыча. Все это была совершенная правда, только я былъ боленъ не отъ чтеія, а отъ петербургскаго климата, отъ котораго уже поотвыкъ. Хозяйка благодарила меня искренно и упранивала, чтобъ я, въ доказательство, что не сержусь на нее, остался у нихъ обѣдать. «Гаврила Романычъ не выходитъ изъ кабинета и не узнаеть, что вы были здѣсь» прибавила она очень пріятливо. Я не остался подъ предлогомъ, что долженъ держать строгую діету; мнѣ показалось какъ-то странно оставаться въ домѣ контрабандой отъ хозяйки. Я пріѣхалъ однако вечеромъ къ Державину, сказалъ ему, что я давно нездоровъ, что долженъ лечиться и можетъ быть недѣли двѣ не выйду изъ комнаты. Гаврила Романычъ чуть не заплакалъ и такъ огорчился, что я испугался вредныхъ послѣдствій. Онъ самъ былъ очевидно нездоровъ. Глаза у него были мутные, и пульсъ бился, какъ въ лихорадочномъ жару, но самъ онъ и слышать не хотѣлъ, что онъ боленъ, и жаловался мнѣ, что съ нѣкотораго времени хотятъ увѣрить его, что онъ хвораетъ, а онъ напротивъ давно не чувствовалъ себя такъ бодрымъ и крѣпкимъ. Наконецъ онъ отпустилъ меня въ лазаретъ (какъ онъ выразился) и обіялъ на прощанье нѣсколько разъ, прибавивъ, что кстати исполнить просьбу жены и самъ полегитъ въ это время.

Много было шутокъ и смѣха въ Гарниовскомъ домѣ, гдѣ я былъ хорошо знакомъ почти со всеми офицерами, а также и въ близкомъ, родственномъ кругу Державина. Говорили, что я *защиталъ* старика и самъ *защитался*, и что мы оба принуждены были не шутя лечиться. Молва подхватила это простое событіе и распустила по городу съ обычными украшениями. Я самъ послѣ слышалъ, какъ рассказывалъ одинъ господинъ, что «какой-то пріѣзжій,

сумашедній декламаторъ и сочинитель, едва не уморилъ старика Державина чтеніемъ *своихъ* сочиненій, и что наконецъ принуждены были чрезъ полицію вывести этого чтеца-сочинителя изъ дома Державина и отдать на излеченіе частному лекарю».

Ровно черезъ двѣ недѣли явился я къ Державину, хотя дни за два до срока Дарья Алексѣевна уже прислала звать меня. Гавриилъ Романычъ очень мнѣ обрадовался, но не такъ, какъ я ожидалъ. Можетъ быть ему усильли внушить, что въ обществѣ смѣются надъ нимъ, будто бы съ утра до вечера заставляющимъ читать себѣ свои сочиненія; можетъ быть сказали, что мнѣ это въ тягость, что я скучаю и жалуюсь на такое принужденіе, а можетъ быть, что всего вѣроятнѣе, усильли его убедить, что такое равнодушное слушаніе точно ему вредно. Какъ бы то ни было, только Державинъ былъ со мною какъ-то принужденъ и не сказалъ ни слова о своихъ стихахъ. На другой день то же, и я уже подумалъ, что мои отношенія къ Гавриилу Романычу должны измѣниться, какъ вдругъ послѣдовало неожиданное возвращеніе къ прежнему порядку вещей. Одинъ изъ его племянниковъ, А. П. Львовъ, спросилъ меня при своемъ дядѣ: «каково идетъ Мизантропъ?»—Этѣ слова обратили на себя вниманіе Державина, и я долженъ былъ рассказать ему въ чемъ состояло дѣло; оно состояло въ слѣдующемъ: Ф. Ф. Кокоскинъ перевелъ Мольерова Мизантропа; переводъ его пользовался тогда большою славою; петербургская актриса, М. П. Валберхова, выпросила у Кокоскина эту піесу, еще неигранную на петербургской сценѣ, себѣ въ бенефисъ. Я отправлялся въ самое то время изъ Москвы въ Петербургъ; Кокоскинъ прислалъ со мною г-жѣ Валберховой Мизантропа и взялъ съ меня обѣщаніе, что я прочту самъ его переводъ

всѣмъ актерамъ на «считкѣ» (*) и даже посмотрю за репетиціями, на что далъ мнѣ письменное полномочіе. Я принялся было за это дѣло съ обыкновенною мнѣ горячностью, но скоро увидѣлъ, что играю тутъ смѣшную роль; никто изъ актеровъ не хотѣлъ меня слушать и не обращалъ вниманія на мои права, потому что завѣдывавшій тогда репертуарною частью кн. А. А. Шаховской, съ которымъ я былъ впоследствии очень друженъ, не благоволилъ къ Кокошкину и оскорбился, что такой молодой человекъ, какъ я, имѣлъ право ставить на петербургскую сцену такую знаменитую пьесу, какъ «Мизантропъ» Мольера. Считку разумеется произвели безъ меня, и только по необходимости, очень сухо, приглашенъ я былъ на репетиціи. Я, увидя явное отъ всѣхъ нерасположеніе, отстранился и былъ только изъ приличія раза два на репетиціяхъ. Родные Державина знали эту забавную исторію, и Львовъ (съ которымъ мы были потомъ друзьями) сдѣлалъ этотъ вопросъ съ намѣреніемъ надо мной посмѣяться. Я разсказалъ откровенно все. Державинъ по добродушію принялъ живѣйшее участіе въ моемъ непріятномъ положеніи; онъ зналъ только отрывки изъ перевода Кокошкина, когда-то прочтенные мастерски (по общему мнѣнію) самимъ Кокошкинымъ въ «Бесѣдѣ русскаго слова». Гаврилъ Романовичу очень захотѣлось послушать, какъ я читаю комедію, и онъ сталъ меня убѣдительно просить, чтобы я прочелъ ему всего Мизантропа. У меня былъ особый экземпляръ, окончательно исправленный переводчикомъ, и на другой

(*) Можетъ быть не всѣмъ извѣстенъ этотъ техническій терминъ. На «считкѣ» авторъ, или доверенное отъ него лице, читаетъ вслухъ всѣмъ актерамъ пьесу, приготовляемую къ представленію. Этимъ чтеніемъ дается смыслъ и тонъ, который авторъ желаетъ сообщить своей пьесѣ; актеры и актрисы обязаны соотножаться съ нимъ. Такъ по крайней мѣрѣ бывало прежде.

день вечеромъ, при довольно многочисленной публикѣ, я прочелъ Мизантропа, Гаврила Романъичъ былъ совершенно доволенъ. Опять разнѣвелось горячее сердце Державина, и съ слѣдующаго дня начались опять наши чтенія по-прежнему, хотя не такъ уже часто (*).

Кромѣ собственныхъ сочиненій, Державинъ охотно слушалъ чтеніе и другихъ стихотворцевъ: П. П. Дмитріева, Батюшкова, Гнѣдича и проч. Крылова я не читалъ никогда, потому что Гаврила Романъичъ былъ недоволенъ мною при чтеніи собственныхъ его басенъ, и это было совершенно справедливо. Басни навсегда остались для меня камнемъ преткновенія; я много, напряженно работать надъ чтеніемъ ихъ, но никогда не былъ доволенъ собою,

(*) Мизантропъ скоро въ данъ въ бенефисъ г-жи Валберховой. Державинъ поручилъ мнѣ взять для него бенуаръ, но, кажется, сама бенефициантка отвезла билетъ и атласную афишу знаменитому панному барду. Мизантропъ былъ разыгранъ весьма посредственно и даже не твердо. Я говорилъ объ этомъ Шаховскому на предпоследней репетиціи; онъ отвѣчалъ мнѣ, что теперь нѣтъ времени хорошеенько поставить пьесу, но что въ послѣдствіи она пойдетъ отлично. Брянскій былъ положительно нехорошъ въ роли Крутона (Альсеста), но правду сказать, я не знаю, почему влюбленный Альсестъ у Мольера называется Мизантропомъ? Скорѣе можно назвать его филантропомъ, потому что онъ, съ начала до конца пьесы, горячится, выходитъ изъ себя отъ гнѣва на людей за ихъ дурные поступки. Гдѣ же тутъ ненависть? Это скорѣе любовь. Мизантропа въ настоящемъ смыслѣ, Брянскій игралъ не дурно; то-есть, былъ холоденъ и грубъ; но характеръ Альсеста, ярко нарисованный Мольеромъ, требовалъ совсѣмъ другаго исполненія. М. П. Валберхъ, или Валберхова, играла Прелестину (Селлимену, *grande coquette*), также безъ одушевленія. Кн. Шаховской это чувствовалъ, и на репетиціи безпрестанно бормоталъ: «Марья Ивановна, *montez la scène, montez la scène*». Скажутъ, можетъ быть, что кокетка и должна быть холодна, но въ сценическомъ исполненіи, рѣчь идетъ не о холодности въ душѣ, а объ одушевленіи, объ оживленіи, такъ сказать, цѣлой роли. Притомъ есть огонь внѣшній, искусственный, безъ котораго никакая красота не увлекла бы Альсеста.—Сосницкій, не помню въ какой роли, былъ просто карикатуренъ.

потому что слыхалъ, какъ читаетъ, или лучше, рассказываетъ басни свои Крыловъ: это неподражаемая простота и естественность. Помню также, что я два раза читалъ при многихъ слушателяхъ какое-то большое дидактическое стихотвореніе А. П. Бунинной, которое принималось всеми съ большимъ одобреніемъ; но кажется, кроме гладкихъ, для того времени, стиховъ и цвѣтнстости языка, не имѣло оно другихъ достоинствъ.

Благородный и прямой характеръ Державина былъ такъ открытъ, такъ опредѣленъ, такъ извѣстенъ, что въ немъ никто не ошибался; всѣ, кто писали о немъ, — писали очень вѣрно. Можно себя представить, что въ молодости, его горячность и вспыльчивость были еще сильнѣе и что живость увлекала его часто въ опрометчивыя рѣчи и неосторожныя поступки. Сколько я могъ замѣтить, онъ не научился еще, не смогъ на семидесятигрозельтиною опытность, владѣть своими чувствами и скрывать отъ другихъ сердечное волненіе. Петерливость, какъ мнѣ кажется, была главнымъ свойствомъ его нрава, и я думаю, что она много надѣлала ему непріятныхъ хлопотъ въ житейскомъ быту и даже мѣшала вырабатывать гладкость и правильность языка въ стихахъ. Какъ скоро его оставляло вдохновеніе—онъ приходилъ въ истеривніе, и управлялся уже съ языкомъ безъ всякаго уваженія: гнулъ на колено спитакенсъ, словоудареніе и самое словоупотребленіе. Онъ показывалъ мнѣ, какъ исправилъ негладкія, шероховатыя выраженія въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ, приготовляемыхъ имъ для будущаго изданія. Положительно могу сказать, что неуправляемое было несравненно хуже несправленнаго, а неправильности замѣнялись еще бѣльшими неправильностями. Я приписываю такую неудачу въ поправкахъ—единственно истеривному нраву Державина. Я осмѣлился слегка сказать ему мое мнѣніе,

и онъ весьма благодушно согласился. Впрочемъ, такое сознание ни къ чему не вело, и я вскорѣ увидѣлъ довольно красноречивый опытъ нетерпѣнія, вспыльчивости и неумѣнья владѣть собою престарѣлаго поэта. Однажды Карамзинъ уведомилъ его запиской, что въ такой-то день, въ семь часовъ вечера, прїѣдетъ и прочтетъ отрывокъ изъ Исторіи Россійскаго государства (*). Державинъ пригласилъ многихъ знакомыхъ, болышею частью людей почтенныхъ уже по однимъ своимъ лѣтамъ; не знаю почему, меня прислалъ онъ звать, не болѣе какъ за полчаса до условленнаго начала чтенія. Я былъ дома и успѣвши явиться: интересъ мой особенно возбуждался тѣмъ, что дин за три П. М. Карамзинъ сказалъ мнѣ (**), что обѣщаль Державину прочесть что-нибудь изъ Исторіи, и прочесть такое мѣсто, которымъ онъ самъ доволенъ, но сомнѣвается, чтобъ оно понравилось другимъ. Я пошелъ у Державина: А. С. Шникова, извѣстнаго стихотворца Гр. Д. Н. Хвостова, также А. С. Хвостова, извѣстнаго ѣдкостью критическихъ замѣчаній, и въ общественныхъ бесѣдахъ, и въ рукописныхъ стихахъ, Ф. П. Львова, П. А. Кикина, П. Н. Гнедича и другихъ. Бьетъ семь часовъ—Карамзинъ идетъ; въ Державинѣ сейчасъ обнаружилось нетерпѣнье, которое возрастало крещендо съ каждой минутой. Проходитъ полчаса, и нетерпѣнье его перешло въ безпокойство и волненіе; онъ не могъ сидѣть на одномъ мѣстѣ и безпрестанно ходилъ взадъ и впередъ по своему длинному кабинету, между сидящими по обѣимъ сторонамъ гостями. Нѣсколько разъ хотѣлъ онъ послать къ Карамзину и спросить: будетъ онъ или нѣтъ; но Дарья Алексѣевна его

(* Карамзинъ жилъ тогда въ Петербургѣ, на Фонтанкѣ, въ домѣ Муравьевой.

(**) Я бывалъ у Карамзина, не какъ любитель словесности или словесникъ, а какъ его землякъ, сосѣдъ и дальній родственникъ.

удерживала. Наконецъ бьетъ восемь часовъ, и Державинъ въ досадѣ садится писать записку; я стоялъ недалеко отъ него и видѣлъ, какъ онъ перемарывалъ слова вычеркивалъ цѣлыя строки, рвалъ бумагу и начиналъ писать снова. Къ счастью, въ самое это время принесли письмо отъ Карамзина. Онъ извинялся, что его задержали, писалъ, что онъ все надѣялся какъ-нибудь прѣвхать и потому промѣшкалъ, и что просить Гаврилу Романьча назначить день и часъ для чтенія, когда ему угодно, хоть послѣ завтра. — Очень жалую, что я не списалъ этой записки или не оставилъ ее у себя. Державинъ, показавъ ее многимъ изъ гостей, отдалъ потомъ мнѣ; я прочелъ, положилъ въ карманъ и забылъ; я возвратилъ ее черезъ нѣсколько дней. Въ семи или восьми строчкахъ этой записки Карамзина дышала такая простота, такое кроткое спокойствіе, такое искреннее сожалѣніе, что онъ не могъ исполнить своего обѣщанія! казалось, не было возможности, прочтя эти строки, сохранить какое-нибудь неудовольствіе въ сердцѣ; но не то было съ Державинымъ: онъ никакъ не могъ такъ скоро совладѣть съ своей досадой, ни съ кѣмъ не говорилъ, безпрестанно ходилъ, и все гости въ нѣсколько минутъ нашлись принужденными разѣехаться. Тутъ Дарья Алексѣвна уже сама пожелала и попросила меня, чтобъ я прочелъ что-нибудь. Надобно сказать, что въ последнее время она постоянно показывала мнѣ какую-то холодность, и я не вдругъ согласился исполнить ее желаніе и предложить чтеніе; Гаврила Романьчъ также не вдругъ принялъ мое предложеніе, наконецъ сказалъ: «пожалуй, прочтите что-нибудь», и я началъ читать. Державинъ долго слушалъ безъ участія, то-есть, безъ всякихъ движеній въ рукахъ и лицѣ; но мало по малу пришелъ въ свое обыкновенное положеніе и даже развеселился. Въ этотъ разъ я присидѣлъ у него цѣлымъ часомъ долѣе

положеннаго ерока, уже не читалъ, а слушать его рассказы о прошедшемъ, невозвратно прошедшемъ.

Между тѣмъ приближалось время одного изъ засѣданій или собраний «Бесѣды русскаго слова», которая состояла изъ нѣсколькихъ отдѣленій, кажется изъ четырехъ, и каждое имѣло своего председателя. Въ одномъ отдѣленіи былъ председателемъ А. С. Хвостовъ, и я слышала отъ многихъ членовъ ропотъ противъ такого не заслуженнаго председательства; особенно обижался графъ Хвостовъ, который не имѣлъ отдѣленія, на что, какъ старѣйшій и многоплодившій писатель, имѣлъ онъ, по его убѣжденію, неотъемлемое право. Вообще находили страннымъ, что А. С. Хвостовъ, человекъ, почти ничего не напечатавшій, извѣстный только остроумно-шутливыми посланіями и эпиграммами, председательствуетъ между заслуженными литераторами. Шишковъ, уважавшій и любившій А. С. Хвостова, былъ причиною назначенія его въ председатели еще при первоначальномъ основаніи «Бесѣды». Особенно было забавно неудовольствіе членовъ Хвостовскаго отдѣленія (какъ его называли), надъ которыми другіе подтрунивали и въ числѣ которыхъ быть никому не хотѣлось. Крыловъ и Гнедичъ, для успокоенія оскорбленныхъ авторскихъ самолюбій, добровольно вызвались быть членами отдѣленія подъ председательствомъ А. С. Хвостова; ихъ примѣру послѣдовали другіе, и спокойствіе водворилось въ великомъ семействѣ жрецовъ Аполлона. Это обстоятельство случилось, впрочемъ, уже давно, и я рассказываю слышанное мною.—Предстоящее собраніе долженствовало происходить подъ председательствомъ самого Державина, и онъ послѣднее время былъ сильно тѣмъ озабоченъ. Ему хотѣлось, чтобы я прочла что-нибудь въ «Бесѣдѣ». Чтеніе писъ посторонними лицами допускалось иногда въ видѣ исключеній: такъ, на-

примѣръ, Кокошкинъ читалъ свой переводъ. Для Державина, разумеется, все согласилось, чтобы я прочелъ его піесу. Онъ назначилъ мнѣ разсказъ въ нѣсколько страницъ изъ «Аталибы» и стихотвореніе «Развалины Греціи», Аркадія Родзянки, молодого человека, дальняго родственника Державина, служившаго тогда подпоручикомъ въ Лейбъ-егерскомъ полку. Стихи Родзянки признавались написанными превосходно, сильными, гладкими, звучными. Я очень радовался, что по крайней мѣрѣ въ нихъ могу показать свое умѣнье читать. Стихи же Державина приводили меня въ ужасъ. Я выучилъ наизусть обѣ піесы и приготовился къ чтенію... Но судьба устроила иначе: въ день предварительнаго или пригласительнаго собранія «Бесѣды» и за три дня до настоящаго собранія — я скакалъ уже съ Кавелинымъ въ Москву. Гаврила Романычъ весьма огорчился, узнавъ о моемъ внезапномъ намѣреніи уѣхать; сначала не вѣрилъ, а потомъ досадовалъ, что я не хочу остаться трехъ дней, чтобы *продекламировать* его піесу, усѣихъ которой онъ основывалъ отчасти на моемъ чтеніи. Мнѣ самому это было очень больно; но особенныя обстоятельства не позволили мнѣ остаться, тѣмъ болѣе, что зимній путь разрушался (тогда о шоссе еще не было и помину). Мы съ Кавелинымъ уѣхали изъ Петербурга 18-го марта, наканунѣ славнаго дня взятія Парижа. Послѣ примѣръ-нарада, множество офицеровъ шумно проводили насъ, напутствуя добрыми желаніями и хоромъ: «Веди меня, о Провидѣнье!» (*).

Въ началѣ поля Державина уже не было на свѣтъ.

Сколько простосердечія, теплоты, живости и благодушія сохранялось еще въ этомъ семидесяти-трехлѣтнемъ

(*) Изъ оперы «Водовозъ».

старца, въ этомъ гениальномъ талантѣ! Вечеръ наканунѣ моего отъѣзда, какъ нарочно, мы провели вдвоемъ. Много добрыхъ желаній и совѣтовъ сказалъ онъ мнѣ на прощанье, искренно благодарилъ за удовольствіе, доставленное моимъ чтеніемъ; много предсказывалъ мнѣ въ будущемъ, и даже благословилъ меня на литературные стихотворные труды. Онъ ошибался во мнѣ, и потому предсказанія не исполнились и благословіе не пошло въ прокъ. Самый послѣдній совѣтъ состоялъ въ слѣдующемъ: «Не переводите, а пишите свое, что въ голову войдетъ; въ молодости переводить вредно: сейчасъ заразишься подражательностью; въ старости переводите, сколько угодно». —

Съ глубоко-растроганнымъ сердцемъ вышелъ я изъ кабинета Державина, благодаря Бога, что Онъ послалъ мнѣ такое неожиданное счастье — приблизиться къ великому поэту, узнать его такъ коротко и получить право любить его, какъ знакомаго человека! Какимъ то волшебнымъ спомъ казался мнѣ все это быстропромелькнувшее время! Державинъ знаетъ, любить меня; онъ восхищался моимъ чтеніемъ, онъ такъ много говорилъ со мною, такъ много занимался мною; онъ считаетъ, что я имѣю дарованіе, онъ говорилъ это всѣмъ, онъ сохранилъ воспоминаніе обо мнѣ.... Радостно билось мое сердце, и самолюбіе плавало въ упоеніи невыразимаго восторга.

Въ исходѣ іюля, собираясь уѣхать на десять лѣтъ изъ Москвы въ Оренбургскую губернію, я узналъ о смерти Державина. Еще живѣе почувствовалъ я цѣну моего съ нимъ, очень кратковременнаго, но полнаго, искренняго, свободнаго, кабинетнаго знакомства. И такъ, скромный путь моей жизни озарился послѣдними лучами заходящаго свѣтила, послѣдними днями великаго поэта! Тридцать пять лѣтъ (*)

(*) Статья эта написана прежде всѣхъ другихъ моихъ статей, а именно въ маѣ 1852 года. — Теперь прошло уже 39 лѣтъ, какъ не стало Державина.

прошло съ тѣхъ поръ, но воспоминаше объ этихъ свѣтлыхъ минутахъ моей молодости, постоянно, даже и теперь, разливаетъ какое-то отрадное, успокоительное, необъяснимое словами чувство, на все духовное существо мое. И чему я обязанъ за все это?—единственно моему чтенію. Да будетъ же благословенно искусство, которое звуками даже чужихъ словъ, проникнутыхъ собственнымъ чувствомъ человека, можетъ такъ могуче переливать ихъ въ сердце другаго!

Вскорѣ прочелъ я въ «Благонамбреномъ» большое стихотвореніе того самаго господина Родзянки, котораго піесу назначено мнѣ было читать въ «Бесѣдѣ»; оно называлось: «Державинъ». Это были пламенные, замѣчательные стихи, особенно потому, что въ составъ ихъ слышались иногда смѣлые, размахистые приѣмы, а въ выраженіяхъ недостатки и даже красоты, бѣльшею частью внѣшнія, по истинѣ Державинскія. Вотъ одна строфа этого стихотворенія:

Прочь ходъ плачевный похоронъ,
 Въ прахъ смерти мрачны одѣяня,
 Плачь, слезы—слейтесь въ восклицанья,
 Въ гласъ трубный—погребальный звонъ!
 Разсыпся лавромъ сѣнникъ скорбный,
 Всталъ жертвеникомъ мраморъ гробный.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

П Р И Л О Ж Е Н І Я .

**Оглавленіе четырехъ номеровъ журнала:
«Архадевіе пастушки», 1804 года.**

Мѣсяцъ мартъ:

«Осень» (стихи Ириса). «Нынешняя дружба» (стихи Ириса). «Швейцарія въ К.» (проза Дафинса). «Стихи къ Н... съ французскаго (Дафинса). «Письмо къ другу» (стихи Амшита). «Къ кокеткамъ» (стихи Ириса). «Лиса и курятникъ», басня въ стихахъ (Ириса). «Черта изъ жизни Генриха IV-го» съ французскаго (проза Перенса).

Мѣсяцъ май:

«Тоска по родныхъ» (стихи Ириса). «Чувствованіе на послѣдній день 1804 года» (проза *). «Моя слава — слава Россовъ» (стихи Ириса). «Сонета изъ Петрарка» (проза. . . .) «Похвала женщинамъ» (стихи Ириса). «Черта изъ жизни Генриха IV-го» (проза, съ французскаго, Перенса). «Прощаніе» (проза Дафинса).

Мѣсяцъ іюнь:

Ода Государю Императору Александру Павловичу, по случаю извѣстія объ основаніи университета въ К — п

(Ириса). «Новый годъ» (проза Меналка). «Гласъ надежды (стихи неизвѣстнаго). «Прогулка» (проза Амрита) «Житель береговъ Беотійскихъ» (проза Дамона).

Мѣсяцъ августъ:

Ода «Раздоръ» (стихи Беліандра). «Деревенскія удовольствія» (проза Палемона). «Мое щастье» (стихи Палемона). «Осень» (стихи Палемона). «Путешествіе въ Болгары» (проза Дафинса). «Святки» (стихи Палемона).

Такого же рода піесы составляли содержаніе и другихъ нумеровъ; вотъ нѣкоторые отрывки стиховъ и прозы:

Изъ оды Императору Александру:

Возри монархъ Ты на блаженство
Россіи и сыновъ Твоихъ;
Во всемъ Ты узришь совершенство,
Но мало, мало словъ моихъ,
Чтобы всю истину представить
И такъ какъ должно бы прославить
Творца блаженства, щастья ихъ.
Ты намъ въ Себѣ его являешь
И радость въ сердце ощущаешь
Въ награду добрыхъ дѣлъ Своихъ.

★

Ночь мирною Твоей державой
Цвѣтетъ обиліе вездѣ;
Ужъ грады большей блещутъ славой,
Ужъ недостатковъ нѣтъ нигдѣ.
Ты спяль невѣжества оковы,
Ты храмы музамъ зиждешь новы
И покровительствуешь имъ.

Ирисъ (Иванъ П—въ).

О с е н ь.

Минуло красное лѣто,
 Мрачная осень,
 Крылья расширя, несется
 Съ юга на сѣверъ.
 Бурно ея дуновеніе
 Все претряхаетъ;
 Въ нашихъ странахъ пожелтѣли
 Листья зелены;
 Травки, цветочки поблѣкли,
 Скрылися птички,
 Лишь облака темносны
 Носятся бурей.
 Скоро природа надънетъ
 Бѣлую ризу;
 Все успокоится, снова
 Чтобъ обновиться весною,
 Лишь человекъ невозвратно
 Вянетъ на вѣки...
 Цѣть, мы умремъ, но въ надеждѣ
 Лучшія жизни.

Палемонъ (Петръ Алекинъ).

Швейцарія въ К.

Въ концѣ минуваго лѣта, вставши гораздо ранѣе
 обыкновеннаго, я пошелъ ходить по окрестностямъ К.,
 имѣя съ собою незабвеннаго Карамзина, и—въ задумчи-
 вости зашелъ въ мѣста совсѣмъ мнѣ неизвѣстныя,—оста-
 навливаюсь и... удивляюсь пріятному мѣстоположенію.....
 потомъ сажусь отъ усталости на мураву, — внимаю изъ
 кармана письма русскаго путешественника, — раскрываю
 и... начинаю читать... въ мысляхъ своихъ странствую съ
 нимъ по горамъ Швейцаріи, останавливаюсь у пастуховъ
 для подкрѣпленія себя нищею, они подають мнѣ молоко,
 сыръ, плоды... Постояй блуждающее воображеніе! Ты

завело сѣвернаго жителя слишкомъ далеко въ счастливыя страны Гельвеціи! Ахъ! я въ К—ни... пріятная мечта ты исчезаешь, ты увлекаешь за собою тѣ прелестныя, не подражаемые ландшафты величественной природы, коими ты не давно питала мою душу!...

Тутъ я перестаю читать, сравниваю описаніе Швейцаріи съ сими мѣстами и... кажется нахожу нѣкоторое сходство; кажется вижу тотъ *чертовъ мостъ*, тѣ стремнины, гдѣ безсмертный по своимъ побѣдамъ Россійскій Геркулесъ, переходилъ съ войскомъ, пылающимъ усердіемъ и ревностью къ своему отечеству, подвергающимъ себя охотно опасностямъ и бѣдствіямъ въ чужой землѣ, на неприступныхъ горахъ, окруженныхъ отовсюду пропастями;—но Россы не страшились, съ ними былъ мужественный, отважный Константинъ! Съ ними былъ непобѣдимый Суворовъ!

Дальше встаю, осматриваю прочія мѣста, и мнѣ представляется, что я стою на землѣ принадлежащей отечеству храбраго патріота, Вильгельма Теля!... долго я ходилъ тутъ, восхищаясь часъ отъ часу различными видами... но наконецъ величественный царь міровъ свершилъ полдневное свое теченіе... Стало жарко! и... я рѣшился возвратиться домой обѣдать. Положивши въ карманъ милаго моего спутника (*), спѣшилъ по узенькой тропицкѣ, которая пролегла между двухъ глубокихъ пропастей и дивился самъ себѣ, какъ могъ я, будучи занятъ другими предметами, пройти по ней такъ счастливо!.. По дорогѣ мнѣ попадались разныя березки, расположенныя самою природою въ пріятномъ, пльняющемъ видѣ, а нынѣ шли

(*) Сочинитель называетъ милымъ своимъ спутникомъ книгу, которая съ нимъ тогда находилась.

аллеей и составляли прекрасную перспективу. Я при-
метилъ, что на нѣкоторыхъ изъ нихъ были надписи...
вѣрно какой-нибудь чувствительный меланхоликъ, посвя-
щая сѣю несравненную окрестность К—и, написалъ ихъ!..

При окончаніи сей прогулки, принесшей столько для
меня удовольствія, я рассказалъ друзьямъ моимъ, они,
вмѣстѣ со мною, хвалили мѣста сѣи, и съ общаго со-
гласія мы назвали ихъ: «Швейцарією въ К—и».

НЕРЕИСЪ (НИКОЛАЙ П—ВЪ).

Вотъ какимъ образомъ родилось названіе Швейцаріи въ
окрестностяхъ К—и. Отыскавъ это гористое и живопис-
ное мѣстоположеніе позади урочища *Поцека*, на которомъ
стоялъ архіерейскій домъ, Александръ П—въ мнѣ пер-
вому сообщилъ объ этомъ открытіи. Наши рассказы при-
влекли другихъ, и гимназисты окрестили это мѣсто име-
немъ «К—ой Швейцаріи». Теперь оно сдѣлалось любимымъ
мѣстомъ гулянья для всего города. Тамъ построены до-
мики, бесѣдки, и кажется есть даже кондитерская; самое
мѣсто раздѣлилось на два гулянья: одна половина назы-
вается нѣмецкою, а другая русскою Швейцарією.—Вотъ
еще отрывокъ изъ «Путешествія въ Болгары».

Путешествіе въ Болгары.

Жить такъ не далеко отъ Болгаръ, отъ такого досто-
памятнаго въ Россіи мѣста, жить и не побывать тамъ,
было бы непрослительно. Я очень любопытенъ, особенно
на вещи такого рода, которыя съ удовольствіемъ осматри-
ваю. Оставалось перѣхать Волгу, побѣдить пятнадцать
верстъ и потомъ совершенно удовлетворить своему жела-
нію. Я не утерпѣлъ, вельвъ осѣдлать лошадей, простился

и, переплывши бурливую стѣхю, поскакали по широкой дорогѣ Болгарской—березовыя рощицы поминутно мелькали въ глазахъ моихъ. Иныя подавались назадъ, а другія стремились впередъ, и казалось старались догнать меня—пространные луга, усѣянные разными цвѣточками, то показывались, то скрывались за мрачною густотою лѣса. Однимъ словомъ предметы то и дѣло перемѣнялись въ виду моемъ, такъ что, не успѣвая бросить взгляда на одну сторону, принужденъ былъ тотчасъ обратить взоры на другую; но наконецъ я достигъ цѣли своего желанія—увидѣлъ Болгары — увидѣлъ издали тѣ величественныя готическія строенія, коимъ удивлялся всякій проезжающій. Увидѣлъ — и давъ шпоры моему лошади, въ одну минуту былъ уже подлѣ одного изъ минаретовъ. Я взглянулъ на верхъ онаго, и изумленнымъ взорамъ моимъ представился тотъ желѣзный обручъ, который былъ надѣтъ на него по повелѣнію мудраго Монарха нашего, великаго Петра. Сей знаменитый любитель древности хотѣлъ сохранить для поздняго потомства сію достопамятную древность. Долго я смотрѣлъ на этотъ памятникъ и любовиство мое часъ отъ часу возрастало. Я желалъ быть на самой вершинѣ сего столба,—желалъ видѣть Волгу, ея окрестности. Однимъ словомъ желалъ быть тамъ, куда рѣдкіе, очень рѣдкіе отваживались входить.— Я зналъ, что многіе съ половины своего пути въ страхъ возвращались назадъ. Я зналъ сіе и все еще хотѣлъ удовлетворить своему намѣренію; — видѣлъ, что столбъ уже покосился отъ времени,—видѣлъ и, сошедши съ лошади, направилъ шаги мои туда, куда влекло меня мое стремленіе. Нѣсколько разъ принимался я входить на изломанную каменную лѣстницу; но какой-то необычайный трепетъ въ сердцѣ моемъ останавливалъ мое шествіе! Наконецъ я рѣшился, и по развалившимся ступенямъ пустился вверхъ,

сопротивляясь всемъ препятствіямъ, встречающимся мнѣ въ семъ трудномъ пути. Иногда мнѣ подлежало карабкаться перпендикулярно по высунувшимся камнямъ, а иногда обступаться и взбираться по отпадшимъ глыбамъ. Однакоже я успѣлъ преодолѣть все опасности и—очутился на верхней площадкѣ минарета!... Ахъ! какое зрѣлище представилось глазамъ моимъ! Съ одной стороны протекала вдали великолѣпная Волга, на хребтѣ косой въ разныхъ мѣстахъ показывались суда съ распущенными парусами. Правый берегъ рѣки сей ограничивался цѣлью утесистыхъ горъ, на отлогости коихъ, въ пріятной долинкѣ, видны были *Тетюши*, съ своею желтою церковью. Съ другой же пролегали обширныя поля, на которыхъ въ пріятномъ видѣ перемежаны были ореховыя кусточки и мрачныя руины. Ахъ! сей восхитительный ландшафтъ конечно стоилъ въ сію минуту не подражаемой кисти безсмертнаго Сальвата-розы; и сколько бы могъ онъ собрать здѣсь прелестныхъ идей для своихъ пейзажей, достойныхъ удивленія и восторговъ. Такимъ образомъ, предаваясь различнымъ удовольствіямъ, которыя чувствовалъ, взирая на величественныя красоты природы, я съѣлъ отдохнуть: солнце начинало склоняться къ западу и жаръ его не былъ уже тотъ жаръ знойнаго полудня, который опаляетъ молодыя растенія, который принуждаетъ пѣж-ныхъ овечекъ утолять свою жажду въ прозрачныхъ источникахъ, который повелеваетъ безнечнымъ, скромнымъ пастухамъ нескать убежища подъ сѣнью мирнаго крова шалашей своихъ; лучи его, играя въ серебряныхъ струяхъ тихаго источника, казались готовы были въ нихъ исчезнуть, и яркимъ своимъ блескомъ показывали приближеніе сумраковъ. Мнѣ хотѣлось еще побывать и у другихъ остатковъ царства Болгарскаго. Я всталъ съ своего мѣста, спустился въ низъ и пошелъ далѣе по зелено-бархатному лугу,

встрѣчая множество различныхъ цвѣточковъ, которые пріятнымъ своимъ видомъ такъ меня заняли, что я не чувствовалъ какимъ образомъ приблизился къ такому же точно столбу, какой незадолго предъ симъ видѣлъ: но жалко, что верхъ его уже обрушился. Впрочемъ онъ почти ни чѣмъ не разниль отъ прежняго и лѣстница его въ такомъ же направленіи шла къ верху. По достовѣрнымъ преданіямъ народа и по некоторымъ довольно справедливымъ догадкамъ другихъ, можно сказать утвердительно, что они служили некогда Музульманамъ тѣми возвышенными мѣстами, съ коихъ предвозвѣстники молитвы созывали ихъ въ мечеть!... Въ мрачномъ, меланхолическомъ молчаніи удивлялся я чудеснымъ, древнимъ зданіямъ. Я взиралъ на окружающіе печальныя представшіе глазамъ моимъ предметы!... Слѣды яростнаго, неумолимаго времени! Что можетъ устоять противъ острой, все погубляющей косы его! Что можетъ притупить острое лезвіе сего ужаснаго орудія!... Вздохи тѣснили грудь мою — слезы сожалѣнія навертывались на глазахъ моихъ... Нѣкогда и я долженъ буду покориться сему не измѣнному закону природы и составъ бреинаго моего тѣла, также долженъ будетъ такъ разрушиться. Черныя тучи начинали покрывать горизонтъ и вѣтеръ часъ отъ часу усиливался... а я все еще, стоя на одномъ мѣстѣ, предавался въ безмолвіи моей задумчивости.

(Продолженіе впредъ)

Адонисъ (Александръ П—въ).

Если немножко поправить эти строки, списанныя съ дипломатическою точностью, то они ничѣмъ не будутъ хуже прозы Владиміра Измайлова и князя Шаликова, людей, которые въ свое время имѣли свою славу.

О с е н ь .

Уже не раздаются
Пернатых голоса,
Ихъ гнѣздышки не вьются,
Не падаетъ роса,

★

Котора оживляла
Предъ симъ поля и лѣсъ,
И свѣжесть разливала
Подъ чистый сводъ небесъ.

★

Ужъ нѣту и листочковъ
Совсѣмъ на деревьяхъ,
И миленькихъ цветочковъ
Не видно на поляхъ.

★

Лишь эхо раздается
Въ ущелинахъ горы,
Какъ быстрый токъ несется
Ручья, черезъ бугры;

★

Какъ сильный дождикъ съ шумомъ
Творить изъ свѣта мракъ;
Или градъ крупный съ громомъ
Наводитъ нѣкій страхъ.

★

Какъ сильный вѣтеръ мчится
Вертя засохшій листь,—
Иль въ воздухъ струится
Осенней птицѣ свистъ.

Земля оледенѣла,
Свирель совсѣмъ глуха
И крыша посядѣла
Избушки пастуха

★

Лишь дымъ изъ трубъ курится,
На гумнахъ слышенъ цѣпъ—
Крестянинъ всякой тѣшитъ
Въ амбарѣ убрать свой хлѣбъ.

★

Ахъ скоро ль обновится
Природа снова вся
И радость водворится
Опять съ весной въ меня!...

★

Но должно все съ терпѣньемъ
Всегда переносить,
Чтобъ съ большимъ утѣшеньемъ
Веселіе вкусить!...

Ирисъ (Иванъ П—въ).

Иванъ П—въ славился у насъ впоследствии одами, изъ коихъ нѣкоторыя, по тогдашнему времени, были очень не дурны; но къ сожалѣнію ихъ у меня нѣтъ. Его піесу «Осень» я помѣстилъ для того, чтобъ показать какъ неудачно писалъ онъ стихи въ другомъ родѣ, о чемъ у насъ были большіе толки, и въ чемъ нашъ лирикъ никогда не хотѣлъ сознаться.

Оглавленіе трехъ нумеровъ «Журнала нашихъ занятій» 1806 года.

Эпиграфъ.

«Многіе пишутъ для славы, мы пишемъ для
удовольствія; пріятная улыбка на устахъ
нашихъ товарищей и друзей есть для насъ
драгоценный вѣнокъ награды»

А.....ъ.

Мѣсяцъ июль.

«Война» ода Н. П. «Лаузіи и Лидія». «О поединкахъ» изъ
Журнала «des dames et des modes».

Мѣсяцъ ноябрь.

«Ода» (писанная на случай публичнаго испытанія студентовъ
въ К—мъ университетѣ) Н. П. «Дмитрій при рѣкѣ Донѣ»
проза Омина. «Сцены изъ жизни Брутовой» (окончаніе)
А. П. «Смерть» проза Омина.

Мѣсяцъ декабрь.

«Къ ручью» стихи Н. П. «Загадка» стихи Н. П. «О рас-
пространеніи и пользѣ Русской литературы» проза А.
П. «Эпиграмма» П. А. «Дружба, уединеніе и любовь» (не
конченная, а потому неизвѣстно чья).

Вотъ и нѣкоторые отрывки:

Двѣ первыя строфы оды «Война».

Почто война людей терзаетъ,
 Почто лѣтся смертныхъ кровь,
 Что адскій вымысль сей питаетъ,
 Гдѣ жъ къ ближнимъ кроется любовь?
 Скажи, скажи ты мнѣ Беллона
 Приятна ль купленна коропа,
 Злодѣйствомъ, гибелью людей?—
 Гдѣ жалость, гдѣ тогда бываетъ,
 Когда братъ брата забываетъ
 Для славы варварской своей??.—

*

Гдѣ святость, вѣра и законы?
 Гдѣ ты къ Отечеству любовь?
 Я внемлю только вопль и стоны
 Тобой война сраженныхъ вновь!
 Тамъ руки мочныя съ мечамн
 Главы съ отверстыми очамн
 Въ крови отрублены плывутъ;
 Ногой ихъ дерзкій попираетъ,
 Ударить громъ!—Онъ упадетъ—
 И вмѣстѣ съ ними гибнетъ тутъ.

Такого рода стихами долго писали въ Россіи, и долго получали похвалы за нихъ наши лирическіе поэты: чтожъ мудренаго, что за пятьдесятъ лѣтъ сочинитель ихъ считалъ себя истиннымъ талантомъ, а его товарищи, семнадцатилѣтняя молодежь, видѣли въ немъ будущаго Ломоносова или Державина.

Дмитрій при рѣкѣ Донѣ.

«Когда Россія стенала подъ игомъ татарскимъ и когда никто изъ князей Русскихъ не могъ управлять своимъ народомъ безъ грамоты гордыхъ хановъ, тогда Дмитрій осмѣлился пренебречь сіе поносное для Россіи обыкновеніе и взошелъ на престоль безъ воли царя татарскаго.

Честолюбивый Мамай воспыалъ гнѣвомъ за сію непокорность и ворвался въ предѣлы россійскіе: смерть повсюду распростерла зевъ свой; зазвучали цѣпи на старцахъ и вопль обезчещенныхъ дѣвъ донесся до первопрестольнаго града Москвы.

Димитрій возстеналъ, услышавъ бѣдствія своихъ подданныхъ. Онъ повелеваетъ собраться народу передъ дворцемъ своимъ: «Народъ! Тебѣ известны опустошенія, варварства, распространяемыя Мамаемъ. Воспрями отъ сна бездѣйственнаго, и призвавъ въ помощь Бога и мужество отцовъ нашихъ, изощри мечи свои на погибель враговъ отечества». Такъ вѣщалъ Димитрій — и по стѣнамъ Московскимъ раздавалась побѣда или смерть; и на лицахъ гражданъ видны были мужество и радость умереть, спасая отечество;—все брали оружіе. Пересвѣтъ, горя нетерпѣніемъ оказать новыя услуги Димитрію, въ одеждѣ монашеской и съ копьемъ въ рукѣ, явился къ его легионамъ.

На разсвѣтъ прекраснѣйшаго дня архіепископъ Троицкій именемъ Всевышняго благословилъ воинство и оно подѣ повелѣніями храбрыхъ вождей, при звукѣ трубъ двинулось къ странамъ, орошаемымъ Дономъ. Шумъ оружія, величественное молчаніе воиновъ составляли противоположность распространяющую ужасъ по мѣстамъ окружаемымъ.

Солнце оканчивало уже свое дневное теченіе, какъ заблѣлись шатры татарскіе, лучи его умирали на позлащенномъ шпигѣ ставки Мамаевой. Едва Димитрій установилъ свое воинство, роздалъ повелѣнія, какъ вестникъ хановъ предсталъ предъ нимъ съ следующими словами: «Князь Россійскій! Повелитель мой не желаетъ всеобщаго кровопролитія; но отдаетъ рѣшеніе судьбы на единоборство двухъ воиновъ»....

Димитрій согласился, дать знак, и со стороны Русской, Пересвѣтъ, вооруженный однимъ копьемъ, явился предъ своими противниками. Какъ разъяренные львы сошлись они, сразились — и оба пали мертвы. Тутъ замерцало оружіе и рѣки крови смѣшались съ Дономъ. Два раза Димитрій собиралъ разсыпанное воинство; наконецъ съ отчаяніемъ и любовію къ отечеству ударилъ на враговъ своихъ и мужество истребило варваровъ многочисленныхъ.

Съ честью возвратился побѣдитель въ свою столицу; вѣнки лавровые сыпались на главы избавителей отечества; радость была всеобщая; дѣти обнимали отцевъ своихъ, матери сыновей и супруги своихъ супруговъ!

При звукѣ колоколовъ и при благословіяхъ соотчичей погребено было тѣло храбраго Пересвѣта. — Да почитигъ память его потомство!...

М. Томинъ.

Эта, ничего особеннаго въ себѣ не содержащая, статейка Томина, студента впрочемъ очень остроумнаго и дѣльнаго, не знаю почему пользовалась у насъ общимъ одобреніемъ. Сравнивая ее съ другими прозаическими статьями, я рѣшительно не могу отдать ей значительнаго преимущества; и такъ надобно приписать ей успѣхъ *частію*, которое до сихъ поръ не рѣдко сопровождаетъ появленіе и книгъ и статей. Разумѣется подъ словомъ: счастье, должно понимать степеніе благоприятныхъ обстоятельствъ и причинъ, незамѣтныхъ для человека.

Выписка изъ статьи: «О распространѣніи и пользѣ русской литературы».

«Наконецъ явился незабвенный Карамзинъ, преобразователь русской прозы, которая до него находилась у насъ въ самомъ жалкомъ положеніи; уродливыя выраженія, скучные и продолжительные періоды, принужденный смыслъ, все такъ сказать утомляло тогда читателей нашихъ, но онъ явился и чистота слога одушевила сочиненія наши и тьма подражателей старались наперерывъ превосходить другъ друга въ подражаніи и множество молодыхъ людей захотѣли заниматься отечественною литературою. Отсюда-то, можно смѣло сказать, слѣдуетъ эпоха усовершенствованія нашей словесности,—отсюда-то вкусъ къ любословію началъ у насъ приходить въ лучшее состояніе—и изданіе журналовъ было самое полезнѣйшее намъ—и достиженіе онаго; извѣстнѣйшіе изъ нихъ были тогда: *«Чтеніе для вкуса разума и чувствованій»*, *«Московской журналъ»*, *«Пріятное и полезное препровожденіе времени»*, *«Инокрета или утѣхи любословія»*, а послѣ и *«Вѣстникъ Европы»*, который и понынѣ продолжаетъ издавать г. Качановскій; если не съ такимъ успѣхомъ какъ г. Карамзинъ, то по крайней мѣрѣ, сей послѣдній журналъ будетъ всегда въ моихъ глазахъ превосходить всѣхъ *«Сверныхъ Вѣстниковъ»*, *«Новостей литературы»*, *«Лицеевъ»* и пр... Покойный Новиковъ, имѣющій все права на нашу признательность и котораго память должна быть столько для насъ священна, для пользы просвѣщенія своихъ соотечественниковъ отпуская даромъ при газетахъ *«Листочки ежемѣсячныхъ и еженедѣльныхъ изданій»*, выходившихъ при немъ въ свѣтъ. Разумется, что всякій, получающій

или не получающій Вѣдомости, любопытствовали знать, что въ нихъ находится, отъ любопытства непримѣтно родилась охота къ чтенію, а отъ чтенія напоследокъ и собственное упражненіе. Молодые люди отваживались уже выпускать въ журналы свои мелочныя произведенія; узнавая же, что публика принимаетъ ихъ съ удовольствіемъ и одобреніемъ, продолжали дѣлать дальнѣйшіе успѣхи въ словесности и, шествуя мало по малу по трудному и терніемъ усыянному пути, достигали наконецъ авторскаго достоинства.

Но намъ извѣстно, что человекъ желающій быть, въ семъ классѣ людей *непоследнимъ* непременно долженъ знать порядочно хотя одинъ иностранный языкъ; ибо сравнивая оный съ своимъ, онъ наблюдаетъ, такъ сказать лучшія принадлежности каждаго, и потому, если грубое и непріятное выраженіе русское ему не нравится въ его твореніи, то онъ, примѣняя его къ чужеземному, дѣлаетъ другой оборотъ и тѣмъ самымъ даетъ ему новую силу—новую жизненность. Я умалчиваю уже, что и чтеніе хорошихъ иностранныхъ книгъ также бы не бесполезно было—хотя это старо и изтерто; но за то истинно. Тутъ разумѣется знаніе историческихъ происшествій, характеръ слога и проч.

А посему, если большая часть нашихъ читателей будутъ такимъ образомъ трудиться, то въ самомъ дѣлѣ слогъ нашъ въ короткое время можетъ дойти до высочайшей степени совершенства (если еще не дошелъ). — Да и кто можетъ сравнить древнюю литературу съ теперешней. Книгу, написанную нынѣ, въ состояніи бываетъ понимать всякой молодой воспитанникъ, если ему будетъ извѣстенъ хотя мало, предметъ оной. Возьмите же какого-нибудь Тредьяковскаго, я думаю и въ совершенномъ возрастѣ человекъ, человекъ съ познаніями, перѣдко бываетъ при-

нуждень прочитать у него нѣсколько разъ одинъ періодъ, чтобы сыскать настоящій смыслъ онаго. Напротивъ, читая слово Екатерины II-й г. Карамзина, кто мысленно не переносился въ прежній Римъ? Кто не думалъ, что онъ внимаешь великому Цицерону? Да и кто можетъ меня увѣрить, что сей послѣдній превосходилъ въ піитическомъ краснорѣчїи перваго.... Довольно прочитать только одинъ его приступъ, чтобы отдать совершенно должную справедливость неподражаемому перу Сѣвернаго оратора.—Въ его громкихъ періодахъ плавность слога подобна величественному теченію спокойной, обширной рѣки, а трогательная гармонія словъ очаровываетъ, восхищаетъ чувства наши и воображеніе!

Вотъ каково дѣйствіе быстрыхъ успѣховъ словесности!— И вотъ какую пользу приносятъ намъ упражненіе въ оной!»

А П

Я помню, что въ этой дѣтски-молодой статьѣ было несравненно больше преувеличенныхъ, безусловныхъ похвалъ Карамзину и что только изъ уваженія къ моимъ настоящимъ требованіямъ, П—въ согласился кое-что убавить. Что же касается до мысли и выраженій, то развѣ издатель «Московского Меркурія» (г-нъ Макаровъ), да и другіе поклонники и послѣдователи Карамзина, не такими же мыслями и выраженіями опровергали грубыя, иногда натянутыя, но всего чаще справедливыя осужденія Шишкова?

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
Къ читателямъ	1
Семейная хроника: Степанъ Михайловичъ Багровъ.	3
Михайла Максимовичъ Куролесовъ.	47
Женитьба молодого Багорова.	98
Воспоминанія: Гимназія, періодъ первый.	165
Годъ въ деревнѣ. . . ,	255
Гимназія, періодъ второй.	265
Университетъ.	327
Яковъ Емельянычъ Шушеринъ.	375
Воспоминаніе объ Александрѣ Семеновичѣ Шишковѣ. . . .	455
Знакомство съ Державнымъ.	517
Приложенія.	547

О П Е Ч А Т К И.

Стр.	Строк.	<i>Напечатано.</i>	<i>Читай.</i>
16	5	сверху узналъ	узнавъ
21	12	снизу затолкала	затолкла
84	16	свер. забылъ	забывалъ
85	6	спиз. коесь къмъ	кое-съ-къмъ
105	9	свер. усиленнымъ	усильнымъ
106	12	спиз. неудобожелательностью	недоброжелательствомъ
133	9	спиз. почтенное	почетное
145	15	свер. разговоры ткровеннѣе	разговоры откровеннѣе
194	14	спиз. <i>прилежонія</i>	прилежанія
219	1	— несчастной	несчастной
309	7	свер. опасасъ	онасаясь
310	4	— откровеннымъ	откровеннымъ
312	7	— своєю	подъ своєю
320	3	спиз. истудентовъ.	студентовъ
333	1	свер. отрыла	открыла
335	3	— момню	помню
339	4	спиз. потвердили	подтвердили
342	7	— домъ	домъ
363	1	свер. фамилію	фамилін
371	15	— губернатка	губернантка
378	12	спиз. акрисы	актрисы
391	6	свер. впоследствии	впослѣдствіи
418	1	— ере писывалъ	перевисывалъ
439	5	спиз. замѣчанными	замѣченными
487	13	свер. галерею	галлерейо
545	7	спиз. Аннолона	Аполлона

№ 28
3-50

DK Aksakov, Sergei Timofeevich
37 Semeinaia khronika
.8
A3A27
1856

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

